

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ВР
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

Группа по изучению истории исторической науки Института истории АН СССР публикует в настоящем сборнике ряд статей, освещающих разнообразные вопросы историографии. История исторической науки — молодая отрасль исторического знания — все более привлекает к себе в настоящее время внимание историков-исследователей. Предполагается в дальнейшем по мере накопления материала продолжать публикацию этих сборников, включающих в себя не только работы историков Москвы и Ленинграда, но и других научно-исследовательских центров страны.

Редакционная коллегия:

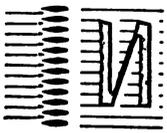
академик М. В. НЕЧКИНА (ответственный редактор),
М. А. АЛПАТОВ, В. В. АЛЬТМАН, Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГО-
РОДЕЦКИЙ, В. А. ДУНАЕВСКИЙ, член-корр. АН СССР
М. П. КИМ, Б. Ф. ПОРШНЕВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН

ВВЕДЕНИЕ

История истории

(Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)

1

Историкография — история исторической науки — сравнительно молодая отрасль исторического знания. Ее возникновение во второй половине минувшего века было встречено всеобщим вниманием, не раздалось ни одного голоса, который оспорил бы ее право на научное существование. Напротив, интерес к ней неизменно возрастал. Чем глубже становился кризис буржуазного исторического знания и чем сильнее укреплялось материалистическое понимание истории, основанное на марксистско-ленинской методологии, тем чаще обращались историки к новой отрасли. Терявшая почву под ногами буржуазная наука антимарксистского лагеря стремилась проследить этапы собственного развития, чтобы понять причины горестного кризисного состояния. Каким образом пришла она к краху прежних концепций, казавшихся столь прочными? В чем причина нестойкости новых схем? Откуда взялось это явное и мучительное несоответствие сегодняшней действительности и попыток ее исторического объяснения? Поиски ответа требовали историографических изысканий. Отсюда интерес к историографии в буржуазном лагере. Историков-марксистов заботило другое: уяснение этапов развития материалистического знания, взаимозависимость укрепления марксистской концепции и усиления кризиса дворянско-буржуазной науки, проблема наследства, задачи очередного развития. Осветить эти вопросы было невозможно без истории исторической науки. Грубая фальсификация историографии со стороны антимарксистского лагеря также требовала внимания историографов-марксистов.

Особенно важным является изучение истории советской исторической науки. Тут меньше сделано. Историки советской исторической науки идут по исследовательской «целине». Лишь за последнее время усилилось внимание к этому разделу историографии. Изучение истории исторической науки и особенно истории советской исторической науки необходимо прежде всего для развития самой исторической науки. Она прошла долгий и сложный

путь борьбы за единственно научную марксистско-ленинскую концепцию — путь, насыщенный значительными событиями и богатыми плодотворными результатами. Изучить этапы этой борьбы, продумать итоги сделанного и предстоящие задачи — обязательно для творчески работающего историка. Без этой работы мы не сможем во всей полноте исследовать и историю культуры советского общества. Ведь развитие гуманитарных наук в годы Советской власти — а на первом месте среди этих наук по праву стоит наука истории — невозможно без изучения истории исторической науки.

Изучение советской историографии жизненно необходимо и для борьбы за марксистско-ленинскую науку. Немало небывлиц измышлено о ней за рубежом врагами марксизма, которые чаще всего вообще отрицают существование советской исторической науки или идут по пути искажения и всяческого принижения ее результатов.

2

Конечно, наш первый историографический сборник не может взять на себя выполнение всех научных задач, стоящих перед историей исторической науки. Он может ответить лишь на некоторые из вопросов. Однако целесообразно поставить ряд более широких очередных задач, чтобы привлечь к ним внимание исследователей и тем содействовать координации их усилий.

В числе этих задач существенное место занимают методологические вопросы нашей молодой дисциплины. Без их теоретической разработки историография может остаться чисто описательной «фактографической» отраслью, волей-неволей дублирующей историческую библиографию и только излагающей более подробно содержание исторических работ. «Библиографизм», описательность, простая «фактографическая» регистрация вышедшей исторической литературы — вообще «детская болезнь» истории исторической науки.

Никак нельзя, разумеется, смешивать историографию с исторической библиографией. Об этом не стоило бы и говорить как о само собой разумеющемся, если бы не реальная опасность этого смешения: встречаются, и не так редко, историографические работы, практически являющиеся простым хронологическим перечнем вышедших трудов, сопровождаемым аннотациями¹. Не умаляя большого подсобного значения исторической библиографии для исследовательской работы, надо решительно отмежевать ее от историографии: она лишь регистрирует и классифицирует историческую литературу — важный источник для

¹ В прежней историографической литературе особенно близок был к смешению этих отраслей В. С. Иконников. Я имею в виду его работу «Опыт русской историографии» (Киев, 1891).

историографического исследования — и только. Целей исследования самой истории науки она не ставит. Существует мнение, разделяемое, правда, немногими историками, что историография — это одно (история исторической мысли), а история исторической науки — другое (история науки в целом). Это разграничение кажется нам искусственным, ибо историю науки, конечно, никак нельзя отделить от истории мысли, которая одухотворяет и обобщает науку. Без нее наука превратится в грудку фактов, а история науки — в простую библиографию предмета. Разрешение этого вопроса существенно для определения предмета нашей науки; каждый, ею занимающийся, должен занять тут определенную позицию.

Вопрос о предмете историографии долго еще будет привлекать внимание историков. Здесь широкое поле работы. История нашей науки, как и всякая история, является процессом закономерного развития. Она принадлежит к широкой области идеологии и изучается на основе марксистско-ленинской методологии, в свете тех законов исторического развития, которые открыты марксизмом.

В историю исторической науки входит прежде всего историография ее собственной истории. Мы начинаем ее с древнейших времен — с русских летописцев, ведем ее далее через последующие века, в том числе особо богатый, в известном смысле «переломный» XVIII в. с именами таких историков, как В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов; XIX в. раскрывает перед нами интенсивнейшую историческую работу разных направлений от Карамзина и декабристов, от Н. Г. Чернышевского и революционных демократов в их борьбе с официальной историко-юридической школой русской историографии до первых ленинских исторических работ. Кризис дворянско-буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в. тесно связан с революцией 1905—1907 гг. и с революционной ситуацией кануна Великого Октября.

К середине 90-х годов XIX в. мы относим самое начало ленинского периода русской историографии, датируя его появлением первых работ В. И. Ленина. Изучение истории советской исторической науки является, как уже указывалось, одной из наиболее неотложных и трудных историографических задач.

В историю исторической науки входит и изучение нашими историками вопросов всемирно-исторического процесса. Соответственно, в историю советской исторической науки входит, разумеется, изучение всемирной истории — древнего мира, средних веков, новой и новейшей истории, а также историографии всемирной истории. Сюда включается, конечно, и работа советских историков над историей отдельных стран мира. Без этого важного элемента невозможно понимание предмета нашей науки.

Вклад наших историков в мировую науку, естественно, имеет два аспекта. С одной стороны, это — огромный комплекс работ над историей СССР, с другой — работы над проблематикой всемирной истории. Мы не останавливаемся на этом вопросе более подробно, поскольку настоящий том посвящен историографии СССР, а всемирно-историческая тематика выделяется в особый, подготовляемый вслед за этим том, где будут специально рассмотрены вопросы, к ней относящиеся.

Входит ли в предмет истории советской исторической науки историография народов СССР? Несомненно, да. Историография Украины, Белоруссии, Латвии, Грузии и других советских республик и народов входит в предмет изучения советской историографии и в том случае, если она изучает историю своей страны, и в том случае, если она исследует общенациональную проблематику, любую историческую тему. Важнейшие вопросы советской историографии — проблема ленинского периода в исторической науке, кризис буржуазной историографии и победа над ней марксистско-ленинской науки, становление советской исторической науки, вопрос о М. Н. Покровском и его «школе», вопрос о воздействии на историческую науку культа личности Сталина и ряд других значительных проблем — все это общие темы как для русской советской историографии, так и для истории исторической науки других народов нашей Родины. Каждая из подобных проблем имеет для всех народов много общего в самом своем существовании, но имеет и разнообразные отличия. Скажем, становление советской исторической науки протекало на Украине и в Грузии в своих формах, относилось к разным историческим датам, проходило через различные ступени, вызвало разнообразные дискуссии. Всюду к именам деятелей науки, общим для всей страны, прибавляются в историографиях советских народов имена историков, особо выделившихся в работе над тематикой истории своего народа; всюду наличествуют свои особые по тематике и качествам исторические работы.

Но говоря о самом предмете истории исторической науки в нашей стране, мы не должны забывать еще об одной стороне дела. История исторической науки должна включать и историю развития ряда самостоятельных исторических дисциплин: историю археологии, этнографии, исторической географии, краеведения, источниковедения. Входит в нее также история вспомогательных исторических дисциплин: история палеографии, дипломатики, хронологии, нумизматики, сфрагистики, метрологии, генеалогии и геральдики, исторической библиографии, истории архивов и музейного дела и ряда других дисциплин.

Из сказанного следует, что история исторической науки имеет богатейший комплекс первоисточников, на котором основывает свое исследование. Это прежде всего труды историков. Они могут иметь форму крупных монографий, отдельных книг, статей, сообщений, печатных заметок. Но они могут иметь и форму устных докладов, выступлений в прениях, в дискуссиях. Каждый законченный и оформленный труд окружают, как правило, немалые массивы переработанного материала, черновики, пробных набросков, отброшенных вариантов текста, использованных карточек и всего прочего, что составляет лабораторию историка и позже становится его архивом. Все, что отражает творческий процесс работы — искания, пробы, выработку окончательного текста, не может не интересовать историка науки. Исследования личных архивов — также область историографического изучения, они — источник для историографии. Эти архивы в соответствии с характером трудов могут отражать как индивидуальную, так и коллективную работу историков. Значение коллективных работ все возрастает в историографическом процессе. Они особенно характерны для советского периода развития исторической науки.

История советской исторической науки также имеет богатейший корпус первоисточников. В основе его лежит совокупность всех работ советских историков и многочисленных направляющих их работу материалов. Сюда входят постановления партии и правительства, проблемные статьи о развитии исторической науки, передовые статьи ведущих журналов, а также протоколы съездов историков, конференций, симпозиумов, стенограммы дискуссий, тексты постановлений научных учреждений и т. п.

К источникам историографии относятся все документальные материалы по истории исследовательских учреждений исторического профиля и, конечно, материалы о формировании кадров советских историков.

Немало документов по истории дореволюционной и советской исторической науки уже опубликовано. Однако в корпус первоисточников, подлежащих изучению, должны входить и обильные архивные данные, еще не поднятые исследователями из архивохранилищ, в их числе и архивы исследовательских учреждений.

Корпус источников, на которых основывается исследование истории советской исторической науки, должен быть выявлен, приведен в порядок, систематизирован архивистами совместно со специалистами по советской историографии. Чрезвычайное обилие и разнообразие источников требует внимательного их выявления, комплектования, хранения, систематизации. Они никак не должны выпасть из внимания руководителей архивных учреждений, считаться «вне рубрик» или какими-то третьестепенными материалами. С этим положением надо покончить.

Законен вопрос, какие же факты являются важнейшими для историка исторической науки и кладутся в основу историографического исследования? Вообще, что такое историографический факт? Историография есть история исторической науки, а наука слагается прежде всего из результатов исследований ученых. Следовательно, основным и важнейшим фактом истории науки являются труды ученого, в которые выливается его исследовательский процесс, и взаимодействие, взаимозависимость результатов этих трудов. Без изучения трудов ученых нет истории науки, как без изучения произведений писателей нет истории литературы.

Конечно, изучая научные труды, произведения историка и считая эти произведения главным «историографическим фактом», основным явлением, подлежащим изучению историка науки, мы должны принимать во внимание не только результат исследования, важен также исследовательский процесс. Мы изучаем проблематику труда, степень новизны предложенных научных решений, их обоснованность, аргументированность, круг привлеченных источников, приближение или соответствие их истине. Необходимо взвесить важность предложенных решений для развития науки, для требований жизни, для продвижения нашего знания вперед. Но это не все. Чтобы лучше вникнуть в существо исследования, мы должны заинтересоваться и самим ходом исследования, творческой лабораторией ученого, его созидательным процессом. Лаборатория историка многое говорит и о связи его с жизнью, с общим развитием науки в стране, с осознанием им своих задач.

Творческая история коллективных трудов имеет свои особенности по сравнению с индивидуальными и относится к области первостепенных историографических фактов, подлежащих изучению; она помогает понять существо результатов научного исследования. Вместе с тем важно подчеркнуть, что наука вообще по природе своей коллективна, и сколь бы ни был индивидуален труд ученого, он стоит «на плечах» предшественников. Раз возникнув, он немедленно вступает во взаимосвязь с многочисленными другими исследованиями, подкрепляет их, опровергает, рождает множество соображений, воздействующих (положительно или отрицательно) на ход развития исследования в данной области. Иначе говоря, он сразу оказывается элементом коллективного творчества.

Самый характер результата исторического исследования может быть многообразен: он может осветить еще не изученную область или выдвинуть новую концепцию ранее известных фактов, может обогатить проблематику науки или просто ввести в оборот новый материал. Он может, напротив, затормозить продвиже-

ние науки вперед ложным решением, нагромоздить на пути научного развития немало препятствий к торжеству истины, сбить ее с правильного пути. Весь поток этих фактов подлежит исследованию истории науки. Следует только добавить сюда упоминание и о третьем типе результата научного исследования — нулевым. Это случается, может быть, чаще, чем кажется с первого взгляда. «Труды», ничего не вносящие в науку, повторяющие давно известное и не дающие ничего нового, думается, вообще выпадают из истории науки — в ней остается лишь сожаление о зря потраченном труде и горечь бесплодных поисков.

Весьма важен, хотя иной раз и нелегок для понимания, вопрос об «историографическом подходе» или об «историографическом аспекте» изучения той или иной темы. Вовсе не любой факт является историографическим сам по себе, как иногда почему-то полагают. Движение Разина или война 1812 г. — исторические события, системы фактов, но лишь работа о движении Разина или книга о войне 1812 г. — факты историографические. Нечего и говорить, что это — далеко не одно и то же. Все это, разумеется, не лишает обе книги общего качества: они являются историческим фактом, они сами — явление истории; только принадлежат они уже не эпохе Разина или 1812 г., а времени, когда они были написаны, появились на свет. По существу это весьма просто, хотя иногда вызывает немало недоразумений.

Кратко говоря, раскрыть, что такое «историографический подход» к теме, означает ответить на вопрос: какие стороны дела должен исследовать и осветить автор, если он пишет специальную работу по историографии?

Ясно, что, собрав материал, он должен построить хронологический ряд, чтобы проследить за особенностями процесса в целом. Он должен тонко и проникновенно определить проблематику работ, сменяющих друг друга в этом хронологическом ряду, определить линии передачи той «эстафеты» исследования, о которой выше шла речь. Определив проблематику, он придет к уяснению концепций исследователей, их повторяемости и развития. Проверая их приближение к истине или соответствие ей, он не сможет не уяснить себе вопроса об объеме и содержании тех источников, на основе которых автор строит свое исследование, и обратить внимание на характер его аргументации. А разобраться в этом невозможно без уяснения вопроса о философии автора, его социологическом мировоззрении, его классовом облике, его политических позициях. Обнимая единым взглядом исследованный по всем этим линиям материал, историк науки, разумеется, сможет определить течения в науке, ее направления и борьбу течений и направлений.

Он подходит, таким образом, через сферу изучения идеологии времени и к базисным явлениям, воздействующим на процесс научного развития. История советской науки и культуры неот-

делима от победы Октября, строительства и победы социализма в нашей стране и последующей эпохи развернутого строительства коммунизма. Взаимосвязи наук в общем процессе развития советской науки, вхождение советской науки в историю развития культуры советского общества — широкая сфера историографического исследования.

Само собой разумеется, что для определения связи с эпохой историку науки нужно множество фактов, так сказать, не историографического, а общего порядка. Необходимость широкого изучения общеисторического процесса — обязательное условие работы историка науки. Это видно на изучении любого периода, но особенно ясно можно почувствовать это, изучая наименее исследованную область — историю советской исторической науки.

Наука наша партийна по своему существу, и партийное руководство наукой — одна из важнейших закономерностей ее развития.

Изучение закономерностей в развитии нашей науки — крупнейшая проблема, венчающая историографическое исследование.

Периодизация всего процесса научного развития — одна из важных задач историка науки. Именно в ходе этой работы особенно ясно обнаруживается связь развития науки с базисными явлениями. Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки, проведенная в 1960—1962 гг. журналом «История СССР»², осветила этот вопрос. Она выявила — при всем разнообразии отдельных решений и частных деталей — единство большинства советских историков в главных вопросах истории нашей науки и в определении границ основных периодов ее развития. Мы не будем поэтому останавливаться сейчас на вопросах периодизации как на наиболее освещенных в печати.

5

Мы только что говорили о трудах историков, являющихся основным первоисточником для историографии как истории нашей науки.

Но о каких именно трудах и о каких именно историках идет речь? Имеются ли в виду только деятели «академической» или «университетской» науки с их «общепризнанными» курсами и монографиями? Нет. История науки говорит о том, что дело обстоит гораздо сложнее. Решают его конкретная обстановка изучаемого периода, особенности эпохи.

Никак нельзя прямолинейно подменять общее понятие исторической науки данного периода понятием науки «университетской», «академической», «официальной» для этих же лет. Могут

² «История СССР», 1960, № 1.

быть периоды, когда они слиты и совпадают в своем составе. Но история нашей науки знакома и с иным положением, более сложным. Официальной наукой в начале XIX в. была «История государства Российского» Н. М. Карамзина, придворного историографа, апологета самодержавия. Она отлилась в двенадцать изящных томов, облеченных коричневыми кожаными переплетами, красиво изданных, охотно раскупленных читателями в лучших книжных магазинах. Но противоположная — декабристская — концепция не отлилась и не могла отлиться в аналогичный литературный монумент. Она осталась в рукописях М. С. Лунина и Н. М. Муравьева, в письмах М. А. Орлова, в эпиграммах А. С. Пушкина и его современников, в рукописном наследстве М. С. Батенькова. Декабристы не успели написать и издать своих книг — гром пушек на Сенатской площади, казематы Петропавловской крепости и «глубина сибирских руд» явились тому препятствием. И тем не менее не одним Карамзиным была представлена в это время русская историческая наука. Карамзину противостояла декабристская концепция. Спрашивается, справедливо ли было бы прилагать тут критерий официально признанного труда к истории науки и предать забвению декабристскую концепцию? Нет, разумеется.

В середине XIX в. — в годы подготовки и развития революционной ситуации, в годы падения крепостного права в России — ведущее место в официальной «общепризнанной» университетской науке занимала историко-юридическая школа. Для Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева — крупнейших ее представителей — государство было демиургом истории; отрицалась роль народа в историческом процессе; целью исторического развития объявлялся самодержавный строй; историческая эволюция рассматривалась в плане перехода от родовых отношений к государственным. Именно эти положения, широко «оснащенные» историческими фактами, звучали с университетских кафедр, со страниц многотомных научных изданий. Но одновременно существовала и другая историческая наука, противоборствующая официальной. Она разрабатывалась в лагере революционной демократии. Она пришла к выводу, что народ является творцом истории, рассматривала самодержавие как враждебную народу силу, отрицала его «вечный» характер, доказывала неизбежность крушения старого абсолютистско-крепостного строя. Ни Н. Г. Чернышевский, ни Н. А. Добролюбов, ни А. И. Герцен, ни Н. П. Огарев не занимали университетских кафедр и не издавали объемистых, официально признанных курсов. Их работы могли принять лишь форму журнальных статей, подпольных прокламаций и устной пропаганды; исторические книги (например, разбор «Донесения» Следственной комиссии по делу декабристов, написанный Н. П. Огаревым при участии А. И. Герцена) — редкое исключение. И тем не менее их работы сыграли большую роль

в истории исторической науки, завербовали множество сторонников и значительно продвинули вперед историческую науку. Как искаженно, нереально, неполно выглядела бы история нашей науки, если бы она ограничивалась лишь «признанной», «университетской» или «академической» историографией (такие попытки в свое время были). Развитие исторической науки должно браться исследователем в целом, без искусственного отсеечения ее живых, хотя и своеобразных ветвей. Истина конкретна, и ее изучение для развития исторической науки каждого периода отличается своеобразием.

Вопрос, только что рассмотренный, в новой форме возникает при изучении советского периода. Марксистско-ленинское понимание исторической науки вовсе не стало «университетским» и «академическим» с выстрелом «Авроры». Университетские кафедры долгое время занимали буржуазные профессора, вовсе не склонные уступать свои научные позиции без боя. Марксистско-ленинская историческая наука между тем существовала задолго до Октября и прошла сложный и трудный путь развития, но в российских университетах до революции прочного места не занимала. Она и в первые годы Советской власти развивалась вне университетских кафедр и академических кабинетов, постепенно их завоеывая, и, наконец, окончательно укрепилась и в «университетско-академической» науке. Это был сложный процесс. Поэтому нельзя подменять общее понятие науки, научного развития формальным понятием университетской, академической или даже школьной науки и научного развития. Передовая научная мысль в силу многих причин может еще не проникнуть в университетское или школьное преподавание, может какое-то время «не признаваться» ими, существовать вне этих официальных научных форм. Университетская и школьная наука может по разным причинам отставать от передовой научной мысли. Именно таково и было положение в университетском и школьном преподавании первых лет революции, когда марксизм вел борьбу за овладение этими крепостями идеализма. Острая борьба марксизма с буржуазной историографией внутри страны длилась у нас до победы социализма. Она-то и является одной из важных тем советской историографии.

Восстанавливая историю марксистско-ленинской исторической науки в нашей стране, особенно для первого периода ее развития, приходится иметь дело с весьма разнообразным, подчас пестрым историографическим материалом, далеко не всегда состоящим из строго выдержанных марксистско-ленинских трудов. В орбиту внимания историка советской исторической науки попадут и не вполне последовательные марксистские работы и даже произведения, вообще ничего общего с марксизмом не имеющие и лишь вышедшие из печати в советское время. В отборе материала необходимо проявить большую осторожность и вниматель-

ный подход, не отбрасывая из русла советской науки те работы, которые хотя и оказались идеологически невыдержанными, но объективно послужили развитию именно советской науки. Примером могут быть некоторые из первых работ Б. Д. Грекова, исследования А. Е. Преснякова, искавших пути к марксизму. Ряд антисоветских книг историков враждебного лагеря, изданных в Советской России и явившихся объектом полемики, должны учитываться советской историографией. Хотя эти работы не имеют отношения к творческому созданию советской исторической концепции, они связаны с ней как объект критического разбора и разоблачения. Советская историография в борьбе с ними утверждала свои положения.

6

Связь науки истории с жизнью глубока и неразрывна. Не во всякой науке эта связь предстает с такой отчетливостью и непреложностью, как в науке истории. Ведь изучение исторических источников — не самоцель для историка. Цель его работы — изучение через эти источники (иного пути нет!) минувшей действительности, познание закономерностей реальной прошлой жизни человечества. Предшествующее развитие подготовило сегодняшний день, сегодняшнюю действительность. Реальная жизнь всегда несла в себе способы проверки исторических концепций прошлого: они ломались и доказывали свою несостоятельность, если не могли объяснить ее, они утверждались, если могли ее объяснить. Кризис буржуазной исторической науки накануне Октября ярко проявлялся в ее бессилии объяснить реальную действительность. Она вела в своих концепциях исторический процесс из далеких времен «родового быта» или, по В. О. Ключевскому, — торговой Киевской Руси, бойко менявшей товары, сидя на днепровском черноземе, через Русь удельную, тяжело пахавшую малопродуктивный суглинок, — к торжеству Российского самодержавного государства, некогда закрепостившего себе на потребу все российские сословия, а затем, к середине XIX в., соблаговолившего раскрепостить последнее из них — крестьянское. К исходу века уже ни для кого не представляло сомнений существование российского рабочего класса, мощного рабочего движения, а развитие нового общественного строя — капиталистического — оказалось явной реальностью. Растерянные профессора исторических кафедр университетов в годы последней революционной ситуации с недоумением вопрошали, что же это такое? Их исторические концепции прошлого России не предсказывали всего того, что развернулось на их глазах. Эти концепции никак нельзя было приспособить к новым могущественным силам, ломавшим и строившим сегодняшнюю историческую действительность. Революционная борьба века, которая представлялась В. О. Ключевскому в ее исходной форме «исторической слу-

чайностью, обросшей литературой» (так он называл восстание декабристов), на его глазах переросла в сильное революционно-демократическое движение, а затем в реальнейший революционный натиск организующегося рабочего класса. На его глазах революция (никак им не предсказанная) бушевала в 1905 г. на московских улицах. Борьба рабочих и движение крестьян, казавшиеся ранее случайным историческим «беспорядком», теперь глядели на него каждый день со страниц утренних газет. Старые, казалось бы, проверенные исторические концепции никак не учитывали всего этого, даже не подводили к пониманию этой действительности. Согласно этим концепциям, Россия должна была идти к спокойному, торжествующему «правовому» буржуазному государству, которое оказалось фикцией, призраком. Реальная современная действительность крошила и мяла несостоятельные концепции, отбрасывала их как сломанный инструмент, обманувший надежды. Тут было над чем задуматься. В. О. Ключевский умер всего за шесть лет до Октября, не успев продумать до конца сложившееся в исторической науке положение. Это положение обдумывали буржуазные современники и ученики В. О. Ключевского, по-разному реагируя на научную катастрофу — крушение их концепций. Одни уходили в бездмное, детальное фактическое исследование, нанизывая на бесконечную нить исторического повествования разрозненные факты и фактики, — без общих концепций им было даже легче. Другие, убирая обломки рухнувших обобщений, пытались строить новые схемы, основывая их на подготовленных философских вариантах бессильного и уже ветхого исторического идеализма. Третьи искали путей к материализму. Кризис буржуазной исторической науки был сложен и далеко не однозначен.

Научный вывод К. Маркса и Ф. Энгельса о закономерной смене в истории человечества общественно-экономических формаций оказался проверенным практикой исторического развития. Именно прошлая реальная жизнь, поднимаясь с одной общественной ступени на другую, закономерно подготовила в своем историческом развитии нашу настоящую историческую действительность. Через смену общественно-экономических формаций, через победу над последним антагонистическим строем она стала тем, чем является сейчас. Мы сломали эксплуатацию человека человеком и пришли к торжеству социалистического общества. Реальное доказательство этого закономерного движения, конкретное раскрытие этого процесса несет в себе единственная гуманитарная наука — наука истории. Все прочие гуманитарные науки, пользующиеся этим великим выводом марксизма-ленинизма, — философия, политическая экономия, юридические науки, история искусств и литературы и любая другая — получили его от исторической науки. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин в этом аспекте — величайшие историки человечества.

Ленинский период развития исторической науки начинается, на наш взгляд, с появлением первых исторических трудов В. И. Ленина, иначе говоря, с середины 1890-х годов. Вопрос о ленинском периоде является одной из крупнейших проблем истории нашей науки.

Ясно для каждого, что появление работ В. И. Ленина не было фактом ни «университетской», ни «академической» исторической науки. Этого не меняет, разумеется, и то обстоятельство, что один из крупнейших ленинских трудов — «Развитие капитализма в России» — вышел в легальном издании. Не за письменным столом уютного профессорского кабинета, а в тюрьме и ссылке писался этот труд. Доклады В. И. Ленина звучали в революционном подполье, его листовки распространялись в рабочей среде тайно. Его работы возникли вне «официальной» науки.

Возникновение марксистской концепции исторического развития России падает на последний — пролетарский — этап русского революционного движения. Она получает свое дальнейшее развитие после Октября. Основоположником советской исторической науки является В. И. Ленин. Именно его труды, как дореволюционные, так и написанные после революции, заложили основы советской марксистской исторической концепции, определили ее состав, основную проблематику, очертили ее исследовательские задачи, установили многие основополагающие выводы.

Основы советской историографии заложены, таким образом, еще в дореволюционный период. Соратники Ленина внесли сюда свой вклад. Как показывают новые исследования (Е. Н. Городецкого, Г. Д. Алексеевой, М. С. Волина), немало представителей революционного марксизма работало над исторической тематикой и вложило свой вклад в историческую науку — книгами, статьями в партийной и общей прессе, нелегальными марксистскими листовками, распространяемыми среди трудящихся масс.

Трудно переоценить значение большевистских исторических работ этого периода. Они показывают прежде всего наличие и разработанность исторической концепции прошлого России в рядах тех, кто совершал Октябрьскую революцию и руководил ею. Работы Ленина занимают тут первое место. Развитие партийной идеологии было бы невозможно без исторической концепции прошлого России.

В. И. Ленин разработал концепцию всемирно-исторического процесса и дал периодизацию мирового революционного движения и мирового рабочего движения. Ленин глубоко проанализировал революцию XVIII—XX вв., подробно раскрыл и обосновал проблематику изучения новой и новейшей истории своего времени. Он указал на смену основных общественно-экономических

формаций в истории России, подробнейшим образом проанализировал развитие капитализма в России, выдвинул и обосновал периодизацию русского революционного движения. Будучи руководителем советского общества на первых этапах его развития, направляя советский народ и творя живую историю, Ленин вместе с тем заложил основы изучения истории советского общества. Ленин — основоположник такой выдающейся по значению исторической дисциплины, как история Коммунистической партии. Ленин разоблачил множество ложных исторических теорий (начиная с народничества) и дал им отпор, утверждая в борьбе с ними марксистскую историческую концепцию. Тем самым Ленин внес огромный вклад и в историографическую науку.

Особо надо подчеркнуть работы В. И. Ленина, непосредственно посвященные советскому периоду, являющиеся одновременно и первоисточником, и научным исследованием, анализирующим исторический процесс.

Как указывалось, ленинская концепция исторического прошлого во многих своих положениях сложилась и развилась до Октября. Она продолжала развиваться и после победы Великой Октябрьской социалистической революции, став огромной действенной силой как роста советской исторической науки, так и дальнейшего формирования мировоззрения советского человека. На ее основе уже с момента победы Октября велась историческая пропаганда, выпускались многочисленные популярные издания, отмечались юбилеи выдающихся исторических событий и деятелей. Ленинское понимание исторического прошлого стало достоянием советского народа. Поэтому изучение проблемы «Ленин и историческая наука» является первоочередным делом для советской историографии. Мы обладаем для исследования этой темы богатейшими первоисточниками — произведениями Ленина, архивами, отразившими его деятельность, распространение и усвоение его идей. Изучение ленинского наследства в плане вклада в историческую науку — дело далеко не завершенное, требующее значительных исследовательских сил.

8

Советская историография является историей советской исторической науки. Как всякая история, она предстает перед нами как развивающийся процесс. Процесс этот имеет свои исторические закономерности.

Советская историография непосредственно примыкает к истории исторической науки в дореволюционной России, составляя как бы ее продолжение. Она является частью общей истории исторической науки нашей Родины, представляя собой значительный, позднейший по времени ее отдел.

Советская историческая наука рождена Октябрем и развилась непосредственно после его победы. Однако ее предпосылки уходят в глубину многих предшествующих десятилетий: советская историография подготовлена прежде всего длительным развитием революционной идеологии прошлых лет — именно тем развитием исторического знания, которое складывалось под непосредственным воздействием революционного движения. Поэтому существенной предпосылкой возникновения советской исторической науки является та историческая работа, которая проделана в области истории революционной мысли в России. Сюда входит понимание русского исторического процесса А. Н. Радищевым, который в борьбе с официальной дворянской историографией Екатерины II по-новому осознал взаимосвязь событий русской истории; сюда включаются завоевания исторической мысли декабристов, пошедших в атаку на Карамзина и противопоставивших его тезису «история народа принадлежит царю» тезис «история народа принадлежит народу»; сюда относятся и исторические выводы В. Г. Белинского, и результаты работы А. И. Герцена и Н. П. Огарева, давших бой лживой и пресмыкательской книге М. А. Корфа и противопоставивших ему революционное понимание движения декабристов; сюда входят труды Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других революционных демократов в области исторической науки. Революционная историческая мысль подготовила возникновение советской историографии и облегчила ее работу.

Но это не все. Есть еще большой вопрос об общем историческом наследстве, полученном нами от дворянской и буржуазной исторической науки. Далеко не все в этом наследстве является научной ценностью. В старой историографии есть немало от наследства того типа, «от которого мы отказываемся», но есть и доля, которую мы принимаем (собранный фактический материал, издания источников, ценные частные изыскания и выводы и т. д.). В этом отношении советская историческая наука возникла, разумеется, не на пустом месте. Являясь принципиально новым этапом нашей отечественной историографии, она получила и освоила большое научное наследство.

Выше применена привычная формула о том, что исторические исследования старых, чуждых нам по идеологии дворянско-буржуазных школ могут быть ценны «собранным фактическим материалом». С историографической точки зрения эта формула верна лишь в известной мере и требует серьезных ограничений: чуждый нам критерий отбора фактов, который мы признаем неправильным по существу, не может привести к правильному сбору фактического материала. Судить же об отсеянном, невзятом, можно лишь пересмотрев тот основной массив, который некогда прошел через руки буржуазного историка. Использование результата отбора определенного комплекса исторических

фактов без критической проверки и без применения новых, правильных критериев, конечно, вызывает ряд трудностей. Они могут иной раз привести к трагическим результатам. Примеры таких просчетов можно видеть не раз на страницах четырехтомной «Истории России с древнейших времен» М. Н. Покровского. Автор не имел возможности, особенно в условиях работы за границей, в эмиграции, оторванный от архивов, заново пересмотреть всю огромную массу фактов, отобранных старыми дворянско-буржуазными историками. Нередко автор волей-неволей оперировал материалом, собранным под чужим углом зрения. Это ясно сказалось, например, в трактовке Киевской Руси как торгового государства, в описании «Смуты» и в ряде других тем. Поэтому едва ли справедливо безоговорочное и частое применение формулы о том, что работы старых исторических школ ценны «собранным в них материалом».

Но не только фактический материал, но и некоторые проблемы, выдвинутые дворянско-буржуазной историографией, являются нашим наследством. Об этом мы часто забываем. Эти проблемы нередко поняты ею неправильно, предложенное решение не выдерживает нашей методологической критики, но тем не менее соображения историка о характере предлагаемого решения, мысли его о сущности явления, осознание им проблемы входят, на мой взгляд, в понятие «наследства», хотя мы можем спорить с постановкой вопроса, «отталкиваться» от него, не соглашаться с ним. Если бы мы приняли как «наследство» лишь груду собранных фактов, без обобщающих их проблем, «наследство» выглядело бы иным и было бы в сущности мало усвояемым. В. Ф. Ржига выдвинул множество соображений, поставив проблему об авторстве произведений Пересветова; они учитываются (положительно или отрицательно) современным исследователем. Собрав множество фактов о ремесле в древней Руси, Н. Я. Аристов, как умел и мог, поставил проблему развития ремесла в древнейшем периоде нашей истории. Мы спорим с рядом сторон его трактовки и вносим свое понимание, свои поправки в проблему, но самый факт постановки темы входит в «наследство».

А. П. Шапов, конечно, не буржуазный историк в обычном смысле этого слова, он представитель революционной демократии, страстный искатель материалистической истины. Он едва ли не первый в русской историографии поставил вопрос о «расколе старообрядства» как исторической проблеме, вырвав ее из плена ортодоксально-религиозной трактовки, из истории церкви, где она буквально задыхалась, задавленная суженным и нарочито искаженным толкованием. Мы не можем согласиться с пониманием Шапова, но он оставил нам в наследство не только собранные факты (интересные и богатые), но и проблему. Она, конечно, входит в «наследство», и если бы ее не было,

«наследство» было бы беднее. Подобные примеры можно умножать без конца, но в этом нет нужды, так как обсуждаемое соображение достаточно уяснено.

Задача преодоления той части наследства буржуазной науки, от которой мы отказываемся, и тех элементов прошлого знания, которые мы принимаем,— очень важная тема историографических введений к любой монографии. Восстановление истории вопроса здесь, разумеется, не является самоцелью: историография дает возможность автору уяснить собственную постановку вопроса, избежать напрасных повторений и бесплодного дублирования уже сделанного, экономить его труд. Особенно важно уяснить состояние вопроса, который подвергается исследованию. Ведь автор обязан сделать что-то новое, продвинуть науку вперед, а не повторять пройденное. Он должен принять научную эстафету из рук предшествующих исследователей и понести ее дальше. Этого нельзя осуществить без обзора уже сделанного, без определения того, что еще не сделано, и без личного решения взять на себя определенную долю еще не выполненных научных задач.

Элемент историографии давно стал у большинства историков общепризнанной составной частью авторских введений к монографическим исследованиям. Как правило, каждому историку ясна необходимость осветить историю изучаемого им вопроса, своей исследовательской темы и таким образом подойти к определению современного ее состояния, на основе которого и вырисовывается его личная или коллективная исследовательская задача. Историографический элемент всегда присутствует в монографиях, посвященных дореволюционному прошлому — первобытнообщинному ли строю, феодальной тематике, истории ли капиталистической России.

Однако не совсем так или даже совсем не так обстояло до последнего времени дело в области монографического исследования истории советского общества. Но, вчитываясь в работы, посвященные истории советского общества, вдумываясь в их структуру, мы замечаем одну почти неизменную и общую для всех работ особенность: историографический элемент, о котором выше шла речь, в них, как правило, отсутствует. Бывают исключения, но они сравнительно редки.

Эта своеобразная особенность восходит к годам культа личности Сталина. Запрещалось называть большинство имен репрессированных историков, а о прочих (будут ли они еще на свободе в ближайшее время...) также спокойнее было не говорить. Поэтому работы по истории советского общества долгое время «обходились» без историографии, это соответствовало требованиям и было «удобнее», «спокойнее». Каждый автор занимал поэтому искусственную позицию заново изучающего вопрос, избавляя этим себя от необходимости упоминать имена предшест-

вешников. Все это наносило большой ущерб исследованию советского периода. Иногда эта манера распространялась и на досоветскую тематику, внося путаницу в постановку проблемы и искажая картину изучения вопроса.

Нет нужды доказывать бесспорную необходимость историографического элемента во введениях и к монографиям по истории советского общества. В этом отношении они никак не должны отличаться в худшую сторону от работ, посвященных тематике дореволюционного периода.

Замечу, что даже в тех случаях, когда тема исторического исследования действительно ставится автором впервые и, как говорят, «не имеет историографии», историографический анализ все же необходим: именно он и доказывает наличие отмеченного положения. Отсутствие историографии должно быть констатировано с помощью фактов, а не провозглашено без доказательств. Важность этого для исследования бесспорна: автор устанавливает тем самым свой приоритет в исследуемой области.

9

Разработка основных вопросов истории советской исторической науки должна быть коллективным делом советских историков. Полезно обсудить и понимание предмета советской историографии, ее метода, круга очередных задач. Настоящая статья не претендует на полноту решения затронутых вопросов и более всего преследует цель вызвать их обсуждение. Если она послужит началом большого разговора, ее цель будет достигнута.

История исторической науки, особенно советской исторической науки, молодая, но чрезвычайно важная научная дисциплина. Она возникает на наших глазах. Необходимо ее скорейшее утверждение и дальнейшее развитие, это будет способствовать ее росту и успехам всей советской исторической науки в целом.

Сборник «История и историки», предлагаемый вниманию читателя, возник в силу необходимости координации работы историографов, т. е. историков исторической науки. Их труды разрозненно появляются в периодических журналах, но для молодой, лишь становящейся на ноги научной дисциплины особенно необходима координация усилий, так сказать, концентрация действия. Потребность совместно мыслить, объединять силы вообще свойственная науке, особенно важна в период ее становления.

Предполагается продолжать издание историографических сборников по мере накопления материала. Мы не ставили, разумеется, своей целью сразу выполнить в первом же сборнике изложенную выше программу, мы хотели лишь приступить к ее выполнению. В первом разделе сборника «В. И. Ленин и историческая наука» публикуется статья М. С. Персова «В. И. Ленин

об использовании исторического опыта буржуазных революций». Автор останавливается на чрезвычайно важной проблеме: Ленин продумывал опыт истории и использовал его для разрешения крупнейших практических задач пролетарской революционной борьбы, которые возникали перед ним. Он не мыслил себе теоретического освещения вопроса без исторической стороны дела. Для историка драгоценен этот разрез ленинской теоретической работы. В тесной связи со всей совокупностью поднимаемых Лениным вопросов освещается важная, подлежащая особому изучению сторона дела — создание и развитие Лениным исторической концепции пройденного человечеством пути.

Особо важное значение имеет для нас изучение тех работ Ленина, где он раскрывает свое понимание истории Октября. Этому вопросу посвящена работа Е. Н. Городецкого «Первые труды В. И. Ленина по истории Октябрьской революции». В. И. Ленин не только впервые установил и раскрыл историческое понимание Великой Октябрьской социалистической революции, он дал отпор множеству фальсификаций этой важнейшей проблемы и разоблачил несостоятельность ложных толкований вопроса. Среди них находилась и плехановская схема социалистической революции в России. Ее критика имела перво-степенный политический смысл. Статья А. Г. Черных «В. И. Ленин против плехановской концепции социалистической революции в России» анализирует этот вопрос на большом конкретном материале.

Второй раздел в сборнике посвящен отдельным проблемам советской историографии. Первые две работы, помещенные в нем, содержат элементы ленинской проблематики и являются как бы связующим звеном между первым и вторым разделами книг. Г. Д. Алексеева посвятила свою статью деятельности Коммунистической партии по созданию центров советской исторической науки в 1918—1923 гг. Статья Л. В. Ивановой сосредоточена на коммунистических университетах и их роли в подготовке историков-марксистов (1918—1929 гг.). Главным образом первая, но также и вторая (в первые годы избранного автором периода) касаются роли В. И. Ленина как организатора исторической науки. Вопрос об организации исторических исследований, о создании необходимых центров для воспитания и работы исторических кадров имел огромное значение. Без создания центров, около которых собирались силы историков-марксистов, без работы коммунистических университетов нельзя себе представить возникновение советской исторической науки. Поэтому эти две важные темы, впервые тщательно исследованные на основе первоисточников, имеют большое значение в воссоздании общей картины становления нашей науки в советский период ее развития.

Работа историка исторической науки протекает не только в библиотеках. Произведения историков, разумеется, являются

первостепенным источником для историографических исследований. Но уже говорилось, как часто архивы таят драгоценные материалы для истории нашей науки. Исследование М. С. Волина о марксистских листовках начала XX в., посвященных крестьянской реформе 1861 г., является тому примером. Разработка марксистской концепции истории России отразилась в документах царских архивов, поэтому без изучения нелегальной марксистской агитационной литературы нельзя восстановить огромную работу Коммунистической партии над созданием подлинно научного понимания прошлого России, это было кровно необходимо для борьбы за ее революционное будущее.

Любое историческое исследование обычно сопровождается изучением историографии избранной темы. Возникают работы, посвященные историографии отдельных вопросов. Наиболее важные из них, сохраняющие ведущий характер в данной отрасли знания, имеют основание на самостоятельное историографическое существование. В результате тщательного отбора мы выделили несколько тем такого характера. Это — историография социалистической индустриализации в 1926—1934 гг. (В. С. Лельчук), историография партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны (А. А. Курносов), советская историография международных отношений нового времени (В. А. Дунаевский), историография Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. (Н. Н. Яковлев) и советская историография народничества (М. Г. Седов); последняя статья публикуется в дискуссионном порядке. Оживленные споры о народничестве в некоторых отношениях еще не нашли своего завершения и носят плодотворный характер: в столкновении мнений рождается истина.

Происхождение либеральной концепции историографии движения декабристов прослежено в статье исследователя из Йошкар-Олы В. М. Тарасовой, много работавшей над темой о Николае Тургеневе. Существенная для истории российского феодализма проблема феодального иммунитета и ее сложная историография освещены в работе С. М. Каштанова.

В последнем разделе сборника сосредоточены работы об отдельных историках, их трудах и взглядах — существеннейшей стороне истории нашей науки. Историю пишут историки — живые люди, участники исторических событий, деятели своего времени. Их роль в науке исключительно велика. Их взгляды на науку, понимание ее проблематики, избрание тех или иных тем для исторического исследования, способы разрешения поставленных проблем, особенности исторических воззрений и самое формирование научного мировоззрения историков, воспитание ими своих учеников, создание исследовательских направлений, научных течений, их корни в окружающей действительности — все это существенные материалы для истории исторической науки.

Без этих данных она не может существовать. Конечно, нельзя прямолинейно сравнивать художественное и научное творчество: проблема автора здесь и там стоит далеко не одинаково. Однако без нее не восстановить истории предмета: в одном случае литературы, в другом — исторической науки. Отсюда, в частности, важность изучения личных архивов, в которых отражена деятельность историка, источник, к которому редко пробивается исследование. Тут отражены особенности жизненного пути авторов, история личных научных поисков, неудач и успехов, поражений и побед, нередко личных высоких взлетов и трагедий, без которых тоже не понять до конца путей развития науки. Работа над этими источниками еще только начинается. Почти все статьи в разделе «Историки и их труды» написаны на основе изучения архивных данных. Читатель знакомится с творчеством М. Н. Покровского (статья Е. А. Луцкого), В. И. Невского (статья молодого исследователя В. И. Чеснокова). Работа молодого историка исторической науки Р. А. Киреевой посвящена мало известному вопросу о В. О. Ключевском как историке исторической науки. А. Н. Цамутали пишет об исторических работах забытого историка — революционного демократа И. А. Худякова, Г. Б. Кизельштейн — о политических взглядах Б. Н. Чичерина. И. С. Книжник-Ветров освещает интересный вопрос об авторстве направленной против Д. Писарева статьи в «Современнике».

**В. И. ЛЕНИН
И ИСТОРИЧЕСКАЯ
НАУКА**

В. И. Ленин об использовании исторического опыта буржуазных революций

ключительное внимание к историческому опыту, к урокам истории органически присуще марксизму. В. И. Ленин постоянно подчеркивал эту черту марксизма. Так, он отмечал, что в «Коммунистическом Манифесте» подведены общие итоги истории¹. Рассматривая развитие К. Марксом учения о государстве, В. И. Ленин писал: «Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции — 1848—1851. Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*»².

Историзм — один из важнейших идеологических принципов, которыми руководствовался Ленин при разработке теории и тактики революционной борьбы пролетариата и его партии. В деятельности Ленина, в его подходе к политической борьбе резко выступает сознание органического единства исторического процесса, тесной связи сегодняшнего дня России с ее историей, с предыдущими этапами ее развития и вместе с тем сознание значения текущей борьбы пролетариата и его партии для определения завтрашнего дня истории.

Ленин стремился создать строго научную историческую концепцию как основу для практической революционной деятельности рабочего класса. «Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира»³, — так сформулировал Ленин связь политики и истории. Уже в начале своей деятельности Ленин считал, что русские марксисты должны «разработать подробнее марксистское понимание русской истории и

¹ В. И. Ленин. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, стр. 28.

² Там же, стр. 29.

³ В. И. Ленин. Доклад Центрального Комитета IX съезду РКП(б).— Полн. собр. соч., т. 40, стр. 253.

действительности»⁴. Эту задачу Ленин и другие революционные марксисты выполняли в ожесточенной борьбе против буржуазного и мелкобуржуазного понимания русского исторического процесса, против идеалистического и вульгарно-материалистического истолкования движущих сил исторического развития. Для Ленина вопрос заключался в том, как разные классы России делают и делают ее историю. Из ленинской концепции истории России вытекала идея гегемонии пролетариата в русской буржуазно-демократической революции, идея перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Обосновывая идею гегемонии пролетариата, Ленин не ограничивался данными русской истории и действительности. Он считал обязанностью пролетарской партии учитывать также «еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества, запечатлевшийся в истории международной демократии и международной социал-демократии, закрепленный передовыми представителями революционной мысли»⁵. Марксистское обобщение истории Запада Ленин считал обязательным условием создания научной концепции исторического развития России и разработки политической линии пролетарской партии.

«Нельзя,— писал В. И. Ленин.— охватить задач русской революционной эпохи... при забвении уроков 1847—1848 годов»⁶. Принципы, которыми руководствовался В. И. Ленин, получили чеканную формулировку в его письме к Инессе Арманд. «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁷.

Конспектируя книгу Гегеля «Лекции по философии истории», В. И. Ленин записал: история учит, «что народы и правительства никогда ничему не учились из истории: каждое время для этого *слишком индивидуально*», и сопроводил выписку словами: «очень умно!»⁸. Ленин выражает свое одобрение прежде всего признанию и подчеркиванию Гегелем своеобразия каждой исторической эпохи. Вместе с тем Ленин разделяет и ту мысль Гегеля, что превеличие своеобразия своей эпохи, ее непохожести на другие — причина того, почему «народы и правительства» оказывались неспособными учиться у истории. Понятно, что для Ленина эта неспособность — отнюдь не свойство «человеческой природы», а лишь характерная черта идеологии определенных классов на определенной ступени их развития.

⁴ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, стр. 333.

⁵ В. И. Ленин. Революция учит. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 134—135.

⁶ В. И. Ленин. О бойкоте. — Полн. собр. соч., т. 13, стр. 340.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 200.

⁸ В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Лекции по философии истории». — Соч., т. 38, стр. 303.

Основа обращения В. И. Ленина к историческому опыту — признание закономерности исторического развития, в частности, признание повторяемости, однотипности основных процессов в различных странах, относящихся к одной общественно-экономической формации. «Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также их марксистских программ имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненно как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их»⁹, — писал Ленин. Ленин считал необходимым учет и использование русским пролетариатом европейского опыта именно постольку, «поскольку и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса»¹⁰.

Общность основной линии развития России и капиталистических стран Западной Европы делала весьма поучительным для русского пролетариата изучение общественного развития этих стран, их революционных битв. Именно в процессе революций обнажаются действительные интересы и стремления всех классов общества, «проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни». Опыт истории помогал пролетарской партии глубже понять природу тех классов, с которыми имел дело русский пролетариат, помогал предвидеть поведение этих классов, наметить правильную линию действия. Наконец, опыт истории знакомил пролетарскую партию со всем арсеналом форм борьбы, выработанных международным движением пролетариата. Это движение, писал Ленин, «не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран»¹¹.

На опыт истории постоянно ссылались идеологи и политические деятели буржуазных и мелкобуржуазных партий. Поэтому обращение Ленина к опыту истории включало и разоблачение фальсификации истории со стороны врагов пролетариата. Уже в первых своих работах Ленин показал несостоятельность методологических основ исторических концепций противников марксизма. Ленин выступил как против отрицания исторической закономерности со стороны представителей «субъективной социологии», так и против буржуазного объективизма легальных марксистов и экономистов, толковавших историческую закономерность как наличие «непреодолимых исторических тенденций»,

⁹ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение — Полн. собр. соч. т. 25, стр. 268.

¹⁰ В. И. Ленин. Проект программы нашей партии — Полн. собр. соч., г. 4, стр. 220.

¹¹ В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике — Полн. собр. соч., т. 17, стр. 182.

определяющих общественное развитие независимо от деятельности классов.

С точки зрения народнической субъективной социологии исторический процесс выступает как царство случайности и произвола, а понятие «исторический опыт» лишается всякого смысла. Буржуазный объективизм, являющийся методологической базой либерализма и оппортунистических течений в рабочем движении, сводил закономерность исторического процесса к какой-то фаталистической предопределенности направления и этапов общественного развития, обязательных для всех стран. Как отмечал Ленин, «г-н Шингарев и кадеты ссылаются на историю *так*, как те люди, про которых Маркс говорил, что они защищают кнут на том основании, что это — кнут исторический»¹². Эти противники марксизма обращались к истории, чтобы доказать бессилие пролетариата перед «ходом вещей», неспособность его преодолеть инерцию исторического процесса. Ленин разъяснял, что «*пусть* России, характер и быстрота ее развития» определяются «соотношением общественных сил, равнодействующей классовой борьбы»¹³. Марксисты воспитывали в рабочем классе сознание того, что «ход вещей» в громадной степени зависит от сознательности и организованности пролетариата, от политической зрелости его партии, от руководства пролетариатом народными массами.

Ленин непримиримо боролся против представления, будто из признания исторической закономерности следует тот вывод, что России неизбежно предстоит повторить ход развития Западной Европы. К идейно-политическим противникам революционного пролетарского движения в дооктябрьский период полностью применимо то, что писал Ленин после Октября по поводу Суханова и идеологов II Интернационала. Они неспособны были понять (если брать только теоретическую сторону вопроса), что «при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹⁴. Ленин постоянно подчеркивал, что признание и подчеркивание общих закономерностей развития «ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России»¹⁵, что опыт демократического и социалистического движения на Западе должен быть критически осмыслен, что «готовых образцов нам искать нигде»¹⁶.

Ленин тем резче подчеркивал необходимость критической переработки опыта европейского революционного движения, что

¹² В. И. Ленин. Старые задачи и старческая дряблость либерализма — Полн. собр. соч., т. 23, стр. 31.

¹³ В. И. Ленин. О двух путях. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 163.

¹⁴ В. И. Ленин. О нашей революции. — Полн. собр. соч., т. 45, стр. 379.

¹⁵ В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. — Полн. собр. соч., т. 4, стр. 220.

¹⁶ В. И. Ленин. Наша ближайшая задача. — Там же, стр. 190

для оппортунистических элементов в русской социал-демократии «претворение исторического опыта» означало на деле распространение бернштейнианства. В ряде работ Ленин сформулировал основные методологические требования, обязательные при сопоставлении политического и экономического развития разных стран, при всякой попытке извлечь урок для деятельности русского пролетариата из опыта Западной Европы. «Азбучным условием» такого сопоставления Ленин считал выяснение вопроса: «сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран»¹⁷.

Игнорирование этого требования — типичная черта противников революционного марксизма, лишавшая их исторические параллели всякого научного значения. Так, либерал Е. Грубецкой «опровергал» аграрную программу русской социал-демократии ссылками на то, что ничего подобного ее требованиям нет в программах западноевропейских социалистических партий. Ленин писал, что такие сопоставления могут делать только круглые невежды, «ибо наша программа дает ответ на вопрос о *буржуазно-демократическом* аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах»¹⁸. За либералами плелись меньшевики. Так, Н. Рожков приравнивал отношения между крестьянами и помещиками в России к отношениям между мелкими и крупными земельными собственниками на Западе. Рожков отбросил в сторону различие исторических эпох, переживаемых сравниваемыми странами, игнорировал тот важнейший факт, что в России крестьянству противостояло не крупное капиталистическое хозяйство, а крупное крепостническое землевладение¹⁹. Л. Мартов утверждал, что большевистский лозунг союза рабочего класса с крестьянством является ошибочным, ибо «во всей Западной Европе крестьянские массы считают годными к союзу (с пролетариатом) лишь по мере того, как они знакомятся с тяжелыми последствиями капиталистического переворота в земледелии». В России же крестьянство еще не испытало или почти не испытало этих последствий²⁰. Таким образом, Мартов сравнивал Россию эпохи крестьянских восстаний против феодализма с Западной Европой, давным-давно покончившей с феодализмом²¹. Он игнорирует, отмечал Ленин, коренное отличие между Россией и Западной Европой, заключающееся в том, что на Западе «давно сложился и окончательно определился буржуазный строй, в частности, буржуазные аграрные отношения, а в России именно

¹⁷ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25, стр. 268.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В. И. Ленин. Аграрный вопрос и современное положение России.— Полн. собр. соч., т. 24, стр. 162—163.

²⁰ В. И. Ленин. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.— Полн. собр. соч., т. 19, стр. 359.

²¹ Там же, стр. 361.

теперь идет революция *из-за того, как сложится этот буржуазный строй*»²².

Указанные исторические параллели представляли собой, как выразился Ленин по поводу рассуждений Мартова, «феноменальное извращение исторической перспективы». Оно имело место и в вопросе об использовании русской социал-демократией опыта европейского рабочего движения. Ликвидаторы призывали к уничтожению нелегальной революционной партии пролетариата и замене ее открытой партией — «как в Европе». Они выдвигали в качестве основного лозунга рабочего движения «борьбу за легальность». Ленин указывал, что реформизм проявляется в России, в частности, в виде отождествления коренных черт политической обстановки в России и в Западной Европе. Выясняя исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, Ленин писал: «Как Мартов, так и Троцкий смешивают в кучу разнородные исторические периоды, противопоставляя России, совершающей свою буржуазную революцию, — Европу, давно кончившую эти революции»²³. Естественно, что «уроки», которые они извлекали из истории, сводились к тому, что деятельность русской пролетарской партии, протекавшую в эпоху буржуазных революций, следует «исправить» применительно к тактике европейских партий, действовавших в условиях давно сложившегося буржуазного порядка. Подобную же ошибку — игнорирование различия сравниваемых исторических эпох — делала и Роза Люксембург. Выступая против большевистской программы по национальному вопросу, она ссылалась, в частности, на то, что пункта о самоопределении наций вплоть до отделения нет ни в одной программе европейских социалистических партий. Как указывал Ленин, она упускала из виду, что в этих странах не было также и массовых национально-освободительных движений²⁴.

Другое важнейшее марксистское требование при сопоставлении развития разных стран Ленин сформулировал так: «учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»²⁵. Все значение этого требования особенно наглядно выступает при сопоставлении различных решений вопроса о классе-гегемоне в русской буржуазно-демократической революции. Ленин много раз показывал, что утверждение меньшевиков, будто русская буржуазия призвана историей к роли гегемона революции, означало игнорирование особенностей исторического развития России и связанного с ним своеобразия в соотношении классовых сил по

²² Там же, стр. 361.

²³ В. И. Ленин. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 363.

²⁴ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 268.

²⁵ Там же, стр. 263—264.

сравнению с западноевропейскими странами в соответствующий период их истории.

Эта типичная черта противников революционного марксизма выступала при всякой их попытке обратиться к историческому опыту. Приведем пример меньшевистской схоластики, в связи с которым Ленин резко подчеркнул указанное методологическое требование. Свой лозунг созыва пресловутого рабочего съезда меньшевики пытались подкрепить ссылками на высказывания Ф. Энгельса, относившиеся к английскому и американскому рабочему движению последней трети XIX в. В частности, они цеплялись за тот факт, что Энгельс был сторонником формирования рабочей партии в США, даже в том случае, если бы программа такой партии была «еще путаной и крайне неудовлетворительной» и объединение рабочих складывалось вокруг утопических радикально-буржуазных идей Генри Джорджа²⁶. Ленин показал, что пытаться просто и прямо применять в российских условиях советы Маркса и Энгельса англо-американскому рабочему движению значит «издеваться над историческим методом Маркса»²⁷. В Англии и Америке пролетариат в последней трети XIX в. не проявил почти никакой политической самостоятельности, не имел своих партий, рабочие «волочились в политике» за буржуазией. В этих условиях основная задача марксистов состояла в том, «чтобы политически встряхнуть пролетариат», противопоставить его буржуазии, способствовать созданию самостоятельной рабочей партии, «все равно, каким бы путем это ни было достигнуто, лишь бы она была действительно рабочей партией»²⁸.

В России же пролетариат создал свою партию раньше, чем это сделали либеральные буржуа, он не имел «и тени традиций» в голосовании за буржуазных политиков и никогда не считал буржуазию не только вождем, но и союзником в борьбе с царизмом. Прыжок «от социал-демократии к беспартийному рабочему союзу» означал бы движение вспять от политической самостоятельности русского пролетариата к идейно-политическому подчинению его либералам. «Американско-русские параллели» обнаружили крайнюю поверхностность меньшевистского понимания уроков истории, игнорирование ими марксистского метода как оружия «для изучения конкретных исторических особенностей рабочего движения в определенных странах»²⁹.

В работах Ленина сформулированы и некоторые более частные условия научности сопоставления исторических событий.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 397.

²⁷ В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.».— Полн. собр. соч., т. 15, стр. 235.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 397.

²⁹ В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.».— Полн. собр. соч., т. 15, стр. 244.

Так, в статье «Наши упразднители», разоблачая произвольные исторические аналогии Потресова, Ленин писал: «Если брать историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер»³⁰. Примером такого «бросания слов» могут служить сопоставления политики Столыпина с политикой Бисмарка, весьма частые в либеральной и меньшевистской публицистике. Не формулируя точно и отчетливо сходного, ограничиваясь общими фразами об аналогичности указанных явлений, поклонники столыпинщины загушевывали отсутствие в России тех условий, которые сделали возможной победу Бисмарка³¹.

Сопоставляя исторические явления, Ленин не раз указывал, что установление сходства между ними отнюдь не может вести к их отождествлению. Так, взвешивая вероятность того или иного исхода борьбы с царизмом в начале революции 1905 г., Ленин сформулировал вопрос так: «...суждена ли нам революция типа 1789 или типа 1848 года?» и тут же заметил: «...говорим: *типа*, чтобы устранить нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей социально-политической и международной ситуации 1789 и 1848 годов»³². Ленин не раз сравнивал революционное и оппортунистическое течения в русской социал-демократии с якобинцами и жирондистами эпохи французской революции. Роза Люксембург упрекнула Ленина, будто, по его мнению, революционный социал-демократ и якобинец одно и то же. В ответ Ленин писал: «Люксембург смешивает здесь *соотношение* между двумя революционными направлениями XVIII и XX столетия с отождествлением самих этих направлений»³³.

В работах Ленина обращение к событиям западноевропейской истории имеет различную форму. Очень часто Ленин иллюстрирует и поясняет анализируемое им явление политической жизни России или ее истории приведением аналогичного явления из истории других стран. Встречаются у Ленина ссылки на историю других стран в качестве аргумента для подтверждения своих положений или в качестве доказательства ошибочности взглядов противника по тому или иному вопросу. Так, доказывая в 1907 г., что пролетарская партия ввиду изменения обстановки должна использовать Государственную думу, Ленин писал: «Напомним пример Либкнехта, который в 1869 году клеймил, бичевал и отвергал немецкий рейхстаг, а после 1870 года участвовал в нем»³⁴.

³⁰ В. И. Ленин. Наши упразднители.— Полн. собр. соч., т. 20, стр. 126.

³¹ В. И. Ленин. «Узел задачи».— Полн. собр. соч., т. 23, стр. 15.

³² В. И. Ленин. Революция типа 1789 или типа 1848 года? — Полн. собр. соч., т. 9, стр. 380.

³³ В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Розе Люксембург.— Полн. собр. соч., т. 9, стр. 47.

³⁴ В. И. Ленин. Неверные рассуждения «беспартийных» бойкотистов.— Полн. собр. соч., т. 13, стр. 278.

Ликвидаторы твердили, что социальная природа государственной власти в России изменяется, так сказать, самотеком, автоматически. Ленин доказывал, что помещичье государство может превратиться в буржуазное лишь в результате победы народных масс над царизмом, вопреки либералам, стремящимся к соглашению с царизмом. Выдвигая указанный тезис, Ленин писал: «Доказательства? Вся история Франции и новейшая история Китая»³⁵. Отзовисты, выступая против участия в Государственной думе, заявляли, что в условиях острой и усиливающейся реакции «партия не может получить достойного себя парламентского представительства». Ленин утверждал, что добиться такого представительства «все же возможно». В доказательство Ленин ссылаясь на опыт германской социал-демократии времен введения исключительного закона и сделал следующий вывод: «Отрицая эту возможность, Максимов и К^о обнаруживают только свое полнейшее политическое невежество»³⁶.

Ссылки на отдельные факты всемирной истории никогда не выступают в работах Ленина в качестве основного доказательства правильности его позиции. Ленин постоянно подчеркивал, что, разрабатывая историческую концепцию и формулируя политическую линию пролетарской партии, следует опираться на всю совокупность фактов. Основной смысл обращения Ленина к историческому опыту — обобщение исторических фактов, установление основных закономерностей классово-борьбы.

Ленин ввел в историческую науку и применил при анализе исторического развития России такие важные методологические понятия, обобщавшие опыт эпохи буржуазных революций, как два типа буржуазных революций (завершенные и незавершенные), циклы буржуазных революций — два пути завершения буржуазных революций (немецкий и французский), два пути или два типа капиталистического развития сельского хозяйства (пруский и американский).

* * *

Внимание В. И. Ленина к тем или иным эпохам и событиям в истории демократии и пролетариата Западной Европы определялось объективной исторической обстановкой, интересами классовой борьбы. В эпоху буржуазных революций в России особое внимание и революционных марксистов, и враждебных марксизму течений вызывала эпоха буржуазных революций на Западе.

И те, и другие обращались к истории для обоснования своей позиции по основному вопросу общественно-политической жизни

³⁵ В. И. Ленин. Орган либеральной рабочей политики.— Полн. собр. соч., т. 21, стр. 160.

³⁶ В. И. Ленин. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства.— Полн. собр. соч., т. 19, стр. 75.

страны конца XIX — начала XX в. — гегемонии пролетариата или гегемонии буржуазии в общенародном движении против царизма, против феодально-крепостнических пережитков. Для эпохи буржуазных революций в Западной Европе были характерны слабость, недостаточная сознательность и организованность пролетариата и трудящихся и, как результат этого, гегемония буржуазии, сдерживавшей борьбу народных масс и присваивавшей плоды их побед. Неизбежность подобного соотношения классов, подобного рода событий в России — таков основной урок, который извлекали из истории все противники революционной пролетарского движения. Утверждение большевиков о перемещении центра мирового революционного движения в Россию, о том, что русский пролетариат может и должен проложить новый путь историческому развитию, вызывало возмущение и насмешки либералов. «Откуда такая гордыня? — восклицал П. Виноградов. — Не мешало бы поучиться ходить, прежде чем собираться обгонять западную буржуазию...»³⁷ Всячески старался подорвать и высмеять эту идею П. Струве, писавший, что по мнению большевиков «мы как бы уполномочены историей шествовать по пути прогресса быстрее других народов»³⁸. Струве наговорил по этому поводу много вздора о возрождении большевиками славянофильски народнических взглядов насчет особой миссии русского народа и т. п. При этом он отмечает, что даже некоторые европейские марксисты «стали в указанном смысле славянофилами и склонны были узреть в нашей революции как бы Мессию всеобщего социального и политического переворота»³⁹.

Основные положения либералов полностью разделялись оппортунистическими элементами в русском и международном рабочем движении. Ссылаясь на опыт истории, меньшевики выступали за гегемонию буржуазии в русской буржуазно-демократической революции и боролись против идеи гегемонии пролетариата. К опыту истории они апеллировали, толкуя о «европеизации» России после поражения первой русской революции. Взгляды западноевропейских оппортунистов хорошо выразил бельгийский реформист Ансель, воскликнувший на Амстердамском конгрессе II Интернационала: «Неужели такие страны, как Россия... будут указывать путь европейскому пролетариату!». Буржуазно-меньшевистское истолкование истории было средством борьбы с исторической инициативой русского рабочего класса, попыткой направить рабочее движение в избитую колею, проложенную в период слабости и неорганизованности рабочего класса Западной Европы. Опираясь на исторический опыт, Ленин утверждал необходимость смелой революционной инициативы русского

³⁷ «Русские ведомости», 5 августа 1905 г.

³⁸ П. Струве. Консерватизм интеллигентской мысли. — «Русская мысль», июль 1908 г., стр. 42.

³⁹ Там же.

пролетариата и ее великое значение для всего мирового пролетарского движения. Опыт истории свидетельствовал, что «из всех буржуазных революций Европы рабочий класс вышел с разочарованием, ибо входил в них с буржуазно-демократическими иллюзиями»⁴⁰. Русским революционным марксистам изучение этого опыта необходимо было именно для того, чтобы не допустить подобного же хода событий в России, чтобы проложить новый путь исторического развития. Освоение исторического опыта пролетарской партией не могло выразиться в повторении лозунгов, линии поведения, форм организации пролетариата и демократии других стран, действовавших совсем в других условиях, при другом уровне развития капитализма и классовой борьбы. Оно заключалось прежде всего в том, что пролетарская партия руководствовалась учением марксизма, в котором «подведены общие уроки истории», что партия, по выражению Ленина, «советовалась с Марксом» о задачах и тактике пролетариата. Учет исторического опыта должен был выразиться в разработке тех проблем, которые не сумел разрешить, о которых споткнулся европейский пролетариат в прошлых буржуазных революциях, и нахождении решения этих проблем в конкретных условиях русской революции. Важнейшие из них: организация сил пролетариата, пролетарское руководство революцией. Марксистско-ленинское решение этих проблем определялось учением о пролетарской партии, о гегемонии пролетариата в русской буржуазно-демократической революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Обращаясь к историческому прошлому накануне и в период первой русской революции, Ленин прежде всего изучал опыт буржуазных революций XVIII и XIX вв. Центральное звено в ленинском обобщении этого опыта — разграничение двух типов буржуазных революций: революции типа 1789 и типа 1848 годов, революций, «доведенных до конца», и революций, остановившихся на полдороге. Центральная проблема, интересующая Ленина, — зависимость исхода европейских революций от того, какой класс играл роль гегемона в решающие моменты революционных столкновений и преобразований.

Классическим примером учета Лениным исторического опыта является работа «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Определение задач пролетариата и его партии обосновано в ней глубоким анализом своеобразия исторической обстановки и соотношения классов в стране. И вместе с тем решение этих задач намечается Лениным с тщательным учетом уроков истории. Оно исходит из разграничения двух типов буржуазных революций, имевших место в Европе, и направ-

⁴⁰ В. И. Ленин. План статьи против эсеров.— Полн. собр. соч., т. 7, стр. 389—390.

лено на обеспечение «французского» типа революции. А идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, осуществление которой являлось условием действительно победоносной российской революции, Ленин связывал с историческим опытом якобинской диктатуры, с уроками немецкой революции 1848 г.⁴¹

Временное поражение первой русской революции поставило перед рабочим классом и его партией целый ряд новых сложнейших проблем: итоги и уроки первой русской революции, социальная природа третьеиюньского режима, борьба двух путей изживания крепостнических пережитков в сельском хозяйстве, перспективы нового подъема демократической революции, формы организации сил пролетариата и методы его деятельности. Разрабатывая решение этих вопросов, Ленин по-прежнему широко обращался к историческому опыту, учитывал ход развития аналогичных процессов в других странах. Ленинские работы 1907—1914 гг. содержат многочисленные исторические справки, исторические параллели, оценку многих крупных событий европейской истории, помогающие выяснению как общих закономерностей, так и специфических черт тех процессов, которые развернулись в России после поражения революции. При этом интересы Ленина к историческому прошлому значительно расширились по своему хронологическому охвату. Раньше они были сосредоточены на изучении периодов непосредственной революционной борьбы. В 1907—1914 гг. Ленин уделяет большое внимание изучению борьбы пролетариата в эпоху реакции, выяснению роли пролетариата разных стран в разрешении основных проблем национального развития после поражения первого тура революционных боев. Объектом ленинского анализа становится вся эпоха буржуазных революций в историко-методологическом значении этого слова, т. е. весь исторический период 1789—1871 гг.

Новый и чрезвычайно важный момент в ленинском обобщении исторического прошлого в рассматриваемый период заключался в том, что это обобщение проводилось в свете того колоссального опыта, который был накоплен русским пролетариатом за три года первой революции. Опыт революции подтвердил большевистский прогноз. Вместе с тем революция чрезвычайно обогатила, конкретизировала ранее сложившиеся представления о роли различных классов и партий. Революция глубоко вскрыла их цели и стремления, показала национальные особенности буржуазии и мелкой буржуазии, выявила истинную природу политических партий, показала присущие этим социальным силам способы политиче-

⁴¹ Этот вопрос подробно рассматривается в нашей работе «Историческое обоснование идеи гегемонии пролетариата в работах В. И. Ленина накануне и в период революции 1905—1907 гг.».— «Ученые записки Саратовск. гос. ун-та», т. LV. Саратов, 1956, стр. 3—84.

ского действия. Все это дало громадный толчок политическому созреванию пролетариата⁴². Как отмечал Ленин, вся история европейских государств свидетельствует, что классовые группировки и крупные политические партии, сложившиеся в периоды непосредственно революционной борьбы, держатся затем в течение даже самых долгих периодов застоя, «пока не решены объективные задачи потерпевшей то или иное поражение революции»⁴³. Таким образом, опыт революции явился основой для разработки политической линии пролетариата и его партии для всего последующего периода борьбы за разрешение задач буржуазно-демократической революции в России, для предвидения поведения других классов и партий.

В. И. Ленин писал, что Маркс и Энгельс постоянно возвращались к революции 1848—1849 гг. «для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде», что это является «неразрывной составной частью всего их революционного миросозерцания»⁴⁴. Такое же место заняла в деятельности самого Ленина революция 1905—1907 гг. Вплоть до свержения царизма первая русская революция являлась для Ленина центральным, узловым пунктом общественного развития России. Он многократно обращался к ее событиям, ее урокам, он рассматривал все новые факты и проблемы классовой борьбы, исходя из опыта этой революции. Первая русская революция не была каким-то частным, узконациональным явлением. Она представляла собой новый, высший этап всего международного рабочего движения. Ленин указывал, что русский пролетариат использует «гигантский опыт Европы», что он «стоит на плечах целого ряда революционных поколений Европы», «на плечах Коммуны». Русская революция 1905—1907 гг. была первым в истории капиталистического общества общенациональным кризисом, в котором пролетариат участвовал в качестве самостоятельной политической силы, в качестве гегемона революции. Россия первая показала миру «значение пролетариата, бесконечно более высокое, чем его доля в населении, сочетание экономической и политической стачки, с превращением последней в вооруженное восстание, рождение новой формы массовой борьбы и массовой организации угнетенных капитализмом классов — Советов»⁴⁵. Опираясь на весь предшествующий опыт революционной борьбы, русский рабочий класс прокладывал новые пути международному рабочему движению. В ходе революции 1905 г. завершалось перемещение центра мирового революционного движения в

⁴² В. И. Ленин. Заметки публициста.— Полн. собр. соч., т. 16, стр. 65.

⁴³ В. И. Ленин. Об оценке текущего момента.— Полн. собр. соч., т. 17, стр. 279.

⁴⁴ В. И. Ленин. Против бойкота.— Полн. собр. соч., т. 16, стр. 24.

⁴⁵ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч., т. 41, стр. 75.

Россию. Борьба масс в октябре и декабре 1905 г. явилась «самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны»⁴⁶. Пока рабочие России, руководимые Коммунистической партией, не дали мировому пролетариату образца победоносной пролетарской революции 1917 г., опыт 1905 г. оставался высшим достижением пролетарской классовой борьбы.

Меньшевики, как и подавляющая часть вождей II Интернационала, отрицали значение революционного опыта пролетариата. «Учитесь у немцев»,— упорно твердил Плеханов, выступая против большевиков. По его утверждению, германская социал-демократия — «едва ли не единственная партия в мире, тактику которой нужно без преувеличения назвать научной»⁴⁷. Разоблачая антимарксистский характер меньшевизма, Ленин настойчиво разъяснял, что нельзя охватить задач русской революционной эпохи посредством копирования немецких шаблонов. «Учитесь-ка у истории русской революции, господи!»⁴⁸ — восклицал Ленин по адресу русских оппортунистов и их европейских единомышленников. Ленин подчеркивал, что «единственно научная», т. е. марксистская, тактика как раз и невозможна без учета опыта русской революции.

Оценивая поведение меньшевиков в связи с роспуском II Государственной думы, Ленин писал, что они рассматривают вопрос о свержении центральной власти по ледрю-ролленовски, тогда как «история *рабочего и крестьянского* движения в России XX века» учит, как судить о нем по-марксистски⁴⁹. Такие же мысли высказывал Ленин по поводу авантюристической тактики эсеров. «А если бы эти люди ценили марксизм, как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов»⁵⁰.

Начав с критического освоения опыта международного революционного движения, русский пролетариат приобрел в процессе революции такой богатейший опыт, который в свою очередь стал источником революционной учебы для передовых элементов международного пролетарского движения. Обобщив этот опыт, Ленин поднял марксизм на новую, высшую ступень.

Накануне и в начале первой русской революции изучение исторического опыта передовых капиталистических стран помо-

⁴⁶ В. И. Ленин. К оценке русской революции.— Полн. собр. соч., т. 17, стр. 49.

⁴⁷ Г. В. Плеханов. Заметки публициста.— Соч., т. XV, стр. 201, 272.

⁴⁸ В. И. Ленин. О бойкоте.— Полн. собр. соч., т. 13, стр. 340.

⁴⁹ В. И. Ленин. Политический кризис и провал оппортунистической тактики.— Полн. собр. соч., т. 13, стр. 353.

⁵⁰ В. И. Ленин. О некоторых чертах современного распада.— Полн. собр. соч., т. 17, стр. 143.

гало идеологам пролетариата предвидеть общую линию поведения различных классов русского общества, знакомило пролетарскую партию с поведением пролетариата и других классов европейских стран в буржуазных революциях, с условиями успехов и поражений этих революций. В пореволюционный период решение этих вопросов вытекало непосредственно из уроков русской революции. Вместе с тем внимание Ленина к историческому прошлому западноевропейских стран было и в этот период очень велико. Дело в том, что те социальные процессы, которые развертывались в эти годы в России, были уже завершены в капиталистических странах Запада. Обращение к истории этих стран позволило выделить и рассмотреть, как на модели, при каких условиях победила в этих странах та или другая тенденция и что означала она с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата.

Этот исторический опыт мог способствовать лучшему пониманию тех социальных процессов и явлений, которые происходили в России, тех задач, которые выдвигала буржуазная революция. Однако русскому пролетариату пришлось решать эти задачи после Парижской Коммуны, уже в период империализма, когда достигли большой остроты специфические проблемы новой исторической эпохи, подготовлялась борьба пролетариата против господства империалистической буржуазии. В это время в международном рабочем движении четко обозначились два течения — революционное и оппортунистическое, представлявшие по существу две различные системы взглядов на все вопросы общественного развития. Поэтому, чтобы наметить линию поведения русского пролетариата в условиях буржуазной революции, необходимо было учесть и опыт международного рабочего движения. Важнейшее значение Ленин придавал Парижской Коммуне.

В феврале-марте 1905 г., Ленин наметил уроки и выводы, которые должен извлечь пролетариат из героической борьбы парижских коммунаров. «Уроки: буржуазия пойдет на все. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы». Выводы, сделанные Лениным из событий Коммуны, говорили о необходимости политической самостоятельности пролетариата, освобождения его от националистических иллюзий, необходимости и возможности превращения пролетариата в вождя крестьянских масс как условия победы. Опыт Коммуны намечал путь к освобождению пролетариата. Ленин сформулировал его так: «Самостоятельная организация пролетариата — классовая борьба — гражданская война. На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении»⁵¹.

Использование опыта современного социалистического движения при разрешении проблем русской буржуазно-демократиче-

⁵¹ В. И. Ленин. План чтения о Коммуне.— Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

ской революции означало учет как его положительных достижений, так и того, «чему не следует подражать в немецком рабочем движении». Ленин придавал тем большее значение учету опыта социалистического движения эпохи империализма, что всю борьбу русского пролетариата за демократию рассматривал как школу, подготовлявшую рабочий класс к борьбе за социализм.

До победы буржуазно-демократической революции в России перед русским пролетариатом стояли такие непосредственные задачи, которые так или иначе были уже решены на Западе. В этом заключался один из источников самой проблемы изучения и использования идеологами русского пролетариата европейского исторического опыта. С момента перехода к непосредственной борьбе за власть русский рабочий класс, руководимый партией нового типа, стал авангардом международного пролетариата не только по формам и методам борьбы, но и по ее объективному содержанию. Учиться делать социалистическую революцию и строить социалистическое общество русскому пролетариату было не у кого.

Вместе с тем Ленин и в этот период продолжает обращаться к опыту великих буржуазных революций и классовых боев европейского пролетариата. В этой связи следует отметить новый момент в самом подходе Ленина к историческому прошлому. В период борьбы за буржуазно-демократическую революцию Ленин сопоставлял развитие разных стран в рамках одной исторической эпохи, т. е. стремился к установлению исторических закономерностей. При этом Ленин неустанно разоблачал попытки буржуазных идеологов утопить специфические черты и проблемы империализма в разговорах об обществе «вообще» и прогрессе «вообще» путем сопоставления Британской империи с великим Римом. Это не исключало установления Лениным сходных черт в развитии различных исторических эпох. Например, указав, что схоластические писания П. Струве отражают боязнь научного анализа современного хозяйства, свойственную буржуазии, Ленин пишет: «Барский скептицизм характеризует ее, как и все приходящие в упадок классы»⁵².

В период борьбы за установление пролетарской диктатуры и ее укрепление Ленин выделял общие черты исторических явлений, относящиеся к различным историческим эпохам, к различным формациям, т. е. у с т а н а в л и в а л с о ц и о л о г и ч е с к и е з а к о н о м е р н о с т и. Они относятся прежде всего к таким историческим явлениям, как «механика» революционной борьбы, роль революции в ходе общественного развития и т. п. Ленин пользовался этими закономерностями как орудием познания действительности. С другой стороны, установление этих закономерностей позволяло показать, что социалистическая революция

⁵² В. И. Ленин. Еще одно уничтожение социализма.— Полн. собр. соч., т. 25, стр. 42.

при всей своей новизне не выпадает из общего процесса исторического развития, а является его органическим этапом.

В период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин обобщил и использовал опыт первых революционных битв пролетариата против господства буржуазии. Так, обращение к событиям 1848 г. во Франции и Парижской Коммуны непосредственно помогало идеологам пролетариата вскрыть тенденции поведения враждебных классов, помогало в борьбе с ними. Достаточно вспомнить статьи В. И. Ленина «Луиблановщина», «Из какого классового источника приходят и „придут“ Кавеньяки?». В последней статье, отметив существенные отличия внутреннего и международного положения России лета 1907 г. от Франции 1848 г., Ленин писал: «Но все это может изменить лишь форму выступления Кавеньяков, момент, внешние поводы и т. д. Суть дела все это изменить не может, ибо суть дела заключается в *взаимоотношении классов*»⁵³.

Исключительным по своему значению обобщением опыта революции 1848 г. и особенно Парижской Коммуны явилась работа В. И. Ленина «Государство и революция», в которой доказана необходимость разбить старую государственную машину и создать республику Советов. Обосновывая необходимость и возможность вооруженного восстания и свержения власти империалистической буржуазии, Ленин вновь обращался к опыту Великой французской революции, к сформулированным Марксом урокам немецкой революции 1848 г. Большевики утверждали, что демократия непобедима в гражданской войне, когда занимает оборонительную позицию, и терпит поражение, когда берет в свои руки наступательную инициативу. Разоблачая этих «тожемарксистов», Ленин отмечал, что для них «опыт всемирной истории, опыт великой французской революции — ничто»⁵⁴.

Выясняя действительные уроки истории по вопросу о гражданской войне, Ленин противопоставляет меньшевикам замечательные мысли Маркса о величайшем значении энергичной наступательной тактики для достижения победы в восстании. Эти рассуждения Ленин приводит в работах «Удержат ли большевики государственную власть?», «Советы постороннего», он ссылается на них в письме «Марксизм и восстание» и в ряде других статей. Ленин выражает надежду, что русский пролетариат сумеет использовать уроки истории, что руководители пролетарского восстания «успешно применят великие заветы Дантона и Маркса»⁵⁵.

⁵³ В. И. Ленин. Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки? — Полн. собр. соч., т. 32, стр. 346.

⁵⁴ В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч., т. 34, стр. 336.

⁵⁵ В. И. Ленин. Советч постороннего. — Полн. собр. соч., т. 34, стр. 384.

Доказывая, что переход власти в руки рабочего класса является единственным средством спасения страны от военного разгрома, Ленин также ссылается на опыт Великой французской буржуазной революции. Ленин анализирует источники победы этой революции в борьбе против интервентов и показывает, что они заключались прежде всего в переходе власти в руки революционного класса, в энергичном революционном очищении Франции от феодальных отношений, в хозяйственном возрождении страны, которое явилось основой невиданного морального подъема и героизма народных масс. Именно на этом пути предлагает Ленин искать спасения России от грозящей катастрофы, подчеркивая, что в обстановке государственно-монополистического капитализма для хозяйственного возрождения страны необходимо национализировать крупные предприятия, банки, транспорт и т. п., наладить всенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов⁵⁶. Разоблачая меньшевистско-эсеровские призывы к «единству классов», направленные против установления пролетарской диктатуры, Ленин писал: «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию». Это положение Ленин подкрепляет ссылкой на опыт истории. «Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции. Так стоял вопрос во всех революциях, и в английской XVII века, и во французской XVIII века, и в немецкой XIX века. Как же это мыслимо, чтобы вопрос не стоял так в русской революции XX века?»⁵⁷.

Широкое обращение к историческому опыту характерно и для работ Ленина, написанных непосредственно после установления пролетарской диктатуры. Так, Ленин сопоставляет Брестский мир с Тильзитским и состояние России после Бреста с состоянием Пруссии после Тильзита⁵⁸.

Отметим ссылки В. И. Ленина на историю великих буржуазных революций в связи с доказательством необходимости пролетарского руководства крестьянством в условиях новой экономической политики. Ленин указывает, что «распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме, во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало, в зачаточной форме, при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории, на самое короткое время; так было в России 1917—1921 годов в более развитой форме). О „третьем“

⁵⁶ В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Полн. собр. соч., т. 34.

⁵⁷ В. И. Ленин. Люди с того света.— Полн. собр. соч., т. 35, стр. 230.

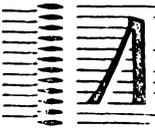
⁵⁸ В. И. Ленин. Странное и чудовищное.— Полн. собр. соч., т. 35, стр. 405—406.

пути, о „третьей силе“ могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»⁵⁹.

Отмечая общность каких-либо черт или сходство между какими-либо явлениями пролетарской революции в России и великими буржуазными революциями на Западе, Ленин вместе с тем резко подчеркивал коренное принципиальное различие этих революций и тех социально-экономических порядков, которые утвердились в результате победы каждой из них, показывал превосходство социалистической революции, пролетарской демократии перед буржуазной революцией и буржуазной демократией. С этим связана важнейшая проблема исторического опыта в его новом аспекте — проблема передачи опыта русского пролетариата и прежде всего опыта социалистической революции рабочему классу других стран.

⁵⁹ В. И. Ленин. О продовольственном налоге.— Полн. собр. соч., т. 43, стр. 239—240.

Первые труды В. И. Ленина по истории Октябрьской революции

 Ленинский замысел создания книги, в которой была бы дана история Советов в революциях 1905 и 1917 гг., созрел еще накануне Октябрьской революции. В подзаголовке книги «Государство и революция» было обозначено: «Выпуск I». Как известно, книга состоит из шести глав. В послесловии к первому изданию этой книги Ленин писал: «Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: „Опыт русских революций 1905 и 1917 годов“. Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: „помешал“ политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой „помехе“ можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный „Опыту русских революций 1905 и 1917 годов“), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее „опыт революции“ проделывать, чем о нем писать»¹.

Несколько строк текста VII главы Ленин все же успел написать. Они являются ключом к пониманию ленинского замысла второго выпуска книги «Государство и революция». Воспроизведем эти строки:

«Глава VII. Опыт русских революций 1905 и 1917 годов.

Тема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что об ней можно и должно писать томы. В настоящей брошюре придется ограничиться, разумеется, только самыми главными уроками опыта, касающимися непосредственно задач пролетариата в революции по отношению к государственной власти»².

Главные уроки опыта пролетариата в революциях 1905 и 1917 гг. в такой важнейшей области, как отношение к государственной власти,— таков был первоначальный замысел второй части «Государства и революции». Советы как органы власти — вот что интересовало Ленина.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 120.

² Там же, стр. 119.

Сохранившиеся варианты плана VII главы дают возможность несколько конкретнее представить себе ленинский замысел. Ленин предполагал дать анализ народного творчества в революции 1905 г., охарактеризовать отношение большевиков и меньшевиков к Советам 1905 г., подвергнуть критике западноевропейскую литературу по этим вопросам. Центральное место в VII главе должен был занять анализ опыта революции 1917 г. Из вариантов плана видно, что Ленин строил изложение в строго исторической последовательности. В плане главы выделялись такие события, как возникновение Советов и их роль в марте-апреле 1917 г., период упадка Советов в мае-августе, затем корниловщина и массовый подъем в сентябре 1917 г.³ Анализ сущности Советов и их исторического развития на протяжении первого полугодия революции Ленин предполагал вести в двух аспектах. Во-первых, рассмотреть Советы как органы власти, их функции, особенно создание рабочей милиции и проведение мер, выходящих за рамки буржуазно-демократического характера⁴. Во-вторых, разоблачить предательскую роль эсеров и меньшевиков, политику протитуирования Советов⁵.

Вплоть до ноября 1918 г. Ленину не удалось реализовать свой замысел. Однако это не означает, что он вообще не был реализован. Больше двух десятилетий спустя Сталин создал версию о том, что Ленин не выполнил этой задачи. На XVIII съезде партии Сталин заявил: «Ленин собирался написать вторую часть „Государства и революции“, где он рассчитывал подвести главные итоги опыта русских революций 1905-го и 1917-го года. Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу»⁶.

В действительности же Ленин эту задачу выполнил, прежде всего в такой классической работе, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Мы имеем основание рассматривать эту работу как вторую часть книги «Государство и революция». Конечно, изменилась обстановка, и писать вторую часть по плану, составленному до Октября не было смысла. Центр тяжести в новой книге Ленина, естественно, переносится на обобщение опыта революции не в 1905 г., не в дооктябрьский период 1917 г., а в период победы и развертывания социалистической революции, когда Советы стали органами диктатуры пролетариата.

Эта новая книга Ленина была обобщением огромного материала, накопленного за год пролетарской диктатуры. Первый год

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 323.

⁴ Там же, стр. 314.

⁵ Там же, стр. 323—324.

⁶ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1952, стр. 643—644.

пролетарской революции был равен десятилетиям мирного развития. События исторического значения сменяли друг друга с огромной быстротой. Триумфальное шествие Советской власти, германское наступление и Брестский мир, короткая передышка и планы мирного социалистического строительства, героическая борьба с кулацкими мятежами и интервенцией Антанты — все эти события могли быть поняты и правильно оценены при условии глубокой, точной и правильной характеристики всемирно-исторического поворота, происшедшего в Октябре.

Рассмотрим ленинские труды по истории Октябрьской революции, написанные до ноября 1918 г. Почти в каждой крупной своей работе, в каждом выступлении Ленин обращается к опыту революции 1917 г., к характеристике основных ее этапов.

В тяжелые дни германского наступления в феврале 1918 г. Ленин обращается к истории событий от февраля к октябрю, к анализу основных этапов революции, опираясь при этом на характеристику соотношения классовых сил и изменений в классовой структуре власти. Ленин выделяет четыре этапа революции. 27 февраля 1917 г. русский пролетариат совместно с крестьянством и буржуазией свергнул монархию. 21 апреля 1917 г. он потеснил правительство империалистической буржуазии, передвинул власть в руки мелкобуржуазных соглашателей с буржуазией. 3 июля городской пролетариат своим стихийным выступлением потряс правительство соглашателей. 25 октября это правительство было свергнуто. Установилась диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства⁷.

Эта концепция получает свое развитие в докладе Ленина на VII съезде партии. Здесь он обращает внимание на формы и характер каждого периода Октябрьской революции и их единство. Капитулянты, выступавшие против ленинской линии в октябре 1917 г., разрывали единство и последовательность основных этапов революции от февраля к октябрю. «Ошибка желавших разделить и в октябре власть — в том, что они не связали октябрьской победы с июльскими днями, наступлением, корнизацией и т. д. и т. д., что подвело многомиллионные массы к сознанию того, что Советская власть стала неизбежна»⁸, — говорил Ленин. Как мы видим, Ленин обращается в эти драматические дни к такому, казалось бы, сугубо академическому вопросу, как периодизация истории Октября, потому что это дает возможность выяснить закономерность развития основных этапов революции, более глубоко понять ее ближайшие и отдаленные перспективы. «...Лишь тогда, — говорил Ленин, — если мы поставим своей задачей учесть тот перелом, который бросил нас от быстрых, легких и полных побед к тяжелым поражениям, лишь

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 393.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 4.

тогда мы в состоянии будем правильно оценить нашу тактику»⁹.

В докладе на IV съезде Советов Ленин дальше развивает свою схему истории Октября. Он говорит об основных периодах этой истории. Первый период — от 27 февраля до 20 апреля — период свержения самодержавия и создания Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Второй период — от 20 апреля до 25 октября — Ленин называет переходным и делит его на ряд «полос», этапов: с 20 апреля до наступления на фронте, затем июльский кризис, корниловщина, и «...только тогда, после долгого политического развития, после долгой подготовки и перемены в настроении и взглядах партийных группировок созда-лась почва для Октябрьского переворота, и наступил третий период русской революции...»¹⁰. В третий период Ленин включает события от победы Октябрьского вооруженного восстания до начала немецкого наступления. Он называет его периодом триумфального шествия Советской власти, когда революция в России «...шла как бы в независимости от международного империализма»¹¹. Из этой схемы Ленин делал определенный вывод о завершении периода триумфального шествия Советской власти, о вступлении ее в новый период, период тягчайших поражений, тягчайших испытаний¹². Как мы видим, Ленин с развитием революции укрупняет периоды ее истории, совершенствует периодизацию, делит крупные периоды на «полосы», этапы, раскрывая их внутреннюю связь и последовательность.

Во время первой мирной передышки Ленин обращается к выяснению основных отличий Октябрьской революции от буржуазных революций XVII—XIX вв. Ленин не только впервые поставил этот вопрос, но и дал глубокое его решение. Сначала Ленин сравнивает социалистическую и буржуазные революции по их задачам и предпосылкам решения этих задач. Затем он обращается к анализу методов решения революционных задач, выясняет место насилия, террора и энтузиазма масс в буржуазных и социалистической революциях. Наконец, сравнение идет по результатам, по тем практическим завоеваниям, которые получили массы в ходе революций.

Как на основное различие буржуазной и социалистической революций Ленин указывает на то, что новые, буржуазные экономические отношения создаются в недрах старого, феодально-крепостнического строя, тогда как социалистическая революция должна организовать, построить новые экономические отношения. Еще в декабре 1917 г., во время непродолжительного отпуска, Ленин написал ряд значительных работ, в которых был

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 97—98.

¹⁰ Там же, стр. 94.

¹¹ Там же, стр. 95.

¹² Там же, стр. 96.

обобщен опыт истории первых месяцев социалистической революции: «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», «Как организовать соревнование?», «Из дневника публициста», первоначальный вариант труда «Очередные задачи Советской власти» (в стенографической записи); все эти работы не были опубликованы при жизни Ленина, но все они были использованы Лениным в ряде других трудов. Вместе с тем эти подготовительные труды Ленина представляют и самостоятельный интерес, имеют большое значение для понимания ленинской концепции истории советского общества. В статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» весь пафос направлен против саботажников и заговорщиков, и именно с этой стороны Ленин характеризует период красновардейской атаки на капитал. Вместе с тем уже в этой работе Ленин выдвигает весьма важное методологическое положение о «кажущемся хаосе»¹³ могучего краха старого мира. За этим «хаосом» историк-марксист должен увидеть очертания новой постройки, воздвигаемой творчеством масс. Эти идеи получили свое развитие в статье «Как организовать соревнование?» и в первом же варианте работы «Очередные задачи Советской власти». Здесь на первый план выдвигаются такие процессы, порожденные революцией, как всенародная организация, всенародный учет и контроль над производством и распределением, воспитание масс, соревнование. Особый интерес представляет положение Ленина о том, что «впервые в новейшей истории цивилизованных народов» речь идет о таком управлении, «...когда преимуществонное значение приобретает не политика, а экономика»¹⁴. И далее: «...сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим»¹⁵. В этих работах Ленин подвергает анализу новые движущие силы развития общества после победы социалистической революции и прежде всего организацию соревнования в области производства, «...соревнование в его не зверских, а в человеческих формах»¹⁶. Организацию соревнования на социалистических началах Ленин считал одной из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации экономического строя общества.

Все эти идеи получили свое развернутое обоснование в гениальной работе Ленина «Очередные задачи Советской власти». В этой работе Ленин не только обосновал творческие, созидательные задачи социалистической революции, но и показал, что эту творческую работу должно и может выполнить огромное

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 191—192.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 130.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 151.

большинство трудящихся масс. Ленин показал, что русская революция в отличие от буржуазных революций на Западе дала революционную массу, подготовленную 1905 г. к самостоятельному выступлению. «Наша революция,— говорил Ленин,— отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах...»¹⁷

Буржуазные революции выполняли положительные, созидательные задачи сравнительно легко, «...потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный»¹⁸. «Напротив,— писал далее Ленин,— главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции,— а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России,— является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся»¹⁹.

Вопреки буржуазным «критикам» марксизма, которые утверждали и утверждают, что последователи Маркса не интересуются якобы психологией масс, Ленин показал образцы анализа социально обусловленных переломов в психологии трудящихся. «Возьмите психологию среднего, рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы, сопоставьте эту психологию с объективными, материальными условиями его общественной жизни»,— писал Ленин²⁰. И дальше Ленин показал, что представитель эксплуатируемой массы никогда еще не видел, не испытал, не почувствовал на деле, чтобы имущие классы поступились чем-нибудь в его пользу — будь то земля, воля, мир, интересы «великодержавности», прибыли. Он увидел это только после 25 октября, когда он все это завоевал силой. «Понятно,— писал Ленин,— что известное время все его внимание, все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага жизни, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры»²¹. Необходимо известное время, чтобы рядовой представитель массы почувствовал, что так просто «взять», хапнуть нельзя, что это ведет к контрреволюции и разрухе, к реставрации

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 104.

¹⁸ Там же, стр. 171.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 200—201.

²¹ Там же, стр. 201.

власти корниловых. Ленин считал, что именно в это время, в период первой мирной передышки, начался перелом в условиях жизни (а следовательно, и в психологии) трудящейся массы²². Содержанием этого нового периода Ленин считал закрепление в прочные формы трудовой дисциплины, того, что революция завоевала, декретировала, узаконила; соединение бурного, бьющего весенним половодьем митингового демократизма трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда²³. В «Очередных задачах Советской власти» Ленин дальше развивает свою схему периодизации истории Октябрьской революции, выделяя все более крупные периоды, отвлекаясь от специфики отдельных дробных полос и подчеркивая то наиболее характерное, что объединяет эти полосы в единые «великие этапы», соответствующие наиболее важным задачам революции²⁴. Ленин обозначает такие всемирно-исторические этапы, как октябрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г., как этапы, когда происходило объединение усилий масс против эксплуататоров для их свержения.

Второй великий этап революции начался 25 октября 1917 г. и продолжался до завоевания мирной передышки. На этом этапе была решена вторая задача революции: «пробудить и поднять те именно общественные „низы“, которые эксплуататоры столкнули вниз...»²⁵. Важнейшая особенность этого этапа — создание народными массами под руководством большевиков «везде и повсюду своей советской организации»²⁶. Ленин назвал этот этап красногвардейской атакой на капитал. Он глубоко вскрыл причины, вызвавшие необходимость применения насилия на этом этапе. Во-первых, капитал сопротивлялся по-военному, и подавить его необходимо было военными средствами. Во-вторых, методы управления не могли быть поставлены на первое место и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом — тогда этого опыта еще не было. В-третьих, буржуазные специалисты применили саботаж, этот саботаж нужно было подавить²⁷. На этом этапе была решена и такая важная задача, как пробуждение и подъем общественных низов. Характерными чертами этого периода являлись митингование наиболее угнетенной и забитой массы трудящихся и проведение ею всюду своей советской организации²⁸.

С завоеванием мирной передышки весной 1918 г. начался третий этап, когда необходимо было закрепить то, что завоевано, и создать во всех областях общественной жизни социалистический порядок. Главной задачей стала организация управления

²² Там же.

²³ Там же, стр. 202—203.

²⁴ Там же, стр. 202.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 177—178.

²⁸ Там же, стр. 202.

Россией. На этом новом этапе речь шла о создании «...таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникнуть вновь буржуазия»²⁹. В этой же работе Ленин назвал третий этап началом эпохи «использования пролетарской государственной властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия»³⁰. Развивая эти идеи в своем докладе об очередных задачах Советской власти, Ленин отметил возрастающую роль партии в связи с ростом массы, втягиваемой в активное историческое творчество. При царе большевики организовывали тысячи трудящихся, при Керенском сотни тысяч. Но это все был подготовительный класс. «И пока передовые рабочие не научатся организовывать десятки миллионов, до тех пор они — не социалисты и не творцы социалистического общества...»³¹, — говорил Ленин.

Взяв власть в свои руки, рабочий класс направил ее на укрепление союза с крестьянской беднотой. «Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том, что передовой рабочий, *как руководитель бедноты, как вождь* деревенской трудящейся массы, *как строитель государства труда*, „пошел в народ“. Тысячи и тысячи лучших рабочих отдал деревне Питер, отдал ей другие пролетарские центры»³², — писал Ленин. Анализируя творчество масс, его величайшее историческое значение, Ленин глубоко вскрывал ошибки, слабости, недостатки этого творчества. Рабочие организуют деревенскую бедноту, но сами рабочие отнюдь не святые. Они ведут вперед народные массы, но они же заражаются болезнями мелкобуржуазного развала³³. Рабочие и крестьяне, взявшись строить социалистическое государство, стремились учиться этому строительству на собственном опыте, собственных ошибках. Часто эти ошибки являлись результатом поисков, которые имели в своей основе здоровое стремление масс к самостоятельному творчеству. Отмечая тенденции к сепаратизму местных Советов по отношению к центральным органам Советской власти до принятия первой Конституции, Ленин говорил: «В этом стремлении к сепаратизму было много здорового, доброго, в смысле стремления к созиданию. Советская конституция выявила отношение волостной власти к уездной, уездной к губернской и этой последней к центру»³⁴.

В октябре-ноябре 1918 г. Ленин подвел первые итоги развертывания социалистической революции. В речи на VI Всероссийском съезде Советов Ленин охарактеризовал важнейшие на-

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 175

³⁰ Там же, стр. 178.

³¹ Там же, стр. 262.

³² Там же, стр. 363.

³³ Там же, стр. 364.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 21.

правления этого развития за первый год диктатуры пролетариата: от рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности; от общекрестьянской борьбы за землю к борьбе крестьянской бедноты с кулачеством за строительство новой жизни; от первых шагов советской организации к созданию единой советской государственной системы, оформленной в конституции; от полной незащитности на международной арене к созданию могучей Красной Армии, от полного одиночества Советской Республики к мощному подъему революционной борьбы на Западе³⁵.

Так на протяжении 1917—1918 гг. развивал Ленин свою концепцию истории советского общества в ходе развития исторических событий.

К концу 1918 г. резкий поворот в развитии всемирной истории — укрепление Советского государства, поворот середняка в сторону союза с рабочим классом, крушение австро-венгерской и германской монархий — определил новую обстановку и благоприятные условия для реализации ленинского замысла, намеченного еще в плане VII главы «Государства и революции». Ленин взялся за создание первой крупной послеоктябрьской работы, в которой впервые была дана в обобщенном виде политическая и экономическая история возникшего в Октябре Советского государства.

Внешним толчком к созданию этой работы Лениным явилась борьба, развернувшаяся в западноевропейской и американской историографии вокруг вопросов о характере и движущих силах Октябрьской революции.

Еще в декабре 1917 г. газета «Leipziger Volkszeitung» начала публикацию серии антисоветских статей меньшевика А. Штейна под названием «Демократия или диктатура». В этом же духе в январе — марте 1918 г. написал ряд статей под названием «Демократия и диктатура» и «Различные критики большевизма» К. Каутский. Лидер австро-германских оппортунистов полностью поддержал меньшевиков, злобно нападал на диктатуру пролетариата и призывал русских коммунистов уступить место у государственного руля другим партиям.

Против Каутского и Штейна выступил Ф. Меринг. Ряд его статей был опубликован в «Штутгартском социал-демократе». 13 июня 1918 г. в «Правде» появилось открытое письмо Меринга, в котором он писал о Каутском, что «у этого школьного учителя нет ни малейшего следа революционного духа Маркса». Однако в этих статьях и в письме Меринга не содержалось критики теоретических позиций Каутского³⁶. Опубликовала статью

³⁵ Там же, стр. 138—139.

³⁶ Тогда же, в середине 1918 г., Меринг написал статью «Маркс и большевики», в которой содержалась критика каутскианства. Но статья не была пропущена цензурой и увидела свет только в 1927 г.

«Право женщин в новой Советской Конституции» К. Цеткин. Но и в ней не было прямой теоретической критики позиций Каутского.

Сам же Каутский резко выступил против Меринга и Цеткин. Очередная статья Каутского «Демократия или диктатура» была в выдержках опубликована 20 сентября 1918 г. в «Правде». Прочитав эту статью, едва оправившийся после ранения В. И. Ленин в тот же день пишет письмо в Стокгольм В. В. Воровскому и Я. А. Берзину. «Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм Каутского возбуждают вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы с *теоретическим* опошлением марксизма Каутским?»³⁷ Ленин считал нетерпимым такое положение, когда даже такие люди, как Меринг и Цеткин, отмежевываются от Каутского более «морально», чем теоретически. Отметив, что Каутский оппортунистически извратил учение Маркса о государстве, диктатуре пролетариата, буржуазной демократии, парламентаризме, роли и значении Коммуны и т. д., Ленин просил принять меры для переиздания по-немецки «Государства и революции» и собрать и прислать ему все статьи и брошюры Каутского о большевиках.

Как только Ленин получил брошюру Каутского, он немедленно взялся за работу по подготовке своей новой книги. Сначала Ленин стал диктовать свою работу стенографу, присланному из Наркомвоена. Но работа со стенографом его не удовлетворила, все продиктованные материалы Ленин сжег. Дневниковая запись дежурных секретарей Ленина сохранила интересный его рассказ о первоначальном этапе работы над книгой. Он «привык видеть свою рукопись перед глазами, останавливаться, обдумывать в затруднительных случаях то место, в котором он „увязал“, ходить по комнате, даже просто убежать куда-нибудь гулять... Вспомнил о том, как он пытался диктовать свою статью стенографу Троцкого еще в 18-м году, как он в том случае, когда чувствовал, что „ввязнет“, в смущении „гнал“ все дальше и дальше с „неимоверной“ быстротой и как это привело к тому, что ему пришлось всю рукопись предать сожжению, после чего он сел писать сам и написал „Ренегата Каутского“, которым остался доволен»³⁸.

Еще до завершения работы над книгой Ленин, считая эту задачу очень важной и срочной, 11 октября 1918 г. выступил в «Правде» со статьей под названием «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Позиции, подобные Каутскому, занимали лонгетисты во Франции, независимцы в Англии, Турати и его последователи в Италии. Нужно было дать решающий бой международному оппортунизму по коренным вопросам характера и

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 299.

³⁸ «Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина». — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 2, стр. 83.

всемирно-исторической роли Октябрьской революции, и Ленин взял эту задачу на себя. Растущий революционный подъем в Европе, быстрое нарастание революции в Германии и Австро-Венгрии делали эту задачу особенно важной и актуальной. Опыт Октябрьской революции должен был стать достоянием международного пролетариата. Но и внутреннее развитие Советской Республики, задачи воспитания миллионов тружеников, вставших у руля государственного управления, требовали создания книги по истории Октябрьской революции. Еще 29 августа, за два дня до ранения, Ленин написал записку всем народным комиссарам о необходимости составления популярных брошюр-отчетов о первых шагах Октябрьской революции к социализму во всех областях политической и экономической жизни. Ленин даже разработал примерный перечень вопросов, подлежащих освещению:

а) улучшение положения масс (повышение заработной платы для *рабочих*, народных учителей и т. д.),

б) участие рабочих в управлении (лично выдающихся рабочих и рабочих организаций и т. д.),

в) тоже — беднейших крестьян и помощь Советской власти в борьбе против кулаков,

г) экспроприация помещиков, капиталистов, торговцев, финансистов и т. д.»³⁹

Все эти проблемы в той или иной мере получили освещение в книге Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Это была первая история Великой Октябрьской социалистической революции.

Работа над книгой была закончена в ноябре 1918 г. От первой до последней строки этот труд Ленина насквозь историчен — от «Предисловия», в котором Ленин излагает историю борьбы большевизма с оппортунизмом Каутского, до последнего раздела книги, содержащего анализ экономических преобразований за год после Октября.

Вся книга написана как острая, блестящая, беспощадная критика каутскианской фальсификации истории пролетарской революции в России. Но эта критика для Ленина является только исходным пунктом позитивной разработки основных проблем истории социалистической революции, изучения огромного опыта созидания нового общества за первый год со дня выстрелов «Авроры».

Первый раздел книги прямо связывает ее с исследованием Ленина «Государство и революция». В этом разделе Ленин рассматривает историю разработки Марксом и Энгельсом теории диктатуры пролетариата на основе опыта революций 1848 и 1871 гг. Весь раздел подчинен основной идее, которая так сформулирована Лениным: «...формула: „диктатура пролетариата“

³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 294.

есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата „разбить“ буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революции 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, *в течение сорока лет*»⁴⁰. Ленин разоблачил каутскианскую фальсификацию понятия «диктатуры пролетариата», из которого исчезает революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями.

Анализируя сущность буржуазной и пролетарской демократии в их развитии, Ленин глубоко раскрывает историю возникновения и развития подлинной социалистической демократии в таких трудных для анализа областях, как внешняя политика, устройство государства, непосредственное участие народных масс в управлении государством. Вывод, сделанный Лениным, охватывает важнейшие изменения, происшедшие в области государственного управления за первый год революции: «...в России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент — и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам, *их* Советами заменили чиновников, или *их* Советы поставили над чиновниками, *их* Советы сделали избирателями судей. Однако этого факта достаточно, чтобы все угнетенные классы признали Советскую власть, то есть данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»⁴¹.

Впервые в истории науки Ленин исследует особенности избирательной системы Советской республики, показывает, как она складывалась исторически и как возникла такая черта этой системы, как лишение избирательных прав эксплуататоров. Ленин отмечает, что в его работе «Государство и революция» ни слова не было сказано о каком бы то ни было ограничении избирательного права. Этот вопрос, подчеркивал Ленин, «...есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая *особые условия* русской революции, *особый путь* ее развития»⁴². Большевики, задолго до Октября выдвинувшие лозунг диктатуры пролетариата, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. «Эта составная часть диктатуры явилась на свет не „по плану“ какой-либо партии, а *выросла* сама собой в ходе борьбы. Историк Каутский этого, конечно, не заметил»⁴³, — иронически писал Ленин. Как же выросла эта избирательная система? Ленин подчеркивает, что буржуазия сама отделила себя от Советов, бойкотировала их, противопоставляла себя Со-

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 242.

⁴¹ Там же, стр. 258—259.

⁴² Там же, стр. 265—266

⁴³ Там же, стр. 282.

ветам. До июля 1918 г. Советы существовали без всякой конституции. И все это время буржуазия (от кадетов до правых эсеров) вела самую беззащитную, корыстную, грязную борьбу против Советов, организовывала антисоветские заговоры: «...все это,— писал Ленин,— *подготовило* формальное исключение буржуазии из Советов»⁴⁴.

Ленин показал образец глубокого и всестороннего анализа исторического пути развития социалистической революции в России. Он избрал для анализа наиболее характерное столкновение пролетарской и буржуазной демократии в России — конфликт между Советами и Учредительным собранием.

Прежде всего Ленин показал, что характеристика Каутским Советов в России, их истории в 1905 и 1917 гг. рабски переписана из статей меньшевиков Мартова, Аксельрода, Штейна и др., что Каутский искажает и фальсифицирует факты в угоду меньшевистским предрассудкам. Концепция Каутского была точным слепком с меньшевистской: Советы имеют «великую и славную историю», но они не должны, не смеют превращаться в государственные организации. Но так как революция не послушалась Мартовых и Каутских и Советы превратились в органы государственной власти, в органы диктатуры пролетариата, то Каутский стремится, фальсифицируя факты, доказать, что такой путь развития является гибелью Советов, и главное гибелью «демократии». А эта «демократия» воплощалась по меньшевистско-каутскианской схеме, в Учредительном собрании.

Вопрос об Учредительном собрании буржуазные и мелкобуржуазные историки пытались сделать главным, основным при изучении истории Октябрьской революции. По этому пути пошел и Каутский. Вопрос этот действительно интересный и важный, отвечал Ленин. Но в чем его интерес? «Соотношение буржуазной и пролетарской демократии здесь предстало перед революцией *практически*»⁴⁵, — писал Ленин. Ленин разоблачил измышления Каутского о том, что к признанию Республики Советов более высоким типом государства большевики пришли якобы только тогда, когда оказались в меньшинстве в Учредительном собрании. Шаг за шагом Ленин анализирует важнейшие факты и исторические документы — от апрельских тезисов до тезисов об Учредительном собрании, написанных 26 декабря 1917 г., — везде большевики утверждали, что Советы являются более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием. В тезисах об Учредительном собрании Ленин дал историю классово-гражданской войны в октябре — декабре 1917 г. «Из этой конкретной истории,— писал Ленин,— мы сделали вывод..., что лозунг „вся

⁴⁴ Там же, стр. 283.

⁴⁵ Там же, стр. 274.

власть Учредительному собранию“ стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников»⁴⁶.

Для того чтобы раскрыть суть расхождения Советов с Учредительным собранием, Ленин обращается к истории этого расхождения. Эту историю, отмечал Ленин, «...не мог бы обойти даже историк, не стоящий на точке зрения классово-борьбы. Каутский и этой фактической истории не пожелал *коснуться*»⁴⁷. По концепции Каутского выходило, что расхождение Советов с буржуазным парламентом не имеет своей истории, проявилось сразу, внезапно и беспричинно, в силу дурного поведения большевиков. Между тем весь путь развития Советов от 28 февраля до 25 октября 1917 г., как это блестяще доказал Ленин, привел к неизбежному расхождению Советов с буржуазным парламентом, неизбежному краху политики соглашения с буржуазией. Закономерность краха и роспуска Учредительного собрания достаточно ясно проявилась в том факте, что Советы с 28 февраля по 25 октября успели «...созвать два всероссийских съезда гигантского большинства населения России, всех рабочих и солдат, семи и восьми десятых крестьянства, не считая массы местных, уездных, городских, губернских и областных съездов»⁴⁸. За это время буржуазия не смогла созвать ни одного учреждения, представляющего большинство населения. Ленин привел таблицу, которую назвал «Краткие итоги Всероссийских съездов Советов в истории русской революции». Из этой таблицы видно, что удельный вес большевиков в составе делегатов Всероссийских съездов Советов непрерывно возрастал: с 13% на I съезде до 66% на V Всероссийском съезде Советов. «Достаточно взглянуть на эти цифры,— писал Ленин,— чтобы понять, почему защита Учредительного собрания или речи (вроде речей Каутского) о том, что большевики не имеют за собой большинства населения, встречаются у нас только смехом»⁴⁹.

Есть строгая логика и внутренняя историческая последовательность в том, что от анализа закономерного процесса крушения Учредительного собрания Ленин перешел к глубокому исследованию Советской конституции, ее происхождения и характера. Конституция возникла в ходе гражданской войны в России и естественно отразила условия этой войны. Вот почему первая Советская конституция рассматривала буржуазию и ее политические партии не как «оппозицию», а как беспощадного врага, организующего контрреволюционные восстания и саботаж. Каутский «критиковал» Советскую конституцию с позиций «чистой демократии». Ленин показал, что за этой «чистой демократией» стоит обычное буржуазное государство с сотнями томов законов

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 279.

⁴⁷ Там же, стр. 280.

⁴⁸ Там же, стр. 281.

⁴⁹ Там же, стр. 282.

и разъяснений к законам, притесняющих рабочего, бедняка, простого человека из народа. Тут Каутский, как и все буржуазные либералы, видел только «порядок» и «законность». Когда же трудящиеся и эксплуатируемые классы стали создавать свои законы, свою конституцию, вся буржуазия и ее наемники завопили о «произволе».

Ленина в этой книге интересует международный аспект истории Октября. Он выделяет прежде всего такие моменты этой истории, которые имеют общезначимый международный интерес. Таковы принципы внешней политики Советского государства, его борьба за выход из империалистической войны. Такова политика слома старой военной машины — закорстелого инструмента поддержки старого строя, политика создания новой армии, являющейся организационной ячейкой нового общественного строя. Такова была тактика большевиков, единственно интернационалистская, ибо она «...проводила максимум осуществимого в одной стране, для развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*»⁵⁰. И дальше: «...массам пролетариев всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм *годится как образец тактики для всех*»⁵¹.

Эти идеи Ленина о международном значении опыта большевизма получили свое блестящее развитие в его работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме».

Центральное место в «Пролетарской революции и ренегате Каутском» занимает анализ характера Октябрьской революции и ее движущих сил. Ленин детально исследует историю социалистических преобразований в промышленности и сельском хозяйстве, особенно выделяя два этапа развития социалистической революции в деревне.

Вопрос о развитии социалистической революции в деревне — один из наиболее трудных. Догматический подход к этому вопросу приводит к тому, что наличие после Октября общекрестьянской борьбы и общекрестьянской поддержки пролетариата ставится под сомнение. Ленин показал, что и после победы Октября классовое деление внутри крестьянства еще не вылилось наружу. «Этот процесс,— писал Ленин,—развился летом и осенью 1918 года»⁵².

Ленинское положение о двух этапах революции в деревне отнюдь не означает, что первый этап был буржуазно-демократическим и только на втором этапе революция приобрела социалистический характер. Это означает только, что Великая

⁵⁰ Там же, стр. 304.

⁵¹ Там же, стр. 305.

⁵² Там же, стр. 313.

Октябрьская социалистическая революция была дополнена и поддержана, как это предвидел Энгельс, новым изданием крестьянской войны. Ленин говорит о двух этапах социалистической революции. На первом этапе социалистическая революция, проходя, мимоходом, решала буржуазно-демократические задачи. Крестьянская война против помещиков и на этом этапе уже несла в себе другую, внутреннюю войну — крестьянской бедноты против кулачества. Эта война развернулась летом и осенью 1918 г. и именно этим была доказана закономерность и зрелость социалистической революции в России. «Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана „незрелость“ России для социалистической революции...»⁵³, — писал Ленин.

Наиболее полно раскрывает Ленин свое понимание соотношения буржуазно-демократических и социалистических задач в ходе пролетарской революции при конкретном анализе аграрно-законодательства пролетарской революции.

Ленин выделяет ряд важных вопросов истории аграрной революции, которые фальсифицируются, искажаются или замалчиваются в буржуазной и оппортунистической историографии.

Важнейшее завоевание аграрной революции — ликвидацию помещичьего землевладения — Каутский изображает как акт, который закономерно вытекал из всей дооктябрьской истории 1917 г. Ленин решительно опровергает это утверждение: «...история революции доказала, что коалиционное правительство буржуа с мелкими буржуа, меньшевиками и эсерами, вело политику сохранения крупного землевладения. Это особенно доказал закон С. Маслова и аресты членов земельных комитетов. Без диктатуры пролетариата „крестьянское население“ не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом»⁵⁴, — писал Ленин.

Каутский стремился охарактеризовать Октябрьскую революцию как революцию буржуазную, фальсифицируя при этом прежде всего советское аграрное законодательство. Он пытался внушить читателю мысль, что большевики капитулировали перед крестьянством по вопросу о частной собственности на землю и отдали всю землю в пределах каждой волости в полное распоряжение крестьян. Он замалчивает такие важнейшие пункты декрета о земле и наказа, составляющего часть декрета, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа как отмену права частной собственности на землю, как объявление образцовых имений и сельскохозяйственных предприятий «национальным достоянием», не подлежащим разделу. Наконец, в законе о социализации земли, опубликованном в феврале

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 315—316.

⁵⁴ Там же, стр. 317.

1918 г., говорилось, что Советская власть ставит своей задачей развитие коллективного хозяйства в земледелии за счет хозяйств единоличных. Ленин приводит все эти факты как наиболее характерные для истории советского аграрного законодательства. Он тут же ставит и решает важнейшие теоретические вопросы: об уравнительности землепользования и национализации земли — «отношение той и другой меры к социализму вообще и к переходу от капитализма к коммунизму в частности»⁵⁵. Ленин ставит и решает также вопрос о коллективных хозяйствах в земледелии как единственном пути перехода от мелкого раздробленного земледелия к крупному общественному.

Ленин дает глубокий анализ сущности национализации земли, осуществленной декретом 26 октября 1917 г. Исторический опыт 1905 и 1917 гг. показал, что огромное большинство крестьян стоит за национализацию всей земли. Октябрьская революция осуществила национализацию земли. Это и было доведением до конца буржуазно-демократической революции в деревне. Но не только. Национализация земли, проведенная диктатурой пролетариата, в то же время означала, что «создан земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму»⁵⁶. Ленин решил труднейший вопрос об отношении уравнительности землепользования и национализации земли к социализму. Он показал, как исторически действовал механизм революции: чем последовательнее доводила диктатура пролетариата до конца решения буржуазно-демократических задач, тем сильнее, быстрее и глубже разворачивалась социалистическая революция в деревне.

К вопросу о национализации земли тесно примыкает ленинский анализ политики диктатуры пролетариата, направленной на переход к общественной обработке земли. Каутский тогда выдвинул утверждение, что «коллективное сельское хозяйство в России осуждено пока на то, чтобы оставаться на бумаге». Он, конечно, игнорировал при этом существовавшие уже тогда сельскохозяйственные коммуны и советские хозяйства. Как ни слаб был социалистический сектор в сельском хозяйстве в первый год после Октября, но он существовал, рос и укреплялся. Ленин указал и на такие предпосылки его роста, как наличие заводов и всей массы товаров в руках пролетарского государства⁵⁷.

Путем всяческих фальсификаций Каутский пытался изобразить политику диктатуры пролетариата в области промышленности как анархо-синдикалистскую. С этой именно целью он утверждал, что промышленные предприятия в России передаются отдельным рабочим. «Вот как пишется история! — воскликнул Ленин.—...Ни одного из бесконечного количества фактов, свиде-

⁵⁵ Там же, стр. 320.

⁵⁶ Там же, стр. 326.

⁵⁷ Там же, стр. 327.

тельствующих, что фабрики передаются *только* республике, что распоряжается ими составленный с преобладающим участием выборных от профессиональных союзов рабочих орган Советской власти, Высший совет народного хозяйства, — ни одного из таких фактов Каутский не желает и касаться»⁵⁸. Все эти измышления нужны были Каутскому для того, чтобы сделать вывод о предпочтительности демократии во главе с Учредительным собранием диктатуре пролетариата с Советами. Революция без революции, демократия без диктатуры пролетариата — вот что лежало в основе концепции Каутского. Ленин с исчерпывающей ясностью показал, что эта концепция либерального чиновника, а не марксиста.

«Пролетарская революция и ренегат Каутский» — это первый в истории науки труд, исследующий ход и результаты социалистической революции в политической и экономической областях за год существования Советской власти. Ленин в этой книге осуществил свой замысел создания второй части «Государства и революции», обобщения исторического опыта Советов 1917 г. Он глубоко раскрыл сущность пролетарской демократии в таких областях, как экономические отношения, система государственного управления, избирательное право. Ленин раскрыл общие и особые черты в закономерном ходе социалистической революции и показал ее огромное международное значение.

Вся работа Ленина построена на резком, контрастном противопоставлении марксистской концепции истории Октября каутскианской, буржуазно-реформистской концепции. Схематично это противопоставление по материалам книги Ленина можно было бы изобразить следующим образом. По реформистской концепции Октябрьская революция являлась буржуазной, и только авантюристская политика большевиков заставляла ее выходить за пределы буржуазно-демократических границ. Ленин показал, что Октябрьская революция по отношению к старому государственному аппарату, по характеру нового государственного аппарата, по характеру проведенных ею преобразований в промышленности, сельском хозяйстве — революция социалистическая. Реформистская концепция считала высшей формой демократии в России Учредительное собрание с принятыми им законами. Ленин противопоставил этому Советы как подлинно демократическую государственную систему и Советскую конституцию как основной закон государства. Реформистская концепция увидела в аграрной политике Советской власти утверждение крестьянской частной собственности, Ленин же показал социалистическую сущность национализации земли, отмены всякой частной собственности на землю, проведенные Октябрьской революцией. Реформистская концепция характеризовала советскую

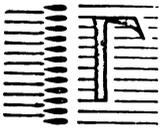
⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 329.

политику в области промышленности как анархо-синдикализм, Ленин же противопоставил этому подлинное создание социалистического сектора в промышленности, переход всей крупной и средней промышленности в руки социалистического государства и создание тем самым могучих рычагов для перестройки сельского хозяйства.

Буржуазно-реформистская концепция исходила не из действительного, а из желаемого и поэтому оказалась построенной на песке. Ленинская концепция была основана на диалектическом анализе фактов и в силу этого явилась не только точным отражением важнейших революционных процессов, но и средством их ускорения, вышкой для обозрения ближайшего и далекого будущего.

Ленин написал последние строки своей книги 9 ноября 1918 г. В ночь на 10 ноября пришли вести о революции в Германии: «Заключение, которое мне осталось написать в брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним», — такими словами закончил Ленин свой труд.

В. И. Ленин против плехановской концепции социалистической революции в России

глубокое изучение оценки В. И. Лениным плехановской концепции истории социалистической революции в России имеет первостепенное значение в выяснении объективной роли Г. В. Плеханова в истории русского революционного движения, в истории борьбы пролетариата за свое освобождение. Тенденция к преувеличению роли Г. В. Плеханова в истории пролетарского революционного движения, отчетливо проявлявшаяся в середине 20-х годов, тогда же нашла справедливый отпор на страницах большевистской печати¹. Другая тенденция, отчетливо определившаяся в период культа личности Сталина, вела к непомерному преувеличению оппортунизма Плеханова, к отыскиванию ошибок в духе меньшевизма еще в марксистский период его деятельности².

С середины 50-х годов усилия советских историков, освободившихся от вредного влияния культа личности Сталина, стали направляться на объективное изучение роли Плеханова в истории революционной социал-демократии³. Но специальных исследований, посвященных критике В. И. Лениным плехановской концепции пролетарской революции в России, в советской исторической литературе нет до сих пор.

* * *

В конце XIX — начале XX в. мировой капитализм вступил в последнюю стадию своего развития — в стадию империализма. Война 1914—1918 гг. углубила экономический и политический

¹ А. С. Бубнов. Ревизия роли В. И. Ленина в истории русского марксизма.— «Большевик», 1925, № 1.

² Ю. З. Полевой. Об исторических взглядах Плеханова.— «Вопросы истории», 1954, № 8.

³ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960.

кризис в капиталистических странах, ускорила созревание объективных условий для социалистической революции.

В этой обстановке вся деятельность В. И. Ленина и Коммунистической партии была подчинена первоочередной задаче — подготовке пролетариата России к завоеванию политической власти.

В ленинских трудах этого периода излагалась теория империализма как кануна социалистической революции, обосновывалась возможность победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин научно доказал неизбежность и закономерность пролетарской революции в России. На основе глубокого и всестороннего анализа российской действительности он сделал вывод о наличии в стране необходимых исторических предпосылок для победы пролетарской революции.

Ленинская концепция пролетарской революции была враждебно встречена буржуазными и мелкобуржуазными идеологами. Даже меньшевики-интернационалисты не связывали борьбы против империалистической войны с социалистической революцией и советовали пролетариату «...не увлекаться перспективами непременно немедленной социалистической революции, потому что, возможно, что немедленной социалистической революции нельзя будет осуществить...»⁴.

Социал-шовинизм являлся тогда главнейшей опасностью, препятствием в успешном решении задачи подготовки пролетариата к завоеванию политической власти. Представители этого течения извращали учение Маркса о пролетарской революции, диктатуре пролетариата в духе буржуазной идеологии.

Типичным выразителем взглядов социал-шовинистского течения в России, взглядов, с неумолимой последовательностью наложивших отпечаток и на его концепцию пролетарской революции, был Г. В. Плеханов.

Плехановские работы в области истории социалистической революции в России занимают сравнительно небольшое место во всем его литературном наследии по истории России и русскому революционному движению. Однако они затрагивают один из основных вопросов истории социалистической революции — вопрос о ее предпосылках. Большой интерес, который В. И. Ленин проявлял к работам Г. В. Плеханова, объяснялся особым политическим значением этой проблемы и ролью, которую играл Плеханов в международном социал-демократическом движении. Требовалось безотлагательно показать полный отход Г. В. Плеханова от марксизма в вопросе о предпосылках пролетарской революции в России.

Причины плехановского отхода от марксизма В. И. Ленин

⁴ Н. Рожков. Лекции по истории социализма. Пг., 1919, стр. 79.

рассматривал в неразрывной связи с причинами возникновения оппортунизма в международной социал-демократии. Оппортунизм, разъяснял он, не случайность, не грех, не оплошность, не вина отдельных лиц, а продукт относительно мирной эпохи 1871—1914 гг.⁵ Этот период «...давал питание оппортунизму сначала как настроению, потом как направлению и, наконец, как группе или слою рабочей бюрократии и мелкобуржуазных путчиков. Эти элементы могли подчинять рабочее движение лишь таким образом, что они на словах признавали революционные цели и революционную тактику. Они могли завоевать доверие масс только путем клятвенных уверений, будто вся „мирная“ работа является лишь подготовкой к пролетарской революции»⁶.

Оппортунизм в годы империалистической войны породил социал-шовинизм. Под социал-шовинизмом В. И. Ленин понимал идею защиты отечества в империалистической войне, проповедь союза социалистов с буржуазией и правительством «своих» стран, отказ от революционных действий против своей буржуазии⁷.

Деятельность Г. В. Плеханова, как и большинства других вождей II Интернационала, протекала в «мирный» период капитализма, когда вопрос о пролетарской революции не стал еще непосредственно в порядок дня. Но в эпоху империализма, когда социализм, по выражению Ленина, из «мирной» стадии вошел в стадию революционных действий, Г. В. Плеханов, К. Каутский, О. Бауэр и прочие вожди II Интернационала, учившие марксовою диалектике других, не сумели учесть появление новых форм борьбы и увидеть, что старые формы социалистического движения быстро наполняются новым содержанием. «Основная причина их банкротства состояла в том,— писал В. И. Ленин,— что они „загляделись“ на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной»⁸. Кроме общих причин, подготовивших «гребонадение» большинства вождей международной социал-демократии, В. И. Ленин отмечал и отдельные факты в политической биографии Г. В. Плеханова, показывающие, что не в один день, а в десятки лет подготавливался его переход к оппортунизму. Прежде всего он имел в виду пленение Г. В. Плеханова меньшевиками и ликвидаторами⁹.

В период первой мировой войны основная группа ликвидаторов повернула к социал-шовинизму. «Плеханов,— писал Ле-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 253.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 118.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 247—248.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 88.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 244.

нин,— с 1903 года дававший многократно образцы своей крайней политической бесхарактерности и перехода к оппортунистам, занял еще резче ту же позицию, расхваливаемый всей буржуазной печатью России»¹⁰. Содействовала отходу Г. В. Плеханова от марксизма и весьма слабая связь с практикой революционной борьбы. В. И. Ленин неоднократно указывал на его оторванность от русского пролетарского движения¹¹. Это обстоятельство мешало ему понять те новые явления, которыми характеризовалась экономическая и политическая обстановка в стране, содействовало превращению его в вождя вчерашнего дня, в вождя без ведомых.

Некоторая метафизичность Г. В. Плеханова в анализе исторических явлений, на которую не раз обращал внимание В. И. Ленин¹², также препятствовала творческому применению марксизма к явлениям эпохи империализма, к событиям российской действительности.

Поворот Г. В. Плеханова к оппортунизму привел его к отказу от марксистской трактовки русского исторического процесса. «Старый» Плеханов — основатель и вождь русской социал-демократии — решал коренные вопросы истории России с позиции исторического материализма, и его работы, несмотря на отдельные ошибки, отмеченные В. И. Лениным, сыграли важную роль в становлении марксистской историографии в России. «Новый» Плеханов в трактовке русского исторического процесса встал на позиции либерально-буржуазной историографии, которая не могла не привести его к отрицанию закономерности социалистической революции в России.

Империалистическая война застала Г. В. Плеханова в Париже, где он сразу же счел необходимым выступить с патриотической речью перед русскими волонтерами, отправлявшимися на фронт¹³. Уже этот шаг свидетельствовал о непонимании им характера начавшейся войны. Свою точку зрения на мировую войну он публично изложил в сентябре 1914 г. в Лозанне, в Народном доме, куда собралась чуть ли не вся русская эмигрантская колония¹⁴.

В брошюре «О войне», написанной в октябре 1914 г., социал-шовинистская позиция Плеханова получила полное

¹⁰ Там же, стр. 347.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 342.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14; т. 14, стр. 222—223.

¹³ «Голос», 1914, № 14.

¹⁴ Г. Шкловский. Владимир Ильич и Плеханов.— «Пролетарская революция», 1927, № 1; М. Кедров. Из красной тетради об Ильиче.— «Пролетарская революция», 1927, № 1; Р. Б. Харитонова. В. И. Ленин в Цюрихской секции большевиков (1913 год — март 1917 года).— «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы». М., 1963; М. Л. Гоберман. В. И. Ленин и Бернская секция большевиков.— Там же; Ф. Н. Ильин. «Неужели и Плеханов изменил?» — Там же.

оформление. В своих последующих многочисленных «военных» статьях, публикуемых в различных русских эсеро-меньшевистских и народнических, а также в зарубежных, главным образом реформистских, органах, он, по собственному признанию, только развивал те или иные положения, сформулированные в этой брошюре.

Оборонческую позицию, позицию защиты отечества в империалистической войне Плеханов обосновывал, исходя из немарксистской посылки: кто первый начал войну, тот и виновник войны. Германский империализм развязал войну. Немецкие и австрийские рабочие, по Г. В. Плеханову, вошли в союз с юнкерами и капиталистами для эксплуатации рабочих всех стран. Пролетариат атакованных стран должен поэтому острее своей классовой борьбы направить против иностранных эксплуататоров, идя до известной степени рядом со своей буржуазией, так как главная опасность при создавшейся обстановке для народных масс — внешняя, а не внутренняя¹⁵.

Второй довод, который приводил Г. В. Плеханов для обоснования своей оборонческой позиции, сводился к тому, что военные неудачи России привели бы к упрочению старого порядка и задержали ее капиталистическое развитие, а поскольку экономический прогресс служит основой прогресса политического и социального, то задержка в экономическом развитии лишила бы российскую социал-демократию возможности вести успешную борьбу с царизмом и значительно отдалила бы час политического освобождения страны¹⁶.

Пролетариат России, считал Плеханов, должен поэтому отказать от всего, что мешает ее деятельному участию в борьбе против империалистической Германии, и прежде всего воздержаться от «вспышкопускательных» форм классовой борьбы внутри страны, ослабляющих организацию сопротивления внешнему врагу. Всякое «вспышкопускательство» по своему значению равнялось бы измене. Изменой бы являлось и голосование в Думе против военных кредитов, а воздержание от подачи голосов в пользу военных кредитов — трусостью¹⁷. По этим же соображениям рабочие представители, по мнению Плеханова, должны принимать деятельное участие в военно-промышленных комитетах.

Победу Февральской буржуазно-демократической революции в России эсеровская газета «Призыв», в которой активно сотрудничал Г. В. Плеханов, встретила восторженной передовицей «Свершилось!». В ней провозглашался лозунг победившей рево-

¹⁵ «Война». Сборник статей. Париж, 1915, стр. 25.

¹⁶ Г. В. Плеханов. Интернационалисты, да с другой стороны.— «Призыв», 1916, № 20—21.

¹⁷ «Письмо Г. В. Плеханова к депутату Бурьянову». — «Современный мир», 1915, № 10.

люции — свобода и самооборона от внешнего врага. В передовице ясно проступала плехановская мысль, что революция явилась следствием неспособности царизма защищать страну от внешнего врага¹⁸. Победа буржуазно-демократической революции в России, доказывал Г. В. Плеханов, облегчила борьбу русского народа против германского империализма, ибо она свергла царизм и его приспешников, на каждом шагу изменявших делу национальной защиты России¹⁹.

Прибыв в революционный Петроград, Г. В. Плеханов уже на Финляндском вокзале обратился к собравшимся с призывом: «...Будьте тверды, будем укреплять дело свободы внутри страны и всеми силами отражать внешнего врага»²⁰. В этих словах, определивших отношение Г. В. Плеханова к происходящим в послефевральской России событиям, не было ничего неожиданного. Его оценка Временного правительства, которое якобы отражало общие интересы всех демократических сил России, в том числе и пролетариата, вытекала из позиции, занятой им по отношению к империалистической войне.

Не задаваясь целью излагать подробно большевистскую оценку империалистической войны, остановимся только на тех работах В. И. Ленина, в которых опровергаются плехановские доводы в пользу того, что для русского народа империалистическая война была войной отечественной²¹.

В. И. Ленин слушал плехановскую речь о войне, произнесенную в Лозанне в сентябре 1914 г. Как вспоминает Н. К. Крупская, его очень волновала предстоящая встреча с Г. В. Плехановым. Он готовился к возможному диспуту с ним по вопросу оценки войны и позиции международной социал-демократии²². Меншевистские организаторы доклада Плеханова дали В. И. Ленину на ответное выступление всего 10 минут. Но и за эти 10 минут В. И. Ленин сумел доказать, что позиция Плеханова в вопросе о войне ничего общего с марксизмом не имеет²³.

В. И. Ленин был знаком с «Декларацией российских социалистов, вступивших волонтерами во французскую армию», тех самых волонтеров, перед которыми выступал Г. В. Плеханов. В ее тексте Ленин отметил места, написанные в плехановском, социал-шовинистском духе. Внимательно читал он в сборнике «Война» плехановскую статью о войне и социализме, также испещрив ее заметками. В номере самарской «Нашей газеты» за 13 октября 1915 г. он отчеркнул статью без подписи «Самозванные

¹⁸ «Призыв», 1917, № 60.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. I. Париж, 1921, стр. 11—12.

²⁰ Цит. по кн.: «Плеханов в свободной России». М., стр. 5.

²¹ «Интервью с Г. В. Плехановым». — «Наше слово», 1915, № 5.

²² Н. К. Крупская я. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 231.

²³ М. Кедров. Указ. соч., стр. 45.

прокуроры», осуждавшую плехановскую позицию по отношению к войне, его призыв к сотрудничеству классов.

И после Октябрьской социалистической революции, когда Г. В. Плеханов уже не было в живых, В. И. Ленин не переставал интересоваться его работами о войне и революции. В Кремлевской библиотеке В. И. Ленина имеются плехановские работы: «Год на родине», «Интернационализм и защита Отечества», «Война»²⁴. Просматривая в 1919 г. «Книжную летопись» за 1917, 1918 и 1919 гг., В. И. Ленин подчеркнул названия работ Г. В. Плеханова, которые хотел иметь в своей библиотеке: «О войне», «В свободной России», сборник «Нужна ли война» и др.²⁵

Впервые официально плехановские выступления были названы шовинистскими в манифесте русской революционной социал-демократии «Война и российская социал-демократия», опубликованном в ноябре 1914 г. в газете «Социал-демократ» за подписью: «Центральный Комитет Российской С.-Д. Рабочей Партии»²⁶.

В работе «Что же дальше?» В. И. Ленин называет Г. В. Плеханова «русским Зюдекумом» за социал-шовинистскую позицию в вопросах войны и революции, изложенную им в брошюре «О войне». В статье «Русские Зюдекумы», опубликованной 1 февраля 1915 г., В. И. Ленин дает критический разбор этой брошюры²⁷.

Плехановские рассуждения о войне и революции, о защите отечества и необходимости сотрудничества классов перед лицом внешней опасности свидетельствовали, как отмечал В. И. Ленин, о том, что Плеханов не уловил качественного различия старой эпохи капитализма от новой, начавшейся в конце XIX в.

Именно поэтому в поисках аргументов в пользу своих доводов Плеханов обращается к примерам из франко-прусской войны, цитируя соответствующие высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса.

В отличие от В. И. Ленина, Г. В. Плеханов понимал империализм только как политику стран, достигших новейшей ступени капиталистического способа производства²⁸. Он не видел основных свойств и тенденций империализма как системы экономических отношений зрелого и перезрелого капитализма и не связывал поэтому изменения, происходящие в области экономики и политики современного капитализма, с экономической основой империализма.

²⁴ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, стр. 167.

²⁵ В. Бонч-Бруевич. Пометки Ленина на «Книжной летописи». — «Литературное наследство», 1933, № 718, стр. 376.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 21.

²⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26.

²⁸ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1, стр. 28.

В. И. Ленин отмечал тождественность плехановской трактовки империализма с каутскианской. В сборнике «Война» на страницах статьи Плеханова он оставил пометки там, где говорилось об империализме в духе К. Каутского. Плехановскую трактовку империализма В. И. Ленин квалифицировал как полный отход от марксизма²⁹. Отказ Г. В. Плеханова от конкретного исторического анализа обстановки, в которой разразилась война, от анализа сущности империалистической войны с точки зрения марксизма привели его к теории «зачинщиков» войны, к позиции защиты России от германского империализма³⁰. Плехановскую «теорию», согласно которой следует желать победы России в войне, поскольку она ускорит развитие капитализма, а значит и наступление социализма, В. И. Ленин назвал струвистской³¹. Со стороны России война была также империалистической, являлась продолжением политики царизма, выражающего интересы помещичье-буржуазных слоев Российской империи. Победа царизма в империалистической войне закрепила бы экономический застои России, затормозила бы развитие производительных сил страны.

Для народов России наименьшим злом являлось поражение царской монархии, которое облегчило бы победу их над царизмом, победу пролетариата над капитализмом. Поражение «своих» империалистических правительств должно быть лозунгом революционных партий всех воюющих стран. Превращение империалистической войны в гражданскую — единственно верная позиция этих партий.

Плехановско-алексинский сборник «Война» В. И. Ленин критиковал в работах «О положении дел в Российской социал-демократии» (июнь 1915 г.), «Оппортунизм и крах II Интернационала» (январь 1916 г.) и, наконец, в статье «Вильгельм Кольб и Георгий Плеханов» (февраль 1916 г.).

Острые ленинской критики направлялось прежде всего против плехановского утверждения о несвоевременности и опасности для России революции в период империалистической войны. В. И. Ленин показал коллекцию софизмов и лжи, при помощи которых авторы сборника пытались грабительскую и реакционную войну царизма выдать за «справедливую», оборонительную.

В. И. Ленин считал позицию Г. В. Плеханова в вопросах войны и революции по существу сходной с позицией последовательного и открытого врага революции В. Кольба. Если они и различались чем-либо, то только революционной фразеологией Плеханова³². Но эта революционная фразеология не могла скрыть его боязни революции в России, скрыть того факта, что зрелая

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 93—94.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 222—224.

³¹ Там же, стр. 226.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 250—251.

революция была для него всего-навсего «презофарсом», усиленно рекомендуемым без учета якобы объективной готовности страны «неудержимыми р-р-революционерами», как именовал он большевиков³³.

Ленинская линия на превращение империалистической войны в гражданскую определялась тем, что капитализм из прогрессивного стал реакционным. Он развил производительные силы настолько, что человечество должно либо перейти к социализму, либо долгие годы переживать войны «великих» держав за передел мира, которые могли бы отсрочить крах капитализма³⁴.

Империализм создал объективные условия осуществления социализма; империалистическая война способствовала ускорению крушения капитализма, неминуемо порождала революцию против него. Война уже к 1915 г. породила революционную ситуацию в Европе, которая особенно отчетливо проявилась в России. Наличие революционной ситуации в Европе обязывало революционную социал-демократию использовать ее для прямой проповеди революции, свержения буржуазных правительств, завоевания власти вооруженным пролетариатом, требовало создания соответствующих этой ситуации революционных организаций. Победа буржуазно-демократической революции подвела Россию вплотную к пролетарской революции. Апрельские тезисы В. И. Ленина наметили план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, обосновав ее закономерность и неизбежность.

Сразу же после выступления В. И. Ленина с Апрельскими тезисами плехановская газета «Единство» в номере от 5 апреля 1917 г. ополчилась против них. Опубликовав тезисы в «Правде» 7 апреля 1917 г. под заглавием «О задачах пролетариата в данной революции», В. И. Ленин в ответ на выпад «Единства» рекомендовал Г. В. Плеханову вместо беспредметной брани «...попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, какое государство пролетариату нужно»³⁵.

В № 9—12 апрельского «Единства» Г. В. Плеханов напечатал статью «Тезисы Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен». Суть плехановской «критики» Апрельских тезисов сводилась к стремлению доказать преждевременность и обреченность плана перерастания буржуазно-демократической революции в России в социалистическую. Основным доводом против закономерности социалистической революции, по Г. В. Плеханову, являлась экономическая незрелость страны; Россия не знала,

³³ «Война», стр. 37—38.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 282.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 117—118.

по его мнению, империалистической стадии развития капитализма.

«Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, беднейшую часть крестьянства к его низвержению»³⁶. Еще нелепее, по мысли Г. В. Плеханова, звать их к захвату политической власти, когда капитализм в стране не создал необходимых материальных предпосылок для пролетарской революции³⁷.

По поводу ленинского положения, что большевики не собираются немедленно «вводить» социализм, что речь идет о переходе к контролю со стороны Советов рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов, он писал: «...конечно, иное дело введение социализма, а иное дело контроль. Однако спрашивается, что же собственно хочет контролировать Ленин? Ответ: общественное производство и распределение продуктов. Это, увы! — весьма неопределенный ответ»³⁸. Плеханов считает его неопределенным потому, что контроль над производством и распределением продуктов необходим и в социалистическом, и капиталистическом обществе, а у Ленина якобы неясно, какой способ производства мыслится поставить под контроль. Если речь идет о социалистическом обществе, значит Ленин требует полного разрыва на деле со всеми интересами капитала, а кто вполне разрывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает социалистическую революцию.

Курс же на социалистическую революцию в России, еще экономически не созревшей, означает разрыв с теорией марксизма и переход в лагерь анархистов, не желающих думать о том, какую именно фазу экономического развития переживает та или иная отдельная страна³⁹, заключает Плеханов.

В статьях Г. В. Плеханова «Тезисы Ленина», «К студентам», «Логика ошибок», «Новое правительство, буржуазия и революционная демократия» и других, написанных после Апрельских тезисов, красной нитью проходит мысль: социалистическая революция в России — это нарушение исторической закономерности.

Плеханов считал, что перестройка общества на социалистической основе «...предполагает по крайней мере два непеременимых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении...»⁴⁰ В России, по его мнению, не было налицо ни первого, ни второго условия. Кроме

³⁶ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1, стр. 28.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 27.

³⁹ Там же, стр. 27—28.

⁴⁰ Там же, стр. 129.

того, социалистическая революция предполагает долгую просветительную и организационную работу в недрах рабочего класса⁴¹, особенно необходимую для русского рабочего, который «...далеко еще не созрел для политического господства в стране»⁴².

Г. В. Плеханов успокаивал российский пролетариат, «...что со временем высокоразвитым производительным силам станет тесно в рамках капиталистического способа производства и что тогда капитализм должен будет уступить свое место социализму. Но для России это дело сравнительно отдаленного будущего...»⁴³ Очередная историческая задача России — развитие производительных сил на капиталистической основе⁴⁴. Во главе этого процесса должна стоять российская буржуазия как тот общественный класс, с которым связано дальнейшее развитие производительных сил в рамках капиталистического способа производства⁴⁵.

Российский пролетариат в этот переходный период русской экономической истории должен вступить в соглашение с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие производительных сил страны⁴⁶.

Отсутствие необходимых условий, без которых не может быть и речи о создании в России социалистического способа производства, обязывает российский пролетариат направить свои усилия не к захвату политической власти, что было бы величайшим несчастьем для страны и для самого пролетариата⁴⁷, а на упорное и защиту той политической свободы, которую он приобрел ценой славной мартовской революции, от внутренней контрреволюции и грозной опасности германского завоевания⁴⁸.

Тезис об экономической незрелости России для социалистической революции Плеханов настойчиво отстаивал и в своем последнем обращении к победившему русскому пролетариату — в «Открытом письме к петроградским рабочим». К ранее перечисленным доводам против социалистической революции в России в нем добавлен еще и тот, что пролетариат, составляющий меньшинство в стране, не может стать у кормила власти. С успехом осуществлять свою диктатуру пролетариат может лишь в том случае, если он составляет большинство в стране. Не должен он рассчитывать и на поддержку со стороны крестьян, составляющих большую часть населения России, так как крестьянству

⁴¹ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1, стр. 33.

⁴² Там же, т. 2, стр. 94.

⁴³ Там же, стр. 53.

⁴⁴ Там же, стр. 43, 53—54.

⁴⁵ Там же, т. 1, стр. 233.

⁴⁶ Там же, стр. 43.

⁴⁷ Там же, стр. 216.

⁴⁸ Там же, стр. 34.

нужна только земля и в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается.

Г. В. Плеханов отказывал русскому пролетариату в его борьбе за социалистическую революцию и в поддержке со стороны пролетариата Европы и США, где мировая война якобы уменьшила шансы на революцию⁴⁹. (Заметим, что он заявлял это в период революционной ситуации в Европе и США.)

Вывод Плеханова: «Несвоевременно захватив власть политическую, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года»⁵⁰.

Так пессимистически звучало его обращение к пролетариату России, который во главе с большевиками, руководимыми великим Лениным, совершил величайшую революцию в истории человечества, революцию, положившую начало эпохе социалистических революций, эпохе социализма.

В. И. Ленин выступил с обоснованной отповедью Г. В. Плеханову, извратившему марксистскую концепцию пролетарской революции. Ни одна статья Г. В. Плеханова, в которой затрагивалась проблема предпосылок социалистической революции в России, не оставалась вне поля зрения ленинской критики.

В работе «Луиблановщина», написанной вскоре после Апрельских тезисов, В. И. Ленин, прямо не называя Г. В. Плеханова, а ссылаясь на «Единство» и «Рабочую газету», квалифицирует линию этих газет как луиблановскую, стремящуюся удержать рабочих от решительных шагов, от борьбы за свержение капитализма и установление демократического мира. «Надо делать решительные шаги к свержению капитала,— писал В. И. Ленин.— Их надо делать умело и постепенно, опираясь *только* на сознательность и организованность подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян. Но эти шаги надо делать. И Советы рабочих депутатов в ряде мест России *уже* начали их делать»⁵¹. Дальнейший успех революции требовал, как указывал В. И. Ленин, освобождения от мелкобуржуазных, луиблановских иллюзий масс.

В последующих работах В. И. Ленина, в которых обосновывается, развивается и защищается план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, это положение повторяется неоднократно.

Призыв партии большевиков к социалистической революции исходил из объективного учета конкретных особенностей экономической и политической обстановки в стране. В. И. Ленин разъяснял, что речь идет не о «введении» непосредственно, тотчас же,

⁴⁹ Там же, т. 2, стр. 246—252.

⁵⁰ Там же, стр. 246.

⁵¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 130.

социализма, не о перепрыгивании через революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической⁵². Советам рабочих и солдатских депутатов не предлагалось «вводить» никаких преобразований, не назревших экономически. «Контроль за банком, слияние всех банков в один, это *еще не социализм, но шаг к социализму*. Такие шаги сегодня делают юнкер и буржуа в Германии против народа,— писал В. И. Ленин.— Их гораздо лучше сумеет сделать завтра в пользу народа Совет солдатских и рабочих депутатов, если в его руках будет вся государственная власть»⁵³.

21 апреля 1917 г. В. И. Ленин выступил со специальной статьей «Один из коренных вопросов. (Как рассуждают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии)», направленной против плехановской концепции материальных предпосылок пролетарской революции. Поводом к написанию ленинской статьи послужила статья Г. В. Плеханова «К студентам», в которой отстаивалось положение о незрелости России для социалистической революции. Заметим кстати, что эта плехановская статья была перепечатана кадетской «Речью» и эсеровской «Дело народа».

В. И. Ленин в этой статье отмечает главный порок всех плехановских рассуждений — отказ от конкретного анализа событий, который в статье «К студентам» привел Плеханова к неправильному выводу о том, что отсутствие предпосылок пролетарской революции в Европе в 80-е годы делает преждевременным постановку этого вопроса и в годы империалистической войны, тем более в России.

В. И. Ленин разъяснял, что в 80-е годы действительно не было еще объективных условий для пролетарской революции, но совсем иная ситуация сложилась в начале XX в. В манифесте Базельского конгресса 1912 г., подписанном и Плехановым, прямо говорилось «...о *пролетарской революции* и притом *именно в связи с той самой войной, которая в 1914 году разразилась*»⁵⁴.

В этой статье В. И. Ленин вновь останавливается на обосновании положения о зрелости России для социалистической революции, называет те хозяйственные меры, которые, не являясь непосредственным «введением» социализма, облегчали дальнейшие шаги к нему, наносили удар по частной собственности в важнейших средствах производства, усиливали влияние пролетариата на широкие трудящиеся массы.

Экономическую возможность для осуществления мер, облегчающих дальнейшие шаги к социализму, Ленин видел в обобществлении отдельных отраслей хозяйства страны в общегосударственном масштабе, в установлении над ними государственного контроля. В. И. Ленин так разъяснял эту мысль: «Возможно ли

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 168.

⁵³ Там же, стр. 143.

⁵⁴ Там же, стр. 300.

это экономически? (имеется в виду переход синдиката сахарозаводчиков в руки государства, под контроль рабочих и крестьян.— А. Ч.). Вполне возможно, ибо синдикат сахарозаводчиков не только на деле слился уже хозяйственно в один производственный организм общегосударственного размера, но и *стоял уже* под контролем „государства“ (т. е. чиновников, служащих капиталистам) еще при царизме»⁵⁵. С терпеливой настойчивостью он повторял, что возможность проведения таких мер в России демократическим государством была создана «...как раз теми „объективными условиями“, коих в 1889 г. *еще* не было, кои теперь *уже* есть»⁵⁶.

Для Плеханова Россия начала XX в. оставалась все той же Россией 80-х годов XIX в. В споре с большевиками, с В. И. Лениным о степени подготовленности России к социализму он использовал те же аргументы, которые приводил в споре с народниками, утверждавшими, что предстоящая революция в России должна быть и буржуазной, и социалистической⁵⁷. Как тогда, так и в канун Октября Плеханов считал, «...что это невозможно, вследствие экономической отсталости России»⁵⁸. Плеханов оказался не в состоянии увидеть тех изменений, которые произошли в развитии производительных сил и производственных отношений России и обусловили переход русского капитализма в стадию империализма, являющуюся кануном социалистической революции.

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на порочность плехановской концепции русской революции, отрывавшей, как это делали и другие представители историографии «международного меньшевизма», экономику России от мировой системы капитализма. Он считал в крайней степени нелепым отстаивать на положении одной страны в период империализма, когда все страны являются звеньями единой цепи мировой системы капитализма⁵⁹.

Никто лучше В. И. Ленина не понимал, что «революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»⁶⁰. Возможность победы пролетарской революции он выводил как из зрелости всей капиталистической системы, так и из наличия материальных предпосылок в самой России.

До 1917 г. В. И. Ленин рассматривал проблемы российского капитализма преимущественно в общей связи с анализом всей системы мирового империализма. В канун социалистической

⁵⁵ Там же, стр. 302—303.

⁵⁶ Там же, стр. 303.

⁵⁷ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1, стр. 26—27.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 353.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 531.

революции он обращается непосредственно к анализу российского империализма как того звена мировой цепи империализма, в котором и неизбежен ее прорыв.

Историческое развитие России, отмечал В. И. Ленин, шло по главной линии мировой истории, ей были присущи те же основные формы хозяйства и отношения классов, что и во всех капиталистических странах.

Быстрое развитие капитализма в России привело к тому, что она вслед за Европой и Америкой вступила в период империализма. По ленинской классификации Россия — империалистическая страна, которая по отношению к великим империалистическим державам — Англии, Германии, США — была второстепенной, не вполне самостоятельной. В. И. Ленин в противоположность Г. В. Плеханову, абсолютизовавшему экономическую отсталость России, говорил об относительной ее отсталости в ряду первоклассных империалистических государств. Он относил ее к странам со средне слабой народнохозяйственной системой⁶¹.

Российскому империализму присущи все качественные черты и закономерности мирового империализма. В плане статьи «О синдикатах» В. И. Ленин отмечал: «синдикаты („мировое явление“) в Европе (Америке) и России»⁶². Он писал, что российский капитализм стал монополистическим, о чем свидетельствуют синдикаты «Продуголь», «Продамета», синдикат сахарозаводчиков и др.⁶³ Российские банки превратились в могущественные учреждения, от которых зависела вся экономическая жизнь страны⁶⁴. Небольшая горстка капиталистов России, располагавшая огромной суммой богатств, держала важнейшие нити «контроля» над общественным производством и распределением⁶⁵.

Империалистическая война ускорила развитие капитализма. Российский капитализм наряду с мировым превращался в государственно-монополистический. Война ускорила созревание объективных условий для социалистической революции, углубила экономический и политический кризис капитализма, приблизила социалистическую революцию⁶⁶.

«Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание,— никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически,— а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая

⁶¹ «Ленинский сборник», XI, стр. 397.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 713.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191; т. 31, стр. 451—452.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 474.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 109.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

материальная подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»⁶⁷, — писал В. И. Ленин.

В ленинских работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», написанных незадолго до Октября, анализируются характер и особенности государственно-монополистического капитализма в России — прямой материальной предпосылки социалистической революции.

Дооктябрьская Россия располагала таким аппаратом учета, контроля и регулирования экономической жизни страны, который необходим для социализма и который пролетариат, осуществив социалистическую революцию, сохранит, отсечет только то, что капиталистически его уродовало, и сделает его более широким, более демократичным, более всеобъемлющим⁶⁸, разъяснял В. И. Ленин.

Отвечая противникам социалистической революции, твердившим, что Россия — крестьянская страна, В. И. Ленин обращал внимание на тот факт, что наряду с мелкой буржуазией в России имелся крупный капитал, игравший, благодаря банкам и синдикатам, чрезвычайно важную роль. Новейший капитализм, указывал он, является надстройкой над старым капитализмом. Российский империализм был оплетен густой сетью отношений докапиталистических, что обостряло противоречия капитализма, готовило его крах, т. е. социалистическую революцию. Глубокий всесторонний анализ российской экономики военного времени не оставлял у В. И. Ленина сомнения в том, что в стране имелись материальные основы для движения к социализму.

Поэтому в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», утвердительно отвечая на поставленный вопрос, В. И. Ленин писал: «Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдиктов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм; когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых, — когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержат ее до победы всемирной социалистической революции»⁶⁹.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 307.

⁶⁹ Там же, стр. 332—333.

Россия в указанный период была ближе всех стран к началу великой рабочей революции против капиталистов — таков ленинский вывод. Позже он также не раз писал, что России было легче по сравнению с передовыми капиталистическими странами начать великую революцию, и указывал на условия, облегчавшие прорыв цепи мирового империализма именно в этом его звене. Но вместе с тем им отмечались и те факторы, которые усложняли решение задачи, связанной с переходом страны к социализму.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в 1918 г., когда решалась задача экономической реорганизации страны, В. И. Ленин писал: «Россия находится в таком положении, когда целый ряд из первоначальных предпосылок подобного перехода имеется налицо»⁷⁰. В то же время целый ряд необходимых предпосылок в стране отсутствовал, но они могли быть заимствованы ею сравнительно легко «...из практического опыта соседних, гораздо более передовых, стран, давно уже поставленных историей и международным общением в тесную связь с Россией»⁷¹.

Ленинский вывод о том, что Россия располагала уровнем экономического развития, необходимым для социалистической революции, полностью подтвердился исследованиями советских ученых⁷².

Не оставлял В. И. Ленин без внимания и другие плехановские доводы против закономерности социалистической революции в России. В частности, довод Плеханова и его единомышленников о политической незрелости трудящихся России для социализма В. И. Ленин называл доводом крепостников, твердивших о неподготовленности крестьян к свободе⁷³.

В. И. Ленин отмечал важность высокой степени сознательности и организованности пролетарских и других трудящихся масс для социалистической революции. В 1905 г. он писал: «...без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классово-борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи»⁷⁴.

Вместе с тем он учил, что под воспитанием масс не следует понимать нечто школьное, педантичное, прививающее им буржуазные предрассудки, как трактовали это буржуазные господа и социалистические реформисты. Лучшей школой воспитания масс, способствующей их просвещению и сплочению, является сама

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 131.

⁷¹ Там же.

⁷² К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории исторической науки (1917—1936).— «История СССР», 1960, № 3; он же. Проблема государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны в советской историографии.— «Вопросы истории», 1961, № 7.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 163.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 16.

революция. Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю. В период революции это политическое воспитание масс идет с невиданной в обычной, мирной обстановке быстротой и основательностью. «За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на кругом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют»⁷⁵.

Такое истинно демократическое, действительно революционное воспитание русский народ получил в период первой русской революции. Империалистическая война, вторая буржуазно-демократическая революция, борьба против корниловщины и т. д. — вот последующие важнейшие классы школы политического воспитания эксплуатируемой массы России.

Революция требовала организованности и сознательности масс, и Коммунистическая партия, помня об этом, решительно и настойчиво осуществляла организацию народа. Большую роль в политическом воспитании масс В. И. Ленин отводил Советам.

Защищая Апрельские тезисы, В. И. Ленин отвечал своим оппонентам из лагеря мелкобуржуазных идеологов, что «вопрос не в том, подготовлены ли рабочие, а в том, *как и к чему* готовить их»⁷⁶.

Только переход власти в руки пролетариата создает те условия, которые необходимы для организации и политического воспитания масс, условия, которых никогда не будет в период господства буржуазии.

Несомненно, что и численный состав пролетариата имеет большое значение для успеха социалистической революции. В статье «Русская революция и гражданская война», написанной В. И. Лениным в сентябре 1917 г., говорится: «Сила большевиков только в численности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эсеровских и меньшевистских „низов“ (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам»⁷⁷. При этом В. И. Ленин обращает внимание на закономерность, которая выражается в том, что сила революционного пролетариата, с точки зрения его воздействия на массы и вовлечения их в борьбу, несравненно больше в условиях революции, чем в обстановке «мирной» парламентской борьбы⁷⁸.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 55.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 124.

⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 218.

⁷⁸ Там же, стр. 219.

Но дело, конечно, не только в численном составе. «Сила пролетариата,— писал В. И. Ленин,— в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»⁷⁹.

Роль российского пролетариата, возглавляемого большевистской партией, безусловно, превосходила его количественный удельный вес в общей массе населения страны, и она особенно возросла в период революции. Русский рабочий класс прошел долгую школу стачечной борьбы, школу политического обучения в двух буржуазно-демократических революциях и, главное, имел такого верного союзника, как беднейшее крестьянство.

Российский пролетариат имел свою партию, будившую революционное сознание масс. Исходя из учета объективных условий, она вела всестороннюю подготовку пролетариата к завоеванию политической власти для осуществления экономических и политических мероприятий, составляющих содержание социалистической революции.

Итак, определенная численность пролетариата, его высокая организованность, прочная связь с массами и главенствующее положение в экономике страны — все эти важные факторы, обеспечивающие успех социалистической революции, имелись в России⁸⁰.

Плехановское положение, что рабочий класс России в своем стремлении к социализму не может рассчитывать на поддержку со стороны крестьянства, так как оно не нуждается в замене капиталистического строя социалистическим,— одно из основных в его концепции пролетарской революции — покоится на меньшевистской трактовке истории и теории аграрного вопроса в России.

Отмена крепостного права, по Плеханову, уничтожила крепостную зависимость крестьян по отношению к помещику и сделала их зависимыми от государства. Отличие пореформенной экономики страны он видел в замене натурального хозяйства денежным, которая была вызвана изменением методов налогового взимания с крестьян государством, а не явилась результатом зарождения в недрах феодально-крепостнического строя новых, капиталистических отношений.

Пережитки крепостничества Г. В. Плеханов сводил поэтому к крепостной зависимости крестьян от государства, к сословному неравенству, а не к сохранению помещичьих латифундий — источнику и основе крепостной эксплуатации.

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

⁸⁰ «Ленинский сборник», XI, стр. 391.

Для Плеханова крестьянство — сословие, объединяющее собой людей, принадлежащих к различным общественным классам — буржуазии и пролетариата, слой, живущий главным образом «трудами своих рук, но не упускающий случая поживиться и за счет рук своего ближнего»⁸¹. Совершенно иначе оценивал крестьянство В. И. Ленин. Он писал: «Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно *классом* не капиталистического, а крепостного общества, т. е. *классом-сословием...*» «...в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. *Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется „современным“ (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, — *постольку* „крестьянство“ продолжает еще быть классом, т. е. повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества»⁸².

Только глубокое понимание этого диалектического противоречия в положении русского крестьянства давало ключи к правильному определению его места и роли как в борьбе против ликвидации остатков крепостничества, так и в борьбе внутри капиталистической системы в России.

Г. В. Плеханов прошел мимо этого своеобразия в положении русского крестьянства. Причину крестьянских волнений против помещиков он усматривал не в революционности крестьянства, а в той «охранительной» психологии, которая якобы в продолжение целых веков создавалась аграрной политикой российского государства, старым общественно-политическим бытом России, так сильно напоминавшим собой быт восточной деспотии⁸³.

В связи с этим Плеханов считал, что российская социал-демократия должна восстать против всех тех аграрных проектов, которые под предлогом закрепления земли за крестьянством хотели бы закрепить землю и крестьян за государством. Таким проектом он считал проект национализации земли, которая, по его понятиям, не только не устраняла экономические основы царизма, а, напротив, являлась попыткой реставрировать в России старый полуазиатский порядок, получивший несколько серьезных ударов уже в XVIII в. и довольно сильно расшатанный ходом экономического развития страны во второй половине XIX в.⁸⁴

⁸¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 243.

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311, 312.

⁸³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 112.

⁸⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 256.

Национализация земли, по Плеханову, в случае поражения революции облегчила бы реставрацию старого порядка.

В статье «К аграрному вопросу в России», написанной в марте 1906 г., он, критикуя П. Маслова, отвергал национализацию, защищал, как отмечал В. И. Ленин, «гибкую тактику» в аграрном вопросе и как будто бы склонялся к разделу помещичьих земель между крестьянами⁸⁵. Но уже в речи на Стокгольмском объединительном съезде РСДРП по аграрному вопросу он решительно заявил, что только муниципализация земли способствовала бы полному устранению экономической основы русской деспотии и довела бы возможность реставрации старого порядка до минимума⁸⁶. Эти взгляды привели Г. В. Плеханова к отрицанию прогрессивной роли крестьянства в демократической революции, к непризнанию того бесспорного исторического факта, что борьба крестьянства против помещиков по ее объективному значению была борьбой за полное уничтожение всех остатков крепостничества.

Плехановский лозунг муниципализации земли в период буржуазно-демократической революции являлся реакционным лозунгом, так как муниципализация препятствовала экономически необходимому и неизбежному процессу уничтожения всей средневековой собственности на землю, в то время как национализация земли содействовала уничтожению всех средневековых перегородок и развитию капиталистических условий производства. Плехановское опасение, что национализация будто облегчает реставрацию азиатского способа производства, В. И. Ленин назвал чистой бессмыслицей в эпоху капитализма⁸⁷. Порождалась эта бессмыслица смешением национализации, основанной на азиатском способе производства, с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. «Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных, отношений»⁸⁸, — писал Ленин. Меньшевистская муниципализация земель была мещанской попыткой «гармонического соединения старого с новым»; она приближала позицию меньшевиков в крестьянском вопросе к либерально-кадетской позиции, представители которой боялись победы крестьянства и отстаивали «выкуп», т. е. отстаивали превращение крестьянства частью в грессбауэра, частью в кнехта.

Логическим завершением защиты муниципализации земель было выступление Г. В. Плеханова в период второй буржуазно-демократической революции в России против безвозмездной конфискации помещичьих земель. В этом крестьянском требовании он продолжал видеть «охранительную» миссию крестьянства по

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., г. 12, стр. 248.

⁸⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 70.

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 15.

⁸⁸ Там же, стр. 14.

«теорию», которая сводилась к тому, что после низвержения абсолютизма наступит довольно длительный период, когда пролетариат, пользуясь наличием политических прав и свобод, сможет подготовить себя к пролетарской революции.

С таких позиций расценивалась им и победа второй буржуазно-демократической революции в России. Пролетариат должен был использовать ее для своего политического просвещения, необходимого для социалистической революции, возможность которой отодвигалась Г. В. Плехановым в более или менее отдаленное будущее⁹².

В действительности же гегемония пролетариата и его союз с крестьянством, при условии руководящей роли Коммунистической партии, делали грань между буржуазной революцией периода империализма и социалистической революцией чрезвычайно подвижной, что нашло свое блестящее подтверждение в истории перерастания Февральской буржуазно-демократической революции в социалистическую.

* * *

Итак, плехановская концепция пролетарской революции, по которой социалистическая революция признавалась возможной только в высокоразвитой капиталистической стране, отрицала закономерный характер этой революции в России.

Ленинская концепция пролетарской революции исходила из того, что в период империализма, когда все страны составляют единую цепь мирового капитализма, важно не то, в какой стране выше уровень производительных сил, а то, какая страна в силу создавшихся внутренних и внешних причин, при наличии необходимого минимума экономической готовности ее к пролетарской революции, окажется ближе к этой революции. Такой страной была Россия.

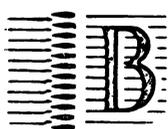
Ленинская критика плехановской концепции истории пролетарской революции в России шла по линии важнейшего вопроса проблемы — объективных предпосылок — и нанесла неотразимый удар всей меньшевистской историографии.

Она стала тем основополагающим фундаментом, на котором утверждалась и развивалась советская историография Великой Октябрьской социалистической революции.

⁹² Г. В. Плеханов. Год на родине, т. 1, стр. 26—27.

**ИСТОРИОГРАФИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ
КРУПНЫХ ПРОБЛЕМ**

Создание центров советской исторической науки и их деятельность в 1918—1923 гг.

нашей исторической литературе уже ставились и освещались отдельные вопросы развития советской историографии, истории архивного строительства, публикаций документов в первые годы после революции, деятельности Истпарта и др.¹ Однако важная тема о создании центров советской исторической науки освещена еще недостаточно.

Коммунистическая партия неизменно выступала против реакционной буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и ее проявлений в исторической науке, нацеливая историков-марксистов на решительную борьбу с идейными противниками в области историографии. В этой борьбе при неослабном внимании и постоянной поддержке партии создавались и развертывали свою деятельность новые научные центры, в которых проводилась подготовка кадров советских историков и большая исследовательская, публикаторская и популяризаторская работа.

История становления советской исторической науки, ее формирования и развития тесно связана с именем В. И. Ленина. Его работы заложили идейно-теоретические и методологические основы советской историографии. В. И. Ленин явился одним из инициаторов создания Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Института красной профессуры², под его руководством были организованы Социалистическая академия общественных наук³ и

¹ В. В. Максakov. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959; А. В. Чернов. История и организация архивного дела в СССР. М., 1940; С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948; А. А. Новосельский, В. А. Кондратьев. Публикация источников в СССР за 40 лет.— «История СССР», 1958, № 3; Н. С. Комаров. Создание и деятельность Истпарта.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5. Вопросы развития советской исторической науки освещались в журн. «История СССР» за 1960—1961 гг. в дискуссии о периодизации советской исторической науки.

² М. Н. Покровский. О научной работе коммунистов в области общественных наук.— «Коммунистическая революция», 1927, № 5, стр. 22.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 372—373.

Истпарт⁴. В. И. Ленин постоянно интересовался вопросами архивного и библиотечного дела, деятельностью Госиздата, подготовкой специалистов, работой историков-марксистов, перестройкой старых научных центров и их деятельностью. В. И. Ленин живо интересовался подготовкой первых документальных публикаций по истории международных отношений, сборников произведений К. Маркса и Ф. Энгельса⁵. По инициативе В. И. Ленина началась работа по составлению хроники революции 1917 г.⁶

Задача настоящей работы — показать, как в первые послереволюционные годы (1918—1923) под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и лично В. И. Ленина создавались и работали новые центры советской исторической науки.

* * *

В буржуазно-помещичьей России пролетариат не мог создать своих кадров в области общественных наук. Правда, среди деятелей Коммунистической партии были такие, кто еще до революции занимался изучением экономической, политической истории России, историей революционного движения и Коммунистической партии: М. Н. Покровский, М. С. Ольминский, Н. М. Лядов, Н. Н. Батурич и др. Но это ограниченное число авторов не могло удовлетворить всех потребностей новой развивающейся науки. Поэтому с победой социалистической революции встал вопрос создания молодых марксистских кадров в области общественных наук, в том числе и историков, способных вести научную и педагогическую работу.

Для организации и ведения научно-исследовательской работы в области общественных наук, для подготовки молодых специалистов партия решила сосредоточить в одном центре имеющиеся немногочисленные кадры. С этой целью в 1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук. На заседании СНК 25 мая 1918 г., где был поставлен доклад М. Н. Покровского о Социалистической академии, В. И. Ленин написал проект постановления, в котором приветствовалась идея создания Академии и рекомендовалось: «1) — во главу угла поставить издательское общество марксистского направления; 2) — привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские силы; 3) — одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований; 4) — немедленно принять меры к выяснению и сбору и использованию русских преподавательских сил»⁷.

⁴ М. Н. Покровский. О возникновении Истпарта. — «Пролетарская революция», 1930, № 7—8, стр. 138—139; В. Адоратский. Воспоминания о возникновении Истпарта. — Там же, 1930, № 5, стр. 163.

⁵ «Ленинский сборник», XXXV, стр. 341—344; XXXVI, стр. 469; В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 440, 509.

⁶ «Пролетарская революция», 1930, № 7—8, стр. 138—139.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 372.

Положение о Социалистической академии общественных наук было одобрено СНК 7 июня и утверждено ВЦИК 25 июня 1918 г.⁸

В Положении были подробно разработаны вопросы состава и управления, характер деятельности и структура академии, ее штаты. Торжественное открытие состоялось 1 октября 1918 г. К работе в Социалистической академии были привлечены видные деятели партии и Советского государства, известные историки-марксисты М. С. Ольминский, В. В. Адоратский, В. П. Волгин, Н. М. Лукин, В. П. Милютин, М. А. Рейснер, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, И. И. Скворцов-Степанов и др. Избрание в состав Академии видных деятелей международного рабочего и коммунистического движения — Р. Люксембург, Ю. Мархлевского, К. Либкнехта, К. Каутского, Фр. Меринга, К. Цеткин, Ф. Адлера, Сен Катаямы и др. — придавало этому научному центру интернациональный характер⁹. Председателем Академии стал М. Н. Покровский.

Учебно-просветительная секция Академии приступила к подготовке марксистских кадров по общественным наукам, в том числе и историков. Исследовательскую работу должна была вести научно-академическая секция. Уже в августе 1918 г., т. е. в период организации Академии, был поставлен вопрос о создании комиссии из членов Академии и других лиц для издания бумаг Романовых¹⁰. В сентябре 1918 г. была создана комиссия для разработки плана научного и популярного издания трудов основоположников научного социализма, а также философов-материалистов¹¹. Научно-экономическая секция Академии 6 октября 1918 г., заслушав постановление СНК (от 1 октября), приняла решение организовать специальную комиссию для разработки и изучения материалов по истории империалистической войны 1914—1918 гг.¹² На общем собрании Академии 13 октября 1918 г. М. Н. Покровский доложил о начавшейся работе комиссии по изданию архивных материалов войны 1914—1918 гг. На этом же заседании был поставлен вопрос о привлечении к этой работе специалистов других ведомств¹³. Тогда же началась подготовка к изданию дипломатической переписки и других документов по истории первой мировой войны. Этой работой занимались В. В. Адоратский и ряд других научных работников¹⁴.

⁸ «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства» (далее — СУ), 1918, № 49, стр. 573.

⁹ А. Удальцов. Очерк истории Социалистической академии (1918—1922). — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 19.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 3415, оп. 1, д. 5, л. 10.

¹¹ Там же, л. 17.

¹² Там же, л. 24—27.

¹³ Там же, л. 26.

¹⁴ Там же, д. 61, л. 9.

Программа работ, намеченная Академией в 1918 г., не была выполнена из-за больших трудностей, с которыми встретились ее сотрудники в те годы. Однако этот план позволяет судить о характере и содержании развернувшейся научной работы в области истории, ее тематике, направлении исследований, их актуальности и научной значимости.

Новый период в жизни Академии начался с 1919 г. Опубликованный 15 апреля 1919 г. устав упростил организацию, состав и управление Академии. Центр тяжести переносился на научно-исследовательскую работу¹⁵. В мае 1919 г. была образована комиссия для издания работ К. Маркса, Ф. Энгельса и классиков утопического социализма, возглавленная Д. Б. Рязановым. В ее состав входили: В. В. Воровский, Н. М. Лукин, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Волгин и др.¹⁶ В ноябре 1919 г. Академия приступила к организации кабинетов: истории социализма, истории революционного движения в России, истории рабочего класса и форм рабочего движения, внешней политики, социалистического строительства, советского права и др. Для ведения кабинетов были намечены комиссии и утверждены их руководители — члены Социалистической академии. Комиссию по истории революционного движения в России возглавил М. Н. Покровский, по истории социализма — В. П. Волгин, II и III Интернационала — Ф. Я. Кон, по рабочему вопросу — С. А. Лозовский, по экономике — В. П. Милютин, по истории мировой войны и внешней политики — Ф. А. Ротштейн, по литературе и искусству — В. М. Фриче¹⁷.

Подготовка новых научных сотрудников должна была проходить на основе исследовательской работы в этих кабинетах.

С окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству деятельность Социалистической академии заметно оживилась. Разработав в 1921—1922 гг. планы научной деятельности, кабинеты приступили к их осуществлению. Так, кабинет истории внешней политики, работой которого руководил Ф. А. Ротштейн, наметил для изучения две темы: 1) аграрный вопрос на мусульманском Востоке и 2) внешнеполитические тенденции американского империализма. В 1923 г. кабинет начал готовить к публикации серию «Библиотека по вопросам международной политики» под редакцией Ф. А. Ротштейна. Было намечено издание работ иностранных авторов: Ф. Анжерана «Железо и франко-германские отношения», П. Альбена «История англо-французских отношений», Р. Пинона «Франция и Италия

¹⁵ СУ, 1919, № 12, ст. 123.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 3415, оп. 1, д. 64, л. 3.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 3415, оп. 1, д. 64, л. 5; «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 34—35, 195. С образованием Института К. Маркса и Ф. Энгельса часть кабинетов Академии перешла в его состав.

в Средиземном море» и др.¹⁸ Чтобы теснее связать деятельность кабинета с текущей деятельностью Коминтерна и Наркоминдела, Ф. А. Ротштейн, являвшийся членом коллегии НКВД, обращался в эти организации с просьбой указывать вопросы, требующие научной разработки, и откомандировать для работы в Академию нужных сотрудников¹⁹.

Задачи кабинета по рабочему вопросу были изложены в Положении, утвержденном Президиумом Академии 30 октября 1922 г. Кабинет должен был: 1) собирать и хранить литературу по данной проблеме; 2) систематизировать и классифицировать необходимые материалы; 3) разрабатывать и готовить общие и статистические материалы для изучения тех или иных периодов рабочего движения; 4) вести экономические, исторические и статистические изыскания по различным проблемам рабочего движения. Под руководством старейшего деятеля профсоюзного движения С. А. Лозовского при кабинете работала секция, которая занималась изучением положения рабочего класса в России и за границей, его организаций, методов борьбы с капиталом. Семинары стали основной формой работы секции, разрабатывавшей следующие темы: рабочее движение и жилищный вопрос; экономическая борьба русских рабочих до 1905 г.; стачечное движение России за время империалистической войны; зачатки профсоюзов до 1905 г.; профсоюзы швейников до 1917 г.; фабрично-заводские комитеты в России; экономическое положение рабочих России во время империалистической войны и др.²⁰

Кабинет истории общественной мысли и революционного движения в России поставил своей главной целью собирание и изучение материалов по истории общественной мысли до 1917 г. Кабинет собрал все журналы XIX в., большой газетный материал, почти все произведения В. И. Ленина, Г. В. Плеханова. Кабинет проводил большую библиографическую работу по составлению систематических указателей книг, статей и др.²¹ В это же время началась подготовка к изданию сочинений В. Г. Белинского, А. И. Герцена и др.²²

¹⁸ «Издания Социалистической академии». — «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 304; «Протокол общего собрания членов Социалистической академии 11 октября 1923 г.» — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 6, стр. 419.

¹⁹ «О секции при кабинете внешних сношений». — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 200—201.

²⁰ «О секции по изучению рабочего вопроса». Хроника. — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 202—203.

²¹ «Кабинет истории общественной мысли и революционного движения в России». Хроника. — «Вестник Социалистической академии», 1922, стр. 204—205; «Протокол общего собрания членов Социалистической академии». — Там же, 1923, № 6, стр. 419.

²² «Издания Социалистической академии». — «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 304.

Кабинет по вопросам советского строительства также приступил к собиранию, учету и систематизации соответствующих материалов, к работе по составлению указателей и обследованию архивов, разработке планов и программ по вопросам советского строительства для высшей школы. Была намечена серия докладов, которые стали систематически заслушиваться с февраля 1923 г.²³

Экономическая секция наметила для изучения три большие проблемы: 1) хозяйство России в системе мирового хозяйства; 2) мировое хозяйство и его развитие; 3) общая теория и методология экономических проблем. Но центр тяжести переносился на изучение первой проблемы, которая была разбита на ряд конкретных самостоятельных тем. Среди них были: довоенное хозяйство; влияние на экономику страны войны и Февральской революции; экономическое положение ко времени захвата власти пролетариатом (состояние производительных сил накануне Октябрьской революции, экономические отношения перед пролетарской революцией, классовая борьба в 1917 г.); хозяйство в условиях диктатуры пролетариата и др. Были назначены примерные темы для конкретных монографических исследований²⁴.

Таким образом, созданные кабинеты и секции начали осуществлять программу научно-исследовательской деятельности в области общественных наук. В этой программе, как было показано, большое место отводилось изучению истории России. Центром исследования стали проблемы русской истории конца XIX — начала XX в., вопросы экономического развития России накануне революции, история рабочего класса и его борьбы с буржуазно-помещичьим строем, история общественной мысли и революционного движения конца XIX в., внешняя политика и международные отношения периода империализма, история первой мировой войны. Особое внимание уделялось теории и истории социалистического строительства, что свидетельствовало о стремлении сотрудников Академии идти в ногу с жизнью, отвечать на вопросы, поставленные практикой.

Приступив к осуществлению намеченных планов, Академия встретила с большими трудностями. Не хватало квалифицированных сотрудников, работавшие в Академии коммунисты были загружены партийной, советской, хозяйственной и другой работой. Ощущался острый недостаток в литературе и публикациях, не было библиографических указателей, архивные материалы только еще приводились в порядок. Поэтому работу приходилось вести сразу в нескольких направлениях: собирать материал,

²³ «Кабинет советского строительства». Хроника.— «Вестник Социалистической Академии», 1922, № 1, стр. 201; «Секция советского строительства». Хроника.— Там же, 1923, № 3, стр. 442.

²⁴ «О работе Экономической секции». — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 195—200; 1923, № 2, стр. 298—299.

обрабатывать, систематизировать и изучать его, составлять библиографические справочники и указатели, изучать архивные документы. Такая многосторонность была неизбежным явлением в тех условиях. Все это необходимо учитывать при оценке деятельности новых научных центров в первые годы Советской власти. Работа велась большая и серьезная, хотя результаты ее в то время не отражались еще в списках монографических исследований. Все это пришло позднее как естественный итог, проделанной в те годы работы.

С осени 1922 г. в Академии стали регулярно заслушиваться научные доклады ее членов. В сентябре обсуждался доклад А. А. Богданова «Версальское устройство», в октябре — В. П. Милютин «Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства» и Б. И. Горева «О сущности религии», в ноябре — доклад В. К. Никольского «Комплексный метод исследования первобытной культуры»²⁵. В январе 1923 г. были прочитаны доклады П. И. Стучки «Революционно-марксистское понимание права» и М. Н. Покровского «9 января 1905 г.»²⁶

Центральный Комитет Коммунистической партии уделял большое внимание организации научной работы, деятельности новых научных учреждений. В 1922 г. по инициативе ЦК партии был поставлен вопрос об усилении связи научно-исследовательской работы с деятельностью Госплана, наркоматов, Истпарта и т. д. В апреле 1922 г. была создана специальная комиссия (в нее вошли В. П. Милютин, А. С. Бубнов, Ф. А. Ротштейн, Ш. Дволайцкий), которая должна была выяснить, какие учреждения ведут марксистскую исследовательскую работу, кто руководит ею и кто принимает в ней участие. Кроме того, комиссия должна была подготовить совещание руководителей этих учреждений для выяснения возможности и форм объединения марксистской научно-исследовательской работы при Социалистической академии; установить список товарищей, которых желательно и возможно привлечь к работе в Академии²⁷.

Помимо научной деятельности, Академия проводила большую политико-просветительную работу. Она посылала своих представителей для чтения лекций в учебно-просветительные советские учреждения, на различные курсы и т. д.²⁸ По инициативе Академии в Москве устраивались собрания, лекции, диспуты, торжественные заседания, митинги и концерты с целью пропаганды коммунистического учения.

²⁵ «Доклады в Социалистической академии». Хроника.— «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 205.

²⁶ Там же, 1923, № 3, стр. 441.

²⁷ «Об объединении научно-исследовательской работы при Социалистической академии». — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 205—206.

²⁸ Там же, стр. 26—27.

XII съезд партии поставил перед Социалистической академией большие и важные задачи. «В теснейшей связи,— говорилось в резолюции съезда,— с необходимостью организованного противодействия влиянию в первую очередь на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистски настроенной профессуры следует в большей степени, чем в настоящее время, выдвинуть задачу оживления работы научной коммунистической мысли, сделав центром этой работы Социалистическую академию, расширив объем ее деятельности за пределы общественного знания. Социалистическая академия должна теснейшим образом связываться в своей работе с научно-исследовательской деятельностью различных учреждений и органов (вузы, комуниверситеты, наркоматы и т. п.), постепенно превращаясь в научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу»²⁹. Это постановление определило дальнейшее развитие работы Академии. Вторая половина 1920-х гг. явилась для Коммунистической академии (так она стала называться с 1924 г.) периодом заметного роста ее научных учреждений и больших творческих достижений во всех областях гуманитарного знания, включая и историю, успехов, основы которых были заложены в первые годы ее существования.

* * *

Необходимым условием успешного развития советской исторической науки в первые годы после Октябрьской революции была непримиримая борьба с буржуазными и реформистскими концепциями и схемами исторического прошлого России.

«Наша задача,— говорил В. И. Ленин на Всероссийском совещании политпросветов в 1920 г.,— побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное»³⁰.

Победа Октябрьской революции коренным образом изменила условия идеологической борьбы. С приходом пролетариата к власти государственной идеологией стал марксизм-ленинизм. В руках Советского государства сосредоточились важнейшие ключевые позиции его распространения (печать, пропаганда). И тем не менее идеологическая борьба в 1917—1923 гг. протекала в исключительно сложных условиях. Гражданская война и иностранная интервенция, экономическая разруха отвлекали лучшие силы партии на фронт, для работы в хозяйственном и государственном строительстве. В первые годы после Октябрьской революции старая, буржуазная идеология была сильна своими кадрами, укоренившимися традициями. Но даже в этих трудных условиях под руководством Коммунистической партии была

²⁹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7-е. М., 1954, стр. 735—736.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406.

проделана большая работа и достигнуты значительные успехи в борьбе против идейных противников марксизма, против реакционных антимарксистских теорий. Условия того времени определили формы и средства борьбы: беспощадное подавление активных носителей контрреволюционной идеологии и политики; разоблачение буржуазных и мелкобуржуазных теорий общественного развития, маскирующих свою контрреволюционную сущность; всемерное распространение марксистско-ленинской теории среди всех слоев населения.

С переходом власти в руки пролетариата стала возможна национализация частных издательств, полиграфической промышленности, запасов бумаги. Государственные издательства в руках пролетарского государства с первых лет Советской власти становятся мощным средством борьбы за распространение марксистской идеологии. Для пропаганды марксизма и марксистско-ленинского воспитания кадров, для борьбы с реакционными теориями буржуазной социологии и историографии необходимо было немедленно приступить к изданию работ основоположников научного социализма. Поэтому 25 мая 1918 г. на заседании СНК В. И. Ленин поставил вопрос об издании материалистической и особенно марксистской литературы³¹.

Уже в годы гражданской войны вышли в свет произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии» (12 изданий), «Нищета философии» (три издания), «Наемный труд и капитал» (т. I — два издания, т. II — одно издание), «Критика Готской программы», «Либералы у власти», «К критике политической экономии», «Заработная плата, цена и прибыль», «Классовая борьба во Франции», «Революция и контрреволюция в Германии», «Теория прибавочной стоимости», «Людвиг Фейербах» (три издания), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (три издания), «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке», «Из истории первоначального христианства»³². Большинство работ Маркса и Энгельса издаются тиражами в 50—100 тыс. экз. Они выходят не только в Москве и Петрограде, но и на местах: в Казани, Калуге, Пензе, Вятке, Твери и других городах и становятся мощным средством борьбы с реакционной буржуазной идеологией, социологией и историографией. Марксистская литература распространяется среди самых широких слоев трудящихся и интеллигенции. Ее с жадностью читают рабочие, крестьяне, демократическая интеллигенция, передовое студенчество. На нее вынуждены обращать внимание даже те буржуазные профессора, которые раньше позволяли себе «игнорировать» марксизм.

³¹ «Вестник Коммунистической академии», 1928, № 4 (28), стр. 7.

³² Архив АН СССР, ф. 233, оп. 1, д. 32, л. 54—55, 57. Эти данные подтверждаются «Книжной летописью» за 1918—1920 гг.

Решающую роль в разгроме реакционной идеологии и историографии сыграли работы В. И. Ленина. В своих статьях, речах, докладах, в таких работах, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г.), «О государстве», «О диктатуре пролетариата», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (1919 г.), «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920 г.) и др., В. И. Ленин отстаивал марксистскую теорию общественного развития, вскрывал научную несостоятельность буржуазных и мелкобуржуазных теорий, искажавших и вульгаризировавших марксизм. С октября 1917 г. произведения В. И. Ленина широко печатаются в газетах и журналах, в виде листовок и брошюр, выходят отдельными изданиями в разных городах страны. Такие работы В. И. Ленина, как «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и др., издаются массовыми тиражами (50—100 тыс. экз.)³³.

В 1920 г. по постановлению IX партийного съезда было начато издание собрания сочинений В. И. Ленина в 20 томах, 26 книгах (закончено в 1925 г.). Ленинские работы в первые годы после Октября становились могучим средством борьбы с буржуазной идеологией, средством воспитания новых кадров, в том числе кадров советских историков.

О вышедших в свет работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на страницах советских газет и журналов систематически печатались статьи и отзывы, в которых давалась характеристика содержания произведений, показывалось их значение для развития науки. Это была одна из важных форм пропаганды и популяризации марксистско-ленинского учения.

В эти же годы массовыми тиражами издавались марксистские работы Г. В. Плеханова и К. Каутского, произведения видных деятелей международного рабочего движения К. Цеткин, К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга, П. Лафарга, А. Бебеля и др.³⁴ Переиздавались также дореволюционные работы крупнейших деятелей большевистской партии³⁵.

³³ «Книжная летопись», 1918—1920 гг.

³⁴ К. Цеткин, Борьба за свободу и мир в России. Пг., 1918; она же. За большевиков. Пг., 1918; К. Либкнехт. Роберт Оуэн. М., 1919; он же. Революция в Париже в 1848 г., Пг., 1918; П. Лафарг. Труд и капитал. Пг., 1919; он же. Буржуазия и наука. Пг., 1919; А. Бебель. Интеллигенция и социализм. Пг., 1919.

³⁵ В 1918—1920 гг. были переизданы работы: Н. Н. Батурина. Очерки истории социал-демократии в России. М., 1918 (изд. 1-е — 1906); В. Д. Бонч-Бруевич. Волнения в войсках и военные тюрьмы. Пг., 1918 (изд. 1-е — 1906); М. С. Ольминский. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.—Пг., 1919 (изд. 1-е — 1909); П. Орловский (В. В. Воронский). Из истории марксизма в России. М.—Пг., 1919 (изд. 1-е — 1908).

Деятельность Коммунистической партии, направленная на пропаганду и распространение марксизма-ленинизма посредством массового издания марксистской литературы и ее популяризации, имела решающее значение в разгроме буржуазной идеологии и историографии, в становлении советской исторической науки и воспитании кадров историков-марксистов.

Особенно остро встали вопросы идейной борьбы в начале 20-х годов в связи с переходом к нэпу и общим оживлением буржуазной идеологии. Они обсуждались на XI и XII съездах партии, XII партийной конференции, которые приняли специальные решения, подчеркивавшие необходимость всемерного усиления работы на идеологическом фронте.

В резолюции «О печати и пропаганде», принятой на XI съезде, был поставлен вопрос об издании литературы, необходимой для работы по марксистскому просвещению масс. «Констатируя развитие враждебных к Советской власти частных издательств, съезд обращает внимание ЦК и партийных комитетов, в первую очередь областных центров, на необходимость поставить издательство боевой агитационно-пропагандистской и марксистской литературы». Съезд одобрил решение о превращении издательства Главполитпросвета «Красная новь» в партийное издательство популярно-агитационной, антирелигиозной и марксистской литературы. Отметив недостаточность издания марксистских учебников, съезд указал на необходимость «принять меры, чтобы в ближайшее время марксистские классики, в первую очередь марксистские произведения Плеханова, были изданы»³⁶.

Вопросы идейной борьбы обсуждались на XII Всероссийской конференции РКП(б). «Анτισоветские партии и течения, — говорилось в решении конференции, — систематически пытаются превратить... кафедру высших учебных заведений — в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство — в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.»³⁷

В связи с оживлением буржуазной идеологии съезд поставил задачу: «поднять работу научно-коммунистической мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию „воинствующего материализма“ и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы Социалистической академии, научных кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских университетах и т. п.)»³⁸.

Решения партии и правительства тех лет по идеологическим вопросам имели громадное значение для исторической науки. Они нацеливали историков-марксистов на непримиримое отношение ко всем антинаучным, антимарксистским теориям развития общества, на всемерную пропаганду марксистско-ленинского

³⁶ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 644—645.

³⁷ Там же, стр. 671.

³⁸ Там же, стр. 673.

понимания истории. В своей практической организаторской работе на историческом фронте, в педагогической и научно-исследовательской деятельности историки-марксисты руководствовались важнейшими партийными решениями по идеологическим вопросам.

* * *

В связи с этим большой интерес представляет история создания и деятельности крупнейших научных центров страны — Института К. Маркса и Ф. Энгельса и Института В. И. Ленина, которые с первых же лет своего существования стали активными проводниками марксистско-ленинского учения в общественных науках, центрами пропаганды марксистской идеологии среди широких масс.

Работа организованной в 1918 г. по решению ЦК РКП(б) комиссии для подготовки переводов и издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (руководитель И. И. Скворцов-Степанов) показала, что в рамках комиссии, состоящей даже из квалифицированных и образованных марксистов, этой важной задачи не решить.

8 декабря 1920 г. Пленум Центрального Комитета РКП(б) принял решение организовать «первый в мире музей по марксизму». Однако вскоре по предложению Д. Б. Рязанова было решено создать Научно-исследовательский институт К. Маркса и Ф. Энгельса. В январе 1921 г. ЦК РКП(б) поручил Д. Б. Рязанову начать работу по организации аппарата института. Эта работа развернулась на базе кабинета теории, истории и практики марксизма, созданного в 1919 г. в Социалистической академии общественных наук, и завершилась в основном к ноябрю 1922 г.³⁹ На X съезде партии было заслушано сообщение директора института Д. Б. Рязанова о ходе работы по созданию Института К. Маркса и Ф. Энгельса⁴⁰.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса возник как научно-исследовательское учреждение для изучения истории зарождения и развития марксизма, его теории и практики, для исследования опыта международного рабочего и коммунистического движения, для развития и распространения научного коммунизма, для научной пропаганды марксизма среди широких трудящихся масс. Задачи, стоявшие перед институтом, определяли его структуру и формы работы.

В первые годы существования основная работа института сосредоточивалась на собирании литературного наследия

³⁹ Г. Д. Обичкин. Важный центр пропаганды марксистско-ленинской теории.— «Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 3; «Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР». М.— Л., 1930, стр. 5—6.

⁴⁰ «Десятый съезд РКП(б)». Протоколы. М., 1933, стр. 164—165.

К. Маркса и Ф. Энгельса: различных изданий их сочинений, рукописей, материалов и документов, связанных с их жизнью и революционной деятельностью. Богатейшие коллекции, собранные институтом, легли в основу кабинета К. Маркса и Ф. Энгельса и архива института и явились научной базой для подготовки и издания собрания сочинений основоположников научного коммунизма. В кабинете К. Маркса и Ф. Энгельса были собраны все первые издания сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина с такой полнотой, которую не знает ни одна страна мира.

Уже к концу 1923 г. были подготовлены первые пять томов собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1923 г. вышли в свет: т. I (К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и письма 1837—1844 гг.) и т. II (Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1837—1844 гг.)⁴¹. Кроме издания собрания сочинений, институт приступил к публикации отдельных работ основоположников марксизма. В 1922—1923 гг. вышли «Манифест Коммунистической партии», комментарии к которому не утратили своего научного значения и сейчас, «Капитал» и др.

В 1920—1922 гг. Советское правительство закупило в Англии, Германии, Швейцарии и Австрии богатейшие коллекции книг, среди которых особенно ценной была литература по истории социализма и рабочего движения. В кабинете по истории Германии была собрана литература по экономической, социальной и политической истории Германии, начиная со средних веков. Большое внимание было обращено на расширение фондов по проблемам, особенно интересовавшим К. Маркса и Ф. Энгельса, таким, как: крестьянская война в Германии, анабаптисты, просвещенный абсолютизм, австрийское и венгерское рабочее движение, революция 1848—1849 гг. и др.

В кабинете по истории Франции была собрана богатая коллекция мемуаров, периодических изданий и литературы, которая сосредоточивалась в семи отделах: 1) Великая революция и наполеоновская эпоха; 2) Реставрация и июльская революция; 3) Июльская реставрация; 4) Февральская революция; 5) Вторая империя; 6) Парижская Коммуна 1871 г., 7) Третья республика и рабочее движение после Коммуны.

В кабинете по истории Англии — классической страны капитализма, историей которой постоянно интересовались К. Маркс и Ф. Энгельс, большую ценность представляли материалы по истории промышленности, аграрного движения, торговли, государственного кредита, финансов, налогов, транспорта, армии и флота, рабочего и социалистического движения. В этом же кабинете была собрана литература по истории Северо-Американских Сое-

⁴¹ «Институт К. Маркса и Ф. Энгельса» Каталог изданий. М.—Л., 1929, стр. 11.

диненных Штатов, английских колоний в Азии и Африке и колониальной политике английского империализма.

Кабинет социализма создал ценные фонды по истории социалистической мысли, среди которых была богатейшая коллекция сочинений социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, а также сочинения анархистов Бакунина, Кропоткина, Элизе Реклю и др. В кабинете Плеханова были сосредоточены материалы по истории социализма и марксизма в России. Кабинет внешней политики собирал литературу и изучал проблемы, связанные с внешней политикой, и взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса по данному вопросу. В кабинете Интернационала хранились документы о деятельности I Интернационала — воззвания, манифесты, журналы, протоколы. Сотрудники кабинета изучали историю I Интернационала, его роль и место в развитии международного рабочего движения, роль К. Маркса и Ф. Энгельса в создании Международного союза рабочих. История философии, права, политической экономии разрабатывались в соответствующих кабинетах Института К. Маркса и Ф. Энгельса⁴². Богатейшие коллекции, созданные в институте в первые же годы его существования, получили всеобщее признание научной общественности нашей страны и специалистов Запада. В 1921 г. немецкая буржуазная газета «Frankfurter Zeitung» поместила корреспонденцию известного немецкого биографа К. Маркса и Ф. Энгельса Фрица Шотхефера, который, ознакомившись с фондами института, дал высокую оценку его собраниям. «Тому, кто захочет в будущем изучать историю социального движения,— писал он,— придется ехать в Москву. Во всяком случае он нигде не найдет такой огромной литературы в таком совершенном и систематизированном виде, как в Социалистической академии и в Институте Маркса — Энгельса... Только специалист может в полной мере оценить эти учреждения... оба института организованы и оборудованы с такой деловитостью и серьезностью, что даже контрреволюция в России остановилась бы перед ними с почтением»⁴³.

Собранные в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса материалы дали возможность начать подготовку к публикации сочинений Г. В. Плеханова, П. Лафарга, Ф. Меринга, В. Засулич, Р. Люксембург. Институт разработал обширный издательский план, наметив публикацию трех серий: философской, экономической и социалистической. В первую серию («Библиотека материализма») входили сочинения Гобса, Гольбаха, Гельвеция, Дидро, Фейербаха. Намечая эту серию, институт поставил перед собой задачу — сделать доступными русскому читателю подлинные произведения материалистов. Было решено снабжать издания

⁴² Д. Б. Рязанов. Институт Маркса и Энгельса при ЦИК СССР. М., 1924.

⁴³ «Frankfurter Zeitung», 30 декабря 1921 г., стр. 1; ЦГАОР, ф. 3415, оп. 1, д. 92.

предисловиями и примечаниями, облегчающими их усвоение. В 1923 г. вышел первый том сочинений Л. Фейербаха⁴⁴. В серии «Библиотека экономистов» были намечены издания сочинений Тюрго, Смита, Рикардо, Сисмонди, Миля и др. «Библиотека социалистов-утопистов» намечала выпустить сочинения Мора, Кампанеллы, Мелье, Оуэна, Сен-Симона, Фурье и др.

Эта обширная программа была практическим претворением в жизнь ленинского указания о необходимости издания марксистской, материалистической и атеистической литературы.

Период 1920—1923 гг. был в жизни Института в значительной мере организационным — выработывалась структура и формы работы, комплектовались фонды и кадры сотрудников, делались первые шаги по изучению и публикации сочинений основоположников научного коммунизма. В последующие годы Институт широко развернул научно-исследовательскую и издательскую работу, превратившись в крупнейший в мире центр по изучению и пропаганде марксизма-ленинизма.

* * *

В 1919 г. по указанию ЦК РКП(б) при Госиздате была организована комиссия для издания сочинений В. И. Ленина (в нее вошли М. С. Ольминский, В. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Скворцов-Степанов; руководил работой В. В. Воровский), которая приступила к выявлению и собиранию материалов, относящихся к жизни и деятельности В. И. Ленина. Она явилась предшественницей Института В. И. Ленина.

31 марта 1923 г. пленум Московского Комитета РКП(б) принял решение организовать Институт В. И. Ленина, а Московская партийная конференция, проходившая в дни, когда отмечалось 25-летие партии, утвердила это постановление⁴⁵.

В обращении ЦК партии «Институт имени В. И. Ленина», опубликованном в «Правде», сообщалось, что специально созданная комиссия приступила к сбору материалов о В. И. Ленине. Поэтому ЦК просит всех членов партии и беспартийных присылать в комиссию имеющиеся материалы, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. «Члены РКП(б) не должны забывать того,— отмечалось в обращении,— что всякий маленький обрывок бумаги, где имеются надпись или пометка В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции и поможет уяснить задачи и трудности, стоящие на том пути, по которому мы идем, руководимые В. И. Лениным»⁴⁶.

⁴⁴ «Институт К. Маркса и Ф. Энгельса». Каталог изданий, стр. 28—32, 42—54.

⁴⁵ «К истории возникновения Института Ленина». — «Бюллетень Института В. И. Ленина при МК РКП(б)», 1923, № 1, стр. 10. В те годы 31 марта 1923 г. считалось днем основания Института В. И. Ленина. — Там же.

⁴⁶ «Правда», 8 июля 1923 г.

Секретарям партийных комитетов, фракций и ячеек было предложено немедленно выделить специальных товарищей для просмотра архивов этих учреждений и выявления «всех бумаг, имеющих надписи, резолюции или пометки т. Ленина, а также его рукописи».

Специальное постановление ЦК РКП(б) еще раз подтвердило необходимость выполнения этого указания. Выделенные губкомами корреспонденты должны были связаться с институтом и делать все возможное, чтобы губернские организации систематически собирали ценные для института материалы. В этом же постановлении указывалось, что вопрос о задачах института и его корреспондентах должен быть поставлен на бюро губкомов и укомов и освещен во всех ячейках и в местной партийной печати ⁴⁷.

В 1923 г. вышел в свет первый номер «Бюллетеня Института В. И. Ленина» с предварительным планом работы. «Общая и основная задача Института Ленина,— говорилось в проекте,— всестороннее изучение и интернациональная пропаганда ленинизма. Отнюдь не узко-академические цели, изолирующие работу института от общепартийной жизни. Ленинизм должен стать достоянием широких, не только партийных (русских и заграничных) кругов, но и беспартийных масс рабочих и крестьян» ⁴⁸ (разрядка наша.— Г. А.). Институт планировал: собрать все ленинское литературное наследие для подготовки к изданию полного собрания его сочинений; перевести эти издания на иностранные языки. На основе полного собрания сочинений предполагалось издать работы В. И. Ленина по сериям: экономика, философия, национальный вопрос и т. д., подготовить и издать ленинскую хрестоматию, его отдельные сочинения, брошюры и речи, популярную серию сочинений для рабочих и крестьян, новую биографию В. И. Ленина, работы о В. И. Ленине и его трудах. Обширный и разносторонний план деятельности института мог быть осуществлен, как указывалось в «Бюллетене», только при поддержке всей партии, при активном участии и помощи самых широких ее слоев. За работой по организации Института В. И. Ленина следила вся страна. «Правда» систематически публиковала материалы о ходе работы по созданию института, о поступлении различных материалов в его фонды. Одновременно с институтом начал создаваться Музей Ленина ⁴⁹.

С 1923 г. развернулась громадная работа по собиранию, систематизации и изучению ленинского наследия. Стали поступать ценнейшие материалы, связанные с жизнью и деятельностью

⁴⁷ Постановление ЦК РКП(б).— «Бюллетень Института В. И. Ленина при МК РКП(б)». М., 1923, № 1, стр. 8.

⁴⁸ «Задачи Института В. И. Ленина» (Предварительный набросок как основа для выработки окончательного положения).— Там же, стр. 3.

⁴⁹ А. С. Аросев. В Институте Ленина.— «Правда», 23 августа 1923 г.

В. И. Ленина, различные издания по истории партии. Так, из Парижа была получена богатая библиотека нелегальных революционных изданий.

В специальной резолюции XIII съезда партии, проходившего вскоре после кончины Ленина, «О работе Института Ленина» отмечалось: «Съезд одобряет подготовительную работу, проделанную уже Институтом в деле собирания материалов и ознакомления с ними широких масс трудящихся. Первой и главной задачей Института XIII съезд считает вполне научное и самое тщательное издание полного собрания сочинений Ленина и подготовку ленинской библиотеки для более широких масс рабочих из избранных произведений В. И. Ленина на языках всех народностей, населяющих СССР... Институт В. И. Ленина должен явиться, таким образом, базой изучения и распространения ленинизма среди широких партийных и беспартийных масс»⁵⁰.

Съезд обратился с призывом ко всем партийным организациям, членам партии и братским коммунистическим партиям всех стран с призывом всемерно помогать институту в деле собирания ленинских материалов. Центрархив и Истпарт должны были передать в институт все имеющиеся у них документы, относящиеся к жизни и деятельности В. И. Ленина. Центральному Комитету партии съезд поручил открыть при Институте для широких масс музейное отделение⁵¹. Постановление съезда стало для института программой его деятельности⁵². 31 мая 1924 г., согласно решению XIII съезда ВКП(б), состоялось открытие Института В. И. Ленина. За годы своей деятельности Институт В. И. Ленина проделал громадную работу по собиранию и публикации ленинского литературного наследия⁵³.

* * *

Еще до революции, находясь в глубоком подполье, большевистские партийные организации, по инициативе В. И. Ленина, стали собирать документальные материалы по истории Коммунистической партии. Однако в тех условиях подобная работа, естественно, не могла принять широкий размах⁵⁴. Это стало возможно только после победы пролетарской революции. С первых лет существования Советской власти под руководством Коммунистической партии в центре и на местах развернулась большая работа по собиранию и изучению всех видов исторических источников по истории партии и революции.

⁵⁰ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 87—88.

⁵¹ Там же, стр. 88.

⁵² В 1931 г. Институт В. И. Ленина был объединен с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса в единый Институт Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ).

⁵³ «Институт Ленина при ЦК ВКП(б)». Каталог изданий. М.—Л., 1929.

⁵⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. Об архивных фондах литературных деятелей.— «Архивное дело», 1939, № 2(50), стр. 16.

Весной 1919 г. ЦК партии обратился с призывом собирать партийные издания, протоколы собраний и заседаний, резолюции, постановления, листовки и другие материалы. «Для будущего историка великой российской революции,— говорилось в обращении Секретариата ЦК РКП(б),— каждая газета, каждое воззвание самой мелкой организации будет драгоценным материалом. Этот исторический материал не должен пропадать. Присылайте его нам»⁵⁵.

В августе 1920 г. при Госиздате по предложению В. И. Ленина была создана комиссия по истории партии⁵⁶. На ее основе и был организован Истпарт. 25 сентября 1920 г. за подписью В. И. Ленина было опубликовано постановление СНК об учреждении комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии. «Для собирания, разработки, обработки и издания материалов, относящихся к истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической партии (большевиков) при Народном Комиссариате просвещения учреждается комиссия из 9 членов, назначаемых Советом Народных Комиссаров»⁵⁷. Для хранения и пользования материалами комиссии разрешалось создавать архивы и библиотеки. Комиссии предоставлялось право организовывать местные подкомиссии и бюро, посылать во все районы страны своих уполномоченных для собирания нужных материалов, а также пользоваться аппаратом Главного управления архивным делом и Государственного издательства.

В состав комиссии вошли: В. В. Адоратский, Н. Н. Батулин, А. С. Бубнов, В. И. Невский, В. А. Быстрянский, С. А. Пионтовский, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов⁵⁸. Председателем комиссии был назначен М. С. Ольминский, заместителем — М. Н. Покровский, секретарем — В. В. Адоратский. Истпарт состоял из двух подкомиссий: 1) По истории Октябрьской революции (руководитель М. Н. Покровский) и 2) По истории партии (руководитель В. И. Невский). 13 сентября 1920 г. комиссия утвердила представленный В. И. Невским план работы по истории РКП(б), который предусматривал изучение истории Октябрьской революции и РКП периода 1917—1920 гг., широкое и всестороннее изучение жизни партии в связи с историей рабочего движения 1870—1920-х гг., а также создание различных курсов, необходимых для марксистско-ленинской подготовки лекторов, рядовых членов партии и широких масс трудящихся.

Поскольку подготовка многотомной истории партии в тех условиях была нереальной, приняли решение приступить к

⁵⁵ «Протоколы VIII съезда РКП(б)». М., 1933, стр. 448.

⁵⁶ Н. С. Комаров. Создание и деятельность Истпарта.— «Вопросы истории КПСС». 1958, № 5, стр. 154—155.

⁵⁷ СУ, 1920, № 80, ст. 386. Текст декрета был написан В. В. Адоратским и М. Н. Покровским («Пролетарская революция», 1930, № 5, стр. 164).

⁵⁸ «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 18. Позднее состав Истпарта неоднократно изменялся (там же).

публикации источников по истории партии в виде отдельных сборников⁵⁹.

С октября 1920 г. стали создаваться местные отделения Истпарта. В октябре — декабре они были организованы в Петрограде, Казани, Гомеле, Нижнем Новгороде, Перми⁶⁰. Уже в 1920 г. сотрудники Истпарта приступили к обработке и публикации источников по истории Октября, революционного движения накануне 1917 г., по истории большевистских газет «Звезда» и «Правда»⁶¹.

С июня 1921 г. широко развернулась работа по собиранию и изучению материалов для составления хроники революции 1917 г. (февраль — октябрь)⁶². Материалы, собранные Истпартом, статьи, заметки и очерки его сотрудников систематически публиковались на страницах советских и партийных периодических изданий⁶³.

Созданная при Наркомпросе, а с 1 декабря 1921 г. переданная в ведение ЦК РКП(б) (на правах его отдела)⁶⁴ комиссия по истории партии стала крупнейшим научным центром страны, оказавшим громадное влияние на изучение важнейших проблем отечественной истории и утверждение марксистско-ленинской концепции в советской историографии.

На X съезде партии было заслушано информационное сообщение председателя Истпарта М. С. Ольминского о деятельности комиссии. Он обратился ко всем членам партии с призывом включиться в работу и принимать активное участие в собирании историко-партийных материалов, особенно воспоминаний коммунистов и беспартийных, участвовавших в революционном движении и борьбе за победу социалистической революции. «Все эти документы и мемуары необходимы для создания правдивой истории РКП(б), которую должны знать все члены партии, а особенно молодые коммунисты»⁶⁵.

8 января 1923 г. Центральный Комитет партии принял решение «Об организации областных и губернских бюро Истпарта», определившее задачи и состав бюро Истпарта на местах⁶⁶.

В течение 1921—1923 гг. была создана широкая сеть истпартов по всей стране⁶⁷. Местные отделения создавались, как правило, при местных партийных комитетах и вели свою работу

⁵⁹ «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 8—9.

⁶⁰ «Пролетарская революция», 1921, № 3, стр. 340, 342; «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 20, 21, 34, 36, 38.

⁶¹ «Известия ВЦИК», 19 сентября 1920 г.

⁶² «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 19, 24.

⁶³ «Бюллетень Истпарта», 1924, № 2, стр. 14, 15, 17.

⁶⁴ «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 2, стр. 33.

⁶⁵ «Десятый съезд РКП(б). Протоколы, стр. 133—137.

⁶⁶ «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 2, стр. 33.

⁶⁷ В 1921 г. бюро Истпарта были созданы в Москве, Екатеринославе, Харькове, Калуге, Новгороде, Саратове, Ростове, Семипалатинске, в 1922 г. — в

под их руководством, а часто и их силами. Они разработали конкретные планы деятельности в связи с общими задачами Истпарта и приступили к их осуществлению. Особенно успешно работали в первые годы существования Московское, Петроградское, Новгородское, Казанское, Саратовское, Тульское, Костромское, Сибирское и другие бюро⁶⁸. Деятельность местных организаций Истпарта вместе с архивными бюро и отделениями Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев имела большое значение для формирования советской исторической науки на местах, особенно в разработке таких вопросов, как история революционного движения, местных партийных организаций, история борьбы за власть Советов на местах. В процессе собирательской и исследовательской работы росли местные кадры историков-марксистов.

Вопросы организации и деятельности Истпарта широко освещались на страницах советской и партийной печати. С 1921 г. стал выходить «Бюллетень Истпарта», освещавший работу комиссии. «И не только история Великой русской революции,— писал председатель Истпарта М. С. Ольминский,— но и история РКП(б) (по крайней мере с зарождения социал-демократии в России) — генезис и рост той движущей силы, которая неуклонно толкала стихию русской революции, начиная от кануна 1905 г., к Октябрьским дням 1917 г. — не может не быть в центре внимания историка современных нам социальных бурь»⁶⁹.

В «Бюллетене» были опубликованы «Конспект-минимум для воспоминаний», составленный Н. Н. Батуриным, «Проект плана работ по истории партии за период 1917—1920 гг.» А. С. Бубнова, Инструкция для местных бюро Истпарта и отчет о деятельности Истпарта (к 1 октября 1921 г.). Подобные материалы способствовали популяризации деятельности Истпарта среди населения, помогали улучшать его работу на местах.

22—24 апреля 1923 г., во время работы XII съезда партии, в Москве было организовано первое Всероссийское совещание работников истпартоделов. На этом совещании для обсуждения были поставлены следующие вопросы: 1) информационный доклад о деятельности Центрального Истпарта (докладчик П. Н. Лепешинский); 2) о ближайших задачах (В. И. Невский); 3) доклады с мест; 4) опыт работы местных бюро; 5) о журналах (А. И. Елизарова, В. И. Невский); 6) о работе архива; 7) текущие дела⁷⁰.

Витебске, Киеве, Симферополе. Твери, Курске, Самаре, Кременчуге, Вологде. Иркутске, Минске, Рязани, Томске, Уфе, Астрахани, Ставрополе, Одессе, Кунгуре, Владикавказе; в 1923 г.— Подольское, Волинское, Черниговское, Николаевское, Дальневосточное.

⁶⁸ «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 19—22; 1924, № 2, стр. 44—47.

⁶⁹ «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 4.

⁷⁰ «Протоколы Всероссийского совещания работников Истпарта, 22—24 апреля 1923 года».— «Бюллетень Истпарта», 1924, № 2, стр. 3.

С интересным докладом о ближайших задачах Истпарта выступил В. И. Невский, указавший на необходимость всестороннего изучения эпохи 70—90-х годов, ибо «без хорошего знания революционного движения изучать историю партии нельзя»⁷¹. Выступавшие в прениях поддержали намеченную В. И. Невским программу работы⁷².

Обсуждение важнейших теоретических и практических вопросов, ознакомление с работой на местах, подведение итогов деятельности — все это было исключительно важно для дальнейшей работы Истпарта. Совещание разработало положения об Истпартотделе ЦК РКП(б) и Истпартотделе губернского комитета РКП, которые определили задачи, сферу деятельности, структуру, формы и методы работы, характер отчетности⁷³.

XII съезд партии принял специальную резолюцию, в которой отмечалась важность выполняемой Истпартом работы и намечались конкретные пути ее улучшения⁷⁴.

После съезда партии работа Истпарта значительно улучшилась⁷⁵. Стала налаживаться связь местных отделов Истпарта между собой. Усилился обмен изданиями. До ноября 1923 г. местные бюро работали по своим планам. С ноября Центральный Истпарт начал регулярно инструктировать местные комиссии, давать им конкретные задания, связанные с общим планом работы Истпарта. Местные отделы стали регулярно снабжаться литературой.

Хотя 1920—1923 гг. были организационным периодом в жизни Истпарта, но уже тогда была проделана большая работа в центре и на местах по собиранию, изучению и изданию документальных материалов и мемуаров. Среди истпартовских изданий особенно большую ценность представляли материалы по истории революционного движения, Октябрьской революции и Коммунистической партии⁷⁶.

В 1921—1923 гг. Истпарт одновременно с научно-исследовательской работой проводил большую популяризаторскую деятельность по ознакомлению широких масс с памятниками революционного прошлого. К X съезду партии была организована выставка по истории РКП(б) в Доме Союзов. Затем она превратилась в постоянно действующую выставку-музей в Кремле⁷⁷. В 1922 г. выставки были открыты в Петрограде, Новгороде, Казани, Екатеринославе, Ташкенте, Перми и других городах. К 6-й годовщине Октябрьской революции выставки по истории

⁷¹ В. И. Невский. О ближайших задачах.— «Бюллетень Истпарта», 1924, № 2, стр. 17—20.

⁷² Там же, стр. 20—24.

⁷³ «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 7—8, стр. 103.

⁷⁴ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 730.

⁷⁵ «Пролетарская революция», 1923, № 18—19, стр. 345—347.

⁷⁶ «Вопросы истории», 1960, № 4, стр. 134.

⁷⁷ «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5, стр. 160—161.

революции и РКП были организованы в более чем 25 губернских городах. Эти временные выставки либо превращались в постоянные, либо на их базе создавались музеи. К 1924 г. музеи революции были организованы в Петрограде, Калуге, Одессе, Костроме, Новгороде, Саратове, Смоленске, в Казани и других городах⁷⁸. Особенно большое значение имела организация музейного и выставочного дела на местах. Так, созданный Новгородским Истпартом Музей революции пользовался большой популярностью среди населения города. За полтора года работы Музей посетили 17 217 человек, было прочитано 210 лекций по истории партии и революции⁷⁹.

В ряде городов Истпарт организовал историко-революционные библиотеки⁸⁰, курсы по истории партии и революционному движению⁸¹.

Выставки, уголки, музеи, лекции и доклады Истпарта сыграли большую роль в привлечении внимания партийных и беспартийных масс к истпартовской работе. Они стали одним из средств пропаганды среди широких масс населения марксистско-ленинских идей.

На XIII съезде партии вновь был поставлен вопрос о деятельности Истпарта. В резолюции «Об агитпропработе» отмечалась возросшая потребность в работах по истории партии и Октябрьской революции, их громадное воспитательное значение, указывалось на необходимость усиления деятельности по собиранию и обработке материалов по истории партии, составлению хронологий революционных событий и хрестоматий. «...В связи с приближением 20-й годовщины первой русской революции, XIII съезд партии считает, что работе истпартов должно быть уделено серьезнейшее внимание и приняты все меры к обеспечению ее успешности (снабжение работниками, материальными средствами и т. д.)»⁸².

Уже в первые три года своего существования Истпарт развернул большую работу по изучению и изданию исторических источников по истории революционного движения, Октябрьской революции и Коммунистической партии. Издания Истпарта имели большое научное и политико-воспитательное значение, так как создавали базу для изучения истории Октябрьской революции и Коммунистической партии.

Еще до революции история партии освещалась в работах большевиков Н. Н. Батурина, М. Н. Лядова, В. В. Воровского и др. Но источниковедческая база и хронологические рамки их

⁷⁸ «Пролетарская революция», 1924, № 1, стр. 282—309.

⁷⁹ «Бюллетень Истпарта», 1924, № 2, стр. 14—15.

⁸⁰ «Пролетарская революция», 1922, № 8, стр. 234; 1924, № 1, стр. 282—309.

⁸¹ Там же, 1922, № 8; стр. 234; 1924, № 1, стр. 282—309.

⁸² «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 75.

работ были еще очень узки⁸³. Трудов, которые бы с марксистских позиций освещали последующий период истории партии, не было совсем. Поэтому вопрос о научной разработке истории партии остро встал в первые годы после революции. Изучение исторического опыта имело громадное значение для дальнейшего развития партии, ее успешной борьбы с идейными противниками, для зарубежных коммунистических партий, борющихся за освобождение трудящихся от капиталистического гнета. Поэтому В. И. Ленин в своих трудах и особенно в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920 г.) уделил большое внимание изучению и обобщению исторического опыта борьбы Коммунистической партии, характеристике ее стратегии и тактики на отдельных этапах развития. Только на основе научной разработки истории партии можно было создать работы, необходимые для политического воспитания членов партии, для политико-просветительной работы среди рабочих, крестьян, молодежи.

Идеологи буржуазии, меньшевики и эсеры, прилагали все усилия, чтобы в искаженном, фальсифицированном виде представить историю большевизма.

Особенно отчетливо проявилось это в книгах Л. Мартова, Н. Н. Суханова, Н. А. Рожкова, В. М. Чернова и др. История Коммунистической партии стала в те годы одним из центральных вопросов острейшей идейной борьбы. Необходимо было разгромить идейных противников большевизма, вскрыть политический смысл их измышлений.

Поэтому в первые годы Советской власти уделялось такое большое внимание публикации документов и мемуаров по истории партии, необходимых для объективного и всестороннего изучения ее развития и деятельности. Особенно плодотворна в этой области была деятельность Истпарта, который подготовил и издал ряд интересных сборников документов и воспоминаний по истории партии⁸⁴, мемуаров руководителей и рядовых участников рабочего движения⁸⁵. На страницах новых советских исторических журналов: «Пролетарская революция» (Москва), «Крас-

⁸³ М. С. Волин. Некоторые вопросы историографии партии (дооктябрьский период).— «Вопросы истории КПСС», 1960, № 5, стр. 156—172.

⁸⁴ «От Группы Благоева к „Союзу борьбы“», Ростов на/Д., 1921; «Федосеев Николай Евграфович». М.— Пг., 1923; «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», ч. I, М., 1921; «Путь „Правды“». Тверь, 1923; «Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии», т. VI. М.— Пг., 1923; «Из партийного прошлого» ч. I, II. Калуга, 1922—1923; «Большевистские тайны типографии в Москве и Московской области». М., 1923; «Путь к Октябрю», вып. I, II. М., 1923; «Техника большевистского подполья», вып. I, II. М., 1923.

⁸⁵ П. Н. Лепешинский. На повороте. Пг., 1922; А. И. Шаповалов. По дороге к марксизму. М., 1922; Ф. Н. Самойлов. Воспоминания об ивановознесенском рабочем движении, 1922; Ц. Зеликсон-Бобровская. Записки рядового подпольщика, ч. 1. М., 1922, ч. 2. М.— Пг., 1923; А. Марциновский. Записки рабочего-большевика. Саратов, 1923; «Как мы учились марксизму». М., 1923, и др.

ная летопись» (Петроград), «Летопись Революции» (Харьков) и др. систематически публиковались материалы и статьи по истории Коммунистической партии. Разнообразный фактический материал, содержащийся в них, опровергал фальсификаторские измышления буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии, показывая, что Российская Коммунистическая партия выросла на базе мощного рабочего движения, стала законной наследницей революционных традиций и выразительницей интересов самых широких слоев пролетариата России.

Разработкой истории партии после революции занимались В. И. Невский, А. С. Бубнов, М. Н. Лядов, М. С. Ольминский и другие видные историки-марксисты. Уже в первые годы после революции ими были подготовлены и изданы работы по истории Российской социал-демократической рабочей партии⁸⁶. И хотя эти издания имели серьезные недостатки, фактические неточности, неверные оценки и формулировки, факт их появления красноречиво говорит о развернувшейся большой исследовательской работе по истории партии, в ходе которой накапливался опыт, использованный позднее для создания работ на более высоком научном и политическом уровне.

* * *

Коммунистическая академия, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Институт В. И. Ленина, Истпарт — все эти учреждения создавались как марксистские центры научно-исследовательской работы. В этом же направлении развевывалась деятельность архивных учреждений во главе с Главным архивным управлением, Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, организованного в 1921 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского⁸⁷, и его отделений на местах, исторических и историко-революционных музеев. Эти организации не занимались подготовкой специалистов-историков, но своей практической деятельностью способствовали их формированию и оказывали большое влияние на рост научных марксистских кадров.

Подготовка специалистов велась на историко-филологических факультетах старых университетов, перестраивавших свою работу, и вновь организованных (Белорусский, Иркутский, Ереванский, Среднеазиатский, Дальневосточный и др.), которые успешно развевывали свою учебную и научную деятельность. Однако ни новые, ни старые университеты, ни созданные коммуни-

⁸⁶ В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. М., 1923; А. С. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии России. Краснодар, 1923; К. И. Шелавин. Рабочий класс и его партия. М., 1923; М. Н. Лядов. Третий съезд РСДРП (1905 г.). Х., 1922, а также статьи на страницах журналов «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Пути революции», «Летопись революции» и др.

⁸⁷ «Каторга и ссылка», 1926, № 5, стр. 225.

стические университеты не могли решить такую важную задачу, как подготовка кадров высшей квалификации, т. е. марксистской профессуры. Поэтому в 1921 г. по инициативе В. И. Ленина и по постановлению СНК от 11 февраля был создан Институт красной профессуры.

«Учредить в Москве и Петрограде, — говорилось в декрете, подписанном В. И. Лениным, — институты по подготовке красной профессуры для преподавания в высших школах Республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства»⁸⁸. Народному Комиссариату по просвещению поручалось немедленно приступить к их созданию, а всем советским учреждениям — оказывать всемерное содействие «в деле скорейшей организации указанных институтов».

Постановление СТО от 30 марта 1921 г. дополняло и конкретизировало ранее принятый декрет. По этому постановлению лица, сдавшие вступительные экзамены, «откомандировываются из всех без исключения учреждений, предприятий и Красной Армии для поступления в институт»⁸⁹. Организация Института была поручена М. Н. Покровскому. Он же стал его руководителем.

В Уставе, утвержденном ЦК РКП(б), говорилось, что «ИКП имеет целью подготовку преподавателей основных общественных дисциплин в высших учебных заведениях Республики». Ректор института назначался коллегией Наркомпроса и утверждался ЦК РКП(б). При ректоре создавалось правление института. Всей партийной и педагогической работой института руководил ЦК РКП(б) через бюро коммунистов ИКП⁹⁰. В институте было создано три отделения: экономическое, философское, историческое с секциями по русской и всеобщей истории. 3 октября 1921 г. в Институте красной профессуры начались занятия⁹¹.

Среди преподавателей ИКП в 1923 г. были М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, В. П. Волгин, Н. М. Лукин, Ф. А. Ротштейн и др.

При составлении программы основное внимание обращалось на изучение основ марксизма, политэкономию, исторического материализма, истории народного хозяйства, истории социализма⁹².

В Петрограде Институт красной профессуры создан не был. Но в 1921 г. группа петроградских коммунистов приступила к организации Научно-исследовательского института «для веде-

⁸⁸ СУ, 1921, № 12, стр. 79.

⁸⁹ «Правда», 1 ноября 1921 г.

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 5284, оп. 1, д. 1, л. 3—6.

⁹¹ Там же, ф. 2307, оп. 2, д. 232, л. 3; ф. 5284, оп. 1, д. 2, л. 22.

⁹² Т. Дубыня, А. Панкратова. Десять лет Института красной профессуры. — «Борьба классов», 1931, № 8—9, стр. 21—22; ЦГАОР, ф. 5284, оп. 1, д. 2, л. 113.

ния работы в духе революционного марксизма». 11 июля 1922 г. состоялось организационное собрание, на котором были утверждены устав (составленный инициативной группой) и список сотрудников (39 человек)⁹³. В институте работали С. А. Пионтковский, В. И. Невский, В. А. Быстрянский, К. И. Шелавин, Г. В. Цыперович, М. В. Серебряков и др.⁹⁴ Общее собрание института приняло постановление, что «в число действительных членов будут приниматься лица, имеющие научные труды, признающие основы коммунистического строительства и доказавшие это предыдущей работой; в научные сотрудники принимаются товарищи, имеющие трехлетний партийный стаж и знания в объеме, установленном для поступления в Институт красной профессуры, а также некоторые дополнительные знания по избранной специальности: политическая экономия, история, исторический материализм и т. д.»⁹⁵. Действительных членов института утверждал агитотдел Петроградского Комитета РКП(б)⁹⁶.

Институт поставил перед собой задачу вести: а) научно-исследовательскую работу по всем отраслям общественных наук на основе революционного марксизма; б) подготовку из окончивших долгосрочный курс Коммунистического университета или разных по подготовке лиц самостоятельных научных работников.

7 декабря 1922 г. совещание при подотделе пропаганды Агитпропа ПК РКП(б) рассматривало вопрос о Научно-исследовательском институте при Коммунистическом университете и одобрило устав и план работы института. Совещание приняло также решение о финансировании института и признало желательным «возможную разгрузку работников научно-исследовательского института от партийной и преподавательской работы»⁹⁷.

В 1923 г. на заседании правления института было решено создать группу по изучению истории большевизма под руководством В. А. Быстрянского⁹⁸. Научно-исследовательский институт, созданный в Петрограде, способствовал объединению историков-марксистов города, дал возможность приступить к подготовке квалифицированных кадров историков.

Институт красной профессуры в Москве и Научно-исследовательский институт в Петрограде явились первыми советскими научными учреждениями, приступившими к подготовке марксистских кадров философии, историков и экономистов высшей квалификации для преподавания и ведения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях Республики.

⁹³ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 2, стр. 293.

⁹⁴ Архив АН СССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁹⁵ Там же, д. 7, л. 1 (данные за 1922 г.).

⁹⁶ Там же, д. 8, л. 21, 24.

⁹⁷ Там же, д. 7, л. 20.

⁹⁸ Там же, д. 8, л. 18.

Таким образом, в первые годы Советской власти под руководством Коммунистической партии была создана система новых научных учреждений, что позволило приступить к решению следующих задач: 1) начать работу по публикации трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, произведений передовых русских и западноевропейских мыслителей; 2) организовать изучение и систематическую публикацию первоисточников по важнейшим вопросам истории и прежде всего по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции; 3) широко развернуть изучение истории прошлого с марксистско-ленинских позиций; 4) начать наступление на реакционную буржуазную идеологию с ее антимарксистскими теориями и схемами исторического развития; 5) организовать в государственном масштабе подготовку кадров историков-марксистов. Все это имело решающее значение для формирования и становления советской исторической науки.

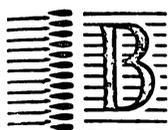
Коммунистическая партия уделяла большое внимание развитию науки. Вопросы состояния исторической науки, как было показано, обсуждались на происходивших в те годы партийных съездах и конференциях. Заслушивались сообщения о деятельности Социалистической академии, Института Маркса — Энгельса, Истпарта. В партийных решениях и резолюциях указывались недостатки работы новых научных учреждений, выдвигались новые задачи.

Для работы на историческом фронте Центральный Комитет посылал лучших членов партии, опытных марксистов, вооруженных знаниями законов общественного развития. Среди них были члены партии с большим стажем партийной работы, занимавшиеся еще до революции разработкой вопросов истории, которые сыграли большую роль в становлении советской исторической науки в первые годы после революции. Они активно участвовали в создании и деятельности новых научных учреждений, в борьбе с реакционной буржуазной идеологией и историографией, в подготовке марксистских кадров историков, в организации советской исторической периодики. Все это дало возможность историкам-марксистам под руководством Коммунистической партии проделать в первые годы Советской власти большую работу по разоблачению реакционной буржуазно-дворянской и меньшевистско-эсеровской историографии, ревизионистских, антимарксистских теорий общественного развития. Эта борьба была необходимым условием для дальнейшего развития марксистской советской историографии.

В результате проделанной работы к концу изучаемого периода (к 1924 г.) были достигнуты существенные успехи на историческом фронте. Это выразилось прежде всего в распространении марксистской идеологии, в утверждении и усилении ее позиций.

Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918—1929 гг.

1. Создание коммунистических университетов — новой формы высших учебных заведений

В сложном процессе формирования марксистских кадров советских историков 20-м годам заслуженно принадлежит особое и важное место. Именно в эти годы создавалась принципиально новая, широкая и многогранная система подготовки кадров историков-марксистов. Организация и становление этой системы проходили в трудных условиях борьбы Коммунистической партии и Советского правительства с врагами марксизма, с буржуазной исторической наукой, при недостатке сил и средств для развития марксистско-ленинской науки, ибо страна только еще начинала преодолевать послевоенную разруху.

Коренная перестройка вузовского исторического образования на основе марксизма позволила приступить к широкой подготовке молодых кадров историков-марксистов в университетах и педагогических вузах. Одновременно были созданы новые центры для подготовки марксистских кадров общественных наук высшей квалификации — преподавателей вузов и научных работников: Институт красной профессуры, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, Курсы марксизма при Коммунистической академии и др.

В нашей литературе совершенно не освещался вопрос о той роли, которую сыграли в деле утверждения марксизма в преподавании общественных наук вообще и истории в частности, а также в подготовке марксистских кадров коммунистические университеты, представлявшие собой совершенно новый тип высшего учебного заведения.

В первые месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1918 г., в Петрограде, Москве и некоторых губернских центрах для ускоренной подготовки кадров партийных и советских работников были созданы советско-партийные

школы и курсы. За годы гражданской войны они претерпели значительную эволюцию: изменялись их структура, учебные планы и программы. Так, открытые в Москве 10 июля 1918 г. по инициативе Я. М. Свердлова двухнедельные агитационно-пропагандистские курсы последовательно реорганизовывались в инструкторские курсы совпартработников, уездную советско-партийную школу, губернскую совпартшколу и, наконец, в партийный вуз — Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова.

В совпартшколах, особенно Москвы и Петрограда, благодаря усилиям партийных организаций, сформировались значительные коллективы преподавателей-коммунистов, накопился опыт подготовки кадров из партийного, комсомольского, советского и профсоюзного актива.

В 1921 г. партия начала реорганизацию сети партийного просвещения и прежде всего высшей партийной школы. С июня 1921 г. в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова был введен двухгодичный курс подготовки марксистских работников в области теории и практики коммунизма¹. Всероссийское совещание заведующих агитационно-пропагандистскими отделами губкомов и областкомов партии, проходившее 7—11 июля 1921 г., сформулировало принципы и задачи высшей партийной школы, исходя из опыта «Свердловки». В резолюции совещания подчеркивалось, что высшая партийная школа — особый тип школы, созданной революцией и играющей важную роль в деле коммунистического просвещения². Особая роль комвузов определялась тем, что состав студенчества в них был партийным и в основном пролетарским.

Совещание высказалось за продление основного курса в коммунистических университетах до трех лет, как в других советских вузах, и утвердило принципы построения учебных планов и методики преподавания в комвузах. Ввиду крайнего недостатка преподавателей общественных дисциплин решено было, наряду с концентрацией в комвузах лучших теоретических сил партии, приступить к ускоренной подготовке руководителей практических занятий из числа наиболее способных студентов комвузов. В этих целях было постановлено организовать при комвузах лекторские и семинарские группы, а также группы научных сотрудников.

В начале 1921 г. по указанию ЦК партии создается второй в стране Коммунистический университет — Петроградский; осенью Коммунистический университет организовал прием первого краткосрочного курса, а в мае 1922 г. открылся его основной трехгодичный курс³. Ректором университета был назначен старый большевик

¹ «Правда», 24 апреля 1921 г.

² «Справочник петроградского агитатора». Пг., 1921, № 5, стр. 22—23.

³ «Под знаменем коммунизма». Пг., 1922, № 2(23), стр. 83.

С. И. Канатчиков, который в 1919 г. организовывал «Свердловку».

В 1921 г. были созданы также специальные коммунистические университеты: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) для подготовки кадров партийных и советских работников советских восточных республик и областей (декретом ВЦИК от 21 апреля 1921 г.)⁴ и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) для подготовки кадров работников среди национальных меньшинств Запада, населяющих РСФСР (декретом СНК 28 ноября 1921 г.)⁵.

В течение 1921—1923 гг. в стране создается еще ряд коммунистических университетов: преобразуются в партийные вузы бывшие губернские партийные школы в Омске (Комуниверситет Сибири), в Казани (Комуниверситет Татарии), в Харькове (Комуниверситет им. Артема), в Ташкенте, создаются комуниверситеты в Саратове, Смоленске, Екатеринбургe, Ростове-на-Дону. Материалы отчетов ЦК и Агитационно-пропагандистского отдела ЦК 1921—1923 гг. позволяют восстановить картину этой большой и сложной организационной работы. Одной из ее сторон было комплектование студенческого состава коммунистических университетов. Агитпроп ЦК РКП(б) устанавливал нормы приема, издавал циркуляры о разверстке по губкомам, об условиях приема, анализировал и обобщал результаты приемов в комвузы. Агитпроп непосредственно помогал коммунистическим университетам готовиться к учебному году и занимался всеми вставшими при этом вопросами: от материального обеспечения студентов до проблемы преподавательских кадров. Благодаря тщательному учету партийных лекторских и преподавательских сил и их планомерному распределению, освобождению ряда крупных лекторов от государственной работы к октябрю 1922 г. удалось почти полностью обеспечить коммунистические университеты преподавательскими кадрами⁶. В течение весны и лета 1922 г. работники ЦК РКП(б) обследовали комуниверситеты; были заслушаны отчеты комвузов о постановке учебной работы. В результате были разграничены функции коммунистических университетов и других высших партийных учебных учреждений (ИКП, Курсы марксизма)⁷.

Одним из важнейших вопросов был пересмотр программ по общественно-экономическим дисциплинам для комвузов. Еще в начале 1920 г. под руководством Агитпропа ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия, которая разработала учебный план двухгодичного курса «Свердловки». Большое место в плане отводилось истории: исторические дисциплины занимали около

⁴ СУ РСФСР, 1921, № 36, ст. 191.

⁵ Там же, № 77, ст. 651.

⁶ «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 11—12 (47—48), стр. 7.

⁷ Там же, № 7(43), стр. 25.

одной трети учебных часов⁸. Для разработки детальных программ по истории была избрана комиссия в составе М. Н. Покровского, Н. М. Лукина, В. П. Волгина, Ю. М. Стеклова, по истории РКП(б) — А. С. Бубнова, Н. Н. Батурина, В. И. Невского и др.⁹

Организационная подготовка к открытию основных трехгодичных курсов в коммунистических университетах прошла успешно. С 1922/23 учебного года Московский и Петроградский коммунистические университеты начали работать по новым планам. Структура коммунистических университетов была теперь следующей: основной (3 года) курс, краткосрочный (1—1,5 года) курс, лекторский курс (1—2 года).

Основной курс в течение первых двух лет давал студентам общеобразовательную и теоретическую подготовку в области общественных наук, а затем в течение года проводил специализацию в области партийной, советской, педагогической и отчасти научной работы. В Петроградском коммунистическом университете, например, специализация проходила на экономическом, административно-правовом и общественно-педагогическом отделениях¹⁰.

Коммунистические университеты не выпускали непосредственно специалистов-историков (мы не говорим сейчас о Лекторских курсах, которые из выпускников комвузов готовили преподавателей и лекторов по политэкономии, историческому материализму, истории России и истории Запада). Однако преподавание истории в коммунистических университетах занимало такое важное место, что оказывало значительное влияние на постановку исторического образования в стране вообще.

В настоящей статье, не рассматривая постановки учебной работы в коммунистических университетах в целом, мы попытаемся определить роль коммунистических университетов в развитии исторического образования и особенно в подготовке кадров историков-марксистов. Сделаем это на примерах университетов Москвы и Петрограда.

2. Преподавательские кадры историков в коммунистических университетах

Коммунистические университеты как особый тип высшей школы отличала концентрация в их стенах преподавателей-марксистов, являвшихся в большинстве случаев партийными работниками. Руководство коммунистических университетов также было укреплено старыми партийными кадрами. Так, ректорами университета им. Я. М. Свердлова в 20-х годах были последовательно В. И. Невский, В. П. Антонов-Саратовский,

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 4, л. 12 об.

⁹ Там же, л. 13.

¹⁰ ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 748, л. 1.

М. Н. Лядов. В числе первых лекторов Университета им. Я. М. Свердлова были В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, И. В. Сталин и другие деятели Коммунистической партии и Советского государства. В. И. Ленин дважды, 11 июля и 29 августа 1919 г., читал здесь лекции о государстве, которые сыграли неоценимую роль в марксистском воспитании кадров историков.

Крупнейшим в стране коллективом историков-марксистов уже в начале 20-х годов стала кафедра истории «Свердловки». С 1921 г. ее возглавлял М. Н. Покровский; в состав совета кафедры входили В. И. Невский, М. Н. Лядов, Н. М. Лукин, В. П. Волгин, А. С. Бубнов, С. И. Гусев, А. Я. Аросев, С. А. Пионтковский, С. И. Мицкевич, М. П. Павлович, С. Г. Томсинский, Н. И. Мелков, В. П. Викторов, П. И. Кушнер, Г. С. Фридлянд, А. М. Васютинский, Н. Н. Ванаг¹¹.

Кафедра состояла из секций русской истории, истории Запада и истории РКП(б). В 1922/23 учебном году здесь работали 47 профессоров и преподавателей (штатных и нештатных); все они, за исключением четырех, были коммунистами¹².

Рядом с партийной гвардией трудились молодые историки, которые руководили кружками (семинарами) по истории России и Запада. Многие из них являлись одновременно научными сотрудниками университета или слушателями Института красной профессуры; для них работа в «Свердловке» была ответственной педагогической практикой. Коллектив кафедры был дружным и активным. Совместно разрабатывались здесь программы курсов и семинарских занятий, регулярно обсуждались отчеты руководителей семинаров, в горячих спорах решались вопросы методики преподавания.

Отличительной чертой преподавательского коллектива историков Свердловского коммунистического университета являлась объективная оценка трудностей и недостатков марксистского преподавания истории в первые советские годы. Не случайно, что именно кафедра истории «Свердловки» в ноябре 1923 г. стала центром дискуссии о методике преподавания истории в комвузах и совпартшколах, в ходе которой впервые широко были подняты наиболее актуальные и острые вопросы исторического образования.

Стремлением членов кафедры к научному и политическому росту было вызвано создание научного коллектива историков «Свердловки». Первые попытки в этом направлении были сделаны еще в 1920 г., когда «в целях углубления марксистского миропонимания» научными работниками предприняли разработку следующих курсов: исторического материализма с конкретным изучением истории Западной Европы (руководитель

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 5221, оп. 3, д. 50; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 69, д. 1.

¹² ЦГАОР, ф. 5221, оп. 4, д. 34, л. 16.

В. П. Волгин), русской истории в плане сравнительного изучения исторических школ (руководитель М. Н. Покровский) и теории капитализма¹³.

Окончательная организация коллектива научных сотрудников относится к весне 1922 г. Принятое 9 апреля 1922 г. на заседании бюро научных сотрудников решение о создании коллектива ограничивало прием в его состав только членов РКП(б) с партийным стажем не менее трех лет и научно-педагогическим — не менее одного года. Общее собрание научных сотрудников внесло поправку, записав в решении, что в порядке исключения членами коллектива могут быть беспартийные марксисты и коммунисты с меньшим, чем три года, партийным стажем¹⁴. В Положении о коллективе говорилось, что он ставит своей задачей подготовку «коммунистических преподавателей по общественным наукам для Университета им. Я. М. Свердлова и других вузов Республики»¹⁵.

В коллективе научных сотрудников университета в 1922 г. было 39 человек, в том числе 14 историков. Уже отмечалось, что многие преподаватели комвуза одновременно учились: из 39 научных сотрудников 23 были слушателями ИКП (в том числе девять историков: А. Ф. Фролова, А. М. Рехтберг, А. Г. Мнацаканьян, Ф. Д. Федоровский, А. Г. Гесин, П. О. Горин, Н. И. Мелков, Е. А. Лемкова, А. Ф. Рындич), а шесть заканчивали учебу в МГУ¹⁶.

19 июня 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос о комуниверситетах, постановило: «научных сотрудников коммунистических университетов в материальном отношении приравнять к студентам ИКП при условии однородной их квалификации со студентами ИКП по определению кафедры университета»¹⁷. Это постановление в июне 1922 г. вошло в силу в отношении Комуниверситета им. Я. М. Свердлова. Западному, Восточному и Петроградскому Комуниверситетам было предложено разработать штаты и положения о научных сотрудниках.

Обсуждение деятельности коллектива научных сотрудников на совместном заседании руководителей кафедр и представителей Президиума Комуниверситета им. Я. М. Свердлова 15 июля 1922 г. выявило, что программа и цели коллектива дублируют Институт красной профессуры. В целях рационального использования научных сил М. Н. Покровский предложил слить коллек-

¹³ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 4, д. 33, л. 2. Протокол коллектива научных сотрудников от 8 октября 1920 г.

¹⁴ Там же, оп. 4, д. 33, л. 11.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 236, л. 55.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 4, д. 136, л. 1, 3. Дело коллектива научных сотрудников в 1922 г.

¹⁷ Там же, д. 33, л. 15. Выписка из протокола Оргбюро ЦК РКП(б) от 19 июня 1922 г.

тив научных сотрудников «Свердловки» с ИКП. К соображениям Покровского присоединились все присутствующие. Было решено, что программы занятий научных сотрудников должны быть такими же, как в ИКП, и что научные сотрудники посещают семинары ИКП на правах его слушателей¹⁸.

Весь педагогический состав Комуниверситета им. Я. М. Свердова объединялся в Научную ассоциацию.

Устав университета 1921 г. поставил перед Научной ассоциацией задачи коллективной разработки вопросов теории марксизма, создания учебных программ, постановки научных докладов. Однако планомерной работы ассоциация не вела¹⁹.

Осенью 1923 г. была сделана попытка оживить деятельность ассоциации. Президиум Совета университета принял 22 октября 1923 г. «Положение о научно-исследовательской ассоциации». Главной задачей ассоциации должна была стать самостоятельная научно-исследовательская работа профессоров и преподавателей, особенно по вопросам методологии общественных наук²⁰.

Ассоциацию возглавил Совет, куда вошли М. Н. Лядов (председатель), М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, Е. А. Преображенский и В. И. Вегер (по общественным наукам), А. К. Тимирязев, Я. С. Пржеборовский, Муравитский и В. Ю. Гессен (по естественным наукам)²¹.

Материалы ассоциации — протоколы ее Совета и отчеты — показывают, что удалось наладить чтение в университете научных докладов, в частности по исторической тематике²². Общественные лекторы, выделенные Советом ассоциации, выступали с докладами и вне университета²³. Однако планомерной научной работы в Комуниверситете за эти годы не велось. Сказывалась прежде всего большая перегруженность преподавателей-коммунистов.

Несмотря на то, что партия принимала все меры для обеспечения коммунистических университетов квалифицированными кадрами преподавателей, эта проблема на протяжении 20-х годов оставалась до конца не решенной. Особенно тяжело ощущали это на периферии. Даже в Петрограде, где были сосредоточены значительные теоретические силы партии, коммунистический университет испытывал недостаток в преподавателях.

В этих условиях руководители Петроградского университета и Петроградского обкома партии стремились использовать все возможные пути для привлечения и подготовки преподавателей-

¹⁸ Там же, л. 21, 22.

¹⁹ Там же, д. 27, л. 140. Информация о Научной ассоциации 15 сентября 1923 г. на Президиуме Совета Комуниверситета.

²⁰ Там же, оп. 5, д. 77, л. 46—47.

²¹ Там же, л. 35.

²² Там же, д. 37, л. 1.

²³ Там же, оп. 4, д. 101, л. 11.

марксистов, в частности историков. Так, первая группа преподавателей, которая в мае 1922 г. приступила к работе на трехгодичном курсе университета, была подготовлена в срочном порядке из выпускников партийных школ Петрограда²⁴. Вливались молодые, часто еще недостаточно подготовленные в теоретическом и методическом отношении кадры, но это были люди, которые прошли школу революции и гражданской войны. Их отличали глубокая приверженность к марксистской теории, стремление осмыслить с ее позиций все важнейшие проблемы современности и истории.

Молодые преподавательские кадры в свою очередь проходили большую школу у старых опытных партийцев. 5 сентября 1924 г. Ленинградский губком партии слушал вопрос о преподавании истории партии в Комуниверситете. Выяснилось, что исторические дисциплины ведут 45 преподавателей, в том числе 19 членов партии, и что недостает 15 историков. Губком постановил в срочном порядке привлечь, в частности, к преподаванию истории партии группу партийных работников: Ц. С. Зеликсон-Бобровскую, К. И. Шелавина, Б. Е. Горбачева, Г. Л. Шидловского и др.²⁵

Ц. С. Зеликсон-Бобровская — член партии с 1898 г. — работала в Истпарте, занимаясь преимущественно историей революции 1905—1907 гг.; значительное время она посвятила написанию мемуаров «Записки рядового подпольщика», участвовала в подготовке сборника «От Февраля к Октябрю» и других изданиях. В сентябре 1924 г. Ленинградский губком направил ее на преподавательскую работу в Коммунистический университет. Уже в октябре Ц. С. Зеликсон-Бобровская вела занятия в Научно-исследовательском институте при Коммунистическом университете.

Несколько раньше, в 1923 г., в Петроградский комуниверситет пришли В. А. Быстрянский и П. Ф. Куделли. Эти люди сыграли особенно важную роль в воспитании молодого поколения историков. Член партии с 1907 г., В. А. Быстрянский еще до Октябрьской революции наряду с партийной работой занимался историческими исследованиями. В 1923/24 учебном году он читал в Комуниверситете лекции по историческому материализму, курс «Организация и тактика РКП»²⁶. Вскоре он возглавил историческую предметную комиссию, начал руководить кружками по истории Запада, а с конца 1924 г. вести курсы ленинизма и истории партии²⁷.

Преподавательская деятельность В. А. Быстрянского была неразрывно связана с его научной и научно-популяризаторской

²⁴ «Справочник петроградского агитатора». Пр., 1921, № 2, стр. 48.

²⁵ ГАОР ЛО, ф. 3864, св. 57, д. 1974, л. 4, 6.

²⁶ Там же, д. 2445.

²⁷ Там же, оп. 1, д. 2442, л. 1.

работой. Большой заслугой В. А. Быстрянского была активная пропаганда ленинизма. Одним из первых он поставил вопрос о В. И. Ленине как историке. «Если для уяснения истории Европы во второй половине XIX века лучшее, что мы имеем,— это труды Маркса и Энгельса, то судьбы человечества в первые десятилетия XX века мы поймем лишь по сочинениям Ленина»²⁸,— писал В. А. Быстрянский в статье «Ленин как историк».

Мы не располагаем программой курса ленинизма, который В. А. Быстрянский читал в Комуниверситете, но анализ его статей на темы марксистско-ленинской теории, написанных им в 20-е годы, убеждает в том, что он давал молодым историкам глубоко научные знания и вместе с тем учил политически остро, с учетом задач современности, применять знание марксизма²⁹.

Активную деятельность в Коммунистическом университете в Ленинграде по истории РКП(б) вела П. Ф. Куделли, член партии с 1903 г., одна из активных работников ленинградского отделения Истпарта³⁰. П. Ф. Куделли не оказалась новичком и на преподавательском поприще. Пригодился опыт дореволюционной пропагандистско-лекторской и просветительской работы. Еще в 90-х годах вместе с Н. К. Крупской, Е. Д. Стасовой, З. П. Невзоровой П. Ф. Куделли преподавала на рабочих курсах за Невской заставой в Петербурге. Ее первыми учениками были И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и многие другие рабочие-революционеры. В годы реакции она по заданию партии читала лекции в рабочих клубах, главным образом по истории революционного движения в России³¹. Затем — школа «Правды», «Работницы», «Известий». Когда П. Ф. Куделли пришла в аудиторию петроградского коммунистического студенчества, она стала одним из лучших преподавателей-историков и воспитателей молодежи.

Педагогический коллектив историков Петроградского коммунистического университета, будучи в целом марксистским и хорошо подготовленным, тем не менее нуждался в повышении научного уровня знаний и в идейном росте.

В 1921 г. несколько лекторов-коммунистов Петроградского коммунистического университета и областной партшколы сделали попытку принять участие в работе Экономического и Исторического научно-исследовательских институтов при Петроградском университете, но столкнулись с недоброжелательным отношением некоторых представителей старой профессуры. Эта же группа стала инициатором создания Научно-исследовательского института при Коммунистическом университете. 11 июля 1922 г. был принят устав института и утвержден его состав: 23 действитель-

²⁸ «Борьба классов». Л., 1924, № 1—2, стр. 28.

²⁹ В. А. Быстрянский. Марксова теория перманентной революции.— «Под знаменем коммунизма». Л., 1925, № 2 и др.

³⁰ ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2445.

³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1009, л. 16.

тельных члена и 19 научных сотрудников³². В состав бюро института вошли С. И. Канатчиков, Карпов, Кофман, В. И. Невский. Перед институтом стояли две задачи: повышение уровня знаний и научно-исследовательская работа преподавателей комвуза. В 1923 г. на трех его отделениях — экономическом, историческом и исторического материализма — было уже 42 сотрудника, в том числе 33 коммуниста. 17 научных сотрудников исторического отделения работали в теоретическом семинаре, в семинарах по истории России XIX и XX вв.³³

Институт, один из немногих марксистских научных коллективов в Ленинграде, вел научно-исследовательскую и издательскую работу. Коллективная разработка теоретических вопросов и проблем истории была средством повышения квалификации преподавателей и улучшала постановку преподавания истории в Коммунистическом университете.

Различные формы научной деятельности коллективов преподавателей (организация института научных сотрудников и Научно-исследовательской ассоциации в Свердловском университете, Научно-исследовательского института — в Петроградском), активная роль кафедр и предметных комиссий по истории — все это было проявлением роста преподавательских кадров комвузов, характерного для 20-х годов. Не все поиски в этом направлении оказывались успешными, некоторые начинания не были завершены, но поступательный процесс сплочения и творческого роста преподавателей шел непрерывно.

Этот процесс направлялся ЦК партии. Ежегодно Агитпроп ЦК утверждал состав преподавателей комвузов, что помогало при общем недостатке кадров в стране устанавливать необходимый минимум преподавателей в каждом вузе. В обстановке внутрипартийной борьбы это способствовало также отстранению от воспитания молодежи тех, кто расходился с линией партии.

Агитпроп ЦК предпринимал меры борьбы с перегрузкой и совместительством. Собрание комвузов при Агитпропе ЦК 16 декабря 1924 г. предложило пересмотреть существующую систему распределения преподавательских сил и перейти к полному прикреплению основного преподавательского состава к каждому комвузу³⁴. В жизнь это решение удалось провести лишь частично, так как недостаток преподавательских кадров в области общественных наук был так велик, что, естественно, порождал совместительство. Чтобы внести большую целесообразность в распределение сил, в 1926 г. на комвузы была распространена деятельность комиссии Оргбюро ЦК по пересмотру преподавательского состава вузов. Задачей комиссии было создание в каж-

³² «Вестник Социалистической академии», 1923, № 2, стр. 293.

³³ Там же, стр. 294, 295.

³⁴ ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2483, л. 1.

дом комвузе и вузе достаточно сильного ядра прикрепленных преподавателей³⁵.

Относительная обеспеченность коммунистических университетов марксистскими преподавательскими силами повлияла на постановку преподавания в них общественных дисциплин, в частности и истории. Программы коммунистических университетов по общественным наукам служили до некоторой степени образцами не только для партийного просвещения, но и для вузов.

3. Организация преподавания исторических дисциплин в коммунистических университетах

Сложившаяся в начале 20-х годов в комвузах и совпартшколах система преподавания общественных наук коренным образом отличалась от постановки исторического образования в дореволюционной высшей школе не только по своему содержанию, но и по методике. Своеобразие комвузов проявлялось и в сравнении с подготовкой историков в советских вузах. Оно объяснялось задачами комвузов, а также особенностями их аудитории. Остановимся прежде всего на последнем обстоятельстве.

В коммунистические университеты по разверсткам партийных органов приходила рабоче-крестьянская молодежь, вчерашние красноармейцы, командиры и политработники, партийные и советские работники-практики. Это были в подавляющем большинстве коммунисты, отличающиеся широким политическим кругозором, классовым, пролетарским подходом ко всем явлениям общественной жизни и потому вполне подготовленные к овладению теорией марксизма-ленинизма.

Это не означало, конечно, что в политическом и партийном отношении студенчество комвузов было совершенно однородным. Как показали, в частности, итоги партийной дискуссии 1924 г., часть слушателей комвузов оказалась в плену мелкобуржуазной идеологии, не сумела разобраться в острой политической обстановке и пошла за троцкистами и другими антиленинскими элементами.

Обладая определенным запасом политических знаний, коммунистическое студенчество, как правило, имело крайне слабую образовательную подготовку. Так, в 1922 г. из 928 курсантов Петроградского комуниверситета только 268 человек имели среднее образование, а 625 — низшее³⁶.

При таком составе слушателей коммунистические университеты могли решить задачу подготовки кадров партийно-советских и научных работников только при правильном сочетании в преподавании общеобразовательных, специальных и общественных

³⁵ Там же, л. 17.

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 70, л. 16.

дисциплин. Важную роль играла при этом методика преподавания общественных дисциплин, занимавших большое место в учебных планах комвузов.

С первых дней существования коммунистических университетов стало очевидным, что лекционный метод не может лечь в основу преподавания. В комвузах установилась семинарская (кружковая) система занятий с чтением лекций обобщающего характера. Учебный план включал большое число предметов, а программы были перегружены, так как срок учебы был непродолжительным (сначала 2, затем 3 и 4 года). Перегруженность комвузовцев стала очевидной уже в первые два года и это повлекло за собой пересмотр программ и методики.

Начало 1923/24 учебного года, по оценке кафедры истории Комуниверситета им. Я. М. Свердлова, стало для всех комвузов «учебно-программным кризисом»³⁷.

II Всероссийский съезд совпартшкол (апрель 1923 г.) в поисках путей приближения обучения к требованиям жизни высказался за введение в совпартшколах и комвузах так называемого комплексного метода преподавания общественных дисциплин. Для устранения многопредметности в учебных планах предлагалось слияние ряда общественных дисциплин: политической экономии с экономической географией, истории с историческим материализмом, русской истории с западной и т. д. В качестве отправных позиций при изучении всех дисциплин должно было стать изучение современного и местного (краеведческого) материала. Вскоре после съезда попытка перейти на «комплексный» метод была предпринята в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

План обучения в КУТВ примерно выглядел так: на первом курсе за основу бралось состояние сельского хозяйства восточных республик, и поэтому исторический курс представлял собой историю аграрных отношений и крестьянства; основу изучения на втором курсе составляла экономика промышленности, там читался курс истории рабочего класса; на третьем курсе на базе исторического материализма должны были подводиться теоретические и методологические итоги пройденного³⁸.

Сторонники «комплексного» метода пропагандировали его как наиболее совершенный, наиболее передовой. Тем не менее он встретил и много противников, которые оценили его как «сверхреволюционный», «новомодный», без достаточных оснований и смысла ломавший прежние методические установки.

Центром и ареной жарких споров о методах преподавания истории стала кафедра истории Комуниверситета им. Я. М. Свердлова. В ноябре 1923 г. диспут принял характер дискуссии, в ко-

³⁷ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 5, д. 99, л. 67.

³⁸ Там же, оп. 6, д. 47, л. 112.

торой приняли участие Коммунистическая академия, Институт красной профессуры, Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, историческая секция Агитотдела МК РКП(б), Губсовпартшкола и др.

В архиве Комуниверситета им. Я. М. Свердлова сохранились разные материалы к дискуссии на кафедре истории. 12 ноября 1923 г. с докладом о методах преподавания истории в партшколах выступил В. П. Викторов. Он защищал «комплексный» метод преподавания истории. В основу курса истории, по его мнению, должна быть положена эпоха промышленного капитала: это должен быть, по сути дела, курс истории классово-борьбы в капиталистическом обществе. Викторов предлагал слить курсы истории Запада и истории России в один. Канвой курса должна была стать история производительных сил и производственных отношений. План изучения материала предусматривал «отталкивание» от конкретных фактов современности. Например, рассмотрев текстильное производство Московской области, следовало сделать обобщения о русском промышленном капитализме, а так как последний связан с западноевропейским, то изучить и западноевропейский капитализм. Краеведческий материал, считал Викторов, почти всегда должен служить как исходный. Что касается методов работы студентов, то преобладать должны самостоятельные лабораторно-исследовательские формы³⁹.

В заключение Викторов отмечал, что «неопределенное положение курса истории» в программах партшкол последних двух-трех лет объясняется методическими недостатками. Основной вывод докладчика: современная общественная обстановка должна стать центром построения исторических курсов⁴⁰.

Четко изложенная Викторовым программа «комплексников» вопреки намерению ее авторов вела к ликвидации истории как науки, превращая ее в иллюстративный материал к курсу обществоведения. Предлагаемый «метод», схематизируя закономерности исторического процесса, не мог воспитать слушателей в духе марксистского миропонимания, основанного на принципах историзма. Не помогал он в силу тех же причин и пониманию современности.

«Комплексный» метод подвергся резкой критике со стороны большинства участников дискуссии. М. Н. Покровский, М. Н. Лядов, А. Н. Слепков, Г. С. Фридлянд и другие выступили в защиту самостоятельности курсов истории России и Запада. В ходе прений выявилось, что спор идет прежде всего о месте и роли истории в воспитании советского специалиста-марксиста.

Г. С. Фридлянд утверждал, что «комплексники» изгоняют

³⁹ Там же, л. 1. Тезисы доклада

⁴⁰ Там же, л. 3.

принцип историзма, превращая исторические курсы в систематизированную выборку материала под определенным углом зрения⁴¹.

Активным противником схематизации истории выступил М. Н. Лядов. Он говорил о том, что марксизм без историзма немислим, что понять современность можно только овладев методом исторического исследования. «Мы не можем быть настоящими марксистами, не овладев этим методом, мы должны уметь анализировать, уметь исследовать, овладеть методом изучения классовой борьбы, знать, как создаются отдельные формы бытия, как на этих отдельных формах создаются те или другие идеологические надстройки. Вот что нам нужно дать каждому студенту, он должен овладеть марксистским методом, анализом всего исторического процесса»⁴².

Однако М. Н. Лядов неправильно полагал, что овладеть марксистским методом можно на материалах одной эпохи, особенно эпохи, близкой к современности. «Нам не важна сумма знаний, а важно наиболее углубленное изучение, хотя бы одной близкой к нам эпохи»⁴³,— говорил он. Эту неверную в принципе мысль М. Н. Лядов «подкреплял» правильным положением об отсутствии марксистской историографии древнего мира и средневековья. «Почему мы должны всячески бороться против того, чтобы наши студенты занимались изучением древних периодов? Потому что марксистской переработки этих древностей не существует. Мы пигаемся исключительно буржуазным материалом...»⁴⁴

М. Н. Покровский занял в дискуссии противоречивую позицию. Он выступил против увлечения новыми методами преподавания истории. «Я сейчас поставил бы задачей не введение новых методов: комплексного, дальтоновского и каких угодно, а массовое „изготовление“ преподавателей совпартшкол и „изготовление“ их на всех парах, „изготовление“ их в самом большом количестве»⁴⁵,— заявил Покровский на заседании кафедры 19 ноября. Он высказался за сохранение самостоятельных курсов русской и западной истории, но его аргументация во многом лила воду на мельницу «комплексников». М. Н. Покровский утверждал, что уничтожение непроницаемой перегородки между русской и западной историей он считает делом политическим. «Я сражался с этой историей (имеется в виду история России.— Л. И.) пять лет, я упразднил кафедру русской истории в университете. Но сейчас-то есть ли у нас русские историки, которые с достаточной компетенцией могут излагать и историю России, и

⁴¹ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 6, д. 47, л. 14.

⁴² Там же, л. 24.

⁴³ Там же, л. 27.

⁴⁴ Там же, л. 24.

⁴⁵ Там же, л. 50.

историю Запада? Нет. Приходится иметь и западных историков»⁴⁶.

Как видим, М. Н. Покровский аргументировал только соображениями практической целесообразности. Это не могло убедить защитников «комплексного» метода. Представители КУТВ Хотимский, КУНМЗ — М. Я. Фрумкина и другие продолжали настаивать на основных положениях докладчика. Однако исход дискуссии решило обстоятельство, которое сразу же сделало предмет спора известным широкой общественности.

21 ноября 1923 г. на страницах «Правды» в дискуссионном порядке было напечатано открытое письмо 12 слушателей Института красной профессуры «Укомплектованный марксизм (К вопросу о методике преподавания общественных наук в комвузах и совпартшколах)»⁴⁷.

Авторы письма, откликаясь на дискуссию, резко выступили против «комплексного» метода в преподавании общественных дисциплин. Комплексирование всех общественных дисциплин вокруг изучения «производства» как основного стержня, слияние политэкономии с экономической географией, истории с историческим материализмом, русской истории с западной и т. д. они расценили как подмену «комплексным» методом «метода диалектического материализма, отнюдь не отрицающего сложной дифференцированности общественных знаний».

Икаписты, опираясь на свой опыт преподавания в комвузах и совпартшколах, отвергали «производственный» и «местный» принципы, а также принцип «современности» в понимании сторонников новой методики. «...Можно ли в основу преподавания всех общественных наук в рабоче-крестьянской школе... положить изучение техники, производства, процессов труда, природных богатств, экономической географии и т. п.? Не начинает ли «комплексный» метод с разрушения одной из основных предпосылок метода марксистской политэкономии, изучающей не технику, а общественные отношения?» «Местный» принцип, т. е. стремление сделать изучение данного района краеугольным камнем для преподавания истории, истмата и т. п., с точки зрения авторов письма также не выдерживает критики.

В заключение авторы письма заявляли, что они за реформы в преподавании общественных наук, но против «методической революции», против применения «комплексного» метода в комвузах и совпартшколах.

Острое полемическое выступление икапистов в самый разгар дискуссии привлекло внимание. 25 ноября 1923 г. на страницах «Правды» выступила Н. К. Крупская, которая поддержала, в противовес икапистам, «сторонников изменения нынешнего

⁴⁶ Там же, л. 49.

⁴⁷ «Правда», 21 ноября 1923 г.

положения вещей»⁴⁸. Н. К. Крупская видела в их предложениях реальный путь к постановке преподавания в совпартшколах и комвузах под знаком «соединения марксистской теории с практикой коммунизма».

Спустя несколько дней, в «Правде» выступил А. С. Бубнов, заведующий Агитпропом ЦК РКП(б), который справедливо отметил слабую сторону аргументации авторов письма — почти полное отсутствие конкретных предложений о реформе методики.

Вместе с тем А. С. Бубнов не мог не признать, что «выступления двенадцати против беспочвенного „новаторства“ полезно, к сожалению, только они не сумели сделать из этого правильного применения...». Таким образом, он присоединялся к тому главному, что ставили своей целью икаписты. «Безусловно полезным,— писал А. С. Бубнов,— является выступление двенадцати против того размашистого „новаторства“ в методической области, которое имеет место и которое нередко повторяет ошибки пролеткультовского типа, т. е. воображает, что дело десятилетний может быть выполнено в ближайшее время. Безусловно полезно также и указание на те опасности, которые таит в себе перегибание палки в деле проведения эмпиризма в преподавании»⁴⁹.

23 ноября 1923 г. Центральный Комитет партии принял постановление «О постановке учебной работы в совпартшколах и коммунистических университетах». Отмечая, что постановка преподавания не отвечает директиве XII съезда партии «готовить из рабочего и крестьянина практического работника революции, вооруженного методами марксистского подхода к конкретным вопросам революционного строительства»⁵⁰, Центральный Комитет ставил перед совпартшколами и комвузами цель: сближение всего учебного материала с основными практическими задачами партийной и советской работы.

Для достижения этой цели не предлагалось, как этого хотели «комплексники», ликвидировать самостоятельные исторические курсы. Наоборот, подчеркивалась необходимость «связывать теоретический и исторический курсы с изучением современного внутреннего состояния и международного положения СССР, экономического и политического состояния Запада и развития там пролетарской революции». Рекомендовалось также вводить в учебный материал элементы краеведения и отводить «достаточное место» практическим занятиям слушателей, в частности самостоятельной, особенно кружковой, работе⁵¹.

⁴⁸ Н. К. Крупская. Соединение марксистской теории с практикой коммунизма.— «Правда», 25 ноября 1923 г.

⁴⁹ А. С. Бубнов. О выступлениях двенадцати будущих красных профессоров.— «Правда», 28 ноября 1923 г.

⁵⁰ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7-е. М., 1954, стр. 730.

⁵¹ «Справочник партийного работника», вып. IV. М., 1924, стр. 151—152.

Деловой тон указаний Центрального Комитета, взявших из «программы» «комплексников» рациональное зерно, оказал благотворное влияние на итоги дискуссии.

На заседании кафедры истории Комуниверситета им Я. М. Свердлова 26 ноября продолжалось обсуждение вопроса. Сторонники «комплексного» метода, имея в виду письмо икапистов в «Правду», обвиняли руководство Института красной профессуры в академизме, в том, что они революционное содержание марксизма втискивают в старую буржуазную форму⁵². Отвечая им, М. Н. Покровский заявил: «Ни естественнанием ради естественнания, ни историей ради истории мы никогда заниматься не будем. И мне кажется, что мои ученики по истории в результате анализа моего близких нам событий... в состоянии будут разобратся в классовых позициях настоящего момента»⁵³.

М. Н. Покровский на этот раз более решительно выступил против «комплексного» метода преподавания, в частности против слияния дисциплин⁵⁴.

Большинство участников дискуссии высказалось против слияния исторических курсов. Было решено производить доработку учебных программ на их старой основе. Таким образом, задуманная «революция» в методах преподавания истории не осуществилась. Это показало, что коллектив кафедры истории Свердловского комуниверситета действительно являлся серьезным и значительным объединением марксистов.

Несмотря на то, что в ходе дискуссии высказывались отдельные неверные положения и они не были опровергнуты, в целом дискуссия продемонстрировала возросший уровень подготовки ее участников-историков. Они сумели под внешне новаторской позицией «комплексников» разглядеть опасность ликвидации истории как науки. Показательно, что наиболее активно отстаивали право исторической науки на достойное место в деле марксистского воспитания молодые кадры — воспитанники ИКП.

Начавшийся в 1923 г. в коммунистических университетах пересмотр учебных планов и программ продолжался в 1924 г. Смерть В. И. Ленина, ленинский призыв в партию всколыхнули коммунистов и беспартийных. Возросла тяга к глубокому изучению ленинского наследства. В связи с этим ЦК партии обратил внимание высших учебных заведений, особенно комвузов, на необходимость перестройки учебных программ под углом зрения изучения ленинизма. Первыми этот важный поворот начали осуществлять комвузы.

Рассмотрим перестройку преподавания истории на примере Петроградского коммунистического университета. Учебный план

⁵² ЦГАОР, ф. 5221, оп. 6, д. 47, л. 114.

⁵³ Там же, л. 92.

⁵⁴ Там же, стр. 93.

основного трехгодичного курса в целом включал общеобразовательные предметы и общественные дисциплины. В ряду последних (политэкономия, экономическая география, советское право, экономическая политика) исторические науки занимали первостепенное место. При общем числе учебных часов в 4000 (за три года) 1940 часов приходилось на долю истории и истмата (история развития общественных форм — 200 часов, история России — 300, история Запада — 460, история РКП(б) и Коминтерна — 740, исторический материализм — 240 часов)⁵⁵.

31 января 1924 г. историческая предметная комиссия обсудила предложение Агитпропа ЦК РКП(б) о пересмотре программ истории партии и истории России в плане углубленного изучения роли В. И. Ленина и значения принципов ленинизма. Было решено сохранить структуру курса истории России прежней, усилить связь курса истории партии с экономикой, а также ввести специальный курс основ ленинизма⁵⁶. Обсуждение учебного плана университета в марте 1924 г. внесло новые коррективы в содержание программы по истории России, в основу которой были положены развитие экономических отношений и острые моменты классовой борьбы⁵⁷.

Курс истории России, как и истории Запада, изучался в Петроградском университете путем семинарских занятий (лекции носили обобщающий характер и играли второстепенную роль). В постановке важнейших тем семинарских занятий чувствовалось стремление к углубленному анализу работ В. И. Ленина. Так, по теме «Общий характер революции 1905 г.» ставились вопросы: В. И. Ленин о буржуазной революции, о характере революции 1905 г., о последовательности этапов буржуазной и пролетарской революций в России; изучались работы Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»⁵⁸.

Началось систематическое изучение трудов В. И. Ленина в коммунистических университетах, оказавшее плодотворное влияние на подготовку историков-марксистов.

Значительной перестройке подверглось и преподавание истории Запада. В марте 1924 г. подкомиссия по истории Запада (в нее входили В. А. Быстрянский, З. Гайдерова, М. Князев, Я. М. Захер, Е. В. Тарле, В. В. Бирюкович, А. И. Молок, Я. К. Пальвадре, И. С. Книжник, С. И. Ковалев) внесла в программу существенные дополнения: вопросы о классовой природе государ-

⁵⁵ ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2442, л. 15—16. Учебный план трехгодичного курса на 1925/26 учебный год

⁵⁶ Там же, д. 2024, л. 1.

⁵⁷ Там же, л. 8.

⁵⁸ Там же, д. 2505, л. 5—6. Задания по истории России (1924/25 учебный год).

ства (на основе книги В. И. Ленина «Государство и революция», а также материалов полемики М. Н. Покровского с Л. Троцким о природе самодержавия), о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса, о конфликте между развитием производительных сил и производственных отношений, об идеологии как оружии классовой борьбы, о роли личности в истории и ряд других проблем⁵⁹. Доработка программ продолжалась и в апреле, когда некоторые темы были пересмотрены с учетом работ В. И. Ленина и его оценок конкретных исторических фактов. Так, в тему «Парижская Коммуна» включили раздел «Парижская Коммуна в понимании Ленина» и изучение работ «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Проблему «Экономическое развитие Европы в эпоху империализма» рекомендовалось изучать на базе «Империализма, как высшей стадии капитализма». Впервые в программу были введены новые разделы: В. И. Ленин о буржуазной демократии, о причинах войн, о необходимости союза пролетариата с крестьянством, об эволюции самодержавия, о значении материалистической и атеистической литературы XVIII в. в наши дни, о чартизме, тредюнионизме и т. д.⁶⁰

Программа курса приобретала все большую стройность и четкость. И хотя она еще не давала полного и всестороннего освещения новой и новейшей истории Запада, важнейшие проблемы экономического и политического развития получали теперь подлинно научное марксистско-ленинское решение.

Курс истории Запада проходил в основном семинарским путем (немногочисленные лекции читал Е. В. Тарле). В этих условиях большое значение имела коллективная разработка планов проведения семинаров преподавателями истории Запада⁶¹.

⁵⁹ Там же, д. 2025, л. 15. Протоколы заседаний подкомиссии по истории Запада.

⁶⁰ Там же, л. 16—17.

⁶¹ Так, для изучения темы «Парижская Коммуна» студентам предлагались следующие вопросы: экономическое состояние Франции накануне Коммуны; положение классов в эпоху Второй империи; рабочее движение накануне Коммуны; непосредственная подготовка революции 18 марта; Центральный комитет Национальной гвардии и его ошибки; Коммуна, Версаль и соглашатели; социальная политика Коммуны; идеология Коммуны; Коммуна и слом государственного аппарата буржуазии; Парижская Коммуна как диктатура пролетариата; Коммуна и крестьянство; ошибки Коммуны; причины неудач Коммуны. В теме «II Интернационал» внимание концентрировалось вокруг вопросов: история II Интернационала; предпосылки его возникновения; организационная структура II Интернационала, сравнение с I Интернационалом; II Интернационал и политическая борьба пролетариата; о вхождении социалистов в буржуазные правительства и о союзах с буржуазными партиями; Интернационал и империализм; основные группировки II Интернационала. В качестве литературы рекомендовались работы В. И. Ленина этого периода и других руководителей Коммунистической партии, а также постановления конгрессов Интернационала (ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2445, л. 33, 67—68).

Процесс перестройки преподавания истории на базе марксистско-ленинской методологии значительно ускорился и углубился во второй половине 20-х годов. Но на его пути было немало препятствий.

Одна из трудностей в постановке преподавания истории была связана с серьезными ошибками концепции развития истории России, предложенной М. Н. Покровским и утвердившейся в начале 20-х годов. Созданная ученым-большевиком, активным борцом с буржуазной историографией, эта концепция, будучи в основном марксистской, тем не менее содержала ряд неверных, немарксистских положений.

Ее появление в условиях борьбы с буржуазной историографией, пересмотра старых концепций и первых шагов марксистской исторической науки было, безусловно, положительным явлением. Самый факт преподавания истории России в соответствии со схемой Покровского, пришедшей на смену антинаучному освещению истории, сыграл для советской высшей школы прогрессивную роль. Однако с середины 20-х годов предпринимаются попытки возвести историческую концепцию Покровского в абсолют со всеми ее достоинствами и недостатками; на ее основе строились программы вузов, комвузов и совпартшкол.

Творческое овладение советскими историками ленинизмом сделало очевидными ряд ошибок Покровского, который и сам пересмотрел в последние годы жизни некоторые свои взгляды. Одними из первых стали ощущать тормозящее воздействие концепции Покровского молодые советские историки, приступившие к самостоятельной научной разработке истории СССР.

Критика ошибок Покровского раздавалась и со стороны историков, работавших в комвузах.

В апреле 1927 г. редакция журнала «Коммунистическая революция» поместила статью С. Г. Томсинского «О преподавании истории России»⁶², в которой автор высказывал свои соображения о курсе истории России в коммунистических университетах. Редакция отметила важность и актуальность поднятых в статье вопросов не только для комвузов, но и для вузов, техникумов и рабфаков. Томсинский проследил создание программы по истории России, которое осуществлялось под руководством Покровского в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, и пришел к выводу, что она нуждается в серьезных исправлениях.

Он отмечал, что вначале история страны почти целиком сводилась к истории ее экономики, и это имело свое положительное значение в условиях недостаточной марксистской методологической подготовки преподавателей-историков. Теперь необходимо устранить этот недостаток.

Существенным пробелом программы было игнорирование ис-

⁶² «Коммунистическая революция», 1927, № 8, стр. 50—53.

тории общественного движения. Томсинский считал необходимым дополнить программу разделами, посвященными истории национально-освободительного движения в России. Программа не учитывала истории национальных окраин России, важности национального вопроса, не подводила к пониманию предпосылок создания СССР. В этой связи автор ставил вопрос о том, что нельзя программу Комуниверситета им. Я. М. Свердлова механически переносить во все комвузы, тем более национальные.

Прямо ставя вопрос об ошибках Покровского, Томсинский отмечал неправомочность удаления из курса фактической истории внешней и внутренней политики царизма. Молодому поколению, писал он, нужно знать о государственном строе и дворянско-буржуазной сущности царизма и его политики.

Томсинский высказывал мнение относительно хронологических граней курса истории России. В противоположность тем, кто считал, что курс следует начинать с XX в., он утверждал, что без основательного прохождения курса всей истории нельзя понять событий XX в.

В статье ставился вопрос о том, что работу историков-преподавателей тормозит отсутствие учебников, наглядных пособий, хронологий. Автор решительно возражал тем, кто считал историческую хронологию ненужной и был не прочь упразднить ее.

Таким образом, статья вскрывала серьезные недостатки программы и курса истории России, построенных по схеме Покровского. Она выразила мнение многих и многих задела за живое, в том числе и Покровского.

В конце 20-х годов, когда выпускники коммунистических университетов трудились уже во всех областях советской, партийной и научной работы и когда практика все более явственно обнаруживала изъяны их подготовки, критика постановки преподавания истории в комвузах стала принимать широкий размах. Развернулась она и на Всесоюзной конференции комвузов СССР в июле 1927 г. Принятое конференцией и утвержденное 24 июля ЦК партии постановление об «Общей установке работы комвузов»⁶³ сыграло важную роль в организации учебного дела в коммунистических университетах. Перед комвузами ставились задачи: повысить теоретический уровень учебной работы, расширить объем конкретных знаний, усилить внимание к основным проблемам теории и практики социалистического строительства, сделать более гибкой учебную работу.

В преподавании общественных дисциплин, подчеркивалось в постановлении, необходимо усилить роль теории, увеличить удельный вес политэкономии, исторического материализма и ленинизма, уделить пристальное внимание борьбе партии с ревизионизмом во всех областях знаний. Объем исторических

⁶³ «Известия ЦК РКП(б)», 30 июля 1927 г., стр. 8—9.

знаний должен расширяться за счет изучения истории ведущих капиталистических, а также колониальных и полуколониальных стран, теории и практики II Интернационала. Задачи идейной борьбы партии с оппозиционными группировками требовали еще более серьезного внимания к вопросам ленинизма, истории борьбы с ревизионизмом и тщательного изучения таких проблем, как теория пролетарской революции, теория о возможности победы социализма в одной стране, национальная проблема в СССР, соотношение классовых сил в стране, характер советского государства, реконструкция народного хозяйства СССР и др.⁶⁴ Постановление указывало на неразрывную связь повышения теоретического уровня с расширением объема и углублением конкретных знаний.

Трудности в постановке преподавания истории и подготовке историков-марксистов были также связаны с нерешенностью в 20-х годах ряда методических вопросов. В комвуниверситетах раньше, чем в других вузах, распространился так называемый лабораторный (бригадно-лабораторный) метод работы студентов. В нашей литературе почти всегда отмечаются отрицательные стороны этого метода преподавания. Между тем практика коммунистических университетов дает возможность понять причины его появления, оценить его положительные и отрицательные стороны.

Еще Всероссийское совещание заведующих агитпропотделами губкомов и областкомов РКП(б) (июль 1921 г.), определившее тип высшей партийной школы, решило, что лекции в комвузах носят дополнительный, обобщающий или вводный характер, а главным элементом преподавания должны стать групповые и семинарские практические занятия⁶⁵.

Коммунистические университеты с начала своего возникновения широко применяли кружковые формы работы, когда под руководством преподавателя группа слушателей изучала в соответствии с учебным планом тот или иной курс. Кафедры истории организовывали кружковые занятия по истории партии, России, Запада. Способствуя развитию навыков самостоятельной работы, кружковый метод не позволял, однако, в одинаковой степени полно усвоить материал всего курса, не давал систематических знаний предмета.

В 1923—1924 гг. в комвузах был введен лабораторно-групповой метод. «Задачи лабораторного плана заключаются в том, чтобы путем организации самостоятельных занятий студентов облегчить усвоение ими учебного материала, повысить производительность труда и воспитать навыки планомерной и систематической работы», — говорилось в тезисах конференции комву-

⁶⁴ «Известия ЦК РКП(б)», 30 июля 1927 г., стр. 8—9.

⁶⁵ «Справочник петроградского агитатора», 1921, № 5, стр. 23.

зов, утвержденных Агитпропом ЦК РКП(б) в феврале 1925 г.⁶⁶ Однако конференция слишком прямолинейно подошла к вопросам введения лабораторного плана. Без учета особенностей учебных планов рекомендовался общий тип занятий: вводное инструктивное занятие, самостоятельная работа студентов, итоговое занятие. Основной недостаток плана заключался в уменьшении роли преподавателя и слабости контроля за работой студентов.

Проведение в жизнь лабораторного плана в комвузах было сложным процессом. Он был введен в Петроградском комунiversитете в 1925 г. 15 апреля 1925 г. подкомиссия истории Запада Петроградского комвуза приняла решение о переходе на нормальный лабораторный план, но уже тогда отметила в нем большие недостатки⁶⁷. В декабре 1925 г. подкомиссия поставила перед правлением университета вопрос об увеличении количества лекций, так как лабораторный план придает программе «лоскутность»⁶⁸. Итоги учебного года показали, что лабораторная система преподавания повысила активность студентов, но учет и контроль за их занятиями организованы плохо⁶⁹. Не раз в дальнейшем Петроградский комунiversитет сигнализировал о серьезных недостатках лабораторного плана. В его докладе Агитпропу ЦК ВКП(б) 8 марта 1927 г. отмечалось, что одинаковое применение лабораторного плана ко всем курсам вредно, лишает самостоятельности кафедры и предметные комиссии; указывалось на уменьшение роли преподавателей; сообщалось об ослаблении контроля за учебной работой студентов⁷⁰. Петроградский коммунистический университет был вынужден на практике отходить от лабораторно-группового метода.

То же самое происходило и в других комвузах. В целом в методике преподавания существовал большой разнoбой, что не могло не влиять отрицательно на постановку работы в коммунистических университетах.

Помощь партии, критика общественности помогали коммунистическим университетам улучшать постановку исторических и других общественных дисциплин. Комвузы в свою очередь активно пропагандировали накопленный опыт преподавания и оказывали влияние на историческое образование в стране.

Выпускники коммунистических университетов пополняли ряды работников исторического фронта — научных работников, преподавателей — или продолжали образование на Лекторских курсах, в Коммунистической академии и других научно-исследовательских учреждениях.

⁶⁶ ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2837, л. 36.

⁶⁷ Там же, д. 2445, л. 77.

⁶⁸ Там же, д. 2907, л. 71.

⁶⁹ Там же, д. 3165, л. 32.

⁷⁰ Там же, оп. 5, д. 29, л. 13.

4. Подготовка преподавателей общественных наук на Лекторских курсах коммунистических университетов

В 1920 г. в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова была создана Лекторская группа (она называлась также курсом или курсами), которая должна была в короткий срок подготовить преподавателей для краткосрочного курса университета и совпартшкол. В октябре 1920 г. был разработан проект программы⁷¹ Лекторской группы и намечены руководители практических занятий⁷². Группа начинала работать в трудных условиях. Материалы архива показывают, что в течение первого учебного года (1920/21) неоднократно изменялись программы и планы ее занятий. Это было понятно: опыта подготовки преподавателей общественных наук еще не было. На курсе наряду с общеобразовательными предметами читались лекции и велись семинары по историческому материализму, истории социалистических учений, экономической теории Маркса, экономике переходного периода, Советской конституции, по всеобщей, русской истории, истории РКП(б). Среди курсантов наметились четыре группы: будущие преподаватели политэкономии, истмата, истории России и истории Запада. Для историков организовали специальные семинары повышенного типа по истмату, истории социалистических учений, всеобщей и русской истории, а также по истории РКП(б)⁷³.

К концу первого учебного года на Лекторском курсе занималось 210 слушателей⁷⁴.

Несмотря на трудности и недостатки организации начали сказываться первые результаты: курсанты успешно вели кружки по своим специальностям на краткосрочном курсе Коммунистического университета.

Начавшаяся в 1921 г. во всех звеньях партийного просвещения реорганизация потребовала значительного увеличения преподавательских кадров. Как одно из средств ускоренной подготовки преподавателей решено было использовать Лекторские курсы.

Циркуляр ЦК РКП(б) «О Лекторском курсе Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова»⁷⁵, изданный в 1921 г., четко определил задачи и структуру курсов. Два его отделения — теоретическое и практическое — должны были готовить, в основном для губсовпартшкол, лекторов по политэкономии,

⁷¹ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 3, д. 16, л. 2. Протоколы заседаний Лекторской группы.

⁷² Там же, л. 1.

⁷³ Там же, л. 8.

⁷⁴ «Записки Коммунистического университета имени Свердлова», т. I. М., 1923, стр. 262.

⁷⁵ «Справочник партийного работника», вып. II, 1922, стр. 97—98.

истмату, истории России, истории Запада, теории государства и права, а также руководителей практических занятий по экономической политике, партийному строительству, административно-правовым наукам, экономике Советской России. Курс объявлялся годичным.

Сложность задач, ограниченные сроки учебы заставляли очень строго подходить к набору слушателей. ЦК партии рекомендовал направлять на Лекторский курс коммунистов, имеющих не менее чем двухгодичный партийный стаж, не моложе 20 лет, с теоретической подготовкой в объеме программы совпартшколы. Давая разверстку приема на курс, ЦК подчеркивал, что «губкомам предлагается особенно серьезно отнестись к выбору товарищей, которые должны составить кадр преподавателей совпартшкол»⁷⁶.

20 сентября 1921 г. Совет Комуниверситета им. Я. М. Свердлова утвердил «Положение о Лекторском курсе Университета им. Свердлова»⁷⁷, которое строилось на основе циркуляра ЦК РКП(б). Учебный план курса включал прохождение общеобразовательных и общественных дисциплин, методическую подготовку по избранной специальности, а также педагогическую практику. В мае 1922 г. срок обучения на Лекторском курсе был продлен до двух лет.

Состав курсантов был достаточно квалифицированным, прошедшим большую школу партийной работы. Это хорошо видно на примере 1-й группы Лекторского курса, готовившей лекторов по политэкономии, историческому материализму и истории⁷⁸. Из 131 человека 47,4% курсантов имели среднее и незаконченное высшее образование. Больше половины курсантов были активными партийными и советскими работниками. 15,4% курсантов имели дореволюционный партийный стаж, 43% — стаж с 1919 г. Многие из слушателей уже имели опыт работы в народном просвещении, выступали в печати. Такому составу курсантов задача подготовки к преподавательской работе в совпартшколах была вполне по плечу.

В 1921 г. возникла Лекторская группа и в Петроградском коммунистическом университете. Летом этого года 105 человек прослушали краткосрочный курс, а затем руководили кружками в университете. Утвержденное 20 февраля 1922 г. Педагогическим советом Комуниверситета «Положение о Лекторской группе» предусматривало удлинение срока подготовки до двух лет⁷⁹.

В январе 1922 г. была создана Лекторская группа в Комуниверситете Сибири, в нее вошел 41 выпускник университета; в феврале 1923 г. открылись Лекторские курсы в Комуниверситете

⁷⁶ Там же, стр. 98.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 3, д. 39, л. 1—3.

⁷⁸ Там же, оп. 2, д. 7, л. 36, 37.

⁷⁹ ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2368, л. 1.

им. Артема; в апреле 1924 г. начала работать Лекторская группа Саратовского комуниверситета; Лекторские группы возникли также в коммунистических университетах трудящихся Востока и национальных меньшинств Запада.

Программа подготовки лекторов и преподавателей по общественным наукам на Лекторских курсах комвузов значительно отличалась от соответствующих программ ИКП, РАНИОН и других высших учебно-научных учреждений. Лекторские курсы имели четкую задачу: готовить преподавателей совпартшкол по политэкономии, истмату, истории России и истории Запада. Программы совпартшкол по этим дисциплинам были довольно стабильны, и поэтому учебный план Лекторских курсов отличался определенностью и практичностью. Ряд общеобразовательных и политических дисциплин (русский язык, математика, история РКП(б), Конституция РСФСР, история культуры, социалистических учений, политэкономия и исторический материализм), обязательных для всех курсантов, дополнялся специальными предметами, в частности историей России и историей Запада⁸⁰. Специализация была неглубокой и ограничивалась пределами основных исторических курсов. В сочетании с общеобразовательной подготовкой она давала лишь необходимый минимум знаний. Однако, благодаря суженности круга изучаемых дисциплин, курсанты сосредоточивали внимание на главном, приобретая прочный запас знаний.

Этому же способствовала и методика преподавания на курсах. Основной формой работы курсантов были семинарские занятия двух родов: общие и специальные. Цель общих семинаров (например, по политэкономии, истмату) состояла в общем теоретическом марксистском образовании. Общеобразовательные и некоторые общественные дисциплины (история социалистических учений, Конституция РСФСР и др.) изучались с помощью лекционно-семинарского метода. Что касается предмета специализации — истории России, истории Запада, политэкономии, истмата, истории партии, то они усваивались в специальных семинарах⁸¹.

Рассмотрим, как проходила на Лекторских курсах специализация по истории. Специальный семинар по истории Запада в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, которым руководил профессор Н. А. Дубровский, изучал основные проблемы курса западной истории, начиная с промышленного переворота в Англии. В центре внимания были вопросы классового борьбы и революционного движения в связи с анализом социально-экономической истории. Так, история Французской буржуазной революции 1789 г. изучалась в темах: экономический и со-

⁸⁰ ГАОР ЛО ф. 3864, оп. 1 д. 2512, л. 1—2.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 4, д. 112, л. 11, 12.

циальный строй Франции накануне революции, Учредительное собрание, Законодательное собрание, Конвент, эпоха 1784—1798 гг.

Каждой теме посвящались два занятия: на первом слушался доклад, обсуждались основные проблемы, на втором вырабатывались примерные тезисы и план занятий по теме для кружка на краткосрочном курсе Комуниверситета⁸².

В программах Лекторских курсов по истории большое место занимали вопросы революционного и рабочего движения. В названном семинаре Н. А. Дубровского, кроме истории Французской буржуазной революции, изучалась история чартизма, революций 1848 г. в Германии и Австрии, гражданской войны в Америке, Парижской Коммуны, I, II и III Интернационалов. В Петроградском университете для историков Запада читался И. С. Книжником-Ветровым специальный курс «История международного рабочего движения со второй половины XIX в.»⁸³.

Проблемы революционной борьбы пролетариата преобладали и в программах специализации по истории России. Это показывает перечень тем, пройденных в семинарах Лекторского курса Комуниверситета им. Я. М. Свердлова в 1923 г.: «Народная воля», рабочее движение 70—90-х годов, крестьянское движение до 1905 г., аграрный вопрос до революции 1905 г., рабочее движение в начале XX в., «зубатовщина», 9-е января 1905 г.⁸⁴ Повышенный интерес к проблемам политической истории объяснялся тем, что и слушатели, и преподаватели коммунистических вузов проявляли большое внимание к вопросам революционной борьбы того периода. Нельзя не заметить, что темы классовой и революционной борьбы связывались с современными социально-экономическими отношениями.

Отличительной особенностью подготовки историков на Лекторских курсах было тесное сочетание марксистского теоретического образования с практической подготовкой к преподаванию. Мы уже отмечали, что в специальных семинарах курсанты под руководством опытных преподавателей разрабатывали основные методические материалы по каждой теме. На московских Лекторских курсах создавались редакционные комиссии, в которых слушатели с помощью руководителя семинара обрабатывали методические материалы.

Все курсанты в обязательном порядке вели кружковые занятия по своей специальности на краткосрочных курсах коммунистических университетов. Так, курсанты первого набора «Свердловки» Н. Е. Застенкер, Е. И. Рубинштейн и др. вели кружки по истории Запада, А. Л. Сидоров, Н. Л. Рубинштейн, Э. Б. Генкина — по истории России⁸⁵. Многие слушатели препо-

⁸² Там же, д. 72, л. 68.

⁸³ ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2368, л. 41; д. 2371, л. 13—14.

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 4, д. 34, л. 15.

⁸⁵ Там же, д. 115, л. 8 и др.

давали также вне стен комуниверситетов, в политшколах при райкомах партии, в совпартшколах и т. д.

При характеристике работы слушателя, кроме оценки его знаний и общественно-политической активности, обязательно отмечалось умение руководить кружком⁸⁶.

Придавая Лекторским курсам важное значение в деле подготовки преподавателей общественных наук, Центральный Комитет партии заботился о привлечении в число преподавателей курсов лучших кадров. Здесь читали лекции и вели семинары Ф. Я. Кон, Л. Н. Крицман (политэкономия), Н. Н. Батурин (история РКП(б)), А. М. Деборин (философия), М. Н. Покровский, М. И. Мебель (русская история), В. П. Волгин (история социалистических учений), Н. А. Дубровский, Г. С. Фридлянд, Н. М. Лукин (история Запада)⁸⁷ и др.

Лекторские курсы Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова явились первой ступенью в подготовке и творческом росте многих советских историков. Среди их выпускников были Э. Б. Генкина, А. Л. Сидоров, Н. Е. Застенкер, Н. Л. Рубинштейн, Д. А. Баевский, К. Ф. Сидоров, В. М. Донской, С. В. Малышев и др.

Мы располагаем далеко не полными данными о выпусках Лекторских курсов. Летом 1923 г. состоялся первый выпуск Лекторских курсов Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова: 85 из 92 окончивших курсантов были направлены на педагогическую работу в областные и уездные совпартшколы в качестве лекторов и кружководов. При этом 16 выпускников рекомендовались для подготовки к научной деятельности⁸⁸. Каждый выпуск Лекторских курсов Московского и Петроградского комуниверситетов насчитывал около 100 человек, причем примерно одну треть из них составляли историки. Подавляющее большинство выпускников направлялось на преподавательскую работу в совпартшколы, в высшие учебные заведения. Наиболее способные оставлялись для подготовки к научной и преподавательской деятельности.

Подтверждением того, что задачи Лекторских курсов не ограничивались только подготовкой кадров для совпартшкол, а состояли также в том, чтобы воспитать из талантливой советской молодежи «красных профессоров», является следующий документ. В протоколах заседаний Лекторской группы Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова хранится «Проект постановки занятий с курсантами Лекторской группы, оставлен-

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 4, д. 72, л. 68, 70, 79.

⁸⁷ Там же, оп. 3, д. 16; оп. 4, д. 112.

⁸⁸ Там же, оп. 4, д. 27, л. 40. В ЦПА ИМЛ (ф. 17 оп. 60, д. 69, л. 90—91) есть список окончивших Лекторский курс. Список не датирован, но, по-видимому, относится также к 1923 г. Из него видно, что 86 из 117 выпускников окончили исторический цикл.

ными при Университете им. Я. М. Свердлова», относящийся, по-видимому, к 1923 г.⁸⁹ Оставленные при Комуниверситете, говорится в нем, подготавливаются к научной и педагогической деятельности. С помощью руководителей Лекторской группы они в течение года участвуют в коллективных научных исследованиях, разрабатывают индивидуальные темы и обязательно ведут педагогическую работу в университете. Интересна такая деталь: рекомендованные к научной деятельности должны были после окончания Лекторских курсов работать один-два года и только после этого становились научными сотрудниками университета⁹⁰.

На Лекторских курсах в начале 20-х годов раньше и быстрее, чем в других специальных центрах, сложилась система подготовки кадров историков-марксистов. Отличительными особенностями ее были: определенность целевой установки — подготовка лекторов и преподавателей по общественным дисциплинам для совпартшкол, удачное сочетание теоретического марксистского образования с методической и практической подготовкой.

* * *

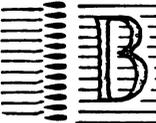
На протяжении 20-х годов совершенствовалась новая, рожденная победой социалистической революции форма высшего учебного заведения — коммунистические университеты. От других вузов страны того периода они отличались целым рядом особенностей: составом студенческой аудитории, значительными коллективами преподавателей-марксистов, большим удельным весом общественных дисциплин, задачами, среди которых главной была подготовка партийно-советского актива.

Коммунистические университеты, благодаря усилиям своих преподавателей-коммунистов и беспартийных и при поддержке Центрального Комитета партии, внесли большой вклад в постановку преподавания истории на марксистско-ленинской основе, в создание первых кадров историков-марксистов. Накопленный ими опыт впоследствии был плодотворно использован советской исторической наукой.

⁸⁹ Там же, оп. 3, д. 16, л. 13.

⁹⁰ Там же, оп. 4, д. 27, л. 40, 41.

Изучение социалистической индустриализации в 1926—1934 гг.

 озросший за последнее время интерес к изучению социалистической индустриализации требует в свою очередь дальнейшей разработки соответствующих проблем историографии. Особое значение приобретает анализ литературы, изданной во второй половине 20-х — начале 30-х годов. Вышедшие в то время работы были написаны не просто современниками первых шагов индустриализации, а ее непосредственными участниками, ее активными творцами. Им удалось собрать и систематизировать весьма значительный по объему материал, сделать важные обобщения, высказать ряд интересных мыслей, которые и по сей день входят в арсенал советской науки.

В период культа личности Сталина названная литература подверглась остракизму. XX съезд партии вернул науке добрые имена незаслуженно забытых исследователей; их книги, статьи и брошюры, в том числе и по интересующей нас теме, вновь стали доступны. Однако до сих пор мы не имеем достаточно полного и ясного представления о научной значимости подобного рода работ, о их месте в советской историографии.

Вполне понятно, что критический разбор всей изданной в 20—30-х годах литературы в одной статье невозможен. В данном случае делается попытка в хронологической последовательности рассмотреть лишь наиболее важные работы, специально или в основном посвященные изучению начальных этапов превращения СССР в могучую индустриальную державу. При этом главное внимание уделяется выяснению того, как освещался процесс ускоренного создания крупной машинной индустрии, необходимой для построения основ социализма.

* * *

Вопрос о необходимости и сущности социалистической индустриализации нашей страны впервые был поставлен и разработан В. И. Лениным. И хотя сам он термина «индустриализация»

не употреблял, именно в его трудах было обосновано применительно к России марксистское положение о том, что единственной материальной основой социализма может быть только крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие¹. В. И. Ленин предвидел всю сложность строительства социализма в России, бывшей до революции аграрной, в основном мелкокрестьянской страной и по сравнению с передовыми капиталистическими державами относительно отсталой. На X съезде партии он говорил: «...нет никакого сомнения, что переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство... Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность, или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита, и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен. Без этого переход к коммунизму невозможен экономически»².

Иначе говоря, индустриализация должна была сыграть решающую роль в социалистическом преобразовании страны, которая находилась во враждебном окружении и была разорена империалистической и гражданской войнами, интервенцией, блокадой. Предстояла титаническая борьба со всеми огромными трудностями, борьба за создание материальной основы дальнейшего развития и упрочения социалистических производственных отношений. И только тогда, предупреждал В. И. Ленин, «...когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»³.

Четко ставя вопрос о путях и методах ускоренного создания материально-технической базы социализма, В. И. Ленин особо подчеркивал необходимость первоочередного развития тяжелой индустрии. Он неоднократно призывал «...ценной величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее. В этом и только в этом будет наша надежда»⁴.

Несколько раньше, в 1922 г., на IV конгрессе Коминтерна В. И. Ленин отмечал: «без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 9.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 78, 79.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 159.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 405.

промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна»⁵.

Ленинские положения о преимущественном росте производства средств производства были реализованы при составлении плана ГОЭЛРО, который фактически был первым перспективным планом социалистической индустриализации страны. Им предусматривались основные изменения в структуре народного хозяйства Советской России, радикальные сдвиги в соотношении двух подразделений промышленного производства (групп «А» и «Б»). Предполагалось, что в течение 10—15 лет продукция крупной индустрии увеличится примерно на 180—200%, в том числе производство средств производства — на 216,7, а производство предметов потребления — на 147,7%. И если в первые годы нэпа пришлось сделать крен в сторону сельского хозяйства и частично предприятий группы «Б», то это было вызвано невероятно тяжелыми условиями, в которых оказалась наша страна в начале восстановительного периода. Переход к новой экономической политике не означал отказа от плана ГОЭЛРО, изменился лишь подход к его осуществлению⁶.

Учитывая характер данной статьи, мы не ставили задачу анализа ленинского наследия по вопросам индустриализации СССР. Нам только хотелось в историографическом плане еще раз указать на приоритет В. И. Ленина в постановке и решении основных направлений этой проблемы.

Именно так подходили к освещению интересующей нас темы первые советские историки-марксисты, изучавшие ход социалистического строительства вообще, процесс промышленного развития СССР в частности. Примечательна в этом отношении статья Ем. Ярославского «Проблема индустриализации в учении Ленина», опубликованная в 1926 г.⁷ Комментируя решения апрельского (1926 г.) Пленума ЦК партии и резолюцию XIV съезда ВКП(б), автор писал: «Конечно, вопрос об индустриализации мы выдвигаем теперь не впервые ...самый вопрос об индустриализации был целиком поставлен В. И. Лениным». Далее Ем. Ярославский показал, что понимал В. И. Ленин под материально-технической базой нового строя, почему на первый план выдвигал тяжелую индустрию, какое значение придавал плану ГОЭЛРО.

Аналогичным образом поступали и другие исследователи. Как и вся партия в целом, они руководствовались указаниями Ленина, его теоретическими обобщениями, его призывами.

Дальнейшее развитие ленинское учение о создании материально-технической базы социализма получило в постановлениях партийных съездов, пленумов и конференций, в выступлениях и

⁵ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 45, стр. 287.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 456.

⁷ «Правда», 22 апреля 1926 г.; см. также Э. Квицинг. Ленин и социалистическая индустриализация.— «Вестник Комкадемии», 1934, № 3.

статьях руководителей Коммунистической партии и Советского государства⁸. Здесь прежде всего следует назвать решения XIV съезда ВКП(б), на котором была обоснована необходимость перехода к развернутой индустриализации и провозглашен лозунг, нацеливающий советский народ на практическую борьбу за превращение СССР из страны аграрной в индустриальную. Принципиально важное значение имели указания апрельского (1926 г.) Пленума ЦК ВКП(б) об источниках социалистического накопления.

В последующие годы партия снова и снова обсуждала вопросы о путях и методах развития советской промышленности, о первоочередном подъеме тяжелой индустрии как основы технической реконструкции всего народного хозяйства, о соотношении темпов роста двух подразделений общественного производства, о коренном отличии советского метода индустриализации от капиталистического и ряд других.

К сожалению, в нашей исторической литературе нет научных работ, в которых бы исследовалась эта одна из важнейших сторон в многогранной деятельности партии. Хуже того, до сих пор окончательно не развенчано бытовавшее в период культа личности утверждение, будто только Сталин занимался разработкой теоретических проблем индустриализации. На деле, однако, по крайней мере в 20-е годы, такой монополии не существовало. Факты свидетельствуют о противоположном. Изучение стенограмм большевистских съездов, конференций, пленумов, периодической печати того времени позволяет говорить о коллективных усилиях партии, прежде всего ее Центрального Комитета. Эта тема по-прежнему ждет своих историков.

Большое недоумение вызывает, в частности, полное отсутствие статей и книг о виднейших работниках советской индустрии,

⁸ А. А. Андреев. Индустриализация страны, режим экономии и профсоюзы. М., 1926; Ф. Э. Дзержинский. Очередные задачи промышленной политики. Сборник статей. М.—Л., 1925; он же. Промышленное строительство и хозяйственные затруднения СССР. М.—Л., 1926; он же. Избранные произведения в двух томах, т. 2. М., 1957; С. М. Киров. Завершим построение фундамента социалистической экономики СССР. М.—Л., 1931; он же. Дело чести ленинградских пролетариев выполнить производственную программу. Л., 1933; В. В. Куйбышев. Индустриализация страны и режим экономии. М.—Л., 1926; он же. Промышленность СССР. М.—Л., 1927; он же. Пятилетний план развития промышленности. М., 1929; он же. О второй пятилетке. М., 1932; А. И. Микоян. Диспропорция и товарный голод. Харьков, 1927; он же. Пищевая индустрия Советского Союза. М., 1939; Г. К. Орджоникидзе. На рубеже двух пятилеток. М., 1933; он же. Завершим реконструкцию всего народного хозяйства. М., 1934; он же. Задачи тяжелой промышленности в связи со стахановским движением. М., 1936; И. В. Сталин. XIV съезд ВКП(б) 18—31 декабря 1925 г. Политический отчет Центрального Комитета (Соч., т. 7); он же. О возможности построения социализма в нашей стране (Соч., т. 8); он же. XV съезд ВКП(б), 2—19 декабря 1927 г. Политический отчет Центрального Комитета (Соч., т. 10); он же. Итоги первой пятилетки (Соч., т. 13).

о таких ее командармах, какими, например, были Ф. Э. Держинский, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе. Последнее тем более нетерпимо, что речь идет не только о выдающихся практиках, но и о крупных теоретиках нашей политической и хозяйственной жизни. Каждый из них считал своим долгом обобщать накопленный опыт, продумывать весь ход развития советской экономики, выявлять закономерности и специфику роста промышленного потенциала страны.

Анализ их выступлений и статей показывает, что все они понимали под индустриализацией СССР определенный исторический этап, характерный для переходного периода от капитализма к социализму. Одной из главных задач этого этапа они считали ликвидацию несоответствия между самой передовой в мире политической властью и ее слабой материально-технической базой. Постоянно подчеркивая социалистическую природу преобразований, проводимых советским государством в промышленности, они видели существо начавшейся индустриализации в том, что планомерное развитие крупной промышленности СССР обеспечивает господство социалистической системы хозяйства, ее победу над сектором капиталистическим.

Такое понимание процесса превращения Советского Союза в индустриально развитую державу своим острием было нацелено против тех буржуазных специалистов, которые не видели социально-политической направленности индустриализации СССР, не признавали ее отличия от «обычной» капиталистической индустриализации и главным ее проявлением считали рост промышленности. Poleмика с ними была отнюдь не абстрактной и тем более необходимой, что их ошибочные взгляды разделяли и отстаивали многие работники Госплана и других учреждений.

Известный экономист А. М. Гинзбург, например, неоднократно утверждал: «Рассматривая индустриализацию в объективно-экономическом смысле, мы должны понимать под ней процесс накопления и распределения производительных сил, при котором в народном хозяйстве возрастает удельный вес и руководящая роль промышленности, как главной производительницы средств производства»⁹.

Экономист З. С. Каценеленбаум видел в индустриализации «способ интенсификации народного труда». Индустриализация, по его мнению, означала «извлечение части национального дохода для превращения в соответствующие формы основного капитала страны, обращение этой части национального дохода на создание и развитие технически наиболее совершенных крупнопромышленных предприятий...»¹⁰.

⁹ А. М. Гинзбург. Индустриализация СССР.— «Промышленность и народное хозяйство». М., 1927, стр. 60; он же. Очерки промышленной экономики. М.—Л., 1930, стр. 43—44.

¹⁰ З. С. Каценеленбаум. Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР. М.—Л., 1928, стр. 11—12.

Партия последовательно критиковала подобные взгляды. Вскрывая их несостоятельность, Г. И. Крумин писал: «По капиталистическому шаблону иногда считают, что индустриализация обозначает увеличение в национальном производстве столбика, именуемого промышленность»¹¹. В таком случае, подчеркивал он, в тени остается социальный смысл происходящих событий, смазывается вопрос о противоположности метода и задач преобразования общества в условиях господства буржуазии и при диктатуре пролетариата¹².

Марксисты видели содержание и цель индустриализации СССР не просто в развитии промышленности и повышении ее роли в жизни страны, а в создании материальных основ, обеспечивающих победу социалистического способа производства. Именно поэтому, в отличие от буржуазных экономистов и в борьбе с ними, Ф. Э. Дзержинский отстаивал курс партии на планомерное создание очагов индустрии во всех районах страны, на подведение современной технической базы под все отрасли народного хозяйства. Понимая важность первоочередного развития тяжелой промышленности, он, как и сменивший его на посту председателя ВСНХ В. В. Куйбышев, самое серьезное значение придавал также ускоренному росту производства предметов потребления.

В 1928 г. В. В. Куйбышев, характеризуя на VIII съезде профсоюзов решающую роль тяжелой индустрии в реконструкции страны, говорил: «Но отсюда делать какой-нибудь вывод о второстепенности, неважности задач, лежащих перед нами в области развития легкой индустрии, было бы глубоко ошибочно»¹³.

Так же как и В. В. Куйбышев, народный комиссар земледелия Я. А. Яковлев утверждал: «Само собой разумеется, что курс партии на развитие тяжелой индустрии в качестве основной задачи ни в коей мере не может помешать тому, чтобы отдельные частные задачи решались в увязке с решением генеральной задачи. Одной из таких частных задач и является развитие промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье». Поясняя свою мысль, он говорил о необходимости внедрения крупного машинного производства и в эту отрасль индустрии, которая «содействует кооперированию крестьянского населения и ослабляет деревенскую безработицу»¹⁴.

Изучение партийных документов, анализ выступлений руководителей КПСС и Советского государства позволяют утверждать, что партия всегда включала в понятие «социалистическая

¹¹ «Правда», 17 апреля 1926 г.

¹² Г. И. Крумин. Основные вопросы хозяйства и оппозиция. М., 1927; он же. Борьба за индустриализацию и задачи партии. М.—Л., 1929.

¹³ «Восьмой съезд профсоюзов СССР». Стеногр. отчет. М.—Л., 1928, стр. 171.

¹⁴ Я. А. Яковлев. Сельское хозяйство и индустриализация. Доклад в Комакадемии, изд. 2-е. М.—Л., 1927, стр. 38—39, 80.

индустриализация» весь комплекс вопросов, связанных с развитием крупной машинной индустрии как в первом, так и втором подразделениях общественного производства. И если эту мысль приходится сегодня специально выделять, то только потому, что впоследствии в течение длительного времени предприятия группы «Б» оставались вне поля зрения наших историков.

Большой интерес представляют также высказывания виднейших работников народного хозяйства того времени о предпосылках социалистической индустриализации, о характере реконструктивных сдвигов начала 20-х годов, о связи первого пятилетнего плана с планом ГОЭЛРО. Г. М. Кржижановский, возглавлявший в ту пору союзный Госплан, не раз говорил об условно восстановительном периоде в жизни СССР, имея в виду 1921—1925 гг. Аналогичную позицию занимали и многие другие руководители. И не только потому, что промышленность поднималась тогда в условиях диктатуры пролетариата на социалистической, а не на частнокапиталистической основе. Дело еще заключалось и в том, что уже в то время началось становление новых производств, постепенное внедрение новой техники. Общеизвестны хоть и весьма скромные, но тем не менее достаточно показательные успехи Советской власти в области электрификации и развитии некоторых видов машиностроения, в накоплении некоторого опыта планирования и т. д.

Изучая количественные и качественные изменения в экономике 20-х годов, Г. М. Кржижановский в 1927 г. отмечал, что если ряд производственных предположений и программ подвергся коренным пересмотрам и деформациям, то «план электрификации, принятый в 1920 г., неуклонно осуществляется из года в год. Этот план настолько оправдал себя своим реализмом, что выработанные на его основе дальнейшие пятилетние перспективы наших работ по электрификации были утверждены Совнаркомом СССР в порядке исключения, еще до утверждения общих основ пятилетнего народнохозяйственного плана в его целом»¹⁵. Весной 1929 г., на V съезде Советов СССР Г. М. Кржижановский снова указал на «...совпадение пятилетки по основным решающим показателям с планом ГОЭЛРО»¹⁶.

Еще более определенно высказывался Ф. Э. Дзержинский. В апреле 1926 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) он самым решительным образом выступал против тех, кто отрывал политику индустриализации от общего курса партии, проводимого уже в восстановительный период. «Я думаю, товарищи,— говорил он,—

¹⁵ Г. М. Кржижановский. Десять лет хозяйственного строительства СССР. 1917—1927 гг. М., 1927, стр. 22—23.

¹⁶ Г. М. Кржижановский. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Доклад и заключительное слово на V съезде Советов СССР. М., 1930, стр. 21.

что именно нашу партию к такому повороту на индустриализацию не надо было призывать, потому что она всегда стояла на этой точке зрения... Жестокая ошибка думать, будто наша партия в 1923 г. и раньше была антииндустриальной и что сейчас она нуждается в принципиальном повороте своей линии»¹⁷.

Больше того, в мае 1926 г. в речи на Всеукраинском съезде горнорабочих Ф. Э. Дзержинский прямо говорил о том, что еще в 1923 г. была сделана попытка развернуть индустриализацию страны. «Тогда, увлекшись общей задачей индустриализации, мы забыли об основном: о необходимости удовлетворения непосредственных запросов рабочих и крестьян. Мы в производстве достигли тогда только 30—40% довоенного времени. Тогда лозунг индустриализации был не ко времени, ибо нужно было обратить все свои силы на поднятие платежеспособности широкого крестьянского населения»¹⁸.

Размер статьи (и ее замысел) не позволяют более подробно охарактеризовать богатство и глубину идей, содержащихся в партийных документах, выступлениях ведущих работников партии, правительства, народного хозяйства по интересующему нас вопросу. Но уже из сказанного видно, что прежде, чем началось изучение истории социалистической индустриализации, теоретическая сторона этой проблемы получила весьма основательную марксистскую трактовку.

Отнюдь не умаляя заслуг последующих исследователей, нельзя не заметить, что они приступали к разработке в основном уже наметившейся тематики. Четко обозначились проблемы, среди которых наибольшую актуальность представляли следующие: индустриализация как составная часть ленинского плана строительства социализма в СССР; закономерность и специфика промышленного развития страны, его взаимосвязь с другими отраслями народного хозяйства; характер социально-экономических и политических последствий индустриализации; деятельность Коммунистической партии и борьба трудящихся за создание материально-технической базы нового общественного строя.

Глубокое научное освещение перечисленных вопросов было в тот период тем более необходимо и злободневно, что развернувшаяся после XIV съезда ВКП(б) социалистическая индустриализация проходила в исключительно сложных политических и хозяйственных условиях, в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Техничко-экономическая отсталость нашей страны, наличие нескольких укладов в народном хозяйстве и связанная с этим пестрота классовой структуры, мелкотоварный характер сельского хозяйства, преобладавшего по удельному весу продукции в экономике страны, угроза нападения со стороны капиталисти-

¹⁷ Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. 2, стр. 260—261.

¹⁸ Там же, стр. 300.

ческого окружения и ряд других не менее серьезных обстоятельств порождали неисчислимые трудности.

Представители оппозиционных течений выступали со своими «платформами» и заявлениями, принципиально отличными от генеральной линии партии. Троцкисты предлагали включить экономику СССР в «мировое разделение труда» и отказаться от «национально ограниченной» политики построения социализма в одной стране. Правые уклонисты требовали замедлить развитие тяжелой индустрии; равняясь на «узкие места», они ратовали за форсированный подъем производства предметов потребления.

Коммунистическая партия, опираясь на активную поддержку широких масс трудящихся, разгромила в идеологической борьбе эти направления.

Правильному пониманию характера и особенностей проходившей тогда борьбы за торжество генеральной линии партии во многом способствует изучение массовой агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов. В этой литературе широким слоям трудового народа доходчиво разъяснялась необходимость социалистической индустриализации, ее задачи и пути осуществления.

«Борьба за индустриализацию,— писал в 1929 г. А. Леонтьев,— включает в себя также необходимость идеологической борьбы против правых шатаний в основных экономических вопросах, особенно опасных в той сложной, противоречивой и достаточно трудной хозяйственной обстановке, в которой мы сейчас находимся»¹⁹. Аналогичным образом подходили к данной теме и другие авторы. Брошюры Г. М. Кржижановского, А. Шлихтера, К. Я. Розенталя, А. К. Азизяна²⁰ убедительно показывали возможность разрешения внутренних трудностей. В них решительно опровергались утверждения оппозиционеров о якобы катастрофическом углублении диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, между отдельными отраслями экономики, спросом населения и предложением товаров. Значитель-

¹⁹ А. Леонтьев. В борьбе за индустриализацию. М.—Л., 1929, стр. 3.

²⁰ Г. М. Кржижановский. Как мы строим социализм. М., 1930; он же. 10 лет ГОЭЛРО. М.—Л., 1931; А. Шлихтер. В боях за социализм. Харьков, 1930; К. Я. Розенталь. В защиту индустриализации СССР. М.—Л., 1928; А. Осипьян и М. Лapidус. Индустриализация — основа экономической независимости СССР. М.—Л., 1928; А. К. Азизян. Для чего нужна крестьянину индустриализация страны. М.—Л., 1929; А. Ф. Гладун. Индустриализация СССР и сельхозрабочие. М., 1929; А. Колдобский. Важнейшие задачи промышленности. М., 1930; М. И. Лацис. Как строится социализм в нашей стране. М.—Л., 1929; А. Леонтьев. Основные установки пятилетки. М.—Л., 1930; Т. Охотников. Индустриализация страны и потребительская кооперация. М., 1929; А. П. Серебровский. Индустриализация страны и крестьянство. М.—Л., 1927; М. Орахелашвили. Индустриализация и режим экономии. Тифлис, 1926.

ное место в названных книгах и брошюрах занимали пропаганда передового опыта хозяйственного строительства и организации труда и анализ повседневной практической деятельности партии.

Характеризуя в целом агитационно-пропагандистскую литературу конца 20-х годов, следует признать, что, несмотря на отдельные недостатки, она и теперь представляет определенный интерес для исследователя, в первую очередь при изучении форм и методов партийно-политической агитации, порожденных практикой первых лет индустриализации.

Наряду с популярными работами, рассчитанными на самую широкую аудиторию, уже во второй половине 20-х годов появились специальные исследования, в том числе и монографии, посвященные отдельным проблемам социалистической индустриализации. В полном соответствии с нуждами развернувшейся реконструкции народного хозяйства в них рассматривались вопросы о предпосылках и условиях превращения СССР в могучую индустриальную державу, анализировался процесс развития различных отраслей промышленности, подводились итоги выполнения плановых наметок и т. д. По сей день пристального внимания заслуживают труды М. А. Баруна, Э. И. Квиринга, А. Леонтьева, В. Н. Сарабьянова, С. Г. Струмилина²¹ об итогах хозяйственного строительства в СССР за первые 10—12 лет Советской власти. Используя обильный фактический материал, авторы показывали исходные рубежи социалистической индустриализации, процесс перехода от восстановления народного хозяйства и реконструктивных моментов в отдельных отраслях промышленности к индустриализации как ядру реконструкции в масштабах всей страны.

Центральным пунктом всех исследований был вопрос о возможностях и путях форсированного создания материально-технической базы нового общественного строя. В поисках научно обоснованного ответа ученые занимались скрупулезным анализом конкретно-исторического материала, характеризующего процесс развития экономики Советского государства. Правильные выводы о закономерностях и тенденциях развития промышленности СССР были одинаково важны как для теории, так и для повседневной практики социалистического строительства. Именно поэтому названные книги заполнены остро полемическими рассуждениями, правда, не всегда достаточно доказательными, но неизменно творческими, дающими толчок к дальнейшим изысканиям.

²¹ Э. И. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР. 1917—1927. М.—Л., 1929; В. П. Милютин. История экономического развития СССР (1917—1927), изд. 2-е. М.—Л., 1928. В. Е. Мотылев. Проблема темпа развития СССР, изд. 3-е. М., 1929; М. А. Барун. Основной капитал промышленности СССР. М.—Л., 1930; «Основные моменты реконструкции промышленности СССР». М., 1930; «Промышленность и народное хозяйство». М., 1927.

Наибольшего накала достиг спор об исходном уровне индустриализации СССР. Правые уклонисты заодно с буржуазными специалистами требовали, как известно, первоочередного развития легкой и пищевой промышленности. Опираясь чаще всего данными, относящимися к дореволюционной экономике, они утверждали, что без иностранной помощи, в условиях враждебного окружения приближение к уровню 1913 г. еще не дает оснований делать упор на подъем собственного производства средств производства. Лейтмотив подобных рассуждений был весьма шаблонен: российская экономика к такому курсу не подготовлена, для ее «дозревания» требуется время. Одним словом, те качественные перемены, которые к 1926 г. произошли в народном хозяйстве в ходе его революционного преобразования и восстановления, всерьез не принимались. Социалистическая индустриализация рассматривалась лишь как прямое продолжение индустриализации капиталистической.

В борьбе за генеральную линию партии Э. И. Квинринг, В. Н. Сарабьянов, В. Е. Мотылев, С. Г. Струмилин, А. Леонтьев и их единомышленники научно вскрывали порочность и политическую вредность взглядов своих идеологических противников. Подобно Ф. Э. Дзержинскому, В. В. Куйбышеву, Г. М. Кржижановскому, они старались подчеркнуть плановое начало в жизни промышленности, ведущую роль государственных предприятий, нарастание нового строительства и элементов технической реконструкции во всех отраслях индустрии.

С. Г. Струмилин на основе тщательного анализа проблем труда, капиталовложений, темпов промышленного строительства подверг резкой критике плановые разработки Гартвана, Калининкова, Кондратьева, а также «теории» оппозиционеров в области планирования, нашедшие отражение, в частности, в так называемой пятилетке ОСВОКа, составленной при участии буржуазных специалистов. В своей книге «Очерки советской экономики» он разоблачил антимарксистскую сущность выступлений сторонников «затухающей кривой», ведущей к снижению темпов социалистического строительства, и доказал несостоятельность их доводов о невозможности охватить планированием всю экономику страны, о якобы недостаточной эффективности имеющихся источников накопления²².

В. Н. Сарабьянов, прослеживая процесс увеличения основных фондов социалистической промышленности в 1923—1926 гг., показывал, как постепенно создается техническая база для рас-

²² С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. М.—Л., 1928; см. также изд. 2-е, испр. и доп. М.—Л., 1930; он же. Проблемы планирования в СССР. Л., 1932. Свойственная этим работам попытка проанализировать перспективы промышленного развития также представляет интерес с точки зрения сопоставления предварительных наметок и окончательных результатов хозяйственного строительства.

ширенного воспроизводства, по своим масштабам не сравнимого с тем, что знала Россия в прошлом. «В течение шести лет,— отмечал он в 1927 г.,— мы создали такие условия, которые позволяют эту базу увеличивать с большой скоростью». Весьма детально рассмотрев весь восстановительный период, он приходит к важному выводу: «Тяжелую индустрию Советская власть вполне сознательно поддерживает энергичнее и полнее, чем легкую». В. Н. Сарабьянов, в частности, приводил такие примечательные цифры. Кредитование банками предприятий первого подразделения увеличилось с 1 апреля 1924 г. к 1 сентября 1926 г. в 7,7 раза, а второго подразделения — менее чем в 4 раза²³.

М. И. Лейтес и А. Ф. Хавин, анализируя в 1927 г. первые итоги индустриализации, связывали их с работами по выполнению плана ГОЭЛРО (причем не только в области электрификации, но и во всем народном хозяйстве). 1925/26 г. они считали переломным, ибо частичная модернизация отдельных отраслей переросла в широкую реконструкцию всей промышленности; «1925/26 г.,— подчеркивали они,— был первым годом интенсивного нового строительства»²⁴.

Ряд работ был специально посвящен выявлению отличительных особенностей советской промышленности, показу ее коренных преимуществ. Наиболее удачно это сделал О. Куперман²⁵, подробно охарактеризовавший все социально-экономические формы промышленности СССР. Сопоставляя различные уклады — государственный, кооперативный и частнокапиталистический, он убедительно показывает, как социально-экономическая природа предприятий сказывается на их организационном устройстве, на их технической базе и т. п. Вслед за тем автор сравнивал уровень индустриального развития страны 1926 г. с аналогичными показателями за 1913 г. Превосходство социалистической системы хозяйства над капиталистической становилось исключительно наглядным. По меткому выражению экономиста М. И. Боголепова, одного из руководящих работников Госплана того времени, «качественные итоги производства восстановительного периода к 1913 г. при арифметическом их тождестве несравнимы»²⁶.

В целом в 20-е годы исходные рубежи индустриализации СССР изучались весьма широко, во всяком случае более многопланово, чем в последующий период. А. Леонтьев, например, считал нужным поставить вопрос об изменениях в экономике страны, вызванных отделением от нее Прибалтики, Финляндии,

²³ В. Н. Сарабьянов. Итоги восстановительного периода. М.—Л., 1927, стр. 43, 45, 46; он же. Индустриализация страны. М., 1928.

²⁴ М. И. Лейтес, А. Ф. Хавин. Новое промышленное строительство Советского Союза. М.—Л., 1927, стр. 7, 61.

²⁵ О. Куперман. Социально-экономические формы промышленности СССР. М.—Л., 1929.

²⁶ «Плановое хозяйство», 1927, № 11, стр. 30.

Бессарабии, Польши. Используя материалы, опубликованные работниками ЦСУ, он подсчитал: в названных районах до революции было сосредоточено примерно 17,3% фабрично-заводских рабочих и вырабатывалось 18,8% валовой продукции промышленности. Соответствующие показатели для отдельных отраслей колебались (имеется в виду объем производства) от 4,8% по горной, 9,2% по пищевой до 46,2% по шерстяной, почти 37% по кожевенной, 35% по бумажной промышленности и т. д.²⁷

По мнению Е. С. Горфинкеля, потери группы «Б» были несколько большими, нежели урон, понесенный группой «А». В то же время, писал он, население страны к концу 20-х годов превзошло довоенный уровень (на сопоставимой территории) приблизительно на 7—8%. В результате появился дополнительный фактор, влияющий на усиление рыночного спроса²⁸.

К аналогичным выводам, но несколько иным путем приходил Г. Точильников. Подводя итоги капиталистической индустриализации царской России, он подчеркивал, что «...эта индустриализация, развертывавшаяся со значительной быстротой, не охватила в одинаковой степени всех отраслей промышленности». Особенно отставали машиностроение и ряд других первостепенной важности производств. В конце концов «...возник ряд острых диспропорций в народном хозяйстве». Характеризуя их сущность и проявление, автор углублял представление читателя об основных задачах и направлениях промышленного развития СССР в тот период²⁹.

Впоследствии конкретно-исторический подход к освещению трудностей, лучше сказать, к специфике начального этапа социалистической индустриализации, должной поддержки не получил и незаслуженно был забыт. Число подобных примеров увеличить несложно.

В 1929 г. вышла уже названная монография Э. И. Квиринга. Ее автор, выявляя динамику роста первого и второго подразделений промышленного производства, приходил к следующему заключению: в условиях обязательного преимущественного роста тяжелой индустрии возможно временное (в рамках небольших коротких периодов) более быстрое развитие отраслей группы «Б» по сравнению с группой «А»³⁰.

Исследование Э. Квиринга хронологически охватывало лишь первое десятилетие Советской власти. Между тем явление, о котором он писал, имело место в крупной промышленности не только в 1921, 1924, 1925 гг., но и в 1928 г. В 1927 г. темпы роста продукции как в тяжелой, так и в легкой индустрии практически

²⁷ А. Леонтьев. В борьбе за индустриализацию, стр. 81.

²⁸ Е. С. Горфинкель. СССР в системе мирового хозяйства. М., 1929, стр. 145—146.

²⁹ Г. Точильников. Финансы и индустриализация. М., 1929, стр. 16—17

³⁰ Э. И. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР, стр. 121.

совпали. Лишь с 1929 г. группа «А» по темпам своего продвижения стала неуклонно опережать группу «Б». Понятно, что современники начального этапа индустриализации не могли дать всестороннего анализа отмеченных колебаний. Удивительно другое: вопрос, поднятый Э. И. Квирингом, вот уже более 30 лет историками совсем не затрагивается.

Наряду с перечисленной литературой, направленной главным образом на теоретическое обоснование, защиту и разъяснение генерального курса Коммунистической партии на индустриализацию страны, постепенно начали выходить работы, в которых рассказывалось о ходе строительства, развитии новых отраслей промышленности, их географическом размещении, переоборудовании старых заводов и фабрик. Едва ли не первым таким исследованием была упомянутая ранее брошюра М. И. Лейтеса и А. Ф. Хавина, изданная в 1927 г. Три года спустя появились обширные для своего времени фундаментальные труды М. А. Баруна и «Очерки» под редакцией С. В. Минаева, весьма подробно характеризующие реконструкцию и состояние основных фондов крупной промышленности СССР.

Число подобных книг³¹ особенно возросло в начале 30-х годов, когда в центре внимания исследователей, естественно, оказалась борьба за успешное выполнение первого пятилетнего плана. С большим пафосом, оперируя множеством различных цифр и фактов, авторы писали преимущественно о том, как начиналось и каких масштабов достигло тогда великое промышленное строительство в СССР. Значительное место отводили они рассказу о развитии технического базиса промышленности, внедрении новой техники, замене кустарных и мелких производств высокопроизводительным оборудованием. Серьезное внимание при этом уделялось не только важнейшим отраслям тяжелой индустрии, таким, как машиностроение, металлургия, электротехника, химия, топливная база. Актуальным считалось также изучение путей развития предприятий, производящих предметы потребления.

По-прежнему исследовались такие вопросы, как связь и взаимозависимость промышленности и сельского хозяйства, индустриализации и общественного питания. Книги и брошюры А. Д. Курского, Э. И. Павчинского, Ф. Я. Хрущева хорошо

³¹ Э. Ю. Локшин. Промышленность СССР за 15 лет. М., 1932; он же. Промышленность СССР в первой пятилетке. М., 1934; Б. Блинков. Химическая промышленность СССР. М.—Л., 1932; М. Сагурия. 15 лет тяжелой промышленности СССР. М., 1932; Бланк, М. Лапидус, А. Литвак, С. Николаев, Б. Стрижевский, А. Филиппов. СССР индустриальный. М., 1932; Г. Стрельцов. Машиностроение в первой пятилетке. М., 1933; А. И. Гуревич. Победа партии. Черная металлургия к VII съезду Советов СССР. М., 1934; Г. Сахаров, Н. Черная, О. Кабакова. Очерк организации тяжелой промышленности СССР. М., 1934; Н. Ф. Березов. Размещение черной металлургии. М., 1933. П. Н. Иванов. Советская электротехническая промышленность. Очерк развития. М.—Л., 1933.

показывали, как создание высокомеханизированной легкой и пищевой индустрии вело к повышению производительности труда в народном хозяйстве, способствовало сокращению текучести рабочей силы, помогало освобождать для общественного производства новые рабочие руки, прежде всего женщин³².

П. И. Василевский и Е. И. Шлифштейн в «Очерках кустарной промышленности» прослеживали, как Советское государство, осуществляя различные политические, экономические и производственно-технические мероприятия, борется за безболезненный переход всевозможных форм мелкой и кустарной промышленности к более высокой крупной машинизированной индустрии. В отличие от капитализма, при котором аналогичный процесс неизбежно связан с чудовищной эксплуатацией мелких производителей, гибелью людей и предприятий, в условиях социализма, пишут авторы, «проблема мелкой, кустарной промышленности ставится как одна из форм развития производительных сил на кооперативных началах, как одна из форм индустриализации народного хозяйства»³³.

Подробное освещение перечисленные вопросы получили также в литературе, посвященной индустриализации национальных республик и областей. Это, разумеется, не было случайностью. Как отмечалось в 1928 г. в одном из правительственных постановлений по РСФСР, в большинстве автономных республик и областей кустарно-ремесленная промышленность играет не подсобную роль в государственной промышленности, а представляет один из основных видов промышленности и может служить наряду с государственной промышленностью базой для их индустриализации³⁴. Такую же мысль проводили в своих работах и другие авторы. А. Д. Курский, например, писал: «Процесс нового размещения пищевой промышленности в СССР проходил в первой пятилетке на основе превращения ее из полукустарной промышленности в крупную машинную индустрию...». Тот же вывод делал он и при изучении материалов по истории обувной промышленности и т. п.³⁵

Для рассматриваемой нами литературы, вышедшей на рубеже 20—30-х годов, характерна еще одна мысль, четко выраженная в работах по истории индустриализации бывших окраин.

³² Д. Шапиро. Кустарная промышленность и народное хозяйство СССР. М., 1928; А. Курский. Размещение промышленности в первой пятилетке. М.—Л., 1933; Э. И. Павчинский. Общественное питание на службе индустриализации. М., 1931; Ф. Я. Хрущев. От промысла к индустрии (Пищевая промышленность Казахстана). Алма-Ата, 1935.

³³ П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн. Очерки кустарной промышленности. М.—Л., 1930, стр. III.

³⁴ «Кустарная промышленность и промысловая кооперация национальных республик и областей СССР». М., 1928, стр. 241.

³⁵ А. Д. Курский. Размещение промышленности в первой пятилетке, стр. 45, 47.

Анализируя тенденции развития и сдвиги в географическом размещении промышленности, все авторы, как правило, сопоставляли темпы роста обоих подразделений общественного производства в различных республиках. Б. Сегал в 1928 г. писал: «Мы не должны все районы страны стричь под одну гребенку — везде одинаково интенсивно развивать промышленность, везде вести дело так, чтобы тяжелая индустрия развивалась быстрее, чем легкая, чтобы промышленность росла быстрее, чем сельское хозяйство». В одном месте, продолжал он, учитывая природные и исторические условия, надо вести линию на быстрый рост промышленности, в другом (на данном этапе развития) — двигать в первую очередь сельское хозяйство, в третьем — развивать промышленность, налегая на тяжелую индустрию, в четвертом — на легкую и т. д.³⁶

В полном согласии с ним В. С. Мышкис в работе «Темпы индустриализации и обобществления на Украине» утверждал: «Определение пропорции между тяжелой и легкой индустрией устанавливается в масштабе всего Союза, а не одной какой-нибудь республики». Такие задачи, писал он, как освобождение от иностранной зависимости, обеспечение страны сырьем и машинами, стоят перед Советским Союзом в целом³⁷.

Прошло несколько лет, и в 1933 г., основываясь на данных статистики, используя материалы о выполнении первого пятилетнего плана, А. Д. Курский показал, что в ряде районов страны легкая индустрия росла действительно быстрее, чем тяжелая. В Закавказье в 1927—1932 гг. произошло даже увеличение удельного веса валовой продукции, выпускаемой отраслями группы «Б», с 22,6 до 29,4% и соответствующее понижение группы «А»³⁸. Выявленная особенность в значительной степени объяснялась стремлением Советского государства более равномерно расположить на территории страны различные отрасли индустрии, желанием максимально ускорить общий ход промышленного развития СССР и для этого с наибольшей полнотой использовать местные возможности и ресурсы. Подводя некоторые итоги своим наблюдениям, Курский замечал: «Играя важнейшую роль в процессе индустриализации отсталых и национальных районов, более равномерное размещение легкой и пищевой промышленности расширяет организующую роль перерабатывающей промышленности в отношении сельскохозяйственной сырьевой базы в направлении развития специализации сельского хозяйства и использования в земледелии отходов промышленности»³⁹.

³⁶ Б. Сегал. Индустриализация окраин. М. — Л., 1928, стр. 30, 31.

³⁷ В. С. Мышкис. Темпы индустриализации и обобществления на Украине. Харьков, 1930, стр. 3.

³⁸ А. Д. Курский. Размещение промышленности в первой пятилетке, стр. 81.

³⁹ Там же, стр. 43; см. также: А. Хавин. Социалистическая индустриализация национальных республик и областей. М., 1933; Г. Ягудин. Индустриа-

Книги А. Д. Курского, Б. Сегала, А. Ф. Хавина для своего времени были интересны и тем, что в них вскрывалось коренное отличие социалистических принципов размещения производительных сил от буржуазных, прослеживались изменения в расположении различных отраслей промышленности в дореволюционный период и за годы Советской власти, рассматривался вопрос о новом размещении населения, о формировании национальных кадров рабочего класса в связи с индустриализацией.

Факты, таким образом, показывают, что по мере роста индустриальной мощи СССР все более увеличивалась тяга исследователей к глубокому и разностороннему осмысливанию этого процесса. Вслед за известными экономистами, крупными хозяйственниками, которые, строго говоря, не были историками-профессионалами, за перо взялись историки народного хозяйства. Тематика работ расширилась; началось, в частности, порайонное и поотраслевое изучение проблем индустриализации⁴⁰. Этому во многом способствовало принятое в 1929 г. обращение ВСНХ и Центрального бюро краеведения, призывавшее трудящихся активно участвовать в сборе материалов по истории отечественной промышленности⁴¹. В обращении, подписанном председателем ВСНХ В. В. Куйбышевым и председателем Центрального бюро краеведения П. Г. Смидовичем, говорилось: «Новая промышленность должна создать новое социалистическое общество и новые культурные отношения людей. Поэтому углубленное изучение всей промышленности и жизни, ее истории, ее настоящего, путей будущего развития (пятилетка) является очередной задачей нашего культурного строительства»⁴². В том же 1929 г. начали выходить сборники «История пролетариата СССР», в которых уже с первого выпуска существовал отдел «Монографическое изучение фабрик и заводов».

В начале 30-х годов по инициативе А. М. Горького работа по написанию истории отдельных предприятий приняла широкий размах. По замыслу А. М. Горького, дело нужно было «...поставить таким образом, чтобы в результате получилось нечто подобное энциклопедии нашего строительства в его постепенном развитии от возникновения завода до наших дней». «На работе по „Истории заводов“, — писал он в 1931 г., — должны образоваться кадры людей, которые со временем обязаны будут создать... Ин-

лизация Башкирии. Уфа, 1934; В. А. Хонин. Проблемы индустриализации Среднего Поволжья. М., 1930.

⁴⁰ Кроме ранее названных работ, назовем статью П. Степанова «Изучение промышленности Московской области». — «Советское краеведение», 1930, № 7—8.

⁴¹ Г. Я. Тарле. Ранние опыты организации собрания материалов по истории фабрик и заводов. — «История СССР», 1959, № 2.

⁴² «Торгово-промышленная газета», 17 августа 1929 г.

ститут по изучению роста и развития социалистической промышленности в Союзе Советов»⁴³.

Научная общественность живо откликнулась на предложение пролетарского писателя, которое было органически связано с внутренними потребностями советской исторической науки. Недаром на VII Международном конгрессе историков в Варшаве (август 1933 г.) А. М. Панкратова выступила со специальным докладом о значении и первых шагах работы над историей фабрик и заводов. «История таких новых гигантов, как Сталинградский тракторный, как Магнитострой, Днепрострой, Кузбасс и т. п., — отмечала она, — покажет, как разворачивалась классовая борьба вокруг социалистической реконструкции нашей промышленности, как шла борьба за овладение новой техникой, за перделку людей и человеческого сознания»⁴⁴.

Мысль о том, что материалы по истории фабрик и заводов окажут содействие созданию научной истории промышленности и рабочего класса, быстро получила поддержку и признание широкого круга ученых. В стенах Коммунистической академии, на страницах журналов началось обсуждение методических вопросов, связанных с освещением прошлого и настоящего отдельных предприятий, в том числе их роли в развитии отдельных отраслей советской промышленности, в становлении социалистических производственных отношений. «Необходимо, — писал один из исследователей, — изучить развитие нашей индустрии до эпохи первой пятилетки включительно, тщательно прослеживая действующие ныне закономерности и резко противопоставляя социалистическую индустриализацию Советского Союза капиталистической индустриализации на той же территории в эпоху царизма»⁴⁵.

Одновременно ряд авторов сделал попытку нарисовать общую картину успехов промышленного прогресса СССР и охарактеризовать роль индустриализации в построении экономического фундамента социализма. Примечательны сами заголовки таких статей: «Индустриализация СССР к XVI съезду ВКП (б)», «Индустриализация СССР в свете марксовой теории», «Успехи партии на фронте индустриализации и технической реконструкции СССР» и т. п. В каждой из них подчеркивалось принципиальное отличие социалистической индустриализации от капиталистической. При этом особо отмечались следующие черты: сочетание высоких темпов роста производства средств производства с общим быстрым подъемом производства предметов потребления; повышение материального благосостояния трудящихся;

⁴³ «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». Сборник документов и материалов. М., 1959, стр. 28, 37.

⁴⁴ «Борьба классов», 1933, № 10, стр. 72.

⁴⁵ П. Парадизов. О создании научной истории промышленности и рабочего класса СССР. — «Борьба классов», 1934, № 4, стр. 26.

участие города в перестройке сельского хозяйства на коллективных началах; ликвидация экономической и культурной отсталости ранее угнетенных народов в национальных республиках и областях. В печати справедливо указывалось, что все эти процессы происходят не только параллельно, но и взаимно переплетаясь между собой, взаимно обуславливая друг друга, обеспечивая невиданные в мире темпы индустриализации СССР⁴⁶.

В целом высоко оценивая первые шаги исследователей, освещавших начальный этап индустриализации, нельзя, конечно, забывать и о недостатках характеризующей литературы. Прежде всего это узость источниковедческой базы, почти полное игнорирование архивных документов, слабое использование центральной и особенно местной печати. Подобного рода изъяны не были случайной оплошностью. Первыми к накоплению и анализу конкретного материала, отражавшего процесс индустриализации, приступали практики, экономисты и хозяйственники, партийные работники и публицисты. Напомним, что Э. Квиринг, А. Курский, В. Милютин, С. Струмилин, А. Шлихтер и ряд других авторов, будучи экономистами, занимали в те годы ответственные посты в партийном и государственном аппарате; В. Сарбьянов, А. Леонтьев, Э. Локшин были экономистами, вели научную и преподавательскую работу; А. Хавин, М. Лейтес сотрудничали в газете. Вполне понятно, что они не имели возможности всесторонне осветить первые мероприятия по созданию материально-технической базы социализма, тем более что разработка этой тематики по времени совпадала с начальными этапами самой индустриализации.

Не являясь специалистами-историками, они главным образом интересовались результатами наблюдаемых явлений, сопоставлением начальных и конечных показателей процесса, выявлением новых тенденций социалистического строительства, характеристикой закономерностей и особенностей индустриализации в наиболее обобщенном виде. В этом ряду с сильной стороны их исследований, своевременно отвечавших на вопрос, что уже сделано и что предстоит сделать, были и определенные слабости, ибо в тени оставалась другая часть проблемы: как, как и в каком образе достигнуты те или иные показатели и рубежи.

Нельзя не сказать и о том, что в отдельных случаях в пылу полемики авторами допускалась односторонняя, весьма упрощенная постановка некоторых важных вопросов. Так, в 1926 г. Ем. Ярославский утверждал: «Основными источниками, откуда мы можем черпать средства, являются, с одной стороны, концессии, с другой стороны, развитие торговли»⁴⁷. О. Куперман не-

⁴⁶ «Большевик», 1930, № 9; «Плановое хозяйство», 1933, № 3; «Большевик», 1934, № 1.

⁴⁷ «Правда», 22 апреля 1926 г.

сколько преувеличивал возможности концессионных предприятий в их соревновании с государственной промышленностью⁴⁸. А. Фабричный полагал, что партия не дает должного отпора частнику⁴⁹. П. Василевский и Е. Шлифштейн не считали нужным анализировать социально-экономические отношения, проявлявшиеся как в кустарной промышленности, так и в ее связях с государственным сектором⁵⁰. У Г. М. Кржижановского можно найти положение о полукOLONиальной зависимости царской России от западных держав⁵¹.

Серьезный просчет допускал Ю. Ларин. По его мнению, оживление капиталистических элементов в период нэпа было связано в основном с неумением Советского государства наладить товарооборот через рынок⁵². Иначе говоря, он недооценивал рост мелкотоварного производства в период существования многоукладной экономики. Именно этим было главным образом вызвано некоторое развитие капитализма в условиях нэпа, а не только то, что рабочий класс еще не имел достаточного опыта торговли.

Было бы неверно утверждать, будто такие ошибки не снижали теоретического уровня перечисленных работ. К сожалению, снижали и были тем более досадны, что допускались они в спорах, имевших сугубо важное значение как для всей практики социалистического строительства, так и для судеб исторической науки. Достаточно вспомнить остроту прений и классовую подоплеку дискуссий о сущности нэпа, о степени проникновения иностранного капитала в экономику царской России, о роли концессий в переходный период.

На первый взгляд может показаться, что все эти вопросы не имеют прямого отношения к историографии советской индустриализации. Но только на первый взгляд. Ибо применительно к проблемам социалистической индустриализации это были споры об уровне развития материального производства, о наличии в стране материально-технических предпосылок для скорейшего превращения СССР в могучую индустриальную державу.

Развернувшаяся в середине 20-х годов борьба вокруг вопроса о возможности победы социализма в одной стране захватила представителей всех общественных наук и наложила отпечаток на все дискуссии, на всю научную продукцию того времени. На долю историков-марксистов выпала трудная задача: писать, по образному выражению М. Н. Покровского, объяснительную

⁴⁸ О. Куперман. Социально-экономические формы промышленности СССР.

⁴⁹ А. Фабричный. Частный капитал на пороге пятилетки. М., 1930.

⁵⁰ П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн. Очерки кустарной промышленности.

⁵¹ Г. М. Кржижановский. Десять лет хозяйственного строительства СССР.

⁵² Ю. Ларин. Частный капитал в СССР. М.—Л., 1927.

главу к политике⁵³. В таких трудах, да еще в таких условиях «огрехи» были крайне нежелательны.

Особо следует сказать о недочетах, связанных с ранними проявлениями культа личности Сталина, который, как известно, постепенно сложился к 1934 г. Впервые они становятся заметными в статьях и брошюрах, изданных в начале 30-х годов. В отличие от исследовательских трудов Э. Квирина, Г. М. Кржижановского, С. Г. Струмилина, О. Купермана и других авторов, писавших в 1926—1930 гг., в работах, опубликованных после 1931 г., преобладает элемент популяризации. Во многих из них рассказывается уже только или главным образом о достижениях советской экономики. Некоторые исследователи словно забыли о том, что, например, в годы первой пятилетки ряд отраслей промышленности с планом не справился, что в стране существовала карточная система распределения продуктов, что в отдельных случаях плановые предположения оказались необоснованными, что наметилась некоторая диспропорция в развитии тяжелой и легкой индустрии и т. д. Обнаружился схематизм, в соответствии с которым все трудности объяснялись сопротивлением классового врага, действиями троцкистов, правых уклонистов и т. д. Аналитический подход к фактам стал заменяться комментированием различных решений. Иллюстративность и цитатничество начали приобретать права гражданства.

Примечательна в этом отношении книга В. Тетерина «Московские большевики в борьбе за индустриализацию» (М., 1933). Автор ее поставил перед собой благородную цель: живо и доходчиво рассказать о лучших людях столичной промышленности, об изменениях в их трудовой жизни и быту, о превращении Москвы «ситцевой» в Москву индустриальную. Строго говоря, это была первая историко-партийная работа, специально посвященная изучению руководящей роли московской парторганизации в строительстве основ социализма. И хотя автор собрал немало фактов, обобщить их он не смог, исторический процесс как таковой в его очерке отсутствует. Он подменен односторонним перечнем достигнутых за годы первой пятилетки успехов, пересказом многочисленных партийных документов, итоговых цифр, выступлений И. В. Сталина.

Но не эти моменты, свойственные в ту пору далеко не всем работам, определяют собой лицо и ценность рассматриваемой литературы. В целом названные выше исследователи-марксисты оказались на высоте положения. Несмотря на отдельные ошибки, преодолевая различные трудности, они решительно боролись за ленинское понимание проблем социалистической индустриализации, за их глубоко научное и партийное освещение. Усилиями выдающихся практиков и крупных теоретиков было начато

⁵³ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II. М.—Л., 1933, стр. 292.

первоначальное накопление и осмысление материала, который позволял тогда и во многом помогает сегодня изучать борьбу Коммунистической партии и Советского государства за создание основ индустриального могущества СССР. По существу уже на рубеже 20—30-х годов началось освещение истории социалистической индустриализации, наметилась весьма обширная и достаточно обоснованная проблематика, был заложен прочный фундамент для последующей научной деятельности историков.

С тех пор минуло три десятилетия. За эти годы советская историография прошла большой и сложный путь. Простой перечень работ по истории индустриализации составил бы объемистый указатель. Наивысшего размаха и расцвета деятельность исследователей достигла после XX съезда КПСС. В центре и на местах началась публикация документов, появились монографии о промышленном развитии едва ли не всех союзных республик, изданы книги о ведущих отраслях тяжелой индустрии и промышленности в целом, впервые опубликован обобщающий очерк по истории индустриализации. Иначе говоря, по сравнению с тем, что было написано на рубеже 20—30-х годов, сделан громадный шаг вперед⁵⁴.

Вместе с тем знакомство с ныне выходящей литературой показывает, что по ряду вопросов наши историки все еще мало опираются на достижения своих предшественников, а в некоторых случаях даже уступают им. Если мы внимательно посмотрим вышедшие в 1956—1962 гг. работы Э. Ю. Локшина, И. В. Маевского, А. Ф. Хавина, П. М. Лукьянова, Я. С. Розенфельда, К. И. Клименко и др., то ни в одной из них не найдем ссылки на книги Э. И. Квиринга, В. П. Милютина, С. Г. Струмилина, М. А. Баруна, С. Минаева и их коллег, писавших в первые годы индустриализации⁵⁵. А ведь в их работах содержится весьма ценный материал буквально по всем вопросам промышленного строительства той поры, начиная от характеристики основных и оборотных фондов предприятий и кончая собственными подсчетами, показывающими рост рабочего класса, его руководящую роль в жизни страны. Зачем же, спрашивается, отказываться от такого наследия и игнорировать данные, уже давно

⁵⁴ Подробнее о литературе, изданной после XX съезда партии, см.: Г. А. Алексеев, В. С. Лельчук. Некоторые вопросы историографии социалистической индустриализации СССР.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1962.

⁵⁵ Э. Ю. Локшин. Очерк истории промышленности СССР (1917—1940). М., 1956; И. В. Маевский. Тяжелая промышленность СССР в первые годы социалистической индустриализации (1926—1929). М., 1959; П. М. Лукьянов. Краткая история химической промышленности СССР. От возникновения химической промышленности в России до наших дней. М., 1959; «Построение фундамента социалистической экономики в СССР». М., 1960; Я. С. Розенфельд, К. И. Клименко. История машиностроения СССР (с первой половины XIX в. до наших дней). М., 1961; А. Ф. Хавин. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962.

введенные в научный оборот? Думается, совсем не обязательно подменять их, как это делают многие, аналогичными или даже такими же сведениями, собственноручно извлеченными из архивов.

Но дело не только в этом. Существует ряд проблем, изучение которых остановилось на уровне 20-х годов. К тому, что уже отмечалось, достаточно добавить следующее: у нас нет новых исследований о замене мелких и кустарных промыслов крупной машинной индустрией, отсутствуют работы по истории легкой и пищевой промышленности, почти не изучается процесс использования и вытеснения частного капитала, крайне мало внимания уделяется концессионной политике, а также импортно-экспортным связям с капиталистическим миром. Из поля зрения исследователей выпадает не только вопрос о социально-экономических формах промышленности, но и о путях ликвидации безработицы в СССР. Между тем в литературе 20-х годов данная проблематика определилась с достаточной ясностью и для своего времени разрабатывалась весьма интенсивно.

Короче говоря, названные выше работы заслуживают внимания не только как явления историографического порядка. Написанные по горячим следам событий, они помогли партии и народу осмыслить сущность и специфику промышленной революции в СССР. В наши дни, возвращенные из забвения, в котором им пришлось быть в период культа личности, эти работы снова нужны науке. Как тут не вспомнить старинное изречение: «и книги имеют свою судьбу!»

Труды Э. Квиринга, О. Купермана, А. Леонтьева, В. Милютина, С. Струмилина и их товарищей по оружию действительно выдержали суровое испытание времени. Заслуга их авторов тем значительнее, что они не стали дожидаться пресловутой «дистанции», которая позволила бы им увидеть изучаемое явление в целом, от первых до последних его шагов. Будучи современниками индустриализации, они уже у ее истоков выступили активными борцами за победу генеральной линии партии.

Давность лет не умаляет значения раннего опыта изучения первых шагов индустриализации. И для нынешнего поколения ученых он во многом остается образцом правильного понимания актуальности исследования, умения так писать историю современности, как того требуют самые насущные задачи коммунистического строительства.

Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов

(Историография вопроса) *

Советская историческая наука уделяет большое внимание изучению истории Великой Отечественной войны. Обширная литература посвящена, в частности, истории Сопrotивления¹ советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов. Она включает в себя целый ряд исследований и популярных изданий. Велико число воспоминаний участников борьбы. Однако историографическая литература по этой проблеме представлена пока лишь небольшим числом рецензий и обзоров. Думается, что попытка подвести итоги выполненной ранее работы может оказаться полезной, поскольку она позволит выделить пока еще недостаточно изученные аспекты проблемы и тем самым поможет в выборе направлений ее дальнейшей разработки.

Разумеется, в рамках небольшой статьи нет возможности провести всеобъемлющий анализ трудов советских историков о борьбе в тылу немецко-фашистских захватчиков. Это большая тема, требующая специального монографического исследования. Задача данной работы скромнее. Она сводится к тому, чтобы лишь наметить путь, пройденный советской исторической наукой в исследовании такой сложной проблемы, как Сопrotивление.

* Обзор современной исторической литературы о народном Сопrotивлении см. в статье А. М. Самсонова и А. А. Курноскова («Вопросы истории», 1964, № 12).

¹ Термин «народное Сопrotивление», по нашему мнению, шире и полнее формулировки «партизанское движение», принятой в нашей исторической литературе. В Сопrotивление включается не только вооруженная борьба партизан и подпольщиков, но и менее эффективные внешне, хотя и гораздо более массовые формы борьбы — саботаж и т. п. Предлагаемый термин вместе с тем подчеркивает общность народной борьбы в оккупированных районах СССР и движения Сопrotивления в странах Европы. Подробное обоснование см. в выступлении В. И. Клокова, опубликованном в кн.: «Вопросы истории КПСС периода Великой Отечественной войны. (Материалы научной конференции, состоявшейся 28—30 сентября 1959 г. в Киевском ордена Ленина государственном университете им. Т. Г. Шевченко)». Киев, 1961, стр. 290.

Наряду с монографическими работами мы рассмотрим мемуары участников борьбы.

Характеристика мемуарной литературы в историографической статье, на наш взгляд, оправдывается рядом обстоятельств. Первое из них заключается в том, что авторы воспоминаний содействуют формированию научных представлений об истории тех событий, в которых они участвовали, поскольку они излагают не только свой личный опыт, но часто привлекают более или менее значительный круг документальных источников. Многие мемуаристы не только ограничиваются описанием виденного и пережитого, но и стремятся к его осмыслению.

Историографическое значение мемуарной литературы состоит и в том, что в ней раскрываются такие стороны событий, которые, к сожалению, мало привлекают внимание историков: психология участников борьбы, их быт и т. п. Кроме того, вследствие специфической формы описания событий и других присущих им особенностей мемуары нередко оказываются более действенным средством распространения исторических знаний, нежели работы исследовательского и научно-популярного характера.

Наконец, мемуары весьма важны и в своем прямом назначении — как исторические источники, обогащающие документальную базу исследовательской работы.

* * *

Как отметил А. В. Карасев, «в развитии историографии войны более или менее четко вырисовывается три периода: война, от окончания войны до XX съезда партии (1946—1955 гг.) и от XX съезда партии до настоящего времени»². Эта периодизация вполне применима и к историографии народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск.

Начало историографии народного Сопротивления относится ко времени Великой Отечественной войны, когда вышли в свет первые брошюры и статьи о партизанской войне и подполье³. Важнейшими их особенностями были публицистичность, политическая заостренность. Проблематика включала такие вопросы, как боевые действия партизан и подпольщиков, героизм и самоотверженность участников борьбы, бесчеловечная оккупационная политика гитлеровцев. В брошюрах И. И. Минца и

² А. В. Карасев. Разработка истории Великой Отечественной войны.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сборник статей. М., 1962, стр. 511.

³ И. И. Минц. Партизанская война. М., 1941; М. Н. Никитин. Партизанская война в Ленинградской области. М., 1943; П. К. Пономаренко. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. М., 1943; Р. Сидельский. Борьба советских партизан против фашистских захватчиков. М., 1944; Б. Волин. Всенародная партизанская война. М., 1942.

Б. М. Волина значительное место уделялось вопросу о влиянии традиций народной борьбы в справедливых войнах прошлого на партизанское движение в период Великой Отечественной войны. Впоследствии эта интересная тема перестала привлекать внимание историков. Круг источников, использованных при создании первых работ о партизанском движении, был очень ограничен. Тем не менее некоторые опубликованные в них данные сохраняли свое значение и для историков послевоенного десятилетия. В частности, содержащиеся в работе П. К. Пономаренко сведения о потерях, понесенных немецко-фашистской армией за два года партизанской войны, и о количестве войск, брошенных гитлеровцами против партизан, были единственными обобщающими, хотя и не полными цифрами, которыми длительное время оперировали советские историки. Историкографическое значение публицистических произведений военных лет определяется тем, что в них были намечены некоторые основы концепции народного Сопrotивления, полнее разработанной в исторической литературе последующих периодов. Особенно был важен тезис о закономерности и народном характере партизанской войны, развитый в этих произведениях и четко сформулированный М. И. Калининым: «Партизанское движение — народно. Политически оно тесно связано со всеми трудящимися Советского Союза. Оно вырастает из простого наглядного сопоставления народом фашистского режима с советским строем, где советский гражданин чувствовал и чувствует себя хозяином»⁴.

М. И. Калинин определил и политическую роль партизан: «Партизаны — это как бы представители Советской власти во вражеском тылу; в лице партизан сельское и городское население временно оккупированных районов видит Советскую власть, а в соответствии с этим укрепляется дух борьбы, растет уверенность, что немцы будут изгнаны»⁵. Эти и другие положения утвердились в послевоенной исторической литературе и органически вошли в представления о природе и значении партизанской войны.

Мемуарная литература развивалась в годы войны в тесной связи с публицистикой. Она специфическими средствами решала ту же задачу политической и моральной мобилизации масс на борьбу с врагом. Поэтому понятна насыщенность воспоминаний пропагандой подвига, самопожертвования во имя победы⁶. В воспоминаниях о героях-партизанах авторы исходили не из

⁴ М. И. Калинин. О партизанской борьбе.— «Партийное строительство», 1942, № 9—10, стр. 38—39.

⁵ М. И. Калинин. Речь при вручении орденов партизанам.— «Правда», 18 марта 1942 г.

⁶ П. К. Игнатов. Братья Игнатовы. М., 1944; Л. Космодемьянская. Моя Зоя. Воспоминания матери о комсомолке-партизанке. М., 1942.

тезиса об исключительности их подвига, а из представления о герое как о простом советском человеке и о подвиге как норме поведения в борьбе с фашизмом. Этой же позиции придерживались мемуаристы и впоследствии. Тема героизма переплеталась в воспоминаниях с темой ненависти к врагу. В этом отношении воспоминания были близки по своей направленности к публицистике.

Некоторые из мемуаров, созданных еще в годы войны (П. К. Игнатова, С. А. Ковпака)⁷, лишь с относительно небольшими изменениями вошли в более полные воспоминания тех же авторов, опубликованные в послевоенный период. При этом они не кажутся какими-то инородными включениями в позднейший текст, а органически вливаются в него. Из этого, видимо, следует, что корни традиции мемуаристики о партизанской борьбе следует искать в воспоминаниях, написанных по горячим следам событий.

Итак, главная особенность исторической литературы о народном Сопротивлении, относящейся к военному времени, заключается прежде всего в ее публицистичности, а значение — в первоначальном накоплении фактов и в создании некоторых основ будущей исторической концепции. Но отражая преимущественно героику борьбы в тылу врага, эта литература не раскрывала многие другие важнейшие стороны борьбы — тактику партизан, систему их организации, снабжения и руководства, борьбу подпольщиков и т. д. Такое состояние литературы было обусловлено прежде всего спецификой обстановки и конкретных задач.

Возможности использования многих фактов и данных ограничивались естественной в тех условиях зашифровкой имен, географических названий, отсутствием датировки событий и т. п. Не последнюю роль играло и отсутствие документальных материалов.

* * *

Второй период развития историографии народного Сопротивления может быть ограничен рамками послевоенного десятилетия. Изучение истории Сопротивления, как и многих других проблем, проходило в это время в очень неблагоприятной обстановке, обусловленной культом личности Сталина. Пагубно сказывалось неременное требование «показать роль И. В. Сталина». Теоретическое осмысление материала было заменено толкованием сталинских цитат, которые иллюстрировались и «подкреплялись» произвольно подобранными фактами.

Доступ в архивы был ограничен.

⁷ П. К. Игн а т о в. Записки партизана. М., 1944; С. А. К о в п а к. Поход в Карпаты. М., 1944.

Некоторую роль в освоении источников сыграли немногочисленные документальные публикации⁸. Но их составители часто руководствовались отнюдь не наилучшими принципами отбора и передачи документов, широко применяя иллюстративность, публикацию документов в отрывках. Значительное, а подчас преобладающее место в сборниках занимали перепечатки материалов прессы, в том числе широко доступных газет. Весьма немногочисленные документальные публикации дополнялись изданиями источников личного происхождения: писем, дневников, мемуаров и т. п.⁹ Таким образом, доступные историкам материалы ни в коей мере не удовлетворяли минимальных потребностей исследования. Имело значение и то обстоятельство, что многие источники не были тогда еще собраны, систематизированы и, следовательно, доступны для изучения. Так, В. П. Самсон заметил, что к моменту написания его работы (1947 г.)¹⁰ наиболее значительное собрание материалов о народной борьбе в Латвии — фонд республиканского штаба партизанского движения — было далеко не полно. В фонде было очень мало документов о событиях 1941—1942 гг., о народной борьбе в Курземе и Риге. Кроме того, архивы оккупационных учреждений были частью уничтожены гитлеровцами, частью распылены по всей Латвии. Многие материалы остались у бывших партизан и подпольщиков¹¹. Насколько узка была база исследований, показывает круг материалов, послуживших основой для разделов о партизанском движении в «Очерках истории Великой Отечественной войны», изданных Институтом истории Академии наук СССР в 1955 г.¹² В них нет ни одной ссылки на архивы. В качестве источников названы периодическая печать («Правда», «Советская Белоруссия»), «Блокнот агитатора Красной Армии», упоминавшаяся выше работа П. К. Пономаренко, книга М. И. Калинина «О коммунистическом воспитании», мемуары А. Ф. Федорова и С. А. Ковпака. Большинство сведений фактического характера, приведенных в книге без сносок, содержится в опубликованных до 1955 г. материалах: мемуарных источниках, отчетах о сессиях

⁸ М. Абрамов. Большевистские газеты в тылу врага. Сборник материалов из подпольных газет Ленинградской области в период немецкой оккупации. Л., 1946; «Житомирщина в период тимчасової окупації німецько-фашистськими загарбниками. 1941—1944 рр.» Житомир, 1948; «Боротьба трудящих Львівщини проти німецько-фашистських загарбників (1941—1944 рр.)». Львів, 1949; «Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза», т. 2. Одесса, 1949.

⁹ М. Попудренко. Щоденник. Київ, 1949; С. В. Руднев. Щоденник про Карпатський рейд. Київ, 1948.

¹⁰ В. П. Самсон. Партизанское движение в Северной Латвии в годы Великой Отечественной войны (Исторический очерк). Рига, 1951, стр. 4.

¹¹ Там же, стр. 5.

¹² «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» М., 1955, стр. 136—144, 281—290.

Верховных Советов УССР и БССР, прессе военного времени и др. Таков же характер источниковедческой базы разделов о партизанском движении в ряде других работ общего характера¹³. Естественными следствиями этого были крайне ограниченный круг опубликованных в этих изданиях фактов, иллюстративность, подчас бездоказательность отдельных важных тезисов, отсутствие обобщенных данных о состоянии партизанского движения на различных этапах войны.

Большую роль в научном исследовании истории народного Сопrotивления сыграли в тот период диссертационные работы. В подавляющем большинстве они посвящались народной борьбе в пределах какой-либо области или партизанской зоны, истории отдельных соединений¹⁴. В работе над диссертациями определился круг историков, посвятивших себя изучению данной проблематики. В большинстве своем это были участники партизанского движения, лучше обеспеченные источниками, чем другие ученые. Специфика их работ, в том числе и диссертационных, во многом определялась указанным обстоятельством. В частности, локализация исследования во многих случаях была предопределена именно этим субъективным фактором.

В послевоенные годы были опубликованы первые работы исследовательского характера. Это книги В. П. Самсона о партизанском движении в Северной Латвии, П. Р. Шевердалкина о ленинградских партизанах, И. С. Кравченко о подпольной партийной печати в Белоруссии¹⁵ и относительно небольшое число статей в научных журналах и трудах институтов¹⁶.

Яркие работы, в которых ощущалось стремление продолжить развитие исторической концепции народного Сопrotивления,—

¹³ Ф. Д. Воробьев, В. М. Кравцов. Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Краткий очерк. М., 1954; С. Голиков. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1954.

¹⁴ Г. А. Куманев, Ю. К. Стрижков, В. Б. Тельпуховский. СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945). Указатель диссертаций и авторефератов. М., 1961, стр. 18—23. Из 63 названных в указателе работ, защищенных в 1946—1955 гг., 50 написаны по материалам отдельных областей, зон и соединений, четыре посвящены народной борьбе в Молдавии, Карело-Финской ССР, Литве и Латвии, в семи рассматриваются отдельные аспекты народной войны на территории Украины и Белоруссии и только темы двух диссертаций не ограничены локально.

¹⁵ В. П. Самсон. Указ. соч.; П. Р. Шевердалкин. Ленинградские партизаны. Л., 1947; И. С. Краучанка. Подпольны бальшавицькі друг у Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Мінск, 1950. Мы рассматриваем лишь литературу на русском, украинском и белорусском языках.

¹⁶ А. К. Буцик. Всенародный характер партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1944).— «Наукові записки Київськ. держ. ун-ту». т. II, вып. 2. Київ, 1952. Ист. сборник. № 3, стр. 89—102; П. Д. Индиченко. Борьба украинского радянского крестьянства против гитлеровской земельной реформы в период Великой Вітчизняної війни (1941—1944 рр.).— «Праці Київськ. держ. ун-ту». Київ, 1954, № 1, стр. 78—104.

книги В. П. Самсона и П. Р. Шевердалкина — были созданы в первые два-три послевоенных года, когда общественную мысль не заглушили еще репрессии конца 40-х — начала 50-х годов. Их авторы исходили из представления об обусловленности партизанского движения всем комплексом факторов. Так, В. П. Самсон указал на причины относительно медленного развития вооруженной партизанской борьбы в Северной Латвии в 1941—1942 гг. Они заключались в быстрой оккупации этой территории, отсутствии заранее подготовленной системы подпольных и партизанских организаций, нарушении связей с советским тылом. Другая группа причин была связана с особыми социальными и политическими условиями в республике, которая лишь незадолго до начала войны вошла в Советский Союз.

Такой подход, предполагающий конкретный анализ объективных условий, повлиявших на развитие исследуемого явления, позволил Самсону объяснить общий ход народного Сопротивления и показать взаимосвязь отдельных его фактов и событий. Существенно, что автор разработал периодизацию партизанского движения, в основу которой им был положен главный признак — степень участия в борьбе народных масс. Таким образом, историографическое значение работы В. П. Самсона определяется не только новыми фактами, введенными в оборот (в тех условиях их подбор не мог быть полон), но и разработкой действительно научного подхода к изучаемой проблеме.

В основном историческая литература того времени была представлена поверхностными научно-популярными брошюрами или краткими очерками в общих работах по истории Великой Отечественной войны. Взятая в целом, она едва ли могла удовлетворить интерес читателей к борьбе советских партизан. Тем большим было историографическое значение многочисленных произведений мемуарной литературы¹⁷.

Об их характере можно судить, например, по книге секретаря Черниговского и Волынского подпольных обкомов, командира соединения А. Ф. Федорова. В ней показана подготовка народной борьбы еще до оккупации территории Черниговщины, в частности работа ЦК КП(б) Украины и обкома. Тем самым раскрывались принципы организации подполья и партизанских отрядов в первые месяцы войны. Автор широко показывает деятельность подпольщиков и партизан — боевую, политическую, организационную. Она, однако, отражается в мемуарах не изолированно, а во взаимосвязи с положением населения оккупированных районов. Показана автором и оккупационная политика гитлеровцев.

¹⁷ В послевоенное десятилетие вышло в свет более 30 отдельных книг воспоминаний участников партизанского движения, а также ряд журнальных публикаций. Значительное число мемуарных источников о партизанском движении издано в документальных и смешанных литературно-художественных сборниках.

Основная тема книги — народное Сопротивление — раскрывается А. Ф. Федоровым многогранно. Он рассказывает о деятельности подпольных партийных органов, о различных формах и способах борьбы, ее тактике и т. д. Осмысление большого круга фактов, известных автору, приводило его к важным обобщениям теоретического характера. Он, в частности, выступил против концепции обусловленности Сопротивления жестокостями фашистов. А. Ф. Федоров противопоставил этому тезис об организационно-политической деятельности партии как главной предпосылке народной борьбы в тылу врага^{17 а}. Для мемуаров А. Ф. Федорова характерно описание событий в их противоречивости. Рассматривая развитие Сопротивления как поступательный процесс, автор вместе с тем показывает и трудности, преодолевшие коммунистами. Он отмечает ошибки некоторых из них, как частные, так и более общего характера. То же самое может быть сказано и о многих других произведениях мемуарной литературы, в частности в книгах В. А. Андреева, П. П. Вершигоры, В. И. Козлова. Мемуаристы сообщают, например, о том, что приписываемая борьбе советских людей в тылу врага организованность и монолитность не возникли автоматически, как прямое следствие общественного строя нашей страны. Будучи обусловлены им, эти характерные особенности стали реальностью в результате непрерывной и настойчивой деятельности партии. То обстоятельство, что мемуаристы констатировали существование в Сопротивлении внутренних противоречий, отличало их произведения от работ большинства историков послевоенного десятилетия, которые тогда были лишены возможности исследовать и обобщить эти кажущиеся случайными «нетипичные» факты. (Слишком часты были тогда надуманные обвинения в буржуазном объективизме и прочих грехах.)

Освещение народной борьбы в тылу гитлеровцев во всей ее сложности было особенно характерно для мемуаров, изданных в 1945—1948 гг. Работы, опубликованные позднее, кажутся в этом отношении более ограниченными. Показательна судьба воспоминаний П. П. Вершигоры. Начатые изданием в 1945 г., они в начале 50-х годов были существенно переработаны под влиянием резкой критики, в том числе и в печати. Из них были устранены некоторые эпизоды, отражавшие противоречивые моменты истории партизанской войны, а также суждения и оценки критического характера¹⁸. В последних, правда, проявлялась подчас субъективная и несколько односторонняя позиция автора. Но она тем не менее представляла определенный интерес,

^{17а} А. Ф. Федоров. Подпольный обком действует. Литературная запись Евг. Босняцкого. М., 1954, стр. 272.

¹⁸ Ср. соответственно: П. П. Вершигора. Люди с чистой совестью. М., 1948, стр. 22, 36—37, 41—43, 46—47; 1952, стр. 17—18, 28—31, 35, 38 и др.

поскольку отражала взгляды не одного только П. П. Вершигоры. Такого же рода изменения заметны при сравнении мемуаров В. И. Ливенцева с его же устными воспоминаниями, записанными в 1944 г.¹⁹

Мемуаристы были в партизанских отрядах и подпольных организациях, действовавших на территории Украины, Белоруссии, Крыма, Смоленской, Орловской и других областей РСФСР, Прибалтики. С различной полнотой осветили они историю создания, развития и борьбы нескольких десятков формирований, разбросанных по основным очагам народного Сопротивления. Но взятая в целом, мемуарная литература ввела в научный оборот большое число фактов, которые, хотя и не всегда, были представлены авторами во взаимосвязи, получали известную оценку и в определенной степени обобщались. Так, С. А. Ковпак, П. П. Вершигора, А. Ф. Федоров значительное внимание уделили обоснованию рейдовой тактики партизанских соединений. Г. М. Линьков показал возможности местных, «оседлых» отрядов. Мемуаристика сочетала в себе большой познавательный материал с сильным эмоциональным воздействием на читателя. В воспоминаниях А. Ф. Федорова, П. П. Вершигоры, Д. Н. Медведева, И. А. Козлова, В. А. Андреева и других авторов описание боевой и политической деятельности народных мстителей часто включало в себя литературные портреты руководителей и рядовых участников борьбы, детальное изображение их поведения, поступков, раскрывавших внутренний мир партизан и самого автора. Литературная одаренность мемуаристов (П. П. Вершигоры, И. А. Козлова) и содружество их с писателями, осуществлявшими литературную запись воспоминаний (А. Ф. Федорова с Е. Босняцким, С. А. Ковпака с Е. Герасимовым и т. д.), позволили использовать средства художественной выразительности. Эти книги выпускались массовыми тиражами, многократно переиздавались²⁰, что делало их доступными самому широкому кругу читателей. Можно сказать, что мемуарная литература в тот период была главным источником, из которого читатели черпали сведения о борьбе в тылу врага.

Таким образом, в послевоенное десятилетие литература о народном Сопротивлении сделала лишь первые шаги в своем развитии. Для нее было характерно преобладание мемуаров,

¹⁹ Ср. «Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР», р. II, оп. 4, д. 65а, и В. И. Ливенцев. Партизанский край. Литературная запись Г. Нехай. Л., 1950.

²⁰ Только два из многочисленных изданий воспоминаний П. П. Вершигоры вышли общим тиражом 225 тыс. экз., книга А. Ф. Федорова выпущена в 1954 г. издательством «Молодая гвардия» тиражом 105 тыс. экз. Тираж единственного издания книги П. Р. Швердалкина 10 тыс. экз., а В. П. Самсона — только 3 тыс. экз.

которые при всех своих достоинствах не могли заменить фундаментальных научных исследований. Чрезмерно затянувшийся этап первоначального накопления и обобщения фактов был обусловлен крайне неблагоприятной для исследовательской работы обстановкой.

* * *

Глубокие перемены в жизни нашего народа после XX съезда КПСС особенно благотворно сказались на работах по истории советского общества, в том числе истории Великой Отечественной войны. Значительно оживилась исследовательская работа и по истории народного Сопrotивления в тылу немецко-фашистских оккупантов. Этому способствовало воссоздание атмосферы научного творчества, проявлениями чего стали многочисленные встречи советских историков, международные научные конференции и т. д. Если за первое послевоенное десятилетие было издано лишь 4—5 крупных работ о партизанской войне, то после XX съезда КПСС вышло в свет свыше 20 книг и большое число статей. Значительно пополнилась научно-популярная литература, опубликовано много новых мемуаров. Очевидный даже из чисто количественных данных прогресс в исследовательской работе по данной проблеме был во многом основан на привлечении более широкого, чем ранее, круга источников. Прежде из директивных документов историкам были доступны лишь приказы, опубликованные в брошюре Сталина «О Великой Отечественной войне». Кроме них, в литературе встречалось лишь глухое упоминание о приказе Верховного Главнокомандующего от 5 сентября 1942 г. Теперь в научный оборот был введен ряд документов центральных партийных и государственных органов, в частности директивы ЦК партии от 29 июня и 18 июля 1941 г., следствием чего был отказ от принятой прежде традиции связывать начало партизанской войны с выступлением Сталина 3 июля 1941 г. Появилась возможность хотя бы в общих чертах показать развитие системы учреждений, руководивших борьбой в тылу врага. Прежде в литературе назывались созданные в 1942 г. Центральный и республиканские штабы партизанского движения, но ничего не было известно о существовавших до того органах при ЦК ВКП(б) и различных армейских штабах²¹.

²¹ М. Рудаков. Роль военных советов фронтов и армий в руководстве боевыми действиями партизан в годы Великой Отечественной войны. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 7, стр. 3—14. Отметим, что опубликованные до сих пор документы директивных инстанций исчисляются единицами. Большинство историков не имеет доступа к таким важнейшим комплексам источников, как фонд Центрального штаба партизанского движения и др. Поэтому они вынуждены довольствоваться материалами, так или иначе отраженным» в многотомнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза», авторский коллектив которого находится в более выгодном положении.

Гораздо шире были введены в историческую литературу документы Центральных Комитетов республиканских компартий: ряд постановлений и других документов ЦК КП(б) Белоруссии, ЦК КП(б) Украины и т. д.²² На основании этих материалов была освещена деятельность указанных партийных органов, сыгравших выдающуюся роль в развертывании народного Сопротивления оккупантам. Особенно характерны для источниковедческой базы современных исследований документальные материалы местных партийных органов, различных партизанских формирований, подпольных организаций. Эти источники представлены в документальных сборниках и других публикациях, выполненных, как правило, областными архивными органами²³. В отличие от подобных изданий раннего периода в сборниках, вышедших в свет после XX съезда КПСС, преобладает разного рода оперативная и отчетная документация. К сожалению, во многих из них все еще широко применяется иллюстративный метод отбора источников и передачи текста, в частности публикация в извлечениях. Документальная база исследований состоит также из разнообразных источников, исходящих от оккупантов, опубликованных в советских²⁴ и иностранных изданиях. Наконец, благодаря значительно расширившимся культурным связям с заграницей советские историки смогли познакомиться с источниками по истории европейского движения Сопротивления, что, несомненно, расширило их научный кругозор, позволило полнее осмыслить ход народной борьбы на оккупированной территории СССР.

Значительное расширение документальной базы исследования, однако, до сих пор не сочеталось с систематической источниковедческой разработкой введенных в научный оборот материалов о партизанском движении и борьбе подпольщиков. При почти полном отсутствии специальных работ в этой области собственно исторические исследования, как правило, лишены даже

²² П. П. Липило. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959, стр. 3, 37, 95—96, 115—117; I. C. Краўчэнка. Работа Кампарты Беларусі ў тылу ворага (1941—1944). Мінск, 1959, стр. 9, 19, 22, 34; Н. И. Супруненко. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1944). Киев, 1956, стр. 202, 291, 292.

²³ «Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)». Сборник материалов и документов. Орел, 1960; «Курская область в период Великой Отечественной войны». Сборник документов и материалов. Курск, 1960; «Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)». Сборник документов. Запорожье, 1960; «Народные мстители». М., 1961; «Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины (1941—1943 гг.)». Документы и материалы. Смоленск, 1962.

²⁴ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах. М., 1957—1961; «Фашистского палача к ответу!». Документы о преступлениях Адольфа Хойзингера против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. М., 1962

самых кратких обзоров источников²⁵. Анализ и критика последних редко встречаются в тексте.

Ликвидация партией культа личности освободила творческую мысль ученых-историков и открыла возможности теоретического осмысления событий прошлого. Стремление раскрыть сущность Сопrotивления особенно заметно в новейшей литературе. Потребность в четкой формулировке общей концепции Сопrotивления советские историки особенно остро почувствовали после того, как получили возможность ознакомиться с сочинениями буржуазных авторов, создавших разного рода идеалистические, анти-советские по своему политическому содержанию схемы.

Различные концепции буржуазных историков имеют общую исходную позицию, которая состоит в том, что народные массы не признаются субъектом активного, политически осознанного выступления. В лучшем случае борьба партизан и подпольщиков рассматривается как анархическое движение против любой власти (Д. Рейтлинджер). Гораздо шире распространены в буржуазной историографии представления о Сопrotивлении как прямом следствии «крайностей» и «ошибок» оккупационной политики (В. Ределиз, Э. Хауэлл и др.). Такая схема является попыткой убить двух зайцев одним выстрелом. Во-первых, отрицается преданность советских людей идеям коммунизма и социалистическому строю и утверждается мысль о возможности путем «умной» и «гибкой» политики добиться внутреннего распада советского общества. Во-вторых, вся ответственность за зверства, за гибель миллионов людей и даже за поражение Германии возлагается на кучку мертвецов с целью реабилитации германского милитаризма в целом.

Наконец, на Западе имеет хождение и такое объяснение борьбы советских людей, согласно которому она была искусственно вызвана коммунистами, создававшими партизанские отряды путем насильственной мобилизации населения и сознательно провоцировавшими репрессии оккупационных властей против мирных жителей. В такой постановке вопроса особенно ярко проявляется общее для буржуазной историографии противопоставление Коммунистической партии народу.

Разоблачению ложных представлений о природе народного Сопrotивления в СССР специально посвящен ряд работ, в основном статей историко-публицистического характера. Наряду с ними критика буржуазных концепций ведется и в монографических исследованиях. Однако главную роль в борьбе против концепций буржуазных историков имеют позитивные выводы советских исследователей, основанные на изучении конкретного фактического материала. В этом отношении выделяются разделы о

²⁵ Лишь мемуарным источникам посвящено небольшое число работ, наиболее значительной из которых является литературоведческое исследование М. И. Новиковой «Мемуары и жизнь» (Симферополь, 1957).

народной борьбе в многоотомной «Истории Великой Отечественной войны». «Это было движение миллионов, вызванное к жизни справедливым, освободительным характером войны, в огне которой решалась судьба социалистического государства, судьба самого народа. Источниками этого могучего движения являлись: победивший в нашей стране новый общественно-политический строй и создавшиеся на его основе морально-политическое единство и дружба народов Советского Союза, нерушимый союз рабочих и крестьян, пламенный советский патриотизм. Вдохновителем и организатором героической борьбы в тылу врага была Коммунистическая партия»²⁶. Эта формулировка обобщает выводы вышедшей ранее советской исторической литературы и широкий круг фактов, почерпнутых из документов центральных и местных партийных, государственных и военных учреждений. Подробное изложение советской концепции народного Сопrotивления содержится, в частности, в статье И. И. Слинько, опубликованной в «Украинском историческом журнале»²⁷. Основными факторами, определившими силу партизанского движения, автор считает «пламенный советский патриотизм трудящихся и их преданность социалистической Родине, Коммунистической партии». Первостепенное значение имело то, что вдохновителем, организатором и руководителем народной войны была Коммунистическая партия. Важнейшую роль играли морально-политическое единство и дружба народов СССР, которые могли возникнуть только в условиях советского общественного и государственного строя.

Наряду с перечисленными главными факторами действовали и иные, усиливавшие размах и активность партизанского движения: боевые успехи Красной Армии и взаимодействие с ней партизанских отрядов; географическая среда; связь с советским тылом; участие в борьбе военнослужащих, оставшихся на оккупированной территории; революционные традиции советского народа. Партизанское движение стимулировалось также и человеконенавистнической оккупационной политикой гитлеровцев.

После XX съезда начинается освобождение исторической науки от дурных традиций периода культа личности Сталина. Стремление показать события во всей их сложности стало проявляться в ряде работ советских историков и мемуаристов²⁸. В них показана, в частности, борьба партизан и подпольщиков против различных националистических, власовских и иных

²⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 119.

²⁷ И. И. Слинько. Джерела сили партизанського руху.— «Український історичний журнал», 1962, № 3, стр. 40—47.

²⁸ В. Е. Лобанок. В боях за Родину. Минск, 1961, стр. 184—206; Л. Е. Кизя. Народні месники. Львів, 1961, стр. 27—28, 36—46; П. П. Липло. Указ. соч., стр. 149—150; Н. И. Супруненко. Указ. соч., стр. 138—140.

антисоветских формирований. Ранее эта тема искусственно исключалась из исследований, если не считать книги В. П. Самсона, и весьма скупо отражалась в мемуарной литературе. В работах последнего периода несколько изменилось освещение действий оккупантов против партизан. Разумеется, основное в их характеристике — зверское уничтожение мирного населения, разнужданные грабежи, иезуитские методы управления оккупированными районами и т. п. — не нуждалось в пересмотре. Множество новых фактов, опубликованных после XX съезда, лишь с еще большей полнотой раскрыло изуверское лицо фашизма. Но более объективной стала оценка эффективности антипартизанских операций, проводившихся гитлеровцами. (В послевоенной историографии она основывалась на известном тезисе Сталина о неспособности немецкого военного руководства к творчеству и импровизации, а также на сложившейся в годы войны традиции подчеркивать слабые стороны вражеской армии.) П. Р. Шервердалкин, например, показал, что некоторые карательные операции гитлеровцев, особенно в первый период войны, приводили к гибели партизанских формирований или прекращению их деятельности в тылу врага²⁹. Как серьезное испытание боевых и морально-политических качеств народных мстителей характеризуются в современной советской литературе крупные карательные экспедиции, проведенные гитлеровцами против белорусских и брянских партизан в 1943—1944 гг. Признание силы врага не умаляет, но лишь подчеркивает величие подвига, совершенного участниками народного Спротивления оккупантам. Однако отголоски прежней тенденции подчас ощущаются и в современной исторической литературе. Они проявляются, в частности, в односторонних оценках ряда событий, чем иногда объясняется отсутствие глубокого анализа сильных и слабых сторон различных форм и методов борьбы в тылу врага.

Проблематика исследований советских историков во многом определена особенностями современного периода развития исторической науки, обусловленным в свою очередь разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС и новой концепцией истории Великой Отечественной войны. В соответствии с ней «победа советского народа в Отечественной войне была обеспечена не военным гением одного лица, а коллективными усилиями Коммунистической партии, Советского правительства, героической Советской Армии — ее полководцев и доблестных воинов, всего советского народа»³⁰.

²⁹ П. Р. Шервердалкин. Партизанская война на Новгородской земле. Новгород, 1957, стр. 21, 40, 62, 94; он же. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959, стр. 88—97.

³⁰ Е. А. Болтин. Некоторые проблемы разработки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов в СССР. — «Проблемы истории второй мировой войны». М., 1959, стр. 399.

До XX съезда КПСС в научной литературе освещались лишь отдельные фрагменты истории народного Сопротивления немецко-фашистским оккупантам. Историками не был освоен колоссальный массив источников.

В таких условиях исключалось создание обобщающих трудов, содержащих полную картину этого сложного общественного явления и раскрывавших внутренние закономерности его развития. Решению этой задачи должно было предшествовать описание множества разнообразных фактов истории Сопротивления. Поэтому исследование развивалось индуктивным путем — от частного к общему. Оно велось в двух направлениях: «локальном» и «проблемном». Для первого из них было характерно создание монографий о народной борьбе на какой-либо определенной территории: в оккупированных гитлеровцами советских республиках, областях, районах, городах и т. д. Для второго типичным являлось изучение тех или иных важных аспектов истории Сопротивления на основе не ограниченного в территориальном отношении круга фактов. До недавнего времени, безусловно, преобладали работы локального характера. Это объяснялось тем, что историки уже располагали к началу третьего периода известным опытом написания таких исследований, накопленным в процессе создания диссертаций и монографий, вышедших в свет за послевоенное десятилетие. Вместе с тем они могли опираться на доступные, компактные и сложившиеся естественным путем массивы источников — фонды республиканских и областных штабов партизанского движения, местных партийных органов и т. п. В этих материалах отразились многие важные стороны истории народной борьбы на данной территории, которые и воспроизводились в трудах историков.

Проблематика «локальных» исследований определялась спецификой местных условий, особыми научными интересами авторов и т. п. Однако некоторые вопросы освещались почти в каждой работе. Частично совпадал и подход авторов к теме. В их книгах история народного Сопротивления в оккупированных областях и республиках раскрывалась в динамике, с момента зарождения до освобождения соответствующих территорий советскими войсками.

Общим для многих авторов было стремление создать объемную многоплановую картину народной борьбы и показать ее главные проявления во внутренней взаимозависимости. Вместе с тем Сопротивление рассматривалось как органическая часть Великой Отечественной войны, исследовалась его обусловленность событиями на фронтах, процессом укрепления советского тыла, политической и экономической обстановкой на оккупированной территории.

Одной из первых книг такого рода была монография Н. И. Супруненко об истории Украины в период Великой Отече-

ственной войны³¹. Центральное место в ней занимает исследование истории народного Сопротивления за линией фронта. Автор показал, что громадную роль в возникновении и развитии всенародного антифашистского движения сыграла политическая и организационная деятельность Коммунистической партии. Большое место Н. И. Супруненко отводит описанию различных форм Сопротивления: саботажа, действий подпольщиков и партизан и т. д. Им прослежены развитие этих форм, их соотношение и взаимосвязь на разных этапах войны. Особенно внимательно Н. И. Супруненко исследует действия партизан — наиболее активных борцов против захватчиков. В книге рассматриваются также положение народных масс и оккупационная политика гитлеровцев. Народное Сопротивление показано Н. И. Супруненко в связи с ходом борьбы на фронтах. Им раскрывается также самоотверженный труд украинцев в советском тылу и при восстановлении экономики республики после ее освобождения.

Проблематика монографии В. И. Клокова, И. Т. Кулика и И. И. Слинько³² во многом сходна с работой Н. И. Супруненко. Основное место отведено ими описанию партизанской войны и борьбы подпольщиков на оккупированной территории Украины. В книге показаны расширение масштабов партизанского движения, развитие его организационных форм, укрепление связей партизан с населением. Анализируется эволюция направлений и методов боевых действий.

В 1959 г. в Минске вышли две монографии, посвященные деятельности белорусских коммунистов в тылу врага³³. Авторы — П. П. Липило и И. С. Кравченко — показывают развитие системы партийных подпольных организаций и партизанских формирований в республике, основные направления и методы работы коммунистов за линией фронта, руководство их борьбой со стороны Компартии Белоруссии и большую помощь, оказанную им из советского тыла.

К этим монографиям близки по постановке темы многочисленные работы об участии в Сопротивлении комсомольцев и молодежи. Это книги и брошюры Р. Абловой о борьбе белорусской молодежи, П. Т. Тронько о комсомольцах Украины, А. М. Виршулиса о молодых подпольщиках Каунаса и др.³⁴

Место этих трудов в историографии проблемы народного Сопротивления определяется прежде всего богатством содержащегося в них фактического материала, в значительной степени впервые введенного в научный оборот.

³¹ Н. И. Супруненко. Указ. соч.

³² В. Клоков, І. Кулик, І. Слінько. Народна боротьба на Україні в роки Великої Вітчизняної війни. Київ, 1957.

³³ П. П. Липило. Указ. соч.; І. С. Краўчанка. Работа Кампарты Беларусі ў тылу ворага.

³⁴ Р. Аблова. Это было в Белоруссии. М., 1957; П. Тронько. Бес- смертие юных. М., 1958; А. Виршулис. Путь героев. М., 1959.

Широкое отражение нашло народное Сопротивление в многочисленных исследованиях, ограниченных пределами областей, зон, городов или посвященных истории отдельных партизанских формирований и подпольных организаций. Одна из самых значительных работ такого рода — книга П. Р. Шевердалкина о борьбе ленинградских партизан³⁵. Круг рассматриваемых в ней вопросов в основном совпадает с проблематикой монографии Н. И. Супруненко. Автором изучены политическая и организационная деятельность ленинградской областной партийной организации в тылу гитлеровцев, положение народных масс на оккупированной территории, развитие партизанского движения, подполья и других форм Сопротивления от первых отрядов и групп до всенародного вооруженного восстания, вспыхнувшего на территории Ленинградской области в 1943 г. Подробно исследуются боевые действия партизан на разных этапах борьбы. Книга П. Р. Шевердалкина о ленинградских партизанах значительно отличается от его работы на ту же тему, опубликованной в 1947 г. Существенное расширение фактического материала заметно в первых разделах новой книги. В них вместо беглой характеристики первого периода народной борьбы содержится более подробное описание событий. Показаны успехи, но не обойдены и трудности, вызвавшие временное ослабление партизанской войны. Гораздо более полно представлены и события 1943—1944 гг. Прежде ход борьбы был дан иллюстративно, на примере 5-й ленинградской бригады. Во второй монографии охарактеризованы действия каждой из 13 бригад. Это дало возможность автору проанализировать специфику развития Сопротивления в различных районах области. Оценка результатов борьбы дается не только по советским источникам, но и по документам германского командования, что придает выводам автора большую доказательность.

В последние годы ряд близких по проблематике работ создан украинскими историками. Борьбе киевлян посвящена книга К. Дубины³⁶, в которой раскрываются особенности Сопротивления в самом крупном из оккупированных советских городов. О народной борьбе в условиях промышленного Донбасса рассказывается в книге Г. Я. Емченко³⁷.

Весьма многогранно отражена история народного Сопротивления в работе Л. Е. Кизи, в которой автор использовал в основном материалы, относящиеся к Ровенской области³⁸. В этой книге показана специфика политического и экономического по-

³⁵ П. Р. Шевердалкин. Героическая борьба ленинградских партизан

³⁶ К. Дубина. В годы тяжелых испытаний. Киев, 1962.

³⁷ Г. Емченко. Годы суровых испытаний. Из истории партийных организаций Донбасса в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Луганск, 1961.

³⁸ Л. Е. Кизия. Указ. соч

ложения и особенности развития народной борьбы против оккупантов в западных районах Украины. Тем самым был заполнен существенный пробел в исторической литературе о партизанской войне.

Деятельность коммунистов в тылу врага, вооруженная борьба партизан и подпольщиков и их взаимодействие с регулярными советскими войсками в сложных условиях Крыма воспроизводятся в работе Е. Н. Шамко³⁹.

Изучение истории партизанского движения интенсивно ведется белорусскими историками. Институтом истории ЦК КПБ издан сборник о партизанской войне в республике, в котором напечатаны работы организаторов и активных участников борьбы⁴⁰. Статьи содержат многоплановую характеристику развития партизанского движения в каждой из областей республики: в них рассматриваются боевая и политическая деятельность партизан и подпольщиков, их связь с народными массами, организаторская работа местных органов КПБ и их руководство борьбой народных масс. Значительный интерес представляют заключительные статьи сборника о работе Белорусского штаба партизанского движения, о роли радиосвязи в партизанской войне и непосредственном взаимодействии белорусских партизан с Советской Армией. Статьи, опубликованные в этом издании, отчасти отражают личный опыт авторов, что до некоторой степени сближает их с воспоминаниями. Однако среди их первоисточников преобладают разнообразные служебные документы. Кроме этого сборника, в Белоруссии опубликована монография В. Е. Лобанка о борьбе витебских партизан⁴¹.

Результаты «локальных» исследований истории Сопrotивления в компактном виде представлены в сборнике «Советские партизаны»⁴². В нем партизанская война показана в масштабах всей оккупированной территории Советского Союза путем публикации в одном издании различных по своему научному уровню работ. В сборнике напечатаны статьи о борьбе партизан и подпольщиков Ленинградской, Калининской, Смоленской,

³⁹ Е. Ш а м к о. Партизанское движение в Крыму в 1941—1944 гг. Симферополь, 1959.

⁴⁰ «Партызанская барацьба беларускага народа ў гады Вялікай Айчынай вайны». Зборнік успамінаў і артыкулаў арганізатараў і актыўных удзельнікаў партызанскай вайны супроць нямецка-фашысцкіх захопнікаў ў гады Вялікай Айчынай вайны. Мінск, 1959. В 1963 г. выпущен русский перевод сборника под названием «Непокоренная Белоруссия. Воспоминания и статьи о всенародном партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». М., 1963.

⁴¹ В. Е. Л о б а н о к. Партизаны Витебщины в боях за Родину. Минск, 1959; он же. В боях за Родину.

⁴² «Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны». М., 1961. Второе исправленное и дополненное издание вышло в свет в 1963 г.

Орловской, Московской областей, Белоруссии, Украины, Крыма, Латвии, Литвы и Карелии. Лишь две работы (И. Г. Старина и В. И. Клокова) не ограничены территориально. Они посвящены борьбе партизан на вражеских коммуникациях и международным связям советских партизан. Многие из статей сборника написаны авторами названных ранее монографий и по существу являются их экстрактом. Это работы П. Р. Швердалкина, В. И. Клокова и Л. Е. Кизи, И. С. Кравченко, П. Т. Тронько, Е. Н. Шамко и некоторых других авторов. Наряду с ними в издание включены и оригинальные произведения.

Понятно, что при различном подходе авторов к исследуемому явлению определенная составителями задача издания — дать читателю возможность «представить общую картину и уяснить значение партизанского движения и подпольной борьбы»⁴³ — реализуется не в полной мере. Однако даже такое соединение в одной книге «локальных» исследований позволяет сделать некоторые предварительные заключения о закономерностях истории народного Сопrotивления в СССР. Материалы сборника убедительно свидетельствуют о том, что повсюду главной движущей силой Сопrotивления был советский патриотизм, определивший позицию народных масс. Общим для всего Сопrotивления была его монолитность, обусловленная единством политических идеалов советских людей, а также безраздельным влиянием Коммунистической партии, благодаря которому была достигнута неизвестная прежде организованность и согласованность всех форм народной борьбы. К сожалению, эта важная особенность советского Сопrotивления показана далеко не полно из-за того, что как в этом издании, так и в литературе в целом не отражено руководство борьбой в тылу гитлеровцев со стороны ЦК партии, Центрального штаба партизанского движения и других центральных государственных и военных органов.

Наряду с общими чертами народной борьбы сборник позволяет представить и местную специфику развития Сопrotивления. В частности, становится понятной его зависимость от социальных и политических условий данного района. Этими факторами вызваны особенности развития и форм борьбы в Прибалтике, в западных областях Украины и Белоруссии, отличавшимися от Сопrotивления в других советских республиках и областях. Заметна специфика партизанского движения и подполья в прифронтовых районах, особенно очевидная в Ленинградской области и в Крыму, где борьба шла в тылу гитлеровских войск, долгое время осаждавших Ленинград и Севастополь. Ясна, кроме того, зависимость развития Сопrotивления от времени и продолжительности оккупации, а также от географических условий. По-видимому, объяснение различий в масштабах, формах и

⁴³ Там же, стр. 10.

направлениях народной борьбы против оккупантов заключается в неодинаковых сочетаниях перечисленных факторов.

«Проблемное» направление историографии Сопrotивления представлено пока значительно меньшим числом монографий. Среди них выделяются работы А. И. Залесского, прежде всего его последняя книга о подвиге советского крестьянства в тылу врага⁴⁴. Как нам кажется, в этом труде отчетливо проявились новые тенденции в исследовании проблем Сопrotивления. Поэтому на его характеристике целесообразно остановиться более обстоятельно.

Книга А. И. Залесского посвящена жизни и борьбе колхозного крестьянства на оккупированной гитлеровцами советской земле. Автор в своем исследовании рассматривает борьбу крестьян за сохранение колхозной и государственной собственности, судьбу колхозов в тылу врага, производственную деятельность, общественный и домашний быт населения оккупированных районов, народную помощь партизанам. На первый взгляд кажется, что все это, кроме, может быть, последнего, имеет лишь отдаленное отношение к истории народного Сопrotивления. Но в действительности и стремление укрыть от оккупантов колхозное имущество, и попытки сохранить колхозы, а после их роспуска поддерживать традиции коллективизма, и упорное сопротивление попыткам захватчиков ввести «общинное устройство», и сохранение социалистических норм общественного и семейного быта — все это различные, притом наиболее массовые формы народного Сопrotивления, охватившие практически все население захваченных фашистами районов. Вместе с тем это и среда, в которой только и было возможно широкое развитие вооруженной борьбы партизан и подпольщиков. Ценность книги А. И. Залесского определяется и тем, что в ней исследуются особенности экономического положения трудящихся на всей оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза. Автор широко использует ранее изданные труды историков, опубликованные источники и мемуарную литературу, а также архивные документы. В этом отношении его работа подготовлена всем развитием советской историографии.

В этой книге собственно историческое исследование, как и в ранней монографии А. И. Залесского⁴⁵, обогащается материалами этнографического исследования. Проявившийся в книге А. И. Залесского интерес к социальной природе Сопrotивления заметен и в некоторых других работах.

Другой важной проблемой народного Сопrotивления, к разработке которой приступили советские историки, является его

⁴⁴ А. И. Залесский. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941—1944). М., 1962.

⁴⁵ А. І. Залескі. Быт беларускіх еялян у партызанскім краі. Мінск, 1960.

связь с общеевропейским антифашистским движением Сопротивления. Здесь прежде всего следует отметить работы В. И. Клокова, особенно его книгу о борьбе славянских народов против фашизма⁴⁶. В ней параллельно раскрывается развитие Сопротивления в годы второй мировой войны в СССР, Югославии, Чехословакии, Болгарии, Польше. Книга содержит богатый материал для сравнения, следствием которого может быть определение общих качеств и особенностей изучаемого явления, предопределенных спецификой социальных и политических условий в каждом из государств. Интернациональные связи советских партизан — одна из главных тем монографии И. А. Петерса о содружестве советского и чехословацкого народов в борьбе против фашизма⁴⁷.

Итак, историческая литература о народном Сопротивлении весьма разнообразна. Она включает труды «локального» и «проблемного» характера, в которых освещены различные фрагменты и аспекты борьбы за линией фронта. Но исследовательская работа не привела пока еще к созданию обобщающего труда, в котором содержалась бы полная картина истории Сопротивления захватчикам, раскрывались общие закономерности его развития и на основе сравнительного изучения устанавливались особенности отдельных районов.

Правда, первой попыткой создания такого труда можно считать соответствующие главы и разделы многотомной «Истории Великой Отечественной войны».

Материалы, опубликованные во 2—4 томах, позволяют проследить развитие народной борьбы в целом и различных ее форм от зарождения летом 1941 г. до окончания в 1944 г. Исключительно важны сводные данные о размахе партизанского движения на разных этапах войны. Ранее в литературе такие сведения почти не встречались, и представление о состоянии партизанской борьбы основывалось на разрозненных и не всегда сопоставимых сообщениях о численности народных мстителей в отдельных республиках и областях. То же может быть сказано и о такой важной стороне проблемы, как помощь Сопротивлению из советского тыла. Важной особенностью «Истории Великой Отечественной войны» является то, что в ней относительно более полно показано руководство народной борьбой со стороны ЦК партии, Верховного Главнокомандования и Центрального штаба партизанского движения. Благодаря использованию в издании не публиковавшихся прежде документов этих органов устанавливается связь многих фактов, которые казались прежде

⁴⁶ В. И. Клоков. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961; он же. Плечом к плечу. — «Советские партизаны», стр. 764—830.

⁴⁷ I. A. Петерс. Співдружність чехословацького і радянського народів у боротьбі проти фашизму в роки другої світової війни. Київ, 1959.

не зависимыми друг от друга. Значение глав и разделов о Сопrotивлении советского народа состоит и в том, что в них более четко и обоснованно, чем в ранних исследованиях, определяется соотношение различных его форм и проявлений. В частности, показана теснейшая связь партизан и подпольщиков. Неодинаковые методы, применявшиеся ими, соответствовали специфике задач и обстановки и дополняли друг друга. Так же решен вопрос о соотношении рейдовых и местных партизанских отрядов и соединений.

Благодаря тому, что в других разделах многотомника показаны борьба на фронтах и общее положение Советского государства — экономика, внешняя политика и т. д., — понятным становится место партизанского движения и деятельности подпольщиков в антифашистской борьбе Советского Союза. К сожалению, зависимость между действиями партизан, регулярных войск, состоянием советского тыла устанавливается не всегда. Поэтому создается впечатление как бы параллельных линий развития борьбы во вражеском тылу, на фронтах и т. д. Часто не отмечается и влияние оккупационной политики гитлеровцев на Сопrotивление. Она представлена в своих общих типичных проявлениях и до некоторой степени изолированно.

При всех своих достоинствах, однако, главы из «Истории Великой Отечественной войны» не могут заменить фундаментальной «Истории народного Сопrotивления в годы Великой Отечественной войны».

В развитии мемуарной литературы после XX съезда КПСС можно проследить многие из явлений, отмеченных в обзоре исследований. За эти годы она пополнилась значительным числом новых воспоминаний участников народного Сопrotивления, вышедших в свет в виде самостоятельных изданий или опубликованных в тематических сборниках и журналах. Вышли и продолжения мемуаров, первые книги которых изданы были ранее. Общее число воспоминаний о борьбе в тылу врага достигло теперь нескольких сот названий⁴⁸. Бурный рост партизанской мемуарной литературы был обусловлен возросшим интересом общественности к событиям Великой Отечественной войны в связи с развернувшейся после XX съезда КПСС борьбой против культа личности Сталина.

Это нашло свое выражение, в частности, в выпуске Воениздатом многотомной серии «Военные мемуары», в ряде изданий Советского комитета ветеранов войны, а также в том вни-

⁴⁸ «История советского общества в воспоминаниях современников 1917—1957». Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958, «Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 гг.)». Библиография советской исторической литературы 1946—1959 г. М., 1960; «Гісторыя БССР» Тэматычны паказальнік савецкай літаратуры (1945—1958). Мінск, 1959.

мании, которое проявляли военные историки, литературоведы и широкие читательские круги к изданным воспоминаниям и к обсуждениям различных проблем этого жанра на совещаниях, научных и читательских конференциях, в специальных работах.

Расширилась тематика мемуаров участников партизанской борьбы и подполья. Значительное их число было написано борцами Сопrotивления «за колючей проволокой» — бывшими узниками концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных, что связано с ликвидацией несправедливости в отношении к этим мужественным людям. Подобно тому, как исследователями стал проявляться интерес к вопросу о месте советского партизанского движения в европейском антифашистском Сопrotивлении, стали выходить издания мемуарного характера, специально посвященные интернациональным связям советских партизан⁴⁹. Как и историки, мемуаристы получили большие возможности объективного освещения воссоздаваемых ими событий. Это заметно, например, при сопоставлении разных изданий одной и той же книги. Так, В. И. Ливенцев, опубликовавший в 1956 г. второе издание своих воспоминаний (первое вышло в свет в 1950 г.), дополнил его сведениями о военной и политической обстановке в районе действий Первой Бобруйской партизанской бригады, выделил в специальный раздел описание работы коммунистов-подпольщиков, возглавленных Бобруйским райкомом партии. В новом издании содержится более полная характеристика трудностей, с которыми сталкивалось партизанское движение, а также критика недостатков некоторых партизанских формирований.

Понятно, что с быстрым ростом исследовательской литературы по истории народного Сопrotивления до некоторой степени изменились роль и функции мемуаров. Прежде всего они перестали быть практически единственно доступным широкому кругу читателей источником знаний о народном Сопrotивлении, разделив свою прежнюю монополию с исследованиями. Кроме того, значительный рост исследовательских работ о Сопrotивлении привел к известному пересмотру отношения к мемуаристике. Если прежде она предназначалась главным образом для широкого круга читателей, то теперь при публикации целого ряда источников учитываются также интересы исторической науки. Внешне это выражается в том, что воспоминания печатаются не только в литературно-художественных, но и в специальных издательствах, выпускающих военную, политическую, социально-экономическую литературу.

⁴⁹ «О чем не говорилось в сводках. Воспоминания участников движения Сопrotивления». М., 1962; «Бойова співдружність». Збірник спогадів радянських і чехословацьких партизанів. Київ, 1960.

Наряду с изданиями, подчас приближающимися к исследованиям, в новейшей мемуаристике продолжает развиваться и прежняя традиция воспоминаний, предназначенных для массового читателя.

* * *

Итак, историки с помощью участников народного Сопротивления добились известных успехов в изучении борьбы советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов. Ими опубликован и систематизирован громадный по объему фактический материал, в результате чего стало возможным создание истории Сопротивления в большинстве захваченных гитлеровцами районов СССР. Сделаны первые попытки синтеза истории народной войны за линией фронта в масштабах всей оккупированной советской территории. Внимание авторов исторических и мемуарных сочинений сосредоточено на таких важных сторонах проблемы, как роль коммунистов в организации и руководстве борьбой в тылу у гитлеровцев, связи партизан с народными массами и с советским тылом, их боевые действия против оккупантов. Охарактеризованы основные формы народного Сопротивления, причем внимание исследователей привлекает преимущественно вооруженная борьба партизан и подпольщиков. Гораздо менее изучено экономическое и моральное сопротивление, т. е. саботаж на предприятиях, в сельском хозяйстве, отказ от сотрудничества с захватчиками, разнообразные проявления нелояльности по отношению к ним и другие массовые и весьма эффективные формы борьбы. С точки зрения хронологии полнее отражены в исторической литературе события 1943—1944 гг. Ранние этапы развития народного Сопротивления (1941—1942 гг.) известны в меньшей степени. Все отчетливее выявляются историками и мемуаристами международные связи советских партизан: участие в их борьбе антифашистов из порабожденных нацистами стран Европы, сотрудничество советских людей с борцами движения Сопротивления в Чехословакии, Югославии, Польше, Франции, Италии.

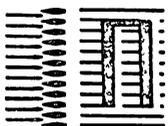
Однако история Сопротивления на оккупированной гитлеровцами советской земле воссоздана еще далеко не полно. Мало исследована деятельность центральных партийных и государственных органов по организации борьбы народных масс в тылу врага. Почти не изучена психология участников Сопротивления. Не вполне ясными кажутся его внутренние закономерности. В частности, ждут еще исследователей такие проблемы, как соотношение стихийности и организованности в народной борьбе, ее специфика в различных районах, социальный состав участников Сопротивления. В «локальных» исторических работах очень ограниченно применяется сравнительный анализ. Он используется преимущественно при описании развития борьбы во

времени, но лишь в редких случаях делаются попытки сравнения народной борьбы в разных областях, республиках, районах, различающихся своими природными, экономическими и иными условиями. Еще более редкими и робкими являются попытки сопоставления Сопротивления на оккупированной советской территории с борьбой патриотов в поработанных гитлеровцами европейских странах. Между тем такой метод позволил бы не только представить относительную мощь Сопротивления в каждом из районов и государств, но и способствовал бы выяснению общих и частных связей и закономерностей и их проявлений в различных условиях.

Слабо разработаны многие смежные с историей Сопротивления проблемы, в частности, оккупационная политика гитлеровцев, экономическое положение населения и др. В результате кажется мало изученной та среда, в которой возникло и развивалось Сопротивление. Необходимость исследования названных проблем и аспектов истории Сопротивления советских людей нацистским захватчикам очевидна. Без них невозможны глубокое понимание и объяснение этого сложного исторического явления.

Московское декабрьское восстание 1905 г. в исторической литературе

1

Первой политической битвой рабочего класса против самодержавия была Октябрьская всеобщая политическая стачка. Декабрьские вооруженные восстания были второй битвой пролетариата — битвой высшего типа. И хотя первая оказалась победоносной, ибо царь вынужден был сделать существенные уступки народу, а вторая закончилась поражением, именно ее опыт сыграл более значительную роль в деле последующей борьбы и победы пролетариата, в подготовке и организации победоносного Октябрьского восстания 1917 г. Вооруженные схватки были революционной школой для всего народа. «До вооруженного восстания в декабре 1905 года,— писал В. И. Ленин,— народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплуататорами. После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году...»¹

Вот почему так важно и так необходимо дальнейшее всестороннее изучение истории декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. А для этого прежде всего необходимо знать, что до сих пор сделано исторической наукой в изучении этих восстаний. В настоящей статье автор ставит задачу подвести некоторые итоги изучения самого крупного восстания 1905 г.— Московского.

* * *

Декабрьские восстания наиболее рельефно обнаружили коренные расхождения между революционным и оппортунистическим крылом РСДРП по вопросу о тактике пролетариата в буржуазно-демократической революции. Неслучайно вокруг оценки первой революции и особенно оценки вооруженных вос-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 386—387.

станий развернулась ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. Большевики отстаивали и проводили в жизнь революционную тактику пролетариата, давали высокую оценку этому восстанию, стремясь усвоить его уроки для будущей победы; меньшевики осуждали революционные методы борьбы, отмежевывались от восстания, игнорировали его опыт.

Политическая и идейно-теоретическая борьба вокруг оценки восстания и революции в целом была продолжением той борьбы, которая велась в ходе революции. Но после поражения революции обстановка резко изменилась. Правильность позиций различных классов и партий была проверена в огне вооруженной борьбы, активными действиями масс в революции. Это было решающим фактом для оценки верности того или иного течения общественно-политической мысли.

Рассмотрим некоторые моменты борьбы вокруг оценки вооруженных восстаний в период между двумя революциями.

Уже в конце декабря 1905 г. В. И. Ленин, отметив, что «...московские события были лишь одним из самых рельефных выражений «течения», прорвавшегося во всех концах России», сделал из этих событий первые выводы: «Будем смотреть прямо в лицо действительности. Теперь предстоит новая работа усвоения и переработки опыта последних форм борьбы, работа подготовки и организации сил в главнейших центрах движения»². Этот мотив — усвоение опыта вооруженной борьбы — все настойчивее звучал в последующих ленинских статьях, посвященных восстанию. В. И. Ленин вскрыл оппортунистическую сущность меньшевистской оценки событий, изобличил ренегатский тезис Плеханова о том, что «не нужно было и браться за оружие». Наоборот, подчеркивал В. И. Ленин, «...нужно было браться за оружие, ибо иначе движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания...»³

В январе 1906 г. московские большевики с целью разъяснения итогов и опыта восстания издали сборник статей о Московском восстании, назвав его «Текущим моментом». В статьях сборника давалась правильная оценка декабрьской битвы пролетариата, участию в ней городской мелкой буржуазии, контрреволюционным действиям буржуазии, излагались основные факты вооруженной борьбы. Этот сборник был первым большевистским изданием, освещавшим Московское декабрьское восстание. По свидетельству И. И. Степанова, В. И. Ленин высоко оценивал эту книгу: «был в восторге от нашего сборника „Текущий момент“...»⁴

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 151.

³ Там же, стр. 177.

⁴ И. Степанов. От революции к революции. М., 1925, стр. 11. Автор встречался с В. И. Лениным в Москве в феврале или марте 1906 г.

Накануне IV объединительного съезда РСДРП меньшевики изложили свои оппортунистические взгляды на восстание в сборнике «Итоги и перспективы». Статьи этого сборника пронизаны ренегатским духом отрицания необходимости восстания, отрицанием великого значения декабрьского опыта и осуждением революционной тактики большевиков. Плехановскую формулу «не надо было братья за оружие» можно было бы поставить эпиграфом ко всему сборнику.

Один из авторов названного сборника, З. Ленский, в статье «К вопросу о формах пролетарской борьбы» пытался доказать, что в декабрьские дни главную роль играло не восстание, а стачка, поэтому де надо собирать и тщательно изучать опыт не восстания, а декабрьской стачки. Он отрицал массовость вооруженного восстания, противопоставляя ему массовость стачки. Весь смысл рассуждений меньшевистского публициста сводился к тому, что не следует выдвигать насильственных методов борьбы в виде вооруженного восстания, а надо действовать путем мирной стачки, ибо только она даст победу рабочему классу. Так сразу же после поражения Московского восстания наметились две основные оценки опыта декабря и соответственно две тактики в дальнейшей борьбе. Наиболее рельефно эти две позиции определились на IV объединительном съезде РСДРП. Здесь особенно остро развернулась борьба по вопросу о вооруженном восстании. Меньшевики по-прежнему отрицали гегемонию пролетариата в революции, хотя опыт всего 1905 г. показал руководящую роль рабочего класса в революции; они отрицали реальность борьбы масс и признавали «реальность» думской трибуны как основного способа борьбы. Отвечая на их призывы «учесть обстановку», В. И. Ленин писал: «Не рабски следовать моменту должны мы; это будет оппортунизм. Мы должны обдумывать более глубокие причины событий и более далекие последствия нашей тактики»⁵.

Меньшевики не давали прямых и ясных ответов на острые вопросы, поставленные революцией, старались замаскировать свой оппортунизм. Они пытались увести делегатов съезда от политической оценки восстания, избегали анализировать конкретную массовую вооруженную борьбу рабочих. Изобличая такие маневры меньшевиков, В. И. Ленин писал: «Именно в нашей резолюции восстание выступает не как заговорщический призыв, не как вопрос техники, а как *политический результат* вполне конкретной исторической действительности, созданной октябрьскою забастовкой, обещанием свобод, попыткой отнять их и борьбой за их защиту»⁶. Резолюция меньшевиков о вос-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 33.

⁶ Там же, стр. 51.

станции была проникнута духом уже упоминавшегося плехановского тезиса «не надо было братья за оружие».

Таким образом, две различные позиции нашли теперь свое выражение в официальных документах партии.

Идейная борьба продолжалась и после съезда. Разногласия все более углублялись. Летом 1906 г. московские меньшевики издали книгу «Москва в декабре 1905 г.» Вынужденные привести немало важных фактов вооруженной борьбы рабочих на улицах Москвы, меньшевистские авторы сделали в то же время оппортунистические выводы из героической борьбы московского пролетариата, стремясь принизить эту борьбу в духе кадетских публицистов. Авторы этой книги выступили против большевистского сборника «Текущий момент». Из сопоставления этих книг видно, какая острая борьба развертывалась между большевиками и меньшевиками вокруг вопроса об оценке Московского вооруженного восстания.

В книге «Москва в декабре 1905 г.» утверждалось, что в вооруженной борьбе в Москве будто бы не участвовали широкие массы, что баррикады «совершенно не защищались» и что собственно даже самого восстания как такового не было. «Буржуазная пресса утверждает, что в Москве подавлено восстание. Мы же скажем, что в Москве его совсем не было»⁷. Далее говорится, что стремление перевести всеобщую стачку в восстание «не могло увенчаться успехом и должно быть признано исторической ошибкой»⁸. Таковы выводы меньшевистских «историков» Московского восстания. Эти выводы не имели под собой никакой фактической основы. Более того, они опровергались фактами, приводимыми в самой же меньшевистской книге.

В оценке Московского восстания меньшевики по существу перепевали мотивы кадетов. Еще в конце декабря один из лидеров последних, П. Струве, писал о Московском восстании: «В Москве не было вооруженного восстания населения, были столкновения отдельных, относительно весьма немногочисленных групп населения с полицией и войсками, были бутафорские баррикады, воздвигнутые «революционной» интеллигенцией в союзе с терроризированными дворниками и увлеченными уличными мальчишками...»⁹ Около месяца спустя тот же Струве назвал Московское восстание «квази-восстанием»¹⁰, призывая власти установить порядок. Из сказанного видно, что кадеты также отрицали самый факт восстания в Москве. Кадетский журнал «Русская мысль» в январе 1906 г. опубликовал обзор, в котором подробно остановился на Московском восстании. Заявив о своем отрицательном отношении к восстанию как беспо-

⁷ «Москва в декабре 1905 г.» М., 1906, стр. 245.

⁸ Там же, стр. 246.

⁹ «Полярная звезда», 30 декабря 1905 г.

¹⁰ «Полярная звезда», 19 января 1906 г.

лезному пролитию крови, журнал обвинял «крайние партии» за их призывы к восстанию.

С осуждением восстания выступил и лидер кадетов П. Н. Милюков. Декабрьскую стачку он считал несвоевременной и выгодной правительству Витте¹¹. О контрреволюционной позиции кадетов свидетельствуют и документы, опубликованные в советское время. Так, в протоколах заседания ЦК кадетской партии за 7—21 декабря 1905 г. говорится не только об отрицательном отношении к стачке и восстанию, но и вносятся предложения о вступлении в «переговоры с Дубасовым»¹² — этим палачом московских рабочих.

Гениальным историографом первой русской революции был В. И. Ленин. Ему принадлежит глубокий и всесторонний анализ ее основных событий, в том числе и вооруженного восстания. При этом все его работы отличаются острой критикой прогивников марксистского отношения к революции; его удары прежде всего были направлены против меньшевиков.

В связи с выходом книги «Москва в декабре 1905 г.» В. И. Ленин написал статью «Уроки московского восстания», дав в ней всестороннюю его оценку. Вслед за этим он опубликовал статью «Руки прочь!», в которой разоблачил меньшевистские попытки опорочить Московское восстание, показал всю ничтожность, пошлость и мизерность их выводов в сравнении с величием фактов героической борьбы московских рабочих. В. И. Ленин подверг глубочайшему анализу ход и итоги восстания, смело вскрыл недостатки и ошибки руководства им и в то же время разоблачил ренегатские утверждения меньшевиков о несвоевременности и ненужности восстания. Из анализа восстания В. И. Ленин сделал решающие выводы для будущего — как более правильно и умело руководить восстанием.

Взгляды В. И. Ленина на исторический опыт первой русской революции и вооруженное восстание складывались и развивались на всем протяжении межреволюционного периода. Они выковывались в решительной борьбе против всяческих врагов марксизма. Особенно интенсивно шла «переработка опыта» в эпоху реакции, ибо такие эпохи в истории всегда порождают активную работу мысли, теоретическую разработку проблем, поставленных перед общественной наукой предшествующей революционной эпохой.

Анализируя два периода — 1905—1907 и 1907—1910 гг., В. И. Ленин показывал совершенно различную обстановку в каждом из них и формулировал различные задачи, диктуемые соответствующей обстановкой. «Диалектика исторического развития оказалась такова, — отмечает В. И. Ленин, — что в первый

¹¹ П. М и л ю к о в. Год борьбы. СПб., 1906, стр. 170, 174.

¹² «Красный архив», 1931, № 3(46), стр. 53—54.

период на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов»¹³.

Вместе с тем поражение революции требовало от марксистов определенных выводов в отношении дальнейших действий, определения тактической линии в новых условиях. А без правильного анализа уроков революции и создавшейся обстановки после ее поражения нельзя было наметить новую политику. В статье «К оценке русской революции», написанной весной 1908 г., В. И. Ленин показывал, в каком именно смысле следует оценивать уроки революции и какие задачи вытекают из ее исторического опыта. «Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, — пишет он, — в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов»¹⁴.

Так великий вождь революции в условиях начала реакции ставил вопрос об усвоении опыта революции. Он писал об этом опыте, особенно об опыте вооруженных восстаний и ранее. Но когда вставали новые задачи, когда появилась целая группа ренегатствующих публицистов, стремившихся извратить смысл великой борьбы масс в революции, В. И. Ленин считал особенно важным правильно оценить опыт «великих 3-х лет».

Интерес В. И. Ленина к истории первой русской революции был настолько велик, что он готовил о ней специальную работу, о чем писал в статье «О статистике стачек». Эта статья представляла собой, по словам В. И. Ленина, «первый приступ к делу». В 1908 г. он ставил вопрос перед историками-большевиками о необходимости написания двухтомной истории революции, указывая, что должно быть дано правдивое освещение всех событий революции в противовес тенденциозной меньшевистской историографии. Свои предложения В. И. Ленин сформулировал в письме к М. Н. Покровскому с просьбой разработать проспект указанного двухтомника¹⁵. Но составленный Покровским проспект оказался неудовлетворительным, дело заглохло: отвлекли другие важные задачи.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 87.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 50.

¹⁵ М. Н. Покровский и др. Значение революции 1905 г. Л., 1925, стр. 3.

Борьба за правдивое марксистское освещение истории первой революции была тогда борьбой за подготовку партии и масс к неизбежной в будущем новой революции, борьбой за чистоту марксистской идеологии, против всяческих оппортунистов и ревизионистов. Но борьба эта была нелегкой. Как уже отмечалось, после поражения революции реакция охватила все стороны общественной жизни, в том числе и общественную мысль. Реакционеры при всесторонней поддержке царской власти клеветали на революцию, обливали ее грязью, порочили революционных деятелей. К этому хору хулителей революции присоединились либеральные публицисты под благовидным предлогом их собственного «освоения опыта» революции. С либеральными врагами революции и марксизма перекликались различного рода ренегаты и оппортунисты, заявлявшие о необходимости внести «изменения» и «дополнения» в марксизм.

В такой обстановке революционные марксисты во главе с В. И. Лениным решительно выступили против всех этих течений, отстаивая основы марксизма, защищая все стороны этого великого учения. Именно в период реакции развернулась всесторонняя работа, снова осмысливались коренные вопросы жизни общества, вопросы борьбы классов в эпоху революции и в эпоху третьеиюньского режима. Исторический опыт, усвоенный марксистской партией, должен был стать источником верной линии действия масс — истинных двигателей исторического процесса.

В этом свете и надо рассматривать борьбу течений вокруг истории первой русской революции. В связи с этим необходимо рассмотреть некоторые работы, вышедшие в этот период из-под пера меньшевиков и либералов.

* * *

В 1909 г. почти одновременно вышли две книги: «Общественное движение в России в начале XX в.» под редакцией Мартова, Потресова и Маслова и кадетский сборник статей «Вехи». В первой книге меньшевики изложили свои взгляды на революцию 1905 г., во второй изложены взгляды кадетских идеологов — Струве, Бердяева, Булгакова, Изгоева и др.

Меньшевицкий «труд» был пронизан духом отречения и ликвидаторства. Если раньше, в ходе революции, меньшевики приспособливали свою тактику к либерализму, то теперь они приспосабливали к либерализму историю революции, стараясь оправдать свою прежнюю оппортунистическую позицию.

Все авторы «Общественного движения» стоят на точке зрения защиты гегемонии буржуазии в революции, решительно отрицают необходимость гегемонии пролетариата в революции и установления диктатуры пролетариата и крестьянства.

В. И. Ленин писал: «Основой тактики большевиков в революции 1905—1907 гг. было то положение, что полная победа этой революции возможна лишь как диктатура пролетариата и крестьянства»¹⁶. Он далее разъяснял, что «...большевики выводили „диктатуру“ не из слабости буржуазии, а из *объективных*, экономических условий, дающих возможность двойного развития буржуазии», т. е. так называемых прусского и американского путей¹⁷. В. И. Ленин исходил при этом из возможности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Большевики такой подход полностью отрицали. Они игнорировали всесторонний анализ экономики России, а без такого анализа нельзя было наметить правильной тактики. «Пусты споры о тактике,— отмечал В. И. Ленин,— если они не опираются на ясный анализ экономических возможностей»¹⁸. Он специально указывал на статью Маслова в названной книге, где Маслов «рассуждает подобно либералу», отрицая объективную возможность двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве.

Такова, коротко говоря, позиция большевиков и меньшевиков по центральному вопросу тактики в революции. Однако нас интересует в данном случае отношение меньшевиков к методам борьбы пролетариата, особенно их оценка вооруженного восстания. Большевики, как уже отмечалось, не считали восстание высшей формой классовой борьбы и одним из решающих вопросов тактики в революции. По их мнению, «более важным вопросом для истории движения 1905 и следующих годов» был вопрос об изоляции пролетариата¹⁹.

Возникает вопрос, от каких же других классовых сил был «изолирован» пролетариат? Известно, что главной силой революции был пролетариат, за ним шло революционное крестьянство. Значит, пролетариат не был изолирован от революционных сил, и, говоря об изоляции пролетариата, меньшевики имели в виду изоляцию его от буржуазии. Отсюда следовал вывод, что если бы пролетариат не вел самостоятельную политическую линию, а плелся за либералами, то он одержал бы победу.

Касаясь причин декабрьского поражения, меньшевик Кольцов писал, что «оно было почти исключительно движением рабочих, что правительство в своем наступлении не встретило никаких других сил, которые стали бы между ними и рабочими и если не отразили бы самое наступление, то замедлили бы его ход»²⁰. Какие же «другие силы» имел здесь в виду автор?

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 134.

¹⁷ Там же, стр. 137.

¹⁸ Там же, стр. 141.

¹⁹ «Общественное движение в России в начале XX века» (далее — «Общественное движение...»), т. II, ч. I. СПб., 1909, стр. 185.

²⁰ Там же, стр. 244.

Ясно, что либеральную буржуазию, которая, по его представлению, стоит между правительством и рабочими. На деле эта сила была в декабре заодно с правительством, открыто поддерживала его контрреволюционную политику. Особенно ярко это проявилось в Москве, затем в Ростове, на Украине и т. д. Большевики игнорировали в своей политической деятельности и в историографии роль крестьянства. Между тем именно в октябре — декабре 1905 г. число крестьянских выступлений достигло самого высокого уровня²¹. В ряде мест происходили крестьянские восстания. Эту силу, действовавшую вместе с пролетариатом, большевики сбрасывали со счетов.

Другой меньшевистский автор, Е. Маевский, говоря о Московском восстании, утверждал, что баррикады защищали лишь дружинники, а «народу оставалась роль пассивного сочувствующего зрителя»²². Даже некоторые враги рабочего класса уже тогда более трезво оценивали роль масс в Московском восстании. Палач московских рабочих Дубасов издавал приказы о запрещении рабочим собираться на улицах, заявляя, что эти толпы рабочих оказывают поддержку дружинникам. Опубликованные после Октябрьской революции документы показывают, что восстания всюду встречали массовую поддержку²³.

Осуждая и охаявая вооруженные восстания, большевики в своем «труде» высказывали взгляды и о границах революционной борьбы пролетариата. Так, Маевский утверждал, что после 17 октября пролетариат будто бы был далек «от готовности к продолжению суровой борьбы и что „идеи политического освобождения, даже в голове рабочих масс, далеки были еще от республиканских идей“, что в это время в настроении толпы чувствовалось, что она считает свое дело уже сделанным»²⁴. Такой же позиции держался и один из лидеров меньшевиков, редактор и один из авторов рассматриваемой книги Л. Мартов²⁵.

Критикуя одну из статей Мартова, В. И. Ленин писал: «...единственная реальная победа, одержанная революцией, была победой пролетариата, который отбросил либеральные советы идти в булыгинскую Думу и повел за собой крестьянские массы на восстание. Это во-1-х. А во-2-х, своей героической борьбой в течение трех лет (1905—1907) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал *освобождение* ра-

²¹ С. М. Дубровский. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, стр. 42.

²² «Общественное движение...», т. II, ч. 1, стр. 145.

²³ «Известия МСРД», 11 декабря 1905 г.; «Из истории Московского вооруженного восстания». Сб. документов. М., 1930, стр. 200.

²⁴ «Общественное движение...», т. II, ч. 1, стр. 93.

²⁵ Там же, т. III, ч. 5. СПб., 1914.

бочих масс *из-под влияния* предательского и презренно-бессильного *либерализма*. Он завоевал *себе* роль *гегемона* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм»²⁶.

Из своих глубоко оппортунистических оценок революции в целом и особенно декабрьских вооруженных восстаний меньшевики делали выводы о дальнейшей тактике, которую В. И. Ленин назвал тактикой «чего не делать». Эту линию наиболее ярко выразил Дан, сказавший на декабрьской конференции РСДРП в 1908 г. о большевиках: «Они... хотят переть туда, где были раз разбиты»²⁷. В этих словах — суть взглядов меньшевиков на опыт революции. Это прямой отказ от революции, полный переход на позиции либеральной буржуазии. Отсюда ликвидаторство, сговоры с кадетами, попытка создания столыпинской рабочей партии и т. д. Вскрывая смысл меньшевистских рассуждений, В. И. Ленин писал: «Буржуазия и либералы учат, что революции не нужны и вредны рабочим, которые не должны „переть“ к революции, а должны, как пай-мальчики, скромненько работать над реформами... Значит, возможно буржуазное преобразование *без* революции! а если так, то к чему же нам, русским, утруждать себя мыслью о революции? почему и нам не предоставить помещикам и фабрикантам произвести „без всякой революции“ буржуазного преобразования России!?»²⁸.

Необходимо отметить еще одно «произведение» меньшевиков — книжку ликвидатора Ф. Булкина (Семенова) «Рабочий класс и рабочая партия. Социал-демократия и рабочее движение в русской революции». Книжка написана была в 1913 г., но вышла в свет лишь после Февральской революции. Вся книжка пронизана апологией русской буржуазии. В своей лакейской преданности буржуазии Булкин перешеголял даже авторов «Общественного движения России в начале XX в.»²⁹.

Таковы «пределы» идей оппортунизма, до которых договорились меньшевики. Эти идеи смыкались с идеями либеральных публицистов. Более того, они перекликались со взглядами авторов сборника «Вехи».

Большинство авторов сборника «Вехи» были когда-то легальными марксистами, но после поражения первой русской революции они выступили с проповедью поддержки контрреволюции. В этом сборнике содержится вся суть идеологии либеральной буржуазии, идеологии кадетов. В. И. Ленин в статье «О „Вехах“» характеризовал их «...как великолепное разобла-

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 371.

²⁷ Цитирую по В. И. Ленину. См. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 310.

²⁸ Там же, стр. 310, 311.

²⁹ Ф. Булкин. Рабочий класс и рабочая партия. Пг., 1917, стр. 145 и др.

чение идейными вождями кадетов сущности их политического направления»³⁰.

Высшим пределом достижений революции для кадетов был, как уже отмечено, манифест 17 октября. «Актом 17 октября,— писал П. Струве,— по существу и форме революция должна была бы завершиться»³¹. Струве заявлял, что будто бы «дата 17 октября 1905 года знаменует собой принципиальное коренное преобразование сложившегося веками политического строя России»³².

Соответственно с этой оценкой массовая революционная борьба, в том числе политические стачки и восстания, кадетами отвергались. Больше того, кадеты впали в такой панический ужас перед действиями масс, перед их вооруженным натиском на царизм, что для них революция предстала как некое бесовское наваждение³³. Насмерть перепуганные кадеты стали открыто на путь поддержки царских палачей, бросились в объятия существующей власти и призывали всех идти под защиту царских штыков, чтобы спастись от народного гнева³⁴.

Выставив себя публично перед всей страной в качестве ярых реакционеров, публицисты «Вех» произвольно разоблачали всю кадетскую партию. И вот, более «тонкие» дипломаты из кадетских лидеров решили «отмежеваться» от своих единомышленников, чтобы сохранить хотя бы остатки «демократизма» своей партии. В 1910 г. появился новый кадетский сборник «Интеллигенция в России», авторы которого стремились отделить себя от «веховцев» и тем самым ослабить разоблачение кадетской партии. Но этот маневр не удался. В. И. Ленин тогда же заклеил кадетских лидеров, заявив, что их «критика» «Вех» «...одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие. Ибо на деле кадеты, как коллектив, как партия, как общественная сила, вели и ведут именно политику «Вех»³⁵.

Оценивая классовый смысл веховской политики и роли «Вех» в идейном вооружении буржуазии, В. И. Ленин писал, что «...веховцы приносят *серьезную* пользу, служат *деловой* службой такому классу, который имеет большую силу в народном хозяйстве России, именно землевладельцам и капиталистам. Веховцы помогают этим distinguished людям собирать арсенал оружия для идейно-политической борьбы с демократией и социализмом...»³⁶

Такова кадетская историография первой русской революции и Московского восстания.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167.

³¹ «Вехи», изд. 3-е. М., 1909, стр. 165.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 68.

³⁴ Там же, стр. 89.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 175.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 117.

Подведем некоторые итоги. Были две основные позиции в оценке исторического опыта первой революции, ее высшей формы — вооруженного восстания. Каждая из этих позиций имела определенный классовый источник. Острая классовая борьба, происходившая в период революции, получала впоследствии определенное идейное выражение в публицистике и историографии.

Каково же классовое содержание коренных расхождений между большевиками и меньшевиками? Отвечая на эти вопросы, В. И. Ленин писал: «Все десятилетие — великое десятилетие — 1905—1915 годов доказало наличие двух и только двух классовых линий русской революции»³⁷. И В. И. Ленин разъяснял, что первая линия состояла в решительной борьбе пролетариата, за которым шло крестьянство. Эти классы действовали против монархии и помещиков. Вторую линию выражала либеральная буржуазия. «В решающие моменты борьбы кадеты вместе с октябристами изменяли демократии и „шли“ помогать царю и помещикам... Большевики сознательно помогали пролетариату идти по первой линии, бороться с беззаветной смелостью и вести за собой крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, развращая пролетариат приспособлением его движения к либералам... Только эти течения, большевистское и меньшевистское, одни только они проявили себя в политике *масс* в 1904—1908, как и после, в 1908—1914 годах. Почему? Потому, что только эти течения имели прочные классовые корни, первое — пролетарские, второе — либерально-буржуазные»^{37а}.

Так, с предельной ясностью и глубиной В. И. Ленин раскрыл суть политики большевиков и меньшевиков и показал классовый источник и классовые корни той и другой политики. Эти различные классовые позиции проявились и в историографии Московского восстания, причем, как мы видели, в основных пунктах взгляды либеральной буржуазии, интересы которой выражала партия кадетов, нередко полностью совпадали со взглядами меньшевиков.

Так обстояло дело с изучением Московского вооруженного восстания до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

2

Изучение вооруженных восстаний до Октябрьской революции 1917 г. было тесно связано с острейшей политической борьбой, с освоением опыта и уроков первой революции. Вместе с тем это изучение не имело и не могло иметь тогда широкой документальной базы в виде архивных источников или

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 81.

^{37а} Там же, стр. 78.

воспоминаний участников событий. Единственными документами, доступными историку, были обвинительные акты по делу участников восстания, изданные в 1906 г. При этом в худшем положении находились большевики, ибо они были лишены легальной печати, в которой можно было бы опубликовать их работы.

После победы Октябрьской революции положение изменилось коренным образом. В руках Советского государства появились огромные издательские средства. Для историков стали доступными богатства архивов. Вставала насущнейшая задача — заняться изучением истории революционной борьбы рабочего класса, в первую очередь истории революций. Разрешение этой задачи облегчалось тем, что основы марксистской историографии были заложены великим вождем партии В. И. Лениным еще до Октябрьской революции. В его трудах давалась оценка решающих событий в истории нашей страны, особенно истории революционного движения.

В первые годы Советской власти началось активное изучение истории революций, в том числе и первой русской революции. Среди историков того времени необходимо прежде всего назвать таких деятелей нашей партии, как М. Н. Покровский, Е. М. Ярославский, В. И. Невский, М. Н. Лядов, Н. Н. Батулин, А. В. Шестаков, М. С. Ольминский, И. Н. Скворцов-Степанов, В. В. Воронский.

Что касается буржуазных историков, то рассчитывать на их помощь не приходилось, ибо они в значительном большинстве были враждебны новой власти. К тому же их научные интересы находились в стороне от задач изучения революционного движения. Достаточно сказать, что «Русский исторический журнал», продолжавший выходить в 1917—1922 гг., не поместил за это время ни одной статьи о первой русской революции. Возобновив в 1917 г. свое издание в России, народнический журнал «Былое» в 1917—1918 гг. опубликовал лишь несколько документов, а в 1925 г., в связи с 20-летием революции 1905 г., — несколько статей, посвященных этой революции. Но эти статьи были далеки от правильного истолкования революционных событий. Другой буржуазный журнал, «Голос минувшего», ограничился опубликованием нескольких документальных материалов по истории революции и Московского восстания.

Первые серьезные публикации материалов по истории Московского восстания 1905 г. принадлежали историкам-марксистам. Еще в 1920 г. был выпущен сборник «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.» под редакцией Н. Овсянникова. В нем были помещены воспоминания активных участников восстания, статьи и некоторые документы. Особенно ценными были воспоминания активных участников восстания: З. Литвина-Седого — руководителя восстания на Пресне, членов МК М. Влади-

мирского, М. И. Васильева-Южина, М. Никодимова (А. В. Шестакова). В этих воспоминаниях давалась картина вооруженной борьбы рабочих, особенно на Пресне и Казанской железной дороге, освещалась деятельность МК большевиков, в частности городской партийной конференции, состоявшейся 5 декабря 1905 г.

Литвин-Седой впервые рассказал о ходе восстания на Пресне, отметив исключительный подъем рабочих. Отвергая домыслы меньшевиков, будто бы Московское восстание было делом рук революционной интеллигенции, он констатировал: «Декабрьское восстание было решено рабочими г. Москвы и ее окрестностей. Рабочие были его инициаторами и борцами»³⁸.

Воспоминания Владимирского и Васильева-Южина ценны тем, что они освещают некоторые моменты деятельности МК большевиков, хотя и допускают в некоторых датах неточности.

В этом же сборнике была помещена большая статья В. Сторожева «Декабрьское вооруженное восстание (по архивным материалам)». Автор впервые использовал большое число архивных документов, которые рисуют яркую картину положения в штабе врагов восстания. Из приводимых Сторожевым материалов мы узнаем, как беспокоился Дубасов о сохранении в руках властей Николаевского вокзала, как власти готовились к разгрому дома Фидлера и как происходил сам разгром, узнаем о суде над захваченными дружинниками и мужественном поведении подсудимых. Эти материалы основательно расширили знания о Московском восстании по сравнению с тем, что было известно о нем из книги «Москва в декабре 1905 года». Из приводимых автором документов видно, какие благоприятные возможности имелись у восставших, если бы они обладали большим количеством оружия и опытом в такой борьбе.

Однако Московское восстание Сторожев освещает односторонне — показывает действия лишь царских властей. Действия другой стороны — восставших рабочих и руководивших ими большевиков — автором не освещаются. Автор не упоминает даже о конференции большевиков 5 декабря. В работе отсутствуют партийные документы, не использованы московские большевистские газеты «Борьба» и «Вперед», а также «Известия Московского Совета рабочих депутатов», выходившие в дни восстания. Не использовал Сторожев и работ В. И. Ленина.

В статье В. В. Максакова «В декабрьские дни (по архивным материалам)» впервые была изложена история образования Московского Совета.

³⁸ «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.» М., 1920, стр. 24.

Таким образом, сборник «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.» внес много нового в освещение различных сторон начала и хода Московского восстания.

Вслед за этим сборником появились другие, посвященные первой русской революции: «Путь к Октябрю» (вып. I. М., 1923), «1905-й год» — два выпуска. Много документальных сборников было издано к 20-летию первой русской революции под общей редакцией М. Н. Покровского. Тогда же появились в печати воспоминания М. И. Васильева-Южина и М. Н. Лядова. Одновременно стали публиковать документы и воспоминания о революции 1905 г. исторические журналы: «Красный архив», «Пролетарская революция», «Красная летопись». Все эти материалы создавали базу для дальнейшего изучения революции 1905 г., в том числе и вооруженного восстания.

Большое внимание истории первой русской революции уделял М. Н. Покровский, виднейший историк-большевик, много сделавший в борьбе с буржуазной историографией и в разработке марксистской историографии. Он одним из первых историков стал писать о русской революции 1905—1907 гг. В 1923 г. вышла III часть его книги «Русская история в самом сжатом очерке», в которой значительное место было уделено революции 1905 г.

Автор исходил из правильного положения, что «низвержение самодержавия было немислимо без вооруженного восстания»³⁹. Однако он допускал противоречивые положения, а иногда и ошибочные оценки. Так, конец ноября 1905 г. Покровский относил к периоду отлива революционной борьбы⁴⁰. Такая оценка Покровского противоречила историческим фактам — отлив начался после Декабрьского восстания. В исправленном третьем издании своей книги Покровский дал противоречивые оценки Московской организации большевиков. Нельзя согласиться с автором, что московская партийная организация была слабее петербургской. Сила организации измеряется ее влиянием на массы, а безраздельное влияние на них московских большевиков признавал и сам Покровский⁴¹. В другой работе, написанной несколько лет спустя, Покровский уже более высоко оценивал организованность московских рабочих. Он писал: «Именно в декабре московский пролетариат был так хорошо организован, как это только возможно было до победы пролетарской революции»⁴². В этой работе Покровский сделал значительный шаг вперед в разработке истории революции 1905 г. и Декабрьского восстания.

³⁹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. III, вып. I. М., 1923, стр. 154.

⁴⁰ Там же, стр. 185.

⁴¹ Там же, стр. 143—144.

⁴² М. Покровский. 1905 год. М., 1930, стр. 102.

Первая монография по истории Декабрьского восстания принадлежит перу Е. М. Ярославского, известного деятеля нашей партии. Для своей работы Ярославский использовал главным образом опубликованные воспоминания участников Декабрьского восстания в Москве, а также материалы известной нам статьи Сторожева. Никаких новых фактов или неизвестных документов Ярославский не привел, да такой задачи он себе и не ставил. Автор впервые основательно использовал статьи В. И. Ленина о Декабрьском восстании.

В соответствии с ленинской оценкой восстания Ярославский подчеркнул огромное внутреннее и международное значение декабрьского опыта и сделал вывод: «Вот почему необходимо очистить этот период пролетарской борьбы от засоряющих его легенд. Вот почему важно восстановить точную картину этого восстания, изучить его»⁴³.

Достоинство работы Ярославского — широта охвата событий. Автор стремится всесторонне осветить восстание. В отличие от Сторожева Ярославский показал деятельность Московской организации большевиков, их руководящую роль в Московском Совете, создание и подготовку ими боевых дружин; раскрыл суть колебаний меньшевиков в начале и ходе восстания. Автор впервые сделал попытку разработать научную схему истории восстания в соответствии с историческими фактами и ленинскими оценками событий.

Ярославский поставил вопрос об исторической правомерности восстания в условиях, сложившихся в России в декабре 1905 г., и доказал правильность тактики большевиков, призвавших массы к восстанию. Касаясь вопроса о поведении гарнизона в канун восстания, а также восстания Ростовского гренадерского полка, автор полностью согласился с Васильевым-Южным в том, что МК не использовал этот момент для призыва к общему восстанию. «Нет никакого сомнения, — писал Ярославский, — что момент для использования настроения Московского гарнизона был нами упущен»⁴⁴.

В противовес меньшевистской историографии, утверждавшей, что Московское восстание было делом рук небольших групп дружинников, Ярославский на фактическом материале показал, что Московское восстание носило массовый характер.

Одним из важнейших вопросов Декабрьского восстания является вопрос о перерастании стачки в вооруженное восстание. Ярославский поставил этот вопрос, хотя и не исследовал его, не выяснил обстоятельств и причин задержки этого перехода. Он коснулся лишь субъективной стороны вопроса, считая ошибкой

⁴³ Е. Ярославский. Декабрьское восстание. М., 1925, стр. 2.

⁴⁴ Там же, стр. 104.

руководителей восстания, что они не сразу перевели стачку в восстание, потеряв целых два дня. В. И. Ленин отмечал: «Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года,—приобретение, купленное, как и все предыдущие, ценой величайших жертв»⁴⁵.

Ярославский правильно указал на причину присоединения меньшевиков к стачке и восстанию. Он писал: «Настроение рабочих масс в Москве было таково, что ни меньшевики, ни эсеры не могли уже отступить перед объявлением всеобщей забастовки, которая—как это всем было ясно—должна была перейти в вооруженное восстание»⁴⁶.

Несмотря на некоторые недостатки, работа Ярославского явилась наиболее существенным вкладом в изучение истории **Московского восстания**.

В 1930 г. под редакцией Ярославского вышел второй том «Истории ВКП(б)», который целиком посвящен истории революции 1905 г. История вооруженных восстаний в целом освещена в книге правильно, но ничего нового по сравнению с уже известным авторы не вносят. В то же время в книге имеется ряд нечетких формулировок. Так, о Московском восстании сказано: «Восстание протекало стихийно, и партийная организация не сумела направить восстание по наиболее правильному руслу»⁴⁷. Эти утверждения авторов не согласуются с фактами. Восстанием руководил Московский Комитет, а когда он уже не смог руководить им в целом, руководство перешло к районным партийным организациям, причем во многих из них находились члены МК.

Ярославский в течение многих лет занимался историей первой русской революции и особенно историей вооруженного восстания. К юбилейным датам—к 25-летию, 30-летию и т. д.—выходили обычно его статьи. Остановимся на тех статьях, в которых содержатся те или иные изменения в оценке некоторых событий восстания.

При рассмотрении работы Ярославского «Декабрьское восстание» мы намеренно не коснулись вопроса о степени организованности Московского восстания. В 1925 г. Ярославский писал: «Был ли подготовлен федеративный комитет к руководству восстанием? Было ли подготовлено Московское вооруженное восстание, как планомерно организованное действие? Прямо говоря—организовано ли было Московское вооруженное

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 370—371.

⁴⁶ Е. Ярославский. Декабрьское восстание, стр. 119—120.

⁴⁷ «История ВКП(б)», т. II. М., 1930, стр. 545.

восстание? На этот вопрос приходится ответить отрицательно⁴⁸. Спустя пять лет, в ноябре 1930 г., Ярославский выступил с докладом на тему «Стачка и вооруженное восстание в революции 1905 г.», изданного затем отдельной брошюрой. В ней, возражая П. Горину, считавшему, что в октябре пролетариат был подготовлен только психологически «к этой революции», т. е. к восстанию, Ярославский писал: «Он оказался подготовленным к этому восстанию политически, он оказался в значительной степени подготовленным и организационно»⁴⁹. Тем самым Ярославский признал подготовленность к восстанию и партийную организацию. Иначе говоря, здесь он видоизменил свою прежнюю оценку, сделав ее более правильной и соответствующей действительности⁵⁰.

Остановимся еще на одной статье Ярославского — «Историческое значение буржуазно-демократической революции 1905 г.». В ней автор на основе ленинских работ раскрыл значение революции, показал ее основные черты и остановился на некоторых моментах Декабрьского восстания. Ярославский отметил, что Декабрьское восстание опровергло фальсификацию взглядов Ф. Энгельса оппортунистами, заявлявшими, что будто бы Энгельс считал, что время восстаний прошло. «Декабрьское вооруженное восстание 1905 года,— пишет Ярославский,— дало наглядный урок, опровергший это утверждение. Это должен был заявить К. Каутский, тогда значительно «полевевший» под влиянием первой русской революции»⁵¹. Ярославский, говоря о восстании, особенно подчеркивал в этой статье, что «...рабочий класс убедился в том, что единственная революционная политическая партия есть партия большевиков»⁵².

Таковы оценки Ярославским основных событий Декабрьского вооруженного восстания. Его работы углубили наши представления о Московском восстании, дали ему более широкое освещение, сделали достоянием читателей ленинские взгляды на вооруженное восстание.

Московскому восстанию были посвящены работы и других историков первой революции. В 1926 г. вышла книга С. Черномордика (П. Ларионова) «Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г.». Черномордик — активный участник восстания, в то время член МК большевиков. Его книга написана на основании источников, главным образом собственных воспоминаний, а также некоторых правительственных и партийных документов.

⁴⁸ Е. Ярославский. Декабрьское восстание, стр. 196.

⁴⁹ Е. Ярославский. Стачка и вооруженное восстание в революции 1905 г. М., 1931, стр. 25.

⁵⁰ Там же, стр. 31.

⁵¹ «Историк-марксист», 1935, № 11, стр. 15.

⁵² Там же, стр. 17.

Касаясь пассивности Петербурга, Черномордик верно заметил, что причину этого «...надо искать в направлении и характере деятельности Петербургского Совета рабочих депутатов»⁵³, т. е. в меньшевистском руководстве Советом. Рассказав о технической подготовке Московским Комитетом восстания, автор пришел к общему выводу: «К сожалению, Декабрьское восстание застало нашу московскую организацию технически неподготовленной. Работа боевой организации только началась»⁵⁴. Согласиться с таким выводом нельзя. Сам автор, приводя данные о числе и составе боевых дружин, показал, что в подготовке восстания Московским Комитетом сделано было немало. Основной вывод автора гласит, что «...соотношение вооруженных сил было вовсе не такое уже благоприятное в пользу правительства» и что при умелой организации восстания и при умелом военном руководстве победа «могла бы оказаться на стороне революции»⁵⁵.

Черномордик много лет изучал историю Московского вооруженного восстания. Им печатались воспоминания, статьи, брошюры. В процессе изучения он изменял свои взгляды на некоторые вопросы восстания. Мы рассмотрим эти работы в совокупности, хотя появление некоторых из них относится к другому периоду в развитии исторической науки, именно к 40-м годам.

Работы Черномордика в той или иной степени приукрашивают события, отвлекаясь нередко от фактических данных. В 1946 г. были опубликованы две большие статьи Черномордика: «Декабрьское вооруженное восстание и Московский Совет рабочих депутатов» («Вопросы истории», № 1), «Декабрьское вооруженное восстание 1905 г.» («Исторические записки», № 18). Первая статья вносит некоторые новые моменты в историю Московского Совета. Автор показал, что вопрос о создании Совета в Москве практически встал перед МК лишь в начале ноября. «К этому времени,— пишет Черномордик,— во-первых, окончились всякие шатания в вопросе о Советах и была усвоена ленинская оценка политической роли и значения Советов»⁵⁶.

Автор прав, что по вопросу о Советах в Московском Комитете сначала ясности не было, однако он как бы обгоняет события, когда пишет, что уже в начале ноября в МК была усвоена ленинская точка зрения на Советы. В это время В. И. Ленин еще не высказал своей позиции в отношении Советов. Правда, в начале ноября по дороге на родину он напи-

⁵³ С. Черномордик (П. Ларионов). Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. М., 1926, стр. 50.

⁵⁴ Там же, стр. 198.

⁵⁵ Там же, стр. 210.

⁵⁶ «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 11.

сал в редакцию большевистской газеты «Новая жизнь» знаменитое письмо «Наши задачи и Совет рабочих депутатов». Но письмо это было опубликовано лишь в 1940 г. Другие статьи В. И. Ленина, в которых он затрагивал вопрос о Советах, появились позже — во второй половине ноября.

Черномордик изложил основные моменты создания и деятельности Московского Совета. В этом изложении и заключается вклад автора в историю Московского Совета и восстания.

Необходимо отметить ошибочную оценку Черномордиком роли Исполнительного Комитета Московского Совета, хотя позднее и исправленную. В 1925 г. Черномордик отрицал какую-либо роль Московского Совета и его Исполкома, заявляя, что «...в Москве руководящую роль в пролетарском движении играл не Совет рабочих депутатов, а Московский Комитет РСДРП(б)...» и что «Совет имел лишь моральное значение и политическое постольку, поскольку он объединял широкие беспартийные пролетарские массы»⁵⁷. Приведенные определения не увязываются с фактами. На самом деле Исполнительный Комитет Московского Совета в дни декабрьской стачки и восстания играл руководящую роль. Об этом 20 лет спустя сам же автор писал, что на пленуме Совета 6 декабря, где решался вопрос о стачке и восстании, было решено, чтобы «...руководство в эти дни борьбой пролетариата и его дальнейшими решительными актами принадлежало всецело Исполнительному Комитету Совета...»⁵⁸. Значит сам автор, ознакомившись с документальными материалами, признал роль Исполнительного Комитета Совета.

Черномордик в своих работах о вооруженном восстании в Москве осветил некоторые новые моменты в Московском восстании, в частности показал активную роль Московского Совета в восстании, показал роль Московского Комитета в руководстве восстанием, особенно роль районных комитетов, которых, по его данным, уже в августе в Москве имелось 10.

Много внимания истории декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. уделял известный деятель и историк нашей партии В. И. Невский. В 20-х и 30-х годах им был издан ряд работ о вооруженных восстаниях. В 1932 г. вышла книга Невского «Советы и вооруженные восстания в 1905 г.», в которой собраны все основные работы автора о вооруженном восстании. (В дальнейшем мы будем ссылаться на нее.)

В главе «Вооруженное восстание в 1905 г.» автор начинает исследование с выяснения отношения нашей партии к вопросу о восстании с момента II съезда партии. Затем, коснувшись

⁵⁷ С. Черномордик (П. Ларионов). Московский Совет рабочих депутатов. — «1905 год в Москве». М., 1925, стр. 71—72.

⁵⁸ «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 21.

основных событий 1905 г. Невский сформулировал общий вывод: «Еще задолго до декабрьских дней в Москве вся страна была объята восстанием, разрозненным, стихийным, вспыхивавшим то здесь, то там, без единого плана, без единого руководства, как результат невиданного еще в мире огромного революционного движения народных масс. Москва была только одним из звеньев великой непрерывной цепи событий, именуемых „Революция 1905 года“»⁵⁹.

Трудно согласиться с таким выводом автора. Конечно, Декабрьское восстание явилось результатом предшествующей борьбы пролетариата и всего народа с января по декабрь 1905 г. Но нельзя все предшествующее революционное движение оценивать как восстание. Даже в декабрьские дни не было всеобщего восстания. В. И. Ленин считал самой характерной чертой движения до декабря массовые стачки, экономические и политические⁶⁰. Подытоживая свою характеристику событий, В. И. Ленин говорил: «Я попытался изобразить вам, как рабочие стачки встряхнули всю страну и самые широкие, самые отсталые слои эксплуатируемых, как началось крестьянское движение, как оно сопровождалось военными восстаниями. Осенью 1905 года все движение достигло своего апогея... Октябрь и декабрь 1905 года знаменует высшую точку восходящей линии российской революции»⁶¹.

Касаясь Декабрьского восстания в Москве и провинции, Невский не показал хода восстания, а только констатировал, что выступление московского пролетариата явилось сигналом для других районов страны. Он опирался на уже известную нам работу Ярославского и на воспоминания Васильева-Южина. Заключительная часть книги Невского посвящена теме «Восстание и партия». «Теперь,— писал он,— рассматривая этот вопрос с точки зрения победоносного восстания 1917 года, мы должны не забывать той великой исторической заслуги нашей партии, и прежде всего В. И. Ленина, что благодаря разработке этого вопроса и теоретически и практически в эпоху первой русской революции мы добились победы и в 1917 году»⁶².

В 1930 г. вторым изданием вышла книга П. Горина «Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г.». В этом издании книга была значительно расширена за счет привлечения

⁵⁹ В. И. Невский. Советы и вооруженные восстания в 1905 году. М., 1932, стр. 238.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 306—328.

⁶¹ Там же, стр. 320, 321.

⁶² В. И. Невский. Советы и вооруженные восстания в 1905 году, стр. 246.

нового материала, хотя основные принципиальные положения остались прежними. Автор не ставил специальную задачу — освещать вооруженные восстания, но рассматривал деятельность Советов и их роль в восстании там, где эти восстания имели место при наличии Советов. В книге имеется глава «Советы в восстании».

Горин внес ряд новых фактов в освещение деятельности Московского Совета: показал работу всех его пленумов, осветил деятельность Исполнительного Комитета Совета в первые дни стачки 7—9 декабря, а также деятельность районных Советов и роль депутатов Совета, отметил их активное участие в восстании в качестве руководителей и бойцов.

Работа Горина имеет ряд ошибок принципиального характера. Автор неверно трактовал характер первой русской революции и ее движущие силы, не уяснил сущности гегемонии пролетариата в этой революции, недооценил роль партии в руководстве Советами. В работе Горина содержалась неверная трактовка роли партии. Он, например, совершенно отрицал роль Московской большевистской конференции, принявшей 5 декабря решение о стачке и восстании, считая ее «...пустой формальностью, так как проходившие с огромным энтузиазмом массовые рабочие митинги повсеместно высказывались за необходимость вооруженного отпора»⁶³. Нельзя согласиться с утверждением автора и о том, что «...в октябре пролетариат психологически был готов к вооруженному восстанию»⁶⁴. Ни психологически, ни политически пролетариат, если говорить о широких массах рабочего класса, не был в октябре готов к восстанию. Октябрьская стачка подвела массы к восстанию. Однако маневр царского правительства, именно манифест 17 октября, в некоторой степени затормозил превращение этой стачки в восстание, вызвав у известной части пролетариата иллюзии о возможности мирного развития революции. Последовавшие затем черносотенные оргии в условиях «дней свободы» показали, что только вооруженная борьба может покончить с самодержавием. Этот вывод быстро усваивался рабочим классом, и к декабрю действительно пролетариат политически был готов к восстанию. Действия передовых слоев пролетариата в декабрьских восстаниях показали его политическую зрелость.

К началу 30-х годов в изучении Московского вооруженного восстания имелись существенные достижения. Были выявлены новые факты о вооруженной борьбе рабочих на улицах Москвы, о деятельности Московской организации большевиков и

⁶³ П. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 году. М., 1930, стр. 380.

⁶⁴ Там же, стр. 183.

Моссовета, усвоена ленинская оценка восстания. В процессе освоения ленинских работ исправлялись ошибочные оценки некоторых событий Московского восстания. Вышли в свет новые монографии.

* * *

В середине 30-х годов наступило ослабление внимания к истории первой русской революции и вооруженного восстания 1905 г., что явилось следствием утверждения культа личности Сталина в исторической науке. На XXII съезде КПСС отмечалось, что культ личности имел тяжелые последствия для идейной жизни партии и всей идеологической работы⁶⁵.

Этот период в истории советской исторической науки оказался весьма бедным монографическими исследованиями, в том числе по эпохе первой русской революции и вооруженных восстаний. Историки ограничивались небольшими книжками, заполненными общими положениями и оценками в духе «Краткого курса». Некоторое оживление началось лишь в канун 50-летнего юбилея первой русской революции. Так, в 1952 г. вышла монография Я. П. Крастыня «Революция 1905—1907 гг. в Латвии», в 1955 г. — монография Ф. Е. Лося «Революція 1905—1907 років на Україні» и ряд других работ. Но и на них сказалось известное влияние идеологии культа личности Сталина. Тем не менее эти работы явились существенным вкладом в изучение истории первой русской революции.

Что касается истории Московского восстания, то она затрагивалась лишь в общих статьях, появлявшихся к юбилейным датам — 35-летию, 40-летию и 45-летию революции. Правда, в 1948 г. из печати вышли две книжки, посвященные революции 1905 г. в Москве. Первая из них Г. Костомарова «Московский Совет рабочих депутатов в 1905 году», вторая Л. Богуцкой «Московские большевики в стачечных боях 1905 года». Обе эти работы освещают и вооруженное восстание. Книжка Костомарова в 1955 г. вышла вторым изданием с некоторыми дополнениями. В 1956 г. вышла небольшая книга Богуцкой «Очерки по истории вооруженных восстаний в революции 1905 года».

Книги Богуцкой имеют популярный характер и вносят весьма мало нового в изучение истории вооруженного восстания в Москве в 1905 г.

Рассмотрим некоторые положения и оценки в книге Костомарова «Московский Совет в 1905 году». В этой книге много общих положений и недостаточно обоснованных оценок. Так, вопрос о возникновении Московского Совета трактуется невер-

⁶⁵ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет. М., 1962.

но, без документального обоснования. Костомаров утверждает, что создание стачечного комитета в момент октябрьской стачки было предпринято «в противовес Совету рабочих депутатов», т. е. создание Совета датируется серединой октября⁶⁶. Однако сам же автор признает, что никаких источников, подтверждающих этот факт, нет, да и быть не могло, ибо не было в это время самого Совета. Вслед за этим автор пишет: «15 октября, вопреки подрывной тактике меньшевиков, состоялось многолюдное собрание депутатов, избранных на фабриках и заводах в Московский Совет»⁶⁷. И здесь никаких доказательств не приводится. Известно, что в это время депутаты в Московский Совет еще не избирались. Да и сам Костомаров в противоположность вышеприведенным его утверждениям вынужден был потом отметить: «По предложению большевиков Совет рабочих депутатов пяти профессий решил ускорить оформление Московского и районных Советов. С этой целью в начале ноября 1905 года на большинстве крупных фабрик и заводов проводились выборы депутатов»⁶⁸. Автор стремился «улучшить историю», показать, что Московский большевистский Совет образовался раньше, чем Петербургский меньшевистский....

Костомаров очень легко обращается с фактами, делая нередко такие заключения, которые не соответствуют действительности. Он пишет, например: «Всероссийская октябрьская стачка была острейшим оружием борьбы с царским самодержавием. Однако в силу ряда причин она не переросла в вооруженное восстание»⁶⁹. Какие же причины не дали перерасти этой стачке в восстание, какова позиция большевиков в этом вопросе, об этом автор ничего не говорит. Упомянув о заседании Совета солдатских депутатов, Костомаров заявляет: «В силу ряда важных причин Московский Совет солдатских депутатов в 1905 году не сумел превратиться в боевой орган революционных солдат гарнизона»⁷⁰. И опять автор умалчивает о сущности этих «важных причин». Далее оказывается, что Московский гарнизон был в руках МК, но удержать его не удалось⁷¹. К сожалению, гарнизон не был в «руках МК».

Желая представить историю в улучшенном виде, Костомаров дал подобные оценки и другим событиям. О роли Таммерфорской конференции в Московском восстании он писал: «Огромную роль в развитии вооруженного восстания в Москве сыграла Таммерфорсская конференция большевиков»⁷². Но эта кон-

⁶⁶ Г. Костомаров. Московский Совет в 1905 году. М., 1955, стр. 59.

⁶⁷ Там же, стр. 73.

⁶⁸ Там же, стр. 75.

⁶⁹ Там же, стр. 64.

⁷⁰ Там же, стр. 95.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, стр. 124.

ференция закрылась 17 декабря, а 18 декабря прекратилось восстание. Какую же роль могла сыграть конференция «в развитии» прекратившегося восстания?!

Важный перелом в изучении истории революции 1905 г. и вооруженных восстаний произошел в середине 50-х годов.

Московское вооруженное восстание получило освещение в V томе «Истории Москвы», вышедшем в 1955 г. Автором раздела о первой русской революции в Москве была А. М. Панкратова. Здесь впервые дана, хотя и очень кратко, характеристика развития рабочего движения в Москве за период январь-декабрь; показано, как московский пролетариат осознавал свои задачи под влиянием революционных событий в стране и под воздействием московских большевиков. Ценным является и то, что автор проследил развитие рабочего движения на отдельных предприятиях, например, на Прохоровской мануфактуре, на заводе Гужона и др. Хорошо показана деятельность Московского Комитета РСДРП. В книге освещена также деятельность московской буржуазии в ходе революции, ее организации и меры, которые принимались буржуазными партиями против рабочего движения. Работа Панкратовой явилась существенным вкладом в дело изучения Московского восстания.

В том же 1955 г. вышла небольшая монография А. Чебарина «Москва в революции 1905—1907 годов». Эта книга дает последовательное изложение основных событий истории первой революции в Москве, показывает развитие рабочего движения как в дореволюционное время, так и в течение 1905—1907 гг. Автор уделил внимание и Московскому восстанию. Основные события этого восстания освещены содержательно, автор использовал документальные данные.

К 50-летию первой русской революции вышло несколько сборников статей. Из них наибольший интерес представляют два: «Первая русская революция 1905—1907 гг.», изданный ВПШ при ЦК КПСС, под редакцией А. М. Панкратовой и «Революционное движение в армии в годы первой русской революции» под редакцией В. И. Коновалова.

В первом сборнике обращает на себя внимание статья Е. Д. Черменского «Декабрьские вооруженные восстания 1905 года — высшая точка развития первой русской революции». В статье характеризуются предпосылки Московского восстания, излагается его ход и затем дается краткий очерк восстаний в других городах. Автор, пользуясь имеющимися работами и источниками, опровергает некоторые неверные утверждения, бытующие в литературе, и дает правильные оценки основных событий Московского восстания.

Во втором сборнике заслуживает особого внимания статья В. И. Коновалова «Революционное движение в войсках Московского военного округа». Автор изучил большой архивный ма-

териал и впервые нарисовал обстоятельную картину роста революционного движения в округе, а также в Московском гарнизоне. Особенно широко показаны развитие революционного брожения в Ростовском полку и ход восстания в нем. На основании многочисленных материалов Коновалов приходит к правильному выводу: «Агитационная работа среди солдат давала свои результаты. Распропагандированные солдаты переставали быть надежной опорой властей... Гарнизон перестал быть надежной опорой самодержавия, но и не стал опорой восставших рабочих. Солдаты сочувственно относились к боровшимся рабочим, но ни одна из частей не перешла открыто на сторону восставшего народа»⁷³.

Необходимо также отметить статью А. В. Мельникова «Революционное движение в Московском гарнизоне в период декабрьского вооруженного восстания», опубликованную в «Исторических записках» (1954, № 49). Эта статья также представляет серьезное исследование по данному вопросу, в ней исползуется большое число различных источников, она вносит несомненный вклад в изучение революционного движения в Московском гарнизоне в период Декабрьского восстания.

Мы рассмотрели основные работы по истории Московского вооруженного восстания. На первый взгляд создается впечатление, что Декабрьское восстание в Москве изучено основательно и что дальнейшее его изучение как будто бы уже не может дать ничего нового.

Нам представляется, что в истории Московского восстания даже его фактическая сторона еще не полностью раскрыта и освещена⁷⁴. Необходимо собрать все факты, даже самые незначительные, о вооруженной борьбе рабочих, рассмотреть в деталях жизнь Москвы в исторические дни восстания, обстоятельно показать все слои населения города, их настроения и действия в то время. Требуется дальнейшего изучения и вопрос о том, как и под влиянием каких факторов московский пролетариат подошел к восстанию и проявил в баррикадных боях подлинный героизм. Должна быть раскрыта более обстоятельно, чем теперь, роль мелкобуржуазного трудящегося населения в момент восстания и буржуазии как врага восстания. Все это даст возможность представить это великое событие первой русской революции более полно и объективно. Действительные события ярки и сильны сами по себе, без прикрас; правдивая история всегда служила и служит делу рабочего класса и нашей партии, всегда подтверждает марксистско-ленинскую теорию. Великий Ленин писал, что «...за

⁷³ «Революционное движение в армии в годы первой русской революции». М., 1955, стр. 64.

⁷⁴ В своей монографии «Вооруженные восстания в декабре 1905 года» автор настоящей статьи попытался более подробно осветить это восстание.

наши взгляды вступает сама история, вступает на каждом шагу действительность»⁷⁵.

За 60 лет, прошедших с момента первой русской революции, накопилось огромное число различных материалов, извлечено из архивов много документов, немало написано воспоминаний. Однако и до сих пор нет еще исследований, освещающих революцию 1905 г. по стране в целом. Между тем накопленные документальные материалы и публикуемые ныне позволяют приступить к такого рода исследованиям, чтобы дать всестороннее и полное освещение этой революции и вооруженным восстаниям, опыт которых во многом predetermined победу Великой Октябрьской социалистической революции.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 65.

История международных отношений нового времени в советской историографии

(1917 г.— середина 30-х годов)

Внимание советской историографии к вопросам международных отношений начало проявляться с самых первых дней становления советской исторической науки. Огромное значение для нее имели труды В. И. Ленина и отдельные высказывания по вопросам международных отношений, содержащиеся в его произведениях. Важную роль играли и дореволюционные работы таких крупных историков-марксистов, как М. Н. Покровский, М. П. Павлович, Ф. А. Ротштейн и др.

Публикации по вопросам международных отношений начали выходить в первые же дни существования Советского государства. 26 октября 1917 г. в докладе о мире на заседании II Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин заявил, что Советское правительство приступает «...немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года»¹.

Первым результатом этого разоблачения тайной дипломатии явилось издание сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел², осуществленное сразу же после организации Народного Комиссариата по иностранным делам под руководством матроса-большевика Н. Г. Маркина³.

Центрархив, заведующим которого был утвержден М. Н. Покровский, и еще ранее Народный Комиссариат по иностранным

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 15.

² «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», вып. 1—7. Пг., 1917.

³ «Более необыкновенного редактора не имело, конечно, ни одно издание дипломатических документов», — писал впоследствии о деятельности Маркина М. Н. Покровский. А поскольку ему удалось извлечь из архивов «ценнейшие вещи... агитационное впечатление «разоблачений» получилось от публикаций Маркина полное» (М. Н. Покровский. Империалистическая война. Сборник статей. М., 1934, стр. 356).

делам приступили к изданию ряда тематических документальных сборников, содержащих преимущественно документы периода первой мировой войны или ее кануна ⁴.

В 1922 г. Центрархив начал издавать свой орган — журнал «Красный архив» ⁵, значительная часть материалов которого была посвящена вопросам международных отношений и внешней политики России нового времени. Иногда публикации «Красного архива» выходили отдельными изданиями ⁶. На страницах «Красного архива» было помещено большое число архивных материалов, сопровождаемых подробными комментариями, а также ряд отдельных статей и заметок по вопросам внешней политики.

В предисловии к первому номеру журнала редакция указывала, что девизом «Красного архива» мог бы быть афоризм: «нет ничего тайного, что не сделалось бы впоследствии явным». Ставя перед собой главную задачу — разоблачение всех дипломатических тайн, скрытых в тайниках русских архивов, Центрархив брал на себя обязательство продолжить работу, которая была начата Октябрьской революцией, «освещая тот период русской истории и те стороны этого периода, которые ближе всего к нам по времени и окутаны наиболее густым покровом легенды» ⁷.

Качество публикаций «Красного архива» получило самую высокую оценку. И неслучайно, готовя в 1926 г. отзыв об исторической периодике для Отдела печати ЦК ВКП(б), В. И. Невский назвал «Красный архив» самым лучшим по своей научной постановке из всех исторических журналов, выходивших к этому времени в СССР ⁸.

Дальнейший толчок к еще более глубокому изучению истории внешней политики России был дан появлением выдающейся многотомной публикации дипломатических документов «Между-

⁴ «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны по секретным материалам Министерства иностранных дел с приложением книги дипломатических документов». М., 1922; «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», т. 1. М., 1922; «Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1904—1914 гг.» М., 1923; «Царская Россия в мировой войне», т. 1. Л., 1925; «Константинополь и проливы. По секретным документам Министерства иностранных дел». Т. I—II. М., 1926; Э. Д. Г р и м м. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. К сожалению, некоторые из первых сборников были составлены неквалифицированно в археографическом отношении (отсутствовали легенды, указатели имен, подписи под документами и т. д.). На все это специально обращал внимание В. И. Ленин после ознакомления с «Материалами по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 33, стр. 307).

⁵ «Красный архив», 1922—1941. Аннотированный указатель содержания. М., 1960.

⁶ Например, «Русско-германские отношения. 1873—1914». Документы из секретного архива бывшего МИД. М., 1922.

⁷ «Красный архив», т. 1, 1922 г., стр. II.

⁸ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 384, оп. 1, д. 47, л. 4—5.

народные отношения в эпоху империализма»⁹, начавшей выходить с 1931 г.¹⁰ Основная работа по подготовке первых томов документов к печати была проделана Е. А. Адамовым, А. Л. Поповым, Э. Д. Гриммом, А. С. Ерусалимским, Ф. О. Нотовичем, Б. Г. Вебером, Б. Я. Галиной, Л. А. Телешевой, В. В. Альтманом.

Вначале была опубликована 3-я серия этого издания, охватывавшая период 1914—1917 гг. Появлению этой публикации предшествовали, как уже было отмечено, многочисленные советские тематические издания документальных материалов и выпуски «Красного архива». Разоблачение дипломатических тайн и опубликование договоров, заключенных империалистическими правительствами, вынудило западные державы приоткрыть завесу над тем, что слишком долго было достоянием лишь избранных. Сначала появилась обширная германская публикация документов кануна первой мировой войны, а затем к систематическому опубликованию своих секретных архивных документов приступили Англия, Франция, Австрия и другие страны¹¹.

Редакционная комиссия стремилась к тому, чтобы публикация отвечала самым высоким требованиям специалистов-исследователей и своей полнотой и отсутствием тенденциозности отличалась от аналогичных изданий дипломатических документов, предпринятых буржуазными правительствами. Значение советского издания комиссия определяла следующим образом: «Построенная по единственному методологически правильному принципу, именно хронологическому, она (публикация.— В. Д.) день за днем отражает все стороны деятельности руководителей

⁹ «Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Серия III, 1914—1917. М., 1931—1938. В связи с выходом в свет этой фундаментальной публикации в советской исторической периодике появился ряд статей, раскрывавших источниковедческое значение издаваемых документов. Особое внимание авторы этих статей уделяли разоблачению фальсификаторских приемов буржуазных публикаторов дипломатических документов. Так, весьма тонкий анализ «цветных книг», а также многочисленных публикаций, появившихся после Версальского мира, был осуществлен А. С. Ерусалимским. См. А. С. Ерусалимский. Вопрос об ответственности за войну. (Документы по истории мировой войны как орудие политической борьбы).— «Историк-марксист», 1932, т. 1—2. Интересна также рецензия В. М. Хвостова на первый и третий тома «Международных отношений», опубликованная в «Проблемах марксизма» (№ 8—9 за 1931 г.).

¹⁰ Подготовка к изданию «Международных отношений в эпоху империализма» началась еще с 1928 г., когда по решению Советского правительства при ЦИК СССР была создана специальная комиссия по изданию документов эпохи империализма. Председателем комиссии и главным редактором был назначен М. Н. Покровский. Большую роль в подготовке издания к печати сыграл заместитель председателя и главного редактора Я. А. Берзин. Пять томов «Международных отношений» были отредактированы М. Н. Покровским.

¹¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871—1914», Bd. 1—40. Berlin, 1922—1927; «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914», v. 1—11. London, 1926—1938; «Documents diplomatiques français (1871—1914)», serie 1—3. Paris, 1929—1960; «Österreich—Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914». Bd. 1—9. Wien, 1930.

империалистической политики царского правительства. Помимо документов Министерства иностранных дел, которые используются с максимальной полнотой, в это издание включаются также многие важные документы из архивов других ведомств (министерств военного, морского, финансов, торговли, промышленности и т. д.)»¹².

Получившее весьма высокую оценку со стороны исследователей и архивных работников в СССР, издание «Международных отношений» было с большим интересом встречено и за границей. Неслучайно сразу же после выхода публикации осуществляется ее перевод на немецкий язык¹³ под руководством профессора Отто Хётча.

Выход последующих томов «Международных отношений» способствовал дальнейшему расширению базы исторического исследования по проблемам международных отношений и внешней политики и подготовил появление значительного числа работ советских ученых в этой области.

Огромная заслуга как в организации публикаторской деятельности в области истории международных отношений, так и в расширении числа марксистских исследований по этой проблеме, бесспорно, принадлежит М. Н. Покровскому. Еще в годы первой мировой войны (1914—1918) появились остро разоблачительные статьи Покровского¹⁴, направленные против агрессивной политики империалистических государств.

Поставив перед собой задачу разоблачения в первую очередь антинародной, реакционной политики правящих кругов царской России, стремясь противопоставить русской буржуазно-дворянской историографии новую концепцию, Покровский направил основной удар против русского империализма. Анализируя его действия и действия союзников России по Антанте, Покровский искал факты для доказательства тезиса о первоочередной виновности стран Антанты в развязывании войны.

Подобный подход определил известную тенденциозность в до-революционных работах Покровского, которая в полной мере не была им преодолена и в последующих трудах.

Ведя решительную борьбу против русского царизма, он старался в своих многочисленных публицистических статьях и рефератах обосновать мысль о том, что война была «нападательной» со стороны Антанты вообще, и России в частности. Одной из главных причин, которые, по мнению Покровского, способ-

¹² «Международные отношения в эпоху империализма». Сокращ. изд. Серия III, т. I. М., 1935, стр. VI.

¹³ Die Internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus... Hrsg. von Otto Hoetzsch. С 1931 по 1944 г. в Германии было издано 11 томов «Международных отношений».

¹⁴ См., например, статьи: «Исторические задачи», «К выступлению Турции», «Виновники войны» и др.— М. Н. Покровский. Империалистическая война.

ствоvalи развязыванию войны, было стремление России к аннексии Константинополя и проливов. «Что война 1914 г. была для императорской и буржуазной России объективно войной за Царьград, войной за „турецкое наследство“, это для людей, мало-мальски принципиальных, было ясно с самого начала»¹⁵, — писал Покровский в статье «Три совещания» (1919 г.).

В соответствии со своей схемой торгового капитализма он писал о решающем значении в сфере международных отношений борьбы за торговые пути. По сути дела, все внешнеполитические линии политики царской России конца XIX — начала XX в. он рассматривал сквозь призму проблемы Босфора и Дарданелл. В ней он видел объяснение того, что именно русский капитал подготовил непосредственное развязывание войны, дав ей лозунг: «Ключи от собственного дома!» (т. е. проливы. — В. Д.). Доводя эту мысль до логического конца, Покровский утверждал, что для того «чтобы овладеть „дверью от собственного дома“, нужно устроить такую войну, где немцы непременно были бы на сцене»¹⁶. Однако в дальнейшем знакомство Покровского с новыми документальными материалами заставило его в известной мере пересмотреть свое отношение к степени «виновности» германского империализма в развязывании первой мировой войны. Так, в одной из своих последних работ он писал, что «к войне привели захватнические вождедения всех империалистических правительств, но ни одно из них не призналось и не признается... в этом»¹⁷. И все же тезис о «предупредительной войне» Антанты против Германии встречался в работах Покровского до конца¹⁸.

Несколько односторонний подход при оценке особенностей первой мировой войны, присущий ранним работам советских историков, начинает преодолеваться с середины 30-х годов. В этом можно убедиться на примере наиболее крупного для того времени исследования по истории войны, написанного Н. П. Полетикой¹⁹. В этой монографии, основанной на использовании

¹⁵ Там же, стр. 117. Это утверждение Покровского нашло развитие в цикле статей Я. М. Захера, который вслед за Покровским пытался доказать, что стремление к захвату Константинополя определило собой «всю линию поведения русской дипломатии» (Я. М. Захер. К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами. — «Из далекого и близкого прошлого». Пг., 1923; он же. Русская политика по вопросу о Константинополе и проливах во время триполитанской войны. — «Известия ЛГПИ им. А. И. Герцена». Л., 1928).

¹⁶ М. Н. Покровский. Империалистическая война, стр. 112.

¹⁷ Там же, стр. 360.

¹⁸ М. Н. Покровский. Америка и война 1914 года. — «Историк-марксист», 1929, т. 15, стр. 15, 29. В предельно упрощенной форме проблема ответственности за войну решалась Н. П. Полетикой, который в своей книге «Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1908—1914 гг.» (Л., 1930) доказывал, что Германия оказалась спровоцированной на войну, а сараевское убийство явилось «сербским государственным предприятием под русским контролем».

¹⁹ Н. П. Полетика. Возникновение мировой войны. М.—Л., 1935.

значительного числа документальных материалов, прослежена дипломатическая подготовка первой мировой войны. Особенно тщательно рассмотрены обстоятельства июльского кризиса. И хотя автору полностью еще не удалось избавиться от ряда ошибочных формулировок, присущих другой его книге — «Сараевское убийство», основные выводы монографии находятся в решительном противоречии с этой работой²⁰. Это обстоятельство и излишней полемической заостренностью «Сараевского убийства» против работ Е. В. Тарле, касающихся первой мировой войны.

Кроме того, необходимо отметить появление первых критических статей, в которых был предпринят содержательный анализ сильных и слабых сторон концепции Покровского²¹.

К концу 20-х — началу 30-х годов было опубликовано уже немало содержательных работ историков-марксистов и исследователей, тяготеющих к марксизму, в которых был сделан ряд важных обобщений в области изучения истории международных отношений конца XIX — начала XX в. Среди исследований следует назвать большой цикл статей А. Л. Попова, изучавшего различные стороны внешнеполитической борьбы империалистических держав. Его работы, основанные на широком использовании архивов, были посвящены в значительной своей части соперничеству европейских стран за господство над странами Ближнего и Дальнего Востока²².

Другая группа работ Попова касалась международных отношений стран Западной Европы и США²³. Привлечение им большого числа ранее неизвестных документов дало возможность по новому взглянуть на сложный и запутанный узел международных противоречий в Иране, Тибете, Китае и других районах.

²⁰ Как отмечает автор, он в первую очередь стремился «уточнить и исправить» свои выводы о позиции Австрии и Германии в период июльского кризиса 1914 г. Дальнейшие уточнения, касающиеся позиции Сербии и русско-сербских отношений, внесены Н. П. Полетикой в новое издание его книги «Возникновение первой мировой войны (Июльский кризис 1914 г.)». М., 1964.

²¹ А. Ерусалимский. Империалистические группировки и дипломатическая подготовка мировой войны 1914 г.— «Мировое хозяйство и мировая политика», 1934, № 6; Б. Вебер. Империализм в оценке М. Н. Покровского.— «Книга и пролетарская революция», 1935, № 4.

²² А. Попов. Страницы из истории русской политики в Персии.— «Международная жизнь», 1924, № 4—5; он же. Англо-русское соперничество на путях Ирана.— «Новый Восток», 1926, кн. 12; он же. Россия и Тибет.— «Новый Восток», 1927, кн. 18; он же. Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания.— «Красный архив», 1927, т. 2(21); он же. Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899).— «Красный архив», 1927, т. 6(25); он же. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.). Предисловие к публикации документов.— «Красный архив», 1932, т. 3(52).

²³ А. Попов. Вступление Америки в войну.— «Историк-марксист», 1928, т. 7; он же. Вокруг поездки Вивини и Альбера Тома.— «Красный архив», 1926, т. 2(15).

В 1928 г. было опубликовано содержательное исследование по истории международных отношений в Европе в конце XIX в.²⁴, принадлежавшее перу С. Д. Сказкина. В его монографии использовано большое число неопубликованных архивных материалов. На их основании автор проанализировал русско-германские и русско-австрийские отношения, поставив их в связь с восточным вопросом в 80-е годы XIX в. Исследование Сказкина показывало различные аспекты дипломатических взаимоотношений трех стран: создание германо-австрийского союза, заключение союза трех императоров, деятельность России и Австрии на Балканах, русскую политику в Болгарии и т. д. Специальное внимание Сказкин стремился уделить рассмотрению экономики исследуемой им эпохи и ее воздействию на внешнюю политику. «Я думаю,— писал он Н. И. Карееву по этому поводу,— что в области фактов внешней политики никакое подчеркивание экономической стороны не будет излишним. К высокой оценке роли экономики в области внешней политики меня приучили сами дипломатические документы, затем теоретическая и практическая деятельность политиков такого калибра, как Бисмарк. Значение экономических расчетов становится особенно ясным, когда читаешь не то, что публикуется для всеобщего сведения... а то, что остается в глубине канцелярии»²⁵. В меньшей степени учтена в работе Сказкина связь внешней политики с классово-политической борьбой, что было вообще характерно для многих произведений советской историографии международных отношений тех лет.

Хронологически близки к теме монографии С. Д. Сказкина большое исследование Б. А. Романова и работы молодых тогда историков-марксистов А. С. Ерусалимского и В. М. Хвостова, стремившихся рассмотреть ряд аспектов международных противоречий конца XIX — начала XX в.

Так, в книге Романова²⁶, базирующейся на большом числе архивных материалов, рассмотрены международные отношения на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в., в первую очередь маньчжурский вопрос. Основной вывод автора сводился к тому, что во внешней политике Российской империи того времени проблема Маньчжурии заняла «первенствующее... место»²⁷.

В исследовании Ерусалимского, рассматривающего обстоятельства военной тревоги 1875 г.²⁸, показаны сложные перипетии франко-германских отношений начала 70-х годов, которые Бисмарк стремился направить в русло полной изоляции Франции.

²⁴ С. Д. Сказкин. Конец австро-русско-германского Союза, 1879—1884, т. 1. М., 1928.

²⁵ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 119, к. 11, л. 21, л. 1—2.

²⁶ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

²⁷ Там же, стр. 3.

²⁸ А. С. Ерусалимский. Военная тревога 1875 года.— «Ученые записки Института истории РАН ИОН», т. 6. М., 1928.

Внешнеполитический курс Бисмарка был предметом исследований В. М. Хвостова²⁹. Приводя многочисленные и разнообразные документы, автор раскрыл содержание антирусской и антифранцузской политики германского канцлера, направленной к изоляции Франции и подготовке новой франко-германской войны. В. М. Хвостовым был исследован также сложный клубок международных противоречий на Ближнем Востоке³⁰. Отмечая достаточно активные действия русской дипломатии на Балканах, он видел в этом одну из причин англо-русского антагонизма. Обострив отношения с Россией и Францией, Англия оказалась к середине 90-х годов в состоянии полной изоляции. И лишь последующая германская активность подготовила в начале XX в. англо-франко-русскую Антанту. Однако, прежде чем пойти на это соглашение, Англия сделала беспочвенную, как это было ясно с самого начала, попытку сблизиться с Германией³¹. Столь же беспочвенны были и германо-американские переговоры³².

Наряду с исследованиями по истории международных отношений и внешней политики России конца XIX — начала XX в., принадлежащих перу историков-марксистов, было опубликовано значительное число работ, написанных учеными, остававшимися в то время еще в основном на буржуазных позициях. В значительной своей части эти работы связаны с именем Е. В. Тарле и деятельностью руководимого им в 1922—1924 гг. журнала «Анналы». Не случайно, тема мировой войны на страницах «Анналов» стала определяющей³³.

В период мировой войны и первые годы после ее окончания Тарле выступил с рядом работ, связанных с проблематикой мировой войны 1914—1918 гг. В противоположность Покровскому, он усиленно старался доказать решающую роль Германии в развязывании войны, затушевывая агрессивность стран Антанты. Эта тенденция, характерная для русской буржуазной историографии, проявлялась не только в работах самого Тарле, но и в содержании «Анналов» на всем протяжении их существования.

²⁹ В. М. Хвостов. Кризис внешней политики Бисмарка.— «Историк-марксист», 1934, т. 5.

³⁰ В. М. Хвостов. Ближневосточный кризис 1895—1897 гг.— «Историк-марксист», 1929, т. 13; он же. Проблема захвата Босфора в 90-х годах XIX в.— «Историк-марксист», 1930, т. 20.

³¹ В. Стальной. Попытки англо-германского сближения в 1898—1901 гг.— «Историк-марксист», 1928, т. 10; он же. Неудавшаяся Антанта (Последний этап англо-германских переговоров о союзе 1901 г.).— «Марксыцкi зборник», кн. 2, Минск, 1931 (на белорусск. яз.).

³² А. С. Ерусалимский. Германо-американские отношения в конце XIX в.— «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 10—11.

³³ В своих письмах к предполагаемым авторам журнала Тарле ориентировал их в первую очередь на написание обзоров и статей по «истории подготовки, ведения и конца великой войны», а также времени 1918—1921 гг. Специальное внимание он обращал на выявление архивного материала, относящегося к 1905—1917 гг. (Письмо Е. В. Тарле к А. Н. Савину от 14.11 1922 г.— ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 263, к. 30, д. 13а).

Однако по мере того, как Тарле стал во второй половине 20-х годов более глубоко осваивать марксизм, он начал постепенно преодолевать ограниченность еще не изжитой им либерально-буржуазной методологии. Эта тенденция наметилась уже в изданной им в 1927 г. работе «Европа в эпоху империализма»³⁴. Уже в первой главе книги Тарле стремился дать характеристику основных признаков новой эпохи. Знакомство с этими определениями убеждает в том, что Тарле не прошел мимо пяти ленинских признаков империализма, но часть из них он не принял в то время и вместо этого выдвинул свои формулировки. Так, одним из признаков империализма он считал вступление на мировую арену Соединенных Штатов Америки. А развитие и экспансия американского империализма явились, по его мнению, результатом «демократизации капитала». Совершенно не приемлем, разумеется, вывод Тарле, будто в эпоху империализма классовая борьба смягчается³⁵.

Ряд упреков можно сделать Тарле и по вопросу об определении виновников войны. После выхода из печати книги Тарле она подверглась суровой, хотя и далеко не во всем обоснованной критике на страницах печати³⁶ за бесспорное пристрастие автора к разоблачению преимущественно агрессивности Четверного союза, в первую очередь Германии, несмотря на неоднократные оговорки, в которых он признавал также и ответственность Антанты. Однако фактический материал книги разоблачал все же лишь одну из воюющих сторон. Как отмечал позднее В. М. Хвостов, «в этом известная ее слабость и односторонность, как исторического труда. Но как раз в этом же и ее сила. Книга и сейчас сохраняет ценность именно как страстный, полный искренней ненависти, художественно выполненный памфлет против германского империализма, справедливо бичующий преступления кайзеровской Германии»³⁷.

Интересно, что именно в сфере внешнеполитических исследований наблюдалось воздействие марксистской методологии на концепции крупных представителей русской буржуазной исторической науки. Кроме Тарле, это относится к А. Н. Савину (1873—1923 гг.). Интерес Савина к вопросам международных отношений значительно возрос еще со времени войны, когда он выступил с серией докладов, посвященных англо-русским отношениям, а также вел в 1915—1916 гг. семинарий в Московском университете по истории русско-германских отношений. Об этом семинарии ученик Савина Сказкин писал: «Семинарий по

³⁴ Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма, изд. 1-е. М.—Л., 1927; изд. 2-е, доп. М.—Л., 1928.

³⁵ Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма, изд. 1-е.

³⁶ М. Н. Покровский. «Новые» течения в русской исторической литературе.— «Историк-марксист», 1928, т. 7.

³⁷ В. М. Хвостов. От редактора.— Е. В. Тарле. Соч., т. V. М., 1958, стр. 6.

русско-германским отношениям во второй половине XIX в. был исключительно интересный. Здесь мы впервые познакомились с тем, как должен историк ставить и исследовать вопросы международных отношений, исходя из узкого круга дипломатических переговоров и документов и постепенно расширяя свое изучение до пределов общих исторических условий в жизни отдельных элементов этих отношений: обществ и государств»³⁸. Работа семинария чрезвычайно заинтересовала и самого руководителя, и когда уже после революции Савину пришлось в 1919—1920 г. работать в архиве бывшего Министерства иностранных дел, он обратился к исследованию русско-прусских отношений при Николае I, малоизученных в историографии. Савину удалось использовать семейную переписку царской фамилии, хранившуюся в так называемой собственной библиотеке Зимнего дворца. Но наряду с нею им были частично обследованы и материалы дипломатической переписки русского Министерства иностранных дел.

Скоропостижная смерть Савина не дала ему возможности завершить свое исследование, фрагменты которого в виде четырех статей были опубликованы уже после его смерти³⁹. Наибольший интерес представляла статья, посвященная русско-прусским отношениям накануне революции 1848 г.⁴⁰ Именно в ней начинает ощущаться то движение к восприятию марксизма, хотя и через экономический материализм, которое было характерно для творческого пути Савина в послеоктябрьский период. Это видно хотя бы из данной им характеристики содержания внешней политики Николая I, несколько созвучной взглядам Покровского. «На деле николаевская международная политика определялась не родственными связями и не политическими теориями, а интересами русского народного и государственного хозяйства, повелительными потребностями молодого, но росшего не по дням, а по часам промышленного, фабрично-заводского капитализма. Весьма обычно рисуют Николая исключительно дворянским, феодальным царем. В действительности он был первым на русском престоле представителем буржуазной монархии, вел сознательную и систематическую буржуазную политику»⁴¹,— писал здесь Савин.

Очень показательны и то, что после революции Савин приступил к разработке наиболее сложных теоретических проблем международных отношений конца XIX—начала XX в. Так, с 1919/20 г. он начал читать в Московском университете курс по истории империализма. К сожалению, полный текст курса пока

³⁸ С. Д. Сказкин. А. Н. Савин как учитель.— «Труды Института истории РАНИОН», т. I. Памяти Александра Николаевича Савина. М., 1926, стр. 54.

³⁹ «Труды Института истории РАНИОН», т. I, 1926; «Из далекого и близкого прошлого». Пг.—М., 1923; «Россия и Запад». Пг., 1923.

⁴⁰ А. Н. Савин. Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840—1848).— «Россия и Запад».

⁴¹ Там же, стр. 117.

не удалось разыскать, однако даже черновые наброски⁴², сохранившиеся в архиве историка, показывают, что его лекции были построены на основе широкого круга источников и литературы и глубокого анализа трудов К. Маркса и В. И. Ленина.

Работа Савина над проблемой империализма была продолжена его учеником П. Ф. Преображенским. Курс лекций Преображенского⁴³ «Очерк истории современного империализма», трижды изданный в 1926 г., хотя и не свободный от отдельных неточных формулировок, был уже в значительной мере построен на основе ленинской периодизации империализма.

Таким образом, не сразу и во многом опосредствованно марксистская концепция исторического процесса оказывала все большее воздействие на лучших представителей буржуазной исторической науки, что достаточно отчетливо можно было увидеть на примере работ по истории международных отношений и внешней политики России, написанных Тарле и Савиным.

Анализ международных отношений конца XIX — начала XX в. определил основную линию исследования советской историографии в 20-е и 30-е годы. Однако необходимо упомянуть и некоторые работы, посвященные отдельным вопросам внешней политики России более раннего времени, значение которых заключается главным образом в том, что их авторы использовали неопубликованные материалы советских и иностранных архивохранилищ. К этим исследованиям относились статьи таких различных по своим методологическим установкам авторов, как М. М. Богословский В. И. Пичета, М. С. Балабанов, И. С. Звавич, Е. В. Тарле, В. А. Бутенко, Л. А. Фейгина и др.⁴⁴

Более значительная группа работ была посвящена внешней политике России в период революций 1848 г. и Парижской Коммуны 1871 г.

Меры, предпринятые царским правительством против распространения революционных идей в России в период революции

⁴² ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 263, к. 30, д. 11.

⁴³ П. Ф. Преображенский. Очерк истории современного империализма. М., 1926.

⁴⁴ М. М. Богословский. Русско-датский союз 1699—1700 гг.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 4, 1929; В. И. Пичета. Французские дипломаты о торговле России с Францией в первые годы царствования Екатерины II.— «Труды Белорусского университета», 1928, № 20; М. С. Балабанов. Россия и европейские революции в прошлом, вып. I. Россия и Великая французская революция. Киев, 1924; И. С. Звавич. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение.— «Печать и революция», 1925, кн. 8; Е. В. Тарле. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842—1847 гг. В кн. Е. В. Тарле. Запад и Россия. Пг., 1918; В. В. Бутенко. Un projet d'alliance franco-russe en 1856, d'après des documents inédits des archives russes.— «Revue historique», t. CLV, 1927, mai-août; Л. А. Фейгина. Из истории русско-французских отношений. (Секретный договор 3 марта 1859 г.).— «Века». Исторический сборник, т. I. Пг., 1924.

1848 г., были раскрыты в исследованиях М. Н. Покровского, А. А. Шилова, Н. С. Платоновой⁴⁵.

Исследования А. С. Нифонтова⁴⁶, использовавшего многочисленные архивные материалы, показали огромное влияние революции 1848 г. на все классы русского общества.

Нарастание в России кризиса феодально-абсолютистской системы должно было еще больше поляризовать различные социальные силы страны перед лицом надвигающейся революции в Европе. И как убедительно доказывал Нифонтов, русский царизм стал на путь спасения европейских реакционных правительств именно в тот период, когда перед самой Россией возникла перспектива неизбежной буржуазной революции.

К подобному же заключению пришла и Р. А. Авербух, изучавшая комплекс вопросов, связанных с царской интервенцией против венгерской революции в 1849 г.⁴⁷ Отмечая, что сутью внешней политики России в середине XIX в. была борьба против европейских революций, Авербух писала, что «...венгерская революция, идя по восходящей линии, могла победить, и тогда ход революционного движения в Восточной и Средней Европе принял бы совершенно иное направление»⁴⁸.

Уже с первых лет своего существования советская историография обратилась к изучению русско-французских отношений во время Парижской Коммуны 1871 г. Вначале это были обзоры современной Коммуне русской печати (книжка М. С. Балабанова, статьи М. И. Мебеля, И. Я. Браславского, Л. М. Добровольского)⁴⁹. В них еще не нашли отражения наиболее важные архивные материалы, опубликованные лишь впоследствии. Поэтому у некоторых авторов видна явная недооценка формировавшихся революционных сил России. Этим недостатком, в частности, страдает работа Браславского, писавшего об отсутствии откликов на события в Париже со стороны передовой русской общественности⁵⁰.

⁴⁵ М. Н. Покровский, Ламартин, Кавеньяк и Николай I.— «К 75-летию революции 1848 года». М., 1923; А. А. Шилова. Революция 1848 г. и ожидание ее в России.— «Голос минувшего», 1918, № 4—6; Н. С. Платонова. Николай I и революционное движение во Франции.— «Анналы», 1922, № 2.

⁴⁶ А. С. Нифонтов. Влияние революции 1848 г. в России.— «Каторга и ссылка», 1930, кн. 10; он же. «1848 год в России». Очерки по истории 40-х годов. М.— Л., 1931.

⁴⁷ Р. А. Авербух. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг. (Предисловие Бела Куна). М., 1935.

⁴⁸ Там же, стр. 266.

⁴⁹ М. С. Балабанов. Россия и европейские революции в прошлом, вып. 3. Парижская Коммуна. Киев, 1925; М. Мебель. Парижская Коммуна в отражении современной ей русской печати.— «Современник», 1922, кн. 1; И. Браславский. Парижская Коммуна перед судом русской реакции.— «Красная новь», 1927; № 5; Л. М. Добровольский. Парижская Коммуна в русских запрещенных изданиях 70-х годов.— «Книга о книге», т. III. Л., 1932.

⁵⁰ «Красная новь», 1927, № 5, стр. 183.

Большое значение для дальнейшего исследования русско-французских отношений имело предпринятое Централхивом издание дипломатических документов за период с 12 января по 21 ноября 1871 г., хранящихся в фондах Архива внешней политики России.

Среди этих публикаций особую ценность представляет сборник документов «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года»⁵¹. В него вошли письма, телеграммы, донесения и доклады, адресованные русскими дипломатическими представителями во Франции, Англии, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Швейцарии, Бельгии канцлеру А. М. Горчакову, а также некоторые другие дипломатические документы.

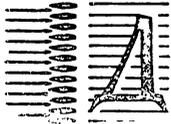
Анализ материалов, содержащихся в вышеуказанном сборнике, был осуществлен в специальной статье его редактора Ц. Фридлянда⁵².

Таким образом, советская историческая наука уже с 20-х — 30-х годов уделяет большое внимание изучению истории международных отношений и внешней политики России в период нового времени. Широко используя систематически вовлекавшиеся в научный оборот недоступные ранее архивные фонды, советская историография обогатилась рядом работ по дипломатической истории России, которые не потеряли своего значения и до настоящего времени.

⁵¹ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года». М.—Л., 1933. К этому изданию примыкает более ранняя публикация Б. М. Волина «Парижская Коммуна по донесениям царского посла» (М., 1926), содержащая телеграммы и письма русского поверенного в делах в Париже Окунева, посланные в Петербург в январе — марте 1871 г.

⁵² Ц. Фридлянд. Царская дипломатия и Парижская Коммуна.— «Парижская Коммуна». Сб. статей. М., 1932.

Марксистские листовки начала XX в. о крестьянской реформе 1861 г.

революционные марксистские листовки на историческую тему до сих пор были вне поля зрения историка. А между тем они представляют немалый интерес для исследователей развития самой исторической науки. Эти листовки служили делу распространения в народе подлинно научных исторических знаний, были первым опытом популяризации в массах марксистского понимания истории. Вместе с тем листовки характеризуют степень конкретно-исторических знаний работников местных социал-демократических организаций, уровень их марксистской культуры, самостоятельное участие в разработке важнейших вопросов истории России. Но, пожалуй, еще интереснее эти листовки в том отношении, что они раскрывают действительную роль исторической науки, ее место в освободительной борьбе. Историки обычно исследовали роль того или другого ученого в развитии исторической науки, писали о влиянии общественной идеологии эпохи на историческую науку. Но почти не изучалось воздействие самой исторической науки на общественное сознание. Чуть ли не единственным исключением являются упоминаемые в общих исторических курсах публичные лекции Грановского. В лице марксистов впервые политическая партия поставила перед собой задачу распространения в массах правильных, научных исторических знаний, видя в этом неотъемлемую часть своей борьбы за повышение сознательности народа. В. И. Ленин отмечал, что реакции в Германии удалось почти вытравить в немецком народе революционные традиции 1848 г. Подобное пыталась сделать и русская буржуазия после революции 1905 г., но ей это не удалось. Рабочий класс России начал первую революцию хождением к царю, а кончил ее Советами и вооруженным восстанием. Вторую революцию в феврале 1917 г. он начал с того, чем кончил в 1905 г., — с восстания и образования Советов. Русские рабочие хорошо усвоили уроки истории и не сидели два года в одном классе политической школы — в этом немалая заслуга большевиков, не давших вытравить из сознания масс опыт и ве-

ликие традиции первой русской революции. Такова красноречивая иллюстрация общественной функции исторической науки и значения распространения партий в народе исторических знаний.

В начале XX в. под влиянием ленинской «Искры» местные социал-демократические комитеты и группы весьма активно откликались на различные жгучие вопросы прокламациями и листовками. Революционная традиция вольного русского слова была продолжена и стократ умножена «Искрой» и комитетами РСДРП. Политическая агитация приняла невиданный ранее размах. Ушло в безвозвратное прошлое то время, когда в середине 90-х годов русские марксисты свой первый агитационный листок переписали от руки в четырех экземплярах. В 1903 г. Организационный комитет, подготовивший созыв II съезда РСДРП, распространил 300 тыс. первомайских прокламаций¹.

В политической и агитационно-пропагандистской деятельности местных социал-демократических организаций определенное место заняли листовки на исторические темы. Среди них выделяются листовки, посвященные годовщинам 14 декабря 1825 г., 19 февраля 1861 г. и 1 марта 1881 г. Изучение всех этих листовок, излагавших марксистское понимание крупнейших вопросов истории России XIX в., имеет немалое значение для наших знаний и представлений о развитии русской исторической науки.

Особую роль в политической агитации в начале XX в. играли листовки, посвященные крестьянской реформе. Их было больше всего. Но дело не только в числе листовок. В свое время вокруг проведения реформы шли острые классовые бои. Позднее ее истолкование стало предметом ожесточенной борьбы в историографии. Эта борьба усилилась в начале XX в., когда Россия вступила в полосу назревания революционного кризиса. В этой накаленной обстановке в связи с 40-летием крестьянской реформы общественная мысль обратилась к ее истокам, содержанию и последствиям. Издавались книги, статьи в журналах.

В 1900 г. вышла восьмым изданием пользовавшаяся большим успехом среди интеллигенции книга Г. Джаншиева «Эпоха великих реформ»; ее автора выдающийся русский марксист Н. Е. Федосеев метко назвал «типичнейшим из современных гимнослагателей»². Тогда же появилась популярная брошюра С. Князькова «Как сложилось и пало крепостное право» под редакцией профессора А. Кизеветтера, впоследствии члена ЦК кадетской партии. В 1903 г. была переиздана работа профессора И. Иванюкова «Падение крепостного права в России». Были опубликованы статьи Н. Рожкова «К вопросу об экономических причинах падения крепостного права в России» и И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения».

¹ «Искра», № 39.

² Н. Е. Федосеев. Статьи и письма. М., 1959, стр. 283.

В середине XIX в. царизм искал спасения в крестьянской реформе. В начале XX в. он пытался в славословии «великой реформе» найти лекарство от надвигавшейся революции. В 1903 г. по предложению министра внутренних дел Плеве синод постановил ежегодно отмечать день 19 февраля богослужением во всех церквях «для увековечения в русском народе молитвенно-благодарной памяти» о царе-«освободителе». Тысячи церквей включились в эту пропагандистскую кампанию. Заодно с ними действовали школа, народные библиотеки-читальни, печать. Легенда о царе Александре II, «освободителе» крестьян, должна была, по мысли официальных пропагандистов самодержавия, укрепить веру в царское правительство как радетеля интересов крестьянства. В том же духе по существу выступали либеральные историки, которые умилялись «отменой крепостного права» и затушевывали классовый характер «великой реформы».

Перед марксистами стояла неотложная задача — раскрыть народу глаза на «великую реформу», сказать правду об «освобождении крестьян». В апреле 1901 г. «Искра» опубликовала к 40-летию крестьянской реформы статью В. И. Ленина «Рабочая партия и крестьянство». В ней сжато излагалась марксистская концепция крестьянской реформы, провозглашался ее революционный пересмотр, выдвигалась аграрная программа марксистской партии, конкретно воплотившая идею революционного союза рабочего класса и крестьянства. В. И. Ленин придавал большое значение изданию листовок, посвященных крестьянской реформе. В апреле 1902 г. в «Письме „Северному союзу РСДРП“» он подчеркивал: «19 февраля нельзя обращаться (в листовках) только к рабочим. Не говоря уже о том, что вообще демонстрациями и листовками по поводу них мы всегда обращаемся ко всему народу и даже ко всему миру, — 19-го-то февраля необходимо обращаться и к крестьянству»³.

Одну из первых известных нам листовок о крестьянской реформе выпустила в 1901 г. «Искра». Сохранились следы ее редактирования В. И. Лениным⁴. Тогда же были изданы социал-демократические прокламации о 19 февраля в Екатеринославе, Киеве, Костроме, Петербурге, Харькове. В 1902 г. русская организация «Искры» призвала в своей прокламации к устройству демонстраций в день 19 февраля. Выпустили листовки и социал-демократы Дона, Екатеринослава, Крыма, Кишинева, Нижнего Новгорода, Николаева, Харькова, Ярославля и других городов.

Еще больший размах приняло издание листовок в связи с годовщиной крестьянской реформы в 1903 г. Прокламации издали Организационный комитет и многие местные социал-демократические организации: бакинская, брянская (орловская), гомельская, донская, иркутская, казанская, киевская, кишиневская.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 368.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 432.

новозыбковская, одесская, пермская, петербургская, самарская (совместно с уфимской), саратовская, томская, тульская, «Северный союз» и воронежские искровцы. Всего в 1903 г. 23 организации издали 24 листовки. Если учесть, что в этом же году первомайские прокламации выпустили 30 местных комитетов и групп, то следует признать годовщину 19 февраля массовой по своему значению и масштабу политической кампанией российской социал-демократии.

Это был достойный ответ русских марксистов на славословия с амвона. Об этом, в частности, прямо писали саратовские социал-демократы в листовке 1903 г.: «...напуганное правительство к испытанным средствам борьбы — выстрелам, тюрьме и ссылке — прибавляет казенно-церковное празднование 19 февраля. В этот день попы в своих проповедях, продажные газетчики в своих статьях будут говорить лживые речи об Александре II, как о царе благодетеле, чтобы поддержать падающую веру в царя!.. Послушайте же теперь и нас и узнайте правду про освобождение крестьян»^{4а}.

Всего за четыре года (1901—1904) 40 социал-демократических организаций издали 60 прокламаций о крестьянской реформе^{4б}. Листовки выпускались и распространялись по всей стране — от Петербурга до Баку, от Гомеля до Иркутска.

Тяжел и тернист был в царской России путь исторической правды к массам. Наши сведения о распространении листовок, посвященных крестьянской реформе, скудны и отрывочны. Об их издании и распространении рассказывает, в частности, ленинская «Искра». Известно, что Саратовский комитет в 1903 г. выпустил листовку тиражом 3 тыс. экземпляров⁵, а Бакинский комитет тогда же издал листовку на двух языках по 1,5 тыс.⁶ Екатеринославский комитет в том же году распространил несколько тысяч экземпляров прокламации Организационного комитета «4 августа 1789 г.— 19 февраля 1861 г.»⁷, в Новочеркасске местные социал-демократы распространили большим тиражом листовку Донского комитета «Предательское освобождение»⁸. Уфимский комитет в ночь на 19 февраля 1903 г. расклеил и разбросал по городу более 500 экземпляров и разослал в письмах по городу и губернии около 100 экземпляров листовки, изданной

^{4а} ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 27970.

^{4б} Эту цифру — 60 листовок — нельзя считать окончательной. В «Искре» упоминается о 18 листовках за 1901—1903 гг. Ознакомление с двумя основными московскими хранилищами листовок — Библиотекой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центральным государственным архивом Октябрьской революции — увеличило число прокламаций о крестьянской реформе, изданных за те же годы, до 46.

⁵ «Искра», № 39.

⁶ Там же, № 37.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

им совместно с Самарским комитетом⁹. Керченская социал-демократическая организация накануне 19 февраля 1903 г. свою листовку «Освобождение крестьян» разбросала по дворам и наклеила на всех кносах в городе, причем полиция спохватилась лишь к полудню следующего дня¹⁰.

В листовках давался марксистский анализ причин, сущности и последствий крестьянской реформы. Многие из них были по существу небольшими брошюрами по истории России второй половины XIX в. В одесской прокламации 1904 г. кратко излагался ход революционного движения в России от Радищева до возникновения марксистской партии, руководящей борьбой масс. Саратовская и тульская листовки 1903 г. сжато освещали историю крепостного права в России и крестьянскую борьбу от Разина и Пугачева до падения крепостного права.

Местные социал-демократические организации при написании листовок опирались на произведения Маркса, Энгельса, Ленина. Русские марксисты видели в крестьянской реформе важнейший рубеж в истории России, они пристально изучали ее причины и характер, ее влияние на развитие страны. Уже в первых трудах В. И. Ленина — «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» — сформулированы основные положения марксистской оценки крестьянской реформы. Существенные вопросы реформы рассмотрены в ленинских произведениях «Развитие капитализма в России», «От какого наследства мы отказываемся?», «Аграрная программа русской социал-демократии». Особое значение в разработке ленинской концепции реформы принадлежит ленинским статьям «Рабочая партия и крестьянство» и «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Много ценного для понимания крестьянской реформы содержалось в работах Г. В. Плеханова «Наши разногласия», «Всероссийское разорение», «О задачах социалистов в борьбе с голодом». Реформам 60-х годов была посвящена статья Н. Е. Федосеева «Историческая справка»¹¹.

Однако перед авторами листовок стояла не только популяризаторская задача, но в известной мере и исследовательская. Тогда фактически еще не было ни одной специальной марксистской работы о крестьянской реформе (если не считать упомянутой статьи Федосеева). Поэтому они должны были самостоятельно использовать конкретный исторический материал, содержащийся в сочинениях дворянских и буржуазных историков о реформе.

Много внимания в листовках уделялось причинам падения крепостного права. Листовки разъясняли, что не добрая воля

⁹ «Искра», № 37.

¹⁰ Там же, № 44.

¹¹ «Самарский вестник», январь 1897 г.

царя и не распространение в обществе гуманных идей, а требования самой жизни вызвали освобождение крестьян.

Сравнительно обстоятельно раскрывались экономические причины крестьянской реформы. Крепостничество тормозило экономическое развитие страны, говорилось во многих листовках. Иркутский комитет в листовке 1903 г. указывал: «Промышленная и торговая жизнь в России развивалась, конечно, и до 61 года, но развивалась медленно, туго, опутанная и сдерживаемая уздой дореформенных крепостнических отношений»^{11а}. Об этом же писали одесские марксисты в 1904 г.: «под влиянием нужд и потребностей развивающейся городской промышленности и товарного производства Россия должна была из азиатской страны превратиться в европейскую и отживший крепостнический порядок заменить новым, буржуазным»¹².

Авторы листовок не ограничивались вскрытием основной экономической причины падения крепостного права.

Некоторые комитеты (Костромской, Саратовский, Брянский, Томский) отмечали и материальную заинтересованность царского правительства в освобождении крестьян. Правительство испытывало огромные финансовые затруднения, нуждалось в деньгах; одним из главных источников были крестьянские подати, но между государством и крестьянином стоял помещик, обиравший крестьянина¹³.

При характеристике сил, стоявших за реформу, за отмену крепостного права, не забыты и помещики. Вот что об этом сказано в костромской листовке 1901 г.: «В освобождении крестьян была заинтересована также и небольшая часть дворян, так как некоторые помещики черноземных губерний, ведущие хлебную торговлю, нашли, что принудительный труд крепостных является для них менее выгодным, чем труд вольнонаемных рабочих. Эта часть помещиков тяготилась крепостным правом и желала его падения»¹⁴. Подобная же мысль высказана в саратовской листовке 1903 г.: «Уже в 30-х и 40-х годах, т. е. во время существования крепостного права, стали появляться хозяйства, в которых работы производились свободным, вольнонаемным, а не крепостным трудом. И что же? Оказалось, что такие хозяйства давали помещикам дохода 15 и 20 процентов, тогда как обычный доход крепостного хозяйства был 8—10 процентов... вольный работник становился для помещика более выгодным»¹⁵.

Отмечалась в листовках и задолженность помещиков как один из факторов, способствовавших падению крепостного права. Так, в костромской листовке сообщалось, что в 1859 г. было

^{11а} ЦГАОР, СССР, МЮ, ф. 16203, д. 333, т. I, 1903, л. 5.

¹² ЦГАОР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 11030.

¹³ Там же, инв. № 1228. Костромская листовка 1901 г.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, инв. № 27970.

заложено две трети дворянских имений, за которыми числилось долга 450 млн. руб.¹⁶ Об огромной задолженности помещиков упоминала и листовка Донского комитета в 1903 г.¹⁷

Широко освещались в листовках политические причины освобождения крестьян. В крестьянской борьбе авторы листовок видели важнейшую причину падения крепостного права. «Огромную роль в деле освобождения сыграли также сами крестьяне. Они тяготились положением бесправного раба и не раз пытались добыть себе освобождение от господского гнета»¹⁸. Мы привели высказывание костромской листовки. Аналогичную оценку значения крестьянского движения мы находим во всех листовках.

Дворянско-буржуазная историография замалчивала крестьянскую борьбу, особенно в период падения крепостного права. Джаншиев умилялся «удивительной политической выдержкой народа»¹⁹. Иванюков вынужден был признать, что в 1854—1855 гг. происходили крестьянские волнения. Но стоило только, по его утверждению, царскому правительству сделать соответствующее «разъяснение», как в 1858 г. «стали исчезать и опасения крестьянских волнений», ибо имели место только «отдельные незначительные беспорядки»²⁰. Мимоходом упоминает о крестьянских волнениях Князьков, приводя лишь две разрозненные цифры²¹.

Авторы марксистских листовок весьма убедительно опровергали легенду о спокойствии крестьян. В листовках Донского, Одесского, Саратовского комитетов и Северного союза говорится, что за время царствования Николая I произошло более 500 крестьянских волнений. «И чем ближе к освобождению, тем бунты становятся чаще, тем настойчивее крестьяне требуют освобождения», — заключает автор донской листовки 1903 г.²²

Большинство листовок много внимания уделяло Крымской войне, подчеркивая, что поражение вынудило царское правительство пойти на отмену крепостного права. «Севастопольская война окончательно показала, что крепостная Россия никуда не годится», — читаем мы в тульской листовке 1903 г.²³ Хорошо сказано об этом в костромской листовке 1901 г.: «Крымская война 55 года ясно показала, что Россия не может сыграть выдающейся

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 1228.

¹⁷ Библиотека ИМЛ, фонд архивного хранения, Ц 31112.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 1228.

¹⁹ Г. Джаншиев. Эпоха великих реформ. СПб., 1891.

²⁰ И. Иванюков. Падение крепостного права в России. СПб., 1882, стр. 49, 50.

²¹ С. Князьков. Как сложилось и как пало крепостное право, изд. 2-е. М., 1904.

²² Библиотека ИМЛ, фонд архивного хранения, Ц 31112. Авторы листовок, приводившие конкретные данные о крестьянском движении, несомненно, использовали исследование И. Игнатович «Помещицы крестьяне накануне освобождения» («Русское богатство», 1900, № 11).

²³ Библиотека ИМЛ, фонд архивного хранения, Ц 45310.

роли среди прочих государств Европы, пока не будет такой же промышленной страной, как эти последние. Правительство полагавшее, что «Россия может шапками закидать всех своих врагов», потерпело под Севастополем полное поражение, несмотря на поразительное геройство русских солдат»²⁴.

Обстоятельно показано значение Крымской войны в одесской листовке 1904 г.: «Севастопольский разгром 1854—1855 гг. был последним в ряде событий, предшествовавших падению крепостного права.

Севастопольское поражение вскрыло перед всем народом все язвы крепостничества, которые до сего времени правительство так тщательно прикрывало патриотическими фразами о мощи России и ничтожестве „гнилого запада“. Воровство и хищничество чиновников, темнота и нищета народных масс, произвол и беззаконие в судах и в администрации, отсутствие денег у казны, отсутствие железных дорог... все это показывало, что Россия азиатская, а не европейская страна, отживший строй должен исчезнуть, если Россия хочет жить. „Первый помещик“, как называл себя Николай I, это понял, но пережить такого переворота он не хотел и покончил с собой, завещая сыну как раз совершить то, на задержание чего ушло все его зверское царствование. Падение Севастополя было поражением царского правительства и уже потому великой победой для России»²⁵.

В истории не раз бывало, что ненароком сказанное слово срывало пышные одежды с политики господствующих эксплуататорских классов и обнажало ее подлинную классовую суть. Именно такой исторической правдой прозвучало заявление Александра II 30 марта 1856 г. представителям московского дворянства о необходимости освобождения крестьян: «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Это заявление полностью раскрывало подлинные мотивы царя-«освободителя» — животный страх перед новой пугачевщиной. Эти неприятные для нее слова дворянская и буржуазная историография пыталась скрыть от народа. В специальных работах (Иванюкова, Джаншиева) о них упоминалось вскользь, скороговоркой. В популярных брошюрах, рассчитанных на массового читателя, например в брошюре Князькова, они вообще не упоминаются. Газета «Новое время» попыталась дать насквозь лживую интерпретацию слов Александра II. «Основной мотив» реформы — «совесть», — утверждал орган помещиков-крепостников и продолжал: «император Александр II имел скромность сказать по поводу предпринятой им крестьянской реформы, что лучше реформа сверху, чем снизу... едва ли можно понимать приведенные слова императора Александра II в том смысле, что тогда у нас имелись основания опасаться серьезного движения среди крестьян против

²⁴ ЦГАОР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 1228.

²⁵ Там же, инв. № 11030.

крепостного права»²⁶. Марксисты широко распространили в массах эти слова Александра II. Нет буквально ни одной листовки, в которой бы они не приводились. А Иркутский комитет словам царя противопоставил в своей листовке 1903 г. эпитафия: «Гораздо лучше, чтобы это произошло снизу, нежели сверху»²⁷.

Еще больше места, чем причинам освобождения крестьян, авторы листовок уделяли анализу содержания самой крестьянской реформы. Дворянско-буржуазная историография обычно ограничивала свой анализ «Положением» 19 февраля. Марксисты центр тяжести перенесли на его итоги, его последствия для крестьян.

В листовках («Искры», Организационного комитета, Екатеринбургского и Саратовского комитетов) прежде всего подчеркивалось, что народ был отстранен от участия в выработке реформы, что ее разработали комитеты, составленные из дворян и царских чиновников. Листовки сосредоточивают внимание на главном — наделах и платежах.

Содержание реформы кратко и выразительно изложено в уже цитированной ростромской листовке 1901 г.: «Крестьяне были освобождены совершенно обобранными. Они получили значительно меньше земли, чем у них было при крепостном праве и чем им было нужно. Затем они принуждены были заплатить за эту землю гораздо дороже, чем она действительно стоила, так что сумма вносимых крестьянами платежей значительно превышала доход с их земли. Правительство, поступая таким образом, создало помещикам и фабрикантам дешевых работников»²⁸.

В других листовках эта картина еще больше конкретизировалась. В них указывалось, что крестьяне получили худшую землю, с песочком, с болотцем, с глиной. Землю им нарезали маленькими узкими полосами и в разных местах, так что они со всех сторон окружены угодьями помещиков. В пользу помещиков отрезали лучшие пахотные земли, отдали им необходимые крестьянину выпасы, водопой, луга, лес²⁹.

Чрезвычайно интересна листовка, изданная в 1903 г. Саратовским комитетом, автор которой приводил данные о количестве земли, отрезанной помещиками у крестьян. По шести черноземным губерниям вместо 6 млн. десятин у крестьян осталось только 4700 тыс. В Саратовской губернии крестьяне до освобождения имели 1400 тыс. десятин, им оставили лишь 800 тыс.³⁰

²⁶ «Новое время», 19 февраля 1903 г.

²⁷ ЦГАОР СССР, МЮ, ф. 16203, д. 333, т. I, 1903, л. 5.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 1228.

²⁹ Для сравнения укажем на популярную брошюру С. Князькова «Как сложилось и как пало крепостное право» (стр. 116), в которой он утверждал, что отрезки имели место чуть ли не в исключительных случаях и отрезались только «неунавоженные пашни, непоименные луга, кустарники, леса, удаленные от деревень».

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 27970. Эти цифры приводит В. Серебряков в своей работе «Землевладение в Саратов-

В одесской листовке 1904 г. отмечалось, что далеко не все крестьяне получили землю. Более 1,5 млн. дворовых совсем лишили земли. Без земли оказалось и около 400 тыс. крестьян тех помещиков, у которых было менее 75 десятин. Почти 500 тыс. крестьян получили нищенский надел в четверть или полдесятины. Общий итог автор листовки резюмировал следующим образом: «22 с половиной миллиона крестьян получили 117 миллионов десятин земли, тогда как около 100 000 помещиков получили 70 миллионов с лишним десятин! Другими словами, каждый помещик получил в 150 (сто пятьдесят) раз больше земли, чем каждый крестьянин»³¹.

Так же обстоятельно в листовках освещался вопрос о платежах. Указывалось, что крестьяне заплатили не только за свою потом и кровью политую землю, но и за свою свободу. «В цену земли была с лихвою включена и цена освобождаемой личности крестьянина»³². Точно, со знанием дела, на местном материале показано, сколь высок был выкуп. В восьми промышленных губерниях крестьяне заплатили по 33 руб. за десятину, а стоила она тогда всего 16 руб.³³

Интересный подсчет, во что обошлась крестьянам воля, сделал автор гомельской листовки 1903 г. «Воля царская»: «У нас в Могилевской губернии есть почти 2 миллиона десятин наделной крестьянской земли. За эту землю крестьяне платят каждый год одних выкупных платежей 14 миллионов рублей — за десятину, значит, по 7 рублей. Так платят они уже 42 года и будут платить еще 7 лет до 1910 года. Всего, значит, за десятину придется отдать по 343 рубля, а стоит она много меньше 100 рублей. Кроме того, крестьяне Могилевской губернии платят больше одного миллиона земских и мирских сборов и больше 5 миллионов собирается с них акцизного сбора. Итого крестьяне Могилевской губернии отдают в казну каждый год 20 миллионов рублей, а самих крестьян меньше миллиона, вот и платит каждый крестьянин больше 20 рублей в год за свою собственную, кровную землю»³⁴.

Очень красочно в листовках изображено правовое положение крестьянина, вышедшего из крепостной зависимости. Крестьянство осталось низшим податным сословием. Крестьянин лишен права свободного передвижения. Паспорт ему выда-

ской губернии и степень обеспеченности крестьян землей» («Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Саратовской губернии». Саратов, 1903, стр. 8, 12, 13). Автор листовки, очевидно, знал об этих данных еще до выхода в свет сборника, ибо на нем помечено: «Дозволено цензурою. Саратов, февраля 27-го дня 1903 г.», а листовка была издана в феврале.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 11030.

³² Там же, инв. № 27970. Саратовская листовка 1903 г.

³³ Там же.

³⁴ Там же, инв. № 27974.

ется только с разрешения властей и главы семейства. Его может сослать сельский сход. Он во власти мирового посредника из дворян. Он прикреплен к сельскому обществу. «Розги — это наследие крепостного права — царят в деревне»³⁵. Крестьяне подчинены чиновникам.

Естественно, что крестьяне сопротивлялись такой «воле». Об этом сказано в ряде листовок. Автор брянской листовки 1903 г. сообщал: «За первые два года в 29 губерниях было 1100 бунтов. Крестьяне отказывались принимать уставные грамоты и ждали настоящего царского манифеста, который будто бы был спрятан дворянами. Бунтовщиков, как водится, усмирили. Поркой и ружейной пальбой их заставили принять эту горькую волю»³⁶. Как указывалось в бакинской листовке 1903 г., «крестьянство не было организовано, у него не было сознательной, защищающей его интересы партии. Слово „воля“ волшебным опьянением звучало для них, и им казалось, что, добившись воли, они всего достигнут. Правительство хорошо знало эту неподготовленность народа и обмануло его»³⁷.

Никто лучше самого Александра II не сказал о том, в чьих интересах была крестьянская реформа. В ряде листовок приводятся его слова на заседании Государственного совета 28 января 1861 г.: «Вы убедитесь, что все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, — сделано»³⁸.

Общий вывод о характере реформы хорошо сформулировал автор одесской листовки 1904 г.: «„Освобождение“ крестьян совершенно не в их интересах, а в интересах нарождавшихся капиталистов и отживавших помещиков»³⁹.

В некоторых листовках отмечается, что были люди, которые выступали в защиту крестьян. Об этом говорит автор упомянутой одесской листовки: «Писатели Новиков и Радищев, декабристы и петрашевцы (кружок интеллигентов во главе с своим организатором Петрашевским), Белинский и Грановский, Чернышевский и Добролюбов, Тургенев и Герцен являлись в глазах правительства преступниками, врагами порядка только потому, что провозглашали священные и неотъемлемые права человека на свободу»⁴⁰. А автор статьи в органе пермских марксистов прямо указывает, что революционеры боролись против проводимой крепостниками-помещиками реформы: «Реформу славословили не все, так как наиболее чуткие общественные деятели хорошо понимали, что такое „освобождение“ равносильно разоре-

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 18803. Листовка «Искры» 1901 г.

³⁶ Библиотека ИМЛ, фонд архивного хранения, Ц 22095.

³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 26678.

³⁸ Дворянские и буржуазные историки весьма неохотно приводили эти слова Александра II.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1741, коллекция нелегальных изданий, инв. № 11030.

⁴⁰ Там же.

нию крестьян. Писатели Добролюбов, Чернышевский и другие начали разъяснять смысл „великой реформы“. Правительству это сильно не понравилось, и началось гонение на свободное слово, на общественных деятелей. Чернышевского убрали на 20 лет на каторгу»⁴¹. Либералы восхваляли как одного из идеологов реформы Кавелина, которого В. И. Ленин заклеил как «подлого либерала»⁴². Марксисты напоминали народу о Чернышевском — вожде крестьянской революции.

Остается сказать несколько слов о том, как в листовках освещены последствия крестьянской реформы. Авторы ряда листовок напоминали слова Некрасова: «На место цепей крепостных люди придумали много иных». Эти новые цепи — помещичья кабала в виде отработок и капиталистическая эксплуатация. Говоря о последствиях реформы, следует упомянуть о тульской листовке 1903 г. Она заканчивается рисунком. Брошенная изба без кровли, с заколоченными окнами. Павшая лошадь. Печально бредут крестьяне; голову одного из них терзает двуглавый орел... А вдаль дымят фабричные трубы... Так неизвестный художник красочно изобразил результат «освобождения» крестьян⁴³.

Дворянские и буржуазные историки не смогли создать подлинно научную историю крестьянской реформы. В этом, в частности, сказался начавшийся кризис буржуазной исторической науки. Марксистские листовки о крестьянской реформе, несмотря на тяжелейшие условия, в которых они писались, оказались неизмеримо выше в научном отношении, чем труды профессиональных историков. Авторы этих листовок самостоятельно исследовали многие источники и внесли свой вклад в складывавшуюся марксистскую концепцию крестьянской реформы.

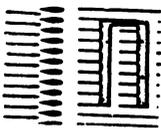
1861-й год породил 1905-й, писал В. И. Ленин. Большая роль в идейной подготовке первой русской революции принадлежала прокламациям и листовкам, выпускавшимся комитетами и группами РСДРП к годовщинам 19 февраля 1861 г. Они разрушали лживую легенду о царе-«освободителе», разъясняли деревенскому люду связь между «освобождением» и их бедственным положением, призывали крестьян совместно с рабочим классом к борьбе против остатков крепостничества, за политическую свободу.

⁴¹ «Рабочий бюллетень Пермского комитета РСДРП», № 3, май 1903 г.— «Листовки пермских большевиков. 1901—1917 гг.» Пермь, 1958, стр. 86.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 259.

⁴³ Библиотека ИМЛ, фонд архивного хранения, Ц 45310.

Советская литература о теоретиках народничества¹

Проблема теоретиков народничества и их наследия — одна из центральных в истории освободительного движения пореформенной России. На протяжении десятков лет ею занимались многие авторы, но, к сожалению, и по сей день она далеко еще не изучена. Проследить ход ее изучения — основная задача, которую ставит перед собой автор.

Советская историческая литература по данной теме довольно четко может быть разделена на три периода:

- 1) от Октябрьской революции до середины 30-х годов;
- 2) от середины 30-х годов до XX съезда КПСС;
- 3) от XX съезда КПСС до настоящего времени.

Научная атмосфера в эти периоды была, как известно, неодинакова, поэтому одни и те же проблемы в разное время решались историками по-разному. Действительно, в первом и третьем периодах эта атмосфера весьма способствовала изучению темы, второй же период, связанный с культом личности Сталина, ознаменовался фактическим запретом ее изучения и искажением многих важных аспектов.

1

Первый период характеризуется фронтальным изучением проблем истории общественного движения в целом: весь большой отрезок времени (пореформенная Россия) от падения крепостного права до середины 90-х годов находил свое отражение в обширной и разнообразной исторической литературе. В теоретическом отношении не отдавалось «предпочтения» ни одному из десятилетий революционной борьбы. Исторические журналы и различные сборники приблизительно равномерно освещали революционные события и деятельность их участников на разных этапах борьбы с царизмом. Особенно интересны в этом отношении исторические журналы: «Каторга и ссылка» (издавался

¹ Печатается в дискуссионном порядке.

с 1921 по 1935 г., вышло 116 номеров), «Голос минувшего» (выходил с 1913 по 1923 г., вышло 65 номеров, особенно важны номера советского периода), «Былое» (издавался с перерывами с начала XX в., с 1917 по 1926 г., вышло 36 номеров), «Красный архив» (издавался с 1922 по 1941 г., вышло 106 номеров) и др. Чуть ли не в каждом номере этих и других журналов помещался разнообразный материал по истории революционного движения пореформенного периода.

Накапливался, таким образом, колоссальный фонд источников; шло также издание сочинений теоретиков и революционных деятелей разночинского периода. Так, было закончено издание сочинений и писем А. И. Герцена под редакцией М. К. Лемке, которое, несмотря на завершение 30-томного издания АН СССР, сохранило большое научное значение; публиковались как отдельные работы, так и собрания сочинений Бакунина, Лаврова, Ткачева и других, менее известных деятелей той эпохи. Были переизданы почти все наиболее крупные работы П. А. Кропоткина. Вышли сочинения В. Н. Фигнер, М. Фроленко и др. Были переизданы работы и мемуары И. И. Попова, Н. А. Морозова, Л. Э. Шишко, Льва Тихомирова и др. В то же время вышло в свет много новых воспоминаний.

Издавалась целая серия исторических сборников, посвященных той же тематике. Для наших целей важно отметить сборники «Освобождение труда», «Историко-революционные сборники», «Черный передел», «Работник», «Литература партии „Народной воли“», «Архив „Земли и воли“»² и т. д. Стала создаваться справочная литература. Много интересных статей было помещено в первом издании Большой Советской Энциклопедии, начавшей выходить в 1926 г. В 1927 г. началось издание «Библиографического словаря участников революционного движения в России» и других справочников. Под изучение революционной эпохи подводилась серьезная научная база.

Основная причина повышенного интереса к историко-революционной тематике заключалась в том, что Великая Октябрьская социалистическая революция, естественно, вызвала потребность осмыслить весь процесс революционного развития России. Условия благоприятствовали удовлетворению такой потребности. Все архивные фонды стали общедоступными. К тому же впервые сложилась такая обстановка, когда любые вопросы революционного движения можно было обсуждать открыто. Возникали разнообразные дискуссии, в которых проблемы науки зачастую переплетались с политическими проблемами. Коллективно вырабатывался, вернее уточнялся и конкретизировался марксистско-ленинский взгляд на прошлое революционного движения, шла ожесто-

² «Освобождение труда», т. 1—4. М.—Л., 1923—1926; «Черный передел» М.—Пг., 1923; «Работник». М., 1933; «Литература партии „Народная воля“». М., 1930; «Архив „Земли и воли“» и «Народной воли». М., 1932.

ченная борьба с буржуазной историографией. Нужно сказать, что некоторые исторические журналы, особенно «Голос минувшего» и «Былое», нередко проповедовали взгляды, чуждые марксистской науке. Борьба на историческом фронте была одной из форм идеологической борьбы. Понятно, что в ней особенно выделялись более важные и более острые вопросы. К ним относился вопрос о наследии теоретиков народничества. Литература 20-х и первой половины 30-х годов отразила многообразие теоретических направлений, связанных с именами Бакунина, Лаврова, Ткачева и Михайловского. Попробуем дать ей краткую характеристику.

В свое время Герцен говорил, что Бакунин является такой личностью, мимо которой не может пройти ни человечество, ни история. До революции имя Бакунина являлось почти запретным. Поэтому дореволюционная историография о нем крайне бедна. Коренным образом изменилось дело после революции, когда вскоре был издан ряд работ Бакунина, а в 1919—1923 гг. вышли сочинения Бакунина, собранные в пяти томах. На протяжении следующего десятилетия, с 1923 по 1933 г., были изданы трехтомные «Материалы для биографии М. Бакунина» под редакцией В. Полонского. Из монографий обращают на себя внимание работы А. Корнилова, В. Полонского и Ю. Стеклова³.

Среди большого числа популярных работ о Бакунине следует указать на брошюру Б. Горева⁴. Что касается статей, то наиболее документированной можно признать статью Полонского, опубликованную в первом издании Большой Советской Энциклопедии в 1926 г. Общими и притом положительными чертами всей этой литературы были следующие. Все авторы утверждали, что Бакунин оказал громадное революционизирующее влияние на развитие русского общественного движения. Не было разногласий и в том, что идеи Бакунина, начиная с хождения в народ и до появления народовольчества, преобладали в русском революционном движении. Это доказывалось массой фактов и особенно идеологическими и программными документами большинства тайных групп и кружков, в том числе крупнейшего тайного общества второй половины 70-х годов «Земля и воля». Все эти документы были выдержаны в бунтарско-бакунинском духе. Это же следует сказать и в отношении большинства периодических изданий подполья, таких, как первый номер «Народного дела», «Работник», «Община», «Начало», «Земля и воля» и др. Литературное наследство русского бакунизма было весьма обильным.

³ А. А. Корнилов. Годы странствий Бакунина. Л., 1925; В. Полонский. М. А. Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление, т. 1—2. М.—Л., 1929; Ю. М. Стеклов. М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность, т. 1—4. М.—Л., 1920—1927.

⁴ Б. Горев. М. Бакунин. Популярная биография. М., 1925.

Это единство точек зрения нашло свое выражение также и в определенной идеализации Бакунина и бакунизма. Особенно это бросается в глаза при рассмотрении вопроса о роли Бакунина в развитии русского революционного движения. Здесь было допущено немало ошибок. Так, Стеклов явно заблуждался, когда писал, что русская коммунистическая партия считает в числе своих родоначальников не только Маркса, но в известном смысле и Бакунина⁵. Ошибочных взглядов на Бакунина придерживался и М. Н. Покровский, называвший Бакунина самым крупным революционным деятелем до В. И. Ленина. Следует, однако, указать, что Покровский в этом отношении не был одинок. Такие заблуждения объясняются главным образом субъективными факторами. И нет никаких оснований для того, чтобы подводить под них общеполитические платформы, якобы связанные с враждебностью марксизму-ленинизму. Элементы антиисторизма и преувеличения имеются также в работах Полонского, одного из самых крупных знатоков бакунинского литературного наследия. Он, например, как и Покровский, утверждал, что Бакунин является «самым крупным представителем из непролетарского социализма»⁶. Более сдержанно писал Горев, но и у него имеется налет тех же ошибочных представлений.

Литература 20-х годов о Бакуине страдала еще одним важным недостатком. Она была поверхностна и недостаточно широка по проблематике. Все монографии о Бакуине содержат громадный фактический материал, но в них нет, однако, решения ряда крупных проблем, крайне важных для понимания русского бакунизма. Сошлемся на два примера.

Как известно, влияние идей Бакунина и сила их в общественном движении стали заметно убывать с конца 70-х годов, в то время, когда в связи с усиленным процессом разложения натурального хозяйства социальная база анархизма, казалось бы, должна была расширяться. Между тем мы не находим объяснения этого обстоятельства в рассматриваемой литературе. Нет также сколько-нибудь убедительного разъяснения бакунинского понимания аполитичности как формы критики и борьбы с капитализмом.

Видное место в литературе, издававшейся в 20-х — начале 30-х годов, занимал и П. Л. Лавров. После революции были напечатаны наиболее крупные его работы: «Народники-пропагандисты», «Парижская Коммуна», «Социальная революция и задачи нравственности» и др. Начиналось издание сочинений Лаврова (1917—1920 и 1934—1935 гг.), но ни в первом, ни во втором случаях они не были закончены.

⁵ Ю. М. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 450.

⁶ См. его статью «Бакунин» в БСЭ, изд. 1-е, 1926; он же е. Материалы для биографии М. Бакунина, т. 3. М.—Л., 1928, стр. 29.

В 1920 и 1923 гг. в связи с 20-летием со дня его смерти и 100-летием со дня рождения литература о Лаврове возросла⁷. В характеристике и оценке деятельности и взглядов Лаврова ясно определилось несколько точек зрения. Укажем главные из них. Лавров — фигура неревOLUTIONионная, в революЦИИ он оказался случайно (см. сб. «П. Л. Лавров», статья Овсяник-Куликовского). Лавров — революционер. Но его революционность непоследовательна, а взгляды эклектичны и консервативны (см. «Русскую историю в самом сжатом очерке» и «Русскую историческую литературу в классовом освещении» М. Н. Покровского). Лавров не только революционер в практической деятельности, но и революционный мыслитель, социалист. Он близок к марксизму, в его мировоззрении есть даже элементы большевизма (см. указанную статью Горева и особенно книгу Книжника-Ветрова).

Ни одна из этих точек зрения не может быть признана правильной. Общим, однако, для всех исследователей деятельности и творчества Лаврова того периода было признание за ним громадной роли в освободительном движении.

В 1934 г. в вводных статьях к I тому сочинений П. Л. Лаврова И. А. Теодорович и И. С. Книжник-Ветров дали интересный обзор его деятельности. Теодорович подошел к рассмотрению Лаврова с народовольческой меркой. Лавров в сопоставлении с народовольцами представлялся Теодоровичу крайне «мирным», и он называл его представителем «правого крыла утопизма» (имеется в виду утопический социализм). Но когда началось полевение освободительного движения, начал леветь и Лавров. «В тот момент, когда царила формула „сперва крестьянская революция, а затем уже мирное запрудониванье и залассаливанье“, — лавризм не мог не сделать словесной уступки насчет признания примата крестьянской революции»⁸. «Словесные» признания не позволяли Лаврову преодолеть «неверие в массы, в их революционную активность»⁹. А отсюда и идея «долга народу» — «модификация идей ожидания помощи от господствующих классов»¹⁰.

Все это могло явиться убедительным, не будь того бесспорного факта, что развитие взглядов Лаврова шло как раз в обратном направлении. Теория опрощения и долга была определенной вехой в этой радикализации взглядов. Эта теория имела, безусловно, революционное значение, чего не увидел строгий критик Лаврова. Она обращала взгляды интеллигенции на народ, она

⁷ «П. Л. Лавров». Сборник статей. М.—Пг. 1922; Б. Горев. П. Л. Лавров и утопический социализм.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7. И. С. Книжник-Ветров. П. Л. Лавров. М.—Л., 1925.

⁸ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. I. М., 1934, стр. XII.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

звала ее связаться с ним; для эксплуатируемых масс она была орудием критики и в то же время средством борьбы против самодержавия.

В статье Книжника-Ветрова излагается ранняя точка зрения автора на взгляды Лаврова. Так, имея в виду начало 60-х годов, он ставит в один ряд взгляды Лаврова со взглядами Чернышевского и Берви-Флеровского. Последующий путь Лаврова рисуется Книжнику-Ветрову как путь дальнейшей радикализации его взглядов. Подытоживая, можно констатировать, что, несмотря на те или иные ошибочные положения, изучение теоретического наследства Лаврова в общем стояло на научных основах и шло в направлении усвоения ленинских оценок Лаврова.

П. Н. Ткачев был, бесспорно, одним из самых видных идеологов и теоретиков народничества. Если при жизни Ткачева его идеи и тактика постоянно служили предметом полемики, то и изучение его наследства после Октябрьской революции также началось с дискуссии. Так, уже в начале 20-х годов обнаружилось несколько точек зрения на роль и значение Ткачева в освободительном движении. В 1923 г. известный революционер и историк С. И. Мицкевич выступил в журнале «Пролетарская революция» со статьей «Русские якобинцы». В ней автор довольно подробно изложил свой взгляд на русское якобинство. Как идейное течение оно, по его мнению, начинается с П. Г. Заичневского, развивается в кружке Ишутина и находит своего наиболее крупного выразителя в лице Ткачева, который уже в конце 60-х годов вместе с Нечаевым создал «Программу революционных действий». Но еще более полно эта система взглядов была развита «Набатом». Идеи «Набата» вошли впоследствии в практику революционных организаций 70-х годов и последующих лет. В начале деятельности «Народной воли» якобинцы в ней были представлены М. Ошаниной, Е. Сергеевой и отчасти Л. Тихомировым, а затем, как пишет Мицкевич, «все стали более или менее якобинцами»¹¹. Оценивая, таким образом, влияние Ткачева в период народничества и народовольчества, Мицкевич считал, что и в пролетарский период русское якобинство имело большой авторитет и удельный вес. Так, говоря о пролетарской революции, он писал, что «русская революция в значительной степени произошла по Ткачеву»¹². Мицкевич шел еще дальше: русское якобинство и его теоретиков Заичневского и Ткачева он рассматривал как наиболее близко стоявших к марксизму, к большевикам. Якобинство и большевизм родственны — вот вывод, который логически следовал из его концепции. Основным методологическим

¹¹ С. И. Мицкевич. Русские якобинцы.— «Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 16.

¹² Там же.

ее недостатком является то, что здесь упускалось из виду классовое происхождение той и другой теорий. Как известно, социальной базой якобинства была мелкая буржуазия, и в этом смысле оно не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, являющимся теоретическим выражением идеологии пролетариата. Пролетарская революция в России развивалась по законам, открытым В. И. Лениным, а не по якобинским доктринам. Кстати сказать, русские якобинцы, особенно Ткачев, были очень далеки от понимания одного из основных положений марксизма-ленинизма, а именно, что капитализм подготавливает революцию, создает материальные предпосылки для победы пролетариата. Ткачев прямо утверждал, что капитализм не подготавливает, а разрушает базу революции. При наличии такого взгляда на роль капитализма, казалось бы, немислимо сблизить марксизм и якобинство. Однако стремление к этому, хотя оно и было выражено намного слабее, было присуще не одному Мицкевичу. В ряде принципиальных положений с ним соглашался Б. П. Козьмин, который был одним из наиболее крупных знаменитостей Ткачева. Вплоть до середины 30-х годов он опубликовал несколько работ о Ткачеве¹³, редактировал сочинения Ткачева и написал в 1933 г. вступительную статью к их первому тому, а в 1935 г. — предисловие к пятому тому. В 1961 г. некоторые из этих работ были переизданы посмертно в сборнике статей «Из истории революционной мысли в России».

Во всех этих работах проводится в сущности одна мысль: Ткачев — выдающийся революционер, идеолог особого направления в освободительном движении, теоретик русского бланкизма. Автор подчеркивал факт влияния Ткачева на молодежь, используя для этой цели известные мемуары А. Н. Баха. Козьмин с успехом вел полемику против тех, кто пытался доказать наличие анархизма в произведениях Ткачева. Он с полной очевидностью разъяснил, что Ткачев представлял собой одну из наиболее ярких фигур, исповедовавших идеи политической революции и централизма. Однако выводы, которые делал Козьмин, оказались близкими к выводам Мицкевича. Так, он значительно преувеличивал влияние К. Маркса на Ткачева: Ткачев только «полностью не усвоил идеи К. Маркса»¹⁴. Из этой ошибки вытекала другая. Козьмин полностью отрывал Ткачева от народничества и отводил ему особую роль и особое место в русском революционном движении. Ткачев был поставлен им над народничеством, его взгляды Козьмин сближал с марксизмом. Надо сказать, что такие оценки были непосред-

¹³ Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов. М., 1922; он же. Ткачев и Лавров. — «Вснствующий материалист», 1924, № 1.

¹⁴ Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, стр. 380.

венно связаны с большим влиянием Покровского, который прямо говорил, что Ткачев был первым русским марксистом. В последующем Козьмин изменил свои взгляды; он уже не пытался оторвать Ткачева от народничества и справедливо именовал его одним из теоретиков этого течения; однако полностью свою позицию Б. П. Козьмин пересмотреть все же не сумел.

Взгляды Мицкевича и Козьмина (особенно первого) нашли серьезные возражения в статьях Н. Н. Батурина¹⁵ «О наследстве русских яacobинцев» и «Еще о цветах русского яacobинства».

Батурин отрицал какую-либо классовую или идейную связь между большевизмом и яacobинством, возражая также против утверждения Мицкевича, будто бы яacobинство является «ближайшим предшественником большевизма». Батурин был убежден в том, что яacobинство — явление, принадлежащее исключительно буржуазной революции и за пределы этой революции выйти не могло. «Революционные идеи Заичневского и Ткачева — это вовсе не „корни“ большевизма; это только цветы русского яacobинства, последние цветы Великой французской революции на неблагоприятной русской почве»¹⁶. Ошибочность взглядов Мицкевича Батурин объяснял тем, что в то время было распространено мнение о параллельном существовании марксизма и большевизма: предшественником группы «Освобождение труда» считали «Черный передел», а предшественником ленинизма — народничество, яacobинство. Но этот взгляд, как правильно отмечал Батурин, не выдерживает научной критики и должен быть отвергнут. Развивая свою мысль, он писал: «Превращение горстки чернопередельцев (а также отдельных народовольцев) в марксистов означало вовсе не эволюцию взглядов той или иной группы мелкобуржуазной революционной интеллигенции (каковой было, например, образование «Народной воли» из «Земли и воли») и не синтез революционных идей различных групп. Нет, такое превращение было фактом гораздо большей важности, оно означало пришествие рабочего класса как самостоятельной революционной силы»¹⁷.

Батурин выразил свое несогласие с Покровским, провозгласившим Ткачева, как было уже сказано, первым русским марксистом.

Так, коротко говоря, выглядит батуринская критика концепции Мицкевича. Нужно признать, что по своему направлению и главной мысли она верна. Вместе с тем нельзя согласиться с характеристикой народовольчества как либерального движения, а оно представляется автору именно таким: «Образование партии „Народной воли“ из бывших бунтарей землевольцев

¹⁵ «Пролетарская революция», 1924, № 7; 1925, № 8.

¹⁶ Н. Н. Б а т у р и н. Соч., М.— Л., 1930, стр. 395.

¹⁷ Там же, стр. 401.

означало... не что иное, как скачок от анархизма к либерализму»¹⁸. Такая характеристика «Народной воли» находится в противоречии с фактами и взглядами В. И. Ленина, который постоянно выдвигал на первый план революционно-демократическую сущность народовольчества. Еще ошибочнее утверждение, что пролетарский социализм в России появился раньше марксизма. «Пролетарский социализм,— писал Батурич,— таким образом зарождается у нас раньше появления на свет группы „Освобождение труда“ и ее предшественника „Черного передела“. Не раньше этого пролетарского движения появляется и „Народная воля“»¹⁹. Что же здесь имеется в виду? Оказывается, деятельность «Северного союза русских рабочих», который якобы «пробивает первую большую брешь в народничестве». В целом Батурич не признавал сколько-нибудь существенных положительных сторон в мировоззрении и революционной деятельности Ткачева, стараясь поставить его как можно «ближе к анархистам».

Таковы две основные историографические концепции относительно Ткачева, его литературного наследства и его места в общественном движении.

Переходя к рассмотрению изучения общественной деятельности и литературного наследия Н. К. Михайловского, следует сказать, что интерес к ним проявлялся несколько меньший. В 1925 г. вышла популярная книга Б. И. Горева «Н. К. Михайловский». Автор дал общий обзор деятельности и мировоззрения Михайловского, указав на влияние его публицистики и ее удельный вес в общественном развитии России. В. Е. Евгеньев-Максимов в своих книгах²⁰ определил место и позицию Михайловского в журнале «Отечественные записки», где, по мнению автора, Михайловский выражал взгляды «левой фракции». «Ни в своем отношении к социализму, ни тем более к революционной тактике активного народничества Некрасов, Салтыков и даже Елисеев не шли так далеко, как Михайловский»,— отмечал Евгеньев-Максимов²¹.

В 1929 г. в связи с 25-летием со дня смерти Михайловского В. Н. Фигнер в речи на торжественно-траурном собрании говорила: «Н. К. Михайловский был учителем и руководителем молодых поколений 70—80-х и частью 90-х годов. Не революционер, как он сам говорил о себе в письме к Лаврову, он вел нас к революции... Мы слышали голос анархиста-бунтаря Бакунина и прислушивались к голосу государственника-пропаганди-

¹⁸ Н. Н. Батурич. Соч. М.—Л., 1930, стр. 379.

¹⁹ Там же, стр. 401.

²⁰ В. Е. Евгеньев-Максимов. Очерки истории социалистической журналистики в России в XIX в.; он же. Некрасов и его современники. М., 1930.

²¹ В. Е. Евгеньев-Максимов. Очерки истории..., стр. 154.

ста Лаврова. Но революционная доктрина не охватывает всего содержания жизни. Для того чтобы революционные семена взросли и принесли результаты, нужна почва, обработка умов, освещение всей совокупности явлений жизни — экономической, политической и социальной. Для того чтобы развить и укрепить революционное отношение к действительности, нужно познание и критика существующего, и Михайловский месяц за месяцем, год за годом в своих литературных, научных и публицистических произведениях давал нам это, и, кажется, ни одному писателю не выпадала на долю такая длительная воспитательная деятельность»²².

Несколько позже, отчасти в связи с появлением книги Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика»²³, развернулась довольно широкая дискуссия о Михайловском. Спор вращался вокруг вопроса о роли и месте Михайловского в народовольческом движении. Кузьмин утверждал, что Михайловский был идеологом «Народной воли» и редактором ее органа. Не отрицая самого факта участия Михайловского в редактировании «Народной воли», большинство участников дискуссии отвергло этот взгляд. Высказывалось мнение, что Михайловский хотя и помогал подполью, но не как революционер, а как сочувствующий, попутчик. Подчеркивались умеренность политической платформы Михайловского и нежелание его полностью отдаться делу революционной борьбы. Для доказательства этого положения приводились различные доводы, в том числе и отказ Михайловского сотрудничать с Лавровым в журнале «Вперед», неверие его (см. «Письмо социалиста», помещенное в № 2 «Народной воли») в революционные возможности народа и др. Большие разногласия вызвала теория «героев и толпы». При отрицательном к ней отношении в целом обнаружились попытки более конкретно рассмотреть вопрос. Например, Горев высоко ставил эту теорию, говоря, что она явилась научным подвигом Михайловского. Кузьмин назвал такую трактовку «сплошным недоразумением».

Лучшим литературным памятником Михайловскому следует признать работу В. Н. Фигнер, известную как послесловие к книге Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика». Это — талантливый исторический очерк героической революционерки о народовольческой журналистике и о роли в ней Михайловского. Правда, не со всей ее критикой работы Кузьмина можно согласиться, но в целом работа Фигнер весьма доказательна. Понятно, что в ней Михайловский показан только с одной стороны, его мировоззрение и деятельность в целом не анализируются.

²² В. Н. Фигнер. Соч., т. 5. М., 1934, стр. 475.

²³ Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика. М., 1930.

В общем в изучении общественной роли и мировоззрения Михайловского следует отметить два крупнейших пробела: во-первых, историческая наука не сумела достаточно объективно и глубоко проанализировать литературное наследство и общественную деятельность Михайловского; во-вторых, изучающие Михайловского, как правило, не учитывали работ В. И. Ленина. Это — пробелы принципиального значения, и потому можно без ошибки сказать, что в исторической литературе 20-х годов преобладала односторонняя точка зрения на Михайловского.

2

Как видно, в первый из намеченных нами периодов изучение народнического наследства было интенсивным и широким. Оно имело большое научное и политическое значение, хотя и страдало некоторыми серьезными недостатками. Главнейшим из них было то, что ленинская методология в разработке данной проблемы еще не победила окончательно. Тем не менее развитие исторической мысли шло именно в этом направлении, что особенно ясно видно из тезисов Культпропа ЦК ВКП(б), вышедших в связи с 50-летием «Народной воли»²⁴. Однако этот естественный процесс был прерван.

Постановление 1934 г. о преподавании гражданской истории преследовало прежде всего цели усиления конкретного изучения истории, но истории народничества это как раз не коснулось. В этот период вообще была развернута упорная и систематическая борьба против доброй памяти целого поколения революционеров.

В 1935 г. было ликвидировано Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев и закрыт орган общества — журнал «Каторга и ссылка». Тогда же журнал «Красный архив» должен был отказаться от публикации материалов о народничестве. Были прерваны издания работ Лаврова, Ткачева, Бакунина и др. Наконец, было прекращено издание многотомного «Библиографического словаря участников революционного движения в России». Тема народничества фактически была запрещена. В литературе стала господствовать доктрина, по которой народничество и народолюбчество признавались исторически вредными явлениями²⁵, а их теоретики именовались злейшими врагами марксизма.

В 1937 г. Ем. Ярославский писал: «Молодые члены партии и комсомольцы не всегда знают и недостаточно оценивают значение этой борьбы, когда на протяжении десятилетий наша

²⁴ «Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию „Народной воли“». Прил. к сб. «Дискуссия о „Народной воле“», М., 1930.

²⁵ Ем. Ярославский. Анархизм в России. М., 1939, стр. 24—25.

партия, преодолевая влияние народничества, разгромила его как злейшего врага марксизма и всего дела пролетариата»²⁶.

Книга Ярославского явилась инструктивным документом для пропагандистов и историков. Но и сама она была продуктом установки, полученной автором и противоречившей тому, что он писал в работе «Карл Маркс и революционное народничество», изданной в 1933 г. Новая точка зрения, изложенная Ярославским, нашла наиболее полное выражение в статье И. А. Меницкого «Народничество», опубликованной в первом издании БСЭ в 1939 г. Там сказано: «Презренная банда изменников и предателей родины заимствовала из арсенала народничества террористические и заговорщические средства и методы борьбы, использовала индивидуальный террор в контрреволюционных реставраторских целях». Кто же родоначальник этого взгляда? Ответ на этот вопрос дан в выступлении А. А. Жданова на заседании бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 25 февраля 1935 г. В стенограмме этого выступления сказано: «Между прочим, товарищ Сталин не знал, что мы историю партии проходим только до 1917 года. Он сделал два замечания по этому поводу, что если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов и что с точки зрения истории партии период перед 1917 годом является предысторией»²⁷.

Трудно говорить о какой-либо научной объективности в подобной обстановке. Проблема родоначальников народничества практически перестала разрабатываться. Герцен и особенно Чернышевский были изолированы от народничества. Этот взгляд излагался во многих работах о Герцене и Чернышевском, но особенно выразительно он представлен в книгах В. Баскакова и Я. Эльсберга²⁸. Первый из них не может даже допустить мысли о связи мировоззрения Чернышевского с мировоззрением народничества. Так, приведя известное высказывание В. И. Ленина о предшественниках русской социал-демократии, он беззастенчиво обрывал эту цитату на слове «Чернышевский», за которым следовали слова: «И блестящая плеяда революционеров 70-х годов». Эта блестящая плеяда революционеров, исповедовавшая идеи народничества, не укладывалась в схему Баскакова.

Я. Эльсберг к решению задачи подошел иначе. Прежде всего он пытался доказать, что вопреки «позднейшим теоретикам народничества» Герцен «не идеализировал общину в целом»²⁹. Неясно, что понимает автор под словом «в целом». Но если

²⁶ Ем. Ярославский. Разгром народничества. М., 1937, стр. 79—80.

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 434, л. 5.

²⁸ В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского. М., 1956; Я. Эльсберг. Герцен. М., 1951.

²⁹ Я. Эльсберг. Указ. соч., стр. 330.

принять этот термин, то «в целом» не идеализировал общину даже В. В.— один из наиболее видных лидеров либерального народничества. Конечно, у Герцена есть критические высказывания об общине и артели, но такая же критика имеется и у Бакунина, Лаврова, Михайловского и др. Важно здесь не столько то, что они отмечали слабости общины, сколько то, что у Герцена и Чернышевского и у всех теоретиков революционно-народничества община составляла главнейший элемент их социалистической теории. Социальная природа и политический смысл теории крестьянского социализма у всех них были одинаковы.

Еще менее убедителен тезис о неверии народников в поступательный ход общественного развития. Герцен «...в отличие от народнических теоретиков,— сказано в книге,— верил в поступательный ход общественного развития России. Существенно и то, что Герцен никогда подробно не разрабатывал экономической стороны народнической утопии... В „Колоколе“ этим занимался Огарев, а не он»³⁰. Вряд ли можно назвать таких «теоретиков» народничества, которые отрицали бы поступательное развитие России. Известно, что под теоретиками народничества подразумеваются Бакунин, Лавров, Ткачев и Михайловский. Но кто же из них и в каких работах доказывал, что Россия не развивается, а пятится назад? Кроме того, важно отметить, что всех их, за исключением Ткачева, Герцен высоко ценил и одобрительно отзывался об их работах. Но еще большее недоразумение вызывает стремление автора противопоставить Герцену Огарева. Не меньший уход от исторической правды обнаруживается и в попытке Эльсберга доказать отсутствие преемственной связи между Герценом и революционным народничеством. По Эльсбергу, народническим теоретикам в Герцене «оказалась близка только одна из наиболее слабых сторон его мировоззрения — его народническое учение, в котором, по словам В. И. Ленина, „нет ни грана социализма“»³¹. И далее: «Народническая теория даже у Герцена не имела революционного характера»³². Эти положения характерны для позиции автора, с которой нельзя согласиться. В. И. Ленин много раз говорил, что социальной основой, сутью революционно-народничества является крестьянский демократизм. Именно в этом демократизме и заключена политическая основа учения Герцена. Но если даже под народничеством разуметь только теорию утопического социализма (что, безусловно, неправильно), то и в этом случае нельзя считать, что социализм революционеров того времени был реакционным явлением. Он был знаменем революционной борьбы, и об этом неоднократно

³⁰ Я. Эльсберг. Указ. соч., стр. 330.

³¹ Там же, стр. 538.

³² Там же, стр. 661.

писал В. И. Ленин. Основной недостаток в такой характеристике и Герцена, и народничества обусловлен отсутствием историзма в исследовании и несколько односторонним подходом к пониманию работ В. И. Ленина. С этим, по-видимому, связано и отношение Эльсберга к Бакунину. Если в народничестве не оказалось ничего революционного, то в системе взглядов Бакунина тем более. У Эльсберга представлен не революционный анархист, один из теоретиков революционного народничества, а скорее карикатура на него. Эльсберг не нашел возможным сказать о том, что взгляды Бакунина были преобладающими на протяжении целого десятилетия пореформенной России, что эти взгляды лежали в основе деятельности всего революционного бунтарства юга, что многочисленные члены подпольных кружков и групп воспитывались на Бакуanine.

Такими мрачными тонами окрашена вся литература второго периода о Бакуanine. С неменьшим правом это можно сказать и в отношении литературы, касавшейся других теоретиков народничества.

3

Коренное изменение в разработке этой важной историко-революционной проблемы наступило после XX съезда КПСС. Перед историками встала задача преодоления антинаучной концепции народничества, которая содержалась в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Суть этой концепции состояла в том, что пореформенное народничество рассматривалось как единый поток, без выделения либерального и революционного народничества. Рассуждения о народничестве вообще заслонили конкретные формы, в которых протекала борьба революционеров с русским самодержавием. Проблема родоначальников народничества не рассматривалась. Без какого бы то ни было учета обстановки, времени и уровня развития страны народники обвинялись в том, что никто из них не понимал исторической миссии капитализма и пролетариата. Не раскрывая социального исторического смысла народнического движения, «Краткий курс» не показывал исторической обусловленности форм и методов борьбы революционных народников. При этом были допущены фактические ошибки, например, то, что народовольцы якобы заставили Халтурина уйти в террор. Такое утверждение объясняется только незнанием как самого Халтурина, так и тех обстоятельств, при которых он стал одним из самых видных сторонников политического террора. Надо заметить, что Халтурин выступал не только сторонником нового метода борьбы, но и действовал от имени рабочего кружка. Но, пожалуй, самым неверным являлся тезис «Краткого курса» о том, что народничество было злейшим врагом марксизма. Как известно, родоначальники народничества

и его деятели 70-х годов были прямыми предшественниками русской социал-демократии. Враждебными марксизму могли быть и были в действительности только либеральные народники.

Положения «Краткого курса», несмотря на свою явную ошибочность, получили, однако, для историков и пропагандистов силу закона и насаждались на протяжении двух десятков лет. На их основе выросли также долго проповедовавшиеся различные «теории» о том, что Герцен и Чернышевский были чужды народничеству, что между шестидесятниками и революционерами 70-х годов нет ничего общего, так как одни — просветители, а другие — народники и т. д.³³ Прямо не отвергались, а фактически бойкотировались высказывания В. И. Ленина о революционерах 70-х годов как предшественниках социал-демократии. Считались чуть ли не крамольными мысли В. И. Ленина, высказанные в его работе «Народники о Михайловском», где заслуги Михайловского показаны весьма рельефно и оценены очень высоко. То же самое можно сказать и о сделанном В. И. Лениным замечании в 1902 г. на рукопись Д. Б. Рязанова «Две правды», которое подчеркивает мысль о том, что нельзя принижать теоретический уровень семидесятников, когда речь идет о сравнении их с деятелями 40—60-х годов³⁴. Некоторые историки рассматривали работы В. И. Ленина лишь как материал для подкрепления положений «Краткого курса». Ясно поэтому, что говорить серьезно о научной разработке темы о народничестве не приходилось, и тем острее эта тема встала после XX съезда КПСС и стоит теперь. В целом ряде работ советских историков, разных по своим задачам и источниковедческим достоинствам, отчетливо проявляется стремление восстановить ленинскую концепцию истории народничества. Вышедшие за последние годы работы³⁵ ставят разработку темы народничества на научный фундамент. С них начинается восстановление той работы, которая была прервана в первой половине 30-х годов. Но впереди еще много работы. Ждет своих исследователей и проблема основоположников и теоретиков народничества, хотя кое-что уже сделано. Здесь прежде всего

³³ Е. М. Ярославский. Разгром народничества, стр. 11—21.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 5, стр. 402—403.

³⁵ «История КПСС», гл. 1. М., 1962; Ю. З. Полевой. В. И. Ленин о домарксистском периоде революционного движения в России.— «Коммунист», 1958, № 6; Б. Козьмин. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России.— «Исторические записки», т. 65, 1959; П. С. Ткаченко. О некоторых вопросах истории народничества.— «Вопросы истории», 1956, № 5. В то время как настоящая статья уже находилась в печати, вышел в свет I том шеститомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза». Освещенная в нем история революционного движения в марксистский период знаменует решительный поворот к ленинской традиции в трактовке революционеров 60—70-х годов.

следует остановиться на работе В. А. Фоминой³⁶. Вышедшая в 1956 г., т. е. в начале третьего из намеченных выше периодов, она в целом еще носит печать предшествующего периода, связанного с культом личности Сталина. Автор еще не освободился от концепции народничества, которая содержалась в «Кратком курсе», и пытается совместить его положения с ленинскими высказываниями. В одном этом уже заключен порок, который и порождает противоречивый взгляд на народничество в целом и на его теоретиков. Указание на то, что народничество как общественное течение не было однородным и делилось на революционное и либеральное, абсолютно верно, и этим исправляется ошибка «Краткого курса», но в то же время автор остается на уровне старых взглядов, когда в соответствии с тем же «Кратким курсом» развивает взгляд о так называемой отсталости революционных народников.

В работе Фоминой нет достаточно аргументированной трактовки основных доктрин лидеров народничества и не объяснены причины влияния их идей. Так, о Бакуине сказано: «Основным положением бакунизма является отрицание государства, в том числе и диктатуры пролетариата, отрицание необходимости самостоятельной политической борьбы рабочего класса. Этим реакционным взглядам соответствовала авантюристическая тактика немедленных бунтов»³⁷. Главное в бакунизме для русских условий была борьба с существовавшим общественно-политическим строем, борьба с самодержавием, и это имело революционное значение. Не учитывая этого, невозможно понять ни всего значения авторитета Бакунина, ни громадной роли целого ряда организаций, которые проповедовали в своих программах идеи Бакунина. Стоит вспомнить хотя бы «Землю и волю» 70-х годов. Никто не станет отрицать, что она была бунтарской по своей идеологии, но, очевидно, невозможно отрицать и ту революционную роль, которую она сыграла в русском освободительном движении. Нельзя не различать роль бакунизма в России и в странах развитого капитализма Западной Европы. Как идеологическое оружие борьбы с капитализмом бакунизм — сила реакционная, но нельзя отрицать революционность бакунизма в борьбе с пережитками феодализма. В этом суть его громадного влияния в России, здесь же и его исторические корни.

Представляется в данной связи интересным, что писал Г. В. Плеханов о влиянии Бакунина на его развитие. Бакунин «называл теорию исторического материализма великим

³⁶ В. А. Фомина. Философские и общественно-политические взгляды революционных народников 60—70-х годов XIX века.— «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 2. М., 1956.

³⁷ Там же, стр. 392.

открытием и неоспоримой заслугой автора „Капитала“... В народнический период моего развития я,— как и все наши народники,— находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории». Но, продолжал Плеханов, выводы, которые делал Бакунин, были неправильны: «если политические отношения всякого данного общества основываются на его экономических отношениях, то „политика“ ...не может служить средством освобождения пролетариата; занимаясь „политикой, социалисты изменяют делу рабочего класса, который может свергнуть иго капитализма только путем экономической революции»³⁸. Как видим, Плеханов резко критикует так называемый экономизм Бакунина, его неверное понимание роли политической борьбы в общественном развитии. Мы знаем, что В. И. Ленин очень часто и с большой резкостью отзывался об аполитизме анархистов.

Так же одностронне изложены Фоминой взгляды Лаврова. Теория долга и опрошения не поставлена в центре их, а именно в ней заключен главный тезис лавризма и лежит причина его влияния. Для 70-х годов прошлого века такая теория была понятна разночинной интеллигенции и воспринималась как призыв к борьбе за интересы народа. Хождение в народ было непосредственно связано с этой теорией. Здесь необходимо отметить серьезную фактическую ошибку, допущенную автором при рассмотрении истории хождения в народ. «Через два года после массового хождения в народ, весной 1864 года, в деревню направилось уже около тысячи представителей революционной интеллигенции. Спустя десятилетие, в 1874 году, а также в 1876 и 1878 гг.„Земля и воля“ направила в деревню многих своих членов»³⁹. Среди других здесь оказались Перовская, Желябов и Фигнер. Между тем ни в 1862 г., ни в 1864 г. никакого массового хождения в народ не было. Перовскую, Желябова и Фигнер «Земля и воля» в деревню не направляла, ибо они в то время даже не были членами организации. Говоря о Ткачеве «как видном представителе народничества», автор вновь допускает фактическую ошибку, полагая, что уже ишутинцы испытывали его влияние: «Под непосредственным влиянием взглядов Ткачева, разработавшего тактику индивидуального террора, Каракозов в 1866 году стрелял в царя Александра II»⁴⁰. Никакой тактики индивидуального террора, разработанной Ткачевым к указанному времени, не было. Это выяснено историками много десятков лет назад. Во всяком случае Каракозов не имел ни малейшего понятия о тактике Ткачева.

³⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. 1. Пг., 1920, стр. VII—VIII.

³⁹ В. А. Фомина. Указ. соч., стр. 396—397.

⁴⁰ Там же, стр. 397.

Более вдумчиво к изучению наследия народничества вообще и учения одного из ведущих его теоретиков, Лаврова, подходит Н. Л. Маркина. В ее исследовании⁴¹ чуть ли не впервые за многие годы делается попытка рассмотреть социологические взгляды Лаврова в неразрывной связи с его общественной и революционной деятельностью. Для Маркиной Лавров — прежде всего революционер и общественный деятель.

Будучи родоначальником теории критически мыслящей личности, Лавров отнюдь не думал отрывать интеллигенцию от масс народа, ставить между ними «непроходимую стену». Маркина пишет: у Лаврова «...имеют место заявления о большом значении народных масс в преобразовании истории и развитии ее»⁴². Эта мысль, хотя еще и недостаточно развернутая, дает возможность автору смотреть на Лаврова как на идеолога демократических слоев общества. Маркина пишет: «Несмотря на субъективно-идеалистическую концепцию Лаврова, в его произведениях нельзя не отметить боевой, искренний демократизм, который составлял положительную черту народников 70-х годов»⁴³. Не менее правильно автор подчеркивает факт влияния на молодежь нравственного учения Лаврова. «Учение П. Л. Лаврова о нравственности имело значительное влияние на молодежь 70-х годов, оно исходило из того, что прогресс меньшинства куплен дорогой ценой порабощения большинства»⁴⁴.

• Но все эти и другие верные положения Маркиной сочетаются с положениями, на наш взгляд, неверными. Известно, что корни русского утопического социализма В. И. Ленин видел в борьбе крестьян за равный передел земель, в идеализации борьбы с крепостничеством, а Маркина, говоря о социализме Лаврова, пишет другое: «В силу роста авторитета марксизма на Западе идеолог революционного народничества облекал свои демократические требования в социалистическую форму»⁴⁵. Может возникнуть вопрос: неужели в успехе утопического социализма в России повинен рост влияния марксизма?

Неудачным, по нашему мнению, является также утверждение о том, что Лавров был пропагандистом определенных идей марксизма. «Пропаганда указанных марксистских положений в России должна быть поставлена в заслугу П. Л. Лаврову», — пишет Маркина⁴⁶. Эта мысль является повторением мыслей, которые высказывались в 20-е годы и уже тогда были раскритикованы.

⁴¹ Н. Л. Маркина. Социологические взгляды Лаврова. — «Труды Института философии АН БССР», вып. 1. Минск, 1958.

⁴² Там же, стр. 200.

⁴³ Там же, стр. 213.

⁴⁴ Там же, стр. 199.

⁴⁵ Там же, стр. 213.

⁴⁶ Там же, стр. 204.

Однако основным выводом автора, безусловно, верен: «Но главная заслуга революционных народников и идеолога народничества П. Л. Лаврова заключалась в борьбе против самодержавия как главного врага всякого освободительного движения. В этом смысле народничество 70-х годов было предшественником социал-демократии в России»⁴⁷.

Изучением взглядов теоретиков народничества занялись и экономисты. В сборнике статей «История русской экономической мысли» обращают на себя внимание работы Ф. Я. Полянского «Анархизм и народничество в произведениях М. А. Бакунина» и Н. К. Каратаева «Формирование экономических идей народничества».

Полянский видит в бакунизме революционно-демократическое направление экономической мысли России, а Бакунина рассматривает как деятеля, который «твердо верил в революционные возможности народа и решительно заявил, что ожидает революцию в России»⁴⁸. Это основное положение подтверждено целым рядом доказательств, в том числе и рассмотрением взгляда Бакунина на реформу 1861 г. как на обман народа. Но автор излагает и слабые стороны бакунизма, показывая тем самым внутренние его противоречия. С одной стороны, призывы Бакунина к беспощадной борьбе с царизмом и в то же время проповедь аполитичности; требование «абсолютной» свободы личности и упорный труд по созданию организации профессиональных революционеров и т. д. Но в целом правильно трактуя роль бакунизма в России, Полянский допускает и некоторые упрощения. Вот один пример: «Бакунин всю жизнь готовился стать политическим комиссаром нового Пугачева, но последний не появился в России»⁴⁹. Это положение ничем не подтверждено, да и подтвердить его крайне трудно, так как для Бакунина было совершенно ясно, что время Разиных и Пугачевых прошло, он говорил только о «коллективных» Пугачевых, которые сами себе и были бы комиссарами.

По-иному к вопросу о теоретиках народничества и о народничестве вообще подходит Н. К. Каратаев. Он пишет: «Но наряду с Чернышевским идеологами народничества стали Н. Флеровский, П. Лавров, М. Бакунин, П. Ткачев, а само народничество разбилось на фракции и самостоятельные партийные группировки»⁵⁰. Здесь прежде всего обращает на себя внимание расширенный круг идеологов народничества. Вряд ли можно признать такое расширение удачным, и, конечно, Чернышев-

⁴⁷ Н. Л. Маркина. Указ. соч., стр. 214.

⁴⁸ Ф. Я. Полянский. Анархизм и народничество в произведениях М. А. Бакунина.— «История русской экономической мысли», т. II, ч. I. М., 1959, стр. 354.

⁴⁹ Там же, стр. 353.

⁵⁰ Н. К. Каратаев. Формирование экономических идей народничества.— «История русской экономической мысли», т. II, ч. I, стр. 391.

ского нельзя считать идеологом народничества. Одно из двух: либо Каратаев отождествляет понятия «родоначальник» и «идеолог» народничества, либо здесь имеется в виду, что Чернышевский, так же как, скажем, Бакунин, дал свое имя определенному направлению в народничестве. Ни то, ни другое не мотивировано.

Несмотря на определенную важность приведенного высказывания, не оно является главным в работе Каратаева. Главная его мысль сводится к тому, что в русском освободительном движении действовали в качестве самостоятельных сил просветители и народники. Хронологическими рамками просветительства Каратаев считает 40—60-е годы XIX в. Классовый критерий такого выделения сформулирован в следующем заключении: «Революционное просветительство выступало с позиций дореформенного крестьянства, борющегося за свое освобождение от крепостного права, революционное народничество — с позиций пореформенного крестьянства, борющегося против остатков крепостничества»⁵¹. Как видно, речь здесь идет об интересах крестьянства в целом, а не отдельных его групп. И в то же время несколькими строками ранее автор пишет: нельзя «...просветительство отождествлять с народничеством, сформировавшимся в пореформенную эпоху». И далее он утверждает, что элементы народничества были у просветителей, но это не исключает «принципиальных отличий между просветительством 60-х годов и народниками 70-х годов»⁵². Приведенные соображения дают основание сделать вывод, что народничество и просветительство рассматриваются Каратаевым как два этапа в освободительном движении, соответствующие двум этапам «борьбы против крепостничества». В явном противоречии с таким выводом находится зачисление автором Чернышевского в идеологи народничества. Если Чернышевский — идеолог народничества, то кто же тогда из революционеров был просветителем? Это противоречие остается неразрешенным.

Думается, что разграничение общественного движения, так как это делает Каратаев, неубедительно. Объективное значение экономических и политических требований крестьянства (борьба за американский путь развития капитализма) оставалось как в 60-х, так и в 70-х годах тождественно. Это был единый разночинский период, буржуазно-демократический по своей классовой основе. Поэтому выделение просветительского этапа, по нашему мнению, неправомерно. Оно неприемлемо еще и потому, что выделение 40—60-х годов в качестве этапных дат находится в полном противоречии с ленинской периодизацией революционного движения, изложенной в работе «Из прошлого рабочей печати». Обратимся к самому понятию «просветитель-

⁵¹ Там же, стр. 387.

⁵² Там же, стр. 386.

ство». Оно взято Каратаевым из работы В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» Оттуда же взяты и соображения о разграничении и даже противопоставлении народничества просветительству. Но нужно понять, против какого народничества выступал В. И. Ленин. Эту работу В. И. Ленин писал в самый ожесточенный период борьбы марксистов с народниками. Крупнейшим теоретиком народничества в то время был Н. К. Михайловский. Естественно, что главный удар В. И. Ленин направлял против него и вообще против народнического либерализма в целом. В открытой печати у него не было возможности противопоставить либеральных народников революционерам, и потому он противопоставил им просветителей, взяв в качестве образчика Скалдина. Первую часть поставленной перед собой задачи В. И. Ленин решает сопоставлением теории либерального народничества с просветительством и приходит к выводу, что идеология просветительства исторически более перспективна и потому ближе социал-демократам. Но поскольку просветитель Скалдин — либерал и, так же как и либеральные народники, выступает против борьбы с царизмом, вполне понятно, что русские социал-демократы не могут воспользоваться его духовным наследством. «Наследство», подчеркивал В. И. Ленин, надо брать не от Скалдина, а от Чернышевского. Очень важно заметить, что здесь В. И. Ленин не называет Чернышевского просветителем, что вызвано, видимо, его нежеланием создать впечатление о тождественности взглядов Скалдина и Чернышевского. А отсюда уже нетрудно прийти к выводу, что под просветительством В. И. Ленин понимал отнюдь не систему взглядов революционеров, а систему взглядов буржуазных либералов. Просветительство как система взглядов оказывается выше только либерального народничества и именно ему и было противопоставлено В. И. Лениным.

Серьезного внимания заслуживает, на наш взгляд, работа литературоведа Г. А. Вялого «Н. К. Михайловский — литературный критик»⁵³. Несмотря на литературоведческий аспект, это исследование представляет большой интерес и для историка, ибо в нем достаточно полно освещаются общие вопросы мировоззрения Михайловского.

В заключение остановимся на работах Ш. М. Левина⁵⁴ и Б. П. Козьмина⁵⁵. Авторы — известные исследователи и знатоки истории народничества. Однако при одинаковых методоло-

⁵³ Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. М., 1957. Вступительная статья Г. А. Вялого.

⁵⁴ Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958.

⁵⁵ Б. П. Козьмин. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России.

гических предпосылках концепции авторов различны. Левин проблему родоначальников народничества по существу снимает, а деятельность Герцена и Чернышевского рассматривает как чисто просветительскую, употребляя в отношении них термин «революционно-демократические просветители». Просветительство как этап в общественном движении сменяется у Левина на рубеже 60—70-х годов народничеством. Эта смена одного этапа другим сопровождалась, по его мнению, определенным снижением теоретического уровня освободительного движения. Конкретными выразителями упадка теоретической мысли были лидеры народничества. Состояние упадка продолжалось до возникновения марксизма в России. И хотя Левин не отделяет глухой стеной шестидесятников от семидесятников, тем не менее он думает, что народническое движение явилось спадом по сравнению с движением просветительским.

Иначе на те же проблемы смотрит Козьмин. Ему представляется, что народничество как общественное движение возникает не на рубеже 60—70-х годов, а в период первой революционной ситуации. Поэтому деятелей 60-х годов он называет народниками. Он так и пишет: «Народники 60-х годов во главе с Чернышевским»⁵⁶. Этот взгляд подкрепляется целым рядом соображений, в том числе и ссылками на точку зрения старых большевиков — П. Н. Лепешинского и Е. М. Ярославского. В частности, говоря о Ярославском, он ссылается на его ранние работы, а не на те, которые появились в период культа личности Сталина. Таким образом, Козьмин не считает возможным противопоставлять шестидесятников деятелям 70-х годов. Тем не менее определенные различия между ними он признает. Казалось бы, что, если называть Герцена и Чернышевского народниками, не может быть и речи о шестидесятниках как просветителях. Однако у Козьмина получается иное. Он пишет: «Ленин различал два крыла в просветительстве 60-х годов: реформистское, либеральное и революционное демократическое. В качестве представителей первого он называл Скалдина и издателя „Вестника Европы“ М. М. Стасюлевича. Второе крыло возглавлялось Н. Г. Чернышевским»⁵⁷. Хронологически просветительский период занимает 60-е годы. 70-е же годы знаменуют собой упадок идейного уровня движения вообще. К 70-м годам, заключает автор, «снизился идейный уровень народнической интеллигенции по сравнению с 60-ми годами»⁵⁸. Это находит свое выражение прежде всего в теориях лидеров народничества. И здесь Козьмин пытается объяснить причину спада идейного уровня и теоретической мысли в общественном движении 70-х годов. При всем различии шестидесятников и семидесятников деятельность тех

⁵⁶ Там же, стр. 683.

⁵⁷ Там же, стр. 658.

⁵⁸ Там же, стр. 683.

и других была революционной, и наиболее видные представители как первого, так и второго десятилетий являлись предшественниками социал-демократии. Таково содержание концепции Козьмина.

Нетрудно заметить, что та и другая точки зрения не лишены слабостей, хотя эти слабости неодинаковы по своему значению. Над представлениями Левина еще витает дух тех времен, когда народничество рисовалось исключительно темными красками. Сказывается у него также и определенная односторонность в расширительном понимании просветительства. Обрисовав различные формы движения, Левин за этим различием не смог увидеть самое важное — тождественность экономических и социальных позиций шестидесятников и семидесятников. Изолировав работу В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» от других его работ, Левин высказывает отрицательное отношение к русскому утопическому социализму в целом.

Б. П. Козьмин, будучи прав в трактовке начала народнического этапа развития общественного движения, допускает неточности в характеристике просветительства. Здесь он по существу сходится с Левиным. Думается, что оба автора не делают необходимых выводов из высказывания В. И. Ленина о том, что, начиная с 1861 г., росли силы социализма и демократии, причем ни о каком спаде в общественном движении в целом В. И. Ленин нигде и никогда не говорил.

* * *

Вывод, который следует из всего изложенного, состоит в том, что проблема теоретиков народничества остается на повестке дня нашей исторической науки как одна из крайне важных и сложных. Что же нужно для ее решения? Прежде всего потребуются большие усилия для сбора и систематизации работ теоретиков народничества. У нас еще нет академических изданий сочинений Бакунина, Лаврова, Ткачева и Михайловского, а без этого невозможно браться за изучение литературного наследия каждого из них и идеологии народничества в целом.

Если исходить из взглядов В. И. Ленина, то под народничеством следует понимать целую полосу общественного развития. Имея в виду народничество, В. И. Ленин писал: «Это целое мирозерцание, начиная от Герцена и кончая Н.— оном. Громадная полоса общественной мысли»⁵⁹. Поэтому очевидно, что изучение данной темы должно идти фронтально, в плане философском, историко-литературном, экономическом и историческом. Все это необходимо для решения целого ряда проблем исторической науки. Без изучения идеологии революционного

⁵⁹ «Ленинский сборник», XIX, стр. 237.

народничества нельзя проследить и понять процесс, который определен В. И. Лениным в известных словах о том, что Россия поистине выстрадала марксизм. Процесс зарождения и победы марксизма-ленинизма — великие явления в жизни России, а потому четкое понимание этого процесса — первостепенная задача.

Именно на примере анализа допролетарских течений в общественной жизни В. И. Ленин доказал все значение революционной теории для рабочего класса. Он писал: «...*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!»⁶⁰.

Если для понимания сун ят-сенизма В. И. Ленин обращался к аналогии с русским народничеством, то и в современных условиях есть явления и процессы, родственные народничеству. И здесь историческая наука должна идти на помощь потребностям дня. Это тем более важно подчеркнуть, что в основе народнической идеологии лежит аграрная проблема как одна из очень важных и сложных в истории революционного движения. В. И. Ленин писал: «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма „американского“ против капитализма „прусского“»⁶¹. История народничества, таким образом, дает очень много для понимания крестьянского движения, роли крестьянства в революции.

Важность проблемы ясна, но не менее ясно и то, что давно настало время покончить с отставанием науки в разработке этой проблемы.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 228—229.

К историографии крепостного права в России

Изучение феодального иммунитета и жалованных грамот как источника по его истории всегда или косвенно сталкивалось в русской исторической науке с проблемой крепостного права. Этот аспект развития историографии крепостного права до сих пор не был предметом специального исследования, хотя в монографии Л. В. Черепнина имеется раздел, содержащий весьма ценный разбор основных работ, посвященных жалованным грамотам¹. Черепнин ярко вскрыл разницу в гносеологических основах буржуазных и марксистской концепций феодального иммунитета, дал глубокую критику буржуазных схем классификации жалованных грамот. Вместе с тем в его задачу не входило последовательное изучение историографии иммунитета в связи с изменениями в общественной жизни России XIX—XX вв.

С большой статьей, посвященной иммунитету на Руси XIV—XV вв., выступил недавно западноберлинский историк В. Шульц². В историографическом разделе его работы анализируются труды дореволюционных и советских исследователей иммунитета³. Отвергая марксистскую трактовку иммунитета, Шульц весьма критически оценивает и русскую историографию XIX—начала XX в., причем всю борьбу мнений он сводит к спору о публичном или частном характере вотчинного и княжеского права. Шульц совершенно абстрагируется от истории социально-экономических отношений и политической борьбы XIX в., вне связи с которой нельзя понять развития историографии. Это и не удивительно: ведь Шульц по существу отрицает поступательное движение

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 97—111.

² W. Schulz. Die Immunität im Nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts.—«Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», Bd. 8. Berlin, 1962, S. 26—281.

³ Ibid., S. 57—86.

русской исторической мысли в области теории иммунитета. Историки группируются им не по хронологии прежде всего, а по принадлежности к числу сторонников концепции публичного или частного права (отсюда такие внеисторические группы, как Градовский — Милюков, Неволин — Павлов-Сильванский). Создается впечатление, что русская историография иммунитета все время топталась на месте, не двигаясь вперед с раз навсегда занятых взаимнопротивоположных позиций.

Задачей настоящей работы является изучение развития исторических взглядов на иммунитет в России. В данной статье, составляющей первую часть общего исследования автора по историографии иммунитета, рассмотрение доводится до середины 80-х годов XIX в., которая, по справедливому мнению ряда специалистов, служит важным рубежом в истории русской общественной мысли.

В русской исторической литературе тема жалованных грамот с давних пор занимает видное место. Интерес к ней обусловлен богатейшим историко-юридическим содержанием жалованных грамот, предоставляющим исследователю широкую возможность заняться рассмотрением таких ведущих исторических проблем, как феодальная собственность на землю, взаимоотношения между феодалами и крестьянами, роль государства в этих взаимоотношениях и т. д. Самое превращение жалованных грамот в начале XIX в. в предмет научных изысканий и публикаций определялось вызреванием и оформлением буржуазной историографии, которая довольно быстро приобрела ярко выраженный юридический характер. Без изучения актовых источников и прежде всего жалованных грамот как документов с наиболее разветвленной системой правовых норм буржуазная историография уже не видела достаточно свободного пути для своего продвижения вперед. Вместе с тем, подобно всякой общей тенденции, введение в научный оборот актовых материалов находило подчас проявление в деятельности лиц, не имевших сознательной цели дать дорогу этой тенденции и ставивших перед собой более частные, иногда узкокорпоративные цели. Так, на протяжении XIX — начала XX в. жалованные грамоты неоднократно издавались церковно-монастырскими иерархами, стремившимися показать особо милостивое отношение к их корпорациям древних князей и царей. Проекты и отдельные реформы М. М. Сперанского, вызвавшие против себя реакцию феодального дворянства, способствовали оживлению буржуазной юридической мысли. Созданная в это время (в мае 1811 г.) Комиссия печатания государственных грамот и договоров приступила к публикации духовных и договорных грамот великих и удельных князей, а также других документов общегосударственного значения. С 1811 г. в издании «Истории Российской иерархии» Амвросия начали печататься княжеские и

царские жалованные грамоты (из архивов северных монастырей)⁴. Источники, изданные Амвросием, а также отдельные неопубликованные грамоты из монастырских архивов позволили С. Г. Салареву дать самые общие, очень краткие, неточные и сомнительные сведения о жалованных грамотах в его обзоре русских грамот, вышедшем в свет в начале 1819 г.⁵ Обзор Саларева носил еще примитивный, главным образом информационный характер. Но автор энергично подчеркивал актуальность изучения грамот: «Для объяснения некоторых мест истории нашей знание грамот необходимо»⁶. Определения разновидностей жалованных грамот («тарханские», «несудимые», «льготные»), взятые автором из законодательных источников (Судебника 1550 г., Стоглава), толковались в его обзоре весьма произвольно⁷. Однако попытка Саларева причислить тарханские грамоты к категории несудимых основана, как думается, не только на недоразумении. Тарханские грамоты, фиксировавшие бессрочные податные привилегии в большинстве случаев одновременно с судебным иммунитетом, в обстановке господства крепостного права вполне могли приниматься за несудимые. Экономическая действительность России первой половины XIX в. давала наглядные доказательства того, что «привилегии», которые октроировались жалованными грамотами на предмет эксплуатации крестьян, представляют собой обычное право помещиков. Поэтому более существенной частью жалованных грамот казался их несудимый раздел, где строго определялся объем сеньориальной юрисдикции. Саларев указал мимоходом, что несудимые грамоты выдавались и в странах Западной Европы, хотя сколько-нибудь подробного сравнения русских иммунитетных актов с западными он не провел⁸.

Запрещение публично обсуждать крестьянский вопрос (1818—1858 гг.) затормозило изучение феодального иммунитета. Однако уже с 40-х годов под сенью этого запрета разгоре-

⁴ Вполне возможно, что публикаторская работа Амвросия находилась в прямой связи с деятельностью крупного историка-архивиста начала XIX в. А. Ф. Малиновского, игравшего руководящую роль в Комиссии печатания государственных грамот и договоров. Очевидно, не случайно в фонде Малиновского хранятся сейчас в копиях XIX в. именно те жалованные грамоты, которые изданы у Амвросия: ЦГАДА, ф. 197, портфель II, № 58 (Амвросий. История Российской иерархии, ч. III. М., 1811, стр. 136—144, № 1; стр. 186—193, № VII), № 59 (Амвросий. История..., ч. IV. М., 1812, стр. 704—706, № 1), портфель III, № 5 (Амвросий. История..., ч. IV, стр. 706—711, № 11). № 6 (Амвросий. История..., ч. III, стр. 283—286) и др. Текстуальное сличение показывает, что грамоты печатались с копий, хранящихся сейчас в «портфелях» Малиновского.

⁵ С. Г. Саларев. Описание разного рода российских граммат.— «Вестник Европы», 1819, № 4; 1819, № 5.

⁶ «Вестник Европы», 1819, № 5, стр. 44.

⁷ «Вестник Европы», 1819, № 4, стр. 285—287.

⁸ Там же, стр. 288, прим. 43.

лась борьба между дворянским и буржуазным пониманием природы привилегий, запечатленных в жалованных грамотах. В 30—40-х годах тезис о незыблемости помещичьего землевладения и крепостного права вошел в официальную правительственную доктрину Уварова (1832 г.). Вместе с тем тогда же правительство настойчиво стремилось использовать достигнутый уровень развития буржуазной юридической мысли в целях укрепления пошатнувшегося положения класса помещиков и абсолютистского государства путем кодификационных работ, публикации законов и других правовых материалов. Последняя тенденция дала возможность некоторым прогрессивным историкам и археографам (в том числе П. М. Строеву) поставить работу по изданию исторических источников (главным образом летописных и правового содержания) на более широкую основу, введя ее в рамки деятельности официального учреждения — вновь созданной императорской Археографической комиссии⁹. Акты Археографической экспедиции, напечатанные на весьма высоком для того времени археографическом уровне¹⁰, давали исследователям богатейший материал по истории политики и права. Но материал этот был, конечно, иллюстративным, случайным, что, с одной стороны, соответствовало самому принципу иллюстративности в юридическом методе буржуазной историографии, с другой стороны, отражало трудности сбора источников при слабой централизации архивного дела и сосредоточении многих документов в руках монастырей и частных лиц. Такой же характер носило издание «Актов исторических» (1841 г.). В 1836 г. Досифей опубликовал целый ряд жалованных грамот XVI—XVII вв. Соловецкому монастырю¹¹. Сразу по основании «Губернских ведомостей» в 1837 г. в их «неофициальной части» (или «добавлениях») стали издаваться отдельные жалованные грамоты. Регесты значительного числа иммунитетных грамот дал А. Х. Востоков в своем знаменитом описании рукописей Румянцевского музея (1842 г.). Все менее крупные публикации здесь нет надобности упоминать.

Несмотря на то, что публикации 30-х — начала 40-х годов создали благоприятные условия для анализа феодального иммунитета, специального изучения проблемы иммунитета в это время не велось, поднимались лишь отдельные связанные с ней вопросы, причем оставались в тени самые существенные стороны сеньориальной власти феодалов — получение податей и вотчинная юстиция. К проблеме иммунитета подходили окольным

⁹ ААЭ, т. I—IV. СПб., 1836.

¹⁰ Критический разбор ААЭ дал впоследствии Н. П. Павлов-Сильванский («Погрешности актов Археографической экспедиции». — «Летопись занятий Археографической комиссии», 1904, вып. XVI. СПб., 1907).

¹¹ Досифей. Географическое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. III. М., 1836.

путем, начиная с обсуждения сравнительно второстепенного вопроса — о происхождении права феодала взимать таможенные пошлины в пределах своего владения. Ю. А. Гагемейстер верно подметил, что материальной базой этого права служила земельная собственность¹². У него нет типичных для позднейшей историографии попыток рассматривать феодальное право сбора таможенных пошлин в качестве результата княжеского пожалования. Вывод Гагемейстера довольно точно согласовался с правительственной концепцией, трактовавшей крупное дворянское землевладение и вытекавшие из него права как институты, не допускавшие посягательства на них со стороны центральной власти, а следовательно, издревле независимые от нее. В. В. Григорьев, выступивший с доказательством подлинности ханских ярлыков русским митрополитам, указывал, что привилегии, зафиксированные в ярлыках, не могли быть вымышленными, ибо духовные корпорации «действительно пользовались ими издревле, так и долгое время после свержения монгольского ига»¹³. При этом он допускал возможность отмены или ограничения привилегий ханами, а впоследствии князьями¹⁴. Автор неправоммерно отрицал политические мотивы выдачи ярлыков и объяснял их происхождение веротерпимостью монгольских ханов¹⁵. Таким образом, в его концепции иммунитет выступает как обычное право церкви, лишь подтвержденное в ярлыках. Взгляды Гагемейстера и Григорьева фактически нашли поддержку в работе К. А. Неволлина, который писал: «Господин для своих слуг, владелец земель для людей, на них поселенных, были по древним нашим законам природными судьями»¹⁶. Право сеньориального суда церкви было, согласно Неволлину, только «подтверждаемо (разрядка наша.— С. К.) ханскими ярлыками»¹⁷. Тезис о том, что иммунитетные привилегии возникли независимо от публичной власти, имел в условиях разложения феодально-крепостнической системы определенный классовый смысл. По существу он вполне отвечал интересам широких кругов дворянства, давая историческое обоснование их стремлению сохранить в неприкосновенности свои земельные богатства и связанные с ними вотчинные права. Появление этой концепции стало объективно возможным благодаря определенной эволюции дворянской земельной собственности в XVIII—начале XIX в. Еще в первой половине XVIII в. сохранялись живые во-

¹² Ю. А. Гагемейстер. Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833, стр. 44—45, 77.

¹³ В. Григорьев. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 77—78, 109.

¹⁵ Там же, стр. 32—53.

¹⁶ К. Неволлин. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1847, стр. 202.

¹⁷ Там же, стр. 204.

споминания об условном характере дворянской собственности, о связи ее с государевым пожалованием. Посошков призывал к активному вмешательству государства в отношения между помещиком и крепостными. И позднее идеологи абсолютизма пытались представить помещиков не столько собственниками, сколько уполномоченными правительства — чиновниками, полицейскими, попечителями крестьян. Однако манифест о вольности дворянства 1762 г., жалованная грамота дворянству 1785 г. юридически оформили фактическое превращение дворянского землевладения в чистую частную собственность, не обусловленную службой государству. Эта буржуизация земельной собственности, сопровождавшаяся ростом частной (рабовладельческой) собственности на работника производства, позволила взглянуть и на имущественные права дворянства как на продукт частного права, расценить их в качестве частной собственности, а не политического института, созданного царским пожалованием.

В самом конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. открыто заявила о себе и другая концепция, фактически возродившая на более широкой социальной основе идеи Посошкова и Каразина. В исследовании, посвященном истории внутренних таможенных пошлин в России (1850 г.), Е. Осокин, полемизируя с Гагемейстером, полностью отрывал право феодалов на сбор таможенных пошлин от земельной собственности¹⁸. Мнение Осокина подверглось критике со стороны И. Д. Беляева, который поддержал концепцию Гагемейстера и убедительно использовал одну грамоту 1596 г. для доказательства того, что право сбора таможенных пошлин (мыта, мостовщины, перевозов) обуславливалось земельной собственностью¹⁹. Несмотря на всю заурядность монографии Осокина, спор между ним и Беляевым был не частным случаем, а началом борьбы двух направлений в легальной русской историографии. По методу изучения истории оба эти течения представляются формами буржуазной историографии, однако если точка зрения Гагемейстера — Неволлина — Беляева давала оружие в руки дворян-землевладельцев, то концепция Осокина, наоборот, вырывала его у них и целиком подчинялась классовым устремлениям буржуазии. Наступление идеологов буржуазии против выразителей концепций, выгодных земельному дворянству, имело под собой широкую социальную основу. К 50-м годам классовая борьба крестьянства за ликвидацию феодального строя приобрела огромный размах. Она оказала чрезвычайно сильное влияние на буржуазную историографию, способствовала ее активизации. Учитывая расстановку классовых сил в стране, представители буржуазной общественной мыс-

¹⁸ Е. Осокин. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850, стр. 25—29.

¹⁹ «Москвитянин», 1850, кн. 2, отд. IV, стр. 59—61.

ли стали пытаться всячески ослабить идеологические основы крепостного права. Иммуниетные права и привилегии дворянства, действительно базировавшиеся на земельной собственности, начали изображаться не зависимыми от этой основы, не связанными с ней. Многие источники, прежде всего жалованные грамоты, как будто вполне позволяли сказать, что феодалы обязаны своими иммуниетными правами центральной власти, правительству, которое делегировало им часть своих государственных полномочий. Буржуазная историография выступила, таким образом, с культом центрального правительства. Дело тут объясняется, конечно, не только буквальным трактовкой жалованных грамот буржуазными историками. Это было, скорее, следствием, а не причиной абсолютизации государства. Сущность вопроса состояла в том, что буржуазная историография накануне реформы не могла обойтись без культа правительства. С одной стороны, правительство рассматривалось ею как единственный возможный реформатор общественного строя, способный решить крестьянский вопрос путем лишения дворян их земель и иммунитета. Поэтому-то буржуазная историография стремилась доказать полную зависимость феодалов от правительства и отсутствие прочных корней феодального иммунитета в объективных факторах (феодальной собственности на землю). С другой стороны, в обстановке развернувшейся классовой борьбы народных масс идеологи русской буржуазии не видели другой представительницы «порядка» в стране, кроме самодержавно-полицейской власти царского правительства. Это также послужило важной социальной причиной абсолютизации государства в буржуазной историографии предреформенного периода. В 50-х годах появилась уже целая плеяда историков, чьи труды проникнуты отмеченной тенденцией. Прежде всего внутренние противоречия, из которых фактически родилась уступка вновь возникавшей концепции, обнаружались в очередной книге самого Неволлина, вышедшей в 1851 г. и посвященной истории русского гражданского права. В ней автор впервые в русской историографии широко поставил вопрос о роли жалованных грамот и характере зафиксированных в них юридических норм. Он высказал верное предположение, что жалованными грамотами «был только подтверждаем, как исключение, тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собою по общему правилу», «в древнейшие времена права вотчинника были не теснее, а, напротив, еще обширнее, чем были во времена позднейшие»²⁰. Неволлин совершенно правильно рассматривал выдачу вотчинникам несудимых грамот в качестве средства ограничения их феодальной автономии²¹. Но его уступка новой

²⁰ К. Неволлин. История российских гражданских законов, т. 2. СПб., 1851, стр. 149.

²¹ Там же, стр. 150.

концепции наиболее явно выразилась в том, что он находил возможным говорить об «уничтожении» судебной власти феодалов по мере окончательного укрепления государственной власти, т. е. при создании централизованного государства²². Это допущение, проскользнувшее уже у Григорьева, имело свои политические и гносеологические корни. С политической точки зрения такая трактовка вопроса служила делу примирения старой и новой концепций на основе признания определяющей роли государственной власти для развития иммунитета. Гносеологической базой схемы Неволлина было идеалистическое понимание исторического процесса, умение анализировать явления только в политической плоскости, без учета экономических факторов как ведущих двигателей истории. Неволлин изучал эволюцию «вотчинного права» в отрыве от социально-экономических отношений феодального строя. Он не показал источника власти феодала, которым являлась феодальная форма земельной собственности. Неволлин совершенно игнорировал вопрос об экономическом господстве феодалов — получении податей, вытекавшем непосредственно из отношений собственности, и сосредоточил свое внимание лишь на политических правах феодалов, которые исследовались им вне связи с основой феодализма и экономической властью феодалов. Историю судебного иммунитета Неволлин рассматривал с точки зрения развития феодального государства. Отмеченные выше правильные суждения Неволлина строились не на научном понимании структуры феодального общества, а на представлении о слабости публичной власти в раннефеодальную эпоху. Он так и объяснял свою мысль: «При слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином»²³. Сделав вывод, что централизованное государство уничтожило судебный иммунитет, Неволлин впал в видимое противоречие не только с историческими фактами, но и с фактами окружавшей его действительности. Судебные права помещиков в отношении крестьян были хорошо известны самому автору. Чтобы ликвидировать это противоречие, он приводил следующее рассуждение: «Хотя владельцы населенных имений были естественными судьями своих крепостных в их делах между собою, но право суда в этом случае было совершенно отлично от принадлежавшего прежде вотчинникам права судить людей свободных, живших в вотчинных землях»²⁴. На самом деле коренного различия между судом феодала в раннефеодальную эпоху и вотчинным судом периода позднего феодализма нет. И в том, и в другом случаях крестьянин выступает как лично несвободный в силу

²² Там же.

²³ Там же, стр. 149.

²⁴ Там же, стр. 150—151.

феодалной формы земельной собственности. Говоря о судебных полномочиях феодалов во времена позднего феодализма, Неволину пришлось назвать землевладельцев «естественными судьями» и на этом закончить объяснения. Характерные для схемы Неволлина тенденции — показ иммунитетных привилегий феодалов в отрыве от феодалной собственности на землю и попытка обусловить их степень полноты государственной власти — по существу ослабляли позиции сторонников дворянской теории иммунитета. Во всяком случае Неволлин не выдвинул на передний план их важнейший аргумент (земельную собственность), ограничившись ссылками на «естественные», обычные права вотчинников.

Буржуазно-дворянская теория обычного права вотчинников, несомненно, перекликалась со взглядами представителей естественноисторической школы в области изучения литературных памятников, особенно летописных и переводных (И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, А. Н. Пыпин). Середина 40-х — середина 50-х годов XIX в. — кульминационный момент развития естественноисторической школы. К началу крестьянской реформы ее идеи были почти совершенно вытеснены из русской историографии. Для естественноисторической школы типично стремление отыскивать корни того или иного явления не во внешних факторах, а в естественных потребностях людей и самостийно возникших порядках. Историкам этого направления было несвойственно усматривать первоисточники древних обычаев в иностранных влияниях и в правотворчестве государства. Такая позиция позволила естественноисторической школе внести большой вклад в отечественную науку. Однако главная слабость естественноисторической школы, определившая ее крах накануне реформы, заключалась в попытке совершенно абстрагироваться от рассмотрения человеческого общества как социально неоднородного, разделенного на классы²⁵. Желание обойти проблему классовых и даже политических противоречий феодального строя, объяснение всех явлений человеческими потребностями вообще — все это показывает крайне незрелый характер буржуазного гуманизма данного течения, которое своим полным затушевыванием социальных конфликтов в древнерусском обществе в значительной мере служило интересам земельного дворянства. Определение вотчинных порядков в качестве обычного или «естественного» права феодалов отражало в условиях господства крепостнической системы классовую ограниченность и политическую тенденциозность авторов. К. Маркс указывал, что «обычные права благородных по своему *содержанию*

²⁵ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 576. 585.

восстают против формы всеобщего закона... они являются *обычным бесправием*»²⁶.

Если у Неволина уступка новой теории делалась в скрытой форме, а в основном он защищал старую точку зрения, то уже в трудах двух крупнейших буржуазных историков середины XIX в.—С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина—была дана совсем иная постановка вопроса о жалованных грамотах. В четвертом томе «Истории России», изданном в 1854 г., Соловьев исследовал главным образом льготные грамоты. Он первый более или менее широко обосновал взгляд на жалованные грамоты как на документы, содержащие реальные льготы. В оценке льготных грамот Соловьев исходил из предположения, что колонизационный процесс являлся важнейшим фактором исторического развития русского народа в средние века. Историю Руси XIV—XV вв. Соловьев считал историей «страны, которая колонизируется». «Населить как можно скорее, перезавать отовсюду людей на пустые места, приманить всякого рода льготами...— вот важные вопросы колонизирующейся страны». Отсюда, по его мнению, «легко понять происхождение... льготных грамот, жалуемых землевладельцам, населителям земель»²⁷. Соловьев дал чисто юридический разбор вотчинных прав, зафиксированных в грамотах, без выяснения первоисточников этих прав²⁸. Строго говоря, концепция Соловьева не была до конца четкой, так как оставалось гадать, считает ли автор государственную власть, носителя которой выдавали льготные грамоты, творцом иммунитета или видит в ней просто силу, расширяющую иммунитет. В последнем предположении сомневаться не приходится: в отличие от Неволина, рассматривавшего иммунитетные акты как средство ограничения вотчинных прав, Соловьев представлял их в виде документов, увеличивающих объем иммунитета. Крайне важно признание автором выдающейся роли государства в создании зависимых отношений между вотчинниками и крестьянами: согласно схеме Соловьева, без помощи государства, без льгот с его стороны земельные собственники не смогли бы населить свои вотчины. В середине 50-х годов этот вывод отвечал политическим интересам буржуазии, а не дворянства. Таким образом, своей трактовкой льготных грамот Соловьев расчистил дорогу для представителей государственной школы. Он еще не сформулировал вполне определенно, что именно льготные грамоты создавали весь комплекс иммунитетных привилегий, однако самым ходом рассуждений автора читатель подводился к этому выводу.

²⁶ К. Маркс. Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья третья).— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 126.

²⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II. М. 1960, стр. 648.

²⁸ Там же, стр. 493, 535—539, 601—602 и др.

В обстановке борьбы за ликвидацию крепостного права проблема жалованных грамот нашла отклик у идеологов русской революционной демократии. Н. Г. Чернышевский, опубликовавший в том же 1854 г. рецензию на четвертый том «Истории России» Соловьева, уделил этой проблеме особое внимание. Он резко выступил против идеализации феодального государства, содержащейся в книге Соловьева. Поставив под сомнение тезис Соловьева насчет исключительной заботы государства о заселении территории, Чернышевский дал замечательное по своей глубине объяснение политических мотивов выдачи льготных грамот: «Скорее давались они для того, чтобы привязать к себе, удержать волость от принятия в князя соперника, нежели с тем, чтобы привлечь новое население. Об этом думали гораздо меньше»²⁹. Таким образом, хотя Чернышевский и не остановился в своей статье на экономической обусловленности содержания жалованных грамот, он сумел глубже современных ему и последующих буржуазных историков понять политический смысл предоставления льготных грамот в период феодальной раздробленности: они являлись важным средством борьбы князей за расширение территории княжеств. Только в советской исторической науке эта мысль Чернышевского нашла развитие и подтверждение (Черепнин ярко показал роль жалованных грамот в деле централизации России). Трактовка Чернышевского была глубоко научной и потому, что ею фактически отрицалась возможность создания иммунитета при посредстве льготных грамот — князьями, государством. В русской дореволюционной историографии точка зрения Чернышевского осталась одинокой, хотя она открывала чрезвычайно широкие перспективы для исследования политической истории России. Буржуазная историография не могла и не хотела принять ее, так как подобный взгляд на жалованные грамоты, во-первых, не соответствовал классовым и политическим задачам идеологов русской буржуазии, а во-вторых, он находился в противоречии с абстрактно-юридическим методом буржуазной историографии, предполагая необходимость конкретно-исторического подхода к выяснению причин выдачи каждой исследуемой грамоты.

Книга Соловьева дала толчок для дальнейшей абсолютизации роли государства в деле создания иммунитета. В 1855 г. Осокин напечатал свой полемический ответ на рецензию Беляева, где отрицал всякую связь между земельной собственностью, с одной стороны, административным и на этот раз даже податным иммунитетом — с другой. «Было бы произвольно и неосновательно предполагать, — писал он, — что право взимания торговых пошлин, даже прямых податей, соединялось с правом на

²⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, стр. 401.

поземельную собственность»³⁰. По пути, проложенному Соловьевым, пошел Б. Н. Чичерин, который, критикуя родовую теорию Соловьева, углубил абсолютизацию государства, имевшуюся в трудах Соловьева.

Чичерин не понял специфики общественных отношений феодального строя. Рисуя отношения между феодалом и крестьянами по образцу отношений буржуазной аренды³¹ и считая крестьян (до XVI в.) свободными³², Чичерин вместе с тем представлял отношения между феодалом и холопами как отношения рабовладельческого строя³³. Таким образом, средневековый экономический уклад Руси в его изображении выступал в виде некоторой комбинации рабовладельческой и буржуазной общественных структур.

Чичерин противопоставлял порядки эпохи феодальной раздробленности как проявление господства частного права крепостничеству XVIII—XIX вв. как форме служения государству³⁴. Все развитие производственных отношений в феодальной деревне с удельных времен до середины XIX в. трактовалось им с точки зрения взаимной смены частных и государственных отношений: частное право до XVI в., система повинностей до Екатерины II (всеобщее закрепощение сословий), раскрепощение дворянства при Екатерине («награда за долговременное служение отечеству») и предстоявшая отмена крепостного права («вековые повинности должны замениться свободными обязательствами») ³⁵. Таким образом, в схеме Чичерина был заложен известный элемент «отрицания отрицания»: от частных отношений средневековой Руси (без государства) через закрепощение сословий государством к частным отношениям нового времени (в рамках государства). Но Чичерин не видел качественного отличия «частных» отношений удельной Руси от «частных» отношений буржуазного типа³⁶. Единственным критерием оценки их особенностей служил для него факт наличия или отсутствия централизованной государственной власти.

³⁰ Е. Осокин. Несколько спорных вопросов по истории финансового права.— «Юридический сборник Дм. Мейера». Казань, 1855, стр. 555.

³¹ «Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владение землею (разрядка наша.— С. К.), а в этом состояла его сила. Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно» (Б. Н. Чичерин. Холопы и крестьяне в России до XVI века.— «Опыты по истории русского права». М., 1858, стр. 176).

³² Там же, стр. 158, 175 и др.

³³ Там же, стр. 164—165, 176 и др.

³⁴ Там же, стр. 164, прим. 229—230.

³⁵ Там же, стр. 231.

³⁶ Правда, он указывал, что «...землевладелец был не столько хозяин, сколько князь своей вотчины; цель его состояла не в экономическом устройстве имения, а в сохранении вотчинных прав, которые все же не имели хозяйственного характера...» (там же, стр. 219).

Отрицая наличие «государства» до XVI в., Чичерин вместе с тем сумел уловить элемент общности между князем и вотчинником как представителями власти по отношению к крестьянам, хотя самую эту власть он считал частным правом: «каждая вотчина представляла собою маленькое княжество, точно так же, как княжество было не что иное, как большая вотчина. В обоих господствовали одни и те же начала — начала частного владения. Все, что составляет насущную потребность общества, с этой точки зрения превращалось в частную собственность, рассматривалось как доходная статья»³⁷. Чичерин прямо признавал княжескую власть источником вотчинной юстиции. Суд, по его мнению, «отчуждался в частные руки жалованными грамотами частным лицам и монастырям». Право вотчинного суда, утверждал Чичерин, — «особенная милость князя»³⁸. Выдачу грамот духовным учреждениям Чичерин объяснял также и благочестивыми мотивами³⁹. При этом роль феодальной собственности на землю как источника иммунитета сводилась им к нулю при помощи тезиса о кочевом духе народонаселения в удельное время⁴⁰. Правильно считая, что вотчинная власть не являлась формой выполнения общественной службы, Чичерин вообще отрицал наличие элементов публичного права в сеньориальной юрисдикции: «в удельный период в вотчинной Руси суд имел характер не общественной должности, а частной собственности», его отчуждение князьями было «не государственною мерою», «а подарком князя вследствие расположения его к известному лицу»⁴¹, грамотчиков, по мнению автора, интересовало не само право суда, а доходы от судопроизводства⁴². Эта модернизация Чичериным общественных отношений феодального строя отражает не только ограниченность его представления об иммунитетных правах в средневековой Руси, но и определенную политическую тенденциозность в их интерпретации. Русская действительность 50-х годов XIX в. была одной

³⁷ Б. Н. Чичерин. Холопы и крестьяне..., стр. 217.

³⁸ Б. Н. Чичерин. Областные учреждения в России. М., 1856, стр. 19, 31.

³⁹ Б. Н. Чичерин. Холопы и крестьяне..., стр. 179—180, 210.

⁴⁰ Анализируя грамоту 1450 г. митрополита Ионы Андрею Афанасьеву, автор замечает: «Здесь видно стремление к образованию такого же иерархического порядка землевладельцев, как в феодальном мире на Западе. Духовное лицо, монастырь получают от князя земли, а вместе с тем и соединенные с ними права и льготы, сами же они в свою очередь передают эти права и льготы людям, которые поселяются на их земле и через это делаются от них зависимыми. Но у нас вследствие всеобщего разъединения и кочевания этот порядок никогда не мог получить такой определенности, как на Западе...» (разрядка наша.— С. К.) (Б. Н. Чичерин. Холопы и крестьяне..., стр. 182).

⁴¹ Б. Н. Чичерин. Областные учреждения в России, стр. 19—20; ср. стр. 23; он же. Холопы и крестьяне..., стр. 179—180.

⁴² Б. Н. Чичерин. Областные учреждения в России, стр. 17; Б. Н. Чичерин. Холопы и крестьяне..., стр. 211, 216.

из причин, позволявших настаивать на частном характере сеньориальной власти феодалов.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что именно те отношения, которые сам Чичерин считал «не частным укреплением лица за лицом, а властью, врученной правительством одному сословию, и обязанностями, наложенными на другие»⁴³, обусловили его концепцию «частного» характера средневековых порядков.

Крепостничество конца XVIII — середины XIX в. приобрело, как известно, много черт рабовладения, что способствовало резкому увеличению элементов частного права во всех вотчинных институтах и потере ими в значительной степени облика учреждений, как-то сочетающих в себе частнопроводные и публичноправовые функции. С усилением частного элемента в юрисдикции и других политических правах феодалов феодализм становился несколько более понятным представителям буржуазной общественной мысли, которые начали рассматривать его в свете категорий буржуазной политэкономии и юриспруденции, неслучайно пользуясь при этом формулами рабовладельческого римского права, оперировавшего нормами «чистой» частной собственности. Параллельное развитие буржуазных отношений было основой этого процесса. Но если сначала буржуазные юристы только удовлетворяли запросы крепостников⁴⁴, то по мере роста классовой борьбы народных масс за ликвидацию феодализма модернизация сущности феодальных отношений превратилась в способ критики их. В самом деле, утверждая, что феодальная юстиция и прочие политические права феодалов не есть общественная функция, буржуазная историография подводила читателя к выводу о ненужности феодалов как организаторов народной жизни в раскрепощенном обществе.

Итак, новые буржуазные теории начали трактовать жалованные грамоты, а через них — государственную власть в качестве источника иммунитетных привилегий. Они отрывали иммунитет от феодальной собственности на землю. Эти взгляды искажали подлинное положение вещей, к пониманию которого ближе были историки, проводившие точку зрения, выгодную земельному дворянству. Однако появление указанных буржуазных концепций имело и определенное положительное значение. Во-первых, они наносили удар по теории неизбежности и

⁴³ Б. Н. Чичерин. Холопы и крестьяне..., стр. 164, прим.

⁴⁴ Отмечая характерное для позднего феодализма стремление феодалов превратить крестьян в крепостных, а общинную землю — в господскую, Ф. Энгельс писал: «В этом князьям и дворянам помогали юристы, изучившие римское право, которые своим применением норм римского права к германским отношениям, большей частью не понятым ими, сумели создать безграничную путаницу, и притом такую, что благодаря ей господин всегда был в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше» (Ф. Энгельс. Марка.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 340).

законности крепостного права. Во-вторых, признание жалованных грамот основой вотчинных привилегий дало мощный толчок для их исследования в юридическом плане. Выразители старой концепции, считая, что жалованные грамоты только подтверждали или ограничивали реальные права, по существу не интересовались ими как историческими памятниками. Новые теоретики, резко преувеличив и исказив действительную роль жалованных грамот, не могли не поставить на очередь дня задачу их подробнейшего изучения, ибо жалованные грамоты были теперь объявлены единственным источником всех сеньориальных прав.

Конец 50-х и 60-е годы XIX в. явились самым насыщенным этапом изучения жалованных грамот в русской историографии, причем в рамках данного периода активнее всего жалованные грамоты исследовались в 1858—1863 гг. Это объясняется тем, что ни до, ни после рассматриваемого отрезка времени проблема сеньориальной власти вообще и крепостного права в частности не была предметом столь острых политических споров, никогда в другие периоды русской истории столкновение классовых интересов на почве борьбы за отмену феодальных податных и судебных привилегий не носило столь широкого, всеобщего характера. В годы революционной ситуации (1859—1861) в центре внимания буржуазной историографии находилась не публикация, а источниковедческий анализ жалованных грамот. В первой половине XIX в. не существовало гармонического единства между печатанием иммунитетных грамот и их исследованием. В условиях, когда социально-экономическое развитие России и рост внутренних потребностей исторической науки выдвинули изучение жалованных грамот на передний план, исследовательская работа по этой теме не могла быть сколько-нибудь широко развернута в силу официального запрещения обсуждать крестьянский вопрос. Буржуазная историография прибегла тогда к языку самих источников (написанных от лица носителей верховной власти — князей и царей), т. е. начала в довольно крупных масштабах издавать жалованные и указные иммунитетные грамоты (30—40-е годы XIX в.). В конце 40-х — 50-х годах XIX в., несмотря на сохранение старого запрета, в обстановке назревания революционной ситуации источниковедческая мысль работала гораздо интенсивнее, чем раньше, а темпы накопления сырого материала (публикация иммунитетных грамот) несколько снизились в центре⁴⁵, хотя издательская деятельность на местах продолжала развиваться. В годы революционной ситуации эта тенденция раскрылась до конца. Более того, в 60-х годах была теоретически обоснована необязательность дальнейшей публикации жалованных грамот. По

⁴⁵ Из крупных изданий можно назвать только «Дополнения к актам историческим», т. I. СПб., 1846; «Акты юридического быта» (далее — АЮБ), т. I СПб., 1857.

мнению писавшего в это время А. Н. Горбунова, новые материалы не смогли бы ничего прибавить к тому, что стало известно из напечатанных образцов. Грамотами, напечатанными в провинциальных изданиях, ведущие историки почти не пользовались как вследствие недостаточной осведомленности об этих изданиях, так и в силу специфической особенности буржуазной историографии, которая главным в исследовании жалованных грамот считала юридический анализ, а поэтому часто обходилась «известными образцами», не стремясь привлечь к изучению жалованные грамоты во всей их совокупности. Охарактеризованное положение объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, публикации первой половины XIX в. создали достаточно солидную базу для исследования жалованных грамот. Документы, таким образом, имелись, а специальных источниковедческих работ на данную тему не существовало. Само развитие исторической науки требовало отвлечься от накопления сырого материала и заняться его осмыслением. Во-вторых, политическое положение в годы революционной ситуации было таково, что язык источников казался уже слишком невнятным ответом на вставшие вопросы современности. Чувствовалась нужда в остром слове исследователя. В-третьих, буржуазная историография не выдвигала проблему изучения политических причин возникновения каждой конкретной группы жалованных грамот. Буржуазные исследователи ограничивали свою задачу выяснением юридической основы феодальных привилегий, т. е. вопроса, наиболее актуального (из всей проблематики жалованных грамот) в период революционной ситуации. Как в силу этого момента, так и вследствие юридического характера буржуазной историографии вообще буржуазное источниковедение конца 50-х — начала 60-х годов интересовалось лишь описанием правовых норм, зарегистрированных в жалованных грамотах. Кроме того, развитие самих правовых норм жалованных грамот также мало занимало буржуазную историографию середины XIX в., метафизическую в основе своей и сконцентрировавшую свое внимание на решении общего вопроса об источниках сеньориальной власти. Подобный подход к жалованным грамотам действительно позволял удовлетвориться «известными образцами» и не предполагал введения в научный оборот всего комплекса исследуемых актов. Некоторое ослабление источниковедческого исследования жалованных грамот после 1861 г., обусловленное уменьшением актуальности этой темы в связи с законодательным оформлением отмены сеньориальной власти феодалов, сопровождалось известным оживлением публикаторской деятельности⁴⁶.

⁴⁶ Наиболее значительные публикации: АЮБ, т. II. СПб., 1864; «Сборник П. Муханова», вып. II. М., 1866; М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871, прил.

В годы революционной ситуации выделилось три направления в области исследования жалованных грамот. Первое представлено трудами, в которых делались попытки соединить или примирить старую теорию обычного права землевладельцев с новой буржуазной концепцией в разных ее вариантах. В 1859 г. вышла в свет книга Ф. М. Дмитриева о судебных инстанциях 1497—1775 гг. Одной из тем, затронутых автором, были судебные привилегии феодалов-землевладельцев. Дмитриев глухо заметил, что «вотчинниковы и помещицыи крестьяне судились своим вотчинником или помещиком на основании землевладельческого права»⁴⁷. Этим он в какой-то степени солидаризировался с теоретиками обычного права. Однако дальше Дмитриев целиком вставал на точку зрения Чичерина. Говоря о судебных привилегиях вообще, он утверждал: «все дело основывалось на одной милости»⁴⁸. «Драгоценное право не подлежать местной расправе» давалось, по словам автора, жалованными грамотами⁴⁹. Характеризуя вотчинный суд монастырей и церкви, Дмитриев вслед за Чичериным рассматривал его только как источник дохода (судебных пошлин), «как облегчение в повинностях»⁵⁰. В другом месте автор мотивировал выдачу несудимых грамот злоупотреблениями наместников и их агентов. «Недостатки древней администрации, которая была иногда чрезвычайно обременительна для лиц подвластных,— писал он,— повели к многочисленным исключениям из области подсудности»⁵¹. Если в книге Дмитриева старая и новая концепции соединялись чисто механически, а в основном автор поддерживал новую теорию (Чичерина), то в монографии В. А. Милютина компромиссная тенденция получила логическое обоснование. Исследование Милютина «О недвижимых имуществах духовенства в России» начало печататься в 1859 г.⁵² Жалованным грамотам автор посвятил специальную главу⁵³. Милютин впервые дал систематическое и подробное изложение основных юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, отметил составные части жалованных грамот XIV—XVII вв., рассмотрел разные формы подтверждения грамот. В этой же работе Милютин поместил главу, где описывалась внутренняя

⁴⁷ Ф. Дмитриев. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859, стр. 101.

⁴⁸ Там же, стр. 103.

⁴⁹ Там же, стр. 91.

⁵⁰ Там же, стр. 101; ср. стр. 73, 92, 100.

⁵¹ Там же, стр. 91.

⁵² Чтения ОИДР, 1859, кн. IV; 1860, кн. III; 1861, кн. I—II. Далее даются ссылки на издание 1862 г. Работа эта была написана до 1855 г. (в 1855 г. Милютин погиб), но для нас важна ее роль в качестве печатного произведения.

⁵³ В. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862, стр. 165—272.

жизнь монастырских вотчин — сбор податей с крестьян, организация суда над ними⁵⁴. Автор, разумеется, не ставил перед собой цели путем такого двустороннего показа реально существовавших вотчинных порядков и их юридического оформления в жалованных грамотах прийти к каким-либо выводам относительно природы монастырского иммунитета. Двусторонняя характеристика получилась у Милютина стихийно — в силу его стремления описать наиболее полно землевладение и права духовных корпораций. Хотя автор вскользь и говорит о тесной взаимосвязи явлений «юридических» с явлениями «хозяйственными»⁵⁵, органического единства между отмеченными двумя главами нет. Основой финансовых и судебных привилегий церковно-монастырских корпораций Милютин считал жалованные грамоты. Неслучайно разбор жалованных грамот предшествует у него анализу внутренних порядков, царивших в монастырских вотчинах. Пытаясь выяснить «общие» причины выдачи жалованных грамот, Милютин апеллировал к теории обычного права⁵⁶. Однако, отмечая в декларативной форме всеобщий характер привилегий, утвердившихся в силу обычного права, Милютин не распространял это положение на иммунитет духовных корпораций. Вотчинную власть монастырей и церкви Милютин рассматривал как результат пожалований со стороны княжеских и царских правительств, отрывая ее от феодальной собственности на землю. В предоставлении духовным учреждениям иммунитетных прав Милютин видел «обычай», который «получил начало свое в Греции». Основными причинами, побуждавшими носителей верховной власти к выдаче грамот монастырям, Милютин считал «любовь к вере» и «желание окончательно обеспечить содержание и благосостояние духовного сословия»⁵⁷. Конкретный разбор жалованных грамот дан Милютиным в метафизическом духе. Выводя средние нормы иммунитета XIV—XVII вв., автор совершенно не показал развития экономической и политической власти феодалов.

⁵⁴ Там же, гл. VI.

⁵⁵ Там же, стр. 273.

⁵⁶ Выдача грамот обуславливалась, по мнению Милютина, двумя главными факторами: во-первых, тенденцией «всех элементов тогдашнего общества» к корпоративности, во-вторых, «страдательным положением тогдашней законодательной власти, которая при господстве обычая, служившего первоначально важнейшим источником права, не иначе могла обнаруживать свою деятельность, как только признанием юридических начал, образовавшихся независимо от нее, или же установлением в пользу известных, определенных лиц частных, специальных изъятий из общего, имевшего силу закона, обычая». Установление привилегий, продолжал далее Милютин, составляло «...естественный и необходимый переход от господства обычного права к самостоятельности законодательной власти» (В. М и л ю т и н. Указ. соч., стр. 195). Шульц несправедливо относит Милютина к числу тех, кто понимал привилегии исключительно как княжеские пожалования (W. S h u l z. Op. cit., S. 72 и Anm. 71—73).

⁵⁷ В. М и л ю т и н. Указ. соч., стр. 165, 193—194, 220.

Рост компромиссных настроений в буржуазной историографии периода революционной ситуации объясняется ее страхом перед развернувшимся в стране народным движением. Попытка совместить признание исконности землевладельческих и имунитетных прав светских феодалов с показом решающей роли государства в деле создания феодальных привилегий имела определенный классовый смысл. Она должна была привести к выводу о том, что помещичьи права — это древняя «частная собственность», которая требует уважения к себе и не может погираться всеми и каждым: только государство располагает правом ее ликвидировать. Чисто буржуазная модернизация феодального строя в чичеринском духе в сочетании с подчеркиванием обычных прав землевладельцев оказалась удобным средством оправдания намеченной правительством реформы, причем именно в том виде, в каком она была задумана и впоследствии осуществлена на практике — буржуазной по содержанию, крепостнической по форме. Логический прием, допускавший это, строго говоря, эклектическое смешение теорий, состоял в довольно искусственном противопоставлении землевладения светских лиц землевладению духовных учреждений. Наиболее ясно указанные формы землевладения противопоставлялись в монографии Милютина. Гносеологически такое противопоставление было возможно вследствие крайне ограниченного понимания буржуазной историографией природы обычного права «благородных». Обычное право связывалось только с отсутствием или слабостью государственной власти в древности. Вместе с тем определенная экономическая структура, порождавшая обычные права феодалов, игнорировалась. Конечно, при такой методологии не представляло особого труда отыскать принципиальную разницу между светским и духовным землевладением и объявить одно основанным на обычном праве, другое — на княжеской милости. Впрочем историки, писавшие в 40-х годах, отличились здесь большей наблюдательностью. У Неволлина, например, нет указанного противопоставления (он отмечал, что судебные права духовенства «подтверждались» ханскими ярлыками). Значит, безусловно, на углубление идеалистической концепции имунитета в конце 50-х — начале 60-х годов повлияла политическая обстановка в стране. Правоведы типа Милютина и Дмитриева заняли двойственную позицию. Признавая обычные права вотчинников и помещиков, они в центре исследования поставили все же государственную власть в роли создательницы имунитетных привилегий, но стремились плоскость, в которой изучалась эта проблема, так, чтобы речь шла о политических менее острых вопросах, к каковым в середине XIX в. и принадлежала тема церковно-монастырского феодального землевладения, ликвидированного еще в XVIII в. Исследование монастырских жалованных грамот стимулирова-

лось, кроме того, их численным преобладанием над грамотами светским лицам и большим проникновением в печать. Однако само по себе это обстоятельство мало что объясняет. Для середины XIX в. как раз показательное отсутствие ясно выраженного стремления отыскивать и широко публиковать жалованные грамоты светским феодалам. Не случайно издания 60-х — начала 70-х годов вводили в научный оборот почти исключительно церковно-монастырские грамоты, чего нельзя сказать про «Акты Археографической экспедиции» и «Акты исторические», напечатанные в 30-х — начале 40-х годов XIX в.

Второе течение в историографии жалованных грамот, наметившееся в годы революционной ситуации, выросло из тех же тенденций, которые были источником уже рассмотренного первого направления. Только здесь все носило более последовательный характер. Исследователи второго направления совершенно не затрагивали проблему светского иммунитета, поэтому обходились как без концепции обычного права, так и без схемы Чичерина. Вообще второе течение отмечено упадком теоретической мысли. В центре его внимания находилась государственная власть, милостиво наделявшая привилегиями духовных феодалов. Во втором течении еще яснее, чем в книге Милютина, проявилось стремление буржуазной историографии показать церковь и государство в ореоле тесного единения и бескорыстной взаимной любви. Эта дополнительная черта историографии конца 50-х — 60-х годов понятна в свете острой классовой борьбы периода подготовки и проведения реформы. Буржуазная историография проповедовала союз церкви и государства, так как видела, что без достаточного идеологического нажима со стороны церкви государству трудно будет справиться с народным движением и осуществить реформу в том урезанном виде, какой ей придавали на практике помещики. Таким образом, в трудах историков второго направления для утверждения культа государства избиралась наиболее идеалистическая и вместе с тем претенциозная основа. Во время подготовки реформы начал печатать свою монографию самый видный представитель этого течения А. Н. Горбунов. Издание его исследования растянулось на 10 лет (с 1860 до 1869 г.)⁵⁸. Работа Горбунова явилась первым специальным научным трудом, целиком и полностью посвященным изучению жалованных грамот. Автор проанализировал свыше 200 опубликованных жалованных грамот XIII—XV вв. монастырям и церквам. По теме, трактовке церковно-монастырского иммунитета и методу исследования источников работа Горбунова близка к сочинению Милютина. В представ-

⁵⁸ А. Н. Горбунов. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII—XIV и XV вв. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. I. СПб., 1860; продолжение см. в кн. V, 1863 и кн. VI, 1869.

лении Горбунова иммунитет не был институтом определенной исторической эпохи. Приобретение привилегий духовными корпорациями Горбунов, подобно Милютину, считал византийским «обычаем», занесенным на Русь. До монгольского нашествия, рассуждал автор, единственным «основанием» предоставления церкви материальных преимуществ было благочестие князей. Со «времен монголов» появились и другие «основания»: во-первых, пример самих монголов; во-вторых, «желание заселить порожние земли... и получить с них скорее значительный доход, чем не получить никакого» (модификация посылки Соловьева); в-третьих, стремление князей «к обузданию... варварских понятий», по которым князья были «вольны» по отношению к монастырям: хотели жаловали их, хотели — грабили⁵⁹. Горбунов в наиболее откровенной форме развил идеалистический взгляд на феодальный иммунитет. Он усматривал источник феодального иммунитета в княжеском «благочестии», в княжеской «милости». Анализ содержания жалованных грамот носит у Горбунова такой же метафизический характер, как и в сочинении Милютин: автор дает свод юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, и представляет его в виде чего-то застывшего, неизменного. Устанавливая «средние» нормы иммунитета XIII—XV вв., Горбунов не мог показать развития правового содержания жалованных грамот. Печатью излишнего схематизма отмечена и предложенная Горбуновым первая в русской историографии развернутая классификация жалованных грамот⁶⁰. Достоинство ее состоит в том, что она в известной мере принимала во внимание деление жалованных грамот на акты, предоставляющие земельные пожалования, и акты, закрепляющие разного рода финансовые и судебные привилегии⁶¹. Тематически и методологически к исследованию Горбунова примыкает вышедшая в конце изучаемого периода работа М. И. Горчакова, целью которой являлось доказать существование в древней Руси обоюдного уважения и согласия между представителями духовной и светской власти, при верховенстве последней⁶². Не случайно автор занялся изучением именно митрополичьего (а также патриаршего и синодального) землевладения. Его интересовал союз государства с главой церковной организации в России, т. е. тема, актуальная политически в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. Феодальные привилегии духовных корпораций автор считал милостью князей, обусловленной необходимостью оградить церковно-монастырские вотчины от корыстолюбия и незаконных действий местных властей.

⁵⁹ А. Н. Горбунов. Указ. соч.— «Архив...», кн. 1, стр. 8—9.

⁶⁰ Подробную и обоснованную критику классификационной схемы Горбунова дал Черепнин (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 98—99).

⁶¹ А. Н. Горбунов. Указ. соч.— «Архив...», кн. 1, стр. 6—7.

⁶² М. Горчаков. Указ. соч., стр. 250, 253, 258.

Льготы по мнению Горчакова, распространялись не на все земли митрополии, а лишь на «отдельные участки». Прекращение действия грамоты приводило к тому, что прежде льготные земли «входили снова в те общие отношения к государству, из которых они были изъяты грамотою». Таким образом, жалованная грамота фигурировала в схеме Горчакова в роли создательницы иммунитета⁶³.

Большой интерес представляет третье течение в историографии жалованных грамот периода революционной ситуации 1859—1861 гг. Накануне отмены крепостного права проблема вотчинной власти феодалов была животрепещущим вопросом, к решению которого весьма своеобразно подошел один из видных теоретиков славянофильства К. С. Аксаков. В основе его концепции лежала мысль о господстве общинного начала в средневековой Руси. Аксаков отрицал факт существования феодальной собственности на землю: «Значение вотчинников не было значение собственников»⁶⁴. Вотчинник, по мнению Аксакова, являлся не господином, а должностным лицом, чем-то вроде наместника: «Вотчинник имел государственное значение и потому не был господином, баринном. Он был похож на тех мужей, которым в первой древности раздавали города в управление, даже на князей удельных»⁶⁵. В соответствии с этим взглядом Аксаков рассматривал все податные и судебные привилегии вотчинников как синекуры, полученные ими от князей. Свою точку зрения Аксаков изложил совершенно конкретно: «Есть выражение: с судом и с данью. Очевидно, что вотчинник судил крестьян и людей своих не своим произвольным, но установленным государственным судом и брал за суд определенные пошлины, в чем состояла выгода вотчинника»⁶⁶. Но раз вотчинник не был баринном, собственником, значит, крестьяне являлись свободными людьми. Разобрав многие жалованные грамоты, изданные в «Актах Археологической экспедиции» и в «Актах исторических», Аксаков кратко резюмировал: «Видно из актов, что крепостные деревни имели все права свободных»⁶⁷. Государство же в схеме Аксакова выступало в роли надклассовой силы. В итоге получалась, таким образом, иллюзия полной гармонии интересов государства и народа. Концепция Аксакова содержала в себе самое последовательное и прямолинейное отрицание факта наличия феодализма в древней Руси: отрицалась, во-первых, феодальная собственность на землю, во-вторых, экономическая и политическая власть феодалов в качестве атрибута феодальной формы земельной

⁶³ Там же, стр. 251—254.

⁶⁴ К. А к с а к о в. О состоянии крестьян в древней России.— Соч., т. I. М., 1861, стр. 415

⁶⁵ Там же, стр. 416; ср. стр. 417, 421.

⁶⁶ Там же, стр. 416.

⁶⁷ Там же, стр. 418; ср. стр. 419—494.

собственности. Использование жалованных грамот славянофилом Аксаковым имело ярко выраженную политическую заостренность⁶⁸.

Внешне концепции Чичерина и Аксакова представляли собой две взаимоисключающие крайности⁶⁹. Если Чичерин сводил феодальный иммунитет к частному праву, то Аксаков рассматривал иммунитетные привилегии лишь как проявление публичного права. Феодальные порядки модернизировались Чичериным по образцу чисто буржуазных отношений, теория же Аксакова идеализировала феодальный строй, изображая его свободным от частной собственности. Схема Аксакова возникла в качестве реакции на классовую борьбу крестьянства в условиях, когда отмена крепостного права стала исторически неизбежной. Между взглядами Аксакова и буржуазной теорией Чичерина было значительное внутреннее единство: культ государства, признание лишь его правомочным органом для осуществления реформы, точка зрения относительно важности для феодалов сеньориального суда только как доходной статьи, кормления. Вместе с тем, если Чичерин, отвергая тезис о публичном характере власти феодала в период «свободы» крестьян, подводил читателя к выводу, что в условиях «свободы» помещики не нужны в качестве организаторов народной жизни, то Аксаков своей теорией публичных функций помещика поднимал авторитет феодального сеньора, изображал его необходимым должностным лицом, а ренту и судебные пошлины — вознаграждением за исполнение общественной службы. Таким образом, по Аксакову, помещик должен был стать центральной фигурой в политической жизни пореформенного периода, руководителем и попечителем освобожденных крестьян. Создание дворянского института мировых посредников Аксаков поэтому вполне мог бы рассматривать как непосредственный вывод из его теории.

С теорией Аксакова совпадает в главных чертах концепция другого славянофила — И. Д. Беляева, выступившего в 1859 г. с известной монографией о крестьянах. Беляев считал русских крестьян равноправным классом общества вплоть до первой ревизии и последующих законов Петра III и Екатерины II⁷⁰. Признавая их гражданскую свободу, «полную собственность на землю»⁷¹, Беляев по существу отрицал наличие феодальной собственности на землю. В отличие от статьи 1850 г., где автор связывал вотчинные права на сбор пошлин с землевладением, в монографии 1859 г. привилегии, даваемые по жалованным гра-

⁶⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 661; ср. стр. 583.

⁶⁹ О споре Чичерина со славянофилами по крестьянскому вопросу см.: И. Морозов. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии (спор 1856 г. о сельской общине в России). — «Проблемы источниковедения», т. I. М.—Л., 1933, стр. 130—162.

⁷⁰ И. Беляев. Крестьяне на Руси, изд. 2-е. М., 1879, стр. 71 и др.

⁷¹ Там же, стр. 79.

мотам рассматривались им как «исключение», не составлявшее общего правила⁷². Источник «свободы крестьян Беляев в противоположность Чичерину видел в их прямой связи с государством. Когда же в XVIII в. помещик стал ответствен за крестьян в податном отношении, с крестьянина «спали государственные непосредственные обязанности, а с тем вместе он утратил и все права как член государства», возникло «страшное разобщение крестьянина с государством, между им и государством стал господин»⁷³, манифест о вольности дворянства, порвав последнюю связь крестьян с государством, превратил их в полную частную собственность⁷⁴.

Считая определяющим в положении крестьян отношение их к государству, Беляев, естественно, не мог оценить иммунитет как форму феодального господства; по его мнению, право вотчинного суда и расправы второй половины XVII—начала XVIII в. «нисколько не уничтожало гражданской личности крестьян»⁷⁵, «самим крестьянам суд владельца был не противен»⁷⁶. В основе этой концепции лежало представление о феодале как наместнике, агенте княжеской власти, опекуне—представление, наиболее четко сформулированное Аксаковым.

После реформы в рамках той общей схемы, которую выработала буржуазная историография во второй половине 50-х годов, мы не наблюдаем обилия новых вариантов теории иммунитета. Принципиально новой и плодотворной была лишь вскользь брошенная И. Е. Андреевским мысль о влиянии возникшей крестьянской крепости на выдачу несудимых грамот. Андреевский не являлся сторонником старой теории автогенного происхождения иммунитета, он рассматривал наместничье управление как первичное по сравнению с привилегиями, как «общий закон и правило», который постепенно (уже с XIV—XV вв.) подкапывался «частным законом, привилегией». В этом проявилась его принадлежность к государственной школе. Но причины предоставления жалованных грамот Андреевский освещал иначе, чем историки конца 50-х годов. Указывая главные «основания», вызвавшие появление жалованных грамот, он писал: «Начавшие уже поселяться элементы крепости, начала фактической зависимости земледельцев от владельца земли, на которой они сидели, давали повод такому владельцу, вначале только приближенному к князю, а потом и каждому, который мог дойти до князя, просить об освобождении его земли и всех людей, ее населявших, от наместника... На этом же основании родился обычай, при пожаловании кого-нибудь землею, давать ему вместе с тем и осво-

⁷² Там же, стр. 43.

⁷³ Там же, стр. 239.

⁷⁴ Там же, стр. 283.

⁷⁵ Там же, стр. 228.

⁷⁶ Там же, стр. 225.

бождение от наместника»⁷⁷. «Общее правило наместничьего управления делается мало-помалу исключением и приводит к необходимости заменить его началом новым, которое бы более соответствовало новому порядку вещей»,— говорит несколько выше автор⁷⁸. Значит, «частные законы», привилегии, создали «новый порядок вещей». Подобные взгляды получают развитие только в 80-х годах, особенно в работах Сергеевича, впоследствии у Дьяконова. В 60-х же годах точку зрения Андреевского критиковал А. Д. Градовский с позиций славянофильской концепции. В 60-х годах под влиянием той крепостнической формы, в которую вылилось освобождение крестьян, в буржуазной историографии возобладала схема Аксакова. Наоборот, концепция Чичерина начала подвергаться критике. У Градовского наблюдается попытка примирить крайности мировоззрений Аксакова и Чичерина. Градовский не отрицал существования собственности землевладельцев на землю, но он отрывал от нее вытекавшие из феодальной структуры землевладения права.

Главная задача Градовского заключалась в попытке доказать ненужность революций в России в силу коренного отличия ее истории от истории стран Западной Европы. Идеалом государственной жизни Градовский считал непосредственные отношения между государством и народом. В феодальной Европе таких отношений не было, так как между королем и народом стояло феодальное баронство, обладавшее реальной властью в провинции. Поэтому идея государственного единения была на Западе революционной идеей — без революции, т. е. без ликвидации власти местных феодалов, там нельзя было добиться приближения народа к центральной власти. В Московской же Руси земельные собственники не приобрели значения местной власти, здесь господствовало земское начало и самоуправление, существовала близость народа к правительству. Революция, значит, России не нужна: достаточно вернуться к прежнему земскому духу, а после раскрепощения сословий это получается само собой; сословное деление, бывшее результатом временного закрепощения сословий, теперь теряет свой смысл, открывается дорога к бессословному обществу⁷⁹. Таким образом, Градовский шел в хвосте буржуазно-помещичьего либерального земского реформаторства 60-х годов. Какими же аргументами доказывал он отсутствие политической власти у русских средневековых землевладельцев?

Градовский механически разделял права феодала по отношению к крестьянам на две группы: 1) экономические права, выте-

⁷⁷ И. Андреевский. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864, стр. 32.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ А. Д. Градовский. История местного управления в России, т. I. СПб., 1868, стр. 23, 29, 131, 381—384 и др.

кавшие из поземельных отношений (оброк и т. п.), которые не давали владельцу никакой политической власти⁸⁰, 2) привилегии, жаловавшиеся грамотами в порядке исключения, которые носили характер кормления, не связанного с самим правом земельной собственности⁸¹. Таким образом, отношения буржуазной аренды, с одной стороны, система государственного кормления — с другой, — вот картина социально-политических отношений в русской деревне удельного времени, по Градовскому. Появление жалованных грамот Градовский объяснял, во-первых, кормовым значением привилегий, во-вторых, желанием ограничить власть наместников⁸². С созданием централизованного государства, по мнению Градовского, роль феодалов как органов местной власти совершенно упала⁸³. Концепция иммунитета, развитая Градовским, была направлена против теории автогенного иммунитета Неволлина, отчасти против взглядов Чичерина и Андреевского. В основе его теории иммунитета лежала схема Аксакова. Русские сознательные и стихийные последователи Аксакова неслучайно увлеклись именно в 60-х годах теориями немецких буржуазных правоведов: Пухты, Иеринга, Эйхгорна и др. Крепостнические пережитки в России и Германии в обстановке довольно активной политической борьбы за буржуазные реформы порождали там и здесь весьма близкие по своей природе попытки противопоставить политической борьбе различные формы идеологии, якобы отстаивавшей «...интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии»⁸⁴. Схемы перечисленных немецких историков-правоведов как раз и строились на философской абстракции, ведшей исследователей к полному самоустранению от анализа социальной сущности юридических порядков прошлого. Концепции Пухты, Иеринга и Эйхгорна послужили теоретической базой для вышедшей в 1869 г. работы Н. Л. Дювернуа об источниках права и суде в древней Руси. Дювернуа примирял теорию обычного права, толкуемого в духе немецкого идеализма, с культом государственной власти. Он утверждал, что сущность обычного права объясняется выдвинутым Пухтой тезисом: «не из действий рождаются убеждения, а из убеждений действия»⁸⁵. Такая трактовка требовала считать само обычное право продуктом абстрактно взятого человеческо-

⁸⁰ Там же, стр. 12, 23, 131.

⁸¹ Там же, стр. 21, 25, 26, 122.

⁸² Там же, стр. 26—27.

⁸³ Там же, стр. 28.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, стр. 452.

⁸⁵ Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М., 1869, стр. 5.

го разума, т. е. в конечном счете результатом государственного правотворчества⁸⁶. Работа Дювернуа показала возможность органического сосуществования концепций Аксакова и клерикалов типа Горбунова и др. Дювернуа возражал против выдвинутого Чичериным отождествления политических прав феодалов с частной собственностью и вслед за Аксаковым рассматривал землевладельца как княжеского наместника. Вместе с тем Дювернуа целиком поддерживал развитие Чичериным положение о том, что иммунитет — личная милость князя: «Жалованные грамоты имеют характер в высшей степени случайный и обуславливаются чаще всего личной милостью»⁸⁷. В качестве мотивов выдачи жалованных грамот Дювернуа называл уже отмечавшиеся Милютиным и Горбуновым основания: во-первых, благочестивые цели, во-вторых, стремление «увеличить количество податных сил».

Итак, изучение жалованных грамот в период революционной ситуации имело актуальное политическое значение. Именно тогда появились первые специальные труды (Горбунова, Милютина, Аксакова), целиком или в значительной своей части посвященные жалованным грамотам. Работы, вышедшие на рубеже 60—70-х годов (Дювернуа, Горчакова), уже не представляли собой систематических обзоров правового содержания жалованных грамот⁸⁸. Рост интереса к жалованным грамотам в годы революционной ситуации и спад его с 1862—1863 гг. находятся в связи с аналогичными явлениями в других отделах русской дипломатики. Так, 1861 г. оказался кульминационным моментом увлечения ханскими ярлыками, после которого они специально не изучались вплоть до XX в. Ханские ярлыки ярко отражали систему феодальных прав и привилегий. Но не только этим привлекали они внимание буржуазных источниковедов. Крепостное право XIX в. в какой-то мере ассоциировалось с порабощением народа иностранцами⁸⁹, поэтому исследование ханских ярлыков

⁸⁶ У Пухты это правотворчество представлено в виде отражения народного мнения. Говоря, что обычное право есть убеждение всего народа, Пухта рассматривал законодателя как выразителя правового сознания народа в целом (G. F. Puchta. Das Gewohnheitsrecht. Erster Theil. Erlangen, 1828, S. 145). Таким образом, в государственном законодательстве Пухта видел осуществление воли не господствующих классов, а всего народа, он отождествлял законодательство с народным правосознанием. Сергеевич справедливо писал, что теория Пухты «не может быть... названа действительно исторической» (В. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883, стр. 79). Сергеевич тонко подметил сходство концепции славянофилов с теорией Пухты: «Славянофильское воззрение на народ как на хранилище народной правды стоит в самой тесной связи с этой немецкой теорией» (там же).

⁸⁷ Н. Дювернуа. Указ. соч., стр. 262; ср. стр. 263, 350.

⁸⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 662.

⁸⁹ Русские крепостники особенно напоминали иностранных господ своим противопоставлением себя народу — одеждой, широким употреблением французского языка и др. — противопоставлением, которое усиливалось по мере того, как крепостничество приобретало (с XVIII в.) отдельные черты рабовла-

накануне отмены крепостного права было не менее актуальным, чем изучение жалованных или губных грамот^{89а}. А. А. Бобровников, издавший свою работу в 1861 г., связал вопрос о ярлыках с вопросом о монгольских подписях на русских актах. Он пришел к выводу, что эти подписи были сделаны не монгольскими чиновниками, а митрополичими дьяками. С установлением этого факта, заключал Бобровников, «...падает и вся теория о контроле ханских чиновников над нашими внутренними и частными делами»⁹⁰. Категорический вывод Бобровникова относительно свободы России от татарского ига явно перекликался с заявлениями Аксакова о свободе крестьян от крепостного права в древней Руси. Буржуазная историография периода революционной ситуации упорно искала свободу в прошлом, чтобы обосновать необходимость освобождения в настоящем. Сходные тенденции проявились и в дипломатике частных актов⁹¹. Н. В. Калачов, публикуя и анализируя четыре порядные грамоты конца XVII в., стремился, подобно Аксакову, обосновать мысль о существовании известной свободы крестьян⁹². После реформы изучение частных актов надолго заглохло (до 90-х годов).

Подготовка реформы повлияла и на понимание национально-го аспекта проблемы происхождения иммунитета. Возникла трактовка иммунитета как обычая, привнесенного из-за границы (Милютин, Горбунов). Годы революционной ситуации характеризуются расширением кругозора русской историографии. Поиски новых путей развития страны заставляли серьезно оглянуться на историю и пример других государств. С правдоподобными теориями естественноисторической школы, доказывавшей самобытное происхождение русских институтов, было в основном покончено. Реформа развеяла в какой-то мере представление об исключительно самобытном пути развития России. Стали отыскивать все с большей и большей тщательностью общие моменты истории западных стран и Руси. В связи с увлечением иностранной историей, иностранными источниками и попытками рассмот-

дения. Иммитация характерной особенности рабства (национального различия рабовладельца и раба, не дававшего «равенства» их даже «перед богом») была возможна только в условиях загнивания феодального строя.

^{89а} Губные грамоты, как и судебные акты, впервые обратили на себя серьезное внимание в период расцвета классовой борьбы крестьянства в 40-х годах XIX в. В годы революционной ситуации изучались не только грамоты, дававшие пример организации борьбы с «разбойниками» (губные), но и устанавливавшие обычные отношения власти к населению (уставные наместничьи), что крайне интересовало буржуазных правоведов в связи с намечавшимися в результате отмены крепостного права переменами в сторону усиления функций государственной власти на местах («Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 664).

⁹⁰ А. А. Бобровников. О монгольских подписях на русских актах (Письмо к В. В. Вельяминову-Зернову).— «Известия Археологического общества», т. III. СПб., 1861, стр. 24.

⁹¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 665—667.

⁹² Там же, стр. 666.

реть судьбу России в свете мировой истории появилось новое преувеличение роли переводных византийских и западных сочинений, а также иностранных обычаев на Руси⁹³. Это отрицательно сказалось на трактовке происхождения иммунитета, однако имело и некоторое положительное значение: русский иммунитет был, наконец, назван словом «иммунитет» (в работах 1869—1871 гг. Дювернуа⁹⁴ и Горчакова⁹⁵) и данным определением ставился в ряд аналогичных явлений, известных истории других стран.

Интересен развивавшийся в конце 50-х и в 60-х годах тезис об исключительном, случайном характере выдачи жалованных грамот и обусловленности ее лишь милостью князей. Здесь был совершенно искажен подлинный смысл выдачи жалованных грамот. Вместе с тем из рассматриваемого тезиса мог быть сделан один правильный вывод: жалованные грамоты играли политическую роль, устанавливая определенные отношения между правительством и влиятельными феодалами. Конечно, еще Неволин расценивал выдачу жалованных грамот как ограничительную политику княжеских правительств. Однако у него была намечена лишь самая общая причина предоставления иммунитетных актов. В историографии же изучаемого периода предполагались априори каждый раз особые причины выдачи жалованных грамот, хотя понимались они крайне идеалистически и на деле совершенно не исследовались, оставаясь тоже общей фразой. Подспудное угадывание более конкретного политического значения жалованных грамот связано с общей перестройкой русского источниковедения в годы революционной ситуации. Преувеличение роли государственной власти породило большее внимание к ее политике, чаще стали говорить о политических причинах возникновения отдельных памятников. Это особенно заметно обнаружилось в историографии летописей. Если в 50-х годах И. И. Срезневский и М. И. Сухомлинов считали, что летописи создавались просто из потребности помнить, ради чистой истины, то уже Н. И. Костомаров в 1862 г. подчеркивал политические мотивы составления летописей⁹⁶.

Коснемся, наконец, методики изучения жалованных грамот в конце 50-х — начале 70-х годов. Наряду с обычным иллюстративным методом, проявившимся в трудах Аксакова, Дювернуа, Горчакова, в источниковедение жалованных грамот проник метод «сводных текстов», который был основан в 40-х годах

⁹³ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 585—586.

⁹⁴ Н. Дювернуа. Указ. соч., стр. 261.

⁹⁵ М. Горчаков глухо заметил, что по ханским ярлыкам митрополиты приобретали «*jus immunitatis*», т. е. право иммунитета (М. Горчаков. Указ. соч., стр. 250).

⁹⁶ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 576—577.

XIX в.⁹⁷, а затем получил широкое распространение, повлияв на источниковедение не только юридических⁹⁸, но и литературных⁹⁹ памятников. Сводные нормы иммунитета выводились в специальных трудах, посвященных жалованным грамотам (Милютин, Горбунов). Сводные тексты представляли собой определенный, усовершенствованный тип иллюстративности в источниковедении. Они давали обобщение юридических норм, но обобщали статьи разновременных памятников, не показывая их развития. Подобные приемы анализа источников — типичная черта буржуазной историографии. Критикуя одного из наиболее видных представителей немецкой исторической школы — Г. Маурера, Ф. Энгельс указывал на «остатки» у него «юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития*»¹⁰⁰. Отмеченная Энгельсом «привычка» Маурера «приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и вперемежку»¹⁰¹ характеризует подавляющую массу буржуазных историков XIX в. Юридическая школа, развивавшаяся очень интенсивно в середине XIX в., была большим шагом вперед по сравнению с чисто описательными направлениями и их внешней противоположностью — «скептической» школой. Юридическая школа занималась по мере своих сил и возможностей установлением основной сути источников, отделением главного от неглавного, стремилась выяснить типичное. В то же время она не могла действительно научно раскрыть проблему типичного в источнике, так как не учитывала необходимости конкретно-исторического исследования исторических памятников и подчас обобщала явления, характерные для нескольких веков, выводила тем самым не существовавшие в действительности средние нормы. Сводные тексты были схемой, которая помогала четче представить себе характер юридических норм, заключенных в грамотах, однако в

⁹⁷ Н. Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846; В. Ерлыков. Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII вв. М., 1846.

⁹⁸ Ф. Высоцкий. Уставные, судные и губные грамоты. СПб., 1860; Н. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. I. Казань, 1875; вып. II. Казань, 1876; С. Шумakov. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895; Л. Сомов. Опыт систематического изложения материала уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве. Работа из семинарии профессора М. В. Довнар-Запольского. Киев — Пг., 1914; «Сводный текст крестьянских порядных XVI в.». СПб., 1910.

⁹⁹ «Сводная летопись», вып. I. Повесть временных лет. СПб., 1876; ср. также условное разделение сочинений митрополита Даниила на схоластические группы в книге В. Жмакина (В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881).

¹⁰⁰ Ф. Энгельс. Письмо к К. Марксу от 15 декабря 1882 г. — Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 147.

¹⁰¹ Там же.

ней вполне конкретные и одновременные акты заменялись голой остракцией, фикцией никогда не существовавшего документа. Сводные тексты имели свое оправдание и некоторое положительное значение в моменты их возникновения, но вместе с тем, введенные юридической школой в догму, они тормозили дальнейшее исследование актов с конкретно-исторических позиций.

70-е годы отмечены спадом интереса к актовому источниковедению вообще и к жалованным грамотам в частности. После крестьянской реформы во всех отделах актового источниковедения, за исключением дипломатики уставных грамот, наблюдалось затишье. Издание жалованных грамот также почти заглохло¹⁰². Слабое внимание к жалованным грамотам в 70-х годах объясняется тем, что исследования конца 50-х и 60-х годов в основном выполнили те актуальные научные и политические задачи, которые стояли перед буржуазной историографией жалованных грамот в связи с отменой крепостного права и другими буржуазными реформами. Еще в начале 80-х годов Д. М. Мейчик писал: «Содержание жалованных грамот и общее значение их в хозяйственно-правовом быту древней Руси выяснены так полно, что в этом отношении едва ли остается чего-нибудь желать...»¹⁰³. Он же выражал господствующую точку зрения, разделяя нигилистическое мнение Горбунова о бесполезности дальнейшей публикации жалованных грамот¹⁰⁴. Тем не менее новые проблемы, назревшие в ходе развития русской исторической мысли к 80-м годам, потребовали продолжить исследование жалованных грамот. В первой половине 80-х годов участилась их публикация¹⁰⁵. Вторая половина 80-х годов прошла под знаком почти полного отсутствия новых публикаций жалованных грамот. Возможно, это стоит в связи с крайней правительственной реакцией, открыто проявившейся в середине 80-х годов. В 1885 г. реакционные круги отпраздновали столетний юбилей екатерининской жалованной грамоты дворянству, после чего для правительства стало нежелательным появление в печати старинных жалованных грамот, которые в свете историографии середины XIX в. (особенно славянофильской) легко можно было истолковать как документы, дающие всякие льготы и свободы представителям разных сословий,

¹⁰² Они печатались лишь в некоторых описаниях монастырей. Более известные публикации: РИБ, т. II. СПб., 1875; «Сборник Хилкова». СПб., 1879.

¹⁰³ Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции. М., 1883, стр. 5.

¹⁰⁴ Там же, стр. 4. «...Горбунов имел полное право сказать, что от дальнейшего печатания жалованных грамот нельзя ожидать каких-либо существенных дополнений к тому, что известно было из напечатанных до того образцов».

¹⁰⁵ «Княжеские и царские грамоты Ярославской губернии». М., 1881; АЮБ, т. III. СПб., 1884; И. Ф. Токмаков. Историко-статистическое описание города Киржача. М., 1884.

в том числе крестьянам¹⁰⁶. В условиях нового усиления внеэкономического принуждения и возврата к пережиткам барщины такая трактовка противоречила бы интересам реакционных помещиков. Не случайно в провинциальной прессе (губернских и епархиальных ведомостях), где задавали тон местные землевладельцы и зависевшие от них церковники, жалованные грамоты почти совсем не печатались не только в 80-х, но уже и в 70-х годах.

На источниковедение жалованных грамот в 80-х годах решающее влияние оказали два обстоятельства: во-первых, возникновение экономического направления в русской буржуазной историографии; во-вторых, новое усиление крепостничества в деревне. Экономическое направление, обусловленное дальнейшим ростом капиталистических отношений в стране, было шагом вперед в развитии буржуазной науки, хотя и это течение не давало материалистического объяснения истории. Новым в подходе представителей экономического направления к историческому процессу являлось стремление выяснить объективные закономерности, отличные от таких общих и в значительной мере внешних факторов, как географическая среда и правотворчество государства. Экономическое направление было далеко от рассмотрения производственных отношений в качестве основы экономической жизни общества. «Экономизм» этого течения заключался лишь в интересе к проблемам товарного обращения¹⁰⁷ и к юридическому статусу различных форм частной собственности в средневековой Руси¹⁰⁸. Усиление крепостнических пережитков в сельском хозяйстве определило новую постановку вопроса о том, может

¹⁰⁶ И. И. Дитятин, посвятивший в 1885 г. специальную статью «жалованным грамотам» 1785 г., поставил вопрос о причинах празднования их столетнего юбилея (И. И. Дитятин. К истории «жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года.—И. И. Дитятин. Статьи по истории русского права. СПб., 1895, стр. 49—53). Он подчеркнул, что в дворянской среде получила широкое распространение новая тяга к сословности. «И. С. Аксаков...— писал Дитятин,— проектирует теперь выделение дворянства в особое сословие, опираясь на „идеалы чести“, свойственные дворянству...». «Какой „идеал чести“,— восклицает далее автор,— может быть выше идеала общего блага? Неужели у дворян нет ничего общего с остальными классами населения? Неужели их идеал ничего общего не имеет с идеалами всех?» Весьма показательна мысль Дитятина о том, что «...если, наконец, этот особый идеал есть, то не следует его так ревниво монополизировать, нужно делать его, по возможности, общим идеалом, внести его туда, откуда, века назад, дворянство было выделено...» (там же, стр. 104). Полемика Дитятина с Аксаковым отражает борьбу буржуазной идеологии с дворянской. Как видим, логика именно буржуазного социолога вела к противопоставлению жалованной грамоте 1785 г. более древних жалованных грамот разным сословиям.

¹⁰⁷ В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. М., 1884.

¹⁰⁸ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI. СПб., 1889; А. И. Никитский. Заметки об издании новгородских писцовых книг.—ЖМНП, 1880, ч. 212. В 80-х годах Никитский изучал хозяйственную жизнь Великого Новгорода (А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода.—Чтения ОИДР, 1898, кн. I, разд. IV, стр. 1—228).

ли государство просто уничтожить феодальные права, а следовательно, оно ли было источником этих прав, не кроются ли они в более объективных факторах? Таким образом, оба отмеченных момента подготовили почву для пересмотра проблемы жалованных грамот в плане поисков объективных причин их выдачи. Уже В. О. Ключевский, рассматривая феодальные привилегии как результат передачи вотчиннику князем части правительственных функций, особо отмечал при этом роль земельной собственности: «землевладение все более становилось главным экономическим средством обеспечения их (духовенства и военно-служилого сословия.— С. К.) общественного положения. Привилегии, бывшие последствием их господствующего положения в обществе, теперь также переносились на эту экономическую основу»¹⁰⁹. Ключевский, однако, не понимал, что именно феодальная земельная собственность порождает те порядки, которые выступают потом в виде привилегий.

Для Ключевского характерна модернизация феодальных отношений удельного времени. Он мыслил их по существу как новизность отношений буржуазного общества. Так, Ключевский считал, что удельный князь — это не политический правитель, а хозяин: отношения между ним, с одной стороны, черными крестьянами, вольными слугами и боярами — с другой, строятся на основе частного договора¹¹⁰. Качественного различия в положении крестьян как эксплуатируемого класса, бояр и вольных слуг как класса эксплуататорского для Ключевского не существовало. Бояре и вольные слуги в его концепции — арендаторы земли у князя, отсюда и иммунитет — результат аренды: «...преимущества, которыми они пользовались, были не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждал их за оказываемые ему услуги»¹¹¹. Таким образом, близость Ключевского к Чичерину состоит в признании иммунитета частным правом. Но если у Чичерина иммунитет — лишь милость князя, имеющая к тому же не «хозяйственное», а чисто фискальное значение, то у Ключевского он — следствие определенного хозяйственного договора между князем и частным собственником. Модернизация феодального строя пошла здесь гораздо дальше. Ключевский правильно уловил элемент договорных отношений в практике выдачи иммунитетных грамот, но этот элемент он трактовал в свете представлений о буржуазном хозяйственном укладе, искажая тем самым сущность взаимоотношений между феодалом и феодальным государством. Поиски объективных причин выдачи жалованных грамот

¹⁰⁹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. М., 1882, стр. 121—122.

¹¹⁰ В. О. Ключевский. История сословий в России. М., 1886, стр. 71—75.

¹¹¹ Там же, стр. 82—83.

наблюдаются и в монографии Н. Ланге, изданной в 1882 г., когда под воздействием роста крестьянского движения правительство делало видимость попыток облегчить положение крестьян (подготовка отмены выкупных платежей, подушной подати), но в то же время исподволь начинало поход против реформ 60—70-х годов. Ланге как представитель того либерального общества, которое, выражаясь словами В. И. Ленина, легко давало себя «дурчить» кабинету графа Игнатьева, отразил в своей книге обе господствующие тенденции. С одной стороны, он сочувственно говорил о тяжелом положении крестьян в XIV—XVI вв. и «ярме» лежавших на них податей и повинностей¹¹², с другой — явно идеализировал смесные суды в качестве формы суда «скорого и правого»¹¹³. Ланге не являлся поклонником вотчинного суда. Он утверждал, что вотчинное тягло и вотчинный суд были не лучше, «если не хуже», государственных¹¹⁴. В то же время в отличие от либералов 60—70-х годов, идеализировавших земские и губные органы, считая их известным образцом выборных учреждений, Ланге весьма скептически расценивал результаты губной реформы, отрицал ее эффективность¹¹⁵. Вообще своим противопоставлением древних смесных судов современному ему порядку¹¹⁶ автор проповедовал компромисс вотчинной власти с государственной, а выборные учреждения уже не признавал действенным средством борьбы с «разбоями». Буржуазные либералы 80-х годов, напуганные размахом народного движения, фактически сами намекали на необходимость контрреформ. Установление института смесного суда Ланге считал выходом из тяжелого юридического положения, существовавшего в древней Руси XIV—XVI вв. Самую выдачу жалованных грамот Ланге рассматривал с тех же позиций, объясняя ее общим тяжелым финансовым и судебным положением крестьян: «С одной стороны, обременение народа пошлинами и повинностями, ... с другой — недовольство судом наместников, волостелей и их тиунов, постоянно давали владельцам населенных имений благовидный повод просить князей об освобождении их крестьян от тягостных поборов, о даровании им, владельцам, права самостоятельного суда

¹¹² Н. Ланге. Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882, стр. 11—16.

¹¹³ «Самое судоговорение было необыкновенно логично и просто, без всякого излишнего многословия и многописания» (там же, стр. 228).

¹¹⁴ Там же, стр. 21, 23.

¹¹⁵ Там же, стр. 18.

¹¹⁶ «...наша старина не знала нескольких решений и приговоров по одному и тому же делу, так называемых неокончательных, которые бы отменялись или изменялись высшими судебными инстанциями... Решения и приговоры произносились по каждому делу только один раз и действительно имели непоколебимую силу закона... при смесных судах требовалось, чтобы решение постановлялось единогласно, а не по большинству голосов, хотя бы смесных судей и было более двух» (Там же, стр. 229).

в своих вотчинах. Такие просьбы не только уважались, но нередко владельческие крестьяне освобождались даже от платежа княжеской дани на урочное число лет. Вообще стремление обособиться, получить льготу от общего суда, было повсеместным в рассматриваемое нами время и составляло естественное следствие господствовавших тогда неурядиц и бесправия»¹¹⁷. Ланге явился, таким образом, одним из основателей «челобитной» теории происхождения жалованных грамот¹¹⁸. Новизна и преимущества концепции Ланге заключались в следующем: во-первых, автор искал общие экономические предпосылки выдачи жалованных грамот; во-вторых, он учитывал тяжелое положение крестьян и заинтересованность феодалов в более широких формах их эксплуатации; в-третьих, он не считал жалованные грамоты в целом действенным средством улучшения жизни самих крестьян, так как отмечал обременительность внутривотчинного суда и тягла (идеализация смесных судов строилась на том, что они не были исключительно вотчинными). Вместе с тем идеалистические концепции и метафизический метод исследований конца 50-х и 60-х годов получили в схеме Ланге новые теоретические подкрепления. За «общей» картиной юридического быта автор не видел неравномерностей экономического развития разных частей России, поэтому существование уделов казалось ему поверхностным явлением, а все различия в жалованных грамотах разных мест и разного времени характеризовались им как несущественные¹¹⁹. Отсюда у него тенденция рассматривать жалованные грамоты метафизически, не исследуя диалектику их содержания. Внешним показателем метафизического подхода Ланге к жалованным грамотам было широкое использование в его книге метода сводных текстов¹²⁰. Идеалистически изображалась в этой схеме и роль государства, которое якобы пассивно, совершенно автоматически выдавало жалованные грамоты в ответ на просьбы челобитчиков. Государство теряло в такой интерпретации характер надстройки, активно относящейся к своему базису, представлялось не политической организацией, а бесстрастным распределителем льгот, вполне равнодушным к вопросу о том, кому оно их дает. Политическое значение жалованных грамот как документов, исходивших от лица государства, сводилось к нулю¹²¹.

¹¹⁷ Н. Ланге. Указ. соч., стр. 21.

¹¹⁸ Сходные взгляды развивал и писавший в это же время Дитятин, который рассматривал жалованные грамоты только как «ответ царя на просьбу, „челобитье“» (И. И. Дитятин. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства.— И. И. Дитятин. Статьи по истории русского права. СПб., 1895, стр. 277).

¹¹⁹ Н. Ланге. Указ. соч., стр. 4, 8.

¹²⁰ Там же, стр. 181—195 и др.

¹²¹ Этому противоречил уже конкретный разбор автором нескольких жалованных грамот на одни и те же владения, из которого становилась

Считая государство пассивным распределителем льгот, Ланге хотел показать, что жалованные грамоты создавали привилегии вотчинников в какой-то степени независимо от воли самого государства, в силу общей необходимости. Однако при этом основной тезис буржуазной историографии середины XIX в., провозглашавший жалованные грамоты и их составителя — государство — творцами феодальных привилегий, оставался в неприкосновенности. Отрицание политического значения жалованных грамот связано с чисто буржуазным пониманием роли государства, которое в представлении буржуазных идеологов должно было только защищать интересы частных «организаторов хозяйства» и держаться принципа невмешательства в хозяйственные дела, пока речь не заходила о подавлении классовой борьбы трудящихся. В трактовке жалованных грамот к Ланге был близок историк-правовед В. И. Сергеевич. Подобно Ланге и Дитятину, он преувеличивал значение челобитий как двигателей законодательной мысли¹²² и в то же время гиперболизировал диктаторские возможности централизованного государства XV—XVII вв.¹²³ Жалованные грамоты Сергеевич считал источником льгот и привилегий¹²⁴. Вслед за Ланге Сергеевич говорил о всеобщем порядке предоставления судебных привилегий разным лицам. «Думаем так потому,— писал он,— что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с „вичем“, имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней»¹²⁵. Сергеевич впервые в русской историографии выдвинул предположение, что право вотчинного суда не было уничтожено (до отмены крепостного права): «...с прикреплением крестьян оно вошло в состав крепостного права»¹²⁶. Таким образом, Сергеевич верно угадал присущность иммунитета феодальному землевладению в общем порядке, однако он отводил жалованным грамотам и государственной власти роль создательниц этого порядка. Как и в схеме Ланге, у Сергеевича жалованные грамоты приобретали значение механических фиксаторов вновь возникавших привилегий и служили только этой цели, ибо без грамоты, по Сергеевичу, нет

ясной ограничительная (т. е. активная) роль новых жалованных грамот (там же, стр. 66—68, 92 и др.).

¹²² В. Сергеевич. Лекции и исследования..., стр. 597—598.

¹²³ Там же, стр. 57—58.

¹²⁴ Там же, стр. 169, 434, 601. В одном месте Сергеевич, правда, отметил: «Вотчинникам принадлежало право сбора мостовых пошлин в пределах их владений. Это право возникало иногда на основании жалованных грамот, а иногда в силу обычая, без всяких грамот» (там же, стр. 948). Это замечание Сергеевича о мостовых пошлинах несколько не меняло его общей концепции.

¹²⁵ В. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I. СПб., 1890, стр. 330.

¹²⁶ Там же, стр. 331.

и привилегий¹²⁷. Преувеличивая «экономическую» роль жалованной грамоты, наделяя ее законодательной функцией творца иммунитета, автор крайне снижал значение действительных экономических закономерностей развития феодального общества, ибо иммунитет существовал и независимо от грамот, в силу самой структуры феодальной формы собственности на землю. Гиперболизация «экономической» роли жалованных грамот сочеталась у Сергеевича с полным игнорированием их политической роли. Однако при отрицании политического значения жалованных грамот становилось теоретически необъяснимым то обстоятельство, что жалованные грамоты сохранились отнюдь не всем землевладельцам и отнюдь не на все земельные участки. Выход из этого положения оказался очень простым и внешне бесспорным: сохранившиеся жалованные грамоты были объявлены лишь случайным остатком того огромного их общего числа, которое до нас не дошло. Такая постановка вопроса заранее дискредитировала всякие попытки и самую идею конкретно-исторического исследования жалованных грамот.

Кроме концепции Ланге и Сергеевича, в 80-х годах, особенно во второй половине десятилетия, не без влияния усилившейся реакции, возникли теории, объяснявшие появление иммунитетных грамот только интересами и волей государства. Подробное освещение проблема жалованных грамот получила в работе Д. М. Мейчика. Автор изучил различные виды актовых источников XIV—XV вв. и представил известный итог развития метафизической буржуазной дипломатики 40-х — начала 80-х годов. Мейчик считал свою работу политически актуальной. Например, при постановке вопроса о родовом выкупе он, намекая на отмену выкупных платежей и другие мероприятия, указывал: «В наше время, когда предстоит преобразование всего гражданского кодекса, подобные изыскания особенно полезны»¹²⁸. Вместе с тем в обстановке реакции автор боялся быть обвиненным в увлечении экономическими теориями. После замечания о причинах представления жалованных грамот Мейчик писал: «жестко ошибется тот, кто подумает, что они (предположения Мейчика.— С. К.) были результатом каких-нибудь предвзятых экономических теорий»¹²⁹. С Ланге и Сергеевичем Мейчика роднило признание государства источником льгот и привилегий, поиски «объективных» мотивов выдачи жалованных грамот, игнорирование их политической роли. Но в отличие от Ланге, который усматривал общую первопричину появления жалованных грамот в хозяйственных и юридических неурядицах. Мейчик под впечатлени-

¹²⁷ «...привилегии вольных слуг возникают каждый раз в силу особой жалованной грамоты...» (В. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 331).

¹²⁸ Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. V.

¹²⁹ Там же, стр. VIII.

ем финансовых трудностей в стране и новой финансовой политики 80-х годов, объявившей сбор налогов и пошлин превыше всего, свел проблему происхождения жалованных грамот к вопросу о фискальных интересах княжеских правительств. Усиливая один из тезисов Горбунова и Дювернуа, взятый ими в модифицированной форме у Соловьева, Мейчик объяснял происхождение жалованных грамот желанием правительства заселить пустующие земли и превратить их в «цветущие луга и поля», с тем чтобы с них можно было собирать казенные доходы¹³⁰. Автор крайне гиперболизировал возможности правительства. В его трактовке жалованные грамоты — не документы, фиксирующие какие-то реальные или в силу определенных условий неизбежные отношения господства и подчинения, а документы, создающие известный юридический статус, который прекращается сразу после потери жалованной грамотой значения действующего юридического акта¹³¹. Отличие концепции Мейчика от предшествующих заключалось лишь в том, что этот юридический статус он считал выгодным не грамотчику, а княжеской казне и видел «мало льготного в так называемых освободительных грамотах»¹³². Будучи не в состоянии понять экономические основания юридической силы жалованных грамот, Мейчик преувеличивал масштабы нарушения и прекращения их действия меняющимися княжескими правительствами. В своих попытках вскрыть корень «слабой исполнительной силы» жалованных грамот Мейчик встал на позиции отрицания политической роли жалованных грамот. Он не называл персонально представителей противоположной точки зрения, но, вероятно, имел в виду главным образом Неволина. Автор считал несостоятельным стремление связать выдачу жалованных грамот с «дальновидными политическими расчетами московских князей», с «желанием их поставить поземельную собственность в более тесную зависимость от верховной власти, подчинившей вотчинников своему непосредственному суду»¹³³. По поводу подобной трактовки Мейчик высказал три критических замечания. Первое: «на место объективных причин» ставятся «сознательные субъективные цели»¹³⁴. Это типичное проявление вульгарного экономизма, который громкими фразами относительно объективных причин пытался опровергнуть невыгодный для буржуазии вывод о том, что политика есть в конечном счете отражение объективных экономических закономерностей развития общества. Второе: «непосредственное участие князей в суде, особенно по делам поземельным, составляло общее правило в XIV

¹³⁰ Там же, стр. VII, VIII.

¹³¹ Там же, стр. 9, 18; ср. сходную точку зрения М. И. Горчакова (Указ соч., стр. 252).

¹³² Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 6.

¹³³ Там же, стр. 18.

¹³⁴ Там же.

и XV вв., и с этой стороны освобождение вотчинников от местной подсудности не могло быть, с одной стороны, льготой, а с другой — средством централизации»¹³⁵. Мейчик здесь сконцентрировал внимание на личном иммунитете вотчинников, т. е. вопросе второстепенном по сравнению с главным содержанием иммунитета — взаимоотношениями между феодалом и эксплуатируемым населением сеньории. О них у Мейчика ничего не сказано, хотя именно в этой сфере яснее всего обнаруживала себя централизаторская политика князей, ограничивавших объем сеньориальной юстиции. Третье: «если бы князья предоставлением временных или бессрочных льгот вотчинникам преследовали какие-либо политические цели, то это не могло бы долго укрыться от внимания современного общества, которое и перестало бы помогать им. В действительности же видим противное»¹³⁶. Приведенное соображение Мейчика основано на его преувеличении указного, директивного характера жалованных грамот. Автор не сумел разглядеть элемент договора между жалователем и грамотчиком, форму политического союза. Считая, что в жалованных грамотах государство добивалось только своих казенных целей, Мейчик по существу отрицал классовый характер жалованных грамот, заинтересованность феодала в получении грамоты, которая, во-первых, укрепляла его земельно-собственнические права, во-вторых, санкционировала систему феодальной эксплуатации, в-третьих, определенной комбинацией вотчинных и государственных судебно-административных прав давала каждый раз наиболее подходящую для конкретного места и времени гарантию удержания эксплуатируемого большинства в узде. С точки зрения чистой логики как раз концепция Мейчика могла навести на размышления о том, что вотчинникам не имело смысла «помогаться» выдачи грамот, ибо последние, по теории Мейчика, «обогащали» княжескую казну, грамотчики же никаких особых выгод не получали. После своих критических замечаний Мейчик сделал следующий вывод: «Все это заставляет нас искать ответа на поставленный вопрос (о «слабой исполнительной силе» жалованных грамот.— С. К.) не в политических, а в юридических воззрениях древнерусского общества»¹³⁷. Автор указывал на отчуждаемость земельной собственности в древней Руси и в этом усматривал источник слабости «исполнительной силы» жалованных грамот. Он рассуждал так: правительство не хотело, чтобы вместе с отчуждением земли отчуждались и казенные доходы, которые не брались с нее по жалованной грамоте: поэтому оно было заинтересовано в непрочности юридической силы жалованной грамоты и завело такие порядки, при которых грамота быстро теряла свое значение (неподтвержде-

¹³⁵ Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 19.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

ние новым князем, пересмотр и ограничение и т. д.)¹³⁸. Мейчик искусственно противопоставлял феодальную земельную собственность как имущество отчуждаемое феодальному иммунитету как комплексу прав, отделяемых от этой собственности и могущих по воле князей исчезнуть при передаче земли из одних рук в другие или при неподтверждении жалованной грамоты. Трактовка Мейчика являлась естественным следствием отрыва иммунитета от землевладения. Она отражала непонимание автором того факта, что иммунитет есть атрибут феодальной собственности на землю. Ценной особенностью работы Мейчика была попытка углубить приемы источниковедческого анализа формы жалованных грамот. Разбор формуляра в его сочинении тесно связан с классификацией жалованных грамот. Классификационная схема Мейчика уже подверглась обстоятельной критике в монографии Черепнина, который подчеркнул ее большее удобство и простоту по сравнению со схемой Горбунова, но вместе с тем справедливо отметил, что классификация Мейчика, как и Горбунова, носит формальный характер¹³⁹ (чистый тип. грамоты на земли, воды и уголья, заповедные, несудимые и обельные; смешанный тип: обельно-несудимые, данные в соединении с какими-либо льготами)¹⁴⁰. Интересен опыт изучения Мейчиком формуляра обельно-несудимых грамот. Автор различал полную и краткую редакции актов этой разновидности, но не объяснял происхождения разницы в редакциях¹⁴¹. Новым способом анализа иммунитетных грамот было предложенное в работе Мейчика деление их формуляра на существенные и несущественные части¹⁴², однако это деление не могло не отличаться субъективизмом. Мейчик правильно отметил, что местные особенности грамот коренятся в специфике внутреннего строя и делопроизводства отдельных княжеств¹⁴³. Вместе с тем, приведя образцы рязанских, новгородских и белозерских грамот, он не выяснил существенных различий между ними¹⁴⁴. Мейчик впервые уделил специальное внимание указным грамотам, дал их описание и опыт классификации. Автор не учитывал отличия указных грамот от жалованных как документов делопроизводственных от актов и поэтому довольно искусственно применял к ним методы дробления формуляра по образцу аналогичных приемов, закономерных в актовом источниковедении. Когда дело коснулось указных грамот, яснее всего обнаружилась произ-

¹³⁸ Там же, стр. 8—9, 19.

¹³⁹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II, стр. 99—100.

¹⁴⁰ Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 12—17.

¹⁴¹ Ничего не дает его замечание о том, что «краткость обуславливалась опущением частных» (там же, стр. 16).

¹⁴² Там же, стр. 8—9.

¹⁴³ Там же, стр. 10.

¹⁴⁴ Там же, стр. 10—12.

вольность деления текста грамоты на существенные и несущественные части. Несущественной частью указных грамот Мейчик считал, например, «повествование или изложение обстоятельств дела, по которому повеление состоялось»¹⁴⁵. Таким образом, согласно методике Мейчика, в основу источниковедческого анализа грамот следовало положить принцип часто формального деления текста источника.

В 1886 г. вышел курс истории русского права М. Ф. Владимирского-Буданова. Его трактовка жалованных грамот явилась в значительной мере выводом из концепции Мейчика. Однако вся теория Владимирского-Буданова окрашена резко выраженными монархическо-националистическими чертами славянофильского толка. По мнению автора, для развития жалованных грамот как формы закона условия создались лишь в «Московском государстве», «...когда власть сосредоточена была в лице великого князя, который стал единственным источником правовых норм»¹⁴⁶. Отмечая «равновесие закона и обычая» в XIV—XV вв., Владимирский-Буданов писал: «почти вся юридическая жизнь народа предоставлялась в продолжении двух столетий действию обычного права и частной воли князей...»¹⁴⁷ Отсюда искусственное деление автором иммунитетных грамот на грамоты, фиксирующие исключительно законодательную волю князей (льготные или иммунитеты), и грамоты, не создающие нового права, но подтверждающие нормы «в применении к частному случаю и лицу» (охранные и указыные)¹⁴⁸. Впрочем и за последними в силу недостаточной четкости общих норм права Владимирский-Буданов признавал значение частных законов (*privae leges*)¹⁴⁹. Учет автором обычного права вовсе не означал его приближения к материалистическому пониманию природы некоторых иммунитетных прав (заключенных в охранных или бережельных грамотах). Владимирский-Буданов, подобно более ранним последователям славянофильства, толковал обычное право по существу целиком в духе Пухты¹⁵⁰ (как национальное убеждение, чьим выразителем оказывался потом законодатель). Реакционность схемы Владимирского-Буданова отчетливее всего проявилась в трактовке автором позднейшей судьбы иммунитета. Как и многие его предшественники, начиная с Неволлина,

¹⁴⁵ Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 20.

¹⁴⁶ «Обзор истории русского права по лекциям проф. М. Ф. Владимирского-Буданова». Киев, 1886, стр. 173.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же, стр. 175.

¹⁴⁹ Там же, ср. стр. 173.

¹⁵⁰ Там же, стр. 62—64. Уже М. А. Дьяконов заметил, что облеченная в новую фразеологию концепция обычного права, предложенная Владимирским-Будановым, «является... воспроизведением целиком теорий Пухты» (М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, т. I. Юрьев, 1907, стр. 13).

Владимирский-Буданов утверждал, что иммунитет был уничтожен. Однако Владимирский-Буданов не просто присоединился к этому выводу. Он поставил его на фундамент реакционного лозунга православия, самодержавия и народности. Чтобы доказать преимущества самодержавной России перед «разлагающимся» Западом со всеми свойственными ему «язвами» (классовой борьбой прежде всего) автор утверждал, что в Московском государстве не могло быть и не было классовых противоречий. В Московской Руси классовые противоположности, согласно схеме автора, стирались на почве национального единства и службы государству, а власть великого князя или царя по отношению к подданным имела «патриархальный характер», проистекая «из древних оснований власти домовладыки и отца». Самодержавное государство «не допускало развития сословных прав в ущерб общегосударственным»¹⁵¹; поэтому, если на Западе иммунитеты из частных исключений превратились в общие права господствующего сословия, то в России этого не произошло: «из грамотчиков не успело выработаться привилегированное сословие»¹⁵².

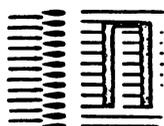
Работы 80-х годов занимают определенное место в источниковедении жалованных грамот. Здесь нужно различать два направления: первое — чисто буржуазное с экономическим уклоном (Ланге, Сергеевич), второе — буржуазно-националистическое, с уклоном в сторону культа монархической власти (Владимирский-Буданов). Промежуточное течение, представленное Мейчиком, в некоторых своих существенных положениях было ближе ко второму направлению. Обе концепции сходились на почве признания государства источником иммунитетных привилегий. Положительное значение исследований Ланге и Сергеевича состояло в следующем. Во-первых, в противовес историографии середины 50-х — начала 70-х годов они попытались выяснить объективные причины выдачи грамот, не сводя все дело к воле и милости князей, к правотворчеству государства. Во-вторых, вместо идеи случайного характера жалованных грамот они выдвинули идею их всеобщего характера, основанного на известных закономерностях. В-третьих, была впервые высказана правильная мысль, что право вотчинного иммунитетного суда вошло в состав крепостного права. В-четвертых, отказ от идеи благочестия князей как стимула выдачи грамот сочетался с ростом интереса к жалованным грамотам светским лицам. В-пятых, в рассматриваемое время слабее проявлялись две крайности историографии периода подготовки и проведения реформы: стремление видеть в феодальных привилегиях только частную собственность и попытки считать феодала не собственником, а наместником. Вместе с тем историография 80-х годов больше тяготела

¹⁵¹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 93, 132.

¹⁵² Там же, стр. 175.

к чичеринскому взгляду на иммунитет как частную собственность. Для буржуазной историографии периода господства капиталистических отношений характерен интерес к явлениям, имевшим значение институтов «закономерных» и «всеобщих». Это связано с экономическими теориями эпохи зрелого капитализма, когда буржуазная нация начинает осмысливаться как известное экономическое целое и буржуазные идеологи пытаются усмотреть подобную же экономическую общность в феодальном обществе, которое в действительности было еще экономически раздробленным. Под влиянием дальнейшего развития капитализма в России буржуазная историография 80-х годов трактовала феодальную собственность на землю модернизаторски, не могла понять ее коренного отличия от буржуазной частной собственности и поэтому оказалась не в состоянии оценить иммунитет как неизбежное следствие и атрибут феодальной формы земельной собственности. Историография 80-х годов считала иммунитет по существу лишь довеском, прибавкой к землевладельческим правам, а всеобщий характер его объясняла несостоятельно: либо финансовыми интересами правительства, либо «челобитной» теорией. Таким образом, подобно историографии времени реформы, она усматривала источник феодальных привилегий в государственном законодательстве, осуществлявшемся в форме жалованных грамот. Если первое направление обогатило науку новым тезисом о включении вотчинного суда в состав крепостного права, то второе течение в историографии жалованных грамот в 80-х годах повторило в концентрированном виде как неправильный взгляд на происхождение иммунитета, так и неверное представление об его уничтожении. В схеме Мейчика и Владимирского-Буданова положительным моментом была мысль, что жалованные грамоты совсем не обязательно выдавались всем и каждому, однако из нее делались ошибочные выводы («не успело выработаться привилегированное сословие» и т. п.). Оба рассмотренных направления в историографии 80-х годов в значительной степени объединялись теорией надклассового характера русского самодержавного государства.

Происхождение либеральной концепции декабризма

о справедливому утверждению М. В. Нечкиной, основоположником либеральной концепции, которая «выходила исторический смысл из идей декабристов и их выступления», был старый член Союза Благоденствия и Северного общества Николай Иванович Тургенев¹.

Как никто из других декабристов, он до конца дней своих настойчиво доказывал, что судебный процесс по делу 14 декабря производился «незаконно», напоминал «времена Шешковского»² и что ни он лично, ни его товарищи совершенно ни в чем не виновны. Эта острая потребность в реабилитации вряд ли связывалась у Н. И. Тургенева с какими бы то ни было личными видами (если не считать заботы о карьере брата). Он с одинаковой энергией и упорством говорил о своей невинности и о «несостоятельности рапорта во всех возможных отношениях»³ как в 1826—1830 гг., когда эта реабилитация могла иметь практический смысл, так и в 1867—1869 гг., когда его ничто уже не связывало с Россией. Постоянное стремление к оправданию означало, в понимании Н. И. Тургенева, простое восстановление «истины», нужной для «сохранения личного достоинства». Говоря о юридической несостоятельности процесса, Н. И. Тургенев подчеркивал, что необходимым условием всякого преступления должны быть «злой умысел и злое действие»⁴ и что «искренние убеждения, беспредельное желание добра своим ближним, безграничная преданность интересам угнетенных классов могут смягчить вину каждого из людей, участвующих в неудавшемся предприятии»⁵. А поскольку обвиняемые оказались жертвами

¹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 13.

² Н. И. Тургенев. Ответ на IX главу книги «Граф Блудов и его время» Е. Ковалевского и на статью «Русского инвалида» о сей книге. Лейпциг, 1867, стр. 16.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Н. Тургенев. Россия и русские, т. I. М., 1915, стр. 352.

своей бескорыстной и горячей любви к Родине и в нравственном отношении стояли «неизмеримо выше» своих обвинителей, «чуждых понятию о законе и еще более понятию о нравственном долге человека», Н. И. Тургенев ни при каких обстоятельствах не мог примириться с тем, что первые виновны, а вторые правы⁶. Даже после официальной амнистии он не захотел воспользоваться «милостью» и «унизиться до признания себя... без вины виноватым». «Я не могу возвратиться в сию землю иначе как невинным или по крайней мере таким, каким я был там прежде.. Я невинен и пред сею Землею и перед тогдашним властителем сей земли»,— писал он 9 ноября 1856 г. Е. Д. Свербеевой⁷.

Поскольку главная цель оправдательных записок и возражений Н. И. Тургенева на «Донесение» следственной комиссии состояла в личном самооправдании и реабилитации членов тайного общества, а также в показе полной несостоятельности «Донесения», изложение материала велось им по формально юридическому или формально казуистическому принципу, что приводило к тенденциозности и прямой фальсификации событий.

Тургенев ошибочно полагал, что время для настоящей оценки декабристского движения еще не наступило и пока «никто из мучеников Сибири еще не был освобожден, то для него было святой обязанностью говорить так»⁸, т. е. доказывать нереволюционность тайных обществ и полную невинность их участников, чтобы ссылками на незаконность осуждения и авторитеты западноевропейских юристов повлиять на пересмотр дела, на «ревизию процесса». Еще В. И. Семевский высказывал мысль о том, что на оправдательную записку Тургенева «следует смотреть не как на исторический источник, а как на речь адвоката». Однако объективно эта концепция нанесла большой вред исторической науке и оказалась, вопреки намерениям ее автора, «по ту же сторону баррикады, что и правительственная концепция Корфа». И когда революционная историография «двинулась в бой за подлинный смысл декабристского движения, она нанесла удар не только правительственному, но и либеральному его пониманию»⁹. Вплоть до настоящего времени эта ложная концепция используется фальсификаторами истории русской общественной мысли за рубежом.

Выяснить происхождение либеральной концепции, наиболее ярко выраженной в «оправдательной записке» Н. И. Тургенева, приложенной к I тому «России и русских» («Воспоминания изгнанника»),— задача настоящей статьи.

⁶ Н. И. Тургенев. Чего желать для России. Лейпциг, 1868, стр. 187—188.

⁷ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 1468, л. 1.

⁸ Там же, д. 3914, л. 2 об. Из письма Клары Тургеневой кн. С. Г. Волконскому.

⁹ М. В. Нечкина. Указ. соч., т. I, стр. 14.

Взгляды Н. И. Тургенева на движение декабристов сложны и противоречивы. С одной стороны, он впервые в зарубежной печати выступил с опровержением официальной правительственной версии. Он заявил, что декабристы — лучшие люди России и боролись они за справедливое дело, которое рано или поздно восторжествует. «Напрасно хотели исказить, извратить события, — писал он. — Их мысли, их значение ясны и просты, а именно: преданные люди без какого-либо мотива личной выгоды... пожертвовали собой, чтобы обеспечить своей стране, всей стране, всем классам народа учреждения, способные обеспечить их благосостояние и их достоинство»¹⁰. Н. И. Тургенев рисовал участников тайных обществ как «благородных молодых людей, которые, пренебрегая всеми преимуществами положения, богатства, предпочитали погрязать в казармах, нежели принимать участие в милостях и удовольствиях двора, или ехать наслаждаться радостями и развлечениями, которые доставляют путешествия в цивилизованные страны»¹¹. Он признавал большое историческое значение восстания декабристов, подчеркивая «величие предпринятого тогда дела», и предсказывал, что «через сто лет эшафот послужит пьедесталом для статуй мучеников»¹², что в Сибирь «можно сослать людей, но не идеи»¹³. «Перед потомством предстанет возвышенная цель, которую руководились участники этой драмы, бескорыстные усилия и самоотверженная преданность тех, кто стремился к этой цели»¹⁴. Н. И. Тургенев ввел новый значительный фактический материал по истории освободительного движения и раскрыл отдельные его стороны. Но наряду с этим он в явном противоречии с истиной и со своими собственными высказываниями отрывал события 14 декабря от истории тайных обществ, пытался представить все дело декабристов «легкомысленным и не опасным либерализмом», доказывал, что тайные общества не содержали в себе ничего противоправительственного, что они в сущности защищали те же реформы, которые правительство собиралось провести в жизнь, и поэтому речь шла о том, что «не следует ли обратиться к правительству за поддержкой»¹⁵. А между тем в этих же воспоминаниях Н. И. Тургенев говорил о лицемерии Александра I, выражал горькое сожаление по поводу своих былых иллюзий и надежд по отношению к этому «беспредельному эгоисту» к «бессердечным комедиантам»¹⁶, с иронией отзывался о времени, «когда всему миру был дан необычайный спектакль — самодержавец, призывающий

¹⁰ «La Russie et les Russes par N. Tourgueneff», t. III. Paris, 1847, p. 143.

¹¹ Там же, т. II, стр. 514.

¹² Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 302.

¹³ Там же, стр. 77.

¹⁴ Там же, стр. 302.

¹⁵ Там же, стр. 69.

¹⁶ «La Russie et les Russes par N. Tourgueneff», t. II, p. 471—472.

народы к независимости и свободе»¹⁷. Отрицая свою активную роль в учреждении, распространении и восстановлении тайных обществ (особенно Северного, после 1821 г.), внося путаницу в вопрос о времени своего вступления в тайное общество¹⁸ и о характере своей деятельности, Н. И. Тургенев умышленно скрывал правду и вводил в заблуждение читателя. Поскольку источниками для оправдательной записки являлись более ранние «объяснения», «оправдания», «замечания» Н. И. Тургенева, следует вкратце остановиться на их истории, служившей, правда, предметом исследований¹⁹, но требующей пересмотра ряда положений. События 14 декабря застали Н. И. Тургенева за границей. Из дневниковых записей видно, что незадолго до исторического выступления декабристов он мечтал о скором возвращении в Россию и о «приятельских беседах петербургских»²⁰. И. И. Тургенев был убежден в том, что «нельзя жить вне отечества, что ежели много неприятного, то есть люди, без коих жить нельзя»²¹, «Одни приятности,— говорил Н. И. Тургенев,— никогда не привлекут меня в чужие края. Россия необходима для моей души»²², «Туда стремится душа; чувствую, что только со своими жить можно»,— аналогичными записями пестрят тургеневские дневники и письма 1824—1825 гг.²³ Узнав о стихийных бедствиях, постигших Россию («голод, саранча и это наводнение!»), он сожалел, что находится не в Петербурге «посреди несчастья», а бродит «по церквам» и смотрит «на картинки»²⁴. Особое беспокойство вызвал у Тургенева период междуцарствия и связанное с ним выступление 14 декабря. «Новый год в Европе, если не в России Как встречает его Россия!»,— записывает он 20 декабря (1 января) 1826 г.: «я не могу изъяснить здесь чувств, которые тяготят мою душу при мысли об участи теперешней земли, к которой принадлежу, земли, где я родился, моего отечества... Какое наше положение! Не с кем и пожалеть, о деле общем. Ибо чувств и понятий нельзя почти никому сообщить, кроме помещиков. Но нет! И сам не имеешь права столь печального — и сам помещик владетель уродливый себе подобных! Какая бездна гнусности и ужаса! Кровью или благодеянием она наполнится? Боже всемогущий, какой выбор! И они между сими двумя средствами мо-

¹⁷ «La Russie et les Russes par N. Tourgueneff», Paris, т. III, стр. 19.

¹⁸ В. М. Тарасова. К вопросу о времени вступления Н. И. Тургенева в тайное общество декабристов.— «Ученые записки Марийского пед. ин-та. Ист.-фил. фак-т», т. 21, 1958; см. также т. 15, 1957.

¹⁹ Е. И. Тарасова. Декабрист Н. И. Тургенев в александровскую эпоху. Самара, 1923.

²⁰ Архив Тургенева (далее — АТ), вып. 7, т. 4, стр. 66.

²¹ Там же, стр. 69.

²² Там же, стр. 119; см. также стр. 145—146.

²³ Там же, стр. 17, 30, 66, 69, 93, 119, 146, 230, 234; Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 217, л. 57, 68 об.; д. 216, л. 14.

²⁴ АТ, вып. 7, т. 4, стр. 229.

гут оставаться в нерешимости!»²⁵⁻²⁶. Очевидно, получив известие от частного лица о неудаче восстания 14 декабря, Н. И. Тургенев замечает: «это большое семейство всегда должно быть для меня священо. С ними надобно разделить стыд и горе, даже и не надеясь разделять его чести и благополучия»²⁷. В заключении новогодней записи он отмечает, что газеты пока «ничего не говорят подтвердительно об императорстве Николая I». Когда же известия о восстании появились в печати, Н. И. Тургенев счел необходимым, учитывая возможность конфискации у него дневника, выразить формально свое отношение к происходящим событиям. Он назвал восстание «непонятным происшествием» и беспокоился о том, какое впечатление оно оставит «в душе нового императора»²⁸, хотя расправу над своими товарищами считал вопиющей несправедливостью. «Увидел в газетах ужасное известие о казни в Петербурге,— записал Н. И. Тургенев 10 августа 1826 г.— Оно меня поразило чрезвычайно. Особливо казнь Пестеля! Он не действовал, а только говорил; не было с его стороны и начала действия... Прошлую ночь я видел во сне, между прочим, Пестеля. Он читал стихи Байрона, кажется. „Да он поэт“,— сказал я, разгадав как будто главную причину его заговоров... Казнь постигла некоторых. Но какие побуждения заставили их действовать? Что думать?... Неужели чистые побуждения души должны замолкнуть при виде виселиц? Что ж останется для нравственного бытия?»²⁹. Спустя два дня, он снова возвращается к тем же событиям: «мысль о казни петербургской не выходит из головы... кроме ужаса с этим происшествием сопряженным, оно представляется мне худым предзнаменованием для будущего России»³⁰. Сам Н. И. Тургенев отказался явиться в Россию и предстать перед Верховным судом в качестве обвиняемого по делу о тайных обществах. Он убеждал своих братьев в том, что любой приговор по его адресу подтвердит, что он жил в России «не для обедов и других глупостей и выгод скотских. С душою свободной, с совестью чистою и только с сожалением, что не сделал более,— писал Н. И. Тургенев брату Сергею,— я не променяю своей участи на участь этих рыцарей брюха и подлостей, которые, тяготя землю, тяготят и бытие подобных себе по наружности, но высших по качествам нравственным»³¹. Он общал братьям, что «нимало не расположен ни писать, ни

²⁵⁻²⁶ «Это противоестественное, противунравственное, безбожное положение людей и вещей в государстве, где народ вообще, конечно, не чужд ни нравственности, ни здравомыслия, ни рассудку, ни уму и даже не чужд патриотизму?» (Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 217, лл. 70 об.— 71).

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 74.

²⁹ Там же, д. 218, л. 15.

³⁰ Там же. Запись от 12 августа 1826 г.

³¹ «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма 1811—1821». М., 1936, стр. 468—469. Письмо Н. И. Тургенева от 8(20) июля 1826 г.

печатать ничего в свое оправдание»³². «За что я осужден? — спрашивал он.— За участие в обществах, за республиканские замыслы. Под тяжестью таких осуждений мне ничто не мешает смотреть людям прямо в глаза»³³. Что касается лишения чинов и званий, то это, по мнению Н. И. Тургенева, только приблизит его «к самому почтенному классу моих земляков, к классу бедных крестьян»³⁴. «Если б не вы,— писал он А. И. Тургеневу,— если б не они,— (речь идет о Ф. Глинке, Бриггене и других декабристах.— В. Т.) я, право, ни мало не думал бы об этом так называемом несчастье»³⁵. Однако братья, особенно Александр (младший брат Сергей под влиянием переживаний от событий 14 декабря и особенно осуждения Н. И. Тургенева психически заболел и умер в 1827 г. в Париже)³⁶, заклинали прислать оправдание, и бывший декабрист проявил непростительное малодушие и «слабость характера». Он составил несколько оправдательных записок, которые наложили позорное, несмыслаемое пятно на его политическую биографию. «Я не только унижаю себя,— писал он Александру Ивановичу,— но и действую противно убеждению и совести... написал записку. Могу идти далее и написать письмо... Просто перепишу ваш проект, переменяв два или три слова»³⁷. В первой объяснительной записке, отправленной в Петербург в мае 1826 г., Н. И. Тургенев хотя и не выдал ни одной фамилии своих товарищей, однако он в недостойном для революционера высокомерном тоне называл тайные общества несерьезными и ничтожными. В то же самое время он осуждал себя за этот тон в письме к брату Сергею³⁸, а перед Александром оправдывался: «Вы требовали моего оправдания. Я не мог не исполнить вашего требования... Если мнение о существовании серьезных обществ твердо, то как могу я уверить, что почитал всегда эти общества вздором?»³⁹ В этой записке он не отрицал произнесения им фразы «Le président sans phrases» («могла вырваться в одном из сих разговоров») ⁴⁰ и сообщал некоторые сведения о своем участии в восстановлении тайного общества после Московского съезда («проектах правил» нового общества ⁴¹ и др.).

История второй, особенно возмутительной, оправдательной записки исследована А. И. Заозерским⁴², который установил, что в ее составлении участвовала целая «коллегия» под руководст-

³² Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 230, л. 91 об.

³³ Там же, л. 94.

³⁴ «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма», стр. 468.

³⁵ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 230, л. 91.

³⁶ «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма», стр. 360, 460.

³⁷ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 230, л. 126 об.

³⁸ «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма», стр. 468.

³⁹ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 230, л. 72.

⁴⁰ «Русская старина», 1902, № 4, стр. 51.

⁴¹ Там же, стр. 54—55.

⁴² А. И. Заозерский. Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева.— «Памяти декабристов». Сборник материалов, т. II, М., 1926, стр. 99

вом А. И. Тургенева, игравшего ведущую роль как в составлении, так и в окончательном редактировании этого позорного документа. Оконченную в сентябре 1826 г. записку Н. И. Тургенев переслал братьям Александру и Сергею, В. А. Жуковскому и гр. Строганову, которые «приняли живое участие в этом деле». Обычно Александр Иванович «читал текст, подвергая прочитанное критике, и к местам, казавшимся ему неудовлетворительными, делал примечания, иногда составлял новые редакции, а затем все это представлял на суждение коллегии. Пройдя эту цензуру, «примечания» посылались автору в Лондон... Получив «примечания», Николай Иванович делал на них (обычно на полях) свои отзывы и в таком виде отправлял назад... Полученная в результате окончательная редакция переписывалась, наконец, набело — опять тем же Александром Ивановичем»⁴³.

Авторская редакция заменялась новой, иногда прямо противоположной по смыслу⁴⁴. О характере изменений можно судить также по следующим замечаниям Александра Ивановича: «На примечание 19 «общество имело целию бунт», — писал он брату, — ты говоришь: имело целию изменение государственных установлений... но в этой цели... ты и не можешь и не должен признаваться, хотя бы одно желание и не составляло преступления. Бог знает, как будут судить о желании и не поставят ли и его в преступление»⁴⁵. «Ты никак не должен допускать, что говорили о конституциях для России, — поучал Александр Иванович брата, — хотя и полагают, что это показывает только твое *vope foi*»⁴⁶. В ответ на объяснения Н. И. Тургенева о том, что он «принял, если не многих, то одного», Александр Иванович замечал: «этого я по совести никак допустить не могу; ибо ты дал „Зеленую книгу“ Митькову; но отговаривал, давал невыгодное понятие об обществе; если он вошел, то по своей охоте, по своему убеждению, а не по твоему. Это не есть принятие, а оно усиливало бы очень вину, хотя, впрочем, ты его принял и не в преступное общество. Нельзя ли эту строку переменить?»⁴⁷. Ниже он упрекал брата и снова пояснял свою мысль: «Строго ты о себе думал, что ты принял Митькова. Он просил тебя ввести его, ты дал ему „Зеленую книгу“ и отговаривал его, вот и все. Где же тут принятие?»⁴⁸ Иногда замечания были лаконичны: «О выражении буйности не принято»⁴⁹. Некоторые разделы Александр Иванович от имени «коллегии» предлагал исключить совсем: «Я полагал бы, — писал он, — выкинуть весь параграф, начинающийся словами „вина моя в участии“ (стр. 3 шестого

⁴³ Там же, стр. 116.

⁴⁴ Там же, стр. 119—122.

⁴⁵ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 135, л. 4.

⁴⁶ Там же, л. 6.

⁴⁷ Там же, л. 1.

⁴⁸ Там же, л. 2.

⁴⁹ Там же, л. 5 об.

листа) до слов „причины к восстановлению общества“; ты тут сам, как судья строгий и привязчивый, судишь себя и можешь поселить в других мысль, коим она не пришла бы без твоего намека»⁵⁰. Для того чтобы отклонить обвинение, сделанное в адрес Н. И. Тургенева о принятии им Я. Толстого в члены Северного общества, Александр Иванович предложил взять у последнего (в Париже) письменную справку. «Это ему не повредит,— объяснял он брату,— а тебе поможет и ослабит показание и о принятии Миклашевского»⁵¹. Такая заведомо ложная справка, противоречащая официальным донесениям Я. Толстого, посланным им ранее в Петербург, была дана им и использована братьями Тургеневыми в тексте оправдательной записки.

Необходимо отметить, что Н. И. Тургенев не всегда сам переносил в свою записку «готовые, составленные для него фразы», как указывал А. И. Заозерский, а поручал это брату и фактически передал исключительно ему окончательное оформление записки.

«Итак я полагаю,— писал Н. И. Тургенев брату 16 марта 1827 г.,— что нет никакой нужды возвращать ко мне моего оригинала. Исправляйте его, как хотите, и составьте полный черновой экземпляр. Я в прошлом письме изъяснил вам, что вы гораздо лучше придумываете исправления, нежели я сам. Я совсем не труда избегаю, желая избегнуть даже вида моей записки. Труд этот для меня совсем незначителен.. Но я чувствую, что, начав исправлять сам записку, я или все испорчу, или все переменею; ибо теперешний мой образ мыслей совершенно не согласен ни с духом, ни с тоном, в каком написана записка. И в теперешнем моем образе мыслей если я бы мог что-либо писать о себе, то, это, конечно, не для того употребления, для коего я писал записку. Я записку оную уступил вам. Делайте с нею все, совершенно все, что хотите, как хотите, когда хотите. Если нужно мое согласие, то даю вам и оное на все случаи, на все времена и пр. и пр.»⁵² Именно по этой причине во второй оправдательной записке появился враждебный тон по отношению к декабристам, эпитеты «злодей» и другие, вписанные ради реабилитации брата А. И. Тургеневым. Н. И. Тургенев не хотел ни переписывать в таком виде записку, ни подписывать под нею свое имя.

«В последнем письме вашем,— писал он брату 16 марта 1827 г.,— вы соглашаетесь, что нет нужды мне самому переписывать мою записку. Но вместе говорите о возвращении ко мне моего оригинала с переменами, кои я, переписав, приложу к письму, и что вы приложите копию к моему оригиналу. Вот мое рассуждение: в чем дело? Представить изложение обстоятельств,

⁵⁰ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 135, л. 2.

⁵¹ Там же, л. 16—16 об.

⁵² Там же, д. 230, л. 126.

показывающих неосновательность приговора, обо мне произнесенного. Пером моим или чужим или печатно сие изложение сделано будет все равно. Дело не в том, кто пишет, а в том, в чем состоят излагаемые обстоятельства. Если обстоятельства, в моей записке излагаемые, достаточные для цели, то все равно мною или другим они изложены. Разница еще незначительнее, если состоит она только в переписывании, а даже не в сочинении записки... Положим, что тот, кому записка будет представлена, найдет ее основательную. Возможно ли ожидать, что он скажет так: приговор несправедлив, но записка написана или переписана не тем, кто был осужден несправедливо. Такого отзыва ожидать невозможно»⁵³. В письме от 30 марта 1827 г. он повторяет ту же мысль: «Я думаю, нет нужды подписывать вам за меня моей записки, хоть о ней и о таблице именно и не сказано в письме. Я ссылаюсь на то, что писал к вам прежде о сем. Все дело состоит в том, что представляется, а не в том, от кого представляется. Повторяю, что я на все ваши замечания и перемены прошедшие и будущие соглашаюсь. Делайте из моей записки, что хотите»⁵⁴. Позднее он очень сожалел о своем недостойном поступке и писал: «Следуя вашим письмам, я называл в записке подсудимых злодеями, злоумышленниками и т. п. Это никуда не годится и должно быть исправлено»⁵⁵. А. И. Заозерский пришел к справедливому выводу о том, что Н. И. Тургеневу удалось «вскрыть юридическую несостоятельность и следственного акта, и судебного приговора»⁵⁶. Однако мы не можем согласиться с утверждением автора о том, что, «видимо, таков был действительно взгляд Тургенева на тайные общества»⁵⁷, что «правительство... приписывало ему намерения и взгляды, которые он, по складу своего мировоззрения, должен был отвергать»⁵⁸.

О том, что взгляды Тургенева на тайные общества не совпадали с мнениями, высказанными во второй оправдательной записке, свидетельствует и сама история ее создания, и замечания Александра Ивановича на первоначальный текст, и позднейшие высказывания бывшего декабриста. О ложности ее знал не только сам Н. И. Тургенев, но и члены «коллегии», убеждавшие последнего так излагать свои мысли, «чтобы привязаться нельзя было»⁵⁹. Вторая оправдательная записка, так же как и первая, внешне не оказала заметного влияния на окончательный ее вариант, опубликованный в «Воспоминаниях изгнанника». Непри-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, л. 131 об.

⁵⁵ «Русская старина», 1901, № 5, стр. 269. Письмо 23 февраля 1827 г.

⁵⁶ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 99.

⁵⁷ Там же, стр. 112.

⁵⁸ Там же, стр. 107.

⁵⁹ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 135, л. 2.

язненный и даже враждебный тон ее по отношению к декабристам решительно отброшен. Однако трактовка отдельных проблем декабристского движения (характеристика тайных обществ, совещания 1820 г. на квартире полковника Глинки, вопрос о создании и деятельности Северного общества и роли Н. И. Тургенева и др.) была включена в последующие оправдательные записки и стала составной частью либеральной концепции декабризма.

Убедившись в невозможности добиться оправдания через ходатайства к царю (за что особенно ратовали его братья и В. А. Жуковский) и сожалея о своих прежних оправдательных занисках, Н. И. Тургенев решил обратиться «к публике», к общественному мнению Западной Европы.

В течение 1828—1829 гг. он собирает материал, а к началу 1830 г. оформляет новую работу: «Замечания одного из обвиняемых (Николая Тургенева) на донесение следственной комиссии, которые должны быть напечатаны после его смерти»⁶⁰. Этот документ получил название третьей оправдательной записки, хотя по своему замыслу, содержанию и адресату, к которому обращается автор, он скорее напоминает обвинительное заключение, чем оправдание. Поскольку «Замечания» А. И. Тургенева оказали наиболее заметное влияние на окончательный текст его оправдательной записки, опубликованной в книге «Россия и русские» (и сформулировавшей «легенду» о декабристах), имеет смысл остановиться на истории создания этого документа.

В письме от 4 марта 1830 г. Н. И. Тургенев сообщил брату: «При виде присланных вами мне экземпляров рапорта меня взяла охота написать на рапорт мои замечания по-французски и на отдельных страничках так, чтобы вплести их в страницы рапорта... Я думаю, что я без всякой нужды компрометировал себя в моих двух прежних мемуарах, особливо в первом, написанном в Эдинбурге, когда и рапорта у меня не было. Я там говорил, что виделся с членами общества и после уничтожения общества в Москве, что слыхал от них толки о восстановлении общества и что даже сам говорил или помышлял об этом. Конечно, в глазах судей такие слова не могли бы мне повредить, хотя и с судьями обвиняемые не должны растабаривать без нужды, но перед палачами! Между тем я вижу, что в рапорте ничего нет о том, чтобы я участвовал в совещаниях после уничтожения старого общества (кроме одного, которое было в 1825 г., и я теперь яснее прежнего доказываю *alibi*), и вообще ничего обо мне в рапорте нет относительно эпохи после восстановления общества, кроме глупого (и теперь, по его словам, для нас объясненного) показания Никиты Муравьева, будто я с ним учредил новое общество. С одним рапортом против

⁶⁰ «Notes d'un des accusés (Nicolas Tourgueneff) sur le rapport de la commission d'Enquête, à être publiées après sa mort».

меня не только ничего доказать, но и ничего сказать невозможно. Но с моими мемуарами, особливо с первым, можно если не доказать, то сказать многое»⁶¹. В связи с этим он убедительно просил Александра Ивановича изъять из обращения свои прежние оправдательные записки и, если возможно, уничтожить их. «Вы мне сказывали,— продолжал он,— что первый мемуар был приобщен к делу. И так он всегда à la portée моих обвинителей. Второй мемуар, я надеюсь, не пошел далее частных рук. Если вы будете в Петербурге, то постарайтесь всеми средствами добыть первый мемуар, а также удостовериться, не имеет ли кто-нибудь копий с обоих. Все эти копии непременно надобно отобрать... В моей таблице, к второму мемуару приложенной, есть также обстоятельства, для меня не выгодные, где я говорю о том, что «я сам на себя показываю». Я боюсь, что эта таблица и мемуар были в руках государя и, может быть, теперь в руках Бенкендорфа. Но важнейшее есть первый мой мемуар. Я бы очень желал, чтобы его нигде не было»⁶². Н. И. Тургенев обещал закончить свои «ноты» и, «поправив слог» со своими приятелями, прежде всего с Козловским, прислать их брату. «Я пошлю это письмо без номера, дабы вы его сожгли»⁶³,— заключал он. Тургенев обратил внимание на то обстоятельство, что в рапорте отражены далеко не все его действия по обществу и что «могли показывать подсудимые». «Я особенно искал в рапорте следов московского съезда против меня,— сообщал он брату,— но ничего не нахожу, кроме показаний, кои легко опровергаются. Посему я думаю, что ничего иного показываемо не было. Да и что показывать. Если бы было представлено что-либо письменного, то другое дело. Но видно ничего не было»⁶⁴. Поскольку проект нового устава, составленный на Московском съезде 1821 г. и разосланный по филиалам прежнего Союза благоденствия, был подписан Н. И. Тургеневым⁶⁵, он опасался, как бы этот документ, а также другие документы его «руки» не фигурировали на судебном процессе.

Сообщая брату о своих встречах с Семеновым, Толстым и другими после Московского съезда, Н. И. Тургенев писал: «Но что я мог показывать им письменно, не было представлено в деле и, как видно, затерялось у меня в бумагах. Или ничего (не было?) письменного, да и другие ничего моего не представили. Митьков говорит о замечаниях, смешивая, может быть, одно с другим. Но таких замечаний я не писал и у Митькова при мне ничего такого не читали»⁶⁶. Одновременно стали выяснять через Я. Тол-

⁶¹ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 232, л. 136.

⁶² Там же, л. 136 об.

⁶³ Там же, л. 137.

⁶⁴ Там же, д. 230, л. 150.

⁶⁵ М. В. Нечкина. Указ. соч., т. I, стр. 361.

⁶⁶ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 230, л. 147 об.

стого вопрос о возможном наличии у судей письменных документов, составленных или подписанных Н. И. Тургеневым. «В другом ответе Толстой говорит,— сообщал Н. И. Тургенев брату,— почему я знаю, что нет письменных документов против меня моей руки? Я думаю, что нет потому, что рапорт их не приводит. Но если Толстой знает, что есть, то он должен это теперь нам сказать»⁶⁷. В результате всех этих «изысканий» Тургенев посчитал возможным заявить в своих «Замечаниях», что им не было сделано никакого сознания и в деле не имеется никаких бумаг, писанных им собственноручно⁶⁸. Поэтому, по его мнению, следственная комиссия вообще не имела никаких законных оснований к обвинению.

Когда выяснилось, что Толстой в своих оправдательных записках и доносах царю фактически подтвердил показание Семенова относительно активной деятельности Тургенева по восстановлению тайного общества и принятию новых членов после Московского съезда,— Н. И. Тургенев объяснял брату, что при таких обстоятельствах дело состоит не в том, чтобы «отрицать сие показание, но в том, чтобы истолковать его и истолковать в том смысле, в каком я толкую принятие Митькова и Миклашевского в моих нотах. Для сего вы можете написать Толстому,— просил он Александра Ивановича,— что вы теперь сообщили мне ответ его, и что я вам отвечаю, что я совершенно отрицаю, чтобы было когда-либо дело об учреждении нового общества, и что этого и потому быть не могло, что в 1820 г. существовало еще старое общество и что, конечно, разговоры с ним и Миклашевским были о вступлении в это старое общество. На сие Толстой может легко ответить, что он не знал тогда о существовании старого общества и думал, что дело идет о каком-нибудь еще не совершенно устроенном обществе, но что, читая рапорт, и он теперь видит, что дело не могло быть ни о чем ином, как об обществе „Зеленой книги“, и что если Семенов говорил ему не все ясно, то это, вероятно, потому, что сие общество „Зеленой книги“ не было порядочно устроено и Семенов не хотел открыть ему всей незначительности оногo. Такой ответ может очень поправить эту часть дела и нимало не будет противоречить первому письму Толстого, ибо он теперь скажет, что рапорт истолковал ему то, что он прежде не понимал»⁶⁹.

Александр Иванович сообщал брату о том, что он посетил Я. Толстого в Париже, «уверил его, что наша общая польза требует исправить теперь, сколько возможно, то, что испорчено откровенным сознанием того, что он писал о тебе или об обществах. Он (Толстой) кончил просьбою денег 640 фр., но я не обещал.

⁶⁷ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 232, л. 121. Письмо от 18 мая 1830 г.

⁶⁸ А. А. Фомин. Николай Иванович Тургенев в своем оправдании.— «Русская старина», 1901, № 8, стр. 268.

⁶⁹ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 232, л. 111.

вот записка его»⁷⁰,— заключал Александр Иванович. Дело закончилось тем, что Толстой в конце концов удостоверил, что принимал его в общество не Н. И. Тургенев, а Семенов, и не в Северное общество, а в общество «Зеленой книги»⁷¹. Из письма Н. И. Тургенева от 7 мая 1830 г. мы узнаем, что он получил от брата копии «Замечаний» или «Нот», переплетенных с экземплярами рапорта, и просил его «вымарать» некоторые разделы. «Эти перемены,— писал он Александру Ивановичу,— как вы видите важны, ибо я... исключаю все то, что я говорю о предложении, сделанном мне Никитою Муравьевым о составлении нового общества. Конечно, могли бы привязаться к этому обвинению самого себя»⁷².

Приведенные нами факты показывают, что при составлении «Замечаний» Н. И. Тургенев ставил перед собой цель не восстановить, а затушевать истинную историю тайных обществ и свою собственную роль в истории декабристского движения. Если «Донесение» клеветало на представителей первого поколения дворянских революционеров, изображая их извергами и «преступниками», замалчивало их программу по крестьянскому вопросу и др., то Тургенев, показывая несостоятельность «Донесения» и свою невиновность, а также невиновность декабристов, отрицал вовсе революционный характер тайных обществ и фальсифицировал их историю.

В архиве Института русской литературы АН СССР сохранилось пять экземпляров «Замечаний одного из обвиняемых на рапорт следственной комиссии»⁷³. Каждый экземпляр заключен в мягкий плотный переплет. Внутри рукописного текста вплетены отдельные печатные листы рапорта следственной комиссии (на французском языке). На каждый пункт обвинения рапорта (в порядке хронологической последовательности и даже на каждую строчку) дается пространное опровержение. «Замечания одного из обвиняемых» очень значительно отличаются от предыдущих оправдательных записок. Тон «Замечаний» негодующий, возмущенный по адресу редактора Блудова и членов Верховного уголовного суда, осуждающий по адресу правительства. Объясняется это тем, что «Замечания» были предназначены для «широкой европейской публики» и близких друзей в России. Н. И. Тургенев показывает, что следственная комиссия, вопреки ее торжественному заявлению, ни в какой степени не придерживалась «принципа мудрости и великодушия»⁷⁴. Особенно он воз-

⁷⁰ Переписка Я. И. Толстого с А. И. Тургеневым.— «Памяти декабристов», т. II, стр. 175.

⁷¹ Там же, стр. 172, 173.

⁷² Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 232, л. 117.

⁷³ Там же, д. 101, 132, 132а, 510, 511.

⁷⁴ А. А. Фомин. Указ. ст.— «Русская старина», 1901, № 8, стр. 268. Русский перевод «Замечаний» опубликован А. А. Фоминым в «Русской старине» (1901, № 8—11).

мушался той частью рапорта следственной комиссии, в которой делалась ссылка на «показания... одного постороннего свидетеля, не подтвержденные ответами допрошенных», относительно намерения общества издавать особый журнал, иметь литографию, тайную типографию и пр. (речь идет о доносе провокатора Грибовского)⁷⁵. В оправдательной записке, опубликованной в «России и русских», Н. И. Тургенев суммировал все эти факты. «Правительство хотело,— замечал он,— довести произвол до конца. Следствие, суд, все должно было идти незаконным порядком»⁷⁶. Н. И. Тургенев отвергал все без исключения обвинения, предъявленные ему лично, ссылаясь на то, что «слова могут сделаться преступными только тогда, когда они перейдут в действие»⁷⁷. Противоречия своей первой оправдательной записке, он отказывался даже от произнесения слов: «президент без фраз», поскольку «число четыре считается больше трех и, следовательно, закон не признает доказанным показания, которые подтверждают трое, в том числе и сам показывающий, и отрицает четверо»⁷⁸. Получив «разъяснения» Н. Муравьева и свидетельства Я. Толстого, Н. И. Тургенев с энергией, достойной лучшего применения, ополчился на совершенно справедливое показание Семенова относительно его роли в учреждении Северного общества и привлечении новых членов. «Я не только не участвовал в учреждении этого нового общества,— лицемерно заявлял он,— но... до отъезда своего из России я даже не знал о том, было ли учреждение какое-нибудь новое общество»⁷⁹. К тексту «Замечаний» было присоединено несколько «Приложений». Первое из них показывало «путь, каким это обвинение состоялось»⁸⁰. Во втором приводились побочные факты, которые способствовали его осуждению. В оправдательной записке, опубликованной в «России и русских», Тургенев объединяет оба эти «Приложения» и, добавив к ним некоторые новые факты, создает особый раздел под названием: «Некоторые особые обстоятельства, относящиеся к моему осуждению»⁸¹.

Кроме самооправдания, Н. И. Тургенев в «Замечаниях» выступил против обвинений в адрес тайных обществ в целом. Хотя «первоначальное общество меня не касается»,— писал Н. И. Тургенев о «Союзе спасения», но «справедливость требует заметить», что уставы первых тайных обществ не имели ничего «противного законам общественной нравственности», еще менее в них можно найти «задатков преступлений и бедствий, угрожающих го-

⁷⁵ «Русская старина», 1901, № 8, стр. 280—281.

⁷⁶ Н. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 163.

⁷⁷ «Русская старина», 1901, № 9, стр. 624—625.

⁷⁸ Там же, стр. 628.

⁷⁹ «Русская старина», 1901, № 10, стр. 210.

⁸⁰ «Русская старина», 1901, № 11, стр. 327.

⁸¹ Ср. Н. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 288—293 и «Русская старина», 1901, № 11, стр. 327—338.

сударству»⁸². Он утверждал, что единственной целью Союза благоденствия было благо отечества, что оно «предлагало даже свои услуги правительству, чтобы делать добро», что никакой «второй части этого устава никогда не существовало»⁸³. Тургенев доказывал, что в самом желании изменить существующий порядок вещей в России нет ничего преступного, так как «сам покойный император объявил о возможности коренного преобразования существующего порядка вещей»⁸⁴. «Таков первый пункт обвинения против общества», — писал он.

Отмечая, что Пестель «не был бы приговорен к смертной казни ни во Франции, ни в Англии, так как преступления, задуманные им, не начали даже приводиться в исполнение», Н. И. Тургенев делает замечания по поводу «пагубного легкомыслия»⁸⁵ редакции «Донесения» по отношению к Южному обществу. Отрицание связи тайных обществ с событиями 14 декабря, республиканских идей, революционности декабристских организаций, своей роли в их деятельности и другие положения, развитые Тургеньевым в «Замечаниях», легли в основу⁸⁵ последнего варианта его оправдательной записки, опубликованной в «России и русских», и явились новой ступенью в оформлении либеральной концепции декабризма.

Текст «Замечаний» был согласован со многими европейскими юристами. Заручившись их мнениями и письменными отзывами, Н. И. Тургенев хотел в 1830 г. предстать перед судом для пересмотра дела, для «ревизии процесса»⁸⁷ при непременно условии, чтобы его при этом не лишали свободы, чтобы судили только «по рапорту», не привлекая к делу никаких дополнительных материалов, даже его прежних оправдательных записок⁸⁸. «Моя идея есть, — сообщал он брату, — при самом начале суда объявить, чтобы обвинительные пункты были изложены ясно. Например, если спросят у меня, принадлежал ли я к тайному обществу? Я буду отвечать: к какому? И требовать, чтобы они определили с самого начала характер общества, к которому я принадлежал. Если спросят: заводил ли я общество по показанию Семенова? Я буду отвечать: где это общество? Укажите. Если же общества не было, то нечего о нем меня и спрашивать. Если спросят, произнес ли я „Le président sans phrases“, я скажу: то

⁸² «Русская старина», 1901, № 8, стр. 270—271.

⁸³ Там же, стр. 272, 273.

⁸⁴ Там же, стр. 279. Ср.: «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма». Пг., 1923, стр. 70. (Разбор донесения, представленного российскому императору тайной комиссией в 1826 г.).

⁸⁵ «Русская старина», 1901, № 9, стр. 634, 627.

⁸⁶ Близость «Замечаний» и последнего варианта «оправдательной записки» подтверждается сличением текста и замечанием самого Н. И. Тургеньева о том, что для своего оправдания он пользовался «только текстом... донесения» (Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 163).

⁸⁷ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, т. 232, л. 116.

⁸⁸ Там же, л. 111 об.—112.

это на меня показывает? Три против четырех за меня. Вот вам и ответ. На что же и спрашивать меня о том, что против меня не доказано»⁸⁹. Единственное, что его беспокоило, это его собственные, более ранние «признания». «В первом моем оправдании,— делился он с братом из Эдинбурга,— я обвинял себя в том, что и по уничтожении в Москве общества я толковал и писал проекты о новом обществе. Во втором оправдании я показывал, что был на одном совещании с Пестелем перед отъездом из Петербурга в 1824 г. Между тем в рапорте ни о том, ни о другом нет ни слова. Если эти прежние мои мемуары будут приводить против меня, то я не знаю, что мне говорить против них. Потому-то надобно их отобрать или, по крайней мере, вымарать в них то, что я против себя в сих двух случаях говорю»⁹⁰.

Будучи уверенным, что ему все-таки удастся публично доказать юридическую несостоятельность рапорта и выиграть процесс, Н. И. Тургенев надеялся, что это «благодетельно отразится на других осужденных, которые изнывали и изпывают еще в Сибири». Если бы мои усилия,— писал он,— увенчались успехом, то нельзя было бы, не совершая вопиющего беззакония, оставлять в Сибири тех ссыльных, которые были виновны так же мало, как и я»⁹¹. Еще 22 июня 1827 г. Николай Иванович писал брату: «Пусть дадут мне средства говорить о других и пусть решатся слушать меня терпеливо. Я уверен, что если слушатели будут беспристрастны, то я обрадуя их доказательством невинности многих мнимых злодеев»⁹². Однако эта попытка не была осуществлена, так как предложение Н. И. Тургенева было отклонено. В неопубликованном письме к В. А. Жуковскому о книге «Россия и русские» Н. И. Тургенев объяснял ему: «Я не стремился оправдать только себя. Я обвиняю других. Я излагаю перед всеми свои действия и заявляю о беззаконии тех, кто осудил меня. В свою очередь я становлюсь судьей над моими судьями, и я излагаю все события для справедливого... суда современников и будущих поколений»⁹³.

Вслед за «Замечаниями» А. А. Фомин опубликовал в 12-й книге «Русская старина» без всяких комментариев неизвестную рукопись⁹⁴, полагая, очевидно, что она является простым продолжением «Замечаний» или документом, непосредственно примыкающим к ним. Е. И. Тарасов не согласился с автором публикации и назвал рукопись «по традиции» особой «четвертой» оправдательной запиской Н. И. Тургенева, не приводя в пользу своего

⁸⁹ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, л. 232, л. 115 об.

⁹⁰ Там же, л. 117 об.

⁹¹ Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 297.

⁹² Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, л. 230, л. 147.

⁹³ Там же, л. 3. Перевод с французского.

⁹⁴ А. А. Фомин. Указ. ст.— «Русская старина», 1901, № 12, стр. 649—680

утверждения ни одного веского аргумента. С ним согласился А. И. Заозерский (поскольку последнюю оправдательную записку Тургенева, опубликованную в «России и русских», он называл «пятой») ⁹⁵.

Мы считаем такое предположение совершенно не обоснованным. Сам автор высказанной версии (Е. И. Тарасов) заметил, что названная выше рукопись «писана неизвестным почерком», «изложение все время идет в третьем лице». Е. И. Тарасов обратил также внимание на «очень странные» фактические ошибки, допускаемые автором записки. Например, он говорит, что «копыт теории налогов» появился в 1821 г. (вместо 1818 г.), что в Карлсбад Н. И. Тургенев уехал из России 9 августа (вместо 9 апреля) и пр. ⁹⁶ При более близком ознакомлении с рассматриваемым документом легко убедиться в том, что это прежде всего записка о Н. И. Тургеневе, составленная, очевидно, юристом, хорошо эрудированным в казуистических тонкостях буржуазной юридической науки, но плохо осведомленным в фактической истории декабристского движения. Бросается в глаза и то обстоятельство, что вступительная часть этой записки совершенно несоответствовала взглядам Н. И. Тургенева, высказанным им в «Замечаниях» и в частных письмах к брату. В записке говорится о «гнусных намерениях и действиях» членов тайных обществ, их «преступных связях» ⁹⁷, о том, что обвиняемые якобы «дрожали за свою участь» ⁹⁸, и пр. Тон изложения действий следственной комиссии осторожный и спокойный. Все обвинения Н. И. Тургенева, содержащиеся в «Донесении», автор записки сводит к девяти основным фактам, которые он вначале просто перечисляет, а затем показывает их полную несостоятельность с точки зрения юридической. В заключение автор записки почти дословно повторяет «общее заключение и вывод», сформулированные Н. И. Тургеневым в «Замечаниях» ⁹⁹. Заканчивает свою записку автор следующими словами: «Так как ныне Тургенева будут судить только по его поступкам, то он, наверно, будет признан невиновным. Толки должны смолкнуть, когда заговорит судебная власть» ¹⁰⁰. Это замечание свидетельствует о том, что записка о Н. И. Тургеневе была написана весной 1830 г., накануне предполагаемого приезда Н. И. Тургенева в Россию для «ревизии процесса». Н. М. Ченцов высказал предположение о принадлежности ее адвокату ¹⁰¹. Попытаемся установить авторство этой записки. 22 апреля 1830 г. Александр Иванович сообщал брату о своем посещении

⁹⁵ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 100.

⁹⁶ Е. И. Тарасов. Указ. соч., стр. 442.

⁹⁷ «Русская старина», 1901, № 12, стр. 649.

⁹⁸ Там же, стр. 674.

⁹⁹ Ср. «Русская старина», 1901, № 12, стр. 679—680 и «Русская старина», 1901, № 11, стр. 339—340.

¹⁰⁰ «Русская старина», 1901, № 12, стр. 680.

¹⁰¹ «Восстание декабристов». Библиография. Л., 1929, стр. 543.

Броглио, который накануне познакомился с «Замечаниями» и уверял, что «не только тебя, но и тех ни к чему нельзя было присудить по тайным обществам. Ничего начато не было: одна болтовня». Александр Иванович сообщил ему о своем желании «отделить из твоих нот все, лично до тебя относящееся, выбросить все, оскорбительное для редактора и для судей, и для следствия, и представить ясно, объяснить законами твою невиновность. Желал бы,— говорил он,— чтобы это сделал Ренуар, защитник Глоба¹⁰², приятель Броглио»¹⁰³. Броглио одобрил намерения А. И. Тургенева, и они договорились о дальнейших действиях. «Тот же Ренуар может другой plaidoyer (защитительную речь) написать и в пользу других,— писал А. И. Тургенев,— почему знать, может быть и пригодится. Но этот можем держать в тайне»¹⁰⁴. В этом же письме Александр Иванович уведомлял брата о согласии Ренуара на составление о нем записки. Ренуар «готов приняться,— писал он,— если для сего не нужно знание русских законов..., завтра отдам ему твой оригинал, если успею взять от Броглио. Теперь примусь переводить на французский записку о тебе, коей нет в рапорте, она будет нужна Ренуару. Нужно для него перевести и письмо Толстого»¹⁰⁵. Николай Иванович полагал, что для Ренуара в первую очередь потребуется «рапорт и мои ноты»¹⁰⁶. Он очень торопил брата ехать в Россию. «Удовольствуйтесь пятью строками от Ренуара и поезжайте. Полный мемуар он может написать после и доставить к вам или ко мне»¹⁰⁷. Он просил также брата предупредить Ренуара, чтобы тот в своей записке не говорил ничего о Толстом, «ибо мы не знаем, можем ли (или, лучше сказать, знаем, что мы можем) полагаться на его письма к вам»¹⁰⁸. Представляет интерес письмо Николая Ивановича к А. И. Тургеневу от 31 мая 1830 г. «Получил записку Ренуара, листов 5,— сообщал он,— ответы его на обвинительные пункты мне понравились. Но вступление его вообще незначительно. К тому же он не понял своей роли. Он должен был бы писать как европеец о процессе варварском, не толковать о криминальности бунтов и заговоров, но как юрист говорить только, что мое обвинение не доказано. Все это теперь не нужно и не занимательно. Его записка, как и прежде... изложение дела... в отношении ко мне, конечно, не бесполезно, т. е. может покойно лежать при моих нотах»¹⁰⁹. Все эти документы были переданы для хранения Александру Ивановичу. «Записку Ренуара

¹⁰² «Le Globe» — французский журнал, с октября 1830 г. стал органом сенсимонизма.

¹⁰³ Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 314, л. 77.

¹⁰⁴ Там же, л. 77—77 об.

¹⁰⁵ Там же, л. 77 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 232, л. 115.

¹⁰⁷ Там же, л. 119.

¹⁰⁸ Там же, л. 175.

¹⁰⁹ Там же, д. 232, л. 130 об.

буду хранить, но почему же,—спрашивал А. И. Тургенев брата,—когда твои хлопоты позволят — не довершить их твоими замечаниями». Он считал, что на записку Ренуара нужно смотреть как на «литературный труд и иметь в виду будущую гласность труда сего»¹¹⁰. Поскольку рассматриваемая нами записка полностью соответствует характеристике, данной братьями Тургеневыми «мемуару Ренуара», думаем, что автором ее был именно этот французский юрист. Она действительно построена на фактическом материале, извлеченном из «Донесения» и «Замечаний», относящимся к Н. И. Тургеневу лично, в ней опущены все оскорбительные выпады против членов следственной комиссии; в отличие от «Замечаний» показание Семенова о составлении Тургеневым нового общества, принятии им новых членов и пр. опровергается не ссылками на справку Я. Толстого, а заявлением, что это показание «противоречит примечанию, в коем говорится, что Николай Тургенев не участвовал в принятии новых членов. Возможно ли основывать столь серьезное обвинение на таких несвязных и противоречивых показаниях?»¹¹¹ Введение к записке Ренуара тоже совпадает с отзывом, данным ему Н. И. Тургеневым. К этому следует добавить следующее: «мемуар Ренуара» в подлиннике пока не обнаружен. Имеется лишь два экземпляра черновой копии, написанные рукой неизвестного. Рукописи эти озаглавлены «Докладная записка императору Николаю о Н. И. Тургеневе»¹¹² (на французском языке). К двум экземплярам рукописи приложены также переводы на французский язык записки о Н. И. Тургеневе и других материалов, о которых упоминал выше А. И. Тургенев в письме брату. Заключение из «обширной и подробной» записки Ренуара Тургенев опубликовал в конце брошюры: «Ответы на IX главу книги „Граф Блудов и его время“ Е. Ковалевского и на статью „Русского инвалида“ о сей книге»¹¹³. Аргументация «мемуара Ренуара» и сама структура этого документа были использованы Тургеневым в его последней оправдательной записке, опубликованной в I томе «России и русских». Неудивительно, что в этом «свидетельстве современника» оказались, по справедливому замечанию М. В. Нечкиной, «столь спутаны, перемешены и затемнены факты декабристского движения»¹¹⁴. Ренуар сводит все обвинения Н. И. Тургенева к «девяти фактам» или обвинительным пунктам, опровергая их в той последовательности, как они изложены в «Донесении». Н. И. Тургенев же в своей последней оправдательной записке делит их на три части: 1) «факты, относящиеся к основанию и распаду Союзу общественного благоденствия»; 2) «факты, от-

¹¹⁰ Там же, д. 314, л. 82 об.

¹¹¹ «Русская старина», 1901, № 12, стр. 673.

¹¹² Рук. отд. ИРЛИ, ф. 309, д. 594.

¹¹³ Опубликовано в Париже в 1867 г.

¹¹⁴ М. В. Нечкина. Указ. соч., т. I, стр. 14.

носящиеся к периоду, следующему за распушением Союза общественного благоденствия»; 3) факты, относящиеся к времени моего отсутствия из России». Однако по своему содержанию эти факты и цитируемые им места «Донесения» следственной комиссии совпадают почти дословно, если не считать некоторых дополнений, внесенных им из своих прежних оправдательных записок ¹¹⁵.

Поскольку небольшая по объему записка Ренуара касалась лично Н. И. Тургенева, он частично использовал его аргументацию, но в основе книги «Россия и русские», рассматривающей общие вопросы декабристского движения и сформулировавшей либеральную концепцию декабризма, лежали «Замечания» Тургенева на «Донесение» следственной комиссии ¹¹⁶, значительно расширенные и дополненные им.

Таким образом, происхождение либеральной концепции сложно и противоречиво. Созданная в целях реабилитации братьями Тургеневыми, Жуковским, Козловским и др. ¹¹⁷, она с начала своего возникновения была построена на ложных и фальсифицированных фактах и преследовала цель скрыть истину. Если первоначально она возникла в противовес правительственной концепции и использовалась Н. И. Тургеневым для критики «Донесения» следственной комиссии, то впоследствии буржуазные историки опирались на либеральную концепцию декабризма в борьбе с революционной историографией.

¹¹⁵ Ср. «Русская старина», 1901, № 12, стр. 654—678 и Н. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 166, 172, 174—184, 191—194, 205—210, 229—233, 240, 254 и др.

¹¹⁶ Ср. Н. И. Тургенев. Россия и русские, стр. 1; Оправдательная записка, стр. 170. Замечания одного из обвиняемых (Н. И. Тургенева) на рапорт следственной комиссии. «Русская старина», 1901, № 8, стр. 275—276.

Там же, стр. 174—175. «Русская старина», 1901, № 9, стр. 623—624.

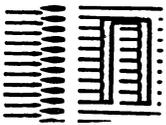
Там же, стр. 205. «Русская старина», 1901, № 10, стр. 208—209.

Там же, стр. 210. Там же, стр. 218 и др.

¹¹⁷ «Я не один составлял записки и замечания по моему делу,— писал Н. И. Тургенев.— Другие делали то же. Между ними, не говоря о брате и о Козловском, коих записки у меня сохранились, я приведу здесь некоторые изъяснения Жуковского, который составил также довольно подробную записку по моему делу. Прилагаю также в конце сей брошюры заключение из обширной и подробной записки, составленной по моему делу одним французским правоведом, г. Ренуаром, ныне одним из самых отличных и достойно уважаемых членов кассационного суда» (Н. И. Тургенев. Ответ на IX главу книги «Граф Блудов и его время» Е. Ковалевского и на статью «Русского инвалида» о сей книге, стр. 17.)

**ИСТОРИКИ
И ИХ ТРУДЫ**

Развитие исторической концепции М. Н. Покровского

Прошло более 30 лет после смерти крупнейшего советского историка Михаила Николаевича Покровского. Развитие его научно-исторической и общественно-политической деятельности представляет собой сложный путь. Начав этот путь историком-идеалистом и буржуазным демократом, он закончил его историком-марксистом, видным деятелем Коммунистической партии и руководителем советских научно-исторических учреждений. Без М. Н. Покровского нельзя себе представить возникновение и развитие советской исторической науки в первые полтора десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции.

Между тем научная деятельность и исторические труды Покровского и при его жизни, и после его смерти вызывали в советской литературе разноречивые суждения.

Ряд историографических статей о М. Н. Покровском появился в 1928 г. в связи с 60-летием со дня его рождения и выдвижением в члены Академии наук СССР¹. На торжественном заседании 25 октября 1928 г., посвященном 60-летию со дня рождения Покровского, А. С. Бубнов, выступавший по поручению ЦК ВКП(б), передал приветствие «старому большевику-ленинцу и выдающемуся марксисту-ученому — М. Н. Покровскому»². В приветствии Института Ленина было сказано, что М. Н. Покровский «нанес сокрушающий удар буржуазной историографии» и «возглавил целую полосу в развитии марксистской исторической мысли»³.

¹ А. В. Шестаков. М. Н. Покровский — историк-марксист; Д. Кин. М. Н. Покровский как историк Октябрьской революции; П. Горин, М. Н. Покровский как историк первой русской революции; Н. Рубинштейн. М. Н. Покровский — историк внешней политики. — «Историк-марксист», 1928, № 9; В. Милютин. М. Н. Покровский (К 60-летию со дня рождения); А. Луначарский. К юбилею М. Н. Покровского. — «Вестник Коммунистической академии», 1928, кн. XXIX (5).

² «На боевом посту марксизма». М., 1929, стр. 21.

³ Там же, стр. 64.

Наряду с признанием действительных заслуг Покровского в развитии советской исторической науки в печати 20-х годов было немало явно преувеличенных похвал. Так, говоря о работах Покровского конца 90-х годов, Н. Л. Рубинштейн в 1924 г. считал, что «к этому времени концепция М. Н. Покровского была уже определенно марксистской»⁴. П. О. Горин вслед за Рубинштейном объявлял Покровского марксистом почти с начала научной деятельности. «М. Н. Покровский,— писал он,— чужд концепций экономического материализма, изжитых им уже к началу XX века»⁵. Е. Кривошеина утверждала, что с именем Покровского связано «создание русской исторической пролетарской науки. Он произвел в буржуазной науке переворот, заложив фундамент марксистской исторической науки»⁶. А. Шестаков придавал такое же значение главному труду Покровского: «„Русской историей с древнейших времен“ М. Н. Покровский по существу произвел целую революцию в исторической науке»⁷.

На рубеже 20-х и 30-х годов в связи с обострением борьбы Коммунистической партии против идеологических течений, враждебных марксизму-ленинизму, усилилась критика ошибочных положений, имевшихся в работах некоторых историков-марксистов, в частности ошибок Покровского. Критика велась как по отдельным историческим проблемам, так и по всей концепции исторического развития России в работах Покровского. Вместе со справедливой критикой ошибок Покровского уже тогда появились попытки опорочить вообще его исторические взгляды, противопоставив их взглядам В. И. Ленина. Например, несправедливо (не учитывая развития взглядов Покровского) в «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского высказывания Покровского о русском империализме квалифицировались как «ревизия ленинизма», «троцкистская проза» и т. п.⁸ В начале 1931 г. имела место попытка повести с историческими взглядами Покровского такую же борьбу, какая велась тогда с взглядами Рубина в политической экономии и взглядами Деборина в философии.

ЦК ВКП(б) не разделял тогда такой оценки трудов Покровского. В апреле 1931 г. он утвердил Покровского председателем нового состава президиума Коммунистической академии и директором Института истории в составе этой академии⁹. Ошибки в работах Покровского не могли заслонить его большие заслуги

⁴ Н. Рубинштейн. М. Н. Покровский — историк России.— «Под знаменем марксизма», 1924, № 11—12, стр. 190.

⁵ П. Горин. М. Н. Покровский.— «Известия ЦИК», 12 октября 1928 г.

⁶ Е. Кривошеина. Воинствующий историк-большевик.— «Известия ЦИК», 25 октября 1928 г.

⁷ А. Шестаков. Пролетарский историк М. Н. Покровский.— «Известия ЦИК», 25 октября 1928 г.

⁸ «История ВКП(б)», т. III, вып. II, изд. 2-е. М.—Л., 1931, стр. 32.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 33, л. 61.

перед Коммунистической партией и советским народом. Центральный Комитет партии отдал ему должное, когда опубликовал в 1932 г. о его смерти следующее сообщение: «ЦК ВКП(б) с глубокой горестью извещает о смерти виднейшего представителя старой большевистской гвардии, активного участника революции 1905 года и Октябрьской пролетарской революции, непримиримого оорца за генеральную линию партии, всемирно-известного ученого-коммуниста, виднейшего организатора и руководителя нашего теоретического фронта, неустанного пропагандиста идей марксизма-ленинизма»¹⁰.

Советская общественность, советские научно-исторические учреждения и историческая печать были тогда единодушны в такой оценке деятельности Покровского¹¹. Подобную же оценку мы находим в обобщающих материалах о положении советской исторической науки и ее ближайших задачах вплоть до начала 1934 г.¹²

В 1932—1934 гг. продолжалось издание работ Покровского, вышло пять посмертных изданий его «Русской истории в самом сжатом очерке». В биографической справке о Покровском, которой открывались все эти издания «Сжатого очерка», о работах Покровского — «Русская история с древнейших времен» и первой части «Очерков истории русской культуры» — говорилось, что в них «...дается блестящий марксистский анализ русского исторического процесса»¹³. Коммунистическая академия создала редакционную коллегию по изданию сочинений М. Н. Покровского под председательством А. С. Бубнова, которая опубликовала некоторые его труды¹⁴.

К середине 30-х годов в советской исторической науке назрел важный перелом. С ликвидацией эксплуататорских классов внутри страны исчезла социальная база для появления буржуазной идеологии. Советская историческая наука разгромила буржуазную историографию во всех ее проявлениях. Советские историки сплотились на единой идейной базе марксизма-ленинизма. Борьба за завершение построения социалистического общества, защита социалистического отечества от подготавлива-

¹⁰ «Правда», 12 апреля 1932 г.

¹¹ «Большевик», 1932, № 4—5; «Вестник Коммунистической академии», 1932, № 4—5; «Историк-марксист», 1932, т. 1—2; «Борьба классов», 1932, № 4; «Памяти Михаила Николаевича Покровского (1868—1932)». М., 1932.

¹² «Научная сессия Коммунистической академии, посвященная деятельности со дня смерти В. И. Ленина». — «Вестник Коммунистической академии», 1934, № 1; А. М. Панкратова. Новые проблемы исторической науки в СССР. — Там же.

¹³ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932, стр. 5; Он же. Указ. соч., ч. I, II, изд. 5-е. М., 1934, стр. IX.

¹⁴ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки), вып. I, II. М.—Л., 1933; М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I—IV. (М.). 1933—1934; М. Н. Покровский. Империалистическая война. М., 1934.

гося нападения империалистов, воспитание советского патриотизма — все это ставило перед советской исторической наукой новые задачи. Историческое образование должно было получить гораздо более широкое распространение. В этих условиях ошибки Покровского, в частности его неправильное понимание значения в истории России национально-освободительной борьбы с чужеземными захватчиками, стали нетерпимыми. В решениях ЦК ВКП(б) 1934—1938 гг. была дана резкая, но в сущности справедливая критика состояния исторической науки. В сообщении о решении Совнаркома и ЦК ВКП(б) говорилось о распространении «среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе» М. Н. Покровского»¹⁵.

Решения ЦК ВКП(б) были приняты в период культа личности Сталина и связанных с ним нарушений ленинских норм партийной и государственной деятельности, что отразилось и в формулировках, определявших ошибки Покровского¹⁶. Во второй половине 30-х гг. были оклеветаны и необоснованно репрессированы видные советские историки: Н. М. Лукин, С. А. Пионтовский, П. О. Горин и др., в прошлом вместе с Покровским возглавлявшие советские научно-исторические учреждения. Против Покровского в конце 30-х гг. были выдвинуты тяжкие обвинения. Он был объявлен, как об этом говорилось на XXII съезде КПСС, — «главой антимарксистской школы в исторической науке и все его труды громились как проявление вульгарного социологизма, экономического материализма и буржуазной историографии»¹⁷.

12 января 1939 г. в «Правде» была опубликована статья Ем. Ярославского «Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» М. Н. Покровского», в которой речь шла собственно только о работах самого Покровского. Институт истории Академии наук СССР подготовил и издал в 1939 г. сборник статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского», а в 1940 г. выпустил новый сборник как 2-ю часть первого, но под названием «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». С тяжелым чувством автор настоящей статьи вспоминает сейчас об этом сборнике, где была опубликована и его статья с критикой высказываний Покровского по истории гражданской войны 1918—1920 гг.¹⁸ Некоторые

¹⁵ «Правда», 27 января 1936 г.; «К изучению истории». М., 1937, стр. 21.

¹⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III. М., 1954, стр. 317—318.

¹⁷ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. II. М., 1962, стр. 185.

¹⁸ Е. А. Луцкий. Извращение М. Н. Покровским истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР (1918—1920 гг.). — «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. 2. М.—Л., 1940, стр. 457—485.

взгляды Покровского по этому вопросу автор с основанием критиковал еще при его жизни¹⁹. В статье, опубликованной в 1940 г., автор подверг критике ошибочные положения по истории гражданской войны, имевшиеся в работах Покровского первой половины 20-х годов, но не проследил за дальнейшим развитием его взглядов, а главное — необоснованно обобщил ошибки Покровского и сделал вывод о его «антиленинской методологии и небольшевизме».

Выводы названных сборников Института истории о Покровском развивались в последующих работах советских историков²⁰. В годы Великой Отечественной войны в некоторых работах проявилась тенденция под флагом критики Покровского реабилитировать великодержавные взгляды русской буржуазной историографии. Отдельные историки предприняли попытки обвинить Покровского в пренебрежительном отношении вообще к русской истории и русскому народу, в «моральном разоружении русского народа»²¹.

После Великой Отечественной войны, в годы наибольшего развития культа личности Сталина, значение научной деятельности Покровского в развитии советской исторической науки было еще более принижено. Статья о Покровском во втором издании Большой Советской Энциклопедии как бы подвела итог осуждению Покровского и сделала вывод о том, что «деятельность М. Н. Покровского сыграла некоторую положительную роль в борьбе с буржуазной историографией, но вместе с тем принесла значительный вред развитию советской историографии и подготовке историков-марксистов»²².

Даже после XX съезда КПСС, выступившего против идеологии культа личности, тормозившей развитие общественных наук, в том числе исторической науки, многие советские историки, догматически понимая формулировки упомянутых документов ЦК ВКП(б) 1936 и 1938 гг., продолжали рассматривать исторические взгляды Покровского в общем как антимарксистские и антиленинские²³. Но в последние годы некоторые советские исто-

¹⁹ Е. А. Луцкий. К вопросу о периодизации гражданской войны и «военного коммунизма». — «Музей Революции СССР. Четвертый сборник статей». М., 1932, стр. 139—140. В основу статьи, подготовленной зимой 1931/32 г., лег доклад, прочитанный в Музее Революции СССР.

²⁰ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, гл. 34. [Б. м.], 1941; «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.—Л., 1942. Статья А. М. Панкратовой, Д. Б. Грекова и др.

²¹ Е. В. Тарле. О советской историографии. — «Юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 26-летию Великой Октябрьской социалистической революции». М.—Л., 1943, стр. 154.

²² БСЭ, т. 33, стр. 492.

²³ М. Е. Найденов. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии. — «Вопросы истории», 1957, № 10, стр. 171; он же. Великая Октябрьская социалистическая революция в освещении советской (русской) исторической литературы. — «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». [М.], 1957, стр. 305; В. Г. Рус-

рики, инициатором среди которых был С. М. Дубровский, выступили против такой односторонней и неправильной оценки трудов Покровского²⁴.

XXII съезд КПСС выправил ошибки в оценке деятельности видного историка-марксиста, старого большевика М. Н. Покровского. «В его научной, как и политической деятельности,— отмечалось на съезде,— было немало ошибок. Это верно, это надо, конечно, учитывать. Но ведь хорошо известно, что он отстаивал марксизм и внес большой вклад в разработку отечественной истории»²⁵.

В советской печати после XXII съезда уже появились новые работы об историке-марксисте М. Н. Покровском, его исторических трудах и значении их в развитии советской исторической науки²⁶. Но это только начало. В некоторых работах марксистские взгляды Покровского трудно разглядеть за подробным разбором «ошибочных положений в концепции М. Н. Покровского»²⁷.

Советским историографам предстоит при разработке истории отечественной исторической науки провести обстоятельное исследование общественно-политической и научно-исторической деятельности Покровского. Было бы полезно переиздать его сочинения по вопросам истории, имевшие большое значение в борьбе против буржуазно-идеалистических исторических концепций и в разработке марксистской концепции. Особенно важно выявить и исследовать неопубликованные материалы: наброски статей,

лякова. Борьба с фальсификацией и вульгаризацией истории Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1937 гг.).— «Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии». М., 1958, стр. 249, 250; В. Ф. Инкин, А. Г. Черных. О первом этапе развития советской исторической науки.— «История СССР». 1960. № 5, стр. 76, 81; М. Е. Найденов. Проблемы периодизации советской исторической науки.— «История СССР», 1961, № 1, стр. 87, 90; «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1961, стр. 473, 480 (гл. 29 о М. Н. Покровском написана А. С. Рословой)

²⁴ С. И. Дубровский. Доклад о М. Н. Покровском. Стенограмма заседания Ученого совета Государственного Музея Революции СССР 30 августа 1958 г., посвященного 90-летию со дня рождения М. Н. Покровского; М. В. Нечкина. О периодизации истории советской исторической науки.— «История СССР», 1960, № 1, стр. 83—85; Е. А. Луцкий. Основные принципы периодизации развития советской исторической науки.— «История СССР», 1961, № 2, стр. 110—112; М. В. Нечкина, Ю. А. Поляков, Л. В. Черепнин. Некоторые вопросы истории советской исторической науки.— «Коммунист», 1961, № 9, стр. 61—62, 63.

²⁵ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. II, стр. 185; см. также: М. А. Сулов. XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук.— «Коммунист», 1962, № 3, стр. 21.

²⁶ С. М. Дубровский. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки.— «Вопросы истории», 1962, № 3; О. Соколов. Об исторических взглядах М. Н. Покровского.— «Коммунист», 1962, № 4. См. также «Вопросы истории», 1963, № 8.

²⁷ А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Курс лекций. Л., 1962, стр. 189—208.

тезисы, письма Покровского, протоколы и стенографические отчеты заседаний с обсуждением его трудов и др., хранящиеся в советских архивах, в частности в личных фондах Покровского²⁸. Без этих материалов невозможно изучение развития исторических взглядов Покровского в последние годы его жизни.

В настоящей статье автор ставит задачу, прослеживая общественно-политическую деятельность и рассматривая основные научно-исторические труды Покровского, показать общее развитие его исторической концепции.

* * *

М. Н. Покровский родился в Москве 17 августа 1868 г. Отец и дед его были чиновниками, а прадед — священником. Учился он в одной из московских классических гимназий. В университете все внимание студента Покровского было отдано учебным занятиям, прежде всего по истории, как всеобщей, так и русской. Большое влияние оказал на Покровского тогда еще сравнительно молодой буржуазный историк П. Г. Виноградов, известный своими исследованиями общественно-экономической истории западноевропейского феодализма, а также В. О. Ключевский, возглавлявший кафедру русской истории. Интерес к экономической истории, воспринятый Покровским у Ключевского, послужил первой ступенью в отходе Покровского от идеалистического понимания истории. Окончив университет, Покровский начал преподавать историю в средних учебных заведениях. В середине 90-х гг. он читал курс лекций в «Обществе воспитательниц и учительниц» (под таким названием действовали закрытые тогда Высшие женские курсы). Тогда же началась публикация научно-исторических трудов Покровского. В 1896 г. в первом томе «Книги для чтения по истории средних веков», составленной кружком преподавателей под редакцией П. Г. Виноградова, была опубликована статья Покровского «Восстановление Западной Римской империи». За 1896—1899 гг. в четырех томах этого издания было помещено восемь статей Покровского. Для сборника статей «Русская история с древнейших времен до смутного времени», изданного под редакцией Н. Н. Сторожева в 1898 г., Покровский подготовил статью «Описание экономического быта в „Русской правде“».

В исторических работах Покровского конца 90-х годов ясно видно влияние марксизма, который он внимательно изучал, когда начал читать лекции на Женских курсах и работать в науч-

²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 147; Отдел рукописных фондов Института истории Академии наук СССР (далее — ОРФ ИИАН); Отдел фондов Государственного музея революции СССР, а также фонды учреждений и организаций, возглавлявшихся М. Н. Покровским: Президиума Коммунистической академии, Института красной профессуры, Общества историков-марксистов и др.

ных обществах. «Только читая уже лекции,— писал Покровский в 1921 г.,— я занялся серьезно изучением марксизма, первые годы, несомненно, сбиваясь на ревизионизм». Покровский прикнул к модному буржуазно-либеральному направлению, известному под названием «легального марксизма». Позже Покровский понял, что это был «не революционный и, значит, не настоящий марксизм»²⁹.

Отход Покровского от господствующей исторической школы означал вместе с тем переход в оппозицию политическому строю царской России. Это проявилось в лекционной и общественной работе Покровского. Осенью 1902 г. учебный округ запретил ему читать лекции. В 1903—1904 гг. он примыкал к «освобожденцам» и писал статьи для их изданий, одна из которых вышла в свет уже в 1905 г. Эти статьи показывают, что он стоял тогда в понимании русской истории в общем на буржуазно-идеалистических позициях. Так, в последней статье он писал о России XVII в.: «Власть в силу внешних политических условий организовалась раньше общества»³⁰. Буржуазно-либеральные журналы с одобрением встретили эти статьи Покровского³¹. Но его все больше привлекало развитие рабочего и революционного движения. В 1904 г. Покровский порвал с «освобожденцами» и принял участие в московском легальном марксистском журнале «Правда», в котором сотрудничал ряд большевиков.

В большой статье он разобрал только что изданную в русском переводе книгу Г. Риккерта, отрицавшего закономерность исторического развития. «Страх перед надвигающейся волной социализма — вот, что дает основной фон исторической метафизике Риккерта. ...Книга Риккерта, несомненно, займет видное место в литературе как один из памятников буржуазной реакции начала XX в.»³² — таков был вывод Покровского. В другой статье он подверг критике «Курс русской истории» (часть I) Ключевского за эклектизм в его методологии и буржуазно-идеалистическое понимание взаимоотношения политического и экономического факторов в истории³³. Большое значение для последующей деятельности Покровского имело его сближение в «Правде» с И. И. Скворцовым-Степановым. Идейным руководителем в жур-

²⁹ ОРФ ИИАН, ф. М. Н. Покровского, д. 42.

³⁰ М. Н. Покровский. Местное самоуправление в древней Руси.— «Мелкая земская единица». СПб., 1903; он же. Земский собор и парламент.— «Конституционное государство». СПб., 1905.

³¹ См. обзор отзывов: М. Ипполитов. Вопрос о мелкой земельной единице в литературе.— «Мелкая земельная единица в 1902—1903 гг.», вып. 2. СПб., 1903, стр. 202—232.

³² М. Н. Покровский. «Идеализм» и «законы истории» (Генрих Риккерт. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. Пер. с нем. А. Водена. СПб., 1904). — «Правда», февраль-март 1904 г.; М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II, стр. 43.

³³ Там же, стр. 48.

нале был А. А. Богданов, который как раз в эти годы начал сходиться с философских позиций марксизма, воспринимая философию «критического опыта» — эмпириокритицизм. Влияние эмпириокритицизма проявлялось в упомянутой философско-исторической статье Покровского.

Наступил 1905 год. Решительная борьба пролетариата во главе с большевиками всколыхнула всю страну. Либералы искали соглашения с царизмом. Демократические круги интеллигенции присоединялись к революционному движению, некоторые из них участвовали в революционной борьбе пролетариата и его партии. Покровский был таким представителем русской интеллигенции. «Мои убеждения, — говорил он в 1928 г., — искренние и научные, но резко демократические вовлекли меня в революцию. Я вошел в единственную революционную партию, которая была, — в партию большевиков. Все остальные не были настоящими революционными партиями»³⁴. В апреле 1905 г. в Москве он вступил в лекторскую и литераторскую группу при Московском Комитете большевиков. Дата вступления Покровского в эту группу считается датой его вступления в партию большевиков³⁵.

Покровский был одним из наиболее популярных лекторов группы, так же как И. И. Скворцов-Степанов, И. А. Рожков и В. М. Фриче. В это же время Покровский активно участвовал в общественно-демократическом движении учителей.

Летом 1905 г. по поручению Московского Комитета большевиков Покровский ездил в Швейцарию. В Женеве он оказался в основном центре, откуда направлялась вся работа партии большевиков. Там он познакомился и беседовал с В. И. Лениным и Н. К. Крупской. Поездка в Швейцарию к В. И. Ленину много дала Покровскому для более глубокого понимания задач пролетарской партии в нараставшей тогда революции. В Женеве его основательно нагрозили нелегальной литературой. Пограничная стража и таможенные чиновники ничего не заметили. Литературу Покровский привез в Москву благополучно. В Москве он снова принялся за работу в лекторской группе.

После издания царем манифеста 6 августа 1905 г. об учреждении законосовещательной Государственной думы партия большевиков поставила задачу разрушить конституционные иллюзии, распространяемые либералами среди трудящегося народа, и активным бойкотом сорвать булыгинскую Думу. Активное участие в решении этой задачи принимал и Покровский. «С большим, помнится, успехом, — писал он, — я проделал это на тысячном собрании в инженерном училище, где будущие кадеты (их партия образовалась неделями двумя позже) пробовали выступать за выборы по булыгинскому закону, приглашая «использо-

³⁴ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II, стр. 299.

³⁵ М. Н. Покровский. Литераторская группа МК в 1905 г. — «Известия ЦИК», 25 декабря 1925 г.

вать новую уступку». Я доказывал, что никакой уступки и в поmine нет, и помню, что публика очень мне сочувствовала, а кадеты никакой поддержки не получили»³⁶.

Большевики начали издавать легальные газеты. В Москве с 27 ноября 1905 г. стала выходить большая ежедневная газета «Борьба». Редакция состояла из Скворцова-Степанова, Покровского и Рожкова. Покровский написал для «Борьбы» несколько статей. В № 1 была опубликована его статья «Революционная буржуазия», в которой он бичевал попытки буржуазии выдать себя за революционную силу. В ярком, остроумном памфлете «Марксисты, которые...» Покровский на примере Струве показал историю ренегатства одного из течений русского буржуазного либерализма.

В ночь на 7 декабря 1905 г. дежурным членом редакционной коллегии, выпускающим последний (9-й) номер газеты, был Покровский. В этом номере было опубликовано воззвание Московского Комитета РСДРП и Московского Совета рабочих депутатов «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», призывавшее к всеобщей стачке и вооруженному восстанию.

Во время вооруженного восстания Долгоруковская улица (ныне Каляевская), где жил Покровский, была перегорожена шестью баррикадами. Баррикады были построены и в прилегающих переулках. Покровский поддерживал связь с местной боевой дружиной. В доме, где он жил, находился перевязочный пункт восставших, частью расположенный в его квартире. Полиции об этом стало известно. Тайный агент донес о хранении у него оружия. После подавления восстания 23 декабря 1905 г. Покровский был арестован, но обыск не дал никаких результатов, и через несколько дней он был отпущен.

Во время Октябрьской стачки и подготовки к вооруженному восстанию, завершившейся декабрьскими боями, Покровский, как никогда раньше, близко подошел к рабочим, став участником их великой борьбы. «Я выступал перед рабочими в качестве пропагандиста,— говорил Покровский, когда отмечалось его 60-летие,— но фактически они меня учили, потому что только в рабочей борьбе 1905 г. я увидел перед собой действительно то настоящее массовое движение, ту настоящую классовую борьбу, о которой я раньше только читал в книгах...»³⁷ С большим основанием Покровский говорил, что рабочие массы сделали его «из экономиста-материалиста и буржуазного демократа настоящим марксистом»³⁸.

Поражение Декабрьского восстания московские большевики не считали поражением революции. Они готовились провести

³⁶ Там же.

³⁷ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II, стр. 299.

³⁸ Там же, стр. 300.

бойкот выборов в Государственную думу и собирали силы для нового, более тщательно подготовленного вооруженного восстания. Прежде всего необходимо было изучить итоги Декабрьского восстания, чтобы использовать его опыт. Литераторская группа в январе 1906 г. выпустила сборник «Текущий момент». Покровский поместил в нем две статьи. Статья «Военная техника и вопрос о милиции» создала Покровскому в партийных кругах известность «военного теоретика». Он был включен в боевую организацию при Московском Комитете партии, возглавлявшуюся членом Комитета З. Н. Доссером («Лешим»). В. И. Ленин придавал большое значение военной работе Московской организации. Во время своего приезда в Москву в марте 1906 г. он присутствовал на совещании представителей Московской боевой организации и Московского военно-технического бюро.

В 1906 г. продолжалась литературная работа Покровского. Он вошел в редакционную коллегию легальной ежедневной большевистской газеты «Светоч». Литераторская группа Московского Комитета большевиков начала издавать серию книг и брошюр «Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии». Третьим выпуском вышла брошюра Покровского «Экономический материализм».

В то время понятие экономического материализма нередко употреблялось в большевистской легальной печати для обозначения революционного марксизма. Брошюра означала большой шаг вперед в развитии марксистского мировоззрения Покровского. Он критиковал вульгарных «экономических материалистов» и историков-идеалистов. Покровский правильно отмечал недостаточность чисто экономического объяснения истории и указывал на решающее значение классовой борьбы в истории.

Царская цензура сумела разобраться в революционно-марксистском содержании работы Покровского. В то время как произведение «легальных марксистов» на подобную тему издавались свободно, Московский комитет по делам печати 17 июля 1906 г. просил прокурора утвердить арест на брошюру Покровского и привлечь виновных в издании к ответственности³⁹. Работа страдала и серьезными недостатками, автор еще не изжил до конца идеи экономического материализма, воспринятого от «легальных марксистов» и философского идеализма.

Летом 1906 г. для московских большевиков наступили горячие дни. После роспуска 8 июля I Государственной думы усилилось наступление сил контрреволюции. В это напряженное время Покровский вошел в состав Московского Комитета партии. В начале августа 1906 г. прошли аресты большевиков. Арест угрожал и Покровскому. «Я должен был исчезнуть с горизон-

³⁹ «Красный архив», 1932, № 3(52), стр. 11—12.

та», — писал он в своих воспоминаниях⁴⁰. В Москву он вернулся в октябре 1906 г.

В конце 1906 г. началась кампания по выборам во II Государственную думу. Большевики участвовали в избирательной кампании и в заседаниях Думы для того, чтобы использовать ее для революционной агитации и пропаганды. Статьи Покровского, умело проводя указания В. И. Ленина, теперь направляли главные удары против меньшевистской тактики заключения избирательных соглашений с кадетами. В статье «Кадеты и соглашения» он метко и образно показал различия избирательных платформ большевиков, меньшевиков и кадетов, закончив статью словами: «Итак перед вами стоят три лозунга: „Учредительное собрание“ — или вся власть народу. „Полновластная дума“ — как четверть власти народу, три четверти власти крупной буржуазии. И, наконец, третий, последний, самый простой и понятный лозунг: „портфели кадетам!“ „Вся власть буржуазии, никакой власти народу. Граждане, выбирайте!“»⁴¹.

Кроме литературной работы, Покровский по-прежнему выступал с лекциями и докладами. За два месяца избирательной кампании он провел 40 собраний. В это же время, в конце 1906 — начале 1907 г., он читал рабочим лекции по русской истории и истории революционного движения. Много позже, в 1928 г., он рассказывал: «...книжка... „Русская история в самом сжатом очерке“ зародилась у меня на московских пропагандистских курсах в 1907 году, где я читал рабочим „Теорию музыки“, так это называлось, другого читать было нельзя. Тут я вспомнил, что меня когда-то в детстве обучали игре на рояли. Правда, из этого, кроме моего отвращения к этому инструменту, ничего не получилось, но тем не менее я надеялся, собрав кое-какие воспоминания, перед теми, кто придет контролировать, изобразить музыканта. Но они не пришли, к сожалению, они просто догадались, чем мы занимаемся, и прикрыли эти курсы»⁴².

На рабочих собраниях полюбили этого лектора. Мало кто из слушателей знал, что перед ними член Московского Комитета социал-демократической партии, никто не знал, что он член боевой организации при Комитете. Рабочие видели человека лет под сорок с интеллигентным и даже профессорским видом. В своих воспоминаниях он писал, что «товарищи полшутя, полусерьезно приписывали моей наружности то обстоятельство, что меня редко арестовывали: как такого солидного человека тронуть?»⁴³.

От московской социал-демократической организации Покровский был избран на V съезд РСДРП. На съезде в Лондоне, засе-

⁴⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 12, л. 2.

⁴¹ «Вопросы дня», 2 декабря 1906 г.

⁴² М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II, стр. 300.

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 147, д. 12, л. 3.

давшем с 30 апреля по 19 мая 1907 г., Домов (под такой фамилией выступал Покровский) твердо проводил линию большевиков⁴⁴. Он был избран на съезде кандидатом в члены ЦК РСДРП, а вскоре был назначен членом редакции центрального органа партии. Большевицкая фракция съезда избрала его в Большевицкий центр, возглавляемый В. И. Лениным.

Съезд закончился в обстановке спада революции. Указом царя 3 июня 1907 г. была распущена II Государственная дума и утверждено новое положение о выборах в Думу. События 3 июня означали победу реакции и поражение первой русской революции.

Покровский вернулся в Москву в конце мая 1907 г. Сразу же по приезде он должен был перейти на нелегальное положение и скрываться на дачах под Москвой. На рассвете 2 июня полиция нагрянула на квартиру Покровского на Долгоруковской улице и перевернула там все вверх дном.

Большевицкий центр, избранный на V съезде РСДРП, разместился в местечке Куоккала (ныне Репино) на территории Финляндии, но недалеко от Петербурга. Сюда же вызвали и Покровского. В конце августа 1907 г. он переехал из-под Москвы в Териоки (ныне Зеленогорск). Из Териок он часто ездил в Куоккалу, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Сюда же часто приезжали другие большевики для совещания с В. И. Лениным. Из Териок Покровский ездил в Гельсингфорс (Хельсинки) на IV конференцию РСДРП, собравшуюся в ноябре 1907 г.

В это время реакция все более усиливалась. Полиция разыскивала В. И. Ленина. Покровский помог В. И. Ленину выехать из Куоккалы. «Я захватил,— писал он в своих воспоминаниях,— не особенно тяжелый ленинский чемоданчик, отправился с ним на станцию, купил билет и занял место в вагоне поезда, шедшего в Гельсингфорс. Шпики, в изобилии населявшие платформу станции Куоккала, не уделили мне ни малейшего внимания, так как я каждый день ездил из Териок, где я жил, в Куоккалу, где помещался наш штаб, и обратно. За несколько секунд до отхода поезда на платформе появился человек в нахлобученной меховой шапке и с поднятым воротником, тоже не обративший на себя ничего особенного внимания, вошел в мое купе, я передал ему билет, а сам вышел обратно на платформу... Поезд тронулся»⁴⁵. В. И. Ленина устроили в Огльбю, небольшой станции около Гельсингфорса. В конце декабря 1907 г. он уехал в Женеву. Покровский же остался в Финляндии, где прожил до осени 1909 г., а затем переехал в Париж.

Поражение революции 1905—1907 гг. и победа реакции вызвали в формально объединенной социал-демократической пар-

⁴⁴ «Пятый съезд РСДРП», изд. 2-е. М., 1935, стр. 35, 68—69, 309—312, 439—440, 493, 496—497, 504.

⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 12, л. 6.

тии идейный разброд, а затем и организационный раскол. Большевики не верили в возможность нового подъема революции и отрекались от революционной борьбы. Задачи рабочего класса они сводили к борьбе за буржуазные реформы, осуществляемые через Государственную думу. Они стремились к ликвидации нелегальной революционной партии пролетариата и замене ее легальной реформистской партией. С другой стороны, некоторые большевики, в частности богдановская группа «Вперед», не поняли необходимости использования легальных возможностей для революционной работы: участия в Государственной думе, профсоюзах и других легальных организациях. Они требовали отозвать социал-демократов из Государственной думы.

Большевики во главе с В. И. Лениным повели решительную борьбу на два фронта — с ликвидаторами и отзовистами. В этой напряженной борьбе Покровский стал на сторону группы А. А. Богданова, но, разобравшись в ошибочности ее установок, порвал с ней в 1911 г. Выйдя из группы «Вперед», Покровский не сразу нашел в себе силы, чтобы до конца признать свои ошибки и вернуться к большевикам. В 1911—1916 гг. он сотрудничал в некоторых троцкистских изданиях. Правда, участие Покровского в подобных изданиях выразилось лишь в публикации статей по вопросам истории России.

Большевики охотно привлекали Покровского к участию в большевистских изданиях. Центральный орган партии — газета «Социал-демократ», руководимая В. И. Лениным, поместила в 1910 г. статью Покровского о франко-русском союзе, а большевистский журнал «Просвещение» в 1914 г. — его статью о русском империализме⁴⁶. В. И. Ленин старался помочь Покровскому выйти на правильный путь.

С началом империалистической войны Покровский сразу занял пораженческую позицию по отношению к царскому правительству, втянувшему Россию в войну. С 1915 г. он был в постоянной переписке с большевистской газетой «Социал-демократ» и вел работу по изданию большевистской литературы.

В 1916 г. Покровский помог В. И. Ленину издать его работу «Империализм, как высшая стадия капитализма». Петроградское издательство «Парус», в котором активным участником был А. М. Горький, решило издать легальную серию брошюр под названием «Европа до и во время войны», которая должна была раскрыть широким кругам читателей смысл происшедшей войны. Горький просил Покровского организовать подготовку брошюр силами русских литераторов-интернационалистов, находившихся за границей. Покровский предложил В. И. Ленину

⁴⁶ М. Н. Покровский. Русский империализм в прошлом и настоящем.— «Просвещение», 1914, № 1, стр. 18—27.

издать его работу об империализме в качестве вводной брошюры в этой серии.

В. И. Ленин, усиленно работавший над литературой об империализме еще с сентября 1914 г., охотно взялся написать такую брошюру. Вся переписка В. И. Ленина с издательством о сроках представления работы и ее содержании велась через Покровского, который был издательским редактором брошюры В. И. Ленина. В. И. Ленин хорошо понимал значение усилий Покровского в издании его работы. В открытке 3 января 1917 г. он писал ему: «Уважаемый Михаил Николаевич! Получил Вашу открытку, очень Вам благодарен за хлопоты о спасении моей брошюры. Ей-ей, Вы напрасно думаете, что я Вас хоть сколько-нибудь обвиняю. Ничего подобного! Я уверен, что без Вашего вмешательства было бы гораздо хуже, ибо издатель, очевидно, слушается „случайных“ советов из обывательского лагеря. Ничего не поделаешь. Хорошо и то, что Вам удалось все же отстоять известную (и очень большую) долю»⁴⁷.

Покровский был прав, когда писал в своих воспоминаниях: «Фактически во время войны я был уже опять большевиком — хотя оформил свои отношения к партии только вернувшись на родину в сентябре 1917 г.»⁴⁸ Большой ученый, историк-марксист снова занял свое место в рядах партии большевиков.

В период после поражения революции 1905—1907 гг. до империалистической войны Покровский создал свои наиболее значительные труды по русской истории, которая стала его научной специальностью. С 1907 по 1910 г. печатались его статьи в девяти томной «Истории России в XIX веке», выпускавшейся в Москве буржуазно-либеральным издательским товариществом братьев Гранат. Во время своей финляндской эмиграции он усиленно работал над обобщающим многотомным трудом по русской истории. Первые две книги, составившие первый том его «Русской истории с древнейших времен», вышли в 1910 г., а весь труд (в пяти томах, десяти книгах) издательское товарищество «Мир» издало в Москве в 1910—1913 гг. и в 1913—1914 гг. осуществило второе издание всех томов, кроме последней 10-й книги, составлявшей вторую часть пятого тома. Наконец, в 1915 г. то же издательство выпустило первую часть его сводного труда «Очерки истории русской культуры». В эти же годы в новом, седьмом издании «Энциклопедического словаря» товарищества братьев Гранат было опубликовано более 30 его статей о различных исторических деятелях и исторических событиях.

Уже первые статьи Покровского в «Истории России в XIX веке»⁴⁹ привлекли большое внимание. Впервые в русской

⁴⁷ «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, стр. 33.

⁴⁸ ОРФ ИИАН, ф. М. Н. Покровского, д. 42.

⁴⁹ М. Н. Покровский. Россия в конце XVIII века. Хозяйство. Общество. Государственная власть. Павел Петрович. Александр I. Декабристы (в со-

легальной исторической литературе политика царского правительства объяснялась интересами господствующего класса помещиков. Буржуазные историки выступили против попытки Покровского раскрыть классовый характер идей декабристов. Кадетский историк А. А. Кизеветтер писал, например, что «радикализм Сперанского и декабристов тускнеет и проигрывает и из смелых новаторов своей эпохи они превращаются под пером нашего историка в выразителей самых рядовых стремлений современной им общественной массы»⁵⁰. Главный упрек Кизеветтера состоял в том, что Покровский «поддался искушению превратить науку в служанку партийной полемики»⁵¹. В. И. Семевский — писатель народнического направления, говоря о планах декабристов об освобождении крестьян с землей, полагал, что историк «едва ли имеет право клеймить членов Северного общества укором, что они руководствовались в этом деле эгоистическими словесными интересами, как это делают г.г. Покровский и К. Левин»⁵².

Историки-марксисты поддержали Покровского. Большевик М. Ольминский писал в рецензии на «Историю России в XIX веке»: «Первое место по их важности нужно отвести статьям М. Н. Покровского... Вопреки ходячему противопоставлению общества и государства, общества и самодержавия, общества и бюрократии, вопреки ходячим представлениям вообще М. Н. Покровский признает, что личная форма управления есть только форма, что основной пружиной являются не личные а классовые интересы при этой форме, как и при всякой другой»⁵³. Но Ольминский критиковал статью о декабристах за то, что она «недостаточно подчеркивает причину нерешительных действий декабристов, их боязнь народа, вызываемую желанием сохранить дворянские доходы и многие преимущества»⁵⁴.

Большая часть статей Покровского в «Истории России в XIX веке» была посвящена истории внешней политики России. Они представляли первую попытку в русской исторической литературе, после статей и отдельных замечаний по этой теме К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, показать внешнюю политику царского правительства как политику, тесно связанную и определяемую внутренней политикой господствующего класса.

авторстве с К. Н. Левиным).— «История России в XIX веке», т. I. М., [1907].

⁵⁰ А. Кизеветтер. Царствование Александра I в новом освещении.— «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 108.

⁵¹ Там же, стр. 118. Возражения М. Н. Покровского см.: «О веяниях времени». [СПб.], 1908, стр. 104.

⁵² В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 623.

⁵³ «Современный мир», 1908, № 1, стр. 137—138.

⁵⁴ Там же, стр. 137.

Статьи Покровского не были свободны от недостатков с марксистской точки зрения. Классовый характер внешней политики определялся схематично, без должного конкретно-исторического рассмотрения условий, ее определявших. Впоследствии Покровский в послесловии к советскому изданию этих статей признавал, что «...международным отношениям дается в них освещение не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных социальных групп (точка зрения Маркса в его статьях о внешней политике), сколько от идеологии этих групп. Дворяне будто бы ведут свою „феодалную“ политику, промышленный капитал — свою „либеральную“ и т. д.»⁵⁵.

«Русская история с древнейших времен» Покровского была первой попыткой систематического научного изложения истории России с материалистической, классовой пролетарской точки зрения. Для своего времени это было большое достижение исторической науки. Труд Покровского нанес сильный удар буржуазно-дворянской историографии. Он был прямо направлен против наиболее популярного в буржуазной историографии «Курса русской истории» Ключевского, изданного в 1904—1910 гг.

На большом конкретном материале Покровский показал научную несостоятельность теории самобытности истории России, поскольку историческое развитие России прошло, хотя и с особенностями, через те же этапы, что и развитие других стран Европы. «Русская история с древнейших времен» последовательно раскрывала политику господствующих классов — помещиков, купцов, капиталистов.

Одним из недостатков большого труда Покровского было преувеличение значения торговли и торгового капитала в истории России, которое затрудняло выяснение развития и смены общественно-экономических формаций.

В трудах В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России» показано большое значение торгового капитала для развития промышленного капитализма. На конкретном материале экономики России он показал, как с развитием товарного хозяйства возникает торговый капитал, который порабощает массу мелких производителей и в дальнейшем организует капиталистическую мануфактуру: «...торговый капитал становится индустриальным и организует крупное машинное производство»⁵⁶. В. И. Ленин упоминал и «эпоху торгового капитализма» как время господства торгового капитала, поднимавшего войны за рынки и захват добычи, становившейся затем товаром⁵⁷.

⁵⁵ М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1929, стр. 390.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 223.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 364.

Но у Покровского обмен, существовавший и при феодальном, в основном натуральном, хозяйстве смешивался с товарным производством, а развитие торгового капитала создавало торговый капитализм, который определял строй феодальной России, завоеванной к началу XVIII в. торговым капиталом. Покровский образно рисовал царский двор и царя Петра I, осуществлявшего власть торгового капитала, следующими словами: «теперь виднелась нервная, подвижная до суетливости фигура в рабочей куртке, вечно на людях, вечно на улице, причем нельзя было разобрать, где же кончалась улица и начинался царский дворец. Ибо и там и тут была одинаково пестрая и бесцеремонная толпа, где царского министра в золоченом кафтане и андреевской ленте толкал локтем голландский матрос, явившийся сюда прямо с корабля, или немецкий лавочник, пришедший прямо из-за прилавка»⁵⁸.

Буржуазная историография отнеслась к «Русской истории с древнейших времен» еще более неприязненно, чем к статьям в «Истории России в XIX веке». Но наиболее добросовестные буржуазные историки как, например, В. И. Семевский, вынуждены были признать Покровского «талантливым историком с редким литературным дарованием»⁵⁹.

Это была революционная работа, направленная против царского строя, еще не сокрушенного революцией. Неудивительно, что она вызвала не только критику буржуазно-дворянских историков, но и репрессии царской власти. 11 сентября 1912 г. московский градоначальник приказал всем приставам и начальникам жандармских отделений «немедленно конфисковать в книжных магазинах и везде, где будет обнаружено, и доставить в мою канцелярию арестованное по постановлению Московского комитета по делам печати издание под заглавием „Русская история с древнейших времен“ М. Н. Покровского..., том пятый»⁶⁰.

Последней большой работой Покровского, написанной накануне мировой войны, был «Очерк истории русской культуры», направленный против работы буржуазного историка, лидера партии кадетов П. Н. Милюкова, вышедшей под таким же названием в 1896 г. и до войны 1914 г. шесть раз переизданной⁶¹. Покровский открыто выступил против буржуазно-идеалистической методологии истории, старался доказать, что только исторический материализм дает возможность приложить общенаучные методы к изучению исторических явлений. Покровский критиковал схему русского исторического процесса, созданную «государ-

⁵⁸ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III. М., 1911, стр. 172.

⁵⁹ «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 260.

⁶⁰ «Красный архив», 1932, № 3(52), стр. 12—13.

⁶¹ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. I—III. СПб., 1896—1903; ч. I, изд. 6-е, 1909.

ственной школой» буржуазно-дворянских историков, которую повторял и развивал Миллюков. В то время, когда последний определял весь ход русской истории естественным ростом населения и военно-финансовыми потребностями государства, создавшего все русское общество со всеми его классами, Покровский в первом, основном отделе «Очерка» разбирал экономическое развитие, те или другие сменяющие друг друга системы производства, что и определяло историю общества, историю возникновения и развития общественных классов. Второй отдел «Очерка» был посвящен истории государственного строя и показывал, «какова была политическая организация господствующих классов в России с древнейших времен до наших дней»⁶². Покровский оригинально и в то же время по-марксистски объяснял смену систем производства и соответствующих им государственных учреждений и права.

Таким образом, работы Покровского, написанные в 1907—1914 гг., показывают, что он выступал в них как даровитый историк-марксист. При этом каждая из трех разобранных выше его работ свидетельствует о все большем овладении автором марксистской методологией. Недостатки в них объясняются влиянием неизжитых до конца легально-марксистских идей, затруднявших найти правильное решение особенностей русского исторического прошлого. Нужно иметь в виду и исключительную сложность создания первых обобщающих марксистских трудов, всесторонне освещающих историю России.

В феврале 1917 г. царизм в России был свергнут восставшими рабочими и присоединившимися к ним солдатами. Партия большевиков начала подготовку социалистической революции. В первые месяцы после Февральской революции Россия была самой свободной страной в мире. Политические заключенные были освобождены. Политические эмигранты могли вернуться на родину.

Покровский стремился в Россию. Но работа по организации возвращения на родину русских политических эмигрантов заставила его отложить собственный отъезд из Франции. Только к концу августа 1917 г. Покровский вернулся в родную Москву, которую покинул десять лет назад. В Москве он сразу включился в бурную общественную жизнь. Московская организация большевиков выдвинула его в Московский Совет рабочих депутатов. Вскоре после приезда в Москву он был послан делегатом Московского Совета на Демократическое совещание, открывшееся в Петрограде 14 сентября 1917 г.

Покровский был активным участником борьбы за установление Советской власти в Москве. Отдельные видные работники Московской организации большевиков, среди них В. П. Ногин —

⁶² М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры. Ч. I. М., 1915, стр. 243.

председатель Московского Совета рабочих депутатов, были против вооруженного восстания, во время вооруженной борьбы вступали в переговоры с руководителями контрреволюции. Г. П. Ломов, один из руководителей московских большевиков в октябрьские дни 1917 г., рассказывал: «...Но зато пришел М. Н. Покровский, сел в редакции газеты и заявил: „Во время восстания я целиком с рабочими. Моя судьба до конца связана с ними, особенно в такие критические моменты истории“»⁶³.

Когда большевики завоевали большинство в Московском Совете и взяли в свои руки «Известия Московского Совета рабочих депутатов», Московский Комитет партии организовал редколлегию газеты из большевиков. Одним из членов редколлегии стал Покровский. Редакция поместилась в одной из комнат столовой студентов Коммерческого института на Малой Серпуховской улице. Здесь в полутемной комнате за двумя столами работали члены редакции: Покровский, Ольминский, Скворцов-Степанов и др. Здесь же в углах были сложены винтовки. В комнате, постоянно переполненной людьми, под лязг затворов разбираемых винтовок редакционные работники писали статьи и воззвания. Иногда им, чаще всего Покровскому, приходилось посещать места боев, пробираться в центр города по улицам, усыпанным осколками оконного стекла и штукатурки, прижимаясь от пуль к стенам домов. В напечатанных обзорах о ходе борьбы иногда легко по стилю и форме изложения узнать руку Покровского.

После победы вооруженного восстания Московский военно-революционный комитет превратился из органа, руководившего вооруженной борьбой за власть, в орган, осуществлявший Советскую власть. Почти на всех его заседаниях можно было увидеть Покровского, выполнявшего новые, все более важные поручения. На заседании 6 ноября 1917 г. комитет назначил его комиссаром по иностранным делам, а 14 ноября пленум Совета рабочих и солдатских депутатов избрал Покровского председателем объединенного Московского Совета. Победа Великой Октябрьской социалистической революции поставила большевика-историка Покровского во главе Советской власти в Москве.

Покровский был убежден, что русская революция вызовет революцию в Европе, но он тогда не понимал возможности победы революции в России, если она не будет поддержана революцией в других странах. С этим была связана ошибка Покровского во время переговоров о мире с Германией, когда он примкнул к бухаринской группе «левых коммунистов», выступивших против предложения В. И. Ленина о подписании мира, чтобы получить необходимую Советской власти передышку. Брестские переговоры с Германией, в которых Покровский участвовал как член

⁶³ «От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции)». М., 1957, стр. 233—234.

советской мирной делегации, настроения широких народных масс и особенно московских рабочих, практический опыт передышки весны 1918 г., созданной Брестским миром,— все это показало Покровскому правоту В. И. Ленина.

Разгром контрреволюционных мятежей и выход Советской России из войны с Германией упрочили Советскую власть. Рабочий класс и беднейшее крестьянство под руководством Коммунистической партии создавали основы социалистической экономики. Перед Советской страной стояла задача культурной революции. Широчайшие массы трудящегося народа надо было приобщить к достижениям культуры, созданной старым буржуазно-помещичьим обществом, взять из нее все лучшее и на этой основе развивать социалистическую культуру.

Коммунистическая партия поставила на важнейшие участки культурного строительства группу старых большевиков-ученых и пропагандистов. Среди них был и Покровский. В мае 1918 г. он был назначен заместителем народного комиссара просвещения А. В. Луначарского. В 1918—1919 гг. Покровский стоял во главе научного отдела, отдела высших учебных заведений, был председателем Государственного ученого совета, созданного для обсуждения вопросов, связанных с советской реформой высшей школы. Когда в феврале 1921 г. в Наркомпросе образовался Академический центр, объединявший Государственный ученый совет, Управление научными учреждениями, Главархив и Главмузей, во главе его стал Покровский. В его руках, таким образом, сосредоточилось руководство всей научной деятельностью в стране. В. И. Ленин отмечал особые заслуги Покровского в Наркомпросе, где тот вел работу «...как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще»⁶⁴. В 1918 г. была организована Социалистическая академия общественных наук. Покровский стал членом академии и членом ее президиума. В 1920 г. он был введен в Комиссию по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической партии (Истпарт).

Особое внимание Покровский обращал на изучение истории. Он предложил провести конкурс на учебник по истории. В 1920 г. при его участии в Наркомпросе были составлены примерные программы по истории для школ II ступени. Но преподавание марксистской истории оказалось почти невозможным: не было подготовленных к этому учителей и новых учебников. Преподавание истории в средней школе тогда либо совсем не проводилось, либо сбивалось на преподавание истории по старым дореволюционным учебникам Иловайского и Платонова. В высшей школе студенты слушали лекции буржуазных профессоров и изучали буржуазную литературу.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 324.

Покровским была сделана попытка создать краткую общую марксистскую историю России. В 1920 г. вышла его книга «Русская история в самом сжатом очерке». Книга состояла из двух частей, охватывавших историю России до второй половины XIX в. Его книга сложилась из лекций, которые он читал на рабочих курсах в 1906—1907 гг., а главное из лекций, прочитанных в Свердловском университете в 1919 г. Позже, в 1928 г., Покровский рассказывал: «И сжатый очерк получился потому, что расстарывать было некогда. Надо было в возможно более краткой форме сообщить возможно большее количество фактов в наиболее ярком освещении, потому что передо мной были люди, которые завтра пойдут на фронт и которым как-то нужно связать русское прошлое с настоящим, показать, в чем исторический смысл той борьбы, в которую они идут и в которой они, может быть, положат свою жизнь»⁶⁵.

В 1931 г. Покровский вспоминал о подготовке книги: «Первоначальный план и первоначальная схема были одобрены В. И. Лениным»⁶⁶.

Книга Покровского означала полный разрыв с изображением истории как истории царей и их деяний. В предисловии Покровский писал, что «вместо кукол в короне и порфире автор взял настоящего царя — царя-капитал, самодержавно правившего Россией от Ивана Грозного до Николая Последнего»⁶⁷.

Новая работа Покровского строилась по схеме «Русской истории с древнейших времен», изданной в 1910—1913 гг., в которой вся русская история неправомерно рассматривалась сквозь призму развития торгового капитала. Определяющее значение торговли Покровский находил уже в Киевской Руси, где князья, по его мнению, были «предводителями шаек работорговцев» и вели войны, чтобы захватить больше рабов и торговать ими⁶⁸. В опричнине он видел борьбу торгового капитала в союзе с мелким дворянством против феодалов-бояр. Восстание Степана Разина, считал он, было «непосредственно связано с развитием торгового капитализма», принесшего усиление гнета крестьянам, «закабаленному люду» Поволжья и закрывшего пути казацкой вольнице. Восстание Емельяна Пугачева Покровский объяснял «первым расцветом русской хлебной торговли», вызвавшим усиление барщины в поволжских и приуральских губерниях. С XVIII в. он датировал историю промышленного капитализма,

⁶⁵ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II, стр. 301.

⁶⁶ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II, изд. 10-е. М.—Л., 1931, стр. 4. (Предисловие к 10-му изданию).

⁶⁷ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II (От древнейших времен до второй половины XIX столетия). М., 1920, стр. 3.

⁶⁸ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II (От древнейших времен до второй половины XIX столетия). М., 1920, стр. 28.

но и «торговый капитализм продолжал развиваться и полного своего расцвета достиг как раз во второй половине XIX столетия»⁶⁹. Под влиянием торгового капитала в 60—70-х годах происходила постройка сети железных дорог. Крестьянская реформа 1861 г. была проведена потому, что она оказалась выгодной не только промышленному, но и торговому капиталу. Интересы торгового капитала защищало самодержавие, которое было, по определению Покровского, «торговым капиталом в шапке Мономаха». Покровский признавал, что в XX в. Россия вступила как страна развитого промышленного капитализма, но поскольку торговому капиталу было нужно царское чиновниче государство, то оно дожило до Февральской революции 1917 г.

Эта схема русской истории как истории торгового капитала была перефлигана теперь с историей революционного движения. Покровский, стремясь показать постоянную революционную борьбу трудящихся масс против угнетателей, рассматривал русскую историю как историю революций, следовавших одна за другой, начиная с «киевских революций XI—XII веков». В главе «Крестьянская революция», посвященной событиям начала XVII в., Лжедмитрий I был изображен как царь, выступивший против богатых помещиков и капиталистов, а Лжедмитрий II прямо назывался «казацко-крестьянским» царем. Здесь же излагалась история крестьянского восстания во главе с Болотниковым. В эту же главу были отнесены восстание Степана Разина и «казацко-крестьянская» революция на Украине во главе с Богданом Хмельницким. Главу «Революционная буржуазия» Покровский начинал крестьянским восстанием под предводительством Емельяна Пугачева. Движение декабристов он называл буржуазной революцией, которая, по его мнению, «...была связана с развивающимся промышленным капитализмом»⁷⁰. История второй половины XIX в. была показана как «народническая революция».

Покровский в этой книге не смог достаточно последовательно провести ряд важнейших положений марксистско-ленинской методологии. В экономическом развитии определяющее значение способа производства заслонялось преувеличением значения торговли. Поэтому становились неясными грани общественно-экономических формаций в истории России. Изложение истории отдельных этапов революционной борьбы не вполне соответствовало действительной истории. Тем не менее революционная и марксистская книга Покровского была встречена с большим интересом и одобрением в партийных кругах. Издание книги было одоб-

⁶⁹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II (От древнейших времен до второй половины XIX столетия). М., 1920, стр. 106.

⁷⁰ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II (От древнейших времен до второй половины XIX столетия). М., 1920, стр. 166, 172.

рено В. И. Лениным. В письме Покровскому 5 декабря 1920 г. он писал:

«Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: „Русская история в самом сжатом очерке“. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки»⁷¹.

В. И. Ленин считал, что книга Покровского должна будет стать учебником. Но этому мешали схематизм построения и абстрактность некоторых положений. Для того чтобы уменьшить этот недостаток, В. И. Ленин рекомендовал Покровскому дополнить книгу хронологическим указателем, построив его так: «1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки *Вашей*, марксистской...» В. И. Ленин особо подчеркивал, что учащиеся должны знать указатель, чтобы «..не было *верхоглядства*, чтобы *знали факты*, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»⁷².

В 20-х годах, после окончания гражданской войны, деятельность Покровского развернулась еще шире. Кроме руководящей работы в Наркомпросе, он возглавлял несколько научных учреждений: был председателем президиума Социалистической (с 1924 г. Коммунистической) академии; ректором Института красной профессуры, основанного в 1921 г.; председателем Общества историков-марксистов, которое было организовано в 1925 г.; редактором журналов «Красный архив» и «Историк-марксист». Кроме этих должностей, на которых он оставался до конца жизни, ему пришлось выполнять и другие важные поручения партии. В 1922 г. на судебном процессе по делу руководящей группы правых эсеров он, выступая общественным обвинителем, раскрыл историю антисоветской контрреволюционной деятельности правых эсеров. В 1928 г. Покровский ездил за границу, возглавляя делегацию советских историков во время «советской недели» в Берлине и на Международном конгрессе историков в Осло. В конце декабря 1928 г. и начале января 1929 г. проходила Всесоюзная конференция историков-марксистов, в созыве и работе которой активное участие принимал Покровский. После конференции в 1929 г. в Коммунистической академии был создан Институт истории, и Покровский стал его директором. В том же году Покровский был избран в состав Академии наук СССР и вскоре возглавил там Археологическую комиссию.

Покровский постоянно вел семинары по истории России в Институте красной профессуры, ряд лет читал лекции в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, на курсах секретарей уездных комитетов партии, выезжал в Петроград читать цикл лекций по историографии.

⁷¹ В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 488.

⁷² Там же.

Ко всему этому надо добавить большую общественно-политическую деятельность Покровского. Он был депутатом Московского Совета, делегатом почти всех всероссийских и всесоюзных съездов Советов, членом ВЦИК и ЦИК СССР, делегатом съездов Коммунистической партии и конгрессов Коммунистического Интернационала. XVI съезд ВКП(б) избрал его членом Центральной контрольной комиссии, где он вошел в ее президиум.

Замечательным качеством Покровского была его способность при огромной административной, педагогической и общественно-политической работе находить время для занятий в архивах и подготовки новых научных работ. Первые две части «Русской истории в самом сжатом очерке», изданные в 1920 г., были им написаны в основном по его дореволюционной «Русской истории с древнейших времен». Для подготовки третьей части очерка и других работ он изучал документы в архивах. В его записных книжках можно видеть многочисленные записки и статистические таблицы⁷³.

В 20-х годах вышли из печати новые книги и статьи Покровского. В 1923 г. вышла третья часть «Сжатого очерка», посвященная истории России начала XX в., «Борьба классов и русская историческая литература», в 1924 г.—«Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», в 1925 г.—«Марксизм и особенности исторического развития России», в 1927 г.—«Декабристы» (сборник статей), в 1928 г.—«Империалистическая война» (сборник статей 1916—1927 гг.), в 1929 г.—«Октябрьская революция» (сборник статей 1917—1927 гг.). Некоторые работы несколько раз переиздавались, части I и II «Сжатого очерка» издавались при жизни автора десять раз, часть III—четыре раза. Под редакцией Покровского вышло большое число публикаций документов, среди них многотомные издания: «Восстание декабристов», «1905. Материалы и документы», «1917 год в документах и материалах».

Новые работы Покровского имели большое научное и пропагандистское значение. Они впервые освещали советскому читателю в систематическом виде многие важные темы, например, историю революционной борьбы в России в XX в.

Особое значение имели работы Покровского, посвященные борьбе с буржуазной историографией. До середины 20-х годов буржуазная историческая наука сохраняла еще сильные позиции. Многие буржуазные историки восприняли сменовеховские взгляды об Октябрьской революции как революции буржуазной и следовали тактическим выводам сменовеховцев в своей практической деятельности. Некоторые буржуазные историки принимали участие в антисоветской политической деятельности, особенно в период обострения классовой борьбы в стране в конце

⁷³ Гос. музей революции СССР, Отдел фондов, № 31642/292.

20-х и начале 30-х годов. В теоретическом отношении буржуазные историки продолжали до середины 20-х годов открыто отстаивать буржуазно-идеалистические позиции. Но уже и тогда, а еще более в последующие годы, буржуазная идеология в исторической науке, так же как и в других общественных науках и вообще в политической и партийной борьбе, стала маскироваться под марксизм и коммунизм. Покровский показал классовую сущность буржуазно-дворянской исторической литературы⁷⁴. Он критиковал не только дореволюционные работы буржуазно-дворянских историков, но в ряде случаев первым выступал против современных ему антимарксистских работ 20-х годов: Милюкова, Рожкова и др.⁷⁵ Он оказал большую помощь партии в борьбе с троцкизмом. В 1922—1925 гг. он в ряде статей показал, что Троцкий повторил общую схему русской истории буржуазно-дворянских историков Чичерина, Соловьева и Милюкова и, опираясь на нее, пытался доказать невозможность победы социализма в Советской стране⁷⁶. В других статьях, особенно в очерке 1927 г. «Октябрьская революция в изображениях современников», он раскрыл извращение Троцкием истории Октябрьской революции и показал социалистический характер Октябрьской революции и исторические заслуги В. И. Ленина как ее руководителя⁷⁷.

Покровский много раз писал о политическом значении истории. «История,— говорил он в 1929 г.,— есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего»⁷⁸. В своих работах о буржуазной историографии он убедительно показал, что буржуазная историческая наука была подчинена политике буржуазии. С большой силой говорил он об этом в до-

⁷⁴ М. Н. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923; 2-е испр. изд. Л., 1928; он же. Как и кем писалась русская история марксистов. Доп. глава ко 2-му изд. «Русской истории в самом сжатом очерке». М.—Пг., 1923; он же. Предисловие к сборнику статей «Русская историческая литература в классовом освещении», т. I. М., 1927.

⁷⁵ М. Н. Покровский. Буржуазная концепция пролетарской революции (о книге П. Милюкова «*Russlands Zusammenbruch*»).— «Историк-марксист», 1927, т. 3; он же. Противоречия Г. Милюкова.— «Красная новь», 1921, № 2; он же. Новая книга по новейшей истории (о книге Н. Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. XII).— «Большевик», 1926, № 12. Историографические работы Покровского собраны в двухтомнике: М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I, II. М.—Л., 1933.

⁷⁶ М. Н. Покровский. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию?»— «Красная новь», 1922, № 3(7). Статьи М. Н. Покровского с критикой схемы русской истории Троцкого вошли в сб. статей: М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России. М., 1925.

⁷⁷ «Историк-марксист», 1927, т. 5; М. Н. Покровский. Октябрьская революция. М., 1929, стр. 168—206.

⁷⁸ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II. стр. 360.

кладе о развитии общественных наук в нашей стране за первое десятилетие Советской власти: «Все эти Чичерины, Кавелины, Ключеские, Чупровы, Петражицкие — все они непосредственно отражали определенную классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и... история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»⁷⁹.

Покровский понимал, что «...научную историографию можно построить, как и научную историю, только на классовом принципе»⁸⁰. Все силы свои он отдавал на то, чтобы историческая наука служила идеологическим оружием партии. Но классовый принцип советской исторической науки, принцип партийности он понимал упрощенно. В исторических взглядах Покровского до конца жизни чувствовалось непонимание марксистского учения о единстве объективной закономерности развития общества и принципа партийности. Темы исторических работ и их основные выводы, по его мнению, должны были подчиняться текущим задачам партии. Например, в докладе о деятельности Коммунистической академии, прочитанном в 1927 г., он заявил, что юбилей 100-летия крестьянского восстания 1773—1774 гг. и 20-летия революции 1905 г. «представляют собой не что иное, как исторический аспект лозунга „Лицом к деревне!“ Нужно было выяснить, что может сделать крестьянство в революции одно (доклады о Пугачевщине) и что представляет крестьянское движение, руководимое пролетариатом (доклады о 1905 г.)»⁸¹. В своих работах он во многих случаях оценивал исторические факты с точки зрения текущей политики, не разбирая должным образом условий, в которых протекали исторические события. Такой подход Покровского к прошлому давал повод буржуазным историографам обвинять историков-марксистов в отсутствии научной объективности⁸².

В трудах Маркса, Энгельса и Ленина давно было разработано научное понимание объективности и партийности в общественных науках и, в частности, в исторической науке. Марксистско-ленинский принцип партийности не только не противоречит признанию объективной закономерности, но обеспечивает более глубокое познание объективной закономерности по сравнению с буржуазным «объективизмом». Еще в 1894 г. В. И. Ленин, критикуя «объективиста» Струве, писал: «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на

⁷⁹ «Вестник Коммунистической академии», 1928, кн. XXVI(2), стр. 5—6.

⁸⁰ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I, стр. 119.

⁸¹ «Вестник Коммунистической академии», 1927, кн. XXII, стр. 16.

⁸² М. В. Нечкина. Критика зарубежной буржуазной литературы по истории советской исторической науки.— «Против буржуазной фальсификации истории советского общества», М., 1960, стр. 20, 24, 32.

точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁸³.

Последние годы жизни Покровский страдал от раковой болезни, но он не впадал в уныние. В короткие промежутки между приступами болезни он старался наверстать упущенное, помочь партии и правительству в преодолении буржуазной идеологии в общественных науках, выправить ошибки и недостатки своих трудов по вопросам истории.

С преодолением буржуазной историографии и развитием советской исторической науки ошибки и недостатки исторических трудов Покровского как руководителя важнейших исторических учреждений и изданий все более требовали исправления.

В работах Покровского 20-х годов содержалось немало пробелов и прямых ошибок. В III части «Сжатого очерка», посвященного первой русской революции, он преувеличивал участие деревенского кулака в крестьянском движении 1905 г., в разных статьях и предисловиях к монографиям и сборникам статей других авторов относил возникновение империализма в России ко времени первой мировой войны, преуменьшал агрессивность германского империализма в развязывании войны в 1914 г., считал Февральскую революцию 1917 г. началом пролетарской революции, в работах начала 20-х годов не раскрыл социалистический характер и историческую закономерность Октябрьской революции 1917 г.

Между тем в стране выросли под руководством Покровского новые кадры историков, стоявших на идейно-теоретической базе марксизма-ленинизма и подготовивших серьезные исторические монографии⁸⁴. Все более определенно переходили на марксист-

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418—419.

⁸⁴ М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М.—Л., 1927; Ем. Ярославский. Декабрьское восстание. М.—Л., 1925; П. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. М., 1925; 2-е изд. М., 1930; А. В. Шестаков. Крестьянская революция 1905—1907 гг. М.—Л., 1926; С. М. Дубровский. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. М., 1925; 2-е изд. М., 1930; А. М. Панкратова. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; она же. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М.—Л., 1927; А. И. Гукowski. Французская интервенция на юге России. М.—Л., 1928; И. Минц. Английская интервенция на Севере. М., 1931.

ско-ленинские идейные позиции и многие из старых, буржуазных историков. Развитие советской, марксистско-ленинской исторической науки вело к тому, что историки-марксисты усилили критику не только буржуазной историографии, но и ошибок в своей среде. Во второй половине 20-х годов среди историков-марксистов все более часто и определенно раздавались критические голоса о некоторых ошибках в трудах руководителя советского исторического фронта Покровского. Критике подверглась и общая концепция Покровского об историческом развитии России.

Еще в 1926 г. С. Томсинский выступил с критической статьей «К вопросу о социальной природе русского самодержавия», в которой упрекал Покровского в том, что «торговый капитал для него является самодовлеющим фактором», и указывал, что в России у власти стояли крепостники⁸⁵. Концепция Покровского о торговом капитализме критиковалась в докладе Рахметова и в прениях по его докладу, происходивших в мае 1927 г. в Институте красной профессуры. В апреле 1929 г. в Институте красной профессуры на трех заседаниях обсуждалась общая концепция Покровского о русском историческом процессе. На заседании 12 апреля 1929 г. один из участников дискуссии, А. Ломакин, говорил: «В этой концепции торговый капитал выступает творцом всей русской истории — от Киевской Руси чуть ли не до революции 1917 г. Такая схоластическая, не диалектическая трактовка роли торгового капитала основывается на чрезмерном преувеличении влияния торгового капитала на русский исторический процесс. Можно сказать, что гипертрофия торгового капитала составляет главную и основную болезнь в концепции т. Покровского»⁸⁶. На заседании 17 апреля Ломакин, отвечая на упреки других выступавших, заявил, что он, указывая на недочеты концепции Покровского, не считает ее антиленинской. Но многие участники заседания поняли выступление Ломакина и других как противопоставление «схемы Покровского» «схеме Ленина». Так воспринял эти выступления Покровский⁸⁷. В 1929—1930 гг. в печати появилась критика взглядов Покровского о народничестве и «Народной воле», о русском империализме и первой мировой войне⁸⁸.

Покровский внимательно прислушивался к товарищеской критике и готов был выправить ошибочные положения в своих работах. Он чувствовал недостатки своей марксистской подготовки и старался устранить их. В 1924 г. он писал, что «...впервые

⁸⁵ «Вестник Коммунистической академии». 1926, кн. XV, стр. 256, 282

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5143, оп. 1, д. 689, л. 55.

⁸⁷ Там же, д. 699, л. 5, 8, 21; ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 42, л. 33—35.

⁸⁸ Вл. М а л а х о в с к и й. На два фронта (К оценке народничества), М., 1930, стр. 63—64; «История ВКП(б)». Под ред. Ем. Ярославского, т. III, вып. II, изд. 2-е. М.—Л., 1931, стр. 32.

вставшая передо мной во всей своей грандиозности действительно материалистическая картина русского исторического процесса открыла передо мной ряд прорех в моих старых изложениях русской истории»⁸⁹.

Объясняя свои ошибки, изменение своих исторических оценок, он писал в 1927 г.: «Я причисляю себя к тем историкам, которые не „родились“ марксистами, как писателями, а сделались ими, — я даже считаю, и мне не кажется это недостатком, что я до сих пор „делаюсь“ марксистом»⁹⁰.

По работам Покровского «Ленин и Маркс как историки», «Ленинизм и русская история», «Ленин и история» видно, как настойчиво изучал он марксистскую философию и взгляды Маркса и Ленина на историю. В 1927—1928 гг. он организовал в Институте красной профессуры семинар «Ленин как историк».

Трудно назвать другого историка, который, подобно Покровскому, признавал бы свои ошибки и вместе с общим развитием марксистско-ленинской исторической науки совершенствовал свои исторические взгляды как на отдельные исторические события, указанные выше, так и на общее развитие русской истории. Покровский понимал, что дело не в абстрактных общих формулах или механистических «цифровых объяснениях». В ответ на упреки Томсинского он писал, что «материалистически объяснять историю, значит объяснять действия людей, без которых нет истории — из той объективной обстановки, в которой они действовали»⁹¹.

В 1927 г. Покровский согласился с критикой Рахметова о преувеличении влияния торгового капитала. «Это объясняется исторически тем, — говорил он, — что мне приходилось бороться с теорией, которая отрицает всякое значение внутреннего и внешнего рынка, и я перегнул палку, и было бы очень хорошо, если бы мои ученики занялись исправлением моих недочетов»⁹². Он решительно отвергал приписываемое ему мнение, что «торговый капитализм представлял собою социальную формацию, так же как и феодализм», но считал, что имеет полное право «говорить об эпохе торгового капитализма как самостоятельной эпохе в развитии капитализма, когда господствовал купеческий капитал»⁹³. Покровский правильно уточнил свои выводы о классовой структуре Русского государства XVI—XVII вв. «Несомненно, — говорил он, — что опричнина была сильным взлетом кверху и большой победой именно помещичьего землевладения, которое

⁸⁹ «Под знаменем марксизма», 1924, № 10—11, стр. 212.

⁹⁰ ОРФ ИИАН, ф. М. Н. Покровского, д. 42.

⁹¹ М. Н. Покровский. Ответ тов. Томсинскому. — «Вестник Коммунистической академии», 1926, кн. XV, стр. 298.

⁹² ЦГАОР, ф. 5143, оп. 1, д. 711 (Заключительное слово Покровского по докладу Рахметова), л. 5.

⁹³ Там же, 1, 2.

связывалось и с московским купечеством. Смута тоже закончилась несомненным перевесом дворянского землевладения»⁹⁴.

Недостатки своей концепции Покровский признавал и во время апрельской дискуссии 1929 г.⁹⁵ Но когда в начале 1931 г., как уже говорилось, была предпринята попытка представить его историческую концепцию вообще как антимарксистскую и антиленинскую, то он решительно выступил против такого обвинения. После тщательной подготовки он направил 5 февраля 1931 г. письмо секретарям ЦК ВКП(б), в котором разобрал и отверг обвинения, выдвинутые против него. Он убедительно показал, что не раз признавал и исправлял свои ошибки и среди них его старые изложения вопроса о торговом капитале. Покровский объяснял, как сложилась его концепция исторического развития России: «„Схема Покровского“ кладет в основу истории России до революции... р а з в и т и е к а п и т а л и з м а. Она старается показать, что капитализм у нас не есть наносное явление, возникшее то ли благодаря влиянию Запада, то ли благодаря самодержавию, „насаждавшему“ у нас промышленность и торговлю, а имеет глубокие национальные корни. Торговый капитал начал у нас складываться уже во второй половине XVI в., зачатки промышленного капитализма, т. е. капиталистического производства, относятся к началу XIX в. К 1905 г. Россия была уже страной „относительно высоко развитого капитализма“ (Ленин)...»⁹⁶

Защита основных положений своей концепции, Покровский с полным основанием писал: «Мысль эта вполне марксистская и ленинская... Но доходить до таких формулировок как то, что самодержавие — это был „торговый капитал в мономаховой шапке“, значит, совершенно затушевывать феодальную базу производства, а в ней вся суть. Самодержавие XVII века, несомненно, опиралось на торговый капитал и отчасти выполняло его задания во внешней политике, но само по себе самодержавие было диктатурой феодального землевладения, а не торгового капитала»⁹⁷.

На занятиях семинаров в Институте красной профессуры он говорил, что он отказался от многих своих прежних оценок исторических событий, но не имеет возможности их исправить, т. е. переработать и издать заново свои труды⁹⁸.

Покровский смог только обработать заключительные слова на занятиях своего семинара 29 ноября, 24 декабря 1930 г. и 16 февраля 1931 г. и опубликовать их в виде статьи в № 2 жур-

⁹⁴ ЦГАОР, ф. 5143, оп. 1, д. 711, л. 5.

⁹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 42, л. 35.

⁹⁶ Там же, л. 34.

⁹⁷ Там же, л. 35—36.

⁹⁸ Выступление А. П. Толстихиной. Стенограмма совещания в редакции журнала «Вопросы истории», 17 ноября 1958 г., л. 70—79.

нала «Борьба классов» за 1931 г.⁹⁹ Отстаивая в общем свою концепцию русской истории, он признавал, что «в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения этой концепции звучали весьма не по-ленински, а иногда были попросту теоретически малограмотны. Так, например, безграмотным является выражение „торговый капитализм“; капитализм есть система производства, а торговый капитал ничего не производит». В связи с этим Покровский должен был исправить и уточнить свое определение классово-природы самодержавия. Он признал, что «совершенно неправильной является формулировка самодержавия как „торгового капитала в мономаховой шапке“... „мономахова шапка“ есть феодальное украшение, а не капиталистическое». Покровский понял свою методологическую ошибку при освещении истории государства в старой России. «В первых редакциях моей схемы,— писал он,— был недостаточно учтен и факт относительной независимости политической надстройки от экономического базиса...» Он правильно определил и причину этой ошибки: «„Экономический материализм“ не был еще мною изжит на все сто процентов, когда я писал и „Русскую историю“, и „Очерк истории культуры“, и даже „Сжатый очерк“»¹⁰⁰.

Об исправлении своих ошибок Покровский писал и в предисловии к 10-му изданию «Сжатого очерка», вышедшему в 1931 г. Он доказывал со ссылками на труды В. И. Ленина «непременность экономической истины, что в России „предшественником капиталистического производства“ был торговый капитал»¹⁰¹. Покровский старался из этой истины извлечь политические выводы: выявить влияние торгового капитала на образование Российской империи. Уже после написания «Сжатого очерка» он смог впервые прочитать работу В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», которая впервые была опубликована в легальном издании в 1923 г., и увидеть, что его выводы в основном не противоречили замечаниям В. И. Ленина о буржуазном характере бюрократии царской монархии¹⁰². «После этого,— писал Покровский,— мне стало и понятно то, почему Владимир Ильич не нашел никаких принципиальных возражений против моей схемы, и стыдно за свой полемический задор в этом вопросе. В самом деле, к чему же ломиться в открытую дверь и так выпячивать злосчастный торговый капитал, что местами,—ничего греха таить,—он у меня закрывал феодальную сущность помещичьего государства»¹⁰³.

⁹⁹ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I, стр. 285—303.

¹⁰⁰ Там же, стр. 287, 289.

¹⁰¹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II, М., 1931, стр. 5.

¹⁰² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 301.

¹⁰³ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II, М., 1931, стр. 5.

Покровский внес в текст многочисленные поправки, устранил, как он писал, все «риторические преувеличения», поставив торговый капитал «на свое исторически законное место»¹⁰⁴. Поправки улучшили текст, но полностью переработать книгу Покровский уже не мог¹⁰⁵.

Таким образом, к концу своей жизни Покровский много сделал для глубокого овладения марксистско-ленинской методологией и выправления своего общего представления об историческом развитии России и важнейших проблем ее истории.

Одной из таких сложных проблем был вопрос об империализме в России. В работах Покровского 10—20-х годов были ошибочные положения о характере и времени образования русского империализма. Но и в этом вопросе взгляды Покровского также развивались. Его ответ на критику, данную его работам во втором издании третьего тома «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского, показывает, что к концу жизни он на основе ленинского учения об империализме разработал оригинальную характеристику русского империализма. В итоге разбора высказываний В. И. Ленина и анализа конкретно-исторического материала он делал вывод: «Итак, Россия не только страна капиталистическая, но и страна монополистического капитала, страна империалистская. Но среди империалистских стран она занимает особое место»¹⁰⁶. Отвергая обвинения в троцкизме, он писал: «Таким образом изображать Россию как самую отсталую страну в ряду империалистских стран вовсе не есть один из догматов троцкизма»¹⁰⁷. Задача конкретно-исторического разбора методологических положений В. И. Ленина, по его мнению, заключалась в том, чтобы «...распутать это несвязное целое и показать, какие моменты в каждом отдельном случае господствовали»¹⁰⁸. Театром русского «капиталистического империализма новейшего типа» он считал Персию и Дальний Восток, к Дарданеллам же Россию толкали преимущественно интересы русского феодального землевладения и торгового капитала, т. е. военно-феодального империализма¹⁰⁹.

Успехи социалистического строительства ставили новые задачи перед советскими историками. Сплошная коллективизация крестьянских хозяйств, развернувшаяся в 1930 г., намного увеличила массы активных участников строительства социалистического общества. Интерес широких масс к истории, особенно истории своей страны, первой в мире создавшей социалистический строй,

¹⁰⁴ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II. М., 1931, стр. 6.

¹⁰⁵ Там же, ср. стр. 79, 98—99, 104, 105 10-го изд. 1931 г. со стр. 80, 100, 106 1-го изд. 1920 г.

¹⁰⁶ М. Н. Покровский. По поводу некоторой путаницы.— «Историк-марксист», 1932, т. 1—2 (23—24), стр. 19.

¹⁰⁷ Там же, стр. 20.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же, стр. 20—22.

к истории социалистической революции, открывшей нашей стране этот путь, неизмеримо возрастал.

Покровский понимал всю важность задачи вооружить широкие массы историческими знаниями. Понимал он и то, что руководимые им Институт истории Коммунистической академии и Общество историков-марксистов не справляются с этой задачей. В письме секретарю Общества историков-марксистов П. О. Горину он писал 15 октября 1930 г.: «Пробежав программные материалы Общества, прихожу к решительному заключению, что мы начинаем резко отставать от жизни. Разоблачать ереси — похвальное дело, но массам нужно не это. А о работе с массами мы только разговариваем... Обслуживание массы по нашей линии теперь самое главное дело.

Мало чувствуется реальных шагов и по части контроля над учебниками»¹¹⁰.

Покровский с большим интересом относился к плану М. Кольцова издать в виде приложения к журналу «Огонек» популярную всемирную историю. Но особенно его интересовал проект А. М. Горького подготовить историю гражданской войны. Когда осенью 1930 г. ему прислали в Берлин первоначальный план издания, он сейчас же дал на него свой отзыв. «Напросился к вам в сотрудники, — писал он А. М. Горькому 19 февраля 1931 г., — взял на себя главу „Москва в октябре 1917 г.“ Видел я все это довольно близко...»¹¹¹

Центральный Комитет партии одобрил инициативу А. М. Горького. 30 июля 1931 г. ЦК принял постановление об издании для широких трудящихся масс «Истории гражданской войны» и образовании редакции издания. В состав исторической редакции Центральный Комитет включил Покровского.

Летом 1931 г. здоровье Покровского снова ухудшилось, и вскоре он должен был лечь в Кремлевскую больницу, откуда уже не вышел.

Находясь в больнице, он много работал над планом издания «Истории гражданской войны в СССР». В ряде писем А. М. Горькому и секретариату главной редакции он изложил свои критические замечания. «Поражает несоответствие отдельных частей „Истории“, — писал Покровский. — ...В данном проекте скомкана не только первая и решительная победа пролетариата над буржуазией в октябре 1917 года, на 50% предопределившая в сущности исход всей гражданской войны, но скомкано и само начало этой войны... Все это нужно по-моему решительно переработать. И Октябрьским боям пролетариата, и первым наиболее жутким моментам борьбы с белыми, и изменнической роли эсеров, и на-

¹¹⁰ П. О. Горин. М. Н. Покровский — большевик-историк. Минск, 1933, стр. 107.

¹¹¹ ОРФ ИИАН. ф. М. Н. Покровского, д. 42.

чалу интервенции — должно быть отведено то место, которое они занимали объективно в ходе развертывания гражданской войны и которое они сохранили в нашей памяти. Ради этого стоит пожертвовать многими из тех мелких чисто военных подробностей, которыми усеян проект»¹¹². В письме секретариату он критиковал план освещения в «Истории» советской экономики: «Во II томе хозяйство страны тотчас после Октября характеризуется „красногвардейской атакой на капитал“. Но Ленин этим положением определял только тактику, противопоставляя захват готового систематическому социалистическому строительству. По существу же такими шагами, как национализация земли, национализация банков и вскоре затем крупной промышленности, закладывались именно основы будущего социалистического общества; нельзя же обо всем этом не сказать ни слова»¹¹³.

В это же время Покровский работал над новым обстоятельным систематическим изданием документов эпохи империализма. Политический и исторический интерес к вопросам внешней политики империалистов побудил Советское правительство образовать в 1929 г. особую комиссию при ВЦИК для издания документов внешней политики 1878—1917 гг. В 1930—1931 гг. Покровский как главный редактор издания усиленно занимался подготовкой первых томов третьей серии, которая содержала документы первой мировой войны. В письме от 24 июня 1931 г. вскоре после тяжелейшего приступа болезни он сообщал в издательство, что «очередной подбор документов империалистической войны (до 31 декабря 1914 г.) мною просмотрен»¹¹⁴. В разгар работы над документами он получил письмо от одного из товарищей по борьбе в первой русской революции; Покровский ответил: «Ваше письмо столько всколыхнуло воспоминаний о шестом и седьмом годах, когда я, не очень уж юный человек, был юным членом партии и когда так много было впереди. Теперь впереди у меня ничего нет, кроме крематория, — но по дороге к этому учреждению я все-таки надеюсь ущипнуть еще раз почтенных империалистов, издав документы их войны»¹¹⁵.

Находясь в больнице, Покровский настаивал, чтобы ему присылали материалы. Документы показывают, что он действительно продолжал там работу: редакция журнала «Борьба классов» 29 октября 1931 г. просила его написать передовую для журнала по вопросам истории гражданской войны; 1 ноября посланы были на заключение гранки очередного номера и планы содержания номеров журнала до апреля 1932 г.¹¹⁶ В больнице Покровский прочитал второе издание третьего тома «Истории

¹¹² ОРФ ИИАН, ф. М. Н. Покровского, д. 97.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же, д. 43, конв. 13.

¹¹⁵ Там же, л. 47.

¹¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 73, лл. 4—6.

ВКП(б)» под ред. Ем. Ярославского и в ноябре 1931 г. написал статью «По поводу некоторой путаницы». Горин, посетивший в больнице Покровского за две-три недели до смерти, говорил потом: «Странно было видеть человека, ясная голова которого находилась в полном противоречии с умирающим организмом»¹¹⁷.

Смерть прервала его напряженную работу: 10 апреля 1932 г. Покровский умер. 13 апреля урна с его прахом была замурована в Кремлевской стене.

«Был он партийцем, большевиком до мозга костей и всего себя без остатка отдавал он на борьбу за дело пролетариата. Уходил силы, но до последней минуты стоял он на революционном посту», — так характеризовала Н. К. Крупская большевика-ученого М. Н. Покровского в последние годы его жизни¹¹⁸.

Рассмотрение научно-исторических трудов М. Н. Покровского в связи с его общественно-политической деятельностью дает возможность определить основные периоды его развития как ученого и общественного деятеля. Первый период — после окончания университета в 1891 г. до начала революции 1905 г. — сам Покровский, отвечая в 1924 г. на статью Н. Л. Рубинштейна, охарактеризовал как «период демократических иллюзий и экономического материализма»¹¹⁹. Действительно, молодой историк Покровский был тогда буржуазным демократом, все более переходившим в оппозицию к царскому строю и официальной науке, а в идеологическом отношении — от буржуазно-идеалистических взглядов к экономическому материализму, первому знакомству с марксизмом и признанию марксизма.

Вторым периодом были 1905—1917 гг., когда он стал активным деятелем партии большевиков и участником революционной борьбы рабочего класса, а в научном отношении — видным русским ученым, историком-марксистом, творчески разрабатывавшим важнейшие проблемы истории России и все более успешно преодолевавшим недостатки своих политических и теоретических взглядов.

Третий период составили годы после Октябрьской революции и до смерти Покровского в 1932 г. Партия поставила его во главе научных учреждений в области общественных наук и в том числе исторической науки. Под руководством партии Покровский организовал борьбу и разгром буржуазной историографии и создание новых кадров историков-марксистов. Он прочно стоял на идейно-теоретических позициях марксизма-ленинизма, хотя в его научно-исторических работах в первые годы этого периода проявлялось влияние буржуазно-идеалистических и вульгарно-

¹¹⁷ П. О. Горин. М. Н. Покровский — большевик-историк, стр. 92.

¹¹⁸ Н. К. Крупская. Тяжелая потеря. — «Правда», 12 апреля 1932 г.

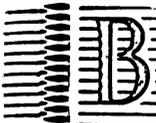
¹¹⁹ М. Н. Покровский. По поводу статьи тов. Рубинштейна. — «Под знаменем марксизма», 1924, № 10—11, стр. 210.

материалистических взглядов, воспринятых им в начале научно-исторической деятельности.

Творческий путь М. Н. Покровского хорошо показывает, какими сложными, особенно в условиях буржуазного общества и в период перехода от капитализма к социализму, являются преодоление буржуазно-идеалистической методологии и конкретно-историческая разработка на основе марксистско-ленинской методологии больших новых проблем даже при наличии искреннего субъективного желания автора.

Советская историческая наука далеко ушла вперед по сравнению с работами Покровского. Его исторические труды со всеми их достоинствами и недостатками представляют пройденный этап. Советская историческая наука преодолела методологические ошибки, свойственные Покровскому, и создала обширную марксистско-ленинскую историческую литературу по всемирной и отечественной истории. Но изучение научно-исторической деятельности Покровского имеет большое значение в разработке советской историографии, раскрывая многие сложные вопросы ее развития.

В. И. Невский как историк русского революционного движения

 наши дни большое внимание уделяется изучению истории советской исторической науки. Устраняется ошибочное ненаучное отношение к трудам М. Н. Покровского. Наука вновь обрела имена историков-марксистов, перечеркнутые в период культа личности Сталина. Своей исследовательской и практической деятельностью эти историки немало сделали для развития исторической науки на путях ленинизма. В. И. Невский занимал среди них видное место. Однако его труды и исторические взгляды до сих пор не изучались.

Владимир Иванович Невский (Феодосий Иванович Кривобок) родился 2 мая 1876 г. в Ростове-на-Дону. В 1898 г., будучи студентом естественного факультета Московского университета, он вступил в ряды РСДРП и вскоре стал революционером-профессионалом. В 1901 г. за участие в революционной деятельности он был исключен из Московского университета¹ и выслан в Воронеж. Здесь он вместе с О. А. Варенцовой, Н. Н. Кардашовым и другими социал-демократами, высланными из различных губерний, принял активное участие в создании «Северного рабочего союза»², учредительный съезд которого состоялся в Воронеже в январе 1902 г. С Воронежем революционная деятельность Невского связана самым тесным образом. В 1903—1905 гг. он принадлежал к числу руководителей местной организации РСДРП³. И в последующие годы он не раз принимал участие в ее деятельности, несколько раз был здесь арестован. Накануне революции 1905 г. Невский был одним из тех, кто поддерживал связь между В. И. Лениным, находившимся в эмиграции, и некоторыми организациями РСДРП в России⁴, в то же время он вел

¹ ЦГАОР, ф. ДП ДО, ед. хр. 3ч1 — Бт2, 1898 г., л. 123.

² «1905 год в Воронежской губернии». Воронеж, 1926, стр. 71—72; ЦГАОР, ф. ДПОО, Д7, ед. хр. 523, 1902 г., лл. 23, 24.

³ ЦГАОР, ф. ДП, № 102, ед. хр. 5ч57л, 1913 г., л. 150 об.

⁴ «Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с Петербургской организацией». — «Пролетарская революция», 1925, № 4, стр. 24, 32.

партийную работу в Харькове, Ростове-на-Дону, Москве, Орле и других городах. В начале 1905 г. Невский был введен в состав Петербургского комитета РСДРП⁵.

В 1906 г. он был делегирован воронежской организацией на IV (объединительный) съезд РСДРП в Стокгольме⁶. В 1911—1912 гг. вел партийную работу в Харькове (здесь он закончил в 1911 г. университет⁷) и являлся постоянным сотрудником большевистских газет «Звезда» и «Правда»⁸. В августе 1913 г. на совещании членов ЦК в Поронино он в числе других был кооптирован в состав Русского бюро ЦК РСДРП⁹. В период между Февральской и Октябрьской революциями Невский являлся одним из руководителей Военной организации при ЦК РСДРП.

После Октября Невский был заместителем наркома, а затем наркомом путей сообщения, заместителем председателя ВЦИК. В 1919 г. он был назначен заведующим отделом ЦК по работе в деревне¹⁰. В 1920—1922 гг. он был ректором Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова¹¹. В течение десяти лет (с 1925 по 1935 г.) Невский работал директором Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Преданнейший партии человек, борец, ученый, Невский пал жертвой репрессий в начале 1935 г.

Невский отдал много сил благородному делу создания советской исторической науки и подготовки научных кадров. Он принимал активное участие в создании истпартов, выявлении и публикации партийных документов. Будучи заместителем заведующего Истпартом М. С. Ольминского, Невский возглавлял Петроградское бюро Истпарта и его орган — «Красную летопись». Он вел большую работу в Обществе историков-марксистов. В 20-е годы Невский читал курс истории партии в МГУ, вместе с М. Н. Покровским, В. П. Волгиным, И. И. Скворцовым-Степановым и др. руководил семинарами. В частности, он вел семинары по политической экономии и историческому материализму в Институте истории РАНИОН¹². Невский выступал на страницах многих исторических и общественно-политических

⁵ «Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с Петербургской организацией». — «Пролетарская революция», 1925, № 4, стр. 24.

⁶ «1905 год в Воронежской губернии», стр. 72—73.

⁷ ЦГАОР, ф. ДПОО, ед. хр. 5ч57л, 1913 г., л. 78.

⁸ М. Ольминский. Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1911—1914, изд. 2-е. М.—Л., 1929, стр. 43.

⁹ Э. Э. Крузе. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.—Л., 1961, стр. 146.

¹⁰ В. А. Астапенков. Документы Отдела ЦК РКП(б) по работе в деревне (1919—1920 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 1, стр. 175.

¹¹ В. И. Невский. И. И. Степанов-Скворцов. — «Печать и революция», 1928, кн. 8.

¹² Л. В. Иванова. Подготовка кадров советских историков (1921—1929 гг.). — «История СССР», 1960, № 6, стр. 60.

журналов. Он участвовал в публикациях документов по истории революционного движения в России и истории партии¹³. Обширную публикацию документов осуществлял он на страницах журналов «Красный архив», «Пролетарская революция», «Красная летопись» и др. Большое число источников приложено им к его работам¹⁴. Одним из первых советских историков он поставил вопрос об изучении истории революционного движения и партии на основе широкой архивной и документальной базы.

Как исследователь, Невский наиболее плодотворно занимался историей революционного и рабочего движения. Им написано несколько книг, большое число статей, сообщений и предисловий. В его трудах получили освещение все основные проблемы революционного движения: народничество 70—80-х годов, рабочее движение и рабочие союзы 70—80-х годов, группа «Освобождение труда», революция 1905—1907 гг. и в некоторой степени Октябрьская революция. Невского по праву можно назвать одним из первых историков партии. На основе лекций, читанных им в Свердловском университете в 1920—1921 гг., им были написаны очерки по истории РКП(б). В вышедшем 1-м томе рассматривается период до 1898 г.¹⁵ Вслед за этим Невский издал краткий очерк истории партии, в котором изложение доведено до 1917 г.¹⁶ Обе работы были учебниками, написанными с большевистских позиций. В острой борьбе с проявлениями буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в историографии и социологии, к которой призывал в тот период В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма», звучащей живо и в наши дни, большое значение имели критические статьи Невского. В рецензии на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» он подверг критике попытки буржуазного историка опровергнуть марксизм с помощью обнаруженных в нем «противоречий»¹⁷. В ряде статей философского характера¹⁸ Невский

¹³ Газета «Работник» (1875—1876). Ред. и вст. ст. В. И. Невского. М., 1933; «Южнорусские рабочие союзы» (1872—1881). Сборник документов, под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского. М., 1924; «Черный передел». Орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг., предисл. В. И. Невского, т. 1. М.—Пг., 1923; «Советская печать и литература о советах», под ред. и с предисл. В. И. Невского. М.—Пг., 1925.

¹⁴ Документы о рабочем движении 70-х годов в сборнике «От „Земли и воли“ к группе „Освобождение труда“», о революционном движении 70—90-х годов в работах «История РКП(б). Краткий очерк» и «Очерки по истории Российской Коммунистической партии (большевиков)».

¹⁵ В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии (большевиков), т. 1, изд. 1-е. Л., 1924; изд. 2-е. Л., 1925.

¹⁶ В. И. Невский. История РКП(б). Краткий очерк. Л., 1926.

¹⁷ «Печать и революция», 1923, кн. 7, стр. 183.

¹⁸ В. И. Невский. Нострадамусы XX века.— «Под знаменем марксизма», 1922, № 4; он же. Реставрация идеализма и борьба с «новой буржуазией».— Там же, № 7—8.

вскрыл сущность глубокого кризиса буржуазного общества. В статье «Диалектический материализм и философия мертвой реакции»¹⁹, помещенной В. И. Лениным в 1920 г. в качестве приложения ко второму изданию «Материализма и эмпириокритицизма», Невский в свете ленинской оценки махизма и эмпириомонизма дал критику работ А. А. Богданова «Всеобщая организационная наука», «Наука об общественном сознании» и др. Историко-философская критика Невского имела важное значение в общем плане борьбы за упрочение марксистско-ленинского направления в советской исторической науке на первом этапе ее развития.

* * *

Одной из проблем, которыми Невский глубоко интересовался и над освещением которых работал много лет, была история народничества. Ей он посвятил большое число работ — книг²⁰, статей²¹ предисловий, вступительных статей²² и рецензий²³. Написанные историком-большевиком, они дали очень много для решения ряда спорных вопросов истории народничества 70—80-х годов. Не случайно в некоторых новейших исследованиях о народничестве авторы обращаются к историческим взглядам Невского²⁴.

¹⁹ В. И. Невский. Диалектический материализм и философия мертвой реакции.— В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XIII, приложение.

²⁰ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда» М., 1930.

²¹ Некоторые вопросы истории народничества рассматривались Невским в статьях: «„Земля и воля“ 60-х годов». — «Историко-революционная библиотека», 1930, № 8 (в соавторстве с Е. Сафоновой); «К. Маркс и русское революционное движение (Эпоха 60—80-х годов XIX в.)». — «История пролетариата СССР», 1933, № 1—2; «„Народная воля“ и рабочие» (Рабочие группы «Народной воли»). — «История пролетариата СССР», 1930, № 1; «Группа „Освобождение труда“ в период 1883—1894 гг.». — «Историко-революционный сборник», под ред. В. И. Невского, т. II, Л., 1924; «Виктор Павлович Обносский». — «Историко-революционный сборник», т. III. М.—Л., 1926.

²² Предисловия и вступительные статьи: к сборнику «Черный передел»; к мемуарам: Л. А. Тихомиров. Заговорщики и полиция. Под ред. В. Невского и П. Анатольева. М., 1930; «Воспоминания Льва Тихомирова». М.—Л., 1927; Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого (1840—1919). М.—Л., 1934; Л. Дейч. «Черный передел» — «Историко-революционный сборник», т. II, Л., 1924; к публикации: «Зерно». Рабочий листок. — «Историко-революционный сборник», т. II, Л., 1924.

²³ В. Невский. М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. по архивным документам, изд. 2-е. М.—Пг., 1923. — «Пролетарская революция», 1923; № 1; он же. Исполненный долг. Об избранных сочинениях на социально-политические темы П. Н. Ткачева, т. 1—3. М., 1932. — «Книга и пролетарская революция», 1933, № 7.

²⁴ Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России (1883—1894 гг.). М., 1959; Ш. М. Левин. Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов. — «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М.—Л., 1963.

Исследование Невским истории народничества явилось продолжением работы в этом направлении, начатой некоторыми большевиками еще в дореволюционный период²⁵.

Научная ценность работ Невского заключается прежде всего в том, что он привлекал в своих исследованиях о народничестве большое число архивных материалов, ставших доступными лишь после революции, нелегальных народнических изданий, мемуаров и работ своих современников. Он подверг критическому анализу программные документы «Земли и воли» 70-х годов, «Черного передела» и «Народной воли». История этих организаций была прослежена Невским «...в результате детального исследования социально-экономических основ народничества»²⁶.

В своих исследованиях он стремился быть верным ленинской оценке революционного народничества. В докладе на дискуссии о «Народной воле» особенно четко проявилась защита им отправных пунктов ленинской концепции истории народничества в широком смысле слова. «Во-первых,— подчеркивал он,— народничество характеризуется, по мнению Ленина, особой концепцией русского исторического процесса; во-вторых, народничество характеризуется защитой именно интересов мелкого производителя и, в-третьих, непониманием основ научного социализма, марксизма, т. е. зависимости идеологической надстройки от экономического базиса, от экономических отношений, от развития производительных сил»²⁷. Единство идеологии народников всех периодов Невский находил в том, что все они имели общую утопическо-социалистическую природу²⁸. С марксистской точки зрения Невский объяснял сущность глубоких изменений в народнической идеологии в конечном итоге явлениями социально-экономического развития России. Критически относился он к попыткам некоторых мемуаристов (в частности, О. В. Аптекмана и П. Б. Аксельрода) свести основную причину раскола единой организации в 1879 г. только к репрессивным мерам правительства или к различному отношению к лозунгу политической борьбы. Раскол «Земли и воли» 70-х годов и начало вырождения революционного народничества, справедливо утверждал Невский, вызваны разрывом между наивно утопическими чаяниями народников и результатами неумолимо действующих законов капиталистического развития страны. «Вместо социализма,— отмечал он,— в деревне изо всех углов так и лезли в глаза результаты

²⁵ Г. А. Куклин. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902). Женева, 1903; Н. Н. Батурич. Очерки истории социал-демократии в России, изд. 1-е. СПб., 1906; М. Н. Лядов. История Российской социал-демократической рабочей партии, ч. 1. СПб., 1906.

²⁶ В. И. Невский. Заключительное слово на дискуссии о «Народной воле» в обществе историков-марксистов.— «Историк-марксист», 1930, т. 15, стр. 142.

²⁷ В. И. Невский. Доклад о «Народной воле».— «Историк-марксист», 1930, т. 15, стр. 88.

²⁸ В. И. Невский. История РКП(б). Краткий очерк, стр. 15.

нового буржуазного хозяйства», которое перерождало основного «объекта» народнической агитации в мелкого буржуа, а «идеалист-народник» упорно искал в «темном мелкобуржуазном крестьянском мире зачатков, остатков или инстинктов социализма»²⁹.

Уже в ранних работах Невского глубоко интересовал основной вопрос сложной народнической проблемы: отношение народников 70—80-х годов к русской социал-демократии, традиции и наследство, полученное марксистами от революционеров 70—80-х годов. Этим вопросом занимался большой круг историков³⁰. Их исследования, несмотря на ошибки некоторых авторов, в конечном итоге способствовали победе в исторической науке ленинской концепции революционного народничества³¹.

Невский рассматривал народничество 70—80-х годов в процессе его эволюции через «Народную волю» и «Черный передел». Исходным положением для него служило ленинское определение этой эволюции. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, говоря о «внутренней эволюции»³² народовольства, с одной стороны, вырождение революционного народничества 70-х годов в «пошлый мещанский радикализм»³³ и, с другой стороны, «глубокую и плодотворную работу мысли» у некоторой части революционных народников, которая приводила их на практике «к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата»³⁴.

Изучая работы В. И. Ленина о народничестве, Невский пришел к выводу, что «наследством мы считаем ставку народников

²⁹ В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии (большевиков), т. 1, изд. 2-е, стр. 96.

³⁰ О значении теории и практики революционных народников для русской социал-демократии писал М. Н. Покровский в «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» (М., 1927). Одним из первых этим вопросом занимался Ю. Стеклов («Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России. М., 1918). Освещался он на страницах третьего тома «Историко-революционного сборника» (Л.—М., 1926). Наибольший резонанс вызвали статья И. А. Теодоровича «Историческое значение партии Народной воли» («Каторга и ссылка», 1929, № 8—9) и одноименная работа этого же автора, изданная в 1930 г.

³¹ Важной вехой на этом пути следует считать дискуссию о «Народной воле» в 1930 г. Она не была простым жонглированием ленинскими цитатами о народничестве, как ее пытаются представить Г. И. Ионова и А. Ф. Смирнов в статье «Революционные демократы и народники» («История СССР», 1961, № 5). Невский и некоторые другие историки обвиняются ими в непонимании ленинского учения о народничестве. Однако с позиций современной науки необходимо не только видеть слабости историков 20—30-х годов, но и объяснить их. И в новейших работах советских историков не существует единого мнения о народничестве 60—70-х годов (Б. С. Итенберг. Некоторые вопросы изучения общественного движения пореформенной России.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сборник статей. М., 1962).

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 445.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 458, 449—450.

на восстание масс, на восстание обездоленного, закабаленного крестьянства... и те революционные, якобинские приемы борьбы, которые характеризуют народничество в лучшие моменты его существования»³⁵. Невский считал, что та часть революционных народников, которая в 80-е годы, убедившись в бесплодности крестьянской агитации, пришла к необходимости пропаганды и агитации среди рабочих, внесла большой вклад в распространение марксизма в России. Во-первых, эти революционеры «...несли в социал-демократию свои революционные традиции — конспирацию, умение строить революционную организацию, выдержку, стойкость, словом, ту революционную закалку, которая и дала лучший тип революционера социал-демократа 90-х годов»³⁶. К подобному выводу приходил не только Невский. М. Н. Покровский считал «совершенно антиленинским» утверждение, будто «большевизм отделен от всего предшествующего революционного движения непроницаемой переборкой»³⁷. Отправным положением для этого вывода служило определение опыта, заимствованного социал-демократической партией у революционных народников, данное В. И. Лениным в работе «Что делать?»³⁸ Во-вторых, продолжал Невский, та часть революционных народников, которая шла в рабочую среду, подготовила почву для «пышных всходов социал-демократии»³⁹. Пропаганда и агитация среди рабочих способствовали восприятию ими идей социализма. Однако и сами пропагандисты, и агитаторы под влиянием рабочей среды эволюционировали к марксизму. Не поняв этой эволюции, неоднократно повторял Невский, «...нельзя понять историю русской социал-демократии»⁴⁰. Вместе с тем Невский резко выступил против преувеличения некоторыми историками революционного наследия народников. Об этом свидетельствует и его доклад на дискуссии о «Народной воле». Доклад был направлен, в частности, против ряда положений статьи И. А. Теодоровича⁴¹, в которой содержались неверная оценка «Народной воли» и попытка рассматривать ее чуть ли не как прообраз большевистской партии. Сближая утопический социализм народников с научным пролетарским социализмом, Теодорович находил в программе «Народной воли» ряд хотя и неразвитых положений программы партии большевиков (например, зачаточную идею

³⁵ В. И. Невский. Доклад о «Народной воле». — «Историк-марксист», 1930, т. 15, стр. 88.

³⁶ В. И. Невский. «Народная воля» и рабочие. — «История пролетариата СССР», 1930, № 1, стр. 89.

³⁷ М. Н. Покровский. По поводу юбилея «Народной воли». — «Историк-марксист», 1930, т. 15, стр. 74—75.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

³⁹ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 182.

⁴⁰ Там же, стр. 7.

⁴¹ И. А. Теодорович. Историческое значение партии Народной воли. — «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9.

диктатуры пролетариата). Невский был одним из историков-марксистов⁴², кто выступил с серьезной критикой этих взглядов Теодоровича⁴³. Он категорически отверг также утверждение Теодоровича о том, что программа «Народной воли» предвосхитила целый ряд ленинских положений о новой экономической политике⁴⁴. Историческое значение «Народной воли», отмечал Невский, состоит вовсе не в том, «будто она предвосхитила, хотя и в зародыше, те теоретические положения, которые получены и оформлены большевизмом в его историческом развитии», а в том, что наиболее революционная часть ее подготовила почву для восприятия рабочими социал-демократических идей. И все же, заключал он, ни эволюция некоторой части народолюбцев к марксизму, ни революционное содержание их программы не дают оснований для объявления «Народной воли» «предтечей большевиков»⁴⁵.

Критика Невского помогла Теодоровичу в известной степени преодолеть свои ошибки.

Однако и взглядам Невского были присущи некоторые противоречия. Подобные недостатки были характерны для целого ряда историков 20—30-х годов. В поисках корней русской социал-демократии Невский, как и некоторые другие историки, недооценивал роль группы «Освобождение труда» как родоначальницы социал-демократии. Предавалось забвению именно такое определение ее роли В. И. Лениным в работе «Из прошлой рабочей печати в России»⁴⁶. В пылу полемики с меньшевиками историки-большевики допускали известные крайности и переносили огонь критики на социал-демократию тех лет, когда меньшевизм еще и не существовал, принижали значение всего, что было связано с именем Плеханова. Невский, считая Плеханова 80—90-х годов «...непримиримой, революционно-ортодоксальной личностью»⁴⁷, а факт создания группы «Освобождение труда»

⁴² М. Н. Покровский. По поводу юбилея «Народной воли». — «Историк-марксист», 1930, т. 15; И. Татаров. Правооппортунистическая апология «Народной воли». — «Историк-марксист», 1930, т. 18—19; П. Горин в статье «Против некоторых искажений истории революции 1905 года» по поводу работ Теодоровича замечал, что «не из народничества вырос большевизм, а ... к большевизму пришла часть более последовательных народолюбцев-революционеров, понявших утопичность народнических программ» («Большевик», 1931, № 8, стр. 74).

⁴³ М. Н. Покровский по поводу ошибок Теодоровича писал, что они вовсе не объясняются «слабостью у нас научно-исследовательской работы», а свидетельствуют о «выпаривании из большевистского котла последних остатков демократических элементов» (из письма М. Н. Покровского к П. О. Горину от 8.1.1930 г. Приложение к кн.: П. О. Горин. М. Н. Покровский — большевик-историк. Минск, 1933, стр. 103, 104).

⁴⁴ В. И. Невский. Доклад о «Народной воле». — «Историк-марксист», 1930, т. 15, стр. 99.

⁴⁵ Там же, стр. 102.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 25, стр. 95.

⁴⁷ «Печать и революция», 1926, кн. 8, стр. 154.

началом «новой, социал-демократической эпохи»⁴⁸, тем не менее отказывал группе в почетном звании основателя марксизма в России. В 1883—1894 гг. группа, как справедливо отмечал Невский, заложила «теоретический фундамент»⁴⁹ русской социал-демократии. Практическую же работу по распространению марксистских идей в этот период, по мнению Невского, проводили народники-чернопередельцы в рабочих кружках. И когда в 1894 г. за границу направился поток социал-демократов, воспитанных в этих кружках, Плеханов и его товарищи, писал Невский, были поражены⁵⁰.

Считая работу среди пролетариата основным критерием оценки революционных народников как предшественников социал-демократов, Невский в сравнительном освещении этой стороны деятельности «Черного передела» и «Народной воли» отдавал предпочтение первому. Если чернопередельцы, по мнению Невского, главную цель этой работы видели в создании массовой рабочей партии, то народовольцы так и не смогли отказаться от взгляда на рабочие кружки как на «подсобные группы» сначала для деревни, а затем «для заговорщиков»⁵¹. Эти выводы были сделаны Невским после дискуссии 1930 г. Следует отметить, что он никогда не отрицал факта пропаганды народовольцев среди рабочих⁵², хотя считал, что народовольцами она велась в меньших размерах, нежели чернопередельцами. Дискуссия помогла ему лучше разобраться в сущности этой стороны деятельности организаций народников в 80-е годы. Однако он схематично распространил положение В. И. Ленина о переходе некоторой части народников на позиции «классовой борьбы пролетариата» лишь на «Черный передел». Эту организацию Невский рассматривал как эволюционировавшую почти в полном составе к марксизму. С подобной точкой зрения нельзя согласиться. Известно, что В. И. Ленин, говоря о внутренней эволюции народников, имел в виду народовольцев, а не бывших чернопередельцев (как народническая организация, «Черный передел» прекратил свое существование еще в начале 80-х годов). При всем этом нет никакого основания для того, чтобы считать Невского модернизатором «Черного передела» как прообраза большевистской партии, каким он представлен в статье Г. И. Ионовой и А. Ф. Смирнова⁵³.

⁴⁸ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 233.

⁴⁹ Там же, стр. 235.

⁵⁰ В. И. Невский. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг.— «Историко-революционный сборник», т. 2. Л., 1924, стр. 31.

⁵¹ В. И. Невский. «Народная воля» и рабочие.— «История пролетариата СССР», 1930, № 1, стр. 76, 77.

⁵² В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии (большевиков), т. 1, стр. 179.

⁵³ Г. И. Ионов, А. Ф. Смирнов. Указ соч.— «История СССР», 1961, № 5, стр. 114.

Невский предостерегал Теодоровича от опасности модернистского уклона; он писал: «...мы не хотим сказать, что русская социал-демократия выросла из „Черного передела“ или из „Народной воли“: ее возникновение и рост подготовлялись объективными условиями капиталистического развития»⁵⁴.

Невский высоко ценил революционный героизм «Народной воли». Вопреки несколько пренебрежительному отношению к ней М. Н. Покровского⁵⁵ он считал, что герои «Народной воли» конца 70-х — начала 80-х годов «огненными буквами вписали свое имя в историю»⁵⁶, хотя дальнейшая судьба организации — это «более или менее славные героические страницы теряющего одну позицию за другой бойца»⁵⁷. Постепенное вырождение «Народной воли», справедливо отмечал Невский, происходило под действием неумолимых законов капиталистического развития России. Но в рассмотрении программы «Народной воли» Невский допускал недооценку ее революционной стороны и на этой основе считал, что «Народная воля» целиком эволюционировала к буржуазному либерализму. Между тем В. И. Ленин писал, что даже в 90-е годы среди части народовольцев наблюдалось тяготение к марксизму, они либо приходили «к пропаганде и агитации среди рабочих», либо стремились «выделить *демократические* задачи в основу всей программы и всей революционной деятельности»⁵⁸. Невский же считал программные установки народовольцев «почти либеральными» уже в начале 80-х годов⁵⁹. Недооценка Невским демократической стороны мелкобуржуазной программы народовольцев, от которой предостерегал В. И. Ленин, была отмечена уже некоторыми его современниками⁶⁰. Будет справедливым заметить, что в работах 30-х годов взгляды Невского на «Народную волю» и ее программу значительно приблизились к истине.

Невский как историк народничества все полнее овладевал ленинской концепцией и все успешнее воплощал ее в своих исследованиях. Расширялся круг его научных интересов. Если в ранних работах он ограничивался преимущественно историей народничества 70—80-х годов, то в одной из последних, большой статье «К. Маркс и русское революционное движение»⁶¹, он

⁵⁴ В. И. Невский. «Народная воля» и рабочие.— «История пролетариата СССР», 1930, № 1, стр. 78.

⁵⁵ С его точки зрения, не 1 марта 1881 г. было «агонией „Народной воли“», а сама «Народная воля» была агонией социализма 70-х годов («Русская история с древнейших времен», т. IV, изд. 7-е. М.— Л., 1925, стр. 208).

⁵⁶ В. И. Невский. История РКП(б). Краткий очерк, стр. 26.

⁵⁷ Там же, стр. 32.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 446.

⁵⁹ В. И. Невский От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 203.

⁶⁰ См. рецензию Эм. Газа (Газганова) на книгу В. И. Невского «История РКП(б). Краткий очерк». — «Большевик», 1925, № 23—24, стр. 110.

⁶¹ «История пролетариата СССР», 1933, № 1—2.

предпринял критический обзор идейных взглядов народничества от Герцена до Михайловского. В статье подчеркивалось то, что недостаточно было выражено в его первых работах: качественно новый и по происхождению, и по содержанию характер пролетарского периода революционного движения в России. Этой статьей Невский подвел итог своих исследований о народничестве. Вместе с тем он полнее вскрыл всю систему ошибочной тактики народников. Русские народники «не могли понять» в 60—80-е годы «передовой теории современного социализма Маркса», — писал Невский. Они не могли понять, что «в России 70-х и 80-х годов не было еще условий, необходимых для социалистического переворота»⁶². Совершенствовалось исследовательское мастерство Невского. От простого подчас толкования фактического материала, приводимого иногда без достаточно обоснованной критики, им был сделан большой шаг к широким и смелым обобщениям и научным выводам, к более широкому использованию ленинского наследства.

* * *

Ряд работ о рабочем движении 70—90-х годов был написан предшественниками и современниками Невского⁶³. Невский, занимаясь рабочим движением 70—80-х годов⁶⁴, использовал, разумеется, их работы. Но основным источником послужил для него большой архивный материал. Именно благодаря этому рабочее движение 70—80-х годов было представлено в работах Невского очень широко⁶⁵.

Невский выступил против упрощенческой точки зрения Покровского, считавшего основной движущей силой рабочего движения 70—80-х годов рабочих-ткачей⁶⁶. Движение 70-х годов,

⁶² В. И. Невский. К. Маркс и русское революционное движение.— «История пролетариата СССР», 1933, № 1—2, стр. 55.

⁶³ С. М. [Мицкевич]. На заре рабочего движения в Москве.— «Текущий момент», М., 1906; Б. П. Козьмин. Рабочее движение в России до революции 1905 года, М. 1925; Н. Батурина. Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. М.— Л., 1925.

⁶⁴ В. И. Невский. К вопросу о рабочем движении в 70-е годы.— «Историк-марксист», 1927, т. 4; он же. Предисловие к книге «Морозовская стачка 1885 г.», М., 1925, он же. Московский рабочий союз.— «Борьба классов», 1934, № 7—8; он же. Николаевский «Южнорусский рабочий союз», Л., 1923; он же. Рецензия на работу Н. Батурина «Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. М.— Л., 1925». — «Печать и революция», 1926, кн. 3.

⁶⁵ Невский подверг критике работу Л. Мартова «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России» (Л.— М., 1923), преуменьшавшую число стачек и участие в них рабочих. Кроме этого, Невским был брошен упрек некоторым авторам (Н. Батуриной, М. Лядову), которые оперировали цифрами Л. Мартова без их проверки.

⁶⁶ М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., стр. 64.

утверждал Невский, было «значительно сложнее и пестрее», оно втянуло в свой кругооборот различные слои пролетариата — металлистов, ткачей, строительных рабочих, железнодорожных мастеровых и т. д.»⁶⁷ Из общего числа стачек 70-х годов 22,84%⁶⁸ были проведены рабочими-металлистами.

Рабочие-металлисты, по мнению Невского, являлись душой движения 70-х годов: численно уступая ткачам, они выделялись среди других категорий фабрично-заводских рабочих высоким сознанием и пониманием революционного долга. Не случайно именно в среде металлистов возникли первые рабочие союзы, руководимые Обнорским и Заславским⁶⁹.

Оценивая характер рабочего движения 70-х годов, Невский справедливо указывал на заблуждения Плеханова, который считал, что в этот период носителем массового рабочего движения в России был передовой заводской рабочий⁷⁰. Невский, детально изучив картину забастовочного движения в России 70-х годов, пришел к выводу, что носителем его был «...по преимуществу фабричный рабочий, полупролетарий, полукрестьянин, еще очень прочно связанный с деревней и деревенским укладом»⁷¹. Он выступил против утверждения Плеханова, будто рабочие 70-х годов самостоятельно⁷², без «революционной бациллы», воспринимали марксизм. Еще народники, замечал он, пришли к необходимости агитации и пропаганды среди рабочих. Из их рабочих кружков вышли замечательные руководители рабочего движения: Обнорский, Халтурин, Моисеенко и др. Передовые рабочие, воспитанные позже в кружках этих руководителей, были уже полноценными социал-демократами. Следовательно, заключал Невский, на этом этапе рабочего движения невозможно было обойтись без теоретически подготовленных людей.

Несомненной заслугой Невского было то, что он не ограничился историей стачечного движения в Петербурге, как это получилось у Плеханова, а показал всероссийское рабочее движение в масштабе «той большой картины, которую писала рука поднимающегося на борьбу всероссийского пролетариата»⁷³. Невский, рассмотрев эту картину, пришел к ряду глубоких выводов. Во-первых, утверждал он, в 70—80-е годы российский

⁶⁷ В. И. Невский. В. П. Обнорский.— «Историко-революционный сборник», т. III, стр. 8.

⁶⁸ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 69.

⁶⁹ Там же, стр. 71—72.

⁷⁰ Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. М., 1940, стр. 20.

⁷¹ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 9.

⁷² Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, стр. 25, 69.

⁷³ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 76.

пролетариат существует как класс, который приступает уже в то время к организованной, пусть еще примитивной борьбе с предпринимателями; во-вторых, эта борьба сплачивает рабочих, формирует их сознание и является в конечном итоге основной предпосылкой для создания социал-демократической рабочей партии в России⁷⁴. Эти выводы легли в основу исследования рабочего движения 70—80-х годов. Рабочее движение в России Невский рассматривал с точки зрения связи и преемственности его этапов. Движение 90-х годов, возглавляемое социал-демократией, через ряд переходных ступеней выросло в конечном итоге из движения 70-х годов, унаследовав его опыт и опыт первых руководителей — Обнорского, Халтурина, Заславского⁷⁵. Положение о преемственности опыта рабочего движения — одна из сильных сторон исторических взглядов Невского.

Основные направления в исследовании рабочего движения 70—80-х годов были сформулированы Невским в 1926 г. на страницах «Историко-революционного сборника». В центр внимания он ставил вопросы, которые были слабо или совершенно не исследованы в исторической науке: о взаимоотношениях между народнической интеллигенцией и рабочим классом; о роли в рабочем движении революционеров пролетарского происхождения; о сдвиге в идеологии народнической интеллигенции, который осуществился под влиянием рабочего класса и в конце концов привел определенную часть народников к марксизму⁷⁶. Значительная часть этих вопросов получила освещение в работах Невского.

Наиболее важным он считал вопрос о взаимоотношениях и взаимовлиянии рабочей массы и народнической интеллигенции. В изучении этих отношений с позиции историка рабочего движения Невский пришел к несколько иным выводам, нежели с точки зрения историка народничества. Очевидно преимущество, которое он отдавал влиянию борьбы рабочего класса на народников. Несомненно, считал он, «революционная работа народников среди пролетариата с каждым днем росла и ширилась», она подготавливала людей «из рабочей среды», которые «уже в 70-е годы попытались взять рабочее дело в свои руки»⁷⁷. Однако решающим условием для организованной борьбы рабочего класса была не народническая пропаганда, а прежде всего «изменившиеся экономические условия, рост капитализма, а вместе с ним

⁷⁴ В. И. Невский. К вопросу о рабочем движении в 70-е годы.— «Историк-марксист», 1927, т. 4, стр. 151 и др.

⁷⁵ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 101.

⁷⁶ В. И. Невский. В. П. Обнорский.— «Историко-революционный сборник», т. III, стр. 5.

⁷⁷ В. И. Невский. К вопросу о рабочем движении в 70-е годы.— «Историк-марксист», 1927, т. 4, стр. 125.

и рабочего движения»⁷⁸. Народники вынуждены были приспособляться к этим условиям, чтобы не оказаться за бортом революционного движения, вынуждены были понять, что начинается «нечто новое на Руси»⁷⁹. Морозовская стачка 1885 г. была подготовлена уже без участия чернопередельцев. Рабочее движение 80-х годов Невский рассматривал как вполне самостоятельное.

Рабочая среда, отмечал Невский, оказывала сильнейшее воздействие на народников, в том числе и чернопередельцев, ускоряя их эволюцию к марксизму. Она способствовала быстрому изживанию остатков народнических иллюзий у В. П. Обнорского, а «...без опыта, проделанного Обнорским и его товарищами, невозможна была бы та быстрая эволюция, которую проделали в свою очередь бывшие народники, чернопередельцы, с Плехановым во главе»⁸⁰. Там, где народники не сумели отказаться от старых представлений о «рабочем кружке для деревни», происходил резкий разрыв между рабочими и их пропагандистами. Как результат такого конфликта рассматривал Невский возникновение «Северного союза русских рабочих» в Петербурге.

Рабочие союзы 70—80-х годов в Петербурге, Одессе и Киеве Невский относил к числу тех организаций, которые были характерны для «переходного» периода от народничества к марксизму. Каждый из них, в большей или меньшей мере, свидетельствовал о крахе народнических воззрений на рабочий класс как на содействующую крестьянской революции силу. Союзы Одесский и Петербургский, писал Невский, были «первыми ударами» по народнической идеологии, а Киевский — «последней попыткой умирающего революционного воззрения приспособиться к новым условиям и начать переходный период, хотя и со старыми словами и со старыми знаменами»⁸¹. Как продукт в основном самостоятельного развития марксистских идей в России рассматривался Невским и «Социально-революционный кружок рабочих» Ю. Мельникова в Харькове (1888—1889 гг.)⁸².

Программы этих союзов были довольно детально изучены Невским под углом зрения непрерывного освобождения их от примесей народничества и все большего приближения к уровню программ первых социал-демократических групп Благоева, То-

⁷⁸ В. И. Невский. К двадцатипятилетию партии (1898—1923). — «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 5.

⁷⁹ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 300.

⁸⁰ В. И. Невский. В. П. Обнорский. — «Историко-революционный сборник», т. III, стр. 30.

⁸¹ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 93.

⁸² Там же, стр. 273. История этого союза, как и судьба его организаторов (Ю. Мельникова, В. Перазича и др.), известна нам в значительной мере благодаря Невскому.

чисского, Бруснева, Федосеева, Скворцова. Невский, сравнивая программы первых рабочих союзов, показал, как они постепенно освобождались от эклектизма и все более становились марксистскими. Это внесло существенные поправки в оценку рабочих союзов, в частности опровергло ошибочные выводы некоторых авторов, занимавшихся исследованием этих вопросов. Подобный вывод содержался в работе А. С. Бубнова «Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России»⁸³, написанной задолго до того, как появились первые исследования Невского о рабочих союзах. Сходство программы «Северного союза русских рабочих» с некоторыми социал-демократическими программами на Западе (с Готской программой в провозглашении «свободной народной федерации общин»⁸⁴ вместо переходного периода и программой швейцарского рабочего союза Грейлиха в идее производственных ассоциаций)⁸⁵ привело Бубнова к преувеличению социал-демократического содержания программы Союза. Автор включил «Северный союз» в первый период истории РКП(б) и объявил его первой социал-демократической организацией в России⁸⁶. Невский восстановил данную еще Плехановым⁸⁷ оценку программы Северного союза как лишь приближающейся к социал-демократической⁸⁸. Невский выступил против попыток Покровского объяснить различие в программах Северного и Южного союзов, исходя из того, что первый был союзом «текстильщиков, рабочих, вчера вышедших из деревни», а второй — «союзом главным образом металлистов»⁸⁹. Во-первых, утверждал Невский, в союзе Обнорского и Халтурина преобладали не ткачи, а металлисты; во-вторых, неверна сама методологическая основа заключения Покровского, который ставил программу союза в простую зависимость лишь от профессионального состава рабочих.

Значение Петербургского, Одесского и Киевского рабочих союзов, по мнению Невского, определяется тем опытом, который восприняли от них Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», «Московский рабочий союз» и первые социал-демократические организации. Ученики Обнорского,

⁸³ А. С. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. М., 1921.

⁸⁴ В. И. Невский. Предшественники нашей партии (Северный союз русских рабочих). М., 1930, стр. 37.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ А. С. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России, стр. 8.

⁸⁷ Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, стр. 75.

⁸⁸ В. И. Невский. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 168 и след.

⁸⁹ М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., стр. 66.

Заславского и Халтурина «разнесли по фабрикам и заводам идею своей организации (разрядка наша.— В. Ч.) и своим участием в практической борьбе рабочего класса очень сильно помогли организации русских рабочих»⁹⁰. Переходный период от народничества к социал-демократии завершился «Московским рабочим союзом» — массовой рабочей организацией, выдавшей, по свидетельству Невского, мандат В. И. Засулич на представительство в работе Лондонского съезда заграничной социал-демократии «от имени тысячи членов», которых в действительности было «вдвое больше»⁹¹. «Московский рабочий союз» рассматривался Невским уже сквозь призму «сочетания революционного марксизма со стихийным рабочим движением», которое нашло свое выражение «в работе первых социал-демократических кружков Петербурга и Москвы»⁹².

Невский, несомненно, был ближе к истине, считая, что лишь Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» является началом социал-демократического движения в России, освобожденного от влияния народнической идеологии. Он указал на серьезные заблуждения некоторых историков-мемуаристов, в частности С. И. Мицкевича⁹³, который приписывал эту почетную роль «Московскому рабочему союзу». «Московский союз», по мнению Невского, первым обратился к рабочим с печатным словом, в идеологическом отношении стоял, бесспорно, на марксистских позициях, но в своей деятельности использовал то, что родилось в Петербургском «Союзе борьбы», в частности, работы В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», его статьи в «Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития»⁹⁴.

В освещении истории рабочего движения 70—80-х годов Невскому удалось более четко показать качественную новизну пролетарского периода борьбы против царизма, нежели в исследовании народничества. «Рабочий революционер, — констатировал он, — в 70—80-е годы занимает почетное место в революционных рядах» и «далеко не последнее; наоборот, сплошь и рядом он на целую голову выше рядового революционера-интеллигента»⁹⁵.

⁹⁰ В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии (большевиков), стр. 194.

⁹¹ В. И. Невский. Московский рабочий союз.— «Борьба классов», 1934, № 7—8, стр. 107.

⁹² Там же, стр. 102.

⁹³ «Литература „Московского рабочего союза“». Материалы и документы. М., 1930.

⁹⁴ В. И. Невский. Московский рабочий союз.— «Борьба классов», 1934, № 7—8, стр. 107.

⁹⁵ В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии (большевиков), изд. 2-е, т. 1, стр. 194.

Марксистско-ленинское изучение истории революции 1905—1907 гг., начатое еще в дни революционных событий или по их свежим следам⁹⁶, успешно продолжалось историками-марксистами в 20—30-е годы. Важной вехой на этом пути был 20-летний юбилей первой русской революции, отмеченный большим числом новых работ. Были опубликованы мемуары⁹⁷, документы⁹⁸, исследования М. Н. Покровского, Н. Н. Батурина, П. О. Горина и др.⁹⁹, тем самым было положено начало всестороннему изучению революционных событий 1905—1907 гг. Насколько продвинулось это изучение, можно судить по указателю литературы «Первая русская революция»^{99а}, изданном в 1930 г.

И все же число работ о революции 1905—1907 гг. явно не удовлетворяло запросы читателя. Невский отмечал, что «великое движение 1905 года» далеко не полностью изучено и ничем не оправдано забвение этой тематики¹⁰⁰. Покровский призывал отрешиться от взглядов на революцию 1905 г. как на второстепенное явление, не заслуживающее особого внимания в силу его «буржуазного, да еще не удавшегося характера», взгляда, наиболее распространенного в кругу молодых историков¹⁰¹. Такую точку зрения Покровский рассматривал как «совершенно неверную и не ленинскую»¹⁰², ибо В. И. Ленин всегда подчеркивал неразрывную связь между 1905 и 1917 гг. Невский планировал всестороннее монографическое исследование революционного движения 1905—1907 гг. Уже по тому, что было им осуществлено, можно судить о большом значении предпринятой им работы. Все труды Невского о революции 1905 г. посвящены в основном трем узловым моментам, наиболее при-

⁹⁶ См. статьи В. В. Воровского «Уроки жизни», «Корабль-скиталец» и др.—Соч., т. III. М., 1933; Б. М. Кнуньянц (Радин). Первый Совет рабочих депутатов 13 октября—3 декабря 1905 г. СПб., 1906.

⁹⁷ Среди них: «Декабрь 1905 года на Красной Пресне». Сборник статей и воспоминаний под ред. В. И. Невского. М.—Пг., 1923.

⁹⁸ «Первая русская революция в Петербурге. 1905 г.» Сборник статей, воспоминаний и документов, ч. 1—2. Л.—М., 1925; «Петербургский и Московский Советы рабочих депутатов 1905 года (в документах)». М., 1926; «1905. Стачечное движение». Материалы и документы. М.—Л., 1925.

⁹⁹ М. Н. Покровский. 1905 год. М., 1930; Н. Н. Батурин. Борьба за Советы как органы пролетарской диктатуры. Л., 1925; П. О. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов. М., 1925; Н. Бабахан. Советы 1905 года. М., 1923; Е. Кривошеина. Советы рабочих депутатов в революции 1905 года. М., 1926; «1905. История революционного движения в отдельных очерках». т. 1—3. М.—Л., 1925—1927.

^{99а} «Первая русская революция». Указатель литературы. М., 1930.

¹⁰⁰ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г. М., 1932, стр. 283.

¹⁰¹ М. Н. Покровский. 1905 год, стр. 3.

¹⁰² Там же.

влекавшим внимание историков: рабочему движению в январские дни 1905 г. в Петербурге, Москве и провинции; вооруженному восстанию в Москве и других городах; столичным и провинциальным Советам. Сборники статей «Рабочее движение в январские дни 1905 г.», «Советы и вооруженное восстание в 1905 г.»¹⁰³, несколько десятков статей¹⁰⁴, предисловий, рецензий, а также публикаций документов о 1905 г.¹⁰⁵ — таков результат его исследований.

Уже в 1922 г., когда стали появляться новые работы и воспоминания о 1905 г., на страницах первых номеров органа Петроградского бюро Истпарта «Красная летопись» был опубликован ряд статей Невского о рабочем движении в январе 1905 г. в Петербурге, Москве и провинции. Автор поставил перед собой задачу наиболее полно и глубоко осветить революционные события 1905 г. В отношении рабочего движения эта задача заключалась в том, чтобы «изучить движение в мельчайших его деталях и проявлениях», раскрыть «динамику этой борьбы», увязать ее «с движением предшествующих лет» и показать, что в требованиях рабочих отразилась «не индивидуальная воля какого-то героя», а итог борьбы «целых поколений пролетарских масс»¹⁰⁶. Рабочее движение в 1905 г. Невский стремился осветить с учетом отмеченного В. И. Лениным соотношения элементов стихийности и сознательности и проследить победу «сознательного революционного движения передовых слоев рабочего класса над стихийным движением темных и отсталых масс пролетариата»¹⁰⁷. Но, как далее будет показано, ему не всегда удавалось это сделать.

Невский широко использовал работы В. И. Ленина о революции 1905 г., которые, по его мнению, содержали «поразительно верную оценку конкретной обстановки и событий», представляли собой «незаменимый источник для изучения революционной тактики большевиков» и огромную ценность «с

¹⁰³ В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г. М., 1930; он же. Советы и вооруженное восстание в 1905 г.

¹⁰⁴ В. Невский. Январские забастовки 1905 г. в Москве.— «Красная летопись», 1922, № 2—3; он же. Январские дни 1905 г. в Екатеринославе и Донецком бассейне.— «Красная летопись», 1922, № 2—3; он же. Январские дни 1905 года на Кавказе.— «Пролетарская революция», 1924, № 4; он же. Петербургская социал-демократическая организация в январе 1905 года.— «Красная летопись», 1925, № 1; он же. От вооруженного восстания к Советам.— «Историко-революционная библиотека», 1930, № 10—11; он же. Вооруженное восстание в 1905 г.— «История пролетариата СССР», 1930, № 3—4; он же. Новороссийская республика.— «Пролетарская революция», 1923, № 11.

¹⁰⁵ «Красный архив»; «Красная летопись»; «Советская печать и литература о Советах». Под ред. и с предисл. В. И. Невского. М., 1925; «Революция 1905 года». Материалы и официальные документы. Под общ. ред. и с предисл. В. И. Невского. [Харьков], 1925.

¹⁰⁶ В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г., стр. 59.

¹⁰⁷ Там же, стр. 58.

методологической точки зрения»¹⁰⁸. В. И. Невский отстаивал в своих работах ленинское учение о революции как единственно верное, научно обоснованное и подвергал критике попытки меньшевистских историков извратить истинную картину движения.

Революционное движение 1905 г. Невский рассматривал в процессе его непрерывного распространения «вглубь» — по линии втягивания в него все новых слоев рабочих и «вширь» — по линии вступления в него все большего числа районов и городов, вплоть до захолустных, где движение значительно запаздывало¹⁰⁹. Другой характерной чертой движения 1905 г. он считал взаимосвязь событий и непрерывное развитие форм борьбы от низших к высшим. Между январским движением и Декабрьским вооруженным восстанием существовал, по его мнению, ряд переходных моментов, каждый из которых был высшей и более совершенной формой движения по сравнению с предыдущим, — от простой политической стачки к всеобщей и через нее к вооруженному восстанию¹¹⁰. Среди других закономерностей, которые охарактеризовал Невский в рабочем движении 1905 г., следует назвать: определенную последовательность его распространения, очередность вступления в него после Петербурга Москвы, Прибалтики, Польши, Западного края и т. д. вплоть до отдаленных районов Сибири; зависимость размаха и сознательности движения от уровня промышленного развития различных районов России¹¹¹; ведущую роль в движении рабочих-металлистов. В его работах проводилось положение В. И. Ленина о поразительно быстром переходе движения с чисто экономической почвы на политическую¹¹². «Политический характер массового рабочего движения бесспорен», — констатировал Невский, однако его нельзя «понять и осмыслить», совершенно отбросив в сторону «экономическое содержание»¹¹³.

События 9 января 1905 г. были результатом стихийного выступления пролетариата Петербурга, которое при «организационном хаосе», царившем в «петербургском подполье», перелилось «через все комитеты, группы и группочки»¹¹⁴. Руководство рабочей массой было потеряно, большевики не смогли накануне и в день выступления рабочих противопоставить что-либо гаповской пропаганде; единственное, что им удалось сделать, это

¹⁰⁸ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 275.

¹⁰⁹ Там же, стр. 196.

¹¹⁰ В. И. Невский. Вооруженное восстание в 1905 г. — «История пролетариата СССР», 1930, № 3—4, стр. 41—42.

¹¹¹ В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г., стр. 508—509.

¹¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 176.

¹¹³ В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г., стр. 21.

¹¹⁴ Там же, стр. 85.

включить в петицию некоторые социал-демократические требования. В. И. Ленин писал, что 9 января «...обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов»¹¹⁵.

Однако то, что говорил В. И. Ленин о стихийности в начале событий, Невский распространил на весь начальный период революции — январь 1905 г. Во всех его работах о первой русской революции чувствуется некоторое увлечение стихийной стороной движения, стремление подчеркнуть, что по крайней мере до начала осенних политических стачек не только меньшевики не имели веса в руководстве движением, но и большевики не всегда были во главе его. Могучее стихийное движение рабочих и крестьянских масс, замечал Невский, «..грозило затопить в своем потоке не только врагов революции, но и растерявшихся революционеров»¹¹⁶. Это увлечение наблюдалось уже в ранних работах Невского о рабочем движении в январские дни 1905 г.¹¹⁷ Но и в работах, написанных во второй половине 20-х — начале 30-х годов, Невский продолжал рассматривать рабочее движение в первые месяцы революции как стихийное.

«События были настолько грандиозны,— пояснил он,— а роль организации была настолько слаба», что социал-демократы не имели влияния на движение, хотя борьба за массы была налицо¹¹⁸. Таким образом, Невский не нашел правильного соотношения стихийности и руководства революционным движением 1905 г. на первом его этапе. Некоторые другие авторы, например Покровский, стояли в решении этого вопроса на более правильных позициях. Революции, писал Покровский, «не возникают и не проходят стихийно», даже «в возникновении революции стихийность — только одно из условий,— тем более стихийность играет подчиненную роль при проведении революции»¹¹⁹.

В освещении революционных событий второй половины 1905 г. (политических стачек и вооруженных восстаний) Невский был не всегда последователен. Некоторое преувеличение стихийности революционного движения в первые месяцы 1905 г. и непоследовательность в изложении вопроса о большевистском руководстве при освещении дальнейших событий революции были своеобразной реакцией историка-большевика на попытки меньшевистских авторов приписать руководство народными массами в 1905 г. своей фракции. Это обстоятельство в какой-то

¹¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 264—265.

¹¹⁶ В. И. Невский. Вооруженное восстание в 1905 г.— «История пролетариата СССР», 1930, № 3—4, стр. 7.

¹¹⁷ См. статьи Невского о рабочем движении в Петербурге, Москве и провинции в январе 1905 г. в четырех первых номерах «Красной летописи» за 1922 г.

¹¹⁸ В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г., стр. 152.

¹¹⁹ М. Н. Покровский. 1905 год, стр. 47—48.

степени признавал и сам Невский: «...меньшевики пытались задним числом доказать, что их „С.-Петербургская группа при ЦК“ играла большую роль в движении», «большевики имели мужество сознаться» и «сделать выводы» из того, что фактического руководства не было¹²⁰. Невский не скрывал недостатки руководства рабочим движением со стороны большевиков. «Мы несколько не хотим затушевывать ошибки, сделанные нами в 1905 году,— писал он,— их было много, и Ленин первый их подчеркнул»¹²¹. Однако основную причину этого он видел больше в сектантстве, узко подпольной пропаганде, обособленности кружков от масс¹²², чем в раскольнической деятельности меньшевиков, которая ослабила партию.

Наиболее существенным пробелом в освещении Невским истории революции 1905 г. было игнорирование им крестьянского вопроса. Правда, тематика таких работ, как «Рабочее движение в январские дни 1905 г.», «Советы и вооруженное восстание в 1905 г.», закрепляла за автором право писать преимущественно о рабочем движении. Но коль скоро он ставил перед собой цель всестороннего освещения революционного движения, то беглые замечания, которыми он характеризовал роль крестьянства в революции, были совершенно недостаточны. Уже современники Невского отмечали эту слабую сторону его исследований. Эм. Газганов замечал, что из трудов Невского (конкретно речь шла об «Истории РКП(б)») почти ничего неизвестно о «мощном крестьянском движении 1905—1906 гг.»¹²³. Более того, Невский иногда и в этом скудном освещении крестьянского вопроса допускал отдельные неправильные формулировки. Так, союзником пролетариата в буржуазно-демократической революции в России он объявил только «беднейшие слои крестьянства»¹²⁴. Однако положения подобного рода, конечно, не свидетельствуют о непонимании Невским сущности аграрной программы большевиков.

Невский с большевистских позиций подходил к оценке двух тактик — большевистской и меньшевистской, подчеркивая революционность первой уже в январские дни. «Там, где руководитель движения — большевик,— отмечал он,— там большой успех и революционность; там, где во главе движения меньшевик», там оно «более робко, более умеренно»¹²⁵. Руководство партии большевиков в революции 1905 г., по мнению Невского, заслуживает освещения в отдельной книге¹²⁶. Все другие партии —

¹²⁰ В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г., стр. 93.

¹²¹ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 260.

¹²² В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г., стр. 159.

¹²³ «Большевик», 1925, № 23—24, стр. 111.

¹²⁴ На это указывал Эм. Газ (Газганов).— Там же.

¹²⁵ В. И. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 г., стр. 510.

¹²⁶ Там же, стр. 511.

меньшевиков, эсеров, кадетов — имели в движении «слишком ничтожное значение»¹²⁷.

Большевистская убежденность и последовательная критика меньшевистских взглядов наиболее ярко проявились в разработке Невским истории Советов 1905 г., всестороннее изучение которой тогда только начиналось¹²⁸.

В работах Невского нашли свое место не только центральные Советы, но и большинство известных в то время провинциальных Советов. В этом отношении его заслуга как историка Советов особенно велика. Его исследования имели важное научное и политическое значение. Они были направлены против меньшевистской концепции истории Советов 1905 г., согласно которой именно меньшевики являлись инициаторами создания Советов. Как подкрепление этой концепции выдвигалась идея «рабочего самоуправления», рекламируемая меньшевиками в 1905 г. Невский опроверг меньшевистский вымысел. Идея «рабочего самоуправления», подчеркнул он, могла привести лишь к «булыгинской конституции», в то время как Советы должны были стать органами революционной диктатуры рабочих и крестьян¹²⁹. «Говорить о том, что именно меньшевистские идеи о революционном самоуправлении способствовали возникновению Советов, по меньшей мере, рискованно»¹³⁰, — заключал он. В этом вопросе нет и не может быть точек соприкосновения большевистского и меньшевистского понимания происхождения Советов.

Влияние меньшевистских «открытий» сказалось на исследовании некоторых авторов, особенно в вопросе об источниках Советов. Н. Бабахан пытался доказать, что Советы возникали из зубатовских организаций. Еще раньше меньшевистская точка зрения получила отражение в воспоминаниях П. Колокольниковы (Дмитриева)¹³¹, который считал Московский Совет созданным по инициативе меньшевиков путем объединения в ноябре 1905 г. Советов, существовавших в профсоюзах табачников, лоточников, столяров. Променьшевистская точка зрения этих авторов была резко осуждена Невским. «Идея Советов,—

¹²⁷ В. И. Невский. Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г., вып. I. М.—Пг., 1923, стр. 4.

¹²⁸ П. О. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов. М., 1925; изд. 2-е, 1930; В. С. Смирнов. Стачное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г. Иваново-Вознесенск, 1924; он же. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г., Иваново-Вознесенск, 1924; И. Д. Смирнов. История первого Совета 1905 г. в Воронеже.— «Пролетарская революция», 1927, № 8—9.

¹²⁹ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 10.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ П. Колокольников. Воспоминания.— «Былое», 1907, № 4.

возражал он,— уже в сентябре носилась в воздухе и была сформулирована большевистской организацией»¹³².

Невский установил, что Иваново-Вознесенский Совет был первым в 1905 г. Безусловно, нельзя отрицать, указывал Невский, что Иваново-Вознесенский Совет первое время был стачечным комитетом: стачечные комитеты — наиболее распространенный источник Советов. Но переход его от экономической борьбы к борьбе политической свидетельствовал о постепенном перерастании организации иваново-вознесенских рабочих из обычного в «своеобразный стачечный комитет»¹³³, который обдал всеми чертами Совета.

Иваново-Вознесенский и Костромской Советы — «прообразы ноябрьских Советов 1905 года», причем каждый из них — «только дальнейшая», более высокая фаза «стихийно возникавших боевых организаций рабочего класса» — собраний старост, уполномоченных депутатов, фабрично-заводских и стачечных комитетов, «которые заключают в себе много черт Советов позднейшего периода»¹³⁴.

Пolemика Невского с Гориным велась и вокруг положения В. И. Ленина о стихийности в возникновении Советов. Горин утверждал, что Невский преувеличил элемент стихийности. Это обвинение имело основание, ибо Невский, отрицая участие меньшевиков в создании Советов, значительно недооценивал и роль в руководстве ими большевиков¹³⁵. С точки зрения Горина, было бы неверным видеть в качестве «основного признака Советов» их «самочинное, стихийное появление, так как стихийность более характерна для стачечных комитетов»¹³⁶. Но не всегда четко проводя грань между большевиками и меньшевиками в 1905 г., Горин, сам того не желая, как бы приписывал меньшевикам инициативу в создании Советов. Однако и Невский был не совсем прав. На примере деятельности Петербургского Совета он доказывал, что даже у большевиков в начале деятельности Советов было «непонимание новых организаций», даже «некоторая боязнь их»¹³⁷.

Цитируя В. И. Ленина, Невский прошел мимо его замечания о том, что при всей стихийности возникновения Советов нельзя сбрасывать со счетов руководство ими со стороны партии большевиков¹³⁸. И все же к вопросу о возникновении Советов Нев-

¹³² В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 32.

¹³³ Там же, стр. 16.

¹³⁴ Там же, стр. 20, 29.

¹³⁵ Правда, Невский оговаривал, что он понимает стихийность не в том смысле, что «большевики и наша партия не имели руководящего значения»; стихийность он трактует так, как понимали ее Ленин, Маркс, Энгельс, т. е. отставание организации от роста и размаха движения (В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 168).

¹³⁶ П. О. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов, стр. 22.

¹³⁷ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 33.

¹³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 231.

ский подходил с более партийных позиций, нежели Горин. «Ведь социал-демократия-то была разная», — убеждал Невский; поэтому неправильно считать, что «основной чертой Советов было их насаждение социал-демократией»¹³⁹. Критика Невским положений Горина была поддержана целой группой историков и перенесена в 1931 г. в дискуссию о характере революции 1905 г. Ем. Ярославский и П. Парадизов, отмечая достоинства книги Горина, основной ошибкой его считали попытку представить Советы в 1905 г. как организации более высокого типа по сравнению с партийными организациями¹⁴⁰. Это же отмечала редакция журнала «Большевик», подводя итоги дискуссии¹⁴¹.

Невский неоднократно подчеркивал сущность Советов как органов революционной диктатуры, не имеющих прецедента в русской истории. Он в корне отрицал мысль Рожкова о том, что Советы рабочих депутатов своими корнями уходят в далекое прошлое, в «выборные рабочие организации» 70—80-х годов. Между теми и другими огромная «принципиальная разница»: выборные во время стачек 60—70-х годов — простые ходатаи, Советы в 1905 г. — «боевые организации и революционные органы власти», да и «социально-экономическая и политическая обстановка» той и другой эпох «далеки друг от друга»¹⁴².

Невский одним из первых среди историков 20-х годов принял попытку показать деятельность провинциальных Советов. Основной критерий революционности Советов Невский видел в большевистском руководстве.

Сильной стороной Невского — историка первой революции — явился его подход к революционным событиям с точки зрения их закономерности и взаимосвязи. Этапы революционной борьбы 1905 г. — звенья единой цепи, которые вели и сознательно направлялись партией большевиков к вооруженному восстанию. Сентябрьская политическая стачка, по мнению Невского, — преддверие всеобщей политической Октябрьской стачки, а последняя создала предпосылки вооруженного восстания¹⁴³. Московское вооруженное восстание — «не случайный эпизод революции, а ее естественное логическое завершение»¹⁴⁴. Особое внимание автор уделил роли партии большевиков в вооруженном восстании.

В освещении декабрьских событий Невский в основном шел в направлении, которое дали историкам работы В. И. Ленина.

¹³⁹ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 25.

¹⁴⁰ Ем. Ярославский. О революции 1905 года. — «Большевик», 1931, № 7, стр. 73—74; П. Парадизов. О книге тов. П. Горина. — «Каторга и ссылка», 1931, № 4, стр. 25.

¹⁴¹ «Большевик», 1931, № 7, стр. 89; № 9, стр. 81.

¹⁴² В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 43.

¹⁴³ Там же, стр. 220.

¹⁴⁴ В. И. Невский. История РКП(б). Краткий очерк, стр. 279.

Более или менее четко ленинская концепция проводилась в уже названных работах Покровского и редактировавшихся им изданиях¹⁴⁵. Отличительной особенностью Невского-историка являлось то, что он не ограничивался революционными событиями декабря 1905 г. в центре, а посвятил отдельные главы, статьи и даже работы движению во всех основных районах России — от Польши до Сибири и от Петербурга до Кавказа. Там, отмечал Невский, где Советами руководили большевики, вооруженное восстание было закономерным явлением.

Резко критиковал Невский оппортунизм меньшевиков в революции 1905 г. Не ушедшие в оценке событий «...дальше традиционных представлений II Интернационала,— писал он,— меньшевики не поняли ни значения всеобщей политической стачки, ни задачи практической подготовки вооруженного восстания»¹⁴⁶. И лишь партия большевиков через Советы и боевые группы руководила восстанием «в противовес наступающей реакции», и именно поэтому «гремели пушки Свеаборга и Кронштадта еще и в 1906 г., и на страницах нашей истории сияют такие имена, как Е. Коханский, А. Емельянов и тысячи их товарищей. Несмотря на отдельные ошибки и промахи 1905 г., партия пронесла его опыт „до славных дней Октября“»¹⁴⁷.

Невский не считал свои работы фундаментальными и всеобъемлющими; он предполагал опубликовать еще ряд работ о революции 1905 г.¹⁴⁸, но осуществить это ему не удалось.

История революционного движения в трудах Невского не исчерпывается названными выше проблемами. Это — лишь узловые моменты его исследований. Глубоко интересовался Невский и другими вопросами. Им написан ряд статей и брошюр о Великой Октябрьской социалистической революции. Известны его работы о летних стачках 1903 г., забастовках 1904 г., ленских событиях и др. Невский — автор нескольких популярных биографических очерков о В. И. Ленине. Им создана целая галерея образов выдающихся представителей русского революционного движения — В. П. Обнорского, Е. О. Заславского, П. А. Мойсенко, Н. Н. Батурина, И. Я. Жилина, Я. М. Свердлова и др. Он был поистине многогранным историком революционного движения.

Труды Невского публицистичны по характеру. Большое влияние на них оказала тесная связь исторических исследований

¹⁴⁵ «1905. История революционного движения в отдельных очерках». М.—Л., 1925.

¹⁴⁶ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 249.

¹⁴⁷ В. И. Невский. Вооруженное восстание в 1905 г.— «История пролетариата СССР», 1930, № 3—4, стр. 77.

¹⁴⁸ В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 5.

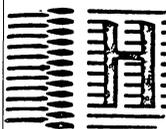
с партийной, общественной и агитационно-массовой работой автора. На них лежит печать бурного характера революционной эпохи. Невский стремился довести до сознания массового читателя сущность великих революционных событий.

Невский отмечал, что историками 20—30-х годов лишь положено начало изучению истории революционного движения «Мы сделали еще мало,— писал он,— но в чаянии этого счастливого будущего будем все посильно трудиться над построением и укреплением великой свободной науки истории трудящегося человечества, час освобождения которого ударил 25 октября 1917 года»¹⁴⁹.

¹⁴⁹ В. И. Невский. Что сделано по истории революционного движения за десять лет (1917—1927 гг.).— «Печать и революция», 1927, кн. 8, стр. 69.

В. О. Ключевский как историк исторической науки

(Русская историография первой половины XIX в.)

е всем известно, что крупнейший русский буржуазный историк Василий Осипович Ключевский (1841—1911 гг.) более 20 лет занимался изучением русской историографии, иначе говоря, изучением истории исторической науки. Опубликованные и рукописные историографические труды Ключевского показывают, что он значительно расширил представление современной ему науки о зарождении и развитии русской историографии. С 1888 по 1908 г. он читал специальный курс по русской историографии, который начинался примерно с XII—XIII вв. и доводился до начала XX в.¹

Исследование историографических работ и взглядов Ключевского в полном их объеме — задача специального исследования. В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением лишь одной части этой проблемы — речь будет идти о характеристике Ключевским развития русской историографии первой половины XIX в., т. е. одного из тех периодов, который был в годы деятельности Ключевского наименее изучен.

В архиве Ключевского не сохранился полный текст лекций по русской историографии XIX в. Возможно, такой рукописи и не было. Дошедшие до нас материалы носят разрозненный, отрывочный характер. И тем не менее они все же дают возможность воссоздать разработанную Ключевским концепцию развития отечественной историографии.

Историографические материалы Ключевского, посвященные русской исторической науке первой половины XIX в., в подавляющем большинстве до сих пор остаются неопубликованными.

¹ Свой курс по русской историографии Ключевский не готовил к печати, и работа над ним, очевидно, не была завершена. Часть этого курса была опубликована в 1959 г. в 8-м томе сочинений В. О. Ключевского. Подробнее об истории создания Ключевским историографического курса, о реконструкции этого курса по сохранившимся рукописям и о периодизации Ключевским истории русской исторической науки см.: Р. А. Киреева. Историографический курс В. О. Ключевского. — «История СССР», 1964, № 2.

Исключение составляет лишь статья «Памяти Т. Н. Грановского», напечатанная в 1905 г. в газете «Русские ведомости»². Все другие материалы, являющиеся автографами Ключевского, можно сгруппировать следующим образом: заметки об отдельных историках; рецензии на некоторые исторические труды; неоконченные статьи на определенные историографические темы (например, о славянофилах и «западниках» или по так называемому «варяжскому вопросу»); наброски речей и выступлений; некрологи, посвященные памяти умерших коллег; отчасти письма и дневники Ключевского, в которых он касается историографических вопросов.

Разработкой русской историографии первой половины XIX в. Ключевский занимался главным образом в 70-х, затем в 90-х годах.

По первоначальному проекту Ключевский делил историографию XIX в. лишь по внешнему признаку — по царствованиям. В планах лекций тех лет встречаем такие названия периодов: «Движение умов в русском обществе в первую половину царствования Александра I» или «Краткий очерк русской историографии в царствование Николая I»³. Затем, более глубоко изучив проблему, Ключевский отошел от подобной периодизации русской историографии. В ее основу он положил другие принципы — исторические события, влиявшие на развитие исторической мысли, и труды наиболее крупных историков. Всю историографию XIX в. в соответствии с этим он разделил на два периода.

Важным событием, определившим первый период, Ключевский называет последствия Великой французской революции и наполеоновские войны, а важнейшим историческим трудом считает «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Второй период Ключевский намечает примерно с конца 1850 — начала 60-х годов, со времени Крымской войны и отмены крепостного права, и выдвигает «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева как рубеж, определивший новый период в развитии русской историографии.

Под влиянием Французской революции, писал Ключевский, «начали искать... исторического разума», «эти события дали сильный толчок и русской историографии»⁴. Ключевский отмечал также «двойное действие полит[ических] событий нач[ала] XIX [века]»⁵ на русское «движение умов». Прежде всего он указывает на «пробуждение патриотизма наполеоновскими вой-

² «Русские ведомости», 8 октября 1905 г. Статья перепечатана в 8-м томе сочинений В. О. Ключевского.

³ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, фонд В. О. Ключевского (далее — ОРФ), д. 12.

⁴ Там же, д. 28.

⁵ Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей (далее — ГБЛ), ф. 131, п. 13, ед. хр. 11.

нами и особенно [18]12 годом», в результате которого началось «возбуждение литературное». «Говорили только о России, [о] доблестях прошлых и настоящих, особенно [о] первых»⁶, говорили о ее превосходстве, идеализировали русскую историю. Воздем этого «патриотического» движения Ключевский называет Ф. В. Ростопчина. Сюда же он относит С. Н. Глинку с его «Русским вестником» и Н. А. Львова. Интересно отметить, что Ключевский видит прямую «связь этого направления с официальным историческим сознанием после 1825 [г.]», в частности с М. П. Погодиным, а также со славянофильством. В то же время Ключевский отмечает, что оппозиция этому направлению началась с П. Я. Чаадаева и декабристов⁷.

Особенностью влияния войны 1812 г. Ключевский считает пробуждение веры в народные силы: «возбуждение масс, в смысле свободы, чувства силы и достоинства». Вместе с тем он указывает и на усиление после войны европейского влияния на Россию. Оно было вызвано близким знакомством с Европой, непосредственным наблюдением ее жизни, с впечатлениями, вынесенными из военных походов; все это, пишет Ключевский, послужило «источником... поправления сознания»⁸. Это направление, представителей которого Ключевский не называет, носит, по его мнению, политический характер. Выражение «поправление сознания» свидетельствует о том, что симпатии самого Ключевского были на стороне этого направления «Энтузиазм патриотизма и борьбы за свободу,— писал Ключевский,— имел нравств[енное] действие и бросил в русские умы новые общ[ественно]-полит[ические] понятия. Это расширение из высшего круга [перешло] на общество военное и т. д.»⁹ Здесь Ключевский, безусловно, имел в виду декабристов.

Таким образом, Ключевский наметил основные течения в русском обществе, которые имели непосредственное влияние на развитие исторической мысли первой половины XIX в. Но не все эти течения он изучал в одинаковой мере. Так, он лишь бегло отметил существование оппозиции официальному направлению, а основное внимание сосредоточил на анализе взглядов историков «академической» школы.

После общей характеристики общественного настроения эпохи Ключевский переходил к рассмотрению деятельности отдельных историков.

* * *

О Н. М. Карамзине как историке и его труде «История Государства Российского» высказались до Ключевского многие исследователи. И первые же отзывы резко обозначили две линии

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

в оценке его творчества. Представители так называемого охранительного направления не скупались на дифирамбы и панегирики, прославляя историка — идеолога реакционного дворянско-аристократического круга. Резко отрицательные отзывы сразу же стали высказываться представителями прогрессивных слоев общества: декабристами, особенно Н. Муравьевым, великим русским поэтом А. С. Пушкиным, чьи эпиграммы на Карамзина имели широкое хождение, и несколько позднее революционными демократами. Критиковали Карамзина и профессиональные историки: М. Т. Каченовский, Н. С. Арцыбашев, Н. А. Полевой, польский историк И. Лелевель, С. М. Соловьев, позднее П. Н. Милюков и др. В противоположность М. П. Погодину, К. Н. Бестужеву-Рюмину, М. О. Кояловичу и другим рьяным защитникам Карамзина, которые всячески доказывали его исключительность и самобытность, эти историки подчеркивали прежде всего зависимость Карамзина от его предшественников-историков XVIII в.

Милюков пришел даже к выводу, что «Карамзин не начал собою нового периода...», что «...роль его в истории науки была не активная, а пассивная»¹⁰, что «...развитие науки шло не через Историю Государства Российского, а мимо нее»¹¹.

Ко времени, когда Ключевский писал о Карамзине, «История Государства Российского» была уже подробно проанализирована по главам, были детально разработаны и показаны ошибки и неточности автора, оценены его примечания и т. д. Вероятно, поэтому Ключевский не анализировал в деталях основной труд Карамзина, а сразу давал общую оценку его деятельности как историка и высказывал свое отношение к главной его работе. Ключевский, развивая дальше позиции Соловьева в оценке Карамзина, также подчеркивал связь его творчества с предшествующей русской историографией. «Недаром, — писал он, — его (Карамзина. — *Р. К.*) называли первым русским историографом и последним летописцем»¹².

В отличие от Милюкова он не отрицал значение Карамзина в истории исторической науки и признавал его влияние на последующих историков. Рассмотрением его работ он, с одной стороны, завершал определенный период в развитии русской историографии, а с другой — начинал новый период в истории науки — русскую историографию XIX в.

Важно подчеркнуть, что Ключевский ставил перед собой задачу прежде всего показать развитие общественных воззрений Карамзина, подчеркнув их консерватизм. Об этом ясно говорит название одной из рубрик его историографических лек-

¹⁰ П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 258.

¹¹ Там же, стр. 205.

¹² ОРФ, д. 28.

ций: «Н. М. Карамзин. Развитие его общественных понятий и консервативное их направление».

Под влиянием французских событий и формировалась, подчеркивает Ключевский, историческая мысль Карамзина¹³. Приверженец идей XVIII в., «близкий свидетель ужасов революции», Карамзин, пишет он, «пережив политическое крушение своих любимых идей», потерял веру «в их внутреннюю логическую доброкачественность» и из философа-либерала превращался в консервативного противника реформ, из «либералиста» превратился в консерватора-патриота¹⁴. В результате «оптимизм, космополитизм, европеизм, аболиционизм, республиканизм [Карамзиным были] оставлены»¹⁵. «Политические и патриотические] соображения склоняли [его], — писал Ключевский, — к монархии и притом к самодержавной»¹⁶.

Ключевский совершенно верно заметил и подчеркнул отход Карамзина в сторону реакции, но этот отход он объяснял идеалистически — крушением идей. Далее Ключевский правильно показал влияние политических идей Карамзина на его историческую концепцию. Свое убеждение в том, что только самодержавие сможет сделать Россию великой и могучей, Карамзин, пишет Ключевский, «превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие — коренное начало русского государственного современного порядка; следов[ательно], его развитие — основной факт русской исторической жизни, самая сильная тенденция всех ее условий»¹⁷.

В силу изменения политических идей изменилось, как справедливо отмечает Ключевский, и отношение Карамзина к отдельным историческим фактам и событиям. Наиболее ярко это проявилось в оценке реформ Петра I: Карамзин стал противником реформ, «недостаточно подготовленных историей»¹⁸. В подтверждение Ключевский ссылается на «Записки русского путешественника», «Историю Государства Российского» и «Записку о древней и новой России» Карамзина. Впрочем не все взгляды и приемы изменились у Карамзина, замечает Ключевский. Так, в его трудах остались «...особенности его духа, развитие его литературной деятельностью: впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность без чутья движения, процесса»¹⁹. Но Ключевский считал, что Карамзин все же смутно почувствовал «...присутствие в истории таинственных сил, строящих людскую жизнь помимо воли и соображений отдельных

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГБЛ, д. 131, п. 12, ед. хр. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же; ОРФ, д. 28.

¹⁹ ГБЛ, ф. 131, п. 12, ед. хр. 2.

людей, но еще не уяснив себе отчетливо ни их свойства, ни способность их действия, не постигнув логики исторического разума»²⁰. Этим Ключевский объяснял то, что Карамзин «в значительной мере разделял в понимании исторических явлений моралистический взгляд древнерусского летописца»²¹, что его труды носят правоучительный отпечаток.

Наиболее ярко свое отрицательное отношение к Карамзину Ключевский высказывает при разборе его главного труда. «Образные, точные, порой сатирические оценки Ключевского очень интересны и для современных исследователей, занимающихся историей исторической науки».

Ключевский считал, что Карамзин при работе над «Историей» ставил перед собой морально-эстетическую цель, в результате которой им было «сделано из русской истории изящное назидание в образах и лицах»²². Поэтому описанные им события и лица — «либо образцы мудрости и добродетели, либо примеры обратного качества». Карамзин не объяснял и не общал исторические события, а «морализировал и любовался, хотел сделать из истории Р[оссии], — пишет Ключевский, — не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы»²³.

Самый сильный упрек Ключевский делал Карамзину за то, что его взгляд на историю «строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике»; что он «не следит за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действия каких исторических сил слагается исторический процесс и как они действуют»; что его научная задача «не идет далее возможно точного воспроизведения хода отдел[ьных] событий в хронол[огическом] порядке»; что нет «связи причин и следствий, нити событий, последовательного движения народной жизни, того, что зовем истор[ическим] процессом...»²⁴.

Не менее резко отзывался Ключевский о приемах и методах Карамзина при освещении исторических событий. Так, одной из задач любого историка Ключевский считал стремление «восстановить психологию давно минувших деятелей». Но Карамзин, указывая на это, «этого и не пытался сделать», поэтому «его психологии — просто подсказывание историческому лицу своих собствен[ных] чувств и мыслей»²⁵. Карамзин, отмечает Ключевский, «смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене». И Ключевский рисует образную картину, сравнивая историческую об-

²⁰ ОРФ, д. 28.

²¹ Там же.

²² ГБЛ, ф. 131, п., 12, ед. хр. 2.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

становку и исторических деятелей, выведенных Карамзиным, с театральным представлением. Он отмечает, что герои Карамзина живут «своей особой героической жизнью», а «потом куда-то уходят, иногда сильно хлопнув картонной дверью»; они «ведут драматическое движение, но сами не движутся, не растут и не стареют, уходят со сцены такими же, какими пришли на нее». Поэтому «русские князья южной Руси XI—XII вв. говорят, мыслят и чувствуют так же, как русские князья северной Руси XIV и XV вв., т. е., — заключает Ключевский, — [мыслят так же. — Р. К.] как мыслил ист[ориограф]»; «нет движений перед неподвижной мыслью». Продолжая сравнение исторических деятелей в описании Карамзина с театральными героями, Ключевский отмечает, что по временам на сцену выходит и народ, но он остается на заднем плане «в виде молчаливой, либо бестолково галдящей толпы». И Ключевский упрекает Карамзина, что в его труде народ «выводится не как историческая среда, в которой действуют герои, а также в роли особого героя, многоголового действующего лица». Вместе с тем все герои Карамзина, как показывает Ключевский, «действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды вокруг себя». Иногда же «герои прячутся за кулисы, и зритель видит одни декорации: обстановку, быт, житейский порядок — это в так называемых внутренних обозрениях». «Таким образом, у К[арамзина] действующие лица действуют без исторической обстановки, а историческая обстановка является без действующих лиц»²⁶.

Развивая нарисованный им образ, Ключевский сравнивает искусственную манеру Карамзина описывать речи и поступки его героев с освещением сцены, скрытым от зрителя рампой. В результате герои окутываются «нравственной атмосферой: это отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели». Однако за кулисы Карамзин не заглядывает, т. е. «не следит за исторической связью причин и следствий», — замечает Ключевский. Поэтому у Карамзина «с целой страной совершаются неожиданные перевороты, похожие на мгновенную передвижку театральных декораций»²⁷.

Остро критикует Ключевский Карамзина и за его обращение с источниками, за некритический подход к ним. «К[арамзин], — пишет он, — не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках, что ему хотелось рассказать живописного и поучительного». Он «не собирал, а выбирал факты, данные». Если же «источники не дают... материала», то Карамзин восполнял их «психологической выразительностью». У него «нет ни критики источников, ни критики фактов: вместо первой — обширные

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

выписки в примечаниях, вместо второй — моральные сентенции или похвальные слова, как у древнерусского летописца»²⁸.

Ключевский признает и заслуги Карамзина, но больше перед русским обществом, чем перед исторической наукой: «он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое, но еще больше он заставил их любить его. В этом, — пишет Ключевский, — главная заслуга его труда перед [русским] обществом и главный недостаток его перед ист[орической] [русской] наукой»²⁹.

В рукописях Ключевского о Карамзине есть еще несколько отрывочных фраз, на основании которых можно представить себе, что еще излагал он по этой теме во время лекций. Так, у него есть, например, указания на то, что он знакомил своих слушателей с тем впечатлением, которое произвел труд Карамзина на современников. Здесь же написана фраза: «слова Пушкина». Основываясь на этом, можно допустить, что Ключевский использовал эпиграмму А. С. Пушкина³⁰ для подтверждения своей позиции, а не объяснял ее появление просто милой шуткой поэта, как это пытался доказать М. О. Коялович.

Затем Ключевский переходил к разбору другой работы Карамзина — «Записке о древней и новой России». Это видно из одного наброска о Карамзине, где с конспективной краткостью Ключевский записывает основные положения «Записки» со ссылками на страницы. Эту работу Ключевский выделял в отдельный пункт из общей темы о Карамзине. Но в его рукописях нет разбора «Записки», очевидно, он лишь устно говорил о ней. Из тезисов лекций по историографии, составленных Ключевским в начале 70-х годов, из его рукописей 90-х годов видно, что он хотел обратить внимание студентов на связь «Записки» с «Историей Государства Российского».

Разбором «Записки» Ключевский заканчивал изложение темы о Карамзине. Оценка взглядов и работ Карамзина — один из наиболее верных, ярких, остроумных историографических разборов, сделанных Ключевским. Не вскрывая до конца реакционную идеологию Карамзина, он все-таки показал его апологетику самодержавия, консервативное направление его взглядов. Упрек в неумении следить за историческим процессом, замечания об отсутствии в «Истории Государства Российского» народных масс и о развлекательном характере этой книги показывает, что Ключевский весьма низко ценил научные достоинства трудов Карамзина.

²⁸ ГБЛ. ф. 131, № п. 12, ед. хр. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ «В его „Истории“ изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута».—

А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1956, ств. 341.

Представители «скептической школы» во главе с М. Т. Каченовским одними из первых выступили с резкой критикой работ Карамзина. Поэтому Ключевский при построении своего историографического курса отводит ей место непосредственно после разбора трудов Карамзина. Но, к сожалению, эта часть курса в дошедших до нас историографических работах Ключевского не сохранилась. Высказывания Ключевского о «скептической школе» мы находим лишь в заметке о взглядах С. М. Соловьева, опубликованной в качестве приложения в 7-м томе сочинений Ключевского. Из этой заметки видно, что Ключевский высмеивал слишком преувеличенное недоверие «скептиков» к источникам. Поэтому он не без иронии характеризовал сущность этой школы: «настоящее слишком плохо, чтобы допустить возможность столько хорошего в прошедшем, значит, все хорошее в прошедшем подделано плохим настоящим». Эту логику Ключевский называет комической, так как она приводит к заключению, что «хорошее (талант) может подражаться плохим (бездарностью), и эта поддельная бездарность выше, даровитее бездарного подлинника»³¹. В результате школа Каченовского, пишет Ключевский, «поселила отвращение» к исторической критике. Так, крупнейший историк С. М. Соловьев предпочитал брать сведения из источников в «нетронутom», «сыром» виде и вносить их в текст своей истории³². Здесь Ключевский, точно и выразительно отметив суть несовершенных источниковедческих приемов «скептиков», в то же время упрекает и Соловьева в недостатке критического подхода к источникам.

Несколько подробнее можно представить оценку, данную Ключевским буржуазному историку Н. А. Полевому. Специально историографического разбора трудов Н. А. Полевого в рукописях Ключевского нет. Но общая их оценка дошла до нас в статье «Двадцатипятилетие Истории России С. М. Соловьева»; имеется также краткое упоминание о Полевом в статье «С. М. Соловьев». В этих статьях Ключевский указывал, что до появления многотомного труда Соловьева два историка в начале XIX в. брали на себя труд писать историю России — Н. М. Карамзин и Н. А. Полевой. Ключевский отмечает, что работы этих историков оказали «заметное действие на сознание читающего общества приемами обработки и талантом изложения»³³. Но оба автора, как правильно замечает Ключевский, не смогли стать на «прямую и трезвую точку зрения».

«Много читавший и изучавший, Карамзин обо многом недостаточно размышлял», и Полевой, как пишет Ключевский, попытался не только восполнить пробел, оставленный Карамзиным в русской исторической литературе, но и «пересмотреть прошлое

³¹ В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 465.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 466, ср. стр. 137.

русского народа „прагматическим, философским“ взглядом»³⁴. Ключевский здесь же отмечает, что Полевой усвоил приемы и направление западной историографии, поэтому поставил перед собой смелую задачу «связать прошедшее России со всемирно-историческими событиями как причину или следствие последних»³⁵. В одном из историографических набросков Ключевского встречаем предельно краткую оценку Полевого, которая соответствует приведенной только что цитате. Характерным для Полевого он считает «...применение выводов и метода исследования зап[адной] науки к русской истории». И здесь же Ключевский называет Полевого философом-историком³⁶.

Ключевский указывал и на существенные недостатки Полевого, в результате которых он мог схватывать «только внешние, так сказать, геометрические очертания русской жизни, но типические внутренние черты места и времени ускользали от его плохо вооруженного глаза». Этими недостатками Ключевский считал слабое знакомство с русским историческим материалом и отсутствие «ученой выдержки». «Он слишком быстро обобщал и решал,— писал Ключевский,— в двух явлениях, русском и западноевропейском, найти что-нибудь сходное для него было достаточно, чтобы признать их одинаковыми, и одно назвать именем другого. Оттого основные факты нашего прошедшего являлись у него в парадной, но чужой, заимствованной одежде»³⁷.

В общем Ключевский считал «Историю русского народа» Полевого трудом, отличающимся мыслью и талантом, но составленным «слишком торопливо и без достаточной подготовки»³⁸.

Конечно, краткие замечания Ключевского нельзя назвать всесторонним анализом исторических работ Полевого. Но принципиально важно, что он, сравнивая Полевого и Карамзина, отдавал предпочтение буржуазному историку перед дворянским. Он правильно в основном отметил преимущества работы Полевого по сравнению с трудом Карамзина.

Статья о труде Соловьева, в которой содержатся высказывания Ключевского о Полевом, была опубликована в 1877 г., т. е. гораздо раньше книг Кояловича и Милокова, которые тоже писали в своих трудах о взглядах и работах Полевого. Но позиция Кояловича, который продолжал считать Карамзина значительно выше Полевого, а труд последнего рассматривал лишь как пример «чудовищного искажения» всего русского прошедшего строя из-за примеривания к нему западноевропейского³⁹, яв-

³⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 466.

³⁵ Там же.

³⁶ ГБЛ, ф. 131, п. 13, ед. хр. 11.

³⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 466.

³⁸ Там же, стр. 137.

³⁹ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1901, стр. 185, 192.

ляется шагом назад даже по сравнению с краткой характеристикой Полевого, данной Ключевским. Милуков же оценивал Полевого не с точки зрения развития русской историографии, а с точки зрения истории идей, хотя и подробно разбирал его взгляды и «Историю русского народа».

Дворянско-буржуазные историки, писавшие по вопросам русской историографии, обычно ограничивались рассмотрением трудов только профессиональных историков. Ключевский делает некоторые попытки расширить кругозор историографических представлений о развитии исторических знаний в России. Так, он обратил внимание на значение и роль А. С. Пушкина в истории исторической науки.

Ключевский находил, что творения Пушкина «представляют интерес и для русского историка», что «все написанное Пушкиным — исторический документ, длинный ряд его произведений — поэтическая летопись его времени»⁴⁰. Более того, Ключевский считает, что его «нельзя обойти и в нашей историографии, хотя он не был историком по ремеслу»⁴¹; что отдельные суждения и замечания Пушкина «сделали бы честь любому ученому историку»⁴². Эти положения Ключевский высказал на торжественном собрании Московского университета в день открытия памятника Пушкину (1880 г.). Вполне естественно, что в подобной обстановке он не мог подробно с историографических позиций проанализировать творчество Пушкина. Он остановился лишь на таких произведениях, как «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого» и «Дубровский». «Борис Годунов», «Полтава» и «Медный всадник» были им только упомянуты, но в данном случае важен не сам разбор, а постановка Ключевским вопроса об историографическом значении работ Пушкина.

Аналогичным шагом в сторону расширения современных ему историографических представлений являются и наброски Ключевского об А. Н. Оленине и А. Н. Зерцалове, которые тоже не являлись профессиональными историками. Первый был вельможей, «незабвенный любитель отечественной старины»; второй — скромным архивным работником, которого Ключевский ставил в один ряд с Мусиным-Пушкиным, Румянцевым, Строгановым, Толстым. Он подчеркивал, что их скромный труд оказал много услуг русской историографии. «Художник и меценат Оленин, — пишет он, — не гнушался черной работы по археологии и библиографии»; «не быв крупным светилом, он как-то умел бросить свой луч» в историю русского просвещения и историографии, «особенно археологической ее ветви»⁴³.

⁴⁰ В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 145.

⁴¹ Там же, стр. 146.

⁴² Там же, стр. 147.

⁴³ ГБЛ, ф. 131, п. 13, ед. хр. 14.

Труд Зерцалова Ключевский называл «архивным рудокопательством». В этом наброске Ключевский высказывает мысль о том, что «архивист и исторический исследователь — собратья и сотрудники — делают одно дело, только в разные моменты его движения, производства: первый копает руду, второй вместе с ним промывает ее, собирает и отлиывает промытые крупинки в цельные слитки»⁴⁴.

После Н. М. Карамзина пост историографа занял М. П. Погодин — один из основателей официально-«охранительного» направления — самого реакционного и консервативного направления в русской историографии XIX в. Наиболее прогрессивные историки того времени выступали с критикой Погодина. Так, первые работы крупнейшего буржуазного историка С. М. Соловьева были направлены против его схемы русской истории. Широко известны споры, которые вели с Погодиным М. Т. Каченовский, а затем Н. И. Костомаров. С уничтожающей критикой реакционных идей Погодина выступали революционные демократы: А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

С критикой Погодина выступал и Ключевский, однако его работы об этом историке до сих пор не увидели света. В письме Ключевского от 15 июля 1872 г. к В. И. Герье, на которое впервые обратила внимание М. В. Нечкина⁴⁵, излагается история написания Ключевским рецензии на книгу Погодина. Ключевский пишет, что к нему обратился Юрьев с просьбой написать для «бесед»⁴⁶ разбор Погодина. «Мне показалось это странным, — пишет он далее, — ибо я знал, что Погодин и х и н и й приятель. Однако же настроичил». Но... «статья засела», так как отзыв был отрицательным. Статья была по меньшей мере, указывает Ключевский, в половину печатного листа. И действительно, в рукописном архиве историка есть его неопубликованная рецензия на книгу Погодина «Древняя русская история до монгольского ига»⁴⁷. Судя по ее тексту, а также по дате письма к Герье, она была написана в 1872 г. Кроме того, в архиве найдены еще два незавершенных наброска, которые были написаны в 90-х годах после смерти Погодина.

Напомним, что главным моментом в концепции Погодина был тезис о добровольном призвании варягов, исходя из которого он старался доказать, что самодержавие для русского народа является единственной приемлемой, данной свыше властью. Самодержавие и крепостное право, по Погодину, — основа могущества России. Тезис о добровольном призвании варягов использовался

⁴⁴ ОРФ, д. 26.

⁴⁵ «Изложение доклада М. В. Нечкиной от 12 марта 1942 г. в Институте истории АН СССР «О неопубликованных материалах В. О. Ключевского». — «Исторический журнал», 1942, № 5.

⁴⁶ Имеется в виду журн. «Русская беседа».

⁴⁷ ОРФ, д. 26.

Погодиным и для доказательства различий между национальными характерами русского и европейских народов. Отсюда им делался вывод о противоположности исторического развития России и Западной Европы и о невозможности революции в России.

В рецензии на книгу «Древняя русская история до монгольского ига» (т. I — III) Ключевский направил главный удар на исходное положение теории Погодина — на его тезис о происхождении Русского государства. Ключевский на конкретно-исторических примерах показывал противоречивость и несостоятельность основных положений Погодина. Так, рассматривая попытку Погодина дать «постепенную формацию государства», он отмечает, что «чрезвычайно трудно уловить из его слов процесс этой формации», что в рассуждениях автора «больше метафор, чем научных выводов»⁴⁸. Ключевский, делая ссылки на отдельные страницы рецензируемого труда, указывает на присущие ему противоречия и ляпсусы. Например, он отмечает, что у Погодина «Новгород является старшим сыном России, родившимся однажды прежде матери». Цитируя отдельные места книги, он вслед за цитатой указывает страницы, на которых автор сам себе противоречит.

Ключевский критикует доказательства Погодина о «различии» русского и западных государств, которые якобы отличались «в самом начале, в самой колыбели». Сущность этого «различия» в изложении Погодина Ключевский резюмирует так: «...на Западе общество основалось на завоевании, у нас на призвании князей; там в основании государства лежит ненависть, у нас любовь...» «Против этого,— отмечает Ключевский,— было много писано и говорено в свое время, и все это не отразилось и легким намеком в новом труде маститого историографа»⁴⁹. Ключевский на нескольких примерах легко разбивает это положение Погодина⁵⁰. Несостоятельность его теории он доказывает на примере юридического неравенства, существовавшего как в Европе, так и в древней Руси⁵¹. Ключевский упоминает и о филологических предположениях автора, якобы доказывающих норманское происхождение «Русской Правды», народных песен и некоторых отдельных слов. «Несколько раз историки, филологи и юристы,—

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Например, он указывает, что «Смоленские Кривичи не призывали Олега, Поляне тоже, Древляне были завоеваны несколько раз, Северяне завоеваны, Радимичи не звали князя. Углич и Тверьцы завоеваны, Вятичи завоеваны, Муром и Меря завоеваны и т. д. и т. д.» — Там же.

⁵¹ Погодин проповедовал, что на Руси не было различий в правах между пришельцами и туземцами, тогда как в Европе франк ценился перед законом вдвое дороже покоренного галла или римлянина. Ключевский же показывает, что «голова княжеского мужа ценилась вдвое дороже головы простого русина или славянина», а «безопасность смерда оберегается законом в 16 раз слабее жизни тиуна княжеского». Ошибочность положений Погодина доказывает Ключевский и на примере феодальной раздробленности.— Там же.

указывает Ключевский,— доказывали противное, автор не удостоивает их даже опровержения, даже простой цитаты»⁵². В результате Ключевский приходит к выводу: «...значит, призвание — фиктивный источник воображаемых явлений, а для явлений действительных следует искать иных объяснений, о которых автор и не подумал»⁵³. Одновременно Ключевский показывает, что работа Погодина была написана ниже уровня, достигнутого исторической наукой к моменту ее выхода в свет. Более того, Ключевский совершенно отчетливо высказывает в этой рецензии мысль об устарелости книги Погодина. «По отношению к русско-исторической литературе,— пишет он,— ее далеко нельзя назвать новостью текущего или прошедшего года... Люди, знакомые с движением русской историографии, едва ли найдут что-нибудь новое и в содержании этой книги... Новостью является только редакция книги». «Мысли, чувства, задачи и приемы исследования, даже само изложение,— пишет не без иронии Ключевский,— все это иному с о в р е м е н н о м у читателю покажется совершенно новым именно потому, что все это очень старо, что он совсем не привык к этому или, лучше сказать, уже успел давно от этого отвыкнуть»⁵⁴. Ключевский считает, что «невозможно сойтись на одинаковой с ним почве, что он стоит совсем в другой сфере сознания, ...подходит к явлениям не с той стороны и не с той меркой, с каким подходят в наше время»⁵⁵.

Ключевский тонко замечает, что книга Погодина, хоть и посвящена старине, «сама превращается в исторический документ старины недавней, еще близкой к нам, последние лучи которой еще догорают на изменившемся горизонте,— и невольно забываешь об этих Игорях и Мстиславах и переносишь мысль на 30-е и 40-е годы текущего столетия...»⁵⁶.

Останавливается Ключевский и на так называемом математическом методе Погодина. Он показывает старания Погодина не оставлять ни одной строчки без прочного фундамента, «чтобы никакие Шлецеры не имели права к нему придирааться». В результате получилось, что в его описаниях читатель узнает, «...что сказано о той или другой бытовой стороне у летописца или в другом источнике, и редко найдет то, что должен сказать о ней историк»⁵⁷.

К оценке трудов Погодина Ключевский вернулся еще раз в 90-е годы, когда он, вплотную занимаясь созданием курса по историографии, специально изучал возникновение «варяжского вопроса» и определял его значение в истории русской историче-

⁵² ОРФ, д. 26

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ там же.

ской науки. В этих набросках о Погодине Ключевского интересует не столько разбор погодинских работ, сколько определение места Погодина в русской историографии. О Погодине, пишет Ключевский, «много и охотно говорили при его жизни, но с трудом и равнодушно вспоминают по смерти, и то... только потому, что не успели еще забыть его, а не потому, что хотят его помянуть»⁵⁸. У Погодина, пишет Ключевский, «руки чесались на все», у него была «живость до излишества — суетливость, а она [ведет] к мелочной растрате крупных сил». В итоге получился «популярнейший профессор — без курса. Деятельный издатель — без публики. Публицист — без полит[ической] программы. Др[аматург] и соперник Пушкина — без искры поэтич[еского] дара. Составитель огромной коллекции рукописей, не заглянувший хорошенько ни в одну из них»⁵⁹.

Отмечая в деятельности Погодина «признаки силы и энергии», Ключевский в то же время обвиняет его в том, что он «не позаботился обработать свое природное чутье в научное понимание... Для этого нужно было дисциплинировать чутье научным методом», который помог бы случайные догадки свести в стройную систему, в целый взгляд. «Такого взгляда не было у Погодина...» Ключевский отмечал и положительные моменты в работах Погодина. Так, полезным он считал то оживление, которое Погодин внес в русскую историографию; ценным признавал собирание рукописей; из работ выделял «Древнюю русскую историю до монгольского ига». Ключевский отметил чуткость Погодина к отдельным историческим проблемам, «в которых чуялся научный вопрос». Среди подобных тем он называет, например, вопросы о происхождении поземельной собственности в России, росте национально-политического значения Москвы, происхождении крепостного права, значении преобразовательной деятельности Петра I и т. д. Однако Ключевский тут же оговаривается, что трудные и важные исторические вопросы были только «...зорко подмечены и бойко поставлены Погодиным — и ни один не б[ыл] разрешен. ...а просто был подержан в руках...» «Одного чутья, — раздражает Ключевский, — далеко недостаточно, чтобы уловить связь исторических явлений»; по вине самого Погодина его научный тезис «...смахивал на догмат, требующий веры, но не дающий доказательств...»; у него получалась «механическая сшивка положительных и отрицательных качеств»⁶⁰. Резко отзывался Ключевский и о языке Погодина. Хотя в рецензии 1872 г. он и отмечал его «искусство рассказа», считая, что некоторые места книги «можно смело причислить к лучшим рассказам нашей повествовательной историографии»⁶¹, теперь, в 90-х годах, он

⁵⁸ ГБЛ, ф. 131, п. 12, ед. хр. 2.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ОРФ, д. 26.

писал, что его «язык забегал вперед мысли, а мысль подталкивалась первыми впечатлениями»; погодинскую мысль он характеризовал как непоседливую, торопливую, перегонявшую самую себя; это была мысль, «не умевшая считать и рассчитывать своих шагов, постоянно делавшая перебой и потому сбивавшаяся»⁶². Из всего вышесказанного Ключевский делал вывод, объясняющий, почему, с его точки зрения, не следует проходить мимо трудов и деятельности Погодина: «его надо помнить, если не как учителя, то как урок, не как образец, которому надо подражать, но как предостережение, чего не следует повторять»⁶³. Таким образом, и Погодину, наиболее крупному после Карамзина дворянскому историку, Ключевский дает резко отрицательную оценку. В то же время он обходит молчанием классовую политическую направленность его труда. Отдельные положения Погодина Ключевский считал всего лишь его личными ошибками: «дурная, неблагоприятная привычка или склонность,— писал он,— враждовать с людьми, воюя с их научными идеями, как будто научная идея ошибочная, даже неудачная, есть порок или преступление, а не просто ошибка мысли или неудача»⁶⁴. В этих словах чувствуется возражение и упрек революционно-демократическому лагерю, лучшие представители которого открыто разоблачали и обвиняли Погодина в бессовестном прислужничестве самодержавию. В излишней полемичности Ключевский упрекал и И. Е. Забелина, который вошел в русскую науку главным образом как выдающийся археолог. Ключевский защищает от Забелина «почетную касту варягоисследователей». Он считает, что они являются скромными учеными, «без злого умысла потрудившиеся над изучением русской старины» и не заслуживают «казни за свои ученые ошибки»⁶⁵. Таким образом, Ключевский стремился затушевать глубокие противоречия и свести политический спор к чисто научной ошибке. В результате даже самый резкий отзыв Ключевского теряет свою остроту, что свидетельствует в конечном итоге об идейной близости дворянских и буржуазных историков.

Из историков, занимавшихся специально вопросами историографии, кроме Соловьева и Кавелина, которые выступали еще при жизни Погодина, о нем писали К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович и П. Н. Милюков. Бестужев-Рюмин выступил с панегириком в честь Погодина. Он превозносил его как представителя «здорового смысла русского народа»⁶⁶, как «чисто русского человека, послужившего своей стране добросовестно и

⁶² ГБЛ, ф. 131, п. 12, ед. хр. 2.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ К. Н. Бестужев-Рюмин. Биография и характеристики. СПб., 1882, стр. 233.

честно»⁶⁷. Во II томе «Очерков истории исторической науки СССР» справедливо указывается, что Погодин привлекал Бестужева-Рюмина не столько как ученый, «сколько как убежденный сторонник монархической власти и последовательный противник демократических идей»⁶⁸.

С попыткой проанализировать труды Погодина выступил и Коялович, в книге которого громко звучал голос обиженного славянофила: ему становится «научно обидно»⁶⁹ за русские национальные чувства при чтении тех мест, где Погодин расходится со славянофилами. Однако Коялович считает славянофилов последователями Погодина⁷⁰ и всячески старается найти объяснения и оправдания «ошибок» историка. Но и он вынужден был признать, что теории Погодина безнадежно устарели, что их автор «оказался в крайне затруднительном положении» и сам «признавал свое бессилие»⁷¹. Реакционную же сущность погодинской теории, рьяно защищавшей самодержавие, Коялович не критикует. Более того, он высказывает удовлетворение тем, что Погодин своими трудами восстанавливал авторитет Карамзина⁷².

С иных позиций к разбору Погодина подошел Милюков. Его прежде всего интересовал вопрос о влиянии философских, в частности шеллингианских, идей на теорию Погодина, и он рассматривает работы Погодина как одну из первых попыток философской разработки русской истории. Погодину, пишет Милюков, по необходимости пришлось высказывать «высшие взгляды». В результате «русская история перестает быть для Погодина предметом специального изучения...: она становится предметом благоговейного удивления»⁷³. Но на основании дневников Погодина Милюков вскрывает истинное отношение Погодина к народу, который, всячески выставляя напоказ свое удивление русским народом, в дневнике записал, что «в действительности он низок, ужасен и скотен»⁷⁴. Милюков убедительно показал, что в конце концов Погодин пришел к «фатализму самого худшего вида»⁷⁵.

Так же как и Коялович, Милюков сравнивает исторические труды Полевого и Погодина, отмечая, что последний вернулся к Карамзину. Но если Коялович видел в этом положительное явление, Милюков именно за это справедливо упрекает его. Он отдает предпочтение Полевому, так как его работа «приготовляла путь Соловьеву». Как видно, в оценке Погодина у писавших

⁶⁷ Там же, стр. 254.

⁶⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, М., 1960, стр. 570.

⁶⁹ М. О. К о я л о в и ч. Указ. соч., стр. 231.

⁷⁰ Там же, стр. 240.

⁷¹ Там же, стр. 239.

⁷² Там же, стр. 193, 197.

⁷³ П. Н. М и л ю к о в. Главные течения..., стр. 365.

⁷⁴ Там же, стр. 368—369.

⁷⁵ Там же, стр. 329.

о нем историков имелись расхождения. Внутри дворянско-буржуазного лагеря историков Ключевский и Милюков стояли ближе друг к другу в его оценке, чем к Бестужеву-Рюмину или к Кояловичу. Но все же у них имеется общая черта — замалчивание классовой направленности работ Погодина. Никто не осудил его теорию о невозможности революции в России, ибо всем им эта теория была близка. И хотя к разрешению ее они подходили с разных сторон, вывод был один — Россия может обойтись без революционного переустройства общества. Дворянские и буржуазные историки стали объединяться против революционно-демократического, а затем и марксистского направления в исторической науке. Это сближение, которое особенно прогрессировало в дореформенный период, нашло свое яркое отражение и в конкретных исторических исследованиях и в работах в области историографии.

Особое место в историографических работах Ключевского занимает его статья о Т. Н. Грановском. Эта тема не входила в план историографического курса, так как он был посвящен только историкам, изучавшим историю России. Да и время написания статьи о Грановском не совпадает с тем периодом жизни Ключевского, когда он занимался созданием и последующим усовершенствованием этого курса.

Но в 1905 г. появилась статья Ключевского об историкомедиевисте, умершем в середине 50-х годов прошлого века. В ней, однако, Ключевский не касается исторических взглядов Грановского и не анализирует его труды. Свое внимание он сосредоточил в основном на общественном значении лекций Грановского, которые «воспитывали деятельную любовь к русскому отечеству». В 1905 г., в момент нарастания революционных событий, Ключевский пытался противопоставить своим современникам образ Грановского.

Дневники Ключевского свидетельствуют о том, что он внимательно следил за развивавшимися событиями. 9 января он пишет о кровавых событиях в Петербурге, в июне — о восстании на броненосце «Потемкин», в августе — о разгроме нефтяных промыслов в Баку, в сентябре-октябре — о студенческом движении, о забастовках типографских рабочих, железнодорожников, о восстании в Кронштадте и о других событиях. Но все эти события Ключевский предпочитает не комментировать. Однако даже краткие замечания, например, «бунт на „Потемкине“», «военный бунт в Кронштадте», показывают его пренебрежительно отрицательное отношение к ним. Наряду с этими событиями Ключевский отмечает в своем дневнике и панихиду в день 50-летней годовщины со дня смерти Грановского. К этой дате он и пишет специальную статью «Памяти Т. Н. Грановского»⁷⁶, где по существу высказывает свои политические идеалы.

⁷⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. 8, стр. 390—395, 480—481.

Он называет Грановского идеальным прообразом профессора, так как «лояльно — прямо, возвышенно и художественно он воспитывал в слушателях... идею долга и ответственности перед обществом»⁷⁷. Ключевский считает особой его заслугой то, что «в эпоху общего нравственного колебания и общественного уныния Грановский, вещая правду и свободу, стоял на своем месте твердо и прямо»⁷⁸. Примером Грановского Ключевский хотел оправдать и свою позицию. Он показывает, что и Грановский жил в эпоху, когда от русской действительности «невозможно было укрыться в академическую келью», когда «она вторгалась в каждое независимое личное существование со своими грубыми требованиями»⁷⁹. Боясь революционной борьбы и не понимая ее смысла, Ключевский силился доказать, что человеческое общество само постепенно, без революционных взрывов, путем воспитания и образования сможет достигнуть «гармоничной» жизни, что общественно-исторические идеи в конце концов «уже сами приложатся к действительности и облагодрамят ее»⁸⁰.

Поэтому имя Грановского он называл «символом, лозунгом общественного возрождения, совершаемого превращением слова науки в дело жизни»⁸¹. И хотя Ключевский отмечает, что Грановский «изверился» в будущем, оставшись лишь рыцарем, «шедшим беззаветно к своей обетованной цели, без надежды на победу, но и без страха перед поражением»⁸², он все же продолжает считать этот путь единственным возможным. Каждый независимый русский общественный деятель, по Ключевскому, вынужден уходить из жизни с «...печатью гнева и скорби на сомкнутых устах»⁸³. К подобным «независимым общественным деятелям» он относит вслед за Грановским К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина⁸⁴, называя их людьми «меры и порядка», надеявшихся на улучшение действительности⁸⁵. Ставя в один ряд с Грановским Чичерина — врага революции и Кавелина — одного из «отвратительнейших типов либерального хамства»⁸⁶, Ключевский тем самым дает понять, в какой плоскости лежат его собственные политические устремления.

Ключевский стремился идейно связать Грановского с истоками буржуазного либерализма, замалчивая его антикрепостнические взгляды. Более того, Ключевский подчеркивает идейный

⁷⁷ Там же, стр. 392.

⁷⁸ Там же, стр. 391.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, стр. 392.

⁸¹ Там же, стр. 460.

⁸² Там же, стр. 393.

⁸³ Там же, стр. 395.

⁸⁴ Там же, стр. 394, 480, 390.

⁸⁵ Там же, стр. 395.

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

разрыв Грановского с революционными демократами, отмечая, что он «разошелся с Герценом»⁸⁷, «утратил веру в ...эмигрантскую деятельность»⁸⁸. Но, подчеркивая разногласия Грановского с Герценом, Ключевский ни словом не обмолвился об их взаимной духовной дружбе, и об их переписке, не прекращавшейся до смерти Грановского.

Вынужденный задуматься над причинами происходившей революции («найти,— как он говорил,— смысл и в бессмыслице») ⁸⁹, но, оставаясь на типично либеральных позициях, Ключевский пришел к выводу, что виновником ее является только царское правительство, а не весь дворянско-крепостнический и буржуазный строй общества. Все дело оказывается в том, что правительство вело просто не ту политику. В продолжение всего XIX в., пишет он, «русское правительство вело чисто провокаторскую деятельность»; «правительство прямо издевалось над обществом». И Ключевский дает ряд ярких, острых характеристик всем представителям царской власти, в том числе и Александру III, в честь которого он произнес в 1894 г. речь, за что и был осужден студентами. Характеризуя царей, Ключевский в то же время кратко касается истории русского освободительного движения. И здесь, говоря о времени Николая I, он ставит Грановского в один ряд с революционерами-демократами: «были негодующие люди,— пишет он,— как Герцен, Грановский, Белинский» и не без сожаления добавляет: «но не было угрожающих, и постыдное царствование имп. Николая I благополучно кончилось севастопольским поражением и Парижским миром»⁹⁰. Говоря, что в эпоху Николая I были «негодующие», но не было «угрожающих», Ключевский по существу выхолащивает всю революционную деятельность великих революционных демократов Герцена и Белинского. В конечном итоге его оценка Грановского

⁸⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. 8, стр. 481.

⁸⁸ Там же, стр. 393.

⁸⁹ ОРФ, д. 32. Слепая ненависть и злобная клевета на революцию поставили рассуждения Ключевского в один ряд с враждебно обывательскими суждениями. Например, он так комментирует баррикадную борьбу: «одни ночью выскочат из меблированных нор на улицу, выволокут мебель у одурелых обывателей и построив баррикаду, удерут; другие с ружьями и пулеметами выйдут днем из казарм, разнесут эти баррикады, за которыми никто не сидит, и потом также утекут. Те и другие делают свое бездельническое дело и довольны — одни своей службой царю и отечеству, другие своей твердостью в убеждениях и верностью принципам». «Бастуют все и вся, кто до революции не успел запастись хоть на прокат рассудком, от мала до велика, от стрелочника до министра и до самого. Не бастуют только городские и сельские хулиганы да казначеи, аккуратно и корректно выдающие казенное жалованье себе и забастовщикам». «Канонада слышна до 1 часа ночи. Вероятно, это выпускают неизрасходованные заряды, чтобы не сдавать их обратно в цейхгауз, не марафть журнала». «Все от нечего делать или от неумения сделать что-нибудь принялись играть, одни в конституцию, другие в революцию, превращая в куклы идеи, идеалы, интересы, принципы».

⁹⁰ ОРФ, д. 32.

не является новой в буржуазной историографии⁹¹. Но так как статья о Грановском появилась в печати в октябре 1905 г., в период нарастающей революционной борьбы, и была написана с надеждой противопоставить «идеального» борца науки реальным революционным борцам, то она по существу играла на руку контрреволюции.

* * *

Наряду с разбором трудов и взглядов отдельных историков Ключевский обращал внимание на некоторые общетеоретические вопросы. Для первой половины XIX в. он выделял две проблемы — взаимоотношения между славянофилами и «западниками» (в связи с этим он касался вопроса о западном влиянии) и разноголосице по «варяжскому вопросу». Этим спорам Ключевский придавал большое значение, ибо считал, что они определяли собой почти все развитие русской историографии и являлись самыми сильными столкновениями в истории развития исторической науки в течение всего XIX в.

В середине XIX в. важнейшей темой в русской историографии была проблема дальнейшей судьбы России. Историки разных направлений стремились на исторических примерах ответить на этот вопрос. Но какие бы различные теории об историческом пути России ни высказывали историки-«охранители» или историки-либералы, они неизбежно сходились в одном — в страхе перед будущей революцией. Поэтому они выступали сторонниками сохранения монархии. Основное различие их позиций сводилось к признанию или к отклонению идеи необходимости проведения реформ «сверху». Только революционные демократы выступали с пропагандой крестьянской революции. Дворянско-буржуазные историки, как правило, замалчивали в своих историографических трудах революционно-демократическое направление. Поэтому весь идейный спор тех лет они стремились свести к разногласиям лишь между славянофилами и «западниками». Причем последний термин они применяли слишком широко и расплывчато, объединяя им и буржуазных либералов, и революционных демократов. На теме «западничества» и славянофильства, как это видно из предварительного наброска важнейших тем по русской историографии, написанного еще в 1871/72 учебном году, Ключевский предполагал специально остановиться в своих лекциях. Возможно, впоследствии Ключевский и касался этого вопроса в своем историографическом курсе. Но в его архиве не сохранился текст этих лекций, так же как нет оценок отдельных представителей

⁹¹ «Воспоминания Б. Н. Чичерина». М., 1929; Н. Кареев. Историческое миросозерцание Грановского. СПб., 1896; П. Г. Виноградов. Т. Н. Грановский.— «Русская мысль», 1893, кн. IV; П. Г. Виноградов. Грановский.— «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. IXа. СПб., 1893; П. Н. Милюков. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 424.

этих направлений. Его соображения по интересующей нас теме встречаются в рукописях другого характера. Так, в проекте надгробной речи, посвященной памяти И. С. Аксакова, и в наброске выступления о нем же, которое готовил Ключевский к заседанию в Обществе истории и древностей российских, находим несколько замечаний о славянофилах. В рукописи «Специальное изучение отделов», где Ключевский писал о труде И. Д. Хворостинина, в курсе лекций о западном влиянии и в общен историческом курсе он кратко касался истории «западничества». Некоторые сведения, характеризующие отношение Ключевского к славянофилам и «западникам», удалось почерпнуть из четырех набросков, посвященных проблеме «Россия и Западная Европа».

До Ключевского лишь два историка — Коялович и Милюков — рассматривали в своих историографических трудах развитие исторических знаний в XIX в. и касались вопроса о славянофилах и «западниках». Славянофил Коялович дал слишком тенденциозную оценку обоим направлениям. Считая, что «западники» бессильны создавать цельные положительные исследования по русской истории, но признавая их заслуги в «области полемики», Коялович объяснял неоспоримые заслуги историков-«западников» их отходом от своих позиций и приближением к позициям славянофилов⁹². Вместе с тем Коялович слишком превозносил заслуги историков-славянофилов, полагая, что они «выставили поклонникам запада высший идеал человеческих обществ»⁹³.

Милюков, показывая развитие исторической мысли в России в первые десятилетия XIX в., основное внимание сосредоточил на проблеме влияния западноевропейских философских идей и особенно подробно разбирал влияние шеллингианства. Милюков считал, что проблема всемирно-исторической роли православной идеи и вопрос о закономерном развитии этой идеи в истории русского народа являлись основной задачей, поставленной «шеллингистской философией истории на решение славянофилов. Нам предстоит,— писал Милюков,— рассмотреть теперь, как и при каких обстоятельствах они ее разрешили»⁹⁴. Но на этом кончается первый том, а второй, как известно, так и не был им завершен и издан.

Ключевский стремился доказать, что оба эти направления возникли не в первые десятилетия XIX в., когда отчетливо стал чувствоваться кризис крепостнической России, а задолго до этого времени. Было бы ошибкой думать, пишет он, что славянофильство «это только учение, только известный образ мыслей. Многие и прежде разделяли и разделяют теперь славянофильский образ мыслей, не делаясь славянофилами... Славянофильское уче-

⁹² М. О. Коялович. Указ. соч., стр. 240, 241, 244, 246—248, 351, 352, и др.

⁹³ Там же, стр. 250.

⁹⁴ П. Н. Милюков. Главные течения..., стр. 396.

ние родилось гораздо раньше славянофильства. Славянофилы стали известны в нашем обществе не раньше 30-х годов текущего столетия, а их идеи, по крайней мере наиболее определенные, наиболее уловимые из них, были в ходу и настойчиво высказывались уже в прошедшем столетии»⁹⁵. Ключевский считал, что оба направления обозначились во второй половине XVII в., «они родились в головах людей..., переживших Смуту»⁹⁶. Для подтверждения этого положения он ссылается на «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, где есть фраза: «овии к востоку зрят, овии же к западу». Здесь же Ключевский замечает, что в те времена «западничество» на Руси было больше «выходкой отдельных чудаков, подобных князю Хворостинину, чем обдуманном общественным движением»⁹⁷. Так начинал Ключевский историю возникновения этих направлений в «Курсе русской истории». В историографическом же курсе он больше внимания уделил истории «западничества», выводя истоки его от Хворостинина, которого он называл «прадедом» этого течения⁹⁸. Типичным представителем «западничества» 1830—1840 гг. Ключевский считал восторженного ученого, почитателя европейской мысли и науки, «...вначале преимущественно шеллингианской, и потом гегелианской философии»⁹⁹. На примере эволюции «западничества» Ключевский стремился доказать, что заимствованные теории не могут изменять исторического развития, что все попытки в этом отношении нелепы, так же как нелепы были бы, по его выражению, попытки тенора петь басом. Но в этом сопоставлении Ключевский сравнивал несравнимые вещи. Тенор не будет петь басом, но любая страна, в том числе и Россия, неизбежно должна была развиваться по общеисторическим законам, понять которые Ключевскому не удалось.

Конфликт между славянофилами и «западниками» Ключевский сводил только к различной оценке западноевропейского влияния. Тема о взаимоотношении России с Западной Европой, о западном влиянии была постоянной для Ключевского. Он развивал ее и в общем курсе русской истории, и в лекциях по историографии, и в отдельных набросках, а в 1890 г. прочитал специальный курс о западном влиянии в России после Петра¹⁰⁰.

В данной статье мы не ставим задачу всесторонне осветить отношение Ключевского к этой проблеме. Здесь мы остановимся лишь на тех моментах, которые относятся к развитию исторической науки XIX в. Проследивая историю западного влияния с XVII в., Ключевский доказывает, что его якобы испытывали

⁹⁵ ОРФ, д. 26.

⁹⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 260, 262.

⁹⁷ Там же, стр. 262.

⁹⁸ ОРФ, д. 28.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ ГБЛ, ф. 131, п. 13, ед. хр. 1.

лишь высшие классы, и в глубь общества оно не проникало. Все выступления против западноевропейского влияния Ключевский считает лишенными активного, «деятельного характера». «Это больше ученая академическая полемика, чем практическая борьба,— пишет он,— больше трактаты о национальной самобытности, чем попытки самобытной деятельности»¹⁰¹. Это Ключевский писал в 90-е годы, когда марксизм начал и в России уверенно прокладывать себе дорогу. Ключевский, очевидно, хотел показать, что и это «модное» молодое течение коснется лишь отдельных мыслителей и не распространится в стране.

Вместе с тем Ключевский видел и пользу в западном влиянии, даже возможную защиту в нем от общественных потрясений. Так, Россия, не переживая революционных потрясений Запада, могла, по мнению Ключевского, использовать их результаты не только в «житейских удобствах», но и в «исторической опытности». Запад переживал общественные перевороты, которых не знала Россия, «но следствия которых могут и нам пригодиться»,— пишет Ключевский. «На Западе знают больше нашего и даже для нас могут много сделать лучше, чем мы сами. Таким образом, Запад для нас и школа, и магазин полезных изделий, и своего рода курс исторических уроков»¹⁰². Главным в проблеме западного влияния Ключевский считает не существо самого влияния, а лишь способ его восприятия. Поэтому он и сосредоточивает на этом особое внимание. Но все дело оказывается в том, что, по мысли Ключевского, заимствование идет не совсем правильно. Из-за неверного способа восприятия «западник», по Ключевскому, превращается из патриота в возбужденного и растерявшегося человека, «который знает, где он родился, и недоумевает, какой народ ему родной, где его отечество»¹⁰³. Следовательно, надобно учиться правильно заимствовать и воспринимать западное влияние. Однако избежать его уже невозможно, так как оно «не свет, от которого можно укрыться,— это воздух, которым мы дышим, сами того не замечая. Но и в воздухе не все здорово, и им надо уметь дышать, наблюдать его химический состав и температуру»¹⁰⁴. В этом «правильном» восприятии западного влияния Ключевский, очевидно, видел один из способов, могущих помочь России избежать революционных потрясений и добиться в то же время благоприятных условий для дальнейшего буржуазного развития страны.

Таким образом, при решении вопроса о западном влиянии в XIX в. Ключевский стремился ответить на жгучий вопрос современности, который для дворянско-буржуазных историков сводил-

¹⁰¹ ГБЛ, ф. 131, п. 13, ед. хр. 1.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

ся в конце концов к доказательству невозможности революции в России. Тезис о восприятии «полезной» и спасающей от переворотов «исторической опытности» Запада свидетельствует и о стремлении Ключевского показать необходимость создания в России условий, выгодных для буржуазного развития.

После общей характеристики направления Ключевский, видимо, предполагал перейти к конкретному разбору взглядов и трудов отдельных историков. Так, в его планах находим упоминание о К. С. Аксакове, против фамилии которого Ключевским записано: «его мысли о характере русской исторической жизни и ее отличии от западноевропейской»¹⁰⁵. К сожалению, кроме этого краткого указания, других сведений о каких-либо иных представителях славянофилов или «западников» найти не удалось.

Ключевский относился критически как к «западникам», так и к славянофилам. Это лучше всего видно из его историко-литературных набросков, в которых он с юмором воспроизводил примерные их диалоги и письма. В одном из таких набросков Ключевский высказывал и свое отношение к обоим этим направлениям: «Сла[вянофильство] и зап[адниче]ство — две попытки изучить светила неб[есные] в микроскоп. Обе головы свихнуты — одна направо, другая налево, но ни та, ни другая не смотрят прямо»¹⁰⁶.

В общеисторическом курсе, предназначенном к опубликованию, Ключевский предпочел, однако, более осторожные формулировки. Он оговаривает, что «теперь не время предпринимать оценку этих взглядов» и спешит «мимоходом... отметить привлекательные особенности обоих направлений»¹⁰⁷. Подобная осторожность характерна для Ключевского. Любопытно отметить, как комментировали современники Ключевского эту часть курса. Ю. Айхенвальд приводил цитированный выше отрывок, говоря, что, изложив сущность «западничества» и славянофильства, он «не пожелал дать им своей оценки» и «предпочел от этого уклониться»¹⁰⁸. В этом Айхенвальд видел особую обдуманность его высказываний.

Милюков, разбирая несколько подробнее это же место курса, приходил к выводу, что «на стороне западников лежит ум Ключевского. К славянофильству он склоняется сердцем». Выделяя доли истины в каждом направлении и указывая на их заблуждения, Ключевский, по мнению Милюкова, «...спасается от их крайностей и односторонностей»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ ОРФ, д. 12.

¹⁰⁶ Там же, д. 32.

¹⁰⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 261.

¹⁰⁸ Ю. Айхенвальд. Ключевский мыслитель и художник.—«В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». М., 1912, стр. 124.

¹⁰⁹ П. Н. Милюков. В. О. Ключевский.—«В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 200.

Обострение борьбы между славянофилами и «западниками» Ключевский относил к 1830—1840 гг. Характеризуя конец XIX—начало XX в. он указывал на то, что «...былые богатырские битвы западников со славянофилами затихли и вместе со своими богатырями отошли в область героической эпопеи русской историографии. Постепенно растворяясь новыми влияниями и взаимными уступками, оба направления сближались и привыкали друг к другу, теряли сектантскую исключительность и, ассимилируясь, жизненной частью своего состава входили в общее сознание, даже становились общим местом...»¹¹⁰ Но почему произошло сначала обострение борьбы, а потом ее затухание, что произошло в жизни страны, повлиявшее на взгляды и действия сторонников ранее враждовавших направлений, почему произошло их сближение — эти вопросы Ключевский даже не ставит. Не видя сложной, многогранной идейной борьбы, не выделяя революционно-демократический лагерь, Ключевский не смог объяснить причину сближения дворянских и буржуазных историков, начавшегося в годы революционной ситуации 1859—1861 гг.

Крупным научным столкновением в истории русской исторической науки Ключевский считал дискуссии по «варяжскому вопросу», проходившие в середине прошлого столетия. К изучению этой проблемы Ключевский приступал дважды. Свидетельством его работы в 70-е годы являются два наброска на эту тему. Как видно из письма Ключевского тех лет к Герье, эти наброски не предназначались для печати. В них Ключевский разбирал различные точки зрения современных ему историков (т. е. историков XIX в.). Второй раз Ключевский вернулся к изучению «варяжского вопроса» в 90-е годы, вероятно, в процессе работы над историографическим курсом, который в те годы как раз им и создавался. В этих набросках его внимание было сосредоточено на истории «варяжского вопроса» и на выявлении его значения в русской историографии.

В середине XIX в. в связи с подготовкой празднования тысячелетия основания России с новой силой вспыхнул спор о происхождении русского государства. В годы революционной ситуации (1859—1861) наиболее реакционные историки пытались поставить норманскую теорию на службу царскому самодержавию.

С первых же строк Ключевский высказывает свое отрицательное отношение к самой постановке проблемы «варяжского вопроса». Он называет «ученые усилия», потраченные для его разъяснения, явлением «патологии»¹¹¹ и отмечает, что он «соб-

¹¹⁰ ГБЛ, ф. 131, п. 12, ед. кр. 2.

¹¹¹ Ключевский пишет, что «иногда общественная или ученая мысль с особенной любовью обращается к сухим, бесплодным мелочам в области знания, как иногда является особенный аппетит на черствое и кислое. А ведь такой поворот в умах есть, несомненно, симптом общественной патологии». ГБЛ, ф. 131, п. 1, ед. кр. 9.

ственно равнодушен к обеим теориям, и норманской, и славянской, и это равнодушие выходит из научного интереса». В самом споре по «варяжскому вопросу» Ключевский видит «нескладницу», «научное бесплодие». Говоря о том, что он «даже сам с удовольствием занялся бы исследованием о том, блондины или брюнеты преобладали в роде первых русских князей», Ключевский справедливо выступает «против того положения, что в этом вопросе ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни»¹¹².

Ключевский считает, что и «Погодин с братией», и Иловайский с предшественниками неправильно ставили проблему, пытаясь найти в ней начало русской народности и государства. «Национальности и государственные порядки,— пишет Ключевский,— завязываются не от этнографического состава крови того или другого князя и не от того, на балтийском или азовском побережье зазвучало впервые известное племенное название».

Характеризуя полемику, происходившую по «варяжскому вопросу», Ключевский писал, что «новые теории о происхождении Руси выступают с таким шумом и такими мужество[енными] физиономиями, как будто они вверх дном ставят все те основные факты, которыми открывается наша история. Когда я попытался воспроизвести эти настоящие исторические факты... и потом сопоставил с ними эти новые теории, я нашел, что первые остаются в том же положении...»

Ключевский начал историю изучения «варяжского вопроса» с разбора «Начальной летописи», верно указывая на тенденциозность ее автора, называя его «решительным норманистом». Затем он анализировал взгляды на этот вопрос историков XVIII в., далее переходил к изучению вопроса в XIX в. После диссертации Погодина¹¹³ интерес к «варяжскому вопросу», пишет Ключевский, ослаб, «известный турнир Костомарова и Погодина¹¹⁴ также готов был пройти бесследно для науки». Новым этапом в развитии спора Ключевский считал изданные С. Геденовым отрывки исследования о варягах¹¹⁵. «За ними,— пишет Ключевский, следовала целая литература, которую уже теперь становится трудно прочитать, еще труднее изучить и понять. Появились сочинения Щеглова, Иловайского, Ламбина, Васильевского, Кунина, новые статьи Погодина и, наконец, книга Забелина». Но в этих трудах Ключевский не видит ничего принципиально нового: «то же и о том же, те же приемы и результаты». Не без иронии Ключевский подмечает и некоторые

¹¹² ГБЛ, ф. 131, п. 1, ед. хр. 9.

¹¹³ Диссертации М. П. Погодина: «О происхождении Руси» (1824) и «О летописи Нестора». — ЖМНП, 1834, затем отд. изд. 1839.

¹¹⁴ 19 марта 1860 г. состоялся диспут Костомарова и Погодина.

¹¹⁵ Статьи Геденова издавались в «Записках Академии наук» в 1862—1863 гг. (№ 1—3).

изменения. Прежде, отмечает он, господствовало критическое направление в исследовании вопроса, когда тщательно изучались источники, вводились новые доказательства, подтверждающие или опровергающие летописную легенду. Теперь, пишет он, в большинстве исследований господствует «творческое направление», представители которого, «торопливо покритиковав спорные известия, спешат составить из них новое сказание о начале Руси». Переходным типом исследования от одного направления к другому Ключевский считает работу Гедеонова: «...наполовину он еще критик, а наполовину уже постройитель, реставратор исчезнувшего факта. Только г. Васильевский держится в положении строгого критика, защитника падающего кредита легенды». Еще одной особенностью новой литературы Ключевский считает увлечение филологией, на основе которой преимущественно строятся новые гипотезы.

Из перечисленных выше историков Ключевский отдельно останавливался на теориях Иловайского и Забелина. Иловайский, выступая с критикой норманизма, выдвинул свою, так называемую роксоланскую теорию. Ключевский кратко излагает сущность этой теории, по которой древние племена (поляне, северяне, дреговичи и пр.) были лишь ветвями одного племени, известного под именем антов или роксолан. Впоследствии поляне, объединив остальные ветви роксоланского племени в одно государственное целое, стали называться Русью. Ключевский на основании анализа первоисточников, отмечая ряд противоречий, присущих этой теории, показал ее несостоятельность. Резкой критике подверг Ключевский и книгу Забелина «История русской народной жизни», в которой автор касался вопроса о происхождении Руси. Ключевский главным образом критикует систему доказательств Забелина, решительно протестуя против его способа: убеждения скачками от «может быть» к «должно быть» и к «большой вероятности», а от вероятности к «несомненности». Мы не верим, пишет Ключевский, «чтобы эта игра в слова и предположения могла стать основой прочной, долговечной научной теории...»¹¹⁶ Разбирая два тома книги Забелина, Ключевский останавливается на некоторых, как он выражается, «очевидных несообразностях». Источником их он считает излишнюю «подвижность воображения при постройке догадок и гипотез, имеющих так мало оснований, что иногда уловимым остается только одно: «мне так нравится»¹¹⁷. Ключевский считает, что в результате у Забелина «вышла какая-то схема исторического развития. музыкальная фантазия», построенная на тему: «как должно было быть...» Он находит, что мысли у Забелина «идут без плана и нужды, по мере нарождения, как несутся облака», что

¹¹⁶ ГБЛ, ф. 131, п. 12, ед. хр. 2.

¹¹⁷ Там же.

у него нет последовательного рассказа, нет систематической критики и т. д. ¹¹⁸

В рукописях Ключевского имеется образная сравнительная характеристика Иловайского и Забелина. Во времена Ключевского этих историков принято было объединять в «археологическое направление» на том основании, что они привлекали в качестве доказательств своих теорий археологические данные. Поэтому, видимо, и Ключевский объединил их. Так, он писал: «И[ловайский] — ученый грызун, З[абелин] speculator, один берет зубами, другой глазом, один грызет и жует этнографич[еские] и геогр[афические] термины, другой мерит и рисует формы, дистанции, углы и линии... один — все берет снизу, другой только сверху; оттого один только разлагает, не зная, что такое разлагаемое, другой только берет все в целом, не зная, из чего состоит оно. Один родился жующим стариком, другой умрет сосущим младенцем. Один — тихий, тенорный рассказчик, другой — бризозный описатель — шумный. Один немного скучен, другой немного тяжел и оба не наука, хотя оба патриота...» ¹¹⁹

Разбирая доводы спорящих сторон, Ключевский, как мы видели, отрицательно относился к самой постановке «варяжского вопроса», верно указывая на то, что не в решении его лежит ответ на вопрос о «начале русской национальной и государственной жизни». В своих общеисторических трудах, излагая взгляды на начало русской истории Шлецера, Карамзина, Погодина, Соловьева, с одной стороны, и Беляева и Забелина — с другой, Ключевский давал и свое решение вопроса. Напомним, что начало русской истории он склонен относить к середине VI в., когда у славян на Карпатах сложился военный союз под предводительством князя дулебов ¹²⁰.

Возражая Иловайскому, который обвинял его в приверженности к норманской теории, Ключевский, повторяя свои соображения о военном прикарпатском союзе, писал: «...эти догадки не заимствованы у норманистов и даже могут вызвать возражения с их стороны; вообще они не имеют прямой связи ни с какой высказанной в нашей литературе гипотезой „о начале Руси“» ¹²¹.

В специальных набросках, посвященных «варяжскому вопросу», Ключевский не столько высказывает свое мнение, сколько оправдывает себя и своих современников, которые «...боялись сделать новую догадку, поставить факты в новую комбинацию, не сделанную прежде». «Мы считали, — пишет он, — это праздной игрой в гипотезы» ¹²². Свою позицию Ключевский называл

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 103, 104, 110, 113, 150; т. 7, стр. 164—165.

¹²¹ В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 166—167.

¹²² ГБЛ, д. 131, п. 1, ед. хр. 9.

«ученым целомудрием» или «ученой дисциплиной». «Она основывалась,— писал он,— на том правиле, что не следует сбивать с толку других, уверяя их в том, в чем не убежден сам, и не следует убеждаться в том, что не имеет достаточных оснований». И далее: «...мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили, как ученики ее создателей, и не знали, что делать с ней, как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол как ненужный, но требуемый приличием обряд. Так плотник, прежде чем приступить к работе, постукает без всякой цели по дереву, которое собирается рубить. Потом мы рассказывали, как будто и нет спора о варягах с братией».

Таким образом, Ключевский довольно верно выделяет основные моменты в развитии проблемы. Он разбирает теории некоторых норманистов и антинорманистов, высказывает свое отношение к проблеме, дает и собственное решение вопроса. Основное внимание Ключевского и в решении этого вопроса было сосредоточено на критике историков официально-«охранительного» направления типа Погодина и Иловайского.

Вместе с тем его анализ не освещает всесторонне изучаемой проблемы. Им оставлены в стороне выступления таких решительных противников норманской теории¹²³, как, например, декабристов Н. Муравьева, М. Лунина, М. Орлова, не говоря уже о выступлениях революционных демократов Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. В освещении этого вопроса Ключевский остался верен традициям дворянско-буржуазной науки, которая признавала труды лишь историков «академической» школы. Не вскрыв политическую основу вопроса, не придав исторического значения выступлениям наиболее прогрессивной части общества, Ключевский не сумел всесторонне осветить изучаемую проблему.

Отстраняясь от изучения революционно-демократического направления, а затем и от марксизма и видя лишь сближение дворянской и буржуазной историографии, Ключевский приходил к выводу, что идейная борьба в последующие годы не разрасталась. Наоборот, она, по Ключевскому, шла на убыль, затухала, потому что споры и битвы славянофилов и «западников» затихли; «...варяжский вопрос..., вспыхивая по временам случайными столкновениями..., убедился, что ему не выйти из области уравнений с тремя неизвестными, и утратил надежду и охоту сложиться в убежденную и научно-формулированную теорию». «Новых направлений с принципиальными разногласиями,— пишет Ключевский,— не заметно», теперь «работа русской историографии идет ровным ходом и в довольно миролюбивом

¹²³ О борьбе М. В. Ломоносова с норманизмом Ключевский писал в связи с разбором историографии XVIII в.

духе»¹²⁴; т. е. по Ключевскому, наступила пора якобы спокойной, мирной эволюции, гармонического развития исторической науки. И это было написано в 1902 г., в условиях все нарастающего кризиса буржуазной исторической науки. Стремление Ключевского во что бы то ни стало доказать идею мирного, бесконфликтного, спокойного развития исторической науки ярко свидетельствует о боязни и невозможности буржуазного ученого объективно оценить основные моменты в развитии науки и тем более предвидеть дальнейшие перспективы ее развития. Сводя по существу всю идеологическую и идейную борьбу в XIX в. к спорам между славянофилами и «западниками», Ключевский лишний раз доказал узость и ограниченность буржуазного мировоззрения.

* * *

Несмотря на отрывочность и разрозненность дошедшего до нас историографического материала Ключевского, все же довольно четко вырисовываются основные его взгляды на развитие русской историографии XIX в. в дореформенный период.

Из приведенных выше характеристик видно, что его особенно интересовали представители официального направления, хотя он и не давал этому направлению общей оценки. С позиции буржуазного историка Ключевский, анализируя творчество таких историков, как Карамзин, Погодин, Иловайский, верно показывал отдельные слабые их стороны, отмечал многие недостатки, хотя и не касался самой существенной стороны — их реакционно-политической направленности. В его анализе чувствуется не высказанная прямо им мысль о том, что дворянские историки, несмотря на их официально господствующее положение в науке, не были способны развивать и совершенствовать историческую науку. Ключевский объективно как бы противопоставляет им буржуазных историков. Это видно даже из его первоначального наброска плана лекций, где после разбора трудов Карамзина и перед характеристикой Погодина он предполагал дать разбор позиций Каченовского и Полевого. Дошедшая до нас характеристика Полевого подтверждает правильность этого вывода. Когда же буржуазное направление завоевало прочное положение, Ключевский перестал замечать принципиальные разногласия в исторической науке и считал, что наступил период «гармонического», «мирного» развития русской историографии. Сбрасывая со счета развитие революционно-демократического, затем марксистского направлений, изучая лишь труды историков «академической» школы, Ключевский оставался тем самым в рамках дворянско-буржуазных традиций, хотя и делал отдельные попытки преодолеть их узость. Таким образом, историографические

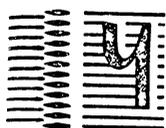
¹²⁴ ГБЛ, ф. 131, п. 12, ед. хр. 2.

труды Ключевского ярко отразили как его собственную идеалистическую концепцию, так и общее состояние дворянско-буржуазной науки, которая вскоре вошла в полосу кризиса.

Вместе с тем историографические работы Ключевского были определенным достижением буржуазной науки. Сам факт внимания и интереса Ключевского к этим проблемам наряду с работами Соловьева, Бестужева-Рюмина, Кояловича, Милюкова, Иконникова и др. свидетельствует о том, что историография завоевывала положение самостоятельной области исторического знания. Сравнивая работы Ключевского с трудами перечисленных авторов, видно, что он стремился дать более четкую периодизацию отечественной историографии. Как уже было сказано, для первого периода русской историографии XIX в. Ключевский считал важным влияние Великой французской революции и наполеоновских войн. Выделение этих событий в качестве рубежа в историографии, так же как и определение следующего рубежа — конец 50-х — начало 60-х годов (время революционной ситуации), говорят об определенном внимании Ключевского к моментам обострения классово-борьбы, о его интересе, как он выражался, к «переломным» эпохам. Это и понятно, так как Ключевский сам жил в подобные «переломные» годы. Формирование его взглядов шло под непосредственным влиянием революционной ситуации конца 50-х и 60-х годов, его деятельность протекала в годы второй революционной ситуации, он был свидетелем революции 1905 г., а умер всего за шесть лет до Великой Октябрьской социалистической революции. Важно признание Ключевским положительного влияния переломных эпох на развитие исторической мысли. Но Ключевский не мог до конца понять и проанализировать эти явления и давал им зачастую идеалистическое объяснение.

Работа Ключевского в области историографии не была им завершена, этим отчасти объясняется тот факт, что и в настоящее время историографические работы Ключевского остаются еще мало изученными. Несмотря на то, что в свое время с ними был знаком только узкий круг слушателей специальных курсов, взгляды Ключевского на развитие истории русской исторической науки не могли не оказать влияния на дальнейшее ее развитие, так как в рядах его учеников было много будущих видных историков различных направлений, таких, как П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, В. И. Пичета, Ю. В. Готье, М. Н. Покровский и многие другие.

К эволюции историко-политических взглядов Б. Н. Чичерина

Чичерин Б. Н. (1828—1904 гг.) известен как один из родоначальников государственной школы в русской историографии. Вместе с тем сравнительно мало исследованными остаются политические взгляды Чичерина. Помещичье-буржуазный либерализм явственно отразился в его трудах по истории, философии и праву. Поэтому освещение политических взглядов Чичерина позволит лучше понять реакционную в целом направленность этого представителя историко-юридической школы.

Особый интерес вызывает развитие его взглядов периода первой революционной ситуации в России (конец 50-х — начало 60-х годов). Хорошо известно, что Чичерин отвергал закономерность революционных изменений в обществе. Напуганный студенческими волнениями весной и осенью 1861 г., он выступил в поддержку сильной власти, которая должна была прекратить брожение умов. Более того, рукописные материалы фонда Чичерина, хранящиеся в Библиотеке им. В. И. Ленина и в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, позволяют сделать ряд интересных наблюдений о прямых контактах Чичерина с правительством.

Выступления студентов были одним из элементов революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов. Учащаяся молодежь поднялась на борьбу, в частности, и против попытки царского правительства ограничить возможности получения высшего образования демократическим элементом, в которых самодержавие видело питательную среду революционно-демократических идей.

Верный своему стремлению отрицать закономерность революционных изменений, Чичерин пытался истолковать студенческие демонстрации как случайность. Именно эта версия приводится им в его воспоминаниях.

Передовые деятели русской интеллигенции понимали крепостническое существо крестьянской реформы и протестовали против

ограбления крестьян помещиками. Проявлением этого было, в частности, известное выступление историка А. П. Шапова в Казани после событий в селе Бездна Казанской губернии. Нет ничего удивительного, что либерал Чичерин увидел в выступлениях протестующей интеллигенции то же «неистовое беснование», которое, как он писал, «так возмущало меня в Герцене»¹. Объясняя происходившие события, Чичерин приписывал их тому, что «в литературе и в обществе господствовал невообразимый умственный хаос»².

Мемуарные записи Чичерина включают некоторые письма, которые он направлял в Петербург брату Василию Николаевичу — советнику Министерства иностранных дел. Публикация писем, как и ответов брата, содержит пропуски. Но эта переписка позволяет восстановить важный факт сношения Чичерина с правительством, которое осуществлялось через Василия Николаевича, сообщавшего о содержании писем А. М. Горчакову.

Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина хранит письма Чичерина и автографы его записок о студенческих делах. Сопоставление рукописных материалов с печатными свидетельствует прежде всего о том, что оба брата были солидарны в том, что характер волнений студентов Петербургского университета гораздо опаснее, чем московских. Чичерин объясняет это влиянием революционных демократов. В качестве доказательства он ссылается на обращение М. Л. Михайлова «К молодому поколению» и «крайние мнения», появившиеся на страницах печати. Особую неприязнь Чичерина вызывает Н. Г. Чернышевский, который «...явно проповедовал социалистические и материалистические теории. Он был в это время на вершине своей популярности и выступал перед публикою с самыми наглыми изъяснениями»³. Чичерин не мог не видеть той любви и уважения, которыми в прогрессивных общественных кругах было окружено имя скончавшегося в ноябре 1861 г. Н. А. Добролюбова. И он вынужден признать, что Добролюбов — «выдающийся корифей» школы Чернышевского. Напомним, что Чичерин был очень недоволен характеристикой политики Кавура в отношении объединения Италии, данной Добролюбовым. Чичерин увидел в оценке Добролюбова «...невежество, тупоумие и пошлость русского радикала новейшего фасона»⁴.

Понятно, что для Чичерина революционно-демократические идеи — «...бессмысленная пропаганда, клонившаяся к разрушению всего существующего общественного строя»⁵. Чичерин

¹ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет». М., 1929, стр. 15.

² Там же.

³ Там же, стр. 22.

⁴ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу». М., 1932, стр. 28.

⁵ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 22.

злобствовал по поводу того, что «...правительство освобождало двадцать миллионов крестьян, а внизу копошились... гады, готовые загубить великое историческое дело»⁶.

Для «успокоения» студентов Московского университета Чичерин считал необходимым использовать полицейскую силу. Тем самым его помещичье-буржуазный либерализм смыкался с «охранительными» мерами правительства. «Нужно только усилить полицию и действовать энергически, когда нарушаются правила. Вообще, в настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть»,— писал Чичерин брату⁷. Письмо это тотчас же было прочитано при дворе. По словам В. Н. Чичерина, оно «очень понравилось в высших сферах, и мне поручено тебя благодарить... Особенно подействовала фраза: «либер[альные] меры с сильной властью». Но следовало бы развить эту идею, особ[енно] либер[альные] меры»⁸. Отправив свой ответ в Москву почтой, Василий Чичерин с okazji послал вдогонку второе письмо, датированное тем же 7 октября 1861 г. Оно опубликовано в воспоминаниях Чичерина «Московский университет» с купюрами. Советуя Борису «обдумать очерк либеральных мер», Василий подчеркивал: «я тебя предупреждаю, что Горч[аков] небольшой охотник до свободы слова... и J[ournal] de S.[Peter]sbourg он держит в очень тесных рамках даже относит[ельно] того, что происходит в России». В конце Василий приписывает: «письмо прошу оставить при себе»⁹. В придворных кругах Чичерин, по оценке его брата, имел «репутацию одного из самых передовых людей». «Из твоих уст,— писал Василий Чичерин брату,— слышать, что необходима крепкая власть, Горчакову очень драгоценно. Он формально поручил мне тебя благодарить...»¹⁰

Выполняя просьбу брата, Чичерин в письме от 11 октября 1861 г. развивает свою программу «либеральных мер и сильной власти». Он пишет, что это выражение «...должно быть лозунгом правительственно-либерального или... консервативно-либерального мнения в России. Это мнение едва зарождается»¹¹.

Б. Н. Чичерин признает, что в России отсутствует возможность «печатно обсуждать наши внутренние вопросы». Освобождение крестьян вызвало «разгар страстей», который отражается на образовании либерального мнения в России. Размежевание революционно-демократического и помещичье-либерального лагерей показывает, по словам Чичерина, что «...либеральное мнение

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 24.

⁸ Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей (далее — ГБЛ), ф. 334, к. 10, п. 11/2.

⁹ Там же.

¹⁰ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 26.

¹¹ Там же, стр. 29.

в России положительно раздвоится»¹². Верно звучит замечание Чичерина о тех, кто, не поняв этого процесса, «...всех нас крестят названием красных. Различное обсуждение моего письма к Герцену (речь идет об «Обвинительном акте». — Г. К.) до очевидности показало это разделение»¹³.

Чичерин считает возможным предоставление «обществу значительной доли самодеятельности». Говоря о либеральных мерах, он рекомендует «...избегать тех мелочных стеснений, которые раздражают людей и унижают начало, ставя его в мелочные столкновения с гражданами»¹⁴. Можно допустить публикацию «бестолковых статей», разрешить студентам говорить «обо всяком вздоре». Чичерин не скрывает, что это проявление свободы можно «сделать совершенно безвредным». Для этого необходимо, «чтобы над всем этим господствовала сильная власть», задача которой «...сдерживать непокорных... В настоящее время сильная власть нужнее, нежели когда-либо»¹⁵. Так, формулирует Чичерин свое понимание сущности и значения сильной власти, призванной «сдерживать расставшуюся Россию».

Наглядным примером соединения либеральных мер с сильной властью Чичерин считал отмену крепостного права. Он подчеркивал, что освобождение крестьян «...дает правительству право на вечную признательность со стороны всякого, кто искренне любит отечество»¹⁶. Крестьянские волнения, последовавшие за реформой, которая, по выражению В. И. Ленина, обдирала крестьян, «как липку»¹⁷, Чичерин объяснял «неустройством управления» и, конечно, одобрял предпринятые правительством «сильнейшие меры» подавления крестьян, которые посмели выступить против благодетельной меры.

Но обстановку в университетах Чичерин характеризовал как проявление бессилия со стороны начальства. Это бессилие и усугубило тяжесть положения.

По мнению Чичерина, прекратить студенческие беспорядки можно невыдачей студентам матрикулов и билетов и тем более невведением платы за обучение. Последняя мера только «...подкапывает значение правительства и составляет лучшую опору для той безрассудной оппозиции, которая слышится у нас со всех сторон»¹⁸. Студенты должны понять, что нарушение правил повлечет за собой наказание. «Уверенность в непрременном наказании — лучшее ограничение свободы»¹⁹. Свое письмо к брату

¹² «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 29.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

¹⁸ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 33

¹⁹ Там же, стр. 30.

он заканчивает заверением: «Я прежде всего желаю сильной власти». Но при этом правительству нельзя терять своего значения «образователя народа». В противном случае «...разумным образом поддерживать правительство становится невозможным»²⁰. Это письмо Чичерина, как свидетельствует Василий Чичерин, было почти «целиком» переписано для царя.

Но еще до его получения В. Н. Чичерин просил брата приехать в Петербург. У А. М. Горчакова возникла мысль не только лично поговорить с Чичериным, но и представить его царю. В связи с этим В. Н. Чичерин писал 13 октября 1861 г., что следует «приехать как можно скорее, чтобы основательно переговорить, пока у князя довольно своб[одного] времени... Время критическое. Добрый совет в эту минуту очень важен. Государя ждут сюда в среду, след[овательно], ты едва ли успеешь его предупредить, надобно бы выехать в понедельник»²¹.

Чрезвычайно характерно, что Василий Чичерин предупреждает брата: «не говори... о твоих сношениях с властями, чтобы, пожалуй, не потерять своей либеральной репутации. Впрочем ты знаешь это лучше меня»²². Правящие круги не хотели подрывать либерализм Чичерина, который достаточно верно служил им, рядясь в тогу поборника либеральных идей. Примечательно, что это письмо Василия Николаевича осталось неопубликованным.

Подробно освещает Чичерин студенческие волнения в Московском университете. Виновниками событий являлись, по его мнению, конечно, студенты. Власти же терпели беспорядки, а генерал-губернатор Москвы П. А. Тучков якобы «принял под свое покровительство явное сопротивление закону»²³. Это ложное утверждение Чичерина опровергается двумя документами. Первый из них — обращение студентов-дворян к предводителю московского дворянства, в котором показано истинное лицо Тучкова, организовавшего избиение студентов полицией. Писарская копия этого обращения хранится в фонде Чичерина вместе с черновиком его «Записки о происшедших в Московском университете беспорядках». Второе свидетельство — подборка писем, помещенных в «Колоколе» 22 ноября 1861 г. под заглавием «Московская бойня студентов». Авторы четырех писем детально описывали зверскую расправу над студентами. По словам А. И. Герцена, «все письма равно говорят о верноподданнических стараниях профессоров, полиции, генерал-губернатора, некоторых литераторов и двух полицмейстеров»²⁴. Верный себе

²⁰ Там же, стр. 33—34.

²¹ ГБЛ, ф. 334, к. 10, п. 11/2

²² Там же.

²³ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 32.

²⁴ «Колокол», факсимильное издание, вып. IV. М., 1962, стр. 942.

Чичерин нападение полиции на студентов 26 октября 1861 г. объяснял тем, что власть «не хотела терпеть скандала на улицах»²⁵. Хотя Чичерин и вынужден признать, что студентов «разгоняли, даже били», происшедшее не вызвало его осуждения. Напротив, он одобрил принятые меры. По его словам, «встречая везде отпор, студенты поняли, что надеяться не на что, и притихли»²⁶. Напомним, что Герцен заклеил позором «героев дня», которые в глазах Чичерина содействовали «водворению» порядка.

Черновик «Записки о происшедших в Московском университете беспорядках, поданной от университетского Совета г. попечителю для доставления г. министру народного просвещения», написанной Чичериным, проливает дополнительный свет на его политические взгляды. Чичерин убеждает начальство, чтобы оно не подумало, «что университет сделался центром уличных восстаний и революционных идей»²⁷. Для либерала Чичерина даже мысль о подобных вещах представляется неуместной. Но ведь нужно было объяснить причину студенческих волнений. И Чичерин уверяет, что лишь житейская неопытность молодых людей и бедствия «последней войны» (т. е. Крымской. — Г. К.) не дали им возможности определить «границы, где свобода становится анархической и вредною для Государства»²⁸. Чичерин во всем винит окружающее студентов русское общество, которое к начавшимся преобразованиям «вовсе было... не приготовлено». Студенты же заразились «его стремлениями, его страстями, его предрассудками»²⁹.

Вынужденный коснуться недовольства студентов лекциями профессоров А. А. Майкова, С. Н. Орнатского и Н. А. Варнека, Чичерин, однако, не упоминает о неспособности и неподготовленности этих лиц к преподаванию. А между тем в «Воспоминаниях» он дает им вполне заслуженные отрицательные характеристики. От слушания лекций Майкова отказался даже консервативный студент В. И. Герье³⁰, а Орнатский еще в 1851 г. не советовал Чичерину, готовившемуся к магистерскому экзамену, читать западную литературу «как пагубный плод революционных идей»³¹. Но «Записка» предназначалась для узкого круга лиц, и, стремясь всю вину свалить на студентов, Чичерин заведомо и сознательно исказил события. Чичерин сожалеет об уничтожении карцера для провинившихся студентов, предлагает восстановить его. Нужно исходить из того, что раз «есть поли-

²⁵ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 41.

²⁶ Там же.

²⁷ ГБЛ, ф. 334, к. XX, п. 6, стр. 1.

²⁸ Там же, стр. 2.

²⁹ Там же, стр. 3.

³⁰ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 15.

³¹ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов». М., 1929, стр. 120.

ция..., должно быть и полицейское наказание»³². Опасаясь, что университетская полиция окажется бессильной, Чичерин подчеркивает, что руководство университета «вправе всегда рассчитывать на содействие городской полиции»³³. Так открывается истинное лицо его либерализма.

Полицейские меры помогли водворить «порядок», и Чичерин начал читать свой курс. Его вступительная лекция по государственному праву состоялась 28 октября 1861 г. В ней он обратил внимание слушателей на эпоху «великих преобразований»³⁴, которые по своему значению «мудренее всевозможных политических переворотов»³⁵. «Непростительным легкомыслием» назвал Чичерин критику правительства за частные стеснительные меры. Он выступил против какого-либо осуждения вековых злоупотреблений. Без тени смущения Чичерин отнес все критические замечания в адрес правительства к числу «мелких побуждений»³⁶. По словам Чичерина, «истинный патриотизм» выше всего этого. В лекции нашла отражение излюбленная мысль Чичерина о «нзрелости» общественного мнения в России. Он противопоставил его «разумным» общественным силам, которые верят в «развитие гражданственности и порядка»³⁷. Понятно, что Чичерин с «охранительных позиций» подошел к проблеме политического развития страны и осудил революционно-демократические силы. Хотя он и не упоминает имен, ход его мыслей не вызывает сомнений. Он предостерегает студентов от «дешевого либерализма, питающегося журнальными крохами»³⁸.

В содержании университетского курса Чичерина отразилось влияние реакционных политических черт философии Гегеля. Чичерин отождествляет, сливает историю народа с историей государства. Примечательно определение «государственный народ», который способен «установить над собой высший порядок, разумно и единодушно подчиниться верховной власти». Только за «государственными народами» признает Чичерин право «играть роль в истории». Высоко оценивая значение государства, Чичерин не забывает напомнить, что лишь «не любящие отечество кидают у нас камень в государство»³⁹. Чичерин убеждал своих слушателей, что неверно думать, «что достаточно захотеть свободы, чтобы ее достигнуть». Нет, вовсе не так, свобода «без ряда условий — сильнейший деспотизм». Каковы же условия, которые определяют свободу? Свобода немыслима без правильно устро-

³² ГБЛ, ф. 334, к. XX, п. 6, стр. 5.

³³ Там же.

³⁴ Б. Н. Чичерин. Несколько современных вопросов. М., 1862, стр. 23.

³⁵ Там же, стр. 25.

³⁶ Там же, стр. 25—26.

³⁷ Там же, стр. 27.

³⁸ Там же, стр. 28.

³⁹ Там же, стр. 33.

енного общественного быта, проникнутого «народным» духом⁴⁰. Так сочетает Чичерин выдвинутую Гердером идею, использованную Гегелем и Савиньи, с защитой самодержавия. Чичерин разъясняет, что, говоря о либерализме, он понимает «не юридическую свободу», а «просвещенное состояние духа». Свою лекцию Чичерин закончил призывом «трудиться, как следует людям, преданным науке,— спокойно, беспристрастно». Разумеется, Чичерин не обошелся без совета удалиться «от политического брожения, носящего печать современных страстей»⁴¹. Именно эти строки из своей лекции он приводит в воспоминаниях, и они ясно показывают его стремление увести молодежь от живых вопросов современности. Вся вступительная лекция Чичерина ярко выразила его консервативно-либеральные (по его же словам!) убеждения. Вернее, перед студентами предстал преданный защитник самодержавия.

Именно так восприняли его лекцию и в высших сферах Петербурга. В. Н. Чичерин писал ему 7 ноября 1861 г.: «Твоя лекция очень понравилась и консерваторам, и всем умеренным людям. Она отвечала потребности, которую все вообще ощущали... Горчаков представил ее государю, который надписал: «Много весьма дельного и хорошего»⁴². Сам Чичерин уверяет, что со времени прочтения им этой лекции у него якобы «установились наилучшие отношения» со студентами, но не пишет, с какими именно. Чичерин отмечает, что после избиения студентов на Тверской площади Московский университет «на много лет успокоился совершенно». Он одобряет восстановление порядка, достигнутое «дружным действием власти и профессоров».

Чичерин так преуспел в пропаганде консервативного духа в Московском университете, что в столице даже возникла мысль пригласить его для аналогичной цели в Петербургский университет. Чичерин пишет, что об этом он «получил предложение от ректора Горлова», а брат его в письме от 21 ноября подтверждает, что Горчаков также говорил ему об этом. Несмотря на отказ Чичерина, который понимал, что, приняв приглашение, он будет «поставлен в самые неловкие и неприятные отношения как к профессорам, так и к слушателям», его пытался уговорить и прибывший в Москву граф Е. В. Путятин — министр народного просвещения. Чичерин признался при этом: «я могу содействовать правительству, только находясь в независимом положении»⁴³. Это признание показательное. Чичерин отнюдь не против того, чтобы идти с правительством рука об руку, но он считает, что лучше не выставлять напоказ это сотрудничество. По той же причине Чичерин отказался сотрудничать в газете «Северная

⁴⁰ Б. Н. Чичерин. Несколько современных вопросов, стр. 38.

⁴¹ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 43.

⁴² Там же, стр. 44.

⁴³ Там же, стр. 46—48.

почта», которую министр внутренних дел П. А. Валуев наивно намеревался сделать «руководительницей» русского общественного мнения. Отклоняя предложение Валуева, Чичерин писал ему, что поддерживать правительство «словом в благих начинаниях оно должно предоставить частным людям, которые могут судить о нем беспристрастно и свободно спорить с другими». Чичерин обещал Валуеву, что ему как «независимому человеку» будет тогда легче утверждать, что правительство действует для блага России⁴⁴. Но правительство было так удовлетворено той консервативной позицией, которую Чичерин проводил на кафедре государственного права, что в порыве радости оказало ему, по его словам, «медвежью услугу». Цензура получила приказ не пропускать критических выступлений на его вступительную лекцию. 11 января 1862 г. В. И. Касаткин писал из Москвы Е. И. Якушкину: «Кавелин подтвердил, что против Чич[ери]на было циркулярно запрещено писать»⁴⁵. Не о его ли письме упоминает А. И. Герцен в «Колоколе» от 15 января 1862 г. в № 119—120? ⁴⁶ Касаткин справедливо отмечает, что «теперь уже не может быть и мысли о каких бы то ни было компромиссах с партией Чичерина и К^о»⁴⁷. Чичерин понял, что его мнимая независимость по отношению к правительству станет очевидной и помешает тактике одобрения правительственных мер. В этих условиях он решил, что у него нет иного выхода, кроме просьбы к правительству о снятии запрета с критики по его адресу. Поэтому он обратился к Путятину с письмом, в котором отметил, что при создавшихся обстоятельствах рискует подвергнуться «презрению общества» и не сможет «сказать ни единого слова в пользу власти, порядка и закона». Копию своих возражений Чичерин переслал брату и просил его распространить ее и «хлопотать о снятии запрещения». Брат поспешил уведомить Чичерина (13 декабря 1861 г.), что выполнил его просьбу. Как пишет Чичерин, «это и было сделано»⁴⁸.

Из материалов Чичерина видно, что он стремился к созданию и оформлению «проправительственного» направления. Оно могло, по его мнению, «уничтожить ту бездну, которая в настоящее время, вследствие давно накопившихся причин, отделяет правительство от общества, и которая... составляет одно из главных наших зол»⁴⁹. Чичерин опасался, что крестьянское восстание сметет самодержавие и его либеральных защитников. И хотя 1861 г. подходил к концу и особенно «страшных» для правительства выступлений более не происходило, обстановка оставалась тревожной. Напомним, что Чичерин писал из Петербурга о нена-

⁴⁴ Там же, стр. 50.

⁴⁵ «Литературное наследство», т. 41—42. М., 1941, стр. 50.

⁴⁶ «Колокол», факсимильное издание, вып. V. М., 1962, стр. 996.

⁴⁷ «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 49.

⁴⁸ «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет», стр. 51, 52.

⁴⁹ Там же, стр. 50.

дежности офицеров. Революционная пропаганда Н. Г. Чернышевского давала свои плоды. Не случайно Чичерин в основе студенческих волнений видел агитацию революционных демократов и возмущался «Современником». Правительство еще не решилось в то время на те репрессии, которые были предприняты против Чернышевского в 1862 г. И Чичерин призывал правительство не столько к применению либеральных мер, сколько к использованию сильной власти. Студенческие волнения свидетельствовали о настроениях молодежи и пугали Чичерина своим радикализмом.

Уходящий 1861 год завершил окончательный переход Чичерина на сторону правительства. Поэтому его последующая эволюция к оправданию расправы над Чернышевским и к поддержке подавления восстания 1863 г. в Польше вполне «естественна» и закономерна.

Свои мысли того времени Чичерин высказал в стихотворении «Мудрец». Оно хранится среди ряда других стихотворений в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в фонде А. В. Станкевича, который был другом и единомышленником Чичерина. Небольшая тетрадь включает 29 стихотворений, написанных рукой Чичерина.

Среди работы многодумной,
С мечтой возвышенной своей,
Не знаешь ты тревоги шумной,
Земных чуждаешься страстей.
Метутся буйные народы...
В стремленье вечном и слепом,
То рвутся к пламени свободы,
То ниц падут перед венцом.
Метутся, и в борьбе кровавой,
Их оглушит тревоги шум...
Но ты, возвышенный над миром,
Людской не ведая борьбы,
Не ослепленный их кумиром,
Проникнешь в тайные судьбы.
И высшим озаренный светом,
Борьбы предчувствуя исход,
Встречаешь радостным приветом
Ты солнца ясного восход»⁵⁰.

«Вечным и слепым» называет Чичерин стремление к свободе и ничего, кроме кровавой и бесполезной борьбы, в нем не замечает. Но Чичерин вовсе не мудрец, который отраду от суеты мира обрел в служении истине. Нет, он активный защитник пра-

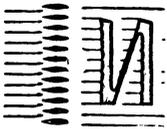
⁵⁰ ОПИ ГИМ, ф. 351, д. 106, л. 99—100.

ительственной политики и именно сторонник «сильной власти». Его либерализм был не просто весьма умеренным. Чичерин — «охранитель» с поверхностно-либеральным налетом. К нему вполне применимо известное выражение Лебрена: «Liberal — c'est diminutif de libre» (либерал — это уменьшительное от «свободный»), которым М. М. Ковалевский характеризовал позже либерализм Герье⁵¹.

Чичерин стоял на правом фланге либерального движения. Его реакционные политические взгляды наложили заметный отпечаток на всю его педагогическую и научную деятельность. Без их анализа нельзя понять вклада Б. Н. Чичерина в разработку «государственной школы» русской историографии.

⁵¹ М. М. Ковалевский. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века.— «Вестник Европы», 1910, № 5, стр. 189.

История России в освещении И. А. Худякова

Имя Ивана Александровича Худякова, известного русского революционера-шестидесятника, тесно связано как с историей освободительного движения в России, так и с историей русской науки. По своему происхождению Худяков был типичным разночинцем. Он родился 1 января 1842 г. в городе Кургане в семье мелкого чиновника. Наделенный большими способностями, он первым учеником окончил Тобольскую гимназию и в 1859 г. поступил в Казанский университет. В том же году Худяков перешел в Московский университет, в котором проучился до 1861 г. В 1862 г. Худяков переехал в Петербург. Будучи студентом, в 1860 г. он составил и опубликовал «Сборник великорусских народных исторических песен». В последующие годы Худяков издал ряд серьезных работ по фольклору: «Великорусские загадки»¹, «Великорусские сказки»² и др., благожелательно встреченные специалистами. Однако Худяков не склонен был замыкаться в рамках чисто академической науки. Он занялся работой по написанию популярных книг для народа³. При этом Худяков не преследовал одни только просветительские цели. В его книгах в завуалированной форме содержалась критика монархических и религиозных предрассудков. Работа над книжками для народа была тесно связана с революционной деятельностью Худякова. Еще находясь в стенах Московского университета, Худяков участвовал в студенческих беспорядках. Особенно активным его участие в революционном движении становится после вступления в кружок ишутинцев. В этом кружке наряду со стремлением к заговорщической деятельности было сильно течение, склонное вести революционную

¹ И. А. Худяков. Великорусские загадки. М., 1861.

² И. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. 1—3. М.—СПб., 1860—1862.

³ Им были написаны: «Русская книжка» (СПб., 1863), «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» (СПб., 1865), «Рассказы о великих людях средних и новых времен» (СПб., 1865), «Древняя Русь» (СПб., 1867).

пропаганду. При этом ишутинцы стремились к пропаганде не только среди студенчества и интеллигенции, но и в широких народных массах. К этому течению принадлежал и Худяков. Некоторые из написанных им популярных книг использовались в пропагандистских целях его единомышленниками. В 1865 г. Худяков совершил поездку в Женеву с целью установить связь с революционной эмиграцией. Рассказы возвратившегося в Россию Худякова, особенно упоминание о «Европейском революционном комитете», произвели большое впечатление на одного из членов кружка, Д. В. Каракозова. Придя к мысли о необходимости царевубийства, он 4 апреля 1866 г. произвел неудачное покушение на Александра II. Вскоре последовал разгром ишутинского кружка. В числе арестованных и привлеченных к суду и следствию был и Худяков. Приговоренный к поселению в отдаленные места Сибири, Худяков был сослан в Верхоянск. В ссылке он пытался заняться изучением якутского языка и верований. Однако нечеловечески тяжелые условия жизни надломили здоровье Худякова и привели к тяжелому психическому заболеванию. В 1875 г. он был переведен в Иркутск, где и умер 19 сентября 1876 г.

* * *

Участие Худякова в революционном движении, его научная деятельность в области фольклора и этнографии привлекали к себе внимание ряда исследователей⁴. Однако до сих пор не появилось работы, специально посвященной рассмотрению взглядов Худякова на историю России. В правомерности же написания такой работы убеждаешься, просматривая книги Худякова, перелистывая его «Автобиографию» и особенно перечитывая его «Древнюю Русь», занимающую совершенно особое место среди вышедших в 60-е годы популярных книг по истории России. Нам представляется, что неправы авторы общих курсов по русской историографии, в частности авторы соответствующих глав второго тома «Очерков истории исторической науки в СССР», упоминающие Худякова лишь как историка русского фольклора. Подобное невнимание к Худякову как историку в значительной мере следует объяснить тем, что книга «Древняя Русь», в которой наиболее полно изложены его взгляды на историю России, носит популярный характер. Заметим кстати, что невнимательное, если не пренебрежительное отношение к популярной исторической литературе, присущее многим работам по русской историографии является серьезным упущением. Если наряду с изучением специальных работ по русской истории обратиться к рас-

⁴ Отдельные работы, посвященные Худякову, появились еще до революции. Позднее о Худякове писали М. М. Клевенский («И. Худяков. Революционер и ученый». М., 1929) и Л. Н. Пушкарев («Из истории революционно-демократической историографии». — «Советская этнография», 1949, № 3).

смотрению популярной исторической литературы, то можно более полно представить как русскую историографию в целом, так и различные течения в ней, с большей определенностью проследить особенности, присущие этим течениям. В 60-е годы XIX в., когда широкие круги России проявляли большой интерес к отечественной истории, на книжном рынке появилось немало книг, популярно излагавших историю России. Подавляющее большинство этих книг было написано с позиций теории официальной народности и содержало безудержное восхваление великокняжеской и царской власти. Порой авторы и составители попросту предлагали читателю из «простого народа» выдержки из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В других, более редких случаях делались попытки опровергнуть исторические концепции, содержавшие элементы оппозиционности по отношению к самодержавию. Так, автор одной из брошюр, рассуждая о наличии двух концепций исторического развития России — государственной и вечевой, всячески старался доказать преимущество самодержавной власти.

В условиях исключительной строгости цензуры выход в свет легально изданных популярных книг по русской истории, содержащих критику самодержавно-крепостнического строя, был практически невозможен. Можно предположить, что, если бы Худяков попытался издать «Древнюю Русь», то она была бы запрещена цензурой. Такое предположение тем более вероятно, что за рукописями и книгами Худякова как цензура, так и непосредственно III отделение следили очень внимательно. Например, в 1864 г. в одном из агентурных донесений, адресованных в III отделение, обращалось внимание на деятельность общества переводчиц в связи с изданием им «Рассказов о старинных людях» Худякова⁵. Несмотря на то, что «Рассказы» были изданы с разрешения цензуры, в донесении указывалось, что в 3-м выпуске «Рассказов», посвященном грекам, «проведена мысль о том, что образованные люди не нуждаются в царской власти»⁶. Тем больше придирок можно было ожидать по отношению к книге, посвященной русской истории и пестревшей выпадами против русского самодержавия. Об издании книги легальным путем стало невозможно и думать после ареста и ссылки Худякова. За издание «Древней Руси» нелегальным путем взялись члены возникшего в Петербурге и Москве в 1867 г. «Рублевого общества — кружка революционно настроенной молодежи, активными деятелями которого были Г. Лопатин и Ф. Волховский. Считая своей основной задачей пропаганду в народе, члены «Рублевого общества» решили начать с издания популярных книг. Первой и единственной книгой, изданной

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1. д, 2032, л. 3—3 об.

⁶ Там же, л. 4.

ими оказалась «Древняя Русь» Худякова. Отпечатав ее в типографии без разрешения цензуры, они приступили к ее распространению⁷. В начале 1868 г. III отделение напало на след общества. В первых числах февраля 1868 г. жандармы перехватили посылку, отправленную из Петербурга Лопатиным и адресованную находившемуся в Москве Волховскому⁸. В посылке, в частности, было 18 экземпляров «Древней Руси». Лопатин писал Волховскому, что посылает ему эти экземпляры «для употребления по соображению»⁹.

«Древняя Русь» была издана без фамилии автора, на титуле был помечен год издания: 1867. Представляется, что год издания соответствует времени действительного выпуска книги. Это подтверждается тем, что «Рублевое общество» возникло в 1867 г., а уже в начале 1868 г. (в первых числах февраля), как указывалось, в руки III отделения попала посылка Лапатина с 18 экземплярами «Древней Руси». Нераспроданные экземпляры «Древней Руси» были конфискованы и уничтожены.

Книги Худякова с успехом использовались для революционной пропаганды. На использование сочинений Худякова участниками «хождения в народ» указывал П. Л. Лавров¹⁰. По свидетельству Н. К. Буха, в 1874 г. будущие пропагандисты, пополняя свои знания, читали наряду с «Анархией» Бакунина, журналом «Вперед», сочинениями Чернышевского, Лаврова, Флеровского и книги Худякова¹¹. Об использовании в пропагандистских целях «Древней Руси» Худякова свидетельствуют Л. Э. Шишко и С. Синегуб. Шишко, описывая свои занятия русской историей с группой рабочих, замечает: «огромную помощь при этом оказала мне книжка Худякова «Древняя Русь»¹². Описывая обстановку, предшествовавшую его аресту в ноябре 1873 г., Синегуб вспоминал, что у него на квартире находились его знакомый Теодорович и рабочий Филипп Зазерский, который «сидел, углубившись в книжку «Древняя Русь» Худякова»¹³.

Но Худяков достоин упоминания при изучении русской историографии 60-х годов XIX в. не только потому, что был автором популярной книги по русской истории, оказавшейся действенным средством революционной пропаганды. К нему следует подойти с должным вниманием и потому, что в своих работах он исходил из определенной концепции истории России, рассмотрение которой позволяет более отчетливо представить развитие

⁷ Н. Ф. Бельчиков. Рублевое общество — «Известия АН СССР. Отд. обществ. наук», 1935, № 10, стр. 944.

⁸ Там же, стр. 950.

⁹ Там же, стр. 951.

¹⁰ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты Л., 1926, стр. 37.

¹¹ Н. К. Бух. Воспоминания. М., 1928, стр. 52.

¹² Л. Э. Шишко. Собр. соч., т. IV. М., — Пг., 1918, стр. 207.

¹³ С. Синегуб. Воспоминания чайковца. — «Былое», 1906, № 9, стр. 113—114.

демократического направления в русской историографии. В этой связи наибольший интерес представляет книга Худякова «Древняя Русь».

В «Древней Руси» дано последовательное изложение русской истории с древнейших времен до конца XVII в., в то время как в работах других историков демократического направления рассматривались отдельные (главным образом наиболее важные) проблемы русской истории и не делалось попытки создать пусть очень сжатый, но общий курс истории России. Худяков сумел не только изложить отечественную историю, исходя из общих положений, выдвинутых революционными демократами, но по ряду частных вопросов развил и углубил выводы и суждения, содержащиеся в работах Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Г. З. Елисеева. Худяков прекрасно сознавал, что лицо любого историка определяется его политическими взглядами, что они обязательно сказываются в его работах, лекциях. По этому поводу Худяков писал в своей «Автобиографии»: «Известное дело, что преподавание исторических наук только тогда полезно, когда профессор имеет известные политические взгляды, когда изучение древнего представляет одинаковый интерес с изучением настоящего. Напротив, история мертва, если ею занимаются чиновники или буквоеды по призванию»¹⁴. Оценивая с этой точки зрения лекции, слышанные им в университете, Худяков писал, что «Соловьев читал с заметным талантом, но излагал предмет с чиновническо-централизаторской точки зрения...»¹⁵

Сознавая наличие тесной связи между историей и политикой, Худяков рассматривал исторические события сквозь призму своих политических взглядов. Непримиимый противник самодержавия, революционер, готовый в борьбе с ним пойти на самые решительные меры, вплоть до физического уничтожения монарха, Худяков, обращаясь к истории России, старался показать, что на всем ее протяжении великокняжеская, а затем царская власть осуществляла политику, направленную против интересов народа.

Худяков, для которого история России была прежде всего историей «развивающегося народа»¹⁶, отвергал обычное для его времени построение исторических сочинений, при котором канвой повествования служило последовательное и подробное перечисление княжений и царствований. В книге «Древняя Русь», разбив историю России на несколько периодов, он последовательно рассматривает каждый из них, давая общую характеристику внутривнутриполитическим и внешнеполитическим действиям правительства, уделяя значительное внимание описанию положения и развития народных масс. Принятая Худяковым периодизация

¹⁴ И. А. Худяков. Записки каракозовца. М.—Л., 1930, стр. 36.

¹⁵ Там же, стр. 42.

¹⁶ [И. А. Худяков] Древняя Русь, стр. 1.

русской истории не представляла чего-либо нового, да этому вопросу он, по-видимому, и не придавал особого значения. В «Древней Руси» Худяков последовательно рассматривал древнейший период русской истории, время княжеских междоусобиц, татарское нашествие с его последствиями, возникновение и возвышение Московского княжества, «Смутное время», XVII век.

Худяков был чужд какой бы то ни было идеализации древнерусской жизни. Описывая быт древнеславянских племен, он в отличие от многих современников, приписывавших славянам всяческие доблести и добродетели, критически оценивал их достоинства и недостатки.

Излагая историю древних славян, Худяков стремился показать возникновение и развитие у них общественных отношений. Не указывая точных хронологических рамок, он писал, что у славян существовал родовой быт, характерной особенностью которого было наличие общины, объединявшей людей, связанных между собой узами семейного родства. На смену родовому быту пришли новые отношения. Описывая их, Худяков обращал внимание на то, что появляются общины, объединяющие больше, чем прежде, число людей, не связанных к тому же родственными отношениями. Кратко охарактеризованные Худяковым «городские», «пригородные», «сельские», «волостные» общины обрисованы им как территориальные объединения. Наибольшее внимание Худякова привлекала вервь. В ней он также не видел семейного союза, замечая, что в общину мог добровольно вступить каждый, кто хотел. Худяков не называет причин, следствием которых явилось образование общин нового типа, кроме одной: необходимости объединить усилия в борьбе против внешней опасности¹⁷. Несмотря на это, рассуждения Худякова, приближавшие его к пониманию перехода от общины патриархальной к общине территориальной, в 60-е годы представляли несомненный интерес. Обращая пристальное внимание на мирские сходы и веча, Худяков считал их существование важнейшей и наиболее характерной чертой общественной жизни, в связи с чем и весь период до монгольского нашествия, т. е. до середины XIII в., он называл общинно-вечевым строем. В тесной связи с рассмотрением общественных отношений в древней Руси, с оценкой роли мирских сходов, веча, решал Худяков и вопрос о происхождении на Руси княжеской власти, о возникновении государства. В его представлении на определенном этапе развития общин возникла необходимость в особых должностных лицах, которые занимались бы военными и судебными делами. Для выполнения этих функций приглашались предводители дружин, в некоторых случаях варяжских. Как один из примеров приглашения на княжение упоминает Худяков варяга Рюрика, ставшего

¹⁷ Там же, стр. 10, 12—14, 15—16.

князем в Новгороде. В изложении Худякова варяжское происхождение Рюрика выглядит как малозначающий частный случай, а его появление в Новгороде — как эпизод, не оказавший какого бы то ни было серьезного влияния на развитие русской истории. Такая трактовка вопроса о возникновении княжеской власти и роли варягов в образовании Русского государства резко отличала точку зрения Худякова от взглядов на этот вопрос, содержащихся в большинстве популярных книг того времени. Многие из них начинали изложение событий с 862 г., подчеркивая тем самым, что, по их представлениям, до «призвания варягов» русской истории не было. Другие повествовали о событиях, имевших место до середины IX в., но представляли появление варяжских дружин как экстраординарное событие и приписывали их предводителям славу деятелей, положивших конец немислимому хаосу, благодетельствовавших славян наведением должного порядка. Принятая Худяковым трактовка «призвания варягов» примыкала к толкованию этой проблемы Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, в работах которых содержалась критика дворянских и буржуазных историков — сторонников «норманской теории».

Говоря о появлении на Руси княжеской власти, Худяков подчеркивал, что князья приглашались для выполнения функции судьи и военачальника при условии соблюдения ими определенных обязательств, предусматривавших сохранение вечевого строя¹⁸. Он писал, что в Новгороде и других городах важнейшие вопросы решались на вече, с мнением которого князья должны были считаться¹⁹, что «управление князей далеко не было самостоятельным; рядом с властью князя или посадника стояла власть земщины (т. е. народа) в лице выборных старост, зависевших от народного веча»²⁰. Худяков напоминает, что в Киеве, Новгороде и других городах происходили восстания против князей²¹, что в Галиче князей судили и даже казнили²². Описывая вервь, Худяков делал ударение на том, что «исследование и суд дела принадлежал обществу верви; князь же исполнял только приговор его»²³. Ограничение прав князя Худяков видел и в области экономической. Он считал, что «земли, составлявшие собственность князя, ничем не отличались от земель других собственников: на них лежали те же подати и повинности в казну, как и на землях других частных собственников, они не имели никаких привилегий»²⁴. С первых лет существования княжеской власти князья, по мнению Худякова, совершали действия проти-

¹⁸ [И. А. Худяков]. Древняя Русь, стр. 18—20.

¹⁹ Там же, стр. 29.

²⁰ Там же, стр. 19—20.

²¹ Там же, стр. 18, 25.

²² Там же, стр. 25.

²³ Там же, стр. 15—16.

²⁴ Там же, стр. 31.

воречившие интересам народа. Они грабили население, собирая дань²⁵, стремились выйти за рамки предусмотренных для них прав²⁶, затевали вражду между собой. Касаясь княжеских междоусобиц, Худяков с негодованием описывает страшные преступления, совершенные князьями, которые не «соблюдали честного слова, даже клятву и крестное целование», прибегали к помощи половцев в борьбе со своими русскими соперниками²⁷. Междоусобную борьбу князей Худяков считал бедствием, от которого страдала вся русская земля и жертвой которой становились многочисленные села и города.

Междоусобицы были не единственным несчастьем, от которого, по мнению Худякова, страдала Русь. Большой урон страна несла от часто возникавшего голода, повальных болезней, порой приводивших к морю, от бесконечных пожаров²⁸.

Тяжелое положение русского народа Худяков связывал с существовавшим с давних времен социальным неравенством, разделившим население на бедных и богатых и положившим начало многолетней борьбе между ними. В книге «Древняя Русь» есть высказывания, свидетельствующие о том, что Худяков обращал внимание на развитие частной собственности, в том числе на землю. Первоначально владение землей, по его мнению, производилось сообща, и земля делилась поровну²⁹. В дальнейшем он упоминает о крупных землевладельцах, в частности князьях, обращает внимание на то, что князья раздавали земли своим дружинникам, в результате чего последние становились настоящими помещиками. Но Худяков не пытается сделать каких-либо обобщений относительно того, как влиял рост частного землевладения на развитие социальной жизни Руси.

Обращая большое внимание на характеристику теневых сторон древнерусской жизни, Худяков упоминает и о том, что представлялось ему в положительном свете, например об определенных успехах в области экономики, которые он видел в росте городов и развитии торговли. При этом Худяков подчеркивал, что все положительное в древней Руси достигалось благодаря наличию самоуправления³⁰.

Как о страшном бедствии писал Худяков о татарском нашествии, жестокостях татар на Руси, захваченной ими, несмотря на отчаянное сопротивление. Описывая татарское нашествие, Худяков показывал отрицательные стороны раздробленности Руси и подчеркивал, что виновниками страшного несчастья, постигшего русские земли, были не одни татары. Кроме них, он обвинял

²⁵ Там же, стр. 19.

²⁶ Там же, стр. 18.

²⁷ Там же, стр. 33, 35.

²⁸ Там же, стр. 53.

²⁹ Там же, стр. 14.

³⁰ Там же, стр. 17.

и русских князей, продолжавших междоусобную борьбу и не объединившихся даже перед лицом смертельной опасности. Худяков считал, что существовала разобщенность не только между князьями, но и между населением княжеств и городов. «Каждый русский город,— писал он,— выказывал замечательное мужество, но еще более замечательное разъединение, поразительное равнодушие к гибели других городов и еще более поразительное непонимание собственной выгоды»³¹.

Описав оборону Козельска, жители которого «резались с татарами, пока не пали до единого человека»³², Худяков замечает: «Это не были воины Леонида, получившие спартанское образование; русский историк с торжеством поставил бы их подвиг наравне и даже выше спартанского... Но громадная разница в том, что одни умерли, защищая всю Грецию, а другие погибли, защищая только свою козельскую изгородь»³³. В подобной трактовке событий сказалось стремление Худякова критически пересмотреть оценку важнейших событий, показать неприглядную роль стоявших у власти князей.

Говоря о внешних врагах, угрожавших Руси с Запада, Худяков упоминает немцев и шведов, отмечает как выдающиеся события победы, одержанные Александром Невским над шведами на Неве и над немцами на Чудском озере. Касаясь княжения Александра Невского, Худяков замечает, что он не мог противостоять татарам. Худяков подчеркивал, что Александр Невский не только задабривал татар дарами, но и жестоко расправлялся с теми, кто пытался восстать против них. Он напоминает, что, когда новгородцы не хотели платить дань татарам, Александр «ловил непокорных, обрезывал носы, выколупливал глаза»³⁴.

В трактовке Худякова последствия татарского ига состояли не только в неисчислимых человеческих и материальных жертвах. Одним из наиболее страшных последствий этого ига он считал то, что оно повлияло на дальнейшее развитие русской земли, поскольку под влиянием татар в Московском княжестве сложилась сильная, фактически ничем не ограниченная великокняжеская власть. Худяков сознавал необходимость объединения русских земель, в частности, для борьбы с внешними врагами. «Народ же вообще,— писал он,— был рад увеличению власти, потому что это увеличение великокняжеской власти избавляло от татарских погромов»³⁵. Но, признавая необходимость объединения Руси на основе сильной власти, Худяков вместе с тем считал, что самой этой власти суждено было сыграть отрицательную роль в истории русского народа. Худяков подчеркивал, что объ-

³¹ [И. А. Худяков]. Древняя Русь, стр. 59.

³² Там же, стр. 60—61.

³³ Там же, стр. 61.

³⁴ Там же, стр. 65—66.

³⁵ Там же, стр. 71.

единение русских земель московские князья осуществляли при помощи меча и обмана. Расширяя свои владения, московские князья не прочь были воспользоваться помощью татарских ханов. Очерченные несколькими штрихами портреты собирателей русской земли, дополняющие повествование Худякова об усилении Москвы, производят отталкивающее впечатление. Подробно рассказывая о борьбе Юрия Даниловича Московского против Михаила Тверского, Худяков пишет, что жестокость и хладнокровие московского князя в минуты расправы над его соперником поразили даже присутствовавшего при этом ханского баскака ³⁶.

Крайне антипатичной личностью представлен и Иван Калита, умело использовавший ханский гнев, направленный против кого-нибудь из русских князей. Излагая обстоятельства присоединения Ростова к Москве, Худяков замечал, что население Ростова претерпело при этом немалые бедствия. «Московские бояре, присланные в Ростов,— писал он,— наложили великую нужду на всех его жителей; ростовцы не только должны были отдавать москвичам имение свое по принуждению, но, кроме того, принимали от них раны и оковы; то же делалось в волостях и селах ростовских, так что многие разбежались... ³⁷ Северо-восточные земли были, по словам Худякова, покорены «с большим насилем московским», в память о чем в народе сложились поговорки «живи, живи, ребята, пока Москва не проведала», «Москва слезам не верит» и др. ³⁸

Повествуя о княжении потомков Калиты, он обращал внимание на то, что при них объединение земель вокруг Москвы сочеталось с кровопролитной борьбой за право престолонаследия ³⁹.

С середины XV в. начался период, названный Худяковым временем «дальнейшего усиления Москвы». В течение второй половины XV и на протяжении XVI в. Московское княжество объединило вокруг себя многочисленные земли. Этот процесс сопровождался, подчеркивает Худяков, многочисленными казнями и разорением. Подробно описывал Худяков преследования, которым подверглись мордва, чуваша, башкиры и другие народы. Особенно много места он отводит описанию жестокостей, обрушившихся на новгородцев и псковичей, в которых он видел последний оплот вечевых отношений на Руси.

Вечевой строй, классическим образцом которого Худяков считал Новгородскую республику и в которой, как ему представлялось, долее всего существовало «народославянское устройство» ⁴⁰, он противопоставлял московской великокняжеской власти, являвшейся в его глазах олицетворением азиатского деспотизма.

³⁶ Там же, стр. 68.

³⁷ Там же, стр. 70.

³⁸ Там же, стр. 118.

³⁹ Там же, стр. 72.

⁴⁰ Там же, стр. 76.

Общественный строй Новгорода, в его представлении, гарантировал сосредоточение важнейших функций власти в руках веча, представлявшего интересы различных слоев населения; бояр и житых людей, купцов и черных людей, ставил князей в положение выборных сановников ⁴¹.

Противопоставление вечевого строя самодержавию, новгородского народоправства московскому деспотизму характерно для многих трудов по русской истории, написанных с позиций демократического направления в русской историографии в середине XIX в. А. И. Герцен, Г. З. Елисеев, А. П. Шапов не только уделяли большое внимание как вечевому строю вообще, так и Новгородской республике в частности, но и всячески подчеркивали достоинства этой формы правления, представляли ее в идеализированном виде.

В оценке Новгородской республики Худяков среди представителей демократического направления в русской историографии занимает несколько особое место. Ему несвойственно столь критическое отношение к Новгороду, какое было у Н. Г. Чернышевского, но вместе с тем мы не находим у него и идеализации новгородских порядков, присущей трудам Герцена, Шапова, Елисева. Худяков обратил внимание на то, что вече не представляло интересы абсолютно всего населения Новгорода ⁴². Он подчеркивал, что часть новгородцев, особенно «круглые бедняки», не входили в состав веча, находились в зависимости от богатой верхушки ⁴³, прежде всего боярства, занимавшего в Новгороде господствующее положение ⁴⁴. Отмечал Худяков и зависимость сельского населения Новгородской земли от «землевладельцев вотчинников» ⁴⁵. Худяков остановился и на тяжелом положении населения земель, подчиненных Новгороду, в которых новгородские бояре «своевольничали, как хотели» ⁴⁶. Описывая беспощадность новгородских данщиков, Худяков заключал: «Таким образом, и у новгородцев понятие о справедливости в международных отношениях было почти такое же, как и у татар» ⁴⁷. Восстания черных людей против бояр, происходившие в Новгороде, он рассматривал как следствие существовавших в общественном устройстве Новгорода противоречий.

Худяков не идеализировал новгородское общественное устройство, однако, сопоставляя его с московскими порядками, он приходил к мнению, что в Новгороде было больше возможностей для развития торговли, просвещения, были более благоприятные

⁴¹ И. А. Худяков. Древняя Русь, стр. 76—79.

⁴² Там же, стр. 83.

⁴³ Там же, стр. 84.

⁴⁴ Там же, стр. 77, 78.

⁴⁵ Там же, стр. 84.

⁴⁶ Там же, стр. 89.

⁴⁷ Там же, стр. 90.

условия для развития народа. В связи с этим, касаясь попыток суздальских, тверских, наконец, московских князей присоединить Новгород, Худяков все свои симпатии отдавал новгородцам и не жалел красок для описания коварства и жестокости их противников, отрицательно относился к присоединению Новгорода к Москве ⁴⁸.

Говоря о московских князьях, Худяков замечал, что они не только расширяли границы своего княжества, но и сосредоточивали внутри Москвы в своих руках все большую власть, все меньше считались с мнением бояр и постепенно, вовсе перестав считаться с кем бы то ни было, превратили свою власть в никем не ограниченную ⁴⁹.

Наивысшего расцвета власть московских князей достигла, по мнению Худякова, при Иване IV. В исторической литературе, в том числе и популярной, было уделено немало внимания Ивану IV. В подавляющем большинстве авторы этих книг описывали завоевания Ивана IV; довольно глухо говорили они о царивших при Иване IV казнях и жестокостях, объясняя их исключительно характером Ивана IV. Авторы популярных брошюр, написанных в официальном духе, боялись, что, представив в неприглядном свете Ивана IV, они неизбежно бросят тень и на самодержавную власть вообще. В противоположность им Худяков подробно останавливается на теневых сторонах царствования Ивана IV. Нарисованный им портрет Ивана IV показывает читателям наделенного неограниченной властью деспота и изувера, способного милоходом, шутки ради, убить шута, изувечить боярина ⁵⁰. Худяков подчеркивает, что неслыханные зверства и бесконечные казни были обращены не только против ненавистных царю бояр, но и против широких слоев населения. Он повествует о гибели от руки ивановых палачей тысяч посадских людей, о зверских погромах, учиненных в Новгороде и Пскове, о крестьянах, разоренных набегами опричников, действия которых он рассматривал как произвол и беззаконие. Живописуя страшные картины царствования Ивана IV, Худяков дает понять, что они в условиях московского деспотизма были вершиной произвола, беззакония, жестокости, но никак не чем-то из ряда вон выходящим, не так уж отличались от того, что творили предшественники Грозного. обстоятельно характеризуя положение народа, Худяков замечает, что оно было плачевным как при Иване IV, так и до него, во второй половине XV и в начале XVI в. Он пишет о том, что ни одно самое обыкновенное следствие не обходилось без истязания подсудимого, которого, самое меньшее, били «длинниками» — специальными палками (откуда пошло выражение

⁴⁸ Там же, стр. 99—101, 115—117.

⁴⁹ Там же, стр. 120.

⁵⁰ Там же, стр. 129—130.

«подлинная правда» — мимоходом поясняет Худяков), а то и пытались, ломая ребра⁵¹. Процветанию пьянства и сквернословия, по замечанию Худякова, в значительной мере способствовали сами князья, поскольку доходами от кабаков старались пополнить вечно пустовавшую казну. Говоря о податях, собираемых в Московском государстве, Худяков обращал внимание на то, что их главная тяжесть ложилась на плечи крестьян, тяжелое положение которых усугублялось еще и тем, что с увеличением числа служилых людей, получавших поместья, крестьянство попадало во все большую зависимость от них⁵².

Взгляды Худякова позволяют более полно судить об оценке русского централизованного государства представителями демократического направления в русской историографии. Эта оценка дается в работах по русской историографии обычно со ссылкой на Н. Г. Чернышевского. Отметив как положительную сторону этой оценки попытку рассматривать историю Русского государства XV—XVI вв. с точки зрения положения народных масс, авторы спешат добавить, что историки демократического направления не сумели понять «объективно-прогрессивной роли самодержавия на определенном этапе исторического развития». В контексте это замечание звучит как упрек в существенном упущении. Представляется целесообразным подчеркнуть, что, несмотря на все свои крайности, подобная оценка русского самодержавия в обстановке 60-х годов имела большое положительное значение не только потому, что она способствовала критике царизма 60-х годов, но и потому, что содействовала развитию передовой русской историографии по пути решительного преодоления идеализации прошлого.

В изложении Худякова смерть Ивана IV не принесла народу избавления. Положение народа, особенно крестьянства, продолжало ухудшаться и при его преемниках. Худяков старается показать, что в царствование Федора Иоанновича и Бориса Годунова политика правительства по-прежнему имела антинародную направленность. Лишь мельком упоминая Федора и характеризую его при этом как совершенное ничтожество⁵³, Худяков значительное внимание отводит личности Бориса Годунова. Если Иван IV был обрисован Худяковым как прирожденный изверг и деспот, который, оказавшись на московском троне, являл собой олицетворение азиатского деспотизма, то личность Годунова обрисована им несколько иначе. Худяков представляет его как человека, наделенного умом и недюжинными способностями, хитрого и изворотливого политика, который, пусть из корыстных побуждений, ради завоевания расположения в стране, готов был предпринять определенные шаги, отвечавшие интересам широких

⁵¹ [И. А. Худяков]. Древняя Русь, стр. 142.

⁵² Там же, стр. 136—137.

⁵³ Там же, стр. 163.

слоев населения. Но с первых своих шагов, в описании Худякова, Годунов противопоставлен народу уже потому, что оказывается носителем ненавистной народу царской власти. Рассматривая крестный ход, призывавший Годунова занять трон, как простую инсценировку, устроенную его сторонниками, Худяков пишет, что в действительности «Борис не всем народом был выбран на царство», что «народ не любил его»⁵⁴. В своей практической деятельности Годунов, в изображении Худякова, не может сделать ничего другого, кроме как во имя удержания власти пойти по кровавым следам своих предшественников. Годунов вновь начинает казни и истязания, сократившиеся было со смертью Ивана IV, поощряет клевету и доносы. Он не останавливается даже перед такими преступлениями, как убийство царевича Димитрия. Худяков показывает, что Годунов шел по стопам Ивана IV не только в борьбе со своими соперниками, но во внутренней и внешней политике. В крестьянском вопросе Годунов, сначала как правитель, затем как царь, продолжал политику закрепощения крестьян. Худяков пишет, что задавленный бесчисленными податями, забитый и бесправный крестьянин, чье положение и при Иване IV было плачевным, при Федоре и Годунове оказывается в еще более худших условиях. Отмену Юрьева дня Худяков рассматривает как акт, окончательно закрепощающий русское крестьянство⁵⁵. Обстоятельно показав тяжелое положение русских крестьян в конце XVI в., Худяков пишет, что единственно возможной формой протеста со стороны крестьян были побеги, не прекращавшиеся, несмотря на все предпринимаемые против них меры, сопровождавшиеся опустошением целых деревень и ростом рядов вольного казачества.

Попытки рассматривать правление и царствование Годунова как продолжение политики Ивана IV делались и до Худякова в работах историков демократического лагеря. Наиболее обстоятельно этот вопрос рассматривал Г. З. Елисеев в рецензии на VII—VIII тома «Истории России» С. М. Соловьева. И Елисеев, и Худяков старались показать не только то, что Годунов был продолжателем политики Ивана IV, но и то, что в начале XVII в. возник конфликт между самодержавной властью и народом, что одной из жертв этого конфликта оказался и Годунов. В трактовке Елисеева Годунов гибнет в результате столкновения народа и власти, произошедшего главным образом из-за того, что самодержавие попало в своей кровавой деятельности всякие нормы морали⁵⁶. Худяков, рассматривая этот конфликт, связывал его в основном с тяжелым положением крестьян, их стихийным протестом против крепостнической политики правительства.

⁵⁴ Там же, стр. 165.

⁵⁵ Там же, стр. 139—140.

⁵⁶ Г р ы ц ь к о. Исторические очерки.— «Современник», 1860, № 11, стр. 84.

В обстоятельном изложении событий, связанных со «смутой», основной интерес представляет то, что «смута» трактуется Худяковым как следствие кризиса самодержавной власти, развившегося в переплетении недовольства широких масс русского народа, династического упадка и иностранного вмешательства. Худяков старается показать, что в дни «смуты» выяснилось, сколь многих противников имело русское самодержавие, как беспринципны и ничтожны были окружавшие трон сановники. Худяков пишет о волнениях под предводительством Хлопка Косолапа, о восстании Лжепетра⁵⁷ (как он называет восстание Болотникова) и о других народных выступлениях.

Стремясь пересмотреть традиционные для его времени исторические взгляды, Худяков дал новую характеристику Лжедмитрию I. Он говорит о его несомненных личных способностях, стремлении использовать имевшиеся за границей достижения, неприязнь к характерной для русских бояр косности и полагает, что «Лжедмитрий, воспитанный в Польше под влиянием европейского образования, обещал быть Петром Великим, только столетием раньше»⁵⁸. Но ни Лжедмитрия I, ни Лжедмитрия II Худяков не считает представителями интересов народа. Он обращает внимание на то, что Лжедмитрия I старались использовать в своих интересах поляки⁵⁹. Что касается Лжедмитрия II, то его самого он называет «тушинским вором», а его окружение «шайкой», которая «прежде всего думала о наживе»⁶⁰. Худяков положительно оценивал борьбу против поляков, в том числе действия нижегородского ополчения.

Прекращение «смуты» и сохранение единства Руси Худяков рассматривал как положительное явление⁶¹. Вместе с тем его оценка русской истории XVII в. резко расходилась с трактовкой этих событий, содержавшейся в большинстве популярных книг, в которых восхвалялось царствование первых Романовых. Критически подходя к рассмотрению царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, Худяков писал, что и после 1613 г. страна испытывала многие беды «смутного времени», продолжала находиться в разоренном состоянии⁶².

Касаясь внешнеполитической истории XVII в., Худяков обращал внимание на дипломатические ошибки русского правительства, на неудачи в войнах с Польшей и Швецией, стоившие немалых жертв и завершившиеся заключением договоров, условия которых для русской стороны оставляли желать много лучшего⁶³.

⁵⁷ [И. А. Худяков]. Древняя Русь, стр. 167, 172.

⁵⁸ Там же, стр. 169.

⁵⁹ Там же, стр. 167.

⁶⁰ Там же, стр. 175.

⁶¹ Там же, стр. 188.

⁶² Там же, стр. 189.

⁶³ Там же, стр. 190—191.

Полагая, что освобождение Украины от польского ига было результатом самоотверженной борьбы украинского народа, Худяков выступал против идеализации личности Богдана Хмельницкого и обращал внимание на присущие ему недостатки. Худяков подчеркивал, что воссоединение Украины с Россией при всем своем положительном значении не разрешило существовавших на Украине социальных противоречий, что украинский народ продолжал страдать как от притеснения собственной богатой вершки, так и от произвола русского самодержавия⁶⁴.

Еще более резкую оценку Худяков дал внутренней политике царского правительства в XVII в. В историографических очерках оценка этой политики историками демократического направления обычно иллюстрируется высказываниями Н. А. Добролюбова, содержащимися в его рецензиях на книги Жеребцова и Устрялова. Добролюбов не только подчеркнул тесную связь этого периода с последующими событиями, происходившими в России в начале XVIII в., но обратил внимание на серьезные противоречия, имевшиеся между интересами народа и самодержавным государством, на народные волнения середины века. Вместе с тем следует сказать, что оценка антинародной направленности внутренней политики русского самодержавия носит в работах Добролюбова в известной мере общий характер. Мы не хотим принизить значения высказываний Добролюбова для разработки русской истории XVII в. в духе демократического направления. Важно подчеркнуть, что одни лишь высказывания Добролюбова не дают достаточно полного представления о трактовке истории этого периода революционерами-демократами 60-х годов. Рассматривая выдвинутую Худяковым трактовку отечественной истории XVII в., а точнее внутренней политики русского самодержавия в этот период, можно увидеть, что она содержит более глубокие рассуждения, чем те, которые мы находим в работах Добролюбова.

Не только в книге «Древняя Русь» содержатся рассуждения о характере русского самодержавия XVII в. С ними мы встречаемся и в одном из письменных показаний Худякова в чрезвычайной следственной комиссии. Предостерегая царское правительство от возможных осложнений в случае отказа «дать России свободу печати, дать большие права земству и ввести, по крайней мере, английскую конституцию», Худяков напоминает, «что через восемь лет после закрепления крестьян в 1596 году наступило для России «смутное время», и оно, несмотря на грубость этого века, привело к конституции 1613 года»⁶⁵. Говоря о «конституции 1613 года», Худяков имеет в виду известное ограничение власти государя в виде Земских соборов. По мнению Худяко-

⁶⁴ Там же, стр. 203, 206.

⁶⁵ И. А. Худяков. Записки каракозовца, стр. 146.

ва, после «смуты», явившейся глубоким кризисом самодержавной власти, кризисом, скомпрометировавшим самую идею таковой власти, невозможно было восстановить ничем уже не ограниченную монархию. Но тут же, занявшись внимательным рассмотрением деятельности Земских соборов, Худяков приходит к заключению, что степень ограничения самодержавной власти была не так уж велика. Он отмечает, что Земские соборы носили совещательный характер и состояли из выборных, не привыкших смело высказывать свои мысли. Касаясь представительства различных сословий на Земских соборах, Худяков приходит к выводу, что на них «простых людей было вчетверо меньше против богатых». Далее он приводит цифры, показывающие, сколько представителей имели различные сословия, и заключает, что Земские соборы и после самозванцев не имели представителей всего народа, а лишь купцов и дворян, интересы которых расходились с интересами народа⁶⁶.

Достоинством книги Худякова являются его замечания о том, что сословием, с которым больше всего считалось царское правительство в XVII в., было дворянство, что его интересы в значительной мере диктовали те или иные действия правительства во внутренней политике, в частности, в одной из важнейших ее областей — крестьянском вопросе. Он пишет, что в XV в. положение крестьян, составлявших основную массу народа, не только не улучшилось, но даже значительно ухудшилось. Этому способствовало законодательство по крестьянскому вопросу, согласно которому при Михаиле Федоровиче были приняты указы о продлении срока сыска беглых крестьян с 5 до 10, а затем и 15 лет, при Алексее Михайловиче осуществлена отмена урочных лет, разрешено было продавать крестьян без земли⁶⁷. В политике, направленной против крестьянства и осуществляемой в интересах дворянства, Худяков видел главную черту антинародной сущности внутренней политики Русского государства XVII в.⁶⁸ Подобная оценка политики Русского самодержавного государства XVII в. представляла собой шаг вперед по сравнению с трактовкой, содержащейся в трудах Добролюбова.

Показав роль, которую в XVII в. играло дворянство, Худяков кратко касается и положения купечества, отметив, что его влияние в это время возрастает, в связи с чем правительство делает и ему известные уступки.

Худяков подчеркивал, что самодержавная власть могла держаться только на страхе и насилии, что, в свою очередь, влекло за собой насилия, злоупотребления, взяточничество воевод, приказчиков, дьяков и более мелких ее представителей⁶⁹. Пишет

⁶⁶ [И. А. Худяков]. Древняя Русь, стр. 211, 212.

⁶⁷ Там же, стр. 215—216.

⁶⁸ Там же, стр. 212—213.

⁶⁹ Там же, стр. 217.

Худяков и о том, что в ряде случаев правительство шло на замену воевод выборными старостами, а приказчиков — выборными судьями. Но он считал, что поскольку выборы производились только богатыми и под влиянием воевод, то это не приносило облегчения народу⁷⁰.

Подробно повествуя о положении русского народа в XVII в., Худяков пишет, что в то время были широко распространены невежество, грубость, пьянство. При этом он подчеркивает, что такие, например, пороки, как пьянство, существовали в значительной мере благодаря тому, что правительство фактически способствовало их распространению⁷¹. Остановливаясь в специальной главе на положении женщины в древней Руси, Худяков пишет о ее забитости и несправии⁷². В самом неприглядном виде описывал он и нравы русского духовенства.

Нарисовав картину страшного угнетения народа, Худяков приходил к мысли о неизбежности вспышек протеста. Описывая народные движения XVII в., Худяков особое внимание уделял восстанию под руководством Разина. В отличие от авторов верноподданнических книг, изображавших Разина простым грабителем, всячески преуменьшавших значение руководимого им восстания, на описание которого они отводили лишь несколько слов, Худяков рассматривал восстание Разина как одно из важнейших событий в истории России, как наиболее сильный и серьезный взрыв народного недовольства в допетровской Руси. Одна из глав «Древней Руси» носит название «Положение народа. Бунт Стеньки Разина». Худяков подчеркивал, что восстание приняло угрожающие размеры, получило поддержку не только со стороны казаков, русских крестьян, но и со стороны чувашей, мордвы, черемисов. Самого Разина Худяков изображает как народного героя.

Излагая русскую историю, Худяков стремился наибольшее внимание уделить описанию жизни народа. «Древняя Русь», обличая прошлое, звала читателей смотреть в будущее, подчеркивая, что в России «история народа еще только начинается»⁷³. Вместе с тем книге Худякова присущи и определенные недостатки. Например, описание народной жизни в ней страдало известной односторонностью, преобладанием главным образом бытового материала. Непонимание роли экономического фактора в развитии исторического процесса помешало Худякову показать производственную деятельность народных масс. С этим же была связана и его неспособность раскрыть поступательный процесс русской истории, о котором он сам говорил. Но несмотря на эти недостатки, книге Худякова суждено было сыграть заметную

⁷⁰ Там же, стр. 210—211.

⁷¹ Там же, стр. 228—230.

⁷² Там же, стр. 253—263.

⁷³ Там же, стр. 11.

роль в разработке истории с демократических позиций. К ней обращались исследователи, занимавшиеся изучением частных проблем русской истории и трактовавшие их с демократических позиций. В частности, «Древняя Русь» упомянута в числе использованных работ в книге И. Г. Прыжова «История кабаков в России в связи с историей русского народа»⁷⁴. Рассуждения Прыжова об истории России, содержащиеся как в упомянутой «Истории кабаков», так и в не увидевшей свет книге «Граждане на Руси»⁷⁵, имеют очень много общего со сказанным по этому поводу Худяковым.

Наиболее существенные тенденции, присущие демократическому направлению в русской историографии, — стремление представить историю России как историю народных масс, показать борьбу народа против угнетения, антинародную сущность самодержавной власти — пронизывают книгу Худякова.

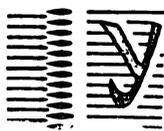
Появление такой книги свидетельствовало о том, что к середине 60-х годов сложилась и в определенных кругах была принята цельная концепция, основанная на разработке важнейших проблем русской истории представителями демократического направления в русской историографии⁷⁶. В основе ее лежали положения, выдвинутые в трудах Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

⁷⁴ И. Г. Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа, изд. 2-е. Казань, 1913, стр. 275.

⁷⁵ ЦГАЛИ, ф. 1227, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 1—474.

⁷⁶ Краткая характеристика «Древней Руси» Худякова дана в ст. В. Г. Базанова «Накануне „хождения в народ“». (Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.—Л., 1964, стр. 43—45), вышедшей в свет в то время, когда настоящая статья находилась в печати.

Кто автор статьи против Писарева в «Современнике» за 1865 год?

становление авторства сочинений революционеров, писавших в легальной печати анонимно или под псевдонимами,— сложнейшая задача. Пример — В. И. Ленин. Как известно, в пятое издание его сочинений впервые было включено множество произведений, ранее не считавшихся принадлежащими его перу. Но сочинения Ленина, величайшего революционера нашего времени, знали его соратники, еще ныне живущие. Сколь же труднее установить авторство сочинений менее известных революционеров, деятельность которых к тому же отделена от нас многими десятками лет.

Автор вышедшего в 1949 г. трехтомного «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанов, потративший 40 лет на его составление, на поставленный в заглавии нашей статьи вопрос не дает ответа. В нем нет псевдонима «Ал. Угрюмов», которым подписана статья «О публицистах-популяризаторах и о естествознании» в № 9 «Современника» за 1865 г., направленная против Д. И. Писарева. Хотя Писарев в статье не назван, но что именно его имел в виду автор статьи, показывают ясно ее иронические выражения о публицистах, которые, «не выдавши реторты и скальпеля, считают себя и желают казаться натуралистами» и «отрицают все, что, по их мнению, не принесит никакой пользы, например, они безусловно отрицают искусство и поэзию». Об этом же свидетельствует утверждение, что «исключительное изучение естественных наук не приведет к познанию жизни человека..., что для этого требуется изучение... и пластических и особенно словесных искусств, отвергаемых слепорожденными реалистами». Отсутствие псевдонима «Ал. Угрюмов» в «Словаре псевдонимов» Масанова будет объяснено в настоящей статье дальше.

Прежде всего укажу, что я вновь обратился к вопросу об этом псевдониме в связи с тем, что в 62 книге «Литературного наследства» (стр. 624) известный историк Б. П. Козьмин, умолчав о наличии этого псевдонима, «с уверенностью предполагает», что

статью написал эмигрант Н. И. Утин и что она «без достаточных оснований» приписывалась «некоторыми исследователями П. Л. Лаврову».

Так как одним из этих неназванных исследователей являюсь я, то должен отметить, что для установления автора этой статьи в литературе имеются вполне достаточные основания. Это доказывают история раскрытия псевдонима «Ал. Угрюмов» и полемика по этому вопросу.

На принадлежность статьи под этим псевдонимом П. Л. Лаврову впервые указал в 1915 г. библиограф Л. Чижиков в работе: «П. Л. Лавров. Дополнительные материалы для собирания его сочинений» в «Известиях Одесского библиографического общества при Новороссийском университете».

Вслед за Чижиковым, автором этой статьи признал Лаврова и я, поместив ее в 1-м томе его «Избранных сочинений на социально-политические темы в восьми томах», собранных в комментированных мною. (В 1934 г. вышли т. 1—3, в 1935 г.— т. 4; и по этому, к сожалению, незавершенному изданию и будут делаться ссылки на эту статью.)

Во «Введении» к 1-му тому я подчеркнул высказанную в этой статье типичную для Лаврова идею о необходимости соединения научного исследования с практикой жизни, а также мысль о преимуществах истории перед естествознанием. Там же я указал на другую типичную для Лаврова мысль, что «общественная жизнь складывается под влиянием особых законов, вытекающих из социальных свойств человека», и что необходимо изучать «науку о распределении материальных богатств и тесно связанной с ней науки о современном состоянии и об историческом развитии законов, управляющих взаимными отношениями людей». (В том же 1865 г. в лекциях «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии» Лавров также говорил о необходимости и для военных быть знакомыми с вопросами политической экономии).

По поводу этих моих замечаний знаток творчества Лаврова П. Витязев, много лет собиравший его труды и материалы о его жизни, поместил в «Литературной газете» от 10 декабря 1935 г. статью «Литературный скандал с Лавровым», где, совершенно игнорируя приведенные мною доказательства, писал, что «ровно никаких доказательств», подтверждающих авторство Лаврова, я не привел. Что статья «явно не Лаврова», Витязев «доказывал» в пяти пунктах: «Во-первых, под ней стоит подпись — Ал. Угрюмов, Лавров же всегда подписывался — П. Угрюмов. Во-вторых, псевдоним П. Угрюмов появился у Лаврова только в конце 70-х годов. В-третьих, статья была напечатана в «Современнике», в котором Лавров никогда не сотрудничал и редакция которого относилась к нему не совсем доброжелательно. В-четвертых, стиль, язык статьи явно не лавровские; манера автора развивать

свою мысль ни в коей мере не напоминает Лаврова. В-пятых, идей, типичных для Лаврова, в ней почти ни одной».

Разберу эти пять «доказательств» в обратном порядке.

Уже в моем «Введении к 1-му тому» «Избранных сочинений» Лаврова приведен указанный выше ряд идей, выражавшихся Лавровым и в статье «О публицистах-популяризаторах», и в других его сочинениях. К этому можно добавить, что утверждение Ал. Угрюмова о том, что литература должна быть «не только выразительницей, отголоском общественного мнения, но... также критически относиться к явлениям жизни и мысли общества»¹, типична и для Лаврова. Угрюмов указал, что в Западной Европе популяризаторы-специалисты сами участвуют в обогащении наук ценными открытиями², и то же Лавров писал в «Заграничном вестнике» за 1865 г. (№ 3, стр. 564): «Особенная заслуга Бюффона, Араго, Гумбольдта и состоит в том, что они сами были учеными и, кроме того, писателями...» Особенно характерно для Угрюмова и Лаврова наличие «педагогических суждений». Науки естественные, по мнению Угрюмова, как и Лаврова, «должны не только преимущественно, но даже исключительно составлять предмет первоначального образования». Угрюмов признает «нелепостью» утверждение, что для первоначального образования необходимы «так называемые классические знания»³. Эту мысль Лавров проводил и в статье «Идеи о классическом и реальном образовании в Англии нашего времени», опубликованной в 1867 г. в «Вестнике Европы» (№ 9).

Утверждение, что «стиль, язык статьи явно не лавровский, манера автора развивать свою мысль ни в коей мере не напоминает Лаврова», опровергается тем, что у Лаврова были разные «стили» и «манеры» развития мысли даже в одной и той же статье. Его статья «Постепенно» (1863 г.) кончается сказкой о крылатом хане; статья «Кому принадлежит будущее?» (1872 г.) начинается в виде рассказа; живость его стиля в «Корреспонденциях о Коммуне 1871 г.» прямо газетно-репортерская; есть у Лаврова и стихи на социальные темы, в том числе стихотворение «Отречемся от старого мира», которое было рабочим гимном до появления «Интернационала». Но Лаврову присуща была и манера письма несколько отвлеченная и тяжеловатая. Именно в такой манере написаны «Исторические письма» и некоторые страницы статьи «О публицистах-популяризаторах».

Утверждение Витязева, что Лавров никогда не сотрудничал в «Современнике», опровергается несостоятельностью другого утверждения, что в 1865 г. редакция «Современника» относилась к Лаврову недоброжелательно. Таким отношением к Лаврову со

¹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, стр. 135, 140, 141—142.

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 143—145.

стороны «Современника» было лишь весной 1861 г., когда в № 4 журнала Антонович отрицательно отозвался об одной из книг Лаврова. Но с 1864 г. редакция «Современника» проявляла к Лаврову неизменно доброжелательное отношение. Это видно из следующего: в № 2 «Современника» за 1864 г. в отделе «Новые книги» (стр. 235) напечатана одобрительная рецензия на редактировавшийся Лавровым журнал «Заграничный вестник». Во «Внутреннем обозрении» того же номера напечатана пространная (стр. 322—332) защита редактора «Заграничного вестника» против нападок на него в «Русском инвалиде». В № 3 «Современника» за 1864 г. во «Внутреннем обозрении» дан одобрительный отзыв о проекте «Общества женского труда», составленном Лавровым, и на стр. 161—166 напечатан этот проект. Наконец, в № 7 «Современника» за 1865 г. (стр. 120—129) дана обстоятельная положительная рецензия о вышедших отдельным изданием лекциях Лаврова «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии».

Из всего сказанного видно, что «Современник» относился к Лаврову с 1864 г. неизменно положительной, и Лавров об этом, конечно, знал, а потому и послал свою статью в этот журнал.

Что касается указания Витязева на то, что под статьей стоит подпись «Ал. Угрюмов», в то время как Лавров всегда подписывался «П. Угрюмов» и притом только в конце 70-х годов, то об этом нужно сказать следующее. Во-первых, Лавров подписывался иногда и «К. Угрюмов» и в подписях другими псевдонимами также менял иногда инициалы: «П. Кедров» и «Л. Кедров», «П. Миртов» и «Л. Миртов»⁴, во-вторых, можно полагать, что в конце 70-х годов Лавров просто мог забыть о том, что в 1865 г. подписывался «Ал. Угрюмов».

Но Витязев с этим не согласен. Запись от 27 октября 1865 г. в кассовой книге «Современника» (хранится в Ленинградском Пушкинском доме) о выдаче гонорара за эту статью «по записке г. Пыпина» «на счет Жука (Угрюмова)», по мнению Витязева, «окончательно» решает вопрос о принадлежности статьи Жуку. (Кто такой Жук, будет объяснено дальше.) Что это не так, видно из того, что и в 1861 г. за рецензию на книгу В. Пютца по кассовой книге «Современника» гонорар получил М. А. Антонович, а из сохранившейся рукописи этой рецензии видно, что ее написал Чернышевский⁵.

Но редакция «Литературного наследства» согласилась с Витязевым. Это видно из того, что в книге 53—54 «Литературного наследства» на стр. 489 она перепечатала эту запись без всяких оговорок.

⁴ И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов. т. 2—3, стб. 736.

⁵ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 231.

Между тем еще весной 1949 г., по запросу редакции «Литературного наследства», я послал мой ответ Витязеву, в свое время не напечатанный в «Литературной газете». В нем я приводил доказательства того, почему Жук не может считаться автором этой статьи. Приведу их вкратце.

Александр Антонович Жук, студент-юрист Петербургского университета, участвовал в «беспорядках» осенью 1861 г., за что был арестован и находился под арестом с 25 сентября до 7 декабря 1861 г., затем с конца апреля до 10 июня 1862 г. был членом отделения комитета Литературного фонда для помощи учащимся студентам, в котором казначеем был П. Л. Лавров. В 1862—1863 гг. Жук был членом комитета «Земли и воли», конспиративно собиравшегося на квартире полковника П. Л. Лаврова, бывшего, по свидетельству А. А. Слепцова, совещательным членом «Земли и воли»⁶. После самороспуска «Земли и воли» в 1864 г. Жук был помощником Л. Ф. Пантелеева по арендованной им типографии Тиблена⁷.

По воспоминаниям Пантелеева, Жук жил в Петербурге еще и в конце 70-х годов, стал железнодорожным дельцом, мастером по составлению разных записок и ходатайств.

Хотя в архиве царского Министерства путей сообщения формулярного списка А. А. Жука не сохранилось и его имени нет и в списке чиновников ведомства путей сообщения за 70-е и 80-е годы, подтверждение свидетельства Пантелеева о том, что Жук был железнодорожным работником, находим в составленном А. А. Жуком и А. В. Померанцевым втором издании справочника «Свод тарифов Новоторжской железной дороги для грузов прямого и внутреннего сообщения»⁸.

Что интересующий нас Жук не имел отношения к литературе, видно из «Критико-библиографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, где говорится, что «учитель Каменец-Подольской гимназии А. Жук» — автор «Кратких записей по психологии», составленных «по Чистовичу» и изданных в Каменец-Подольске в 1878 г.⁹

Итак, очевидно, что ни учитель гимназии А. Жук из Каменец-Подольска, ни железнодорожник А. А. Жук не могли быть авторами статьи, указавшей Писареву на поверхностность его популяризаторских работ по естествознанию.

После того как Ю. И. Масанову стали известны эти соображения о том, что А. Жук не мог быть автором интересующей нас статьи против Писарева, он не поместил в трехтомном «Словаре псевдонимов» фамилию «Ал. Угрюмов» ни как псевдоним в от-

⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 74.

⁷ Там же, т. 15, стр. 317—326; т. 16, стр. 159.

⁸ Вышел в СПб. в 1878 г. 1-е изд. вышло в 1877 г. анонимно.

⁹ С. А. Венгеров. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, изд. 2-е, т. 1. Пг., 1915, стр. 284.

деле «Псевдонимов русского алфавита», ни среди псевдонимов П. Л. Лаврова: П. Угрюмов, К. Угрюмов, П. Уг-мов, П. Угр-ов, П. У-мов.

По-видимому, в настоящее время и редакция «Литературного наследства» вполне убедилась, что считать автором этой статьи А. А. Жука «нет никаких оснований», как пишет в книге 62 «Литературного наследства» (стр. 624) Б. П. Козьмин. Но он полагает, что так как Жук был близок с Н. И. Утиным по «Земле и воле», то естественно предположить, что эмигрант Утин, не имевший возможности лично получить в конторе «Современника» гонорар, поручил сделать это своему другу А. А. Жуку. Что же касается предположения об авторстве П. Л. Лаврова, то этому предположению противоречит содержание интересующей нас статьи: ее автор признает закономерность общественных явлений, между тем как Лавров, придерживавшийся субъективного метода в социологии, отрицал ее».

Но Б. П. Козьмин не принял в расчет того, что для Утина гораздо естественнее было бы получить гонорар через своего брата Бориса, который 2 февраля 1865 г. вместе с одним из редакторов «Современника», А. Н. Пыпиным, был избран в Комитет Литературного фонда¹⁰. Для переписки с братом и вообще с родными Утин имел «некомпрометированный» адрес, указанный ему Огаревым¹¹. Сношения Утина с Жуком мало вероятны, так как Утин считал комитет «Земли и воли» распущенным еще в ноябре 1863 г.¹² и вряд ли знал, где Жук находится. Напротив, вполне естественным было получить гонорар от «Современника» через Жука Лаврову, уехавшему летом 1865 г. с большой женой на четыре месяца за границу¹³ и перед отъездом поручившему передачу статьи в «Современник» и получение за нее гонорара А. А. Жуку, с которым Лавров хорошо был знаком и как с бывшим членом отделения Литературного фонда для помощи нуждающейся молодежи, и как с членом комитета «Земли и воли», собиравшегося у него на квартире.

Ни юрист Жук и ни филолог Утин, а только профессор Лавров обладал уже в 1865 г. всеми достоинствами автора статьи за подписью «Ал. Угрюмов»: энциклопедичностью образования, педагогическим опытом и специальными познаниями по естествознанию, которые импонировали не только Писареву, но и Парижскому антропологическому обществу, в котором Лавров был членом редакции, и Энгельсу, цитировавшему его в «Диалектике природы»¹⁴.

¹⁰ «XXV лет». Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, стр. 57.

¹¹ «Литературное наследство», т. 62, стр. 626.

¹² Там же, стр. 629—630.

¹³ «Материалы для биографии П. Л. Лаврова», вып. 1. Пг., 1921, стр. 88.

¹⁴ Ф. Энгельс. Диалектика природы, изд. 6-е. М., 1933, стр. 32, 224

В легальной печати до 1865 г. Утину, несомненно, принадлежали только статьи без подписи по истории Палестины, Апокалипсисе, борьбе сект и пр., упомянутые в записках Утина к Лаврову, найденных у последнего при его аресте 25 апреля 1866 г. (о чем упоминает и Козьмин). Лавров же в легальной печати до 1865 г. писал по вопросам философии, логики, этики, классификации наук, общей истории, искусства, техники, литературоведения, педагогики, политики и естествознания¹⁵.

Что касается указания Б. П. Козьмина на то, что автор статьи «О публицистах-популяризаторах» «признает закономерность общественных явлений, между тем как Лавров, придерживавшийся субъективного метода в социологии, отрицал ее», то следует сказать, что автор статьи, как и Лавров, является субъективистом. Он далек от признания «объективного отношения исследователя к предмету исследования». Он считает также, что «возможность этой прославленной объективности подвержена весьма сильному сомнению... Требование невозможной объективности есть предрассудок»¹⁶. Кроме того, он, как и Лавров, противопоставляет естествознание истории. В «Исторических письмах» Лаврова читаем, что «во всех прочих процессах (в природе) исследователь ищет закона, охватывающего явление во всех его повторениях,— только в историческом процессе представляет интерес не закон повторяющегося явления, а совершившееся изменение само по себе»¹⁷. Но и у Угрюмова узнаем, что «естественные силы, в тесном смысле этого слова, видоизменяются, переходят одни в другие, но сумма их в природе остается неизменною; социальные силы, т. е. средства, которыми располагает человек для прогрессивного улучшения своей жизни, тоже видоизменяются, но вместе с тем и возрастают с каждым поколением людей. Всякий продукт отличительных свойств человеческого рода уже становится общественным деятелем в развитии общественной жизни, составляет новый элемент, который, осложняя причины, видоизменяет и следствия, порождает новый ряд явлений, которые еще не подведены под общие законы природы и составляют особый цикл явлений и законов социальной жизни человека»¹⁸.

Угрюмов отличается и эклектизмом, основным пороком Лаврова, отмеченным Энгельсом. Так, Угрюмов признает и объективные закономерности развития. В статье «О публицистах-популяризаторах» выражено желание, чтобы «во всех науках, занимающихся исследованием явлений, составляющих современную социальную жизнь человека», был приложен «естественно-

¹⁵ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, стр. 493—503 (библиография сочинений П. Л. Лаврова с 1852 по 1865 г.).

¹⁶ Там же, стр. 138.

¹⁷ Там же, стр. 181.

¹⁸ Там же, стр. 157.

научный метод», причем сказано, что «мы не доживем до того времени, когда будет только одна наука о естественных явлениях материального мира»¹⁹. Это говорит о том, что Угрюмову не были чужды мысли о закономерности общественных явлений. Но и Лавров в «Заграничном вестнике» за 1864 г. (кн. 2, июнь, стр. 413), имел в виду объективную закономерность общественных явлений, когда писал, что «экономические вопросы всегда составляли самую существенную основу исторических столкновений: господин и раб, помещик и крепостной, собственник и пролетарий, капиталист и поденщик,— все это были различные формы проявления того же самого экономического дуализма, который возбуждал продолжительную борьбу, ряд административных реформ, ряд политических сделок». Здесь Лавров, не называя источника — «Манифест Коммунистической партии», повторял его идею классовой борьбы как постоянного закона социологии. Позднее, в «Исторических письмах» Лавров также писал: «Без ясного понимания экономического процесса производства, обмена и распределения богатств историк никогда не сможет сделать историком народных масс, которые преимущественно подчинены условиям экономического обеспечения»²⁰. Экономическое объяснение либеральных идей Лавров дал в 1875 г. в «Государственном элементе в будущем обществе»²¹.

Еще два обстоятельства лишают убедительности доводы Б. П. Козьмина в пользу того, что интересующая нас статья не принадлежит Лаврову. Б. П. Козьмин игнорирует, что статья подписана псевдонимом «Угрюмов», которым Лавров подписывался неоднократно, и что Утин в № 4—6 «Народного дела» за май 1869 г. (стр. 62), ополчившись против писаревского увлечения естествознанием, писал: «Тогда, помнится, в передовой литературе раздался вопрос некоторых из талантливых публицистов: где же наши естествоиспытатели и где наши историки? Среди поверхностных увлечений то тем, то другим направлением у нас не оказывается ни тех ни других». Это было изложением по памяти риторических вопросов Лаврова в статье «О публицистах-популяризаторах»: «Где наши политико-экономы, серьезно занимающиеся изучением экономического быта страны? Где наши историки, вносящие новые взгляды в изучаемую ими науку? ...Будут ли у нас натуралисты, способные познакомить общество с естественными богатствами России? ...Колебания, быстрые и бесследные переходы от одного предмета к другому показывают, что литература и наука не знают, что нужно обществу, и не умеют удовлетворить его потребности»²². Назвать автора одним из «талантливых публицистов» Утин мог, только говоря о чужой.

¹⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, стр. 137.

²⁰ Там же, стр. 370.

²¹ Там же, т. 4, стр. 248.

²² Там же, т. 1, стр. 156.

и не о своей собственной статье. (Из сопоставления цитат видно, что Утин имел в виду автора статьи в «Современнике» за подписью «Ал. Угрюмов».)

То, что статья «О публицистах-популяризаторах» принадлежит не Утину, доказывает и наличие в ней такой фразы: «Я — сторонник обобщения законов природы и склонен принимать даже такие обобщения, которые далеки еще от строго научного подтверждения, если мне кажется, что они могут связать шаткие основы современного человеческого знания»²³. Этого не мог написать Утин, имевший до 1873 г. только гуманитарное образование, но эта фраза естественна для Лаврова, автора «Механической теории мира», где он обобщил ряд гипотез по этому вопросу.

Все изложенное уже само по себе свидетельствует о принадлежности рассмотренной нами статьи перу Лаврова. Но вот еще факт, который наиболее наглядно разрешает спор в пользу того, что статья «О публицистах-популяризаторах» была написана именно Лавровым и никем другим написана быть не могла. Остановимся на этом важном и еще не известном в литературе о Лаврове обстоятельстве.

Под псевдонимом «Ал. Угрюмов» Лавров собирался в начале 1866 г. издать у Н. П. Полякова сборник статей под общим заглавием «Вопросы жизни». В этот сборник должны были войти статьи Лаврова: «Письма о разных современных вопросах», напечатанные под псевдонимом «Один из многих» в «Общезнаменательном вестнике» (1857, № 1 и 12, 1-е и 3-е «письма») и в «Иллюстрации» (1858, № 39, здесь «письмо» 2-е, не пропущенное цензурой, заменено заглавием «Вредные начала»).

Так как в трех «Письмах о разных современных вопросах» говорилось не только о необходимости новых политических порядков, но и об «образованности» как «гармоническом единстве знаний, чувств и действий», то надо думать, что в сборник должны были также войти статьи Лаврова: «По поводу вопроса о воспитании. Критериум для направления нравственного воспитания» («Отечественные записки», 1857, № 9), «Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей» («Библиотека для чтения», 1858, № 2) и «Экзамены» («Журнал для воспитания» 1858, № 10).

Объявление о подготовляющейся к печати книге Ал. Угрюмова «Вопросы жизни» напечатано в конце 4-й страницы обложки книги Кегле «Социальная система и законы, ею управляющие», изданной Поляковым в 1866 г. Заглавие «Вопросы жизни» было сокращенным изложением заглавия «Письма о разных современных вопросах».

Отсутствие объявления о книге Ал. Угрюмова «Вопросы жизни» на обложке вышедшей в издании Полякова вслед за книгой

²³ Там же, стр. 156

Кетле книги Гонеггера «Очерк литературы и культуры XIX столетия» (на обложке и на 4-й ее странице указаны книги, «находящиеся в продаже, печатающиеся и приготавливаемые к печати») ясно показывает, что сборник статей Ал. Угрюмова «Вопросы жизни» перестал подготавливаться к печати. Арест Лаврова 25 апреля 1866 г. заставил Полякова отказаться от издания этой книги.

Если бы псевдоним «Ал. Угрюмов» принадлежал Утину, то и сборник статей «Вопросы жизни» под псевдонимом «Ал. Угрюмов» тоже принадлежал бы ему. Между тем для подобного сборника у Утина материала не было, а у Лаврова он был.

Известно также, что только Лавров был связан с Поляковым как с издателем.

Выступление Лаврова в «Современнике» под новым псевдонимом в 1865 г. объясняется тем, что в глазах правительства у «Современника» была «неблагонадежная» репутация. Поэтому Лавров будучи военным профессором, мог печататься в «Современнике» только тайно, под чужим именем.

Содержание

Введение

Академик М. В. Нечкина. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)	6
---	---

В. И. Ленин и историческая наука

М. С. Персов. В. И. Ленин об использовании исторического опыта буржуазных революций	28
Е. Н. Городецкий. Первые труды В. И. Ленина по истории Октябрьской революции	47
А. Г. Черных. В. И. Ленин против плехановской концепции социалистической революции в России	66

Историография отдельных крупных проблем

Г. Д. Алексеева. Создание центров советской исторической науки и их деятельность в 1918—1923 гг.	90
Л. В. Иванова. Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918—1929 гг.	117
В. С. Лельчук. Изучение социалистической индустриализации в 1926—1934 гг.	146
А. А. Курносоев. Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов (Историография вопроса)	169
Н. Н. Яковлев. Московское декабрьское восстание 1905 г. в исторической литературе	194
В. А. Дунаевский. История международных отношений нового времени в советской историографии (1917 г.—середина 30-х годов)	221
М. С. Волин. Марксистские листовки начала XX в о крестьянской реформе 1861 г.	234
М. Г. Седов. Советская литература о теоретиках народничества	246
С. М. Каштанов. К историографии крепостного права в России	270
В. М. Тарасова. Происхождение либеральной концепции декабризма	313

Историки и их труды

Е. А. Луцкий. Развитие исторической концепции М. Н. Покровского	334
В. И. Чесноков. В. И. Невский как историк русского революционного движения	371
Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк исторической науки (Русская историография первой половины XIX в.)	397
Г. Б. Кизельштейн. К эволюции историко-политических взглядов Б. Н. Чичерина	429
А. Н. Цамутали. История России в освещении И. А. Худякова	440
И. С. Книжник-Ветров. Кто автор статьи против Писарева в «Современнике» за 1865 год?	459

История и историки
Историография истории СССР

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. З. Иоффе*
Художник *Е. Эрман*
Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 4/XI 1964 г.
Подписано к печати 12/1 1965 г. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 29,5. Уч.-изд. л. 30,9. Тираж 3000 экз. Т-02635.
Изд. № 4205/04 Тип. зак. 1419. Темплан БЗ № 76, 1964

Цена 2 руб.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**Имеются в продаже книги
издательства «Наука»**

Археографический ежегодник за 1963 г.

1964 г. 432 стр. 2 руб. 73 коп.

Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. 1917—1918.

1964 г. 531 стр. 2 руб.

Источниковедение истории советского общества.

1964 г. 376 стр. 1 руб. 45 коп.

Краткая история СССР, ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.

1963 г. 536 стр. 2 руб.

Краткая история СССР, ч. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней.

1964 г. 632 стр. 2 руб.

Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде.

1964 г. 506 стр. 2 руб. 15 коп.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2.

1960 г. 862 стр. 1 руб.

Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.

1964 г. 360 стр. 1 руб. 33 коп.

Советы и союз рабочего класса и крестьянства в Октябрьской революции.

1964 г. 228 стр. 72 коп.

К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма.

1964 г. 244 стр. 77 коп.

Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)

1964 г. 402 стр. 1 руб. 67 коп.

В. П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси.

1964 г. 304 стр. 1 руб. 23 коп.

Книги продаются в магазинах книготоргов и «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: Москва, Центр Б. Черкасский пер., 2/10, магазин «Книга-почтой» конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 8 (магазин № 1); Москва, ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Новосибирск, Красный проспект, 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, 55, Проспект Октября, 129.